This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Soc. 2441 d. 11

= ~~PS. 7~~
U 11.

ЧТЕНІЯ

6266

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ІЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1864.

Не курить

Soc 2441 d. 11

Библиотека ИНМК
Академии Наук
СССР
2799
50

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ.

«Естьли спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы государственныя особы, состоящія подъ властію Монарха и законовъ Евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ Религіи и наставленіе въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ.»

Слова изъ рѣчи Екатерины II, по случаю отобранія церковныхъ имуществъ (см. «Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. за 1862 г., кн. 2, въ смѣси, стр. 187).

СОЧИНЕНІЕ

Геннадія Карпова.

BODLEIAN
P
17 JUL 1957
LIBRARY

СВ. ПЕТРЪ МИТРОПОЛИТЪ.

Въ единомъ отъ мѣстъ страны Волынскія, отъ родителя Христіянина и матери благовѣрныя, родился великій во Святителяхъ, блаженный Петръ, разсказывается въ житіи Митрополита Петра, сочиненномъ однимъ изъ его преемниковъ, Митрополитомъ Кипріаномъ[1]. Вслѣдъ за словами о рожденіи Петра, въ житіи его разсказываются два чуда: одно, случившееся съ матерью Петра, еще до его рожденія, предвѣщавшее будущую славу человѣка, который долженъ отъ нея родиться, а другое уже съ самимъ Петромъ, бывшее во время его малолѣтства. Кромѣ этѣхъ чудесъ, не дающихъ даже средствъ къ предположеніямъ, кто былъ Петръ по происхожденію, житіе ничего не сообщаетъ о дѣтскихъ годахъ Митрополита Петра.

Петръ, имѣя только 12 лѣтъ отъ рожденія, отошелъ въ пустыню и поступилъ въ одинъ изъ находящихся въ ней монастырей, и тамъ отъ Игумена былъ постриженъ. Съ постриженіемъ Петра начались его иноческіе подвиги: онъ находился въ глубокомъ послушничествѣ у своего духовнаго отца; кромѣ того, принималъ на себя всевозможные труды: носилъ воду въ поварню, мылъ для братіи власяницы. Въ подобныхъ трудахъ его не останавливало ничто: онъ работалъ лѣто и зиму, и въ тоже время исполнялъ въ точности и даже съ большимъ прилежаніемъ, чѣмъ другіе монахи, всѣ правила монастырской жизни. Въ те-

[1] Ст. Кн. Ч. I, стр. 410 — 424.

ченіи времени, не уставая въ трудахъ и служеніи братіи, онъ сподобился Діаконскаго, а потомъ Пресвитерскаго сана. Пребывая въ этомъ монастырѣ, Петръ занялся иконною живописью; написанныя иконы онъ отдавалъ своему наставнику, а тотъ уже раздавалъ братіи и приходящимъ.

Изучивши и пройдя всѣ степени иноческихъ подвиговъ, Петръ, по благословенію и повелѣнію наставника своего, вышелъ изъ монастыря, въ которомъ сначала жилъ, и для большихъ подвиговъ удалился въ пустыню и тамъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на рѣкѣ Ратѣ, въ Галиціи, въ Жолковскомъ уѣздѣ[2] устроилъ себѣ жилище. Сюда къ нему стали сбираться ученики. Сдѣлавшись по этому наставникомъ и начальникомъ собравшейся къ нему братіи, Петръ съ кротостію заставлялъ ихъ исполнять свои обязанности; въ монастырь же принималъ нищихъ, кормилъ ихъ, отдавалъ имъ все, что имѣлъ; не могши отказать нищему, когда не имѣлъ что ему дать, то отдавалъ свою власяницу, или икону, имъ написанную. Такіе иноческіе подвиги не могли укрыться: всѣ, слышавшіе о Петрѣ, шли въ его монастырь молиться съ нимъ и посмотрѣть на святаго подвижника: «славимъ былъ дивный сей человѣкъ, и всѣ слову и ученію его внимали», говоритъ авторъ житія Святителя Петра. Когда Митрополитъ Максимъ, во время объѣздовъ своей обширной Митрополіи, прибылъ на Волынь, Игуменъ Петръ съ своею братіею явился къ нему и поднесъ образъ Богородицы, имъ самимъ написанный. Митрополитъ Максимъ благословилъ братію и образъ Богородицы принялъ съ великою радостію. Такъ текла жизнь Петра до самой смерти Митрополита Максима.

Послѣ смерти Митрополита Максима, въ продолженіи значительнаго времени, не было въ Россіи Митрополита. Въ житіи Митрополита Петра разсказывается, что, по смерти Максима, нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ восхитить для себя Святительскій санъ: захватилъ Святительскую утварь, одежды, пастырскій жезлъ и, взявъ съ собою церковныхъ сановниковъ, отправился въ Константинополь. Можно предполагать, что Геронтій это

---

[2] Ист. Рус. Цер. Ч. 2, стран. 154, изд. 2.

сдѣлалъ при помощи и покровительствѣ кого нибудь изъ Сѣверныхъ Русскихъ Князей, да и самъ, должно быть, былъ изъ Игуменовъ монастырей Сѣверной Россіи [3] Вѣроятнѣе всего, что Геронтію помогалъ въ этомъ дѣлѣ Тверской Князь Михаилъ Ярославичь, бывшій въ это время Великимъ Княземъ. Впрочемъ въ житіи Митрополита Петра сказано: Геронтій сдѣлалъ это «своеумiемъ» и никто ему этого не возбранялъ; но могъ ли Геронтій самъ принудить ити за собою церковныхъ сановниковъ и безнаказанно захватить принадлежности Митрополичьяго сана? Такой поступокъ Геронтія возбудилъ всеобщее неудовольствіе и когда извѣстіе о немъ достигло Волыни, то и тамъ всѣ на это негодовали. У Галицкаго Князя, по этому случаю, проявилась мысль превратить Галицкую Епископію въ Митрополію, мысль, которую авторъ житія, Митрополитъ Кипріанъ, называетъ «неблагою». [4] Дѣло ли Геронтія, или, что вѣроятнѣе, просто вообще желаніе имѣть для своихъ владѣній отдѣльнаго Митрополита отъ Всероссійскаго, теперь почти не жившаго на Югѣ Россіи, побудило Юрія Львовича обратиться съ предложеніемъ къ Игумену Петру, какъ къ человѣку, котораго указывало всеобщее уваженіе за его святую жизнь, отправиться въ Константинополь и поставиться тамъ въ Митрополиты. Вслѣдствіе ли того, что Князь предлагалъ Петру поставиться въ отдѣльные Митрополиты Галицкіе, или вслѣдствіе чего либо другаго, но Петръ отказывался отъ предложенія, и только послѣ многихъ просьбъ наконецъ согласился. Послѣ того, какъ далъ онъ на предложеніе свое согласіе, Князь отправилъ его въ Константинополь, вмѣстѣ съ посломъ и письмами къ Патріарху. Когда Петръ пріѣхалъ въ Константинополь, то былъ радушно принятъ Патріархомъ и по избраніи собора Митрополитовъ, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Россіи. Геронтій, остановленный на Черномъ морѣ бурею, не могъ пріѣхать въ Константинополь ранѣе Петра; а когда онъ пріѣхалъ, то Патріархъ ото-

[3] Въ исторіи древняго Галицкаго Княжества соч. Дениса Зубрицкаго * сказано: «Геронтій, вѣроятно покровительствуемый или Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, или Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ, исполнялъ уже три года Митрополитскую должность». — Откуда послѣдніе извѣстіе взято?

[4] См. о Галицкой Митрополіи въ концѣ.

* Ч. 3, стр. 256 и 257.

бралъ у него всѣ принадлежности Святительскаго сана и Митрополичьихъ сановниковъ, передалъ все это Петру и высказалъ Геронтію, по правиламъ Святыхъ отцовъ какъ должны избираться Святители, равно какъ и то, что онъ, Геронтій, совершенно недостоинъ такого сана, какъ посягнувшій на него самовольно, до избранія соборомъ. Петра же Патріархъ, послѣ нѣкотораго времени, въ продолженіи которато онъ преподавалъ поученія и бесѣдовалъ съ нимъ о душеполезномъ, отпустилъ въ Россію.

Поставленіемъ Петра въ Митрополиты всея Россіи не осуществилась, на этотъ разъ, мысль Галицкаго Князя имѣть отдѣльнаго Митрополита для своихъ владѣній. Петръ же изъ Константинополя, отправившись въ Россію, остановился сначала въ прежней столицѣ Русскихъ Митрополитовъ, въ Кіевѣ, но въ слѣдующемъ же послѣ этого году окончательно оставилъ Югъ Россіи и переселился на Сѣверъ, во Владиміръ на Клязьмѣ. Послѣднее дѣло совершено было имъ по примѣру своихъ предшественниковъ: Митрополитъ Кириллъ жилъ больше на Сѣверѣ Россіи и умеръ тамъ; Максимъ въ концѣ своей жизни перенесъ и самую Митрополію во Владиміръ, Петръ же послѣдовалъ ихъ примѣру вскорѣ за тѣмъ, какъ получилъ посвященіе въ санъ Митрополита. Такимъ образомъ мы видимъ, что переселеніе Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи совершается постепенно, и теперь мѣстомъ пребыванія ихъ сдѣлался Владиміръ, видимый центръ Сѣверной Россіи, гдѣ сосредоточивалась жизнь Русскаго народа; но удобно ли было жить Митрополитамъ во Владимірѣ, это окончательно рѣшилъ самъ Митрополитъ Петръ.

Пріѣхавъ во Владиміръ, Петръ сначала долженъ былъ удовлетворять нуждамъ Церкви; политическая же роль его была та же теперь, какъ и его предшественниковъ и другихъ членовъ духовенства, т. е. въ отношеніяхъ между Князьями онъ могъ мѣшаться какъ примиритель въ ссорахъ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1310 годомъ, разсказывается, что во время своего пребыванія въ Брянскѣ, Митрополитъ уговаривалъ Брянскаго Князя Святослава прекратить ссоры съ племянникомъ его Василіемъ: подѣлиться Княженіемъ, или бѣжать отъ князя Василія, пришедшаго съ Татарскою ратью, и оставить ему все; Князь Святославъ не послушалъ Святителя, вступилъ въ битву съ врагами и былъ

убитъ; Митрополитъ спасся отъ Татарской рати, затворившись въ церкви.[5] Подъ слѣдующимъ за тѣмъ годомъ, въ лѣтописи разсказывается другое подобное событіе: Митрополитъ Петръ остановилъ Тверскаго Княжича Дмитрія Михайловича во Владимірѣ, когда тотъ шелъ съ большимъ войскомъ на Князя Юрія Даниловича; Дмитрій Михайловичъ, простоявъ во Владимірѣ три недѣли, не пошелъ далѣе и сталъ просить разрѣшенія себѣ у Митрополита.[6] Кромѣ этѣхъ двухъ дѣлъ, мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы Митрополитъ принималъ участіе въ отношеніяхъ между Князьями, и борьба Москвы съ Тверью, повидимому, шла безъ его участія. Но нельзя изъ всего этого заключить, чтобы онъ относился къ дѣламъ, совершавшимся при немъ въ Россіи, безъ всякаго сочувствія. Соборъ въ Переяславлѣ, бывшій при немъ, а главное то, что онъ предъ своею смертію перенесъ Митрополичій столъ въ Москву, и изъ словъ, которыя онъ сказалъ по этому случаю, видно, какъ онъ смотрѣлъ на дѣла Князей.

Для того, чтобы объяснить побуждающія причины, заставившія Святителя совершить главное его дѣло, т. е. переѣздъ въ Москву, а не въ другой городъ, мы должны посмотрѣть на его характеръ и тѣ отношенія, въ которыхъ онъ находился лично, и на положеніе Церкви въ Россіи при немъ, и наконецъ на самый характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи.

Познаніе характера такого человѣка, какъ Митрополитъ Петръ, о которомъ дошло такъ мало извѣстій, представляетъ затрудненіе; конечно, мы имѣемъ житіе его, написанное съ особенною цѣлью Митрополитомъ Кипріаномъ, и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія; но объ обстоятельствахъ его жизни здѣсь находится не много свѣдѣній; для объясненія характера его мы главное имѣемъ дошедшее до насъ поученіе, обращенное къ игуменамъ, попамъ и дьяконамъ.[7] Оно проникнуто идеей любви Хри-

---

[5] Это событіе относятъ къ тому времени, когда Митрополитъ Петръ ѣхалъ изъ Кіева, на другой годъ послѣ своего поставленія, т. е. къ 1309.; см. Ист. Рос. т. 4., стр. 298 изд. 2.

[6] Это мѣсто не ясно въ лѣтописи, см. объ этомъ Ист. Рос. т. 3., стр. 272 и пр. 372.

[7] Помѣщено въ прибл. къ Тв. Св. От. за 1844 г., стр. 85 — 90 въ статьѣ о

стіянской, но не блеститъ краснорѣчіемъ, какимъ отличаются слова нѣкоторыхъ пастырей Русской Церкви до Татарскаго времени. Смыслъ поученія его заключается въ слѣдующемъ: «Дѣти, поймите, въ какой вы чинъ поставлены. Вы, дѣти, называетесь стражами церковными и пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ Свою кровь. Такъ будьте же истинными пастырями, а не наемниками, которые только молоко съѣдаютъ и волну снимаютъ, а объ овцахъ не заботятся. Вы же, дѣти, вслѣдъ тѣхъ не йдите, а старайтесь уподобиться истинному пастырю-Христу, какъ Тотъ сказалъ въ Своемъ Евангеліи: «Я пастырь добрый, и душу Свою полагаю за овцы». Будьте, дѣти, образцомъ стаду своему по Спасову слову, сказанному имъ Своимъ Апостоламъ: «Вы есте свѣтъ міру, вы есть соль земли, да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣками, и они, видя ваши добрыя дѣла, прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесехъ». По этому вамъ слѣдуетъ просвѣтиться этѣми дѣлами, кротостію, смиреніемъ и такъ же соблюденіемъ себя отъ тѣхъ дѣлъ, которыми міръ соблазняется. Вы, дѣти, откиньте все душегубное: гнѣвъ, ярость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу, и кощунныя бесѣды. Дѣти, будьте какъ маслина плодовитая, приносите духовные плоды — святость. Читайте, дѣти, книги и поученія день и ночь. Такъ какъ, дѣти, имя ваше священство, пусть и дѣла ваши будутъ соотвѣтствовать вашему имени. Если, дѣти, будете себя такъ вести, тогда можете и другихъ научить. Такъ позаботьтесь, Бога ради, жить въ страхѣ Божіемъ и упасти себя и свое стадо. По этому-то понуждаю васъ на дѣло святое, по тому что моя обязанность напоминать и писать вамъ душеполезное и спасительное. За симъ, дѣти, молю васъ помолиться о моемъ недостоинствѣ и о моей худости. Да сподобитъ насъ Богъ безъ вреда освободиться отъ сей суетной жизни и получить вѣчное блаженство. Наконецъ прославимъ безначальнаго Отца, Единороднаго Его Сына и Святаго Духа; и такъ да прославляется Пресвятое имя Божіе вѣрными человѣками, и этою Божественною силою избавимся отъ враговъ видимыхъ и невиди-

---

Митр. Петрѣ; о другихъ приписываемыхъ Митр. Петру сочиненіяхъ, см. тамъ же, стр. 84, прим. С, и въ обзорѣ Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Запис. 2 отд. Акад. Наукъ кн. 3, подъ № 65.

мыхъ, въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Аминь». Совѣтъ членамъ духовенства вести себя, какъ указываетъ вѣчная истина, изложенная въ Евангеліи: безконечная любовь къ ближнимъ и вѣра въ Бога, а съ ними только и считалъ возможнымъ Святитель избавиться отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Изъ этого поученія виденъ кроткій, незлобивый, любящій характеръ поучающаго, исполняющаго свою обязанность, учить съ раченіемъ. А какъ онъ исполнялъ эту обязанность, то это можемъ видѣть изъ житія его. Тамъ, при описаніи его кончины, говорится, что Митрополитъ Петръ передъ своею смертію призвалъ къ себѣ весь причетъ церковный и довольно ихъ поучалъ, по тому что имѣлъ обычай поучать всѣхъ, приходящихъ къ нему. Кромѣ того у него была и другая, рѣзко выдававшаяся добродѣтель, — благотворительность, выражавшаяся въ постоянной раздачѣ милостыни всѣмъ нуждающимся и бѣднымъ. [8]

Если въ поученіи довольно ясно выражается кроткій характеръ Митрополита Петра, то теперь обратимся къ другому случаю его жизни, а именно къ собору въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. [9] Черезъ нѣкоторое время по прибытіи на Сѣверъ Россіи Петра Митрополита, Епископъ Тверской Андрей [10] сталъ распускать дурные слухи про Митрополита и свои «ложныя и хульныя» слова переслалъ къ Патріарху Константинопольскій Патріархъ, по этому случаю, прислалъ въ Россію своего клирика съ письмомъ къ Митрополиту, совѣтуя ему очиститься, если онъ виноватъ. Эти дурные разсказы, пускаемые въ ходъ Тверскимъ Епископомъ, еще до письма Патріарха, дошли до Митрополита Петра; но онъ, увѣренный въ своей правотѣ, оставался спокоенъ, и какъ только пришло письмо отъ Патріарха, то созвалъ соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; это было въ 1313 году. На соборъ, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и Андрей, Епископъ Тверской.

---

[8] Ст. кн. ч. 1 стр. 420.

[9] Ст. кн. ч. 1, стр. 418; Татищевъ ч. 4, стр. 92 — 93; а почему такъ исторія собора здѣсь изложена см. въ концѣ о соборѣ Переяславскомъ.

[10] Епископъ Андрей былъ родомъ изъ Литовскихъ Князей, поставленный во Епископы въ 1389 г. Ист. Р. Іер. ч. 1, стр. 274, изд. 2; Рус. Св. чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черн., Февраль, стр. 6, прим. 2.

На этомъ же соборѣ было обсуждаемо, въ связи съ вышеизложеннымъ, и дѣло еретика Сеита, Новгородскаго протопопа, учившаго противно Церкви Православной. Сеитъ говорилъ, что рай на землѣ погибъ, и ругалъ монашескій чинъ; къ нему присоединились многіе изъ причта церковнаго и изъ иноковъ, которые, подъ вліяніемъ его, оставили монашество и оженились. Епископъ Тверской былъ согласенъ съ его мнѣніями,[11] принявши его ученіе по легкомыслію. Въ житіи Митрополита Петра объ Епископѣ Тверскомъ говорится, въ подтвержденіе послѣдняго, что онъ былъ «легка убо суща умомъ, легчайше-же и разумомъ». На этотъ соборъ съѣхались многіе Князья, въ томъ числѣ были Тверскіе Дмитрій и Александръ Михайловичи, былъ тутъ и Иванъ Даниловичъ Московскій, а Великаго Князя Михаила Ярославича не было, по тому что онъ находился въ это время въ Ордѣ.

Когда открыли соборъ и Патріаршій клирикъ прочелъ письмо Патріарха, содержащее обвиненія на Митрополита, то тогда произошло сильное волненіе между присутствовавшими «о лживомъ и льстивомъ оклеветаніи». Святитель Петръ, чтобы утишить волненіе, сказалъ: «Братія и чада о Христѣ возлюбленная, не лучше я пророка Іоны, и если ради меня это великое волненіе, то иждените меня, да утишится молва отъ васъ; къ чему ради меня такое движеніе.» Послѣ этѣхъ словъ у всѣхъ присутствовавшихъ явилось желаніе узнать клеветника, и когда отрылось, что это Епископъ Андрей, то онъ предъ всѣми былъ посрамленъ и униженъ; Святитель же Петръ сказалъ ему только слова любви: «миръ ти, о Христѣ чадо, не ты сіе сотворилъ, но изначала завидующій роду человѣческому дьяволъ; ты же отнынѣ соблюдайся, мимошедшее же отпуститъ тебѣ Господь». Потомъ Митрополитъ Петръ преодолѣлъ Сеита, съ помощію Ивана Даниловича; на Андрея же, какъ на послѣдователя Сеита, не обращено вниманіе, или по тому, можетъ быть, что онъ по легкомыслію своему не былъ особенно жаркимъ его послѣдователемъ, а былъ его ученіемъ зараженъ, какъ новостію, или, что важнѣе, принято во вниманіе, что тутъ находились Тверскіе Князья, которые представлялись, нѣкоторымъ образомъ, его защитниками, осо-

[11] Тат.

бенно если относительно Сеита помощникомъ Митрополита Петра явился Иванъ Даниловичъ Московскій.

Объ этомъ соборѣ дошли до насъ извѣстія краткія и притомъ еще довольно спутанныя, и по этому, относительно Московскаго и Тверскихъ Князей, я принимаю во вниманіе и другія ихъ политическія отношенія, тѣмъ болѣе, что извѣстія о соборѣ даютъ этому намеки.

По окончаніи этого собора, Митрополитъ Петръ, Князей, весь причетъ и народъ поучивъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Сдѣсь замѣчу, для объясненія клеветъ Епископа Андрея слѣдующее: выше сказано, что Геронтій въ своихъ дѣлахъ, относительно желанія сдѣлаться Митрополитомъ, не могъ это сдѣлать одинъ и ему нуженъ былъ сильный покровитель, такой, какимъ былъ Великій Князь, который могъ самъ желать, чтобы занялъ праздный Митрополичій престолъ человѣкъ, обязанный дѣйствовать въ его пользу. Не было ли какой связи между Геронтіемъ и Епископомъ Андреемъ? Не удовлетворенное честолюбіе Геронтія не перешло ли къ Епископу Андрею? Соперничество Княжескихъ семей очень легко могло передаться къ людямъ, близко ихъ окружавшимъ, и они въ своей сферѣ дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и ихъ Князья. Митрополитъ Петръ, который по своему положенію долженъ былъ быть человѣкомъ нейтральнымъ, подобными поступками, въ которыхъ онъ даже не имѣлъ средствъ дать сильный матеріяльный отпоръ, затягивался въ отношенія политическія, и особенно, если, съ одной стороны, встрѣчалъ вражду, а съ другой заискиваніе и угожденіе. Переѣздъ его въ Москву не могъ совершиться по личной его прихоти: всѣ совершившіяся прежде и кругомъ его совершавшіяся событія направляли такъ же и его поступки; дѣло Епископа Андрея могло служить только толчкомъ для Митрополита Петра въ его любви къ Московскому Князю. На сколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея Епископа Андрея, мы опредѣлить не можемъ; но мы не должны опускать этого обстоятельства изъ вниманія». [12]

---

[12] Ист. Рос. т. 4, стр. 299.

Теперь обратимся къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находился Митрополитъ Петръ, какъ начальникъ Русской Церкви, къ Русскому обществу. Начну съ отношеній по поводу покровительства завоевателей Россіи вообще къ Церкви. Монголы отличались полнѣйшею вѣротерпимостію, происходившею вслѣдствіе отсутствія всякой религіи у нихъ; а отсюда вмѣстѣ съ вѣротерпимостію являлось у нихъ безпредѣльное суевѣріе.[13] Лѣтописи наши говорятъ, что во время переписей, дѣлаемыхъ Монголами въ завоеванной ими Россіи, они все пересчитывали, исключая только лицъ духовнаго званія и вообще всѣхъ тѣхъ, кои служатъ Божіимъ церквамъ. Имущества духовенства были освобождены отъ всякихъ даней въ пользу Хана и подданнымъ его запрещалось что либо трогать принадлежащее церкви. Лица духовнаго званія почти не имѣли никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Ханамъ. Послѣдними постоянно, при восшествіи на престолъ, подтверждались всѣ права духовенства, и потому Митрополитамъ, какъ начальникамъ Русской Церкви, нужно было иногда ѣздить въ Орду для полученія ярлыковъ. Митрополитъ Петръ, такъ же какъ и другіе, ѣздилъ въ Орду; подъ 1313 годомъ въ лѣтописи говорится, что Князь Великій Михаилъ Ярославичъ и съ нимъ Митрополитъ Петръ пошли въ Орду, по тому что въ Ордѣ Ханъ Узбекъ сѣлъ, и все обновилось, и всѣ приходили въ Орду и ярлыки брали, каждый на свое имя. Митрополитъ Петръ былъ въ Ордѣ у Хана въ великой чести, и отпущенъ былъ отъ Хана со многою честію и управою на Русь, и всѣ Православные Христіяне встрѣчали его по этому со многою радостію. Отъ Узбека Митрополитъ Петръ получилъ ярлыкъ, въ которомъ подтверждались права, принадлежащія Церкви и духовенству. Этотъ ярлыкъ есть распространеніе ярлыка Менгу-Темирова, древнѣйшаго, который до насъ дошелъ.[14] Вотъ содержаніе ярлыка, даннаго Митрополиту Петру: во 1-хъ, признавая полную свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность всего

---

[13] Это выводъ изслѣдованія г. Григорьева въ его соч. О дост. хан. ярлыковъ М. 1842 г., стр. 32.

[14] Ярлыкъ, данный Митрополиту Петру, у Григорьева, О дос. хан. ярл., стр. 112—118; С. Г. Г. и Д. т. 2 N 7.

церковнаго, Ханъ приказываетъ своимъ чиновникамъ и вообще всѣмъ своимъ подданнымъ высокимъ и нижнимъ, чтобы они не трогали ничего Митрополичьяго и церковнаго. [15] Во 2-хъ, въ ярлыкѣ пересчитываются люди и все имущество церковное и все то, что не должно трогать чиновникамъ и подданнымъ Хана; при томъ запрещается всѣмъ, кромѣ того, что не трогать, но даже и осуждать что-либо церковное. [16] Въ 3-хъ, признавъ все церковное неприкосновеннымъ, ярлыкъ освобождаетъ всѣхъ членовъ духовенства и всѣхъ лицъ, чѣмъ либо служащихъ церкви, отъ податей и повинностей. [17] При этомъ, въ ярлыкѣ опредѣляется

---

[15] Всѣмъ нашимъ княземъ великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и дорогамъ славнымъ и Польскимъ княземъ высокимъ и нижнимъ, и княжникомъ, уставодержательнымъ, и учительнымъ людскимъ и вѣстникомъ и собирателемъ и баскакомъ, и посломъ нашимъ и гонцомъ, и данщикомъ, и писцомъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра.... А намъ въ то вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ княземъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ.

[16] Да никто же обидитъ.... и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей.... Да не вступаются въ церковное и Митрополичье никто же, занеже то Божіе все суть.... да не вступаются никто же, ни въ чемъ, въ церковныя и въ Митрополичьи, ни въ волости ихъ и въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни улусы ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища, ни въ стада конныя, ни во всякія скотскія стада.... А поѣдутъ наши баскаки, и таможники, данщики, поборщики, писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви Митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ: архимандриты, и игумены и попы, и вся причты церковные, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ.» Потомъ еще перечисляются кромѣ духовныхъ лицъ и всѣ мастеровые и ремесленные люди, всѣхъ ихъ не должно трогать. «А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ ни въ чемъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ.»

[17] Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли,

ясно: кого именно должно считать избавленнымъ отъ податей, и предоставляется Митрополиту право, кого онъ захочетъ, по своей мысли, включить въ число этѣхъ привилегированныхъ лицъ.[18] Въ 4-хъ, ярлыкъ признаетъ зависимость всѣхъ церковныхъ лицъ и имуществъ отъ Митрополита, по этому предоставляется ему право, всѣхъ лицъ подчиненныхъ Церкви судить независимо, во всѣхъ дѣлахъ, по своимъ законамъ и по законамъ прежнихъ царей; запрещается всѣмъ вступаться въ это право, и приказывается лицамъ, подчиненнымъ Митрополиту, слушаться его суда или суда того, кому онъ прикажетъ судить.[19] Въ 5-хъ, ярлыкомъ постановляется, что, за нарушеніе всѣхъ вышеизложенныхъ правъ, будутъ на нарушителя, кромѣ гнѣва Божія, и отъ Хана самыя строгія наказанія и даже смертная казнь.[20] Въ 6-хъ, послѣ всего вышеизложеннаго, ярлыкъ

ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли какая ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восходимъ воевати, а отъ соборныя и отъ Петра Митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его причта.

[18] А что попы и дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ, и во единомъ дому живутъ, у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье; ожъ кто будетъ отъ нихъ не вступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отымается, но дастъ дань.

[19] Вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ... да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ.... А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотъ и дефтеремъ.

[20] ....а кто вступится и нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, а гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная.... а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ.... а что возмутъ. и они от-

требуетъ только одного отъ Митрополита и отъ всего духовенства, чтобы они молились Богу за Хана, его семейство и воинство его, для того и дается этотъ ярлыкъ, чтобы Митрополитъ и духовенство Русское жили безъ всякихъ притѣсненій и въ тишинѣ молили Бога. Если же они не будутъ Бога молить правымъ сердцемъ, то это должно лежать на ихъ совѣсти, и пусть они примутъ наказаніе отъ Бога.[21] Наконецъ въ 7-хъ, высказывается причина пожалованія ярлыка и изложенныхъ въ немъ льготъ въ пользу духовенства, та, что ярлыкъ дается, по примѣру прежде данныхъ, отъ бывшихъ Хановъ, ярлыковъ.[22]

Въ этѣхъ правахъ ясно выражается весь характеръ отношеній Татаръ къ духовенству Русскому и его начальному человѣку, Митрополиту. Монголы, которые, по выраженію Плано Карпини, «въ Сарацинской землѣ и въ другихъ, гдѣ они владѣютъ какъ будто у себя, берутъ всѣхъ лучшихъ ремесленниковъ и заставляютъ ихъ работать на себя»[23] льготами, пожалованными духовенству Русскому, дали средства къ развитію ихъ имуществен-

---

дадутъ назадъ третицею, аще будетъ взяли за нужду велпкую; а отъ насъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ.... а кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію.... А кто вступится въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничимъ же и умретъ злою казнью.

[21] Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя...., тѣ бо (духовенство) за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ.... Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ.

[22] И мы бо такоже управляемъ и жалуемъ якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы потомужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ;.... и мы, Богу моляся, по первымъ же царей грамотамъ, грамоты имъ давали и жалованныя, а не изыначивали ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя и наше слово уставило.

[23] Соб. Пут. къ Тат. изд. Языковымъ С.-Петерб. 1826 г., стр. 193.

ныхъ правъ, и въ тоже время, ограждая лица и имущества духовенства, ставили въ болѣе лучшее положеніе, чѣмъ остальныхъ Русскихъ въ отношеніи къ завоевателямъ.

Но здѣсь должно сказать о томъ, по какому случаю ѣздилъ Митрополитъ Петръ въ Орду. Въ предисловіи къ ярлыкамъ сказано, что Митрополитъ Петръ отправился въ Орду, кромѣ той причины, что воцарился новый Ханъ, и для подтвержденія отъ него правъ духовенства, главное обиды ради, отъ лукавыхъ человѣкъ, церковныхъ: судовъ, управленій, пошлинъ, уроковъ, даней, имѣній и всѣхъ стяжаній причта церковнаго и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Ханъ отпустилъ Митрополита со многою честію и управою. Это, кажется, показываетъ положеніе Церкви и ея имуществъ въ Россіи въ то время, когда почти никакое право не уважалось, кромѣ права силы; не стѣснялись видно и въ нарушеніи церковныхъ правъ, хотя существовали уставы церковные и ярлыки прежнихъ Хановъ, въ которыхъ точно такъ же ограждались права Церкви. Митрополитъ Петръ думалъ защищать обижаемую отъ всѣхъ Церковь, и съ этою цѣлію добывалъ, какъ и его предшественники, ярлыкъ отъ Хана; [24] но могъ ли онъ надѣяться, что теперь, послѣ того, какъ его оправили и подтвердили права его и Церкви, не будетъ дальнѣйшихъ правонарушеній и обидъ. Да притомъ онъ, Митрополитъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся власть въ Русской Церкви, могъ ли постояннно, когда произойдетъ отъ кого либо обида Церкви, обращаться за защитой въ Орду къ Хану, по тому что самъ не имѣетъ матеріяльной силы защитить Церковь; духовная же его власть, безъ сильной опоры въ Россіи и въ Константинополѣ, на врядъ ли тогда могла имѣть особенное значеніе и силу.

Хотя мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о состояніи и объемѣ имуществъ духовенства во времена Митрополита Петра, но из-

---

[24] Этѣ хлопоты Митрополитовъ о защитѣ правъ всѣми обижаемой Церкви, хлопоты, вынужденные необходимостію, такъ же называютъ: «испрашиваніемъ милостей и покровительства сильныхъ нехристей» (!) въ противуположность Новогородскимъ владыкамъ, не добивавшимся ихъ. Свв. Рус. Народоправства. Н. Костомарова т. 2, стр. 268.

вѣстно то, что въ этѣ времена имущества духовенства, избавленныя отъ всякихъ даней, въ отношеніи къ Ханамъ и пользовавшіяся такими важными правами по ярлыкамъ, значительно увеличивались. При довольно низкомъ состояніи общественной нравственности, сильныя лица въ Россіи позволяли себѣ въ продолженіи своей жизни дѣлать много такого, что часто безпокоило ихъ совѣсть, а особенно въ смертный часъ; отсюда явилась масса вкладовъ церквамъ и монастырямъ, на поминовеніе души; обычай отдавать часть имущества на поминовеніе души обратился даже въ правило, которое всѣ избѣгали нарушать. Кромѣ того, «вклады наиболѣе умножались во время междуусобія Князей и при властительствѣ Татаръ отъ многихъ отяготительныхъ вотчинникамъ налоговъ и взысканій со стороны тѣхъ и другихъ.» [25] Эта постоянно увеличивающаяся масса имуществъ, которая при томъ могла только увеличиваться, по тому что духовенство въ сущности не имѣло права ихъ отчуждать, имѣла въ себѣ для Россіи, въ то время, много полезнаго, какъ по тому, что часть Россіи не несла дани къ Ханамъ, такъ и по тому, что, находясь въ лучшемъ положеніи, этѣ имущества могли служить помощію для народа при тягостяхъ дани, ибо церковныя имущества дѣйствительно принимали на себя часть ея. Обладаніе недвижимыми имуществами духовенствомъ и кромѣ всего этого приносило много и другаго полезнаго: имущества этѣ уже прямо назначались какъ на содержаніе духовенства, которое безъ нихъ въ то время совершенно не могло бы существовать, такъ и на помощь массы бѣдныхъ; въ хозяйственномъ же отношеніи такое право духовенства было тоже полезно: такъ напр. духовенству не всегда жертвовались заселенныя земли, но часто пустыни, которыя новые владѣльцы разчищали, призывали людей для заселенія и такимъ образомъ обращали пустыни въ заселенныя мѣста. Митрополитъ Русской былъ такъ же въ числѣ владѣльцевъ и обладалъ значительными имѣніями, а какъ глава Русской Церкви, отъ него зависѣло во многомъ распоряженіе всѣми имѣніями Церкви и къ нему духовенство обращалось по всѣмъ дѣламъ. Самое управленіе этѣми имуществами походило болѣе на управленіе го-

[25] Ист. Рос. Іер. ч. 2, стр. XV, М. 1810 г.

родами и областями, чѣмъ на управленіе имѣніями частныхъ владѣльцевъ. [26] Такимъ образомъ Церковь сама по себѣ съ своими имуществами представлялась, такъ сказать, отдѣльнымъ княжествомъ, въ числѣ другихъ Княжествъ, имѣвшимъ свои собственные интересы. Перечетъ имуществъ въ ярлыкахъ показываетъ значительный ихъ объемъ. Но эти имущества, пожертвованныя Церкви Князьями и другими лицами, избавленныя отъ податей Ханами, однако не были безопасны отъ раззореній не только во время войны, но Князья въ своихъ княжествахъ, во время нужды въ деньгахъ, или даже изъ корыстолюбія, очень естественно могли смотрѣть съ завистью на значительныя и процвѣтающія, относительно, имущества духовенства; въ такихъ случаяхъ у Князей могло явиться желаніе попользоваться, и кромѣ помощи, незаконно, отъ этѣхъ имуществъ. Особенно въ Новгородѣ, при происходившихъ въ немъ волненіяхъ, часто нарушалось спокойное владѣніе духовенства имуществами и даже, въ настоящее время, въ Новгородѣ появилось ученіе, возставшее противъ монашества и, слѣдовательно, очень легко оно могло касаться, въ связи съ монашествомъ, и имуществъ ему принадлежащихъ: я говорю объ Сектѣ; [27] хотя нельзя положительно сказать, на сколько оно могло относиться къ имуществамъ духовенства. Но во всякомъ случаѣ права духовенства, какъ собственника значительныхъ недвижимыхъ имуществъ, раскиданныхъ во всѣхъ Русскихъ Княжествахъ и не имѣющаго крѣпкой опоры въ свѣтской власти, могли подвергаться различнымъ обидамъ; чему доказательствомъ служитъ значительный перечетъ обидъ «отъ лукавыхъ человѣкъ,» наносимыхъ Церкви, на которыя жаловался Митрополитъ Петръ Хану. Ярлыки могли защитить отъ обидчиковъ изъ среды Монголовъ, а противъ обидчиковъ, и притомъ сильныхъ, изъ Русскихъ нельзя же было выставлять ярлыковъ, хотя угрозы въ нихъ заключающіяся относились и къ Русскимъ. Могъ ли Митрополитъ, подобно Князьямъ, позвать Монголовъ для защиты себя и всего духовенства, отъ обидъ? Конечно не могъ, онъ дол-

---

[26] О недвиж. имущ. духов. въ Россіи Милютина, стр. 333. въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ.»

[27] Тамъ же, стр. 398, 415, пр 714.

женъ былъ искать такой защиты внутри Россіи; по тому что на жалобы его въ Ордѣ, безъ просьбы войска, выдавали ярлыкъ, чего онъ и самъ не могъ больше просить. А если сила защищающая будетъ въ Россіи и при томъ Русская, то уже самыя нарушенія, которыя, какъ можно полагать, отличались своею мелочностію, будутъ тотчасъ остановлены и вознаграждены. При томъ должно и то сказать, Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, дала бы въ вознагражденіе за защиту себя, кромѣ духовной власти, и то что всѣ богатства духовенства при случаѣ могли чрезъ Митрополита ити на помощь защитнику. Митрополиту вообще необходимъ былъ защитникъ не только имущественныхъ правъ Церкви, но даже и въ самомъ церковномъ управленіи, въ дѣлахъ, касающихся чисто одной духовной его власти, въ судѣ надъ членами духовенства. Здѣсь Митрополиту являлась необходимость имѣть если не исполнителя своихъ рѣшеній, то, покрайней мѣрѣ, матеріяльную силу, на которую бы онъ могъ опереться. Мы видѣли выше, что осилить еретика Сеита Митрополитъ Петръ могъ только при помощи со стороны Ивана Даниловича Московскаго; а между тѣмъ клеветникъ, и такъ же можетъ быть зараженный ересью, Тверской Епископъ Андрей, остался безнаказаннымъ. Въ это время, кромѣ произнесенія словъ любви, Митрополитъ Петръ не могъ ничего лучше найти для его наказанія: и что онъ тогда могъ сдѣлать, когда Епископъ, подчиненный ему, находился подъ защитою Князей; рѣзкое наказаніе его могло повести, пожалуй, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ и для самаго Митрополита; онъ только устыдилъ клеветника и оставилъ при томъ, какъ видно, въ сторонѣ его еретическія мнѣнія.

Эта беззащитность Русской Церкви и ея представителя выражается и въ поученіи Митрополита Петра: онъ въ немъ неприказываетъ, а совѣтуетъ; учитъ, но за неисполненіе обязанностей не грозитъ наказаніемъ, не напоминаетъ о своей власти, а только говоритъ о своихъ обязанностяхъ. Такое грустное настроеніе видно не только въ поученіи послѣдняго, независимо стоявшаго отъ свѣтской власти въ Россіи, Митрополита, но и въ поученіи перваго Митрополита, послѣ Монгольскаго завоеванія, Кирилла;[28] между тѣмъ, мы ниже увидимъ какъ, при другомъ по-

[28] Поученіе его въ прибав. къ Тв. Св. От. ч. I, стр. 428—432; о сочин. его

ложеніи, другой Митрополитъ заговорилъ и показалъ, какъ можетъ иногда высоко поднимать тонъ начальникъ одной изъ Восточныхъ Церквей.

Не пускаясь въ разсказы о дѣлахъ Митрополита Петра, авторъ его житія, послѣ упоминанія о Соборѣ въ Переяславлѣ говоритъ, что проходя грады и мѣста Божій человѣкъ Петръ, пришелъ въ славный градъ, зовомый Москва, бывшій тогда малымъ и немноголюднымъ. Въ этомъ городѣ обладалъ благочестивый и Великій Князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго; видя его блаженный Петръ въ православіи сіяюща, очень полюбилъ и началъ больше иныхъ мѣстъ жить въ томъ городѣ; а потомъ и переѣхалъ къ нему совсѣмъ и сталъ совѣтовать Князю, чтобъ тотъ построилъ храмъ, во имя Богородицы, и когда тотъ послушался его, то Митрополитъ Петръ приготовилъ въ томъ храмѣ себѣ могилу, гдѣ впослѣдствіи и былъ положенъ. [29] Но кромѣ любви къ Князю существуетъ извѣстіе, что Митрополита Петра привлекала жить въ Москвѣ любовь къ какому то иноку Алексѣю, у гроба котораго совершались чудеса. [30] Оба этѣ извѣстія увеличиваютъ только наши познанія, въ совокупности съ другими событіями, заставившими Митрополита Петра совершить этотъ переѣздъ. Вопросъ, кажется, заключается въ томъ, по чему всѣ Россійскіе Митрополиты предпочитали Сѣверъ Югу и по чему Митрополитъ Максимъ, передъ своею смертію, окончательно перенесъ Митрополичій престолъ во Владиміръ, а Петръ, такъ же передъ своею смертію, перенесъ его въ Москву? Митрополиты ставились къ Кіеву и всей Руси; когда жизнь Русскаго народа сосредоточивалась на Югѣ Россіи, то и Митрополиты жили тамъ, около Великихъ Князей. Митрополитъ Кириллъ, Галичанинъ родомъ, жилъ уже большею частію на Сѣверѣ, куда начала переноситься главная дѣятельность Русскаго народа, особенно послѣ Монгольскаго завоеванія; но Кириллъ

см. Обз. Рус. Дух. Лит. Преосв. Филарета, въ Зап. 2 отд. Ак. Н. кн. 3, подъ N. 52.

[29] Ст. Кн. ч. 1. стр. 419.

[30] Пр. къ Тв. Св. От. за 1844 г. стр. 80, ссылка на Гербенштейна.

не перенесъ сюда Митрополичьяго престола, однако же онъ умеръ въ Переяславлѣ, городѣ, которымъ обладалъ сильнѣйшій Князь. [31] Митрополитъ Максимъ не можетъ уже противиться обстоятельствамъ и предъ своею смертію окончательно переноситъ на Сѣверъ свой престолъ, въ видимый центръ Сѣверной Россіи, во Владиміръ. Преемникъ его Петръ такъ же ѣдетъ въ Кіевъ, послѣ поставленія въ Константинополѣ, въ старую столицу Велико-Княжескую и Митрополичью; но уже скоро оттуда уѣзжаетъ на Сѣверъ и не возвращается на Югъ. Такимъ образомъ въ этѣхъ переѣздахъ мы видимъ борьбу стараго начала, правила, что Митрополиты ставятся къ Кіеву, и новаго, противъ котораго не могутъ Митрополиты устоять и безъ сопротивленія повинуются обстоятельствамъ. Но въ первомъ же изъ этѣхъ Митрополитовъ высказалось, куда должны наклоняться ихъ переѣзды; въ дѣйствіяхъ же Митрополита Петра это выражается вполнѣ. Онъ ѣдетъ во Владиміръ, куда указалъ ему ити его предшественникъ; но остается ли онъ во Владимірѣ? Мы объ его жизни, какъ уже было замѣчено, мало имѣемъ извѣстій; но есть два упоминанія въ житіи его, на которыя должно обратить вниманіе: первое, соборъ въ Переяславлѣ, принадлежащемъ по прежнему сильнѣйшимъ Князьямъ; а второе, въ житіи не упоминается, чтобы Митрополитъ Петръ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а есть намеки на то, что онъ постоянно ходитъ, ищетъ чего-то, и вотъ попадаетъ въ Москву: «проходилъ грады и мѣста Божій человѣкъ.» На Москву ему необходимо должно было наткнуться: сдѣсь всего чаще приходилось Митрополитамъ проходить, въ своихъ переѣздахъ, по срединному ея положенію въ Сѣверной Россіи. [32]

Но сдѣсь можетъ явиться вопросъ, что если затруднительное и беззащитное положеніе Русской Церкви заставило главу ея, Митрополита, искать себѣ опоры въ свѣтской власти, то въ такомъ же грустномъ положеніи, въ какомъ была наша Церковь, въ описываемое время, не разъ находилась и Западная Церковь? Но тамъ Папы не дѣлали такихъ поступковъ, какой сдѣлалъ Ми-

---

[31] Ист. Рос. т. 4, стр. 296

[32] Ист. Рос. т. 4, стр. 146—147.

трополитъ Петръ. Во времена Митрополита Петра, на Западѣ мы видимъ совершенно другое: у насъ каждое дѣствіе, выходящее извнутри и извнѣ Церкви, заставляло начальника ее искать себѣ защиты у свѣтской власти; тамъ же въ настоящее время кончилась борьба Папъ съ Императорскою властію, и началось, въ началѣ XIV-столѣтія, что-то подобное тому, что было и у насъ; но это такое явленіе, о которомъ духовенство Западной Церкви воспоминаетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, считаетъ его источникомъ церковныхъ смутъ и приравниваетъ къ несчастнѣйшему событію въ исторіи избраннаго народа; но у насъ напротивъ, такое событіе считается величайшимъ и полезнѣйшимъ дѣломъ, а человѣка, которому предназначила Исторія его совершить, называютъ «великимъ во Святителяхъ» и называетъ такъ тотъ человѣкъ, который всѣхъ больше, своею личностію, пострадалъ за это дѣло, Митрополитъ Кипріанъ. Остальные всѣ Святаго Митрополита Петра считаютъ основателемъ и руководителемъ всей послѣдующей послѣ него дѣятельности Церковной Іерархіи, на пользу образованія и развитія Русскаго Государства.

Для объясненія всѣхъ дѣйствій Митрополита Петра и его преемниковъ, я постараюсь, сколько съумѣю, объяснить, въ нѣсколькихъ словахъ, характеръ Церкви, представителемъ которой онъ былъ въ Россіи, въ противоположность Церкви Западной.

Церковь Христіянская, съ того времени какъ довольно хорошо развила свое внутреннее устройство и сплотилась въ крѣпкую Іерархію, попала въ двухъ половинахъ Христіянскаго міра въ совершенно различное отношеніе къ свѣтской власти. На Западѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, грубыя массы народовъ смѣняли одна другую; этѣ массы не были сами въ себѣ сплочены твердо и не имѣли настоящаго понятія о государственномъ союзѣ и даже въ то время, когда онѣ наконецъ утвердились на разныхъ мѣстахъ прежней Западной Римской Имперіи. Среди такого общества, отличавшагося притомъ еще и необразованіемъ, учитель вѣры являлся представителемъ не только нравственности, но и вообще образованія и всего лучшаго. Очень естественно, что представитель духовнаго учрежденія самъ и чрезъ своихъ подчиненныхъ распространилъ свое право учить очень далеко и

явился, даже съ благою цѣлію, и поощряемый окружающимъ невѣжественнымъ міромъ, руководителемъ въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ, чтобъ смягчить грубость своихъ духовныхъ дѣтей. Но когда на первосвятительскомъ престолѣ стали являться лица, которыя начали къ своей учительской дѣятельности примѣшивать требованія собственнаго эгоизма, прикрывая ихъ даже правилами религіи и преданіями Церкви, а при случаѣ даже сочиняя послѣднія; а окружающія народныя массы, не могли понять и отличить справедливыхъ требованій своихъ духовныхъ отцовъ отъ несправедливыхъ, а только ожидали отъ нихъ молитвъ, наставленій и утѣшеній въ скорбяхъ мірскихъ, какъ отъ лицъ, которыя одни только могутъ дать это: при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Церковная Іерархія Западной Церкви составила въ массахъ народа сильный и твердый фундаментъ, на основаніи котораго могла широко распространять свои требованія. Но не одно необразованіе массъ дало средство къ развитію теоріи Папской власти, существующей въ Западной Церкви, теоріи, заключающейся въ руководительствѣ и управленіи всѣмъ на свѣтѣ. Причина главная была та, что этѣ не образованныя массы народа не были, какъ уже сказано, сплочены въ государства; у свѣтскихъ владѣльцевъ не было своей теоріи власти въ противуположность церковной. Вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Папамъ дала еще большее средство послѣднимъ практически показать и выяснить притязанія Церкви. Константинопольскій Императоръ, по своему безсилію, не могъ остановить Папъ въ ихъ свѣтской дѣятельности; враги Папъ на Западѣ, въ то время, когда теорія власти церковной слагалась, или не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія, или дѣлали уступки, а главное, не имѣя теоріи о своей власти въ противуположность церковной и вслѣдствіе этого не будучи въ состояніи поддержать ею свои временныя побѣды надъ Папами, въ заключеніе пали одинъ за другимъ. А когда Императоры, съ одинаковыми притязаніями, какъ и Папы, на всемірное господство, пали въ борьбѣ съ церковною властію, имѣвшею крѣпкую опору въ народныхъ массахъ, тогда окончательно утвердилось и выяснилось, чего требуетъ Церковь и ея глава въ отношеніи къ паствѣ. Но послѣ такой громадной побѣды у побѣдителя, убѣдившагося въ своемъ могуществѣ, закружилась голова, и онъ еще шире, даже до нелѣ-

пости, выставилъ свое право на повелительство всѣмъ міромъ. Но въ это уже время народныя массы начали слагаться въ государства, а вслѣдствіе этого никто не хотѣлъ бороться съ Папами такъ, какъ боролись Императоры, а повели борьбу другіе люди, съ другимъ духомъ и съ другой стороны. Между тѣмъ Церковь, развивъ теоріи своей власти въ безгосударственное время, осталась при ней, а вслѣдствіе этого сдѣлалась врагомъ всякаго союза, всякой самостоятельности, вообще Церковью противугосударственною.

Совершенно противуположное всему этому было съ Церковной Іерархіей на Востокѣ, въ Византіи. Церковное учрежденіе, сложившись въ крѣпкую Іерархію, попало въ среду Государства, чего не было на Западѣ; общество этого Государства было значительно образовано, Императорская власть была обширна и имѣла о своей власти теорію, въ противуположность Церкви, теорія власти которой должна была еще слагаться, въ отношеніи къ свѣтской власти, и она начала слагаться подъ самыми не благопріятными для себя условіями; каждое притязаніе церковной власти было въ началѣ же останавливаемо верховною свѣтскою властію, которая въ гніющемъ Государствѣ безобразничала надъ всѣмъ. Каждый Императоръ, по своему произволу, если хотѣлъ, смѣнялъ начальниковъ Церкви и даже высказывалъ свои притязанія на опредѣленіе смысла ученія вѣры. Къ тому же постоянныя смуты въ самой Церкви, ереси, въ которыхъ принимали живѣшее участіе какъ члены Государства, такъ особенно глава его. Это и тому подобное совершенно уничтожало всякія притязанія, какія бы то ни было, о коихъ могъ подумать начальникъ Церкви, и превратило церковную іерархію въ одно изъ государственныхъ учрежденій, находящихся въ распоряженіи свѣтской власти, дѣйствовавшей чрезъ него по своему желанію. Свѣтская власть допускала церковной іерархіи пользоваться извѣстными матеріяльными выгодами, въ мѣрѣ, опредѣленной ею, а если и при этомъ лица, въ рукахъ которыхъ была церковная власть, протягивали свои руки, куда не слѣдовало, или это только казалось свѣтской власти, то такіе Патріархи и имъ подчиненные тотчасъ лишались своей власти. Послѣ того, какъ церковная іерархія была доведена до такого положенія, что свѣт-

ская власть могла съ нею дѣлать что угодно, окончательно сложилась и теорія о церковной власти, какъ власти, подчиненной государству.

Вслѣдствіе этой противуположности вліяній и исхода борьбы при образованіи теорій о власти церковной, двухъ половинъ Христіянской церковной іерархіи, Восточной и Западной, это вліяніе и борьба выразились въ характерѣ Церквей, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и въ ихъ непримиримой между собою враждѣ.

Изъ Византіи приняла Россія Христіянскую Вѣру и съ нею церковною іерархію, которая на первый разъ стала въ зависимость отъ власти Константинопольскаго Патріарха и отъ Императора. Въ Россіи въ это время не было государства. Владиміръ Святой и его преемники, при своей привязанности къ новой Вѣрѣ, не могли думать серьезно о неловкости подобной зависимости, по тому что самое понятіе, въ подобномъ обществѣ, какъ тогда была Россія, о зависимости и независимости, твердо не сложилось и выражалось только въ одномъ опредѣленномъ видѣ—въ видѣ грубаго владѣнія. Церковная іерархія, въ продолженіе времени отъ принятія Христіянской Вѣры Владиміромъ до завоеванія Россіи Монголами, не могла себѣ составить другой теоріи о своей власти по простой причинѣ: она находилась въ зависимости отъ Константинополя и оттуда получала своихъ начальниковъ Митрополитовъ и даже другихъ членовъ духовенства. Свѣтская власть Великихъ Князей тоже было успѣла попробовать свою силу надъ церковной іерархіей; но это были случаи, относительно, особенные, выходящіе изъ общаго порядка дѣлъ. Митрополитъ постоянно зависѣлъ отъ Константинополя, сама же Церковь вообще явилась благодѣтельницею для Россіи, умирительницею Княжескихъ усобицъ, снабдительницею Русскихъ наукою; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣтская власть требовала отъ нея содѣйствія, Церковь опиралась въ своихъ совѣтахъ и дѣятельности вообще на Византійское законодательство, не прибавляя ничего своего къ этой опорѣ. [33] Но явилось событіе, которое могло выставить характеръ Церкви и ея притязанія; Россію завоевали Мон-

---

[33] См. Калачева «О Кормчей» Чтенія, годъ 3, 1847 г. стр. 8 — 9.

голы, Константинополь попалъ въ руки Крестоносцевъ. Въ Россіи Князья перебиты и ослаблены не борьбою съ церковною властію, какъ на Западѣ Императоры, но отъ силы, явившейся извнѣ; Кіевъ, столица Великокняжеская и Митрополичья, былъ разоренъ, и жизнь Русскаго народа сосредочилась на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи на Юго-Западѣ и Сѣверо-Востокѣ. Для Церкви, кромѣ того что общество было потрясено нашествіемъ варваровъ, завоеваніе Константинополя Крестоносцами являлось благопріятно тѣмъ, что Церкви Греческой въ сущности нѣкогда было думать о нуждахъ Русской; да наконецъ не только Императоры, но и Патріархи иногда были склонны къ Западной Церкви. Но что же мы видимъ? Высказываютъ ли Митрополиты притязанія на свою особенную власть? Живутъ ли въ раззоренномъ Кіевѣ, очень удобномъ для того, чтобы устроить въ немъ Русскій Римъ? Въ отношеніи притязаній можно сказать развѣ только то, что съ XIII-столѣтія вытащенъ былъ на свѣтъ, и дошелъ до насъ во многихъ спискахъ, уставъ Владиміра Святаго. Но такъ какъ во 1-хъ, самую подложность его весьма трудно доказать [34] и во 2-хъ, его никакъ нельзя ставить въ параллель съ выдумками монаховъ въ пользу Папской власти: онъ основанъ весь на Византійскомъ правѣ и скорѣй появленіе его, въ это время, на свѣтъ доказываетъ только то, что имъ хотѣла Церковь оградить себя отъ правонарушеній, въ это смутное время. Русская Церковь, вполнѣ проникнутая теоріею власти Византійской Церкви, должна была принять въ Россіи такое же положеніе, какое она занимала тамъ, въ Византіи, и если напр. по уставу Святаго Владиміра, пространство ея власти, въ сравненіи съ властію церковной іерархіи Константинопольской, первоначально было увеличено [35] то это зависѣло отъ того, что самая необходимость заставляла это дѣлать въ обществѣ не развитомъ. Но лучшимъ доказательствомъ того, что Церковь не могла и не хотѣла установить своей независимости, служитъ то, что Митрополитъ, прежде жившій въ Кіевѣ, рядомъ съ Великимъ Княземъ

---

[34] Неволина прос. Цер. суда въ Россіи до Петра Великаго П. С. его С. т. 6 стр. 273 — 295.

[35] Тамъ же стр. 334.

и въ своей церковной власти зависѣвшій отъ Патріарха, теперь совершенно освободившись отъ перваго, а отъ втораго завися только, болѣе или менѣе, по преданію, какъ отъ верховнаго Святителя, почти не живетъ въ Кіевѣ; онъ побываетъ во Владимірѣ, съѣздитъ въ Новгородъ, оттуда поѣдетъ въ Галицію, а потомъ въ свой старый городъ Кіевъ; но на мѣстѣ не живетъ, какъ живетъ въ это время Папа въ своемъ Римѣ. Не величается ничѣмъ Русскій Митрополитъ, не отлагается отъ власти Вселенскаго Патріарха и по прежнему ставится отъ него, для чего отыскиваетъ его даже въ Никеѣ. Въ его переѣздахъ видимъ, что Митрополитъ ищетъ чего-то, тоскуетъ объ чемъ-то, какъ будто желаетъ отыскать себѣ какое нибудь положеніе. Но въ этѣхъ переѣздахъ мы замѣчаемъ, что Митрополитовъ всея Россіи всего больше тянетъ на Сѣверо-Востокъ. Что же такое тамъ? По чему ихъ туда тянетъ? Въ это время во всей Европѣ началось переходное состояніе общества, изъ прежняго къ новому, начинаютъ зараждаться государства. Вездѣ свѣтскіе владѣльцы, въ противуположность прежнимъ, высказываютъ характеръ владѣльцевъ-хозяевъ; старые идеалы падаютъ. Императорскую власть сокрушилъ Папа, и теперь, стоя на высотѣ своего величія, онъ не замѣчаетъ, что почва подъ нимъ начинаетъ колебаться новымъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему движеніемъ; вездѣ началась борьба со старыми идеалами. Въ Россіи, Европейской странѣ, тоже самое происходитъ. Мы сказали, что Византійская церковная іерархія есть государственное учрежденіе, въ настоящее время, во второй половинѣ XIII-столѣтія, она осталась совершенно свободна отъ всякой зависимости, въ лицѣ Митрополита, отъ свѣтской власти. Но часть можетъ жить, въ своемъ первоначальномъ видѣ, только, когда живъ цѣлый организмъ: въ Константинополѣ государство уже сгнило и если Русская церковная іерархія тянетъ на Сѣверо востокъ земли Русской, то значитъ тамъ есть государство или, по крайней мѣрѣ, оно въ зародышѣ? Именно государство тамъ зарождается, но еще всѣ сѣмена, которыя должны образовать его составъ, находятся въ какомъ-то бродячемъ состояніи, но стекаются уже въ одну сторону и только покуда не отыщутъ настоящаго гнѣзда, гдѣ должно совершиться ожидаемое. По переѣздамъ Митрополитовъ мы можемъ замѣтить, какъ по точному мѣрилу, ни чѣмъ не стѣсняемому, ни извнѣ, ни изъ

внутри Россіи, въ своихъ движеніяхъ, и опредѣлить, какъ постепенно опредѣлялось мѣсто, гдѣ должно родиться государство. Первый Митрополитъ послѣ Монгольскаго завоеванія, стершаго многія принадлежности стараго порядка вещей, сначала колеблется между Юго-западомъ и Сѣверо-востокомъ, но Сѣверо-востокъ перетягиваетъ, и Митрополитъ, мѣстомъ своей смерти, указываетъ что и гдѣ должно быть. Максимъ въ заключеніе своей дѣятельности переселяется на Сѣверовостокъ, но въ его время трудно было что либо опредѣлить; идетъ страшная борьба, которая по мѣсту, за которое борются, указываетъ на Владиміръ, какъ на пунктъ, въ которомъ долженъ произойти поворотъ къ новому. Но Митрополитъ Максимъ по этой примѣтѣ ошибся, или, лучше сказать, и не могъ отгадать, что Владиміръ съ своею областью есть средство для Князей, а не цѣль; ему нужно было избрать сильнѣйшаго изъ борющихся, а борьба и при немъ продолжалась. Петру Митрополиту, по указанію его предшественниковъ, можно было дѣйствовать и продолжать ихъ дѣло, и онъ пріѣхалъ прямо на Сѣверовостокъ, началъ проходить города и мѣста, ища — чего еще не успѣли отыскать окончательно двое изъ его предшественниковъ, и наконецъ онъ попалъ въ Москву; а совокупность событій, случившихся при немъ, указала на это мѣсто, какъ на такое, гдѣ онъ долженъ утвердиться.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію событій, связанныхъ съ личностію Митрополита Петра, скажемъ еще нѣсколько словъ о нашей Церкви. — Мы несравненно счастливѣе, имѣя такую церковную іерархію, которая сама нуждалась въ защитѣ и никогда не возбуждала вражды между Князьями; она была прежде поставлена въ такое положеніе, что дѣла свѣтскія не ея дѣло, и къ участію въ нихъ могла себя допустить, на сколько позволяютъ ей идеи Христіянской религіи, или если участіе какого либо духовнаго лица выгодно допускающимъ. Римская Церковь, отличаясь великимъ мастерствомъ въ употребленіи нравственныхъ силъ своихъ служителей, выставляла изъ себя одинъ за другимъ монашескіе ордена съ характеромъ необходимымъ, чтобы приладиться къ духу времени, съ цѣлію употребить силы общества на свою пользу. Наша Церковь, не имѣя никакихъ притязаній на господство, не имѣла и нужды прибѣгать къ подоб-

нымъ средствамъ: ея дѣло было нравственное воспитаніе народа. Но она кромѣ нравственныхъ силъ имѣла у себя и матеріяльныя средства. и по этому Князьямъ выгодно было имѣть ее на своей сторонѣ, какъ это было выгодно и на Западѣ; но тамъ можно было получить помощь отъ Церкви во первыхъ временную, а во вторыхъ такую, какую у насъ можно было получить изъ Орды, или еще лучше изъ Новгорода. При томъ у насъ не нужно было хитрить съ Церковью и подчиняться ей, по тому что Митрополитъ этого не требуетъ, такъ какъ онъ не имѣетъ понятія о притязаніяхъ, подобныхъ Папскимъ. Наша Церковь, когда была свободна отъ всякой зависимости, отыскала, побуждаемая къ этому своимъ характеромъ, гдѣ должно быть государство, и то, что было въ зародышѣ, успѣла развить средствами въ ней находящимися, по тому что все, что нужно было для новаго порядка вещей, она носила въ себѣ и къ этому вела. Конечно, наша Церковь не могла особенно много дать, но на первый разъ ея средства являлись громадною помощію Московскому Княжеству. Но этою способностію дѣлать все на пользу государства, за то и отъ государства Церковь пользуется покровительствомъ, какъ лучшій изъ его помощниковъ, она существуетъ только въ связи съ существованіемъ государства, а уступки, дѣлаемыя Церковью, въ чью бы то ни было пользу, есть уступки государства, которое не хочетъ, или не можетъ поддержать ее, или наконецъ само желаетъ, чтобы онѣ были сдѣланы.

Не знаю, удовлетворительно ли изложилъ я эту необходимость переѣзда Митрополита Петра къ сильнѣйшему Князю, но теперь должно сказать, что дѣйствительно ли Москва была сильнѣйшее Княжество, и въ самомъ дѣлѣ не одна ли любовь къ Князю, или къ святому иноку, заставила его переѣхать туда. — Здѣсь я не буду распространяться. Москва и Тверь, во время жизни Митрополита Петра, стояли впереди всѣхъ остальныхъ Княжествъ Россіи по своей силѣ; могущество же ихъ, повидимому, было равно и между ними по этому, изъ соперничества въ дѣлѣ собиранія Русской земли, шла борьба на смерть. Кромѣ физическихъ условій страны, выказавшихъ намъ, по чему Москва побѣдила Тверь, многое могъ и самъ видѣть Митрополитъ Петръ. За Тверью, въ продолженіи правленія Митрополіею Петра,

большую часть времени, находилось великое Княженіе, но неспособность ея къ усиленію уже выяснилась: два Князя ея были убиты въ Ордѣ, по приказанію Хана; такой выдержанности и обдуманности въ поступкахъ, бывшей принадлежностію Сѣверныхъ Князей, у Тверскихъ, въ сравненіи съ Московскими, не было. Большій порядокъ внутри Княжества, богатство, населенность, вслѣдствіе большей внутренней тишины, находились на сторонѣ Москвы. Эту силу Москвы, чрезъ годъ по смерти Митрополита Петра, хорошо очертилъ лѣтописецъ словами: «сѣлъ на великое Княженіе Князь Иванъ Даниловичъ и стала тишина по всей Русской землѣ, на многія лѣта.» А между тѣмъ какъ кончили въ этотъ же годъ Тверскіе Князья: Александръ Михайловичъ избилъ Татаръ въ Твери; а изъ за этого потерялъ не только великое Княженіе, но и Тверь, а въ заключеніе чрезъ нѣсколько лѣтъ и жизнь. Объ умѣ и способностяхъ Московскихъ Князей все свидѣтельствовало, въ сравненіи съ другими Князьями, да при томъ еще и то надо замѣтить, что Иванъ Даниловичъ, кромѣ выдержанности въ поступкахъ и энергіи къ дѣятельности, обладалъ способностію заискивать у людей ему нужныхъ: умѣлъ сіять благочестіемъ предъ тѣмъ человѣкомъ, для котораго благочестіе было главное дѣло. На долю же Ивана Даниловича выпало и счастіе, состоящее въ томъ, что во время жизни Митрополита Петра всѣ нечистыя дѣла Москвы падали на его брата, Юрія, который заправлялъ внѣшними дѣлами Московскаго Княжества. Кромѣ силы и ума, которыя, конечно, зналъ Митрополитъ Петръ, наконецъ и самыя отношенія его къ Московскому Князю показывали, что онъ долженъ къ нему обратиться и стать на его сторону. Московскій Князь заискивалъ у Митрополита, покоилъ его старость; Тверскіе же Князья не только не съумѣли поправить прежній промахъ, могшій, пожалуй, имѣть вліяніе на нерасположеніе къ нимъ Петра Митрополита, т. е. желанія имѣть Митрополитомъ своего близкаго человѣка — Геронтія; [36] но еще допустили своему Епископу, можетъ быть даже съ своего согласія, сдѣлать доносъ на Митрополита, какъ видно довольно важный и можетъ быть грозившій Митрополиту Петру лишеніемъ Митрополіи, по тому что ради его

[36] См. выше

собранъ былъ соборъ; а на соборъ Князья явились какъ бы защитниками клеветника. Могъ ли послѣ всего этого Митрополитъ Петръ обратиться къ Твери? Если поступокъ Епископа Андрея былъ сдѣланъ безъ ихъ согласія, то отъ чего же Князья его не выдали, отъ чего послѣ того, какъ Андрей сошелъ съ Епископіи въ 1315 году, они въ продолженіи 11 лѣтъ не съумѣли примириться съ Митрополитомъ и, по крайней мѣрѣ, пріостановить его переѣздъ?

Вообще же прочность и правильность дѣла Митрополита Петра, въ отношеніи его переѣзда въ Москву, всего яснѣе выказалась въ дальнѣйшей, послѣ того, исторіи Русской церковной іерархіи.

Переѣхавъ въ Москву, Митрополитъ Петръ [37] началъ, такъ сказать, закладывать для своихъ преемниковъ необходимое зданіе Митрополичьяго стола. Для того, чтобы Москва являлась дѣйствительно столицею Митрополита, Святитель Петръ обратился къ Ивану Даниловичу съ слѣдующими словами: «Если ты, сынъ мой, меня послушаешь и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ Князей и сыновья и внуки твои въ роды; градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градехъ Русскихъ и Святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плеща враговъ его, и прославится Богъ въ немъ.» Въ заключеніе, какъ бы сознавая важность своего поступка и своей личности въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ: «Еще и мои кости въ немъ будутъ положены.» Этѣ слова Иванъ Даниловичъ съ великою радостію принялъ и началъ исполнять совѣтъ Святителя съ великимъ раченіемъ. 4-го Августа 1326 года заложена была въ Москвѣ первая каменная церковь Успенія Богородицы. По мѣрѣ того какъ церковь воздвигалась, Митрополитъ Петръ торопилъ дѣло. Чувствуя приближеніе смерти, онъ началъ въ устроиваемомъ храмѣ приготовлять для себя могилу, а между тѣмъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Иваномъ Даниловичемъ дѣ-

---

[37] О времени окончательнаго переѣзда Митрополита Петра въ Москву можно сказать только то, что оно относится къ послѣднимъ годамъ его жизни. Въ 1325 году онъ присутствовалъ при погребеніи Юрія Даниловича.

лалъ ему постоянно душеполезныя наставленія. Святителю Петру не удалось видѣть вполнѣ построеннаго храма: въ одинъ день, отправившись въ церковь и совершивъ службу церковную, поучивъ всѣхъ и раздавъ многую милостыню, онъ почувствовалъ, что конецъ его жизни недалекъ Въ это время Князя Ивана Даниловича не было въ Москвѣ, по этому Святитель Петръ пригласилъ къ себѣ тысяцкаго Протасія, [38] и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Князю Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею въ мірѣ семъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ, и да не оскудѣютъ отъ сѣмени его, обладающіе мѣстомъ его, и память его прославится.» Потомъ Святитель завѣщалъ все свое имѣніе истратить на строеніе соборной церкви, и послѣ этого, простившись со всѣми, началъ пѣть вечерню и во время ея пѣнія съ молитвою на устахъ и съ воздѣтыми руками къ небу скончался. Князь Иванъ Даниловичъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Москву, чтобъ присутствовать при погребеніи, которое совершено было 21-го Декабря 1326 года. Тѣло Митрополита положено было въ гробѣ, имъ для себя приготовленномъ.

Въ заключеніе здѣсь должно сказать еще объ одномъ: въ какомъ отношеніи находился Митрополитъ Петръ къ Князю, къ которому онъ переѣхалъ — духовная власть къ свѣтской. Самъ Митрополитъ Петръ и его ближайшіе предшественники, находясь въ постоянномъ движеніи по Россіи, наклонялись въ ту или другую сторону, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независящимъ, не высказывали, въ какомъ отношеніи должны находиться они и подчиненное имъ учрежденіе къ свѣтской власти. Между Князьями мы можемъ замѣтить только желаніе, поставить начальника Церкви на своей сторонѣ. Какія же отношенія существовали между Митрополитомъ Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ? На это можно сказать покуда одно, что Святитель, принужденный обстоятельствами переѣхать къ Московскому Князю, не могъ показать, по короткости времени и по другимъ обстоятельствамъ, какія отношенія должны быть между ними; вообще Митрополитъ

---

[38] Предка знаменитыхъ Вельяминовыхъ Ист. Р. т. 4, стр. 213.

Петръ очень любилъ Ивана Даниловича и ко всему, что имѣетъ произойти отъ его переѣзда, отсылаетъ самъ къ послѣдующему за нимъ времени.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГАЛИЦКОЙ МИТРОПОЛІИ ВЪ XIV СТОЛѢТІИ.

«Князь Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ, восхотѣ Галицкую Епископію въ Митрополію претворити», по тому что не хотѣлъ, чтобы Геронтій былъ Митрополитомъ. Такъ говоритъ авторъ житія Митрополита Петра и чуть ли не этѣми словами онъ первый далъ намъ извѣстіе о существованіи Галицкой Митрополіи въ XIV вѣкѣ; но этѣми же словами онъ даетъ намекъ, что прежде въ Галиціи не было другихъ, кромѣ Всероссійскихъ Митрополитовъ; а извѣстно, что Галицкой Епархіею управляли съ конца XIII столѣтія намѣстники Митрополитовъ,[39] а когда Митрополиты, до окончательнаго перенесенія Митрополіи во Владиміръ, бывали на Югѣ Россіи (послѣ Монгольскаго завоеванія), то жили почти постоянно въ Галиціи.[40] Разрывъ окончательный, произведенный Монгольскимъ завоеваніемъ, въ интересахъ двухъ половинъ Россіи—Юго-Западной и Сѣверо-Восточной, очень могъ побудить Князей Галицкихъ разорвать и послѣднюю связь—единство управленія Церковью, соединенное въ рукахъ Митрополитовъ Всероссійскихъ. Но созрѣла ли эта мысль окончательно, при поставленіи въ Митрополиты Петра, нельзя положительно сказать, и Юрій Львовичъ могъ просить Патріарха посвятить Петра въ Митрополиты, но наврядъ ли въ отдѣльные для одной Галиціи, по тому что Князь могъ надѣяться, что Петръ будетъ жить на Югѣ, куда его могло тянуть какъ въ страну родную; а между тѣмъ, какъ если Геронтій будетъ поставленъ въ Митрополиты, то навѣрно будетъ жить на Сѣверѣ Россіи. Но въ этомъ желаніи Галицкой Князь ошибся и, какъ мы видѣли, Митрополитъ Петръ

---

[39] Ист. Р. Іер. ч. I, стр. 427.

[40] Ист. Юго-Зап. Руси до половины XIV стол. Клеванова М. 1849 г. стр. 217.

уѣхалъ во Владиміръ, на Клязьмѣ, вскорѣ послѣ своего посвященія въ Митрополиты всея Руси. Конечно, послѣ этого Галицкій Князь могъ снова просить себѣ у Патріарха Митрополита для Галиціи; но просилъ ли онъ этого, при жизни Петра, по скудости извѣстій о Галиціи въ началѣ XIV столѣтія, не извѣстно положительно.

Говоря о желаніи Галицкаго Князя учредить Галицкую Митрополію, считаю долгомъ упомянуть, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій, о жалованныхъ грамотахъ отца Юрія Львовича — Льва Галицкой Митрополіи и особенно о грамотѣ 1301 года.[41] Карамзинъ говоритъ объ ней: «Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій и Галицкій въ 1581 году представилъ оную, въ самомъ ветхомъ видѣ, Королю Польскому Стефану на утвержденіе». Король утвердилъ съ оговоркою: «поколику ея содержаніе непротивно настоящимъ законамъ». Сію грамоту тогда вновь переписанную, скрѣпили печатями Стефанъ Баторій, а послѣ и Сигизмундъ III. Нужно ли изъяснять намѣреніе подлога? Читатель вспомнитъ нашъ мнимый церковный уставъ Владиміровъ и Ярославовъ, изобрѣтенный съ такимъ же намѣреніемъ: то есть для мірской пользы духовенства» Доказательствомъ подлога приводится упомянутое въ грамотѣ имя Митрополита Кипріана, который не былъ тогда Митрополитомъ, и потомъ языкъ, испорченный вставками словъ, не употреблявшихся въ древнемъ Русскомъ языкѣ и другія внѣшнія ошибки. Митрополитъ Евгеній[42] склоняется во мнѣніи объ этѣхъ грамотахъ къ авторитету Исторіографа; а Преосвященный Филаретъ,[43] признавая этѣ грамоты положительно подложными, дѣлаетъ странную прибавку: «этѣ грамоты доказываютъ только одно, что Галицкіе Князья желали имѣть особаго Митрополита»; что подложно, то кажется кромѣ подлога и цѣли его ничего не доказываетъ. Зу-

---

[41] Этѣ грамоты помѣщены у Карамзина въ Ист. Г. Р. т. 4. пр. 203 (двѣ) и у Зубрицкаго въ его Критико-Исторической повѣсти о Галицкой Руси (пер. Бодянскаго) подъ буквами Б. В. Г. Е. и Ж.

[42] Опис. Кіево-Соф. Собора и Кіевской Іерархіи стр. 88.

[43] Ист. Рус. Цер. изд. 2, ч. 2, прим. 188.

брицкій хотѣлъ было признать ихъ не подложными, а потомъ [44] согласился съ мнѣніемъ Карамзина. Дѣйствительно, масса внѣшнихъ ошибокъ закрываетъ собою внутренній смыслъ грамотъ, между тѣмъ какъ правами и все то, что жаловалось этѣми грамотами, всѣмъ этѣмъ пользовалась всегда Православная Церковь и наврядъ ли Западно-Русское православное духовенство сочинило этѣ грамоты, чтобы ими убѣдить свѣтскихъ властителей въ правахъ на то, что ему давно принадлежитъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ слова Стефана Баторія. По какимъ причинамъ представилъ Гедеонъ Балабанъ на утвержденіе Королю грамоту, можно видѣть изъ ея содержанія, но конечно не по случаю смутъ въ Галицкой Епископіи, бывшихъ при Гедеонѣ; хотя вообще Гедеонъ, какъ извѣстно, былъ великій мастеръ составлять подложныя грамоты и подсовывать ихъ для подписи тѣмъ, которые не понимали смысла или совсѣмъ не могли понимать содержанія подписываемой ими грамоты, таковымъ лицомъ особенно являлся Патріархъ Константинопольскій.

Имени Митрополита Кипріана въ перечетѣ Галицкихъ Митрополитовъ въ грамотѣ Короля Казиміра Великаго къ Константинопольскому Патріарху, мы не встрѣчаемъ, но нашъ извѣстный Митрополитъ Кипріанъ управлялъ Галицкой Митрополіей, какъ увидимъ ниже.

«Первый Митрополитъ нашего благочестія былъ Нифонъ, второй Митрополитъ Петръ, третій Митрополитъ Гавріилъ, четвертый Ѳеодоръ.» [45] Такія имена Митрополитовъ Галицкихъ сообщены намъ въ грамотѣ Казиміра къ Патріарху Константинопольскому, въ то время, когда онъ требовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ въ Митрополиты Галицкіе Антонія. Если подъ именемъ Митрополита Петра разумѣется нашъ Митрополитъ Петръ всея Россіи, то значитъ Нифонъ былъ Митрополитомъ Галицкимъ еще при жизни Максима Митрополита. Но утвердительно этого сказать нельзя. Однако жъ какъ видно, Галицкіе Князья весьма желали имѣть для Галиціи отдѣльнаго Митрополита, чѣмъ увѣнчалось ихъ

[44] На стр. 12.

[45] Ѳеодоритъ см ниже Митр Алексѣя стр. 4.

желаніе при жизни Митрополита Петра, мы не знаемъ. Митрополитъ Ѳеогностъ, по поставленіи своемъ, пріѣхалъ въ Кіевъ, а потомъ и въ Москву; но въ 1328 году онъ отправился въ Юго-Западную Россію и пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, гдѣ большею частію пребывалъ во Владимірѣ Волынскомъ. Въ Юго-Западную Россію могли его призывать дѣла церковныя по двумъ причинамъ: во 1-хъ, Кіевъ и множество областей Русскихъ подпали подъ власть Гедимина; а во 2-хъ, Галицкіе Князья видя, что Митрополитъ всея Россіи, бросивъ совершенно Югъ для Сѣвера, оставляетъ дѣла церковныя въ ихъ владѣніяхъ въ пренебреженіи, могли требовать отъ Патріарха себѣ отдѣльнаго Митрополита. Ради этѣхъ-то причинъ, Ѳеогностъ жилъ на Югѣ Россіи долгое время (около 5 лѣтъ), въ это время онъ ѣздилъ всюду по дѣламъ, побывалъ въ Константинополѣ и въ Ордѣ, часто бывалъ онъ и въ Галичѣ [46] и около него мы встрѣчаемъ здѣсь Галицкаго Епископа Ѳеодора. Въ 1332 году въ лѣтописи говорится, что пріѣхалъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ, побывавъ прежде этого въ Царь-градѣ и въ Ордѣ. Галицкіе Князья не удовлетворились, какъ видно, этѣмъ посѣщеніемъ Митрополита Ѳеогноста и добыли для своихъ владѣній отъ Патріарха Исаіи особаго Митрополита: его Митрополію составляли епископіи: Галицкая, Владиміро-Волынская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская. Но Митрополитъ Ѳеогностъ не намѣренъ былъ такимъ образомъ потерять часть своей Митрополіи; но при Галицкихъ Князьяхъ уничтожить ихъ дѣло было трудно. Въ 1337 году родъ Галицкихъ Князей прекратился въ лицѣ послѣдняго Князя Юрія, и Галиція сдѣлалась предметомъ для завоеваній сосѣдей, часть ея подпала Литвѣ, другая часть Польшѣ и наконецъ она сдѣлалась предметомъ спора между Литвой, Польшей и Венгріей. Свѣтскіе владѣльцы Галиціи въ это время навряд ли особенно заботились о дѣлахъ Церкви, между тѣмъ какъ Митрополитъ Ѳеогностъ хотѣлъ возстановить въ ней свою духовную власть. При помощи Симеона Ивановича онъ началъ хлопотать объ этомъ въ Константинополѣ. Императоръ и Патріархъ 1347 года рѣшили дѣло о Галицкой Митрополіи въ пользу Митрополита всея Руси.

---

[46] Ник. Лѣт. ч. 3, стр 158—160.

Императоръ въ Сентябрѣ 1347 года извѣстилъ Митрополита Ѳеогноста, что Галицкая Митрополія, установленная прежнимъ Патріархомъ Исаіей, уничтожается и подчиняется ему, Митрополиту Кіева и всея Руси. При этомъ Императоръ совѣтуетъ Митрополиту, что если не будетъ никакихъ препятствій, то поступалъ бы онъ соотвѣтственно церковнымъ правиламъ, а если будутъ препятствія, то прислалъ бы вѣрныхъ людей къ Патріарху и Синоду, для извѣщенія объ этомъ, и они рѣшатъ дѣло соотвѣтственно правиламъ Подобное же письмо получилъ Симеонъ Ивановичъ; въ письмѣ Императоръ возведеніе Галицкаго Епископа въ Митрополиты называетъ тщетною новизною. Любартъ Князь Владиміро-Волынскій получилъ извѣщеніе, отъ того же Императора, о томъ, что только по причинѣ бывшихъ смутъ въ Константинополѣ и подкупности Патріарха (который вездѣ обвиняется въ этомъ дѣлѣ и говорится, что ради его дурныхъ дѣлъ онъ и свергнутъ съ своего престола), поставленъ Галицкій Епископъ въ Митрополиты, а теперь, при новомъ Императорѣ и Патріархѣ, вся Малая и Великая Россія приведены подъ власть Митрополита Кіевскаго. Императоръ убѣждаетъ Любарта, чтобъ онъ содѣйствовалъ къ успѣшному рѣшенію этого дѣла. Синодальнымъ рѣшеніемъ Константинопольскаго Патріарха въ 1347 году это дѣло было утверждено, на основаніи вышеизложенныхъ мнѣній Императора, окончательно, а тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ дѣлѣ раздѣленія Митрополіи, Синодъ своею властію разрѣшаетъ отъ ихъ грѣха, такъ какъ они дѣйствовали по невѣдѣнію. Во всѣхъ этѣхъ грамотахъ принимается за основаніе рѣшенія то, что въ Россіи прежде всегда былъ одинъ Митрополитъ. Наконецъ Митрополитъ Галицкій Исидоръ [47] былъ вызванъ въ Константинополь. [48]

---

[47] Въ грамотѣ Казиміра Великаго имени Исидора, Митрополита Галицкаго, не упоминается, слѣдовательно имена Митрополитовъ не вѣрно сообщены.

[48] Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1315—1402, e codicibus manu scriptis bibliothecae palatinae Vindobonentis, sumptus praebente Caesarea scientiarum academia, издали Профессора Францискъ Миклошичъ и Іосифъ Мюллеръ. Вѣна. 1860 года. Т. I. стр 261 — 271. Грамоты этѣ изданы въ Вѣнѣ, но прежде краткое содержаніе всѣхъ грамотъ, относящихся до Россіи, было издано Г. Григоровичемъ въ 1847 году, въ журналѣ Мин. Народ. Просв. Извлеченіе, сдѣланное Г. Григоровичемъ до того хорошо, что самая суть въ нихъ вполнѣ

Теперь не было никакихъ препятствій... и Митрополитъ Ѳеогностъ, выхлопотавъ уничтоженіе этого непріятнаго для себя дѣла, и самъ, для укрѣпленія за своею властію возвращенныхъ къ Митрополіи земель, съѣздилъ туда; и въ лѣтописи, подъ 1348 годомъ, говорится, что пришелъ въ Москву Митрополитъ Ѳеогностъ изъ Волыни.

Но здѣсь должно замѣтить, что если Митрополитамъ непріятно было отдѣленіе отъ ихъ власти Галиціи, то и они въ то же время, живя на Сѣверѣ Россіи, не имѣли средствъ хорошенько заботиться о церковныхъ дѣлахъ Юго-Западной Руси, отсюда выходило то, что Галиція всегда могла добыть себѣ отдѣльнаго Митрополита. Но если Галиція могла добыть себѣ Митрополита, то по этому-то Галицкіе православные постоянно объ этомъ и заботились; вѣроятно, по ихъ просьбамъ Казиміръ Великій послѣ того, какъ хорошо утвердился въ Галиціи, и потребовалъ, чтобы Патріархъ поставилъ Антонія въ Митрополиты Галиціи. Антоній былъ поставленъ. Границами Митрополіи были тѣ земли, которыя находились въ Галиціи подъ властію Короля Польши.[49] Митрополитъ Кипріанъ въ то время, когда жилъ въ Кіевѣ, по тому что въ Москвѣ его не принимали, занялся дѣломъ присоединенія къ Всероссійской Митрополіи отпавшихъ отъ нея мѣстъ, покуда сначала тѣхъ, которыя принадлежали къ Литвѣ. Его умѣнье ужиться съ Литовскими Князьями, которые его и выхлопотали у Патріарха для занятія Митрополичьяго престола, давали ему для этого средство и онъ этѣмъ своимъ дѣломъ гордился. Въ письмѣ къ Преподобному Сергію, писанному послѣ того, какъ его въ 1378 году выпроводили изъ Москвы, Митрополитъ Кипріанъ выставляетъ въ числѣ своихъ заслугъ, которыя не хотѣли въ Москвѣ брать во вниманіе, слѣдующее: «я хочу отпавшія мѣста воз-

---

находится и потому ссылки на этѣ грамоты, которыя встрѣтятся ниже, будутъ сдѣланы по Русскому изданію, и только тамъ я буду ссылаться на Вѣнское изданіе, гдѣ прибавлено что нибудь лишнее противъ Русскаго изданія, но вообще извлеченія Г. Григоровича вполнѣ могутъ не только удовлетворить, но даже избавить отъ труда всякаго, кто хочетъ добиться смысла въ темныхъ и многорѣчивыхъ письмахъ Патріарха.

[49] См. ниже Митр. Алексѣй стр. 51.

вращать къ Митрополіи, чтобъ до вѣка такъ стояло на честь и величіе Митрополіи, Князь же Великій хочетъ двоить Митрополію».[50] Этѣ его хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ не только въ той части прежняго Галицкаго Княжества, которая принадлежала Литвѣ, но и въ остальной Галиціи. Ягайло, женившись на Ядвигѣ, сдѣлался Королемъ Польскимъ. Въ 1387 году Ядвига, во время отсутствія своего мужа, предприняла походъ въ Галицію, принадлежавшую теперь Венгріи и возвратила ее Польшѣ. Этѣмъ случаемъ, должно быть, воспользовался Митрополитъ Кипріанъ и выхлопоталъ у Ягайла, чтобъ Галичь въ церковномъ управленіи, православными церквами, подчинить ему, Кипріану; по тому что въ лѣтописи говорится, что когда, по смерти Дмитрія Ивановича, въ 1389 году, Митрополитъ Кипріанъ принятъ былъ въ Москвѣ, «то кончился мятежъ въ Митрополіи и стала одна Митрополія: Кіевъ и Галичь и всея Руси».[51] Но и Митрополиту Кипріану, кажется, и при его связяхъ съ домомъ Литовскихъ Князей, не только не удалось въ продолженіи всей своей жизни удержать Галичь за своею духовною властію, но еще имѣсти борьбу. Онъ, также какъ и его предшественники, не могъ хорошенько заботиться о дѣлахъ такой отдаленной страны отъ Москвы и, утвердивъ свою власть надъ нею, когда былъ въ Литвѣ, послѣ долженъ былъ опять потерять ее. Въ Галиціи, какъ видно, не хотѣли подчиняться его власти. Старый Митрополитъ Галицкій просилъ Патріарха, чтобы послѣ его смерти, былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи Іеромонахъ Симеонъ: это было въ 1391 году.[52] Потомъ въ 1393 г. Патріархъ извѣщалъ Кіевскаго Митрополита, что Епископъ Луцкій явился къ нему съ письмами отъ Короля, который требовалъ, чтобы Епископъ Луцкій былъ поставленъ въ Митрополиты Галицкіе; когда же собрался Синодъ, то прочтены письма, которыя были прежде присланы отъ Митрополита Кіевскаго, что было сдѣлано какъ нельзя болѣе кстати; и хорошо сдѣлали, по тому что явился послѣ Епископъ Владимірскій и начался у него споръ съ Луцкимъ Епископомъ. Послѣдній убѣжалъ, но, не успѣвши уѣхать, былъ заклинаемъ возвратиться, но онъ не хотѣлъ и предпочелъ

[50] Прав. Соб. 1860 г. Т. 2, стр. 99.

[51] П. С. Р. Л. т. 1, стр. 233.

[52] Acta Patriarchatus Constantinopolitani т. 2. стр. 157.

лучшимъ уѣхать и находиться подъ запрещеніемъ. По этому Патріархъ извѣщаетъ Митрополита о происшедшемъ, чтобы онъ считалъ Епископа Луцкаго такимъ же, какимъ его считаютъ въ Константинополѣ и извѣстилъ бы объ этомъ Короля, чтобы и тотъ не принималъ его, пока не разберутъ его дѣло. Между прочимъ Патріархъ извѣщаетъ, что Епископъ Луцкій, когда не хотѣлъ выходить изъ корабля, сказалъ, что ему Король далъ Галицію и ему не доставало только благословенія Патріарха; получивъ же это благословеніе ему больше ничего не нужно и что, слѣдовательно, ему въ Синодѣ нечего дѣлать и онъ возвращается въ свою Церковь. Дѣйствительно, говоритъ Патріархъ, Епископъ и сопровождавшіе его, явившись къ нему (Патріарху) просто какъ христіяне, получили благословеніе, но какого либо обѣщанія или письма не получили, и по этому если Епископъ Луцкій скажетъ что нибудь болѣе, то онъ лжетъ. Узнавъ все вышеизложенное, совѣтуетъ Патріархъ Митрополиту послать письмо объ этомъ къ Королю, а послѣдній также получитъ письмо и отъ Патріарха, чтобы Король выгналъ Епископа Луцкаго изъ его Епископіи и послалъ бы къ Митрополиту, а Митрополитъ тогда долженъ удалить Епископа и рукоположить на его мѣсто другаго.[53] Но этѣмъ дѣло не кончилось; въ 1398 году Луцкій Епископъ Іоаннъ, явно для всѣхъ, просилъ помощи у Короля Ягайла на поставленіе его въ Митрополиты и за это обѣщался дать Королю 200 гривенъ Русскихъ, 30 коней, безъ хитрости: въ чемъ и далъ отъ себя запись Королю.[54] Къ такимъ средствамъ должны были прибѣгать православные жители Галиціи, чтобы задобрить апостола Католицизма для полученія себѣ Митрополита. Вообще должно сказать, что въ томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ находилась Галиція, она, потерявшая свою политическую самостоятельность, и отдѣлившись отъ Всероссійской Митрополіи вслѣдствіе различныхъ побудившихъ къ тому причинъ, изъ которыхъ главная была та, что Митрополиты, живя въ Москвѣ, не имѣли средствъ заботиться о церковныхъ дѣлахъ Галиціи, а, потерявъ ее изъ подъ

---

[53] Тамъ же, стр. 180—181.

[54] Опис. Кіево-Соф. Соб. въ приложеніяхъ стр. 38 N. 8, также у Зубрицкаго въ повѣсти о Галицкой Руси подъ буквою Д.; Ак. Зап. Рос. т. I, N 12.

своей власти, старались ее возвратить, иногда и съ успѣхомъ, не имѣла у себя непрерывнаго ряда Митрополитовъ въ XIV столѣтіи, да и въ XV также, Митрополичій престолъ часто бывалъ праздным. Такъ, по смерти Митрополита Кипріана, когда Ѳотій явился въ Россію, для занятія Митрополичьяго престола, то въ лѣтописи Литовскихъ Великихъ Князей упоминается по этому случаю, что въ это время въ Галичѣ былъ Митрополитъ,[55] какъ будто это дѣло есть дѣло случайное.

О ПЕРЕЯСЛАВСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ 1313 ГОДУ.

Источниками для исторіи собора служатъ: разсказы объ немъ въ житіи Митрополита Петра, помѣщенномъ въ Степенной Книгѣ[56] и слова лѣтописи Татищевской.[57] Изъ Степенной Книги, сколько мнѣ извѣстно, разсказъ о соборѣ повторяется въ лѣтописяхъ, кромѣ Татищевской, въ тѣхъ, гдѣ объ немъ упоминается. Изслѣдованіе о соборѣ Переяславскомъ писали: во 1-хъ, Турчаниновъ въ сочиненіи о соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней Христіянства до царствованія Іоанна Васильевича IV.[58] Изслѣдованіе это безъ всякой критики; соборъ Переяславскій разсказанъ совершенно согласно съ Никоновскою лѣтописью, куда переписанъ изъ Степенной Книги, а также взята во вниманіе и самая Степенная Книга; во 2-хъ, Рудневъ въ сочиненіи о ересяхъ и расколахъ: сдѣсь взятъ во вниманіе разсказъ лѣтописи Татищева. Изслѣдованіе Г. Руднева болѣе обстоятельное, чѣмъ Г. Турчанинова, но только относится къ Степенной Книгѣ съ излишнимъ почтеніемъ. На основаніи этого, я

---

[55] Въ Уч. Зап. 2 отд. Акад. Наукъ, кн. 1, стр. 56.

[56] Стр. 418.

[57] Ч. 4 стр. 92—93.

[58] СПБ. 1829 г. стр. 62 — 68.

[59] Стр. 72 — 73.

думаю, будетъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія объ изслѣдованіи Г. Руднева: у него выставляются разнорѣчія разсказа житія Митрополита Петра и словъ Татищевской лѣтописи: въ житіи сказано, что на соборѣ присутствовали дѣти Тверскаго Князя Михаила Ярославича, Дмитрій и Александръ Михайловичи, а у Татищева упоминается Иванъ Даниловичъ Московскій, только одинъ; но тутъ нѣтъ противорѣчія; въ житіи упоминаются Тверскіе Князья, какъ дѣти Великаго Князя и, пожалуй, защитники Епископа Андрея; у Татищева же — Иванъ Даниловичъ, какъ заступникъ Митрополита Петра, по тому что этотъ послѣдній съ помощію его одолѣлъ еретика Сенга. А что Иванъ Даниловичъ могъ присутствовать на соборѣ, то это можно заключить и изъ словъ житія: «Князю бо Михаилу тогда самому въ Ордѣ сущу, но сынове его пріидоша Дмитрій и Александръ, и иныхъ Князей довольно, и вельможъ множество». Отъ чего же въ числѣ этѣхъ иныхъ Князей не быть и Ивану Даниловичу? Если же въ житіи Митрополита Петра говорится о знакомствѣ его съ Иваномъ Даниловичемъ такъ, какъ будто оно относится къ послѣднимъ годамъ жизни Митрополита Петра; то слова житія вообще такъ неопредѣленны, что скорѣе ихъ можно принять въ томъ смыслѣ, что Митрополитъ Петръ узналъ окончательно характеръ и жизнь Ивана Даниловича и по этому, особенно его полюбивъ, переѣхалъ къ нему жить. Да и нельзя предположить, чтобы Митрополитъ Петръ не зналъ лично Ивана Даниловича долгое время; Иванъ Даниловичъ былъ лицо не послѣднее на Руси и при жизни брата Юрія Даниловича. Наконецъ, Иванъ Даниловичъ естественно и необходимо долженъ былъ присутствовать на соборѣ, по тому что Переяславль, гдѣ былъ соборъ, принадлежалъ не къ Твери или другому Княжеству, а къ Москвѣ; а еще сюда должно прибавить: по чему соборъ былъ именно въ Переяславлѣ, — городѣ, принадлежавшемъ Москвѣ?

Что бы объяснить далѣе по чему въ текстѣ я такъ изложилъ разсказъ о соборѣ, когда объ немъ извѣстія такъ противорѣчащи, то представляю слѣдующія соображенія. Авторъ житія Митрополита Петра разсказываетъ о соборѣ такъ: что по случаю клеветы Епископа Андрея былъ созванъ соборъ, на которомъ клеветникъ былъ обличенъ, и послѣ этого говорится да-

лѣе, что Петръ отпустилъ всѣхъ, и потомъ «безъ лѣности прохождаше грады же и веси поучалъ, и въ то же время и Сеитъ еретикъ, явися и чуждая Церкви Христовы и Православныя Вѣры мудрствуя. Его же Святый препрѣ и не покаряющася того проклятію предаетъ, иже и погибе.» У Татищева оба предыдущія событія, т. е. о Тверскомъ Епископѣ Андреѣ и еретикѣ Сеитѣ, разсказываются другимъ образомъ: они связываются вмѣстѣ и говорится, что Сеитъ Протопопъ Новгородскій, къ которому присоединились многіе міряне и изъ причта церковнаго, а Епископъ Андрей помогалъ имъ; говорили, что рай погибъ на землѣ и ругали монашескій чинъ, подъ вліяніемъ чего многіе изъ иноковъ оставили монашество и оженились; и по этому случаю былъ соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ, при клирикѣ Константинопольскаго Патріарха Аѳанасія, съ помощію Князя Ивана Даниловича, Митрополитъ Петръ преодолѣлъ еретика. Уже въ этѣхъ двухъ разсказахъ есть противорѣчія, но вотъ еще другія: въ Степенной Книгѣ это событіе разсказано безъ года, у Татищева подъ 1313 годомъ; но и по Степенной Книгѣ соборъ можно отнести къ 1313 году. Тамъ говорится, что Великій Князь во время собора былъ въ Ордѣ. Дѣйствительно, Михаилъ Ярославичъ въ 1313 году былъ въ Ордѣ; другой разъ, при жизни Митрополита Петра, онъ былъ въ Ордѣ въ 1319 году, когда онъ былъ тамъ убитъ; такъ, во всякомъ случаѣ, легче отнести событіе къ 1313 году. Но въ Степенной Книгѣ встрѣчаются указанія на имена: Патріарха Аѳанасія, Епископа Симеона и Игумена Прохора. Эти имена поставляютъ въ затрудненіе, по тому что они не занимали всѣ въ это время обозначенныхъ ихъ мѣстъ.[60] Сдѣсь по этому случаю можно замѣтить одно, что, разсматривая житіе Святителя Петра, приходишь къ слѣдующему заключенію, что оно написано болѣе съ цѣлью доказать Московскимъ Князьямъ, гнавшимъ автора житія, чѣмъ они обязаны Всероссійскимъ Митрополитамъ, въ лицѣ Петра, а отсюда восхваленія Святителя, и, при описаніи извѣстныхъ случаевъ его жизни, авторъ житія съ пренебреженіемъ относится къ обработкѣ и выясненію факта; а вмѣсто этого, предполагаемаго извѣстнымъ, наполняетъ житіе удивительно

[60] См. у Руднева, стр. 72.

обильнымъ краснорѣчіемъ, по чему и не беретъ ни чего другаго во вниманіе; имя же Патріарха Аѳанасія, въ житіи Митрополита Петра, въ родѣ имени Фотія въ Уставѣ Св. Владиміра, т. е. лѣтопись связала имя Патріарха Аѳанасія съ именемъ Митрополита Петра. По этому, во всякомъ случаѣ, на основаніи того, что Князь Великій былъ въ Ордѣ, годъ собора должно обозначить 1313. Согласно же съ Степенной Книгой Игнатій Митрополитъ Тобольскій и Сибирскій въ своихъ посланіяхъ самую ересь Сеита относилъ къ 1308 году, однако ересь, но не соборъ.[61] Другія противорѣчія кажутся болѣе возможными для объясненія. Въ житіи Епископъ Андрей является только клеветникомъ (но что онъ клеветалъ вообще, не извѣстно) и связи его съ Сеитомъ не показано, а дѣло о ереси и соборъ разсказаны, пожалуй, такъ, какъ будто они относятся къ различному времени, а именно слѣдующимъ образомъ: «въ то же время и Сеитъ еретикъ» — въ какое время? — не видно ясно, и можно отнести къ тому, что предъ этѣмъ говорится, т. е. что Митрополитъ Петръ жилъ и въ старость пришелъ, или къ тому что сказано еще выше, т. е. къ собору, по поводу клеветъ Епископа Андрея.

Видя не точность разсказа Степенной Книги, лучше принять разсказъ Татищева и его пополнять изъ Степенной Книги. На основаніи вышеизложеннаго полагаю, что на соборѣ, по случаю клеветъ Епископа Андрея, рѣшали и дѣло о ереси Сеита. Но для полноты нужно указать на связь еретика Сеита съ Епископомъ Андреемъ; въ Степенной Книгѣ говорится, что соборъ былъ по случаю клеветы Епископа Андрея, а у Татищева сказано, что соборъ былъ на еретика, которому помогалъ прежде Епископъ Андрей; но на соборѣ объ Андреѣ не упоминается. Сдѣсь нужно сдѣлать послѣднее предположеніе, которое указано у Г. Руднева[62], что мнѣніе о раѣ, подобное мнѣнію Сеита, чрезъ нѣсколько времени, послѣ собора, распространилось въ Твери; то, очень можетъ быть, оно было привито Епископомъ Андреемъ, по тому что онъ «помогалъ» Сеиту въ его дѣятельности.

---

[61] Посланія изданы въ Прав. Соб. 1855 г., стр. 71.

[62] Стр. 73.

Въ Никоновской лѣтописи разсказъ о соборѣ переписанъ изъ Степенной Книги, какъ и все житіе Митрополита Петра, и и, вѣроятно, переписикъ надѣлалъ тамъ ошибокъ, на которыя указываетъ Г. Рудневъ: вмѣсто слова «чуждая» написано «тужъ дая» вмѣсто «Сеитъ» — «се инъ»: такихъ ошибокъ въ Никоновской лѣтописи множество; а въ отношеніи имени Сеита можно встрѣтить ошибки и не въ одной Лѣтописи Никоновской, такъ напр. въ Царственномъ лѣтописцѣ [63] съ картинами, гдѣ о соборѣ также разсказывается согласно съ Степенной Книгой, вмѣсто «Сеитъ» написано «Исеитъ». [64]

---

[63] Соборъ помѣщенъ на стр. 124 — 128.

[64] Въ Лѣтописяхъ занятій Археологической коммисіи, въ выпускѣ 2-мъ, вышедшемъ въ 1864 году, помѣщено изслѣдованіе о Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ оную Христіянской Вѣры до восшествія на престолъ Іоанна IV. Сдѣсь помѣщено краткое, но довольно обстоятельное изслѣдованіе о Переяславскомъ соборѣ, на стр. 31 — 32. Когда было писано мною о Переяславскомъ соборѣ, то о существованіи этого, тогда еще не напечатаннаго, изслѣдованія я не зналъ.

СВ. АЛЕКСѢЙ МИТРОПОЛИТЪ-БОЯРИНЪ.

«О владыко! что ти воздамъ противу труду твоему? имъ же намъ мири житіе даровалъ еси» (слова Дмитрія Донскаго).

«А донынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови!» (слова Ольгерда).

При Даніилѣ Александровичѣ переѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Ѳедоръ Плещеевъ; причиною переѣзда была трудность и опасность жить въ родномъ городѣ. У этого боярина отъ жены его Маріи, въ концѣ XIII или началѣ XIV-столѣтія, родился сынъ Елевѳерій-Симеонъ, воспріемникомъ котораго былъ Иванъ Даниловичъ, бывшій тогда еще очень молодъ.[1] О первыхъ годахъ жизни Елевѳерія-Симеона мало извѣстно; въ житіи разсказываются, точно также какъ и о Митрополитѣ Петрѣ, что съ нимъ совершилось чудо, въ слѣдствіе котораго онъ пристрастился къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и, наконецъ, поступилъ въ монахи Богоявленскаго монастыря, находящагося въ Москвѣ, близъ торга, принявъ имя Алексѣя. Въ монастырѣ онъ возложилъ на себя такіе иноческіе подвиги и повелъ такую монашескую жизнь, что удивлялъ всѣхъ. Сдѣсь Алексѣй сошелся съ двумя монахами, подвизавшимися точно также какъ и онъ, Геронтіемъ и Стефаномъ, братомъ знаменитаго Сергія Радонежскаго. Всѣ они трое обратили на себя вниманіе Митрополита Ѳеогноста, который часто призывалъ ихъ къ себѣ и бесѣ-

---

[1] О годѣ рожденія Митр. Алексѣя см. Русскіе Святые, чтимые всею Церковью или мѣстно, Филарета Арх. Черниговскаго, февраль прим. 121, 122, 123 и 156.

довалъ съ ними. — Стефанъ былъ посвященъ Митрополитомъ въ священники и назначенъ игумномъ Богоявленскаго монастыря, а потомъ сдѣлался духовникомъ Великаго Князя Симеона Ивановича и многихъ бояръ. Алексѣя же ожидало совершено другое; принадлежность его къ знатному боярскому семейству, близкому къ Великокняжескому Двору, очень можетъ быть, имѣла вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Митрополитъ Ѳеогностъ, по совѣту съ Великимъ Княземъ Симеономъ Ивановичемъ, назначилъ Алексѣя къ себя намѣстникомъ, для занятія дѣлами церковнаго суда и управленія имуществами Митрополіи. Должность чрезвычайно трудная, была, можетъ быть, причиной тому, что Алексѣй, кромѣ желанія остаться простымъ монахомъ, отказывался отъ этого назначенія. Но принявъ должность, онъ хорошо исполнялъ ее и правилъ порученными ему дѣлами въ продолженіи 12 лѣтъ.

Великій Князь и Митрополитъ рѣшили, чтобы по смерти Митрополита Ѳеогноста, Алексѣй былъ его преемникомъ. Съ этою цѣлію въ 1352 году 6 декабря Алексѣй «добрыхъ ради правленій,»[2] т. е. хорошаго исполненія должности Митрополичьяго намѣстника, былъ поставленъ Епископомъ во Владиміръ Залѣсскій, вторую Митрополичью столицу послѣ Кіева. Вслѣдствіе всего этого было отправлено посольство въ Константинополь къ Патріарху съ просьбой, отъ великаго Князя и Митрополита Ѳеогноста, чтобъ онъ не ставилъ для Россіи никого въ Митрополиты, кромѣ Алексѣя. Въ скоромъ времени послѣ этого, въ 1353 году 11-го Марта, скончался Митрополитъ Ѳеогностъ, а вскорѣ за нимъ умеръ Симеонъ Ивановичъ, отъ черной смерти, опустошавшей тогда Россію. Алексѣй, будучи Епископомъ Владимірскимъ, какъ нареченный Митрополитъ, принялъ въ свое завѣдываніе всѣ дѣла Митрополіи.[3] Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о дѣятельности

---

[2] Смотри житіе его Ст. Кн. ч. 1, стр. 450

[3] Въ Никонов. Лѣт. ч. 4 стр. 58 говорится, что Алексѣй былъ Епископомъ 4 года. Это извѣстіе считается неправильнымъ, прим. къ Тв. Св. От. годъ 6 въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ стр. 97 прим. 3. Но въ лѣтописи считается время отъ постановленія во Епископы, до времени поставленія въ санъ Митрополита, по этому счету 4 года, приблизительно вѣрно; слич. Ист. Рос. Іерархіи, изд. 2, ч. 1 стр. 91; Русс. Святые, Арх. Филарета, Февраль, прим. 103.

Алексѣя въ должности Митрополичьяго намѣстника мы видимъ только однѣ похвалы ему, но самыхъ дѣлъ не видимъ; а какимъ человѣкомъ онъ заявилъ себя въ этой должности, это мы можемъ видѣть изъ завѣщанія Симеона Ивановича, въ которомъ умирающій Великій Князь говорилъ своимъ братьямъ, Ивану и Андрею (послѣдній вскорѣ за Симеономъ Ивановичемъ умеръ), какъ отецъ намъ приказывалъ жить за одинъ, такъ и я вамъ приказываю, братьи своей, жить за одинъ; а лихихъ людей вы бы не слушали, это можетъ васъ ссорить, а слушали бы отца нашего, Владыки Алексѣя, такъ же и старыхъ бояръ, кто отцу нашему хотѣлъ добра и намъ.[4] Симеонъ Ивановичъ, не отдѣливъ Владыки Алексѣя отъ тѣхъ бояръ, которые хотѣли добра Ивану Даниловичу и сыновьямъ его, назначаетъ ихъ всѣхъ какъ бы опекунами своихъ преемниковъ, не отличавшихся, какъ видно, особенными способностями. Но это опекунство, конечно, должно было яснѣе выразиться, когда послѣ короткаго, по времени, княженія Ивана Ивановича, Московскими Князьями стали малолѣтнія дѣти. Сдѣсь дѣятельность и заслуги опекуновъ должны были выказаться вполнѣ и, конечно, особенно того изъ нихъ, который между всѣми опекунами указанъ лично. Отъ этѣхъ опекуновъ мы не можемъ ждать, чтобы въ управленіи Великимъ Княженіемъ было между ними какое-либо раздѣленіе труда: по тогдашнему времени они всѣ правили вмѣстѣ; но одинъ изъ нихъ, какъ Митрополитъ всея Россіи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи учрежденіе, независимое отъ власти Московскаго Князя, и предѣлы власти котораго простирались на всю Россію. Такой опекунъ Московскаго Князя, имѣющій надъ подобнымъ учрежденіемъ и его средствами почти ничѣмъ неограниченную власть, такой опекунъ, если онъ дѣйствительно желалъ добра опекаемымъ, могъ направить въ пользу ихъ свою власть и средства подвѣдомственнаго ему учрежденія. При подобныхъ отношеніяхъ Митрополита Алексѣя къ Московскимъ Князьямъ и при томъ умѣньи употреблять средства, что мы увидимъ ниже, можно опредѣлить, кажется, все значеніе великаго Святителя въ исторіи Московскаго Государства.

---

[4] С. Г. Г. и Д т. 1, N. 24, стр. 38.

При поставленіи Епископа Владимірскаго Владыки Алексѣя на Митрополичій престолъ выяснялось то значеніе отношеній, относительно всего Русскаго общества, въ которыя попали Всероссійскіе Митрополиты, переѣхалъ на сѣверъ Россіи, а потомъ утвердивши свое пребываніе въ Москвѣ. Еще при жизни Ѳеогноста былъ поставленъ отъ Терновскаго Патріарха Митрополитомъ къ Кіеву Ѳеодоритъ, что побудило Терновскаго Патріарха, не признаваемаго даже въ санѣ Патріарха отъ остальной Восточной Церкви, поставить туда Митрополита, куда онъ не имѣлъ права ставить, а до страны самой почти и дѣла-то никакого не имѣлъ? Вѣроятно, по просьбѣ кого-либо изъ Южныхъ Князей, замѣчаетъ объ этомъ Преосвященный Филаретъ.[5] Дѣло это возмутило всѣхъ, никто не хотѣлъ признавать Ѳеодорита какъ Митрополита Всероссійскаго; Ѳеодоритъ пріѣхалъ въ Кіевъ, но ничего не получилъ; кромѣ того онъ посылалъ и въ Новгородъ; но такъ же ничего не получилъ.[6] Константинопольскій Патріархъ называлъ это поставленіе дѣломъ безмысленнѣйшимъ и беззаконнѣйшимъ[7] и не хотѣлъ такъ же признавать Ѳеодорита Митрополитомъ Всероссійскимъ. Такимъ образомъ Ѳеодоритъ ничего не достигнулъ въ Россіи и только, какъ можно предполагать, въ послѣдствіи сдѣлался Митрополитомъ Галицкимъ,[8] что очень могло случиться при тогдашнемъ смутномъ состояніи Галиціи. Но если Ѳеодоритъ ничего не получилъ ни въ Сѣверо-Восточной Россіи, ни въ Литовскихъ владѣніяхъ, то изъ Константинополя вышло дѣло гораздо хуже. Въ то время, какъ въ отвѣтъ на просьбу Великаго Князя и Митрополита Ѳеогноста въ Константинополѣ постановили: «что хотя не дозволено, чтобъ кто либо не изъ Константинополя поставлялся въ Митрополиты Кіева,

---

[5] Истор. Русск. Цер. изд. 2, т. 2, стр. 115.

[6] Тат. ч. 4, стр. 177, объ этомъ ниже.

[7] Прот. Конст. Патріарха Ж. М. Н. Пр. т. 54, 1847 г. стр. 140.

[8] См. И. Р. Іерарх. ч. 1. стр. 21 и 89; Оп. Кіево-Соф. Соб. Мит. Евгенія стр. 88; въ перечетѣ Галицкихъ митрополитовъ (Ж. М. Н. Пр. 1847 г.) есть имя, послѣдняго предъ Антоніемъ Митрополита, Ѳеодора. Издатель протоколовъ говоритъ, что онъ прочелъ это имя по догадкѣ. Не имя ли Ѳеодорита онъ долженъ былъ прочесть?

однако жь, внявъ свидѣтельствамъ Великаго Князя и покойнаго Митрополита, Алексѣю дѣлаютъ исключеніе».[9] На основаніи всего этого Алексѣй, вызванный въ Константинополь, былъ поставленъ въ Митрополиты всея Руси. Но еще прежде его поставленія въ Константинополѣ поставили другаго Митрополита къ Кіеву — Романа, и обоихъ ихъ отпустили въ Россію. Подобное дѣло, явившееся, какъ выражаетъ авторъ житія Митрополита Алексѣя, «человѣческаго ради сребролюбія,» имѣло важное значеніе: явилось на одну Митрополію два Митрополита, и оба хотѣли управлять ею всецѣло. Романъ пріѣхалъ въ Литву,[10] а Алексѣй въ Москву и начался между ними споръ. Говоря о Митрополитѣ Петрѣ мы видѣли, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Галиція успѣла было отдѣлиться отъ общей Митрополіи Русской; Ѳеодоритъ, какъ можно полагать, теперь снова возстановилъ самостоятельную Митрополію въ Галиціи; въ лицѣ же Романа теперь видимъ, что отдѣленіе клонится уже къ большей части Митрополіи. Первая причина этому была та, что Митрополитъ, живя въ Сѣверной Россіи, не могъ часто посѣщать Юго-Западныя Епархіи своей Митрополіи. Дѣло раздѣленія Митрополіи только что началось, и оно еще легко могло быть остановлено на время; теперь, по мѣрѣ того какъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, высказывалось сознаніе самостоятельности двухъ половинъ Россіи и уяснялись ихъ границы, высказывалось и уяснялось и стремленіе къ раздѣленію Митрополіи.

Митрополитъ Романъ началъ положительно тянуть къ Литвѣ, Алексѣй же къ Москвѣ; первое столкновеніе между ними произошло въ Твери: къ Владыкѣ Тверскому явились послы отъ обоихъ Митрополитовъ, еще во время ихъ пребыванія въ Константинополѣ, и «была священническому чину тяжесть великая вездѣ».[11] Причина появленія пословъ отъ обоихъ Митрополитовъ въ Тверь объясняется не только географическимъ ея положеніемъ, но и

---

[9] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54.

[10] Вѣроятно, Романъ былъ поставленъ по ходатайству изъ Литвы: тамъ онъ былъ принятъ, оттуда получалъ поддержку въ своихъ дѣйствіяхъ и тамъ въ заключеніе назначена ему была Митрополія

[11] Ник лѣт. ч. 3, стр. 204; Ст. Кн., ч. 1, стр. 452.

тѣмъ, что относительно сильная Тверь была въ близкихъ связяхъ съ Литвою, въ лицѣ семьи Александра Михайловича. Но чего достигло первое посольство Митрополита Романа — не извѣстно, вѣроятно ничего, по тому что когда въ послѣдствіи Митрополитъ Романъ самъ лично явился въ Тверь, то Владыка Тверской не хотѣлъ съ нимъ имѣть никакого дѣла. Два Митрополита не ужились рядомъ: въ 1356 году оба они отправились въ Константинополь — сначала Романъ, а потомъ Алексѣй, и былъ у нихъ тамъ «споръ великій». Но изъ Константинополя опять ихъ отпустили; но все-таки Митрополитъ Алексѣй получилъ нѣкоторое преимущество предъ Романомъ: онъ долженъ былъ, по господствующему обыкновенію, быть Митрополитомъ «начальнымъ и Архіепископомъ Кіевскимъ и всея Россіи»; Роману же дозволено было «по снисхожденію ради мира» править, кромѣ Епархій Литовскихъ, Полоцкомъ, Туровомъ и Новымъ городомъ (Волынскимъ).[12] Но сдѣлавъ такъ въ Константинополѣ, не могли конечно предупредить, что не будетъ впередъ споровъ между Митрополитами. Такъ и вышло: не прошло много времени, какъ тотъ же Романъ началъ высказывать свои притязанія на Кіевъ, а потомъ явился въ Тверь. — Кіевъ имѣлъ особенное значеніе, онъ считался главнымъ городомъ Русской Митрополіи, и по этому Митрополитъ Алексѣй не могъ допустить, уже потерявши часть своей Митрополіи, потерять и главный городъ ея, а съ нимъ конечно и старшинство. Въ 1358 году Митрополитъ Алексѣй отправился въ Кіевъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы личнымъ своимъ присутствіемъ утвердить тамъ свою власть, и пробывъ тамъ слишкомъ годъ, возвратился на Сѣверъ Россіи. Но въ то время, какъ Митрополитъ Алексѣй возвращался изъ Кіева, Митрополитъ Романъ самъ прибылъ въ Тверь, «не обославшись и не по любви съ преосвященнымъ Алексѣемъ»; но Романъ здѣсь не много получилъ: Владыка Тверской Ѳеодоръ не воздалъ ему никакой чести; только Князья, бояре и нѣкоторые другіе давали ему потребное; изъ Князей Всеволодъ Александровичъ Холмскій особенную честь воздалъ Митрополиту Роману; одарилъ многими дарами и приказалъ обратно проводить его въ Литву.[13] На подобныя дѣла Ро-

[12] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 141.

[13] См. ниже стр. 55.

мана Митрополитъ Алексѣй сталъ жаловаться Патріарху. Въ Константинополѣ узнавъ, что Романъ дерзаетъ называть себя всеобщимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и дѣлаетъ другія многія противозаконныя дѣла, отправили въ 1361 году пословъ съ порученіемъ: «собрать письменныя свѣдѣтельства съ собственноручными подписями Епископовъ, Князей и другихъ достовѣрныхъ мужей, препроводить оныя къ Императору и Патріарху». При этомъ послана была грамота и къ Роману о томъ, что наряжены послы для произведенія слѣдствія о его притязаніяхъ.[14] Вѣроятно, еслибы удалось только собрать подобныя бумаги и подписи въ Россіи, и при томъ въ пользу одного изъ спорющихъ лицъ, въ Константинополѣ хорошо бы рѣшили дѣло; но въ слѣдующемъ 1362 году Романъ умеръ и Митрополитъ Алексѣй сталъ управлять не частію, а цѣлою Митрополіею Всероссійскою. Послѣ смерти Романа Восточные Патріархи рѣшили дѣло о раздѣленіи Митрополіи въ пользу Алексѣя; въ грамотѣ, которая хотя и не послана была въ Россію, они выразили мысль о вредѣ раздѣленія Митрополіи, слѣдующимъ образомъ: «земля Литовская на все послѣдующее время, ни по какимъ причинамъ, не должна отдѣляться отъ области и духовнаго управленія Митрополита Кіевскаго: ибо уже подобный случай произвелъ замѣшательство и много неумѣстнаго».[15]

Но Патріарху Константинопольскому пришлось дѣйствовать не такъ, какъ онъ думалъ, вмѣстѣ съ другими. Явилось письмо изъ Польши отъ Короля Казиміра, которое привезъ Епископъ Антоній. Казиміръ требовалъ, чтобы этотъ Антоній былъ поставленъ въ Митрополиты Галиціи: «Рукоположите его въ Митрополиты, писалъ Казиміръ, дабы законъ Руссовъ не погибъ, дабы не было ему порухи. А не будетъ милости Божьей и благословенія вашего сему человѣку, не сѣтуйте на насъ послѣ, если придетъ жалостная нужда крестить Руссовъ въ вѣру Латинскую, такъ какъ нѣтъ Митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона».[16] Сѣсь говорится о Червонной-Галицкой Руси,

[14] Ж. М. Н. Пр. 1847 г.

[15] Тамъ же, стр. 144.

[16] Тамъ же, стр. 145 — 147. Преосвященный Филаретъ относитъ эту грамоту къ 1371 году см. Русскіе святые, февраль стр. 110, т. е. я полагаю

въ которой не было уже отдѣльнаго Митрополита. Патріархъ на это ничего не возражалъ и поставилъ Епископа Антонія въ Митрополиты Галича и Епископій: Холма, Турова, Перемышля и Владиміра. Такимъ образомъ отъ Всероссійской Митрополіи теперь окончательно отпала ея значительная часть, не вслѣдствіе политическихъ отношеній, а вслѣдствіе удаленія Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи; Католицизмъ короля послужилъ толчкомъ къ совершенію этого отдѣленія. Патріархъ, извѣщая объ этомъ событіи Митрополита Алексѣя, послѣ изъясненій въ своей любви къ нему, говоритъ: «слышалъ я, что ты оставилъ Христіянъ всѣхъ находящихся тамъ, (т. е. въ Югозападной Россіи) на всѣхъ мѣстахъ и сидишь на одномъ мѣстѣ. Не хорошо! Знай, что присылалъ сюда къ моему смиренію Краль Ляхіи, Казиміръ, который держитъ и Малую Россію, и другіе Князья присылали сюда Епископа и грамоты, извѣщая, что вся земля безъ закона. Что же мы должны были тутъ сдѣлать? Тебя призываемъ въ судьи, что ты самъ скажешь? Другое дѣло, если бы Государь земли былъ Православной и нашей Вѣры; тогда мы, можетъ-быть, и подождали бы. Но какъ онъ не нашъ, а Латинъ, то можно ли было отослать ихъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намѣренъ былъ не медля поставить Митрополита Латинскаго, какъ говорилъ, и крестить Руссовъ въ Вѣру Латинскую: посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось? Благодарю еще Бога, что онъ прежде, чѣмъ сдѣлалъ сіе, послалъ къ намъ и требовалъ Митрополита. По этому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали ему Галичь, чтобъ быть Митрополіею, Епископіи же: Владиміръ, Перемышль, Холмъ, все, что подъ властію Короля Ляхіи. Больше мы ему не дали.[17] Намъ не извѣстно, что на это отвѣчалъ Митрополитъ Алексѣй: впрочемъ, кажется, въ грамотѣ Патріарха дѣло было изложено такъ ясно, что нечего было возражать.[18]

она писана не въ 1371 годѣ, — а до этого года, по тому что въ 1370 году умеръ Казиміръ.

[17] Тамъ же, стр. 153.

[18] О состояніи Прав. Цер. въ Галиціи см. Повѣсть о Червонной Руси Д. Зубрицкаго пер. Бодянскаго М. 1845 г. стр. 146 § 16.

Но если Галиція отпала отъ общей Русской Митрополіи вслѣдствіе того, что Митрополиты переселились на Сѣверъ Россіи, а страна подпала подъ власть Короля Католика, не имѣющаго ничего общаго съ тѣми мѣстностями, гдѣ жилъ Митрополитъ всея Россіи; то прошло съ немногимъ 10 лѣтъ послѣ смерти Романа, какъ началось снова отступленіе отъ власти Митрополита Алексѣя Епархій, находящихся во владѣніяхъ Литовскаго Великаго Князя. Но такъ какъ выясненіемъ необходимости отдѣленія, съ этой стороны, послужила политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, то по этому обратимся покуда къ ней, на столько, на сколько она связана съ этѣмъ. Въ притязаніяхъ Митрополита Романа на Тверь, мы видѣли намеки на какія-то политическія отношенія, по этому, а также и по тому, что отношенія къ Литвѣ по поводу Твери, Московскаго Княжества, во время княженія Дмитрія Ивановича и его отца, занимали главное мѣсто въ дѣлахъ Сѣверной Россіи, то и начнемъ съ нихъ разсказъ о политической дѣятельности Митрополита Алексѣя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, мы видѣли перечень обидъ, которымъ подвергалась Русская Церковь «отъ лукавыхъ человѣкъ»; теперь подобныхъ обидъ, при Митрополитѣ Алексѣѣ, мы уже не видимъ. Причина этому та, что Церковь, въ лицѣ своего Митрополита, для защиты себя, опирается на матеріяльную силу Московскаго Князя. Но слѣдствія переѣзда Митрополита Петра въ Москву простирались еще далѣе: мы видѣли, что избраніе преемника Митрополиту Ѳеогносту произошло подъ вліяніемъ Московскаго Князя, который при томъ возложилъ на Владыку Алексѣя, вмѣстѣ съ старыми боярами, заботы о своихъ наслѣдникахъ и ихъ Княжествѣ. Вслѣдствіе всего этого вышло то, что прежняя роль Митрополита, при его участіи въ дѣлахъ политическихъ, какъ примирителя, должна была ослабиться, по тому что такому Митрополиту трудно въ дѣлахъ политическихъ, въ которыя его замѣшиваютъ, сохранить въ своемъ положеніи безпристрастіе. При томъ, если Митрополитъ очень уменъ, то въ этомъ новомъ его положеніи его дѣятельность будетъ имѣть объемъ шире обыкновеннаго, и выставится по этому несравненно рѣзче.

Мы видѣли, что Митрополиту Алексѣю, по случаю своего поставленія и спора съ Митрополитомъ Романомъ, пришлось два

раза ѣздить въ Константинополь, и вотъ какъ только онъ немного освободился отъ этѣхъ дѣлъ, въ лѣтописи разсказывается (1357 г.), что Митрополитъ Алексѣй пришелъ во Владиміръ и сдѣсь къ нему явился Всеволодъ Александровичъ Холмскій съ жалобою о своихъ обидахъ отъ дяди Василія Михайловича Тверскаго, происшедшихъ отъ «докончанья,» заключеннаго между ними. Василій Михайловичъ, вмѣстѣ съ Епископомъ Тверскимъ, Ѳеодоромъ, такъ же явился на судъ предъ Митрополитомъ и начался между Князьями споръ. Каждый жаловался на обиды; а они другъ другу надѣлали столько и такихъ обидъ, что только чрезъ забвеніе ихъ, Князья могли примириться. Начало же ссоры лежало такъ далеко по времени, что и сами Князья, пожалуй, не знали его.[19] Споръ продолжался, но конечнаго мира между Князьями не

---

[19] Въ Никоновской лѣтописи вставленъ съ 1345 года разсказъ о Тверскихъ дѣлахъ (П. Л. ч. 3, стр. 184—196; см. Ист. Рос. т. 4, стр. 406), еще въ 1346 году другой дядя Всеволода Александровича, Константинъ Михайловичъ, сталъ показывать нерасположеніе къ вдовѣ несчастнаго своего брата, Александра Михайловича, Анастасіи, и къ сыну ея, Всеволоду Александровичу (вѣроятно, и ко всѣмъ дѣтямъ Александра Михайловича); была имъ скорбь великая: началъ Константинъ Михайловичъ насильно хватать бояръ и слугъ ихъ. Всеволодъ Александровичъ не могъ вытерпѣть этѣхъ гоненій и уѣхалъ изъ Твери въ Москву къ Симеону Ивановичу, сыну Калиты, племяннику Юрія Даниловича, а оттуда поѣхалъ въ Орду, куда прежде его отправился Константинъ Михайловичъ; послѣдній вскорѣ по пріѣздѣ въ Орду умеръ. Всеволодъ Александровичъ въ Ордѣ, по смерти дяди, получилъ ярлыкъ на Тверское Великое Княженіе. Но другой его дядя, Василій Михайловичъ Кашинскій, котораго теперь мы видимъ предъ Митрополитомъ Алексѣемъ, находился дома; онъ послалъ своихъ данщиковъ въ Холмъ, взявъ съ Холмскихъ людей дань и такъ же отправился въ Орду. Всеволодъ Александровичъ, услышавъ о дѣяніяхъ своего дяди, оскорбился; пошелъ изъ Орды съ посломъ Ханскимъ, встрѣтилъ Василія Михайловича на дорогѣ и ограбилъ. «Князь же Василій Михайловичъ опечалился зѣло» отъ поступковъ своего племянника и отъ того, что Ханъ далъ Всеволоду Александровичу все Княженіе Тверское. Ограбленный Василій Михайловичъ воротился въ свой Кашинъ, а Всеволодъ Александровичъ пріѣхалъ въ Тверь; сотворилось между ними «нелюбіе», а людямъ Тверскимъ отъ этого тягость; дѣло между ними едва не дошло до войны. Это послѣднее было уже въ 1348 году. Сила, какъ видимъ теперь, находится вся на сторонѣ Всеволода Александровича. Объясненіемъ этому, кажется, можетъ служить то, что послѣ того, какъ въ 1346 году Всеволодъ Александровичъ былъ въ Москвѣ и отправился въ Ор-

состоялось; къ тому же, въ это время, и самаго Митрополита Алексѣя позвали въ Орду для исцѣленія царицы Тайдулы. Какую роль долженъ былъ играть сдѣсь Митрополитъ, мы можемъ предполагать изъ совокупности другихъ извѣстій. Кромѣ родства, въ которомъ находились Тверскіе Князья въ Москвѣ и Литвѣ (смотри въ примѣчаніи), обратимъ вниманіе на то, что Василій Михайловичъ явился на судъ предъ Митрополитомъ, тотчасъ послѣ того какъ заключилъ миръ и вошелъ въ любовь съ Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ, по «Митрополичьему слову.» Кажется, ясно на чьей сторонѣ находился судья; можетъ быть, вслѣдствіе этого между спорющими конечный миръ и не состоялся. Дальнѣйшія событія покажутъ яснѣе намеки на то, какъ понималъ сначала и какъ потомъ понялъ положеніе Митрополита Алексѣя, въ подобныхъ дѣлахъ, Всеволодъ Александровичъ.[20]

Не получивъ разрѣшенія спора предъ Митрополитомъ, Тверскіе Князья отправились въ Орду, надѣясь тамъ получить его, предъ Ханомъ Бердибекомъ. Но Всеволоду Александровичу не удалось въ этотъ разъ побывать въ Ордѣ: онъ пошелъ отдѣльно отъ дяди на Переяславль, но сдѣсь ему намѣстники Великаго Князя не дали пути. Тогда Всеволодъ Александровичъ избралъ другую дорогу въ Орду; онъ отправился туда черезъ Литву. Между тѣмъ какъ онъ путешествовалъ такъ, Василій Михайловичъ благополучно воротился отъ Хана домой и, вѣроятно, узнавъ,

---

ду, Симеонъ Ивановичъ женился, въ третій разъ, на сестрѣ его, Маріи. Но вскорѣ счастіе повернуло въ другую сторону: Владыка Тверской Ѳеодоръ захотѣлъ прекратить ссоры Князей и ввелъ наконецъ ихъ въ миръ и любовь, и Всеволодъ Александровичъ поступился Тверскимъ Княженіемъ въ пользу дяди. Но въ это время Ольгердъ женился на другой сестрѣ Всеволода Александровича, а сынъ Василія Михайловича женился на дочери Симеона Ивановича. Такимъ образомъ Всеволодъ Александровичъ перемѣнилъ союзъ Москвы на Литву, а Василій Михайловичъ сдѣлалъ напротивъ. Въ 1352 году вынесли ярлыкъ на Тверское Княженіе Василію Михайловичу изъ Орды, и тогда онъ вспомнилъ, какъ прежде племянникъ его ограбилъ, и началъ, на манеръ покойнаго брата, обижать Холмскаго Князя «чрезъ докончанье.» Снова начали Князья ссориться между собою; Василій Михайловичъ началъ захватывать бояръ и слугъ Всеволода Александровича. Вотъ съ подобными-то жалобами явились Князья предъ Митрополита Алексѣя.

[20] Ник. Лѣт. ч. 5 стр. 208.

что его племянникъ пробрался таки въ Орду, отправилъ своихъ пословъ къ Хану, съ жалобою на Всеволода Александровича. Союзнику Москвы Ханъ и Ханша безъ суда выдали врага. Плохо досталось Холмскому Князю за исканіе помощи въ Литвѣ и Ордѣ. Дядя заключилъ его, а его области, боярамъ и слугамъ было отъ Василія Михайловича великое грабленіе и продажа. Но Всеволоду Александровичу удалось ускользнуть изъ заключенія у дяди, и онъ обратился за помощію въ Литву. Его освобожденію помогло, кажется, то обстоятельство, что въ это время умеръ Иванъ Ивановичъ Московскій, а потомъ былъ убитъ въ Ордѣ Бердибекъ и всѣ Князья пошли къ новому Хану. [21] Подобная безурядица между Князьями не могла остаться безъ возраженій: Тверской Владыка Ѳеодоръ, который и прежде бывалъ примирителемъ своихъ Князей, вѣроятно, хлопоталъ и теперь; но не видя толку, онъ обратился къ Митрополиту Алексѣю, котораго онъ провожалъ въ Кіевъ въ 1358 году, съ просьбой освободить его отъ обязанностей пастыря «нестроенія ради Князей Тверскихъ.» Но Митрополитъ уговаривалъ Владыку: «потерпѣть и подождать, пока Господь устроитъ дѣла по Своей волѣ.» Всеволодъ Александровичъ возвратился изъ Литвы, а не задолго предъ нимъ пріѣхалъ въ Тверь Митрополитъ Романъ, вѣроятно, съ порученіемъ отъ Ольгерда примирить Тверскихъ Князей [22] и, можетъ быть, его пригласилъ самъ Всеволодъ Александровичъ, узнавшій, что такое за судъ о политическихъ дѣлахъ предъ Митрополитомъ, живущимъ въ Москвѣ. Литовскаго Митрополита принимали всѣ съ честію и давали ему все потребное; только Владыка Ѳеодоръ не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакого дѣла. Во время пребыванія Романа въ Твери, Всеволодъ Александровичъ взялъ миръ съ своею братіею; Василій Михайловичъ отступилъ въ пользу племянника треть отчины (вѣроятно, въ это время и Тверь перешла въ родъ Александра Михайловича) и всѣ раздѣлились волостями. Послѣ всего этого Всеволодъ Александровичъ приказалъ проводить Митрополита Романа въ Литву, одаривъ его при этомъ многими дарами.

Теперь въ Москвѣ были Князья малолѣтніе и вообще дѣла находились въ довольно запутанномъ состояніи. По этому нѣко-

---

[21] См. Татищ. ч. 4, стр. 187.

[22] Ист. Рос. т. 4, стр. 303.

гда было помогать сторонникамъ Москвы въ Твери: этѣмъ объясняются успѣхи Всеволода Александровича. Такъ тянулись дѣла почти до 1365 года. Въ этотъ годъ снова посѣтилъ Россію страшный моръ и въ Твери умерли всѣ сторонники Литвы, кромѣ Михаила Александровича, Князя Микулинскаго, которому достались удѣлы всѣхъ Князей его партіи, къ числу которой, какъ видно, принадлежалъ, умершій въ это время, сынъ Константина Михайловича, Симеонъ Константиновичъ, по тому что онъ завѣщалъ свой удѣлъ Михаилу Александровичу. Представители Московской партіи остались живы: ими были Василій Михайловичъ Кашинскій, и братъ Симеона Константиновича, Іеремія Константиновичъ.

Прежде Михаилъ Александровичъ не былъ видѣнъ, какъ и другіе члены Литовской партіи, застѣняемые дѣятельностію своего представителя, Всеволода Александровича, за то теперь Михаилу Александровичу, соединившему въ своихъ рукахъ всѣ средства своей партіи, приходилось одному вести борьбу, отъ которой враги его усиленія не думали отказываться. Василій Михайловичъ и Іеремія Константиновичъ подняли споръ за удѣлъ Симеона Константиновича. Рѣшителемъ спора явился Тверской Владыка Василій, преемникъ Ѳеодора, судившій это дѣло по благословенію и повелѣнію Митрополита Алексѣя.[23] Но владыка Василій не оправдалъ надеждъ Московской партіи; онъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Александровича. Этѣмъ дѣло такъ было и кончилось; но подъ слѣдующимъ годомъ (1367) въ лѣтописи говорится, что Великій Князь Дмитрій Ивановичъ началъ всѣхъ Русскихъ Князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать. Михаилъ Александровичъ не хотѣлъ, какъ видно, превратиться въ подручника, и Московскій Князь началъ посягать и на него; но Тверской Князь обратился за помощію къ своему зятю Ольгерду, въ Литву. Теперь и въ Москвѣ спохватились, что оправдавъ его прежде, сдѣлали промахъ и стали сначала наказывать судью, Всѣ члены Московской партіи въ Твери позвали, чрезъ Митрополичь-

---

[23] Ник. Лѣт. ч. 4 стр. 12; у Татищева ч. 4 стр. 205 есть прибавка «И по благословенію и повелѣнію Великаго Князя судилъ ихъ Владыка Василій и два боярина Московскіе».

ихъ приставовъ, Владыку Василія, на судъ предъ Митрополита: за чѣмъ онъ не по правдѣ судилъ ихъ объ удѣлѣ Князя Симеона Константиновича. Владыкѣ Василію въ Москвѣ, за тотъ судъ, былъ «проторъ великъ». Но наказаніе судьи не удовлетворяло заинтересованныхъ лицъ; Василію Михайловичу явилась на помощь Московская рать и повоевала Тверскія волости. Но и Михаилъ Александровичъ не остался въ долгу; въ концѣ того же года онъ явился изъ Литвы и съ своею и Литовскою ратью, захвативъ женъ Василія Михайловича и Іереміи Константиновича и переловивъ ихъ бояръ, пошелъ къ Кашину. Изъ Кашина были высланы послы просить мира; въ числѣ пословъ были и послы отъ владыки Василія, находившагося уже теперь съ Князьями въ Кашинѣ. Михаилъ Александровичъ заключилъ миръ со всѣми своими врагами; но миръ былъ не продолжителенъ: Іеремія, вскорѣ за миромъ, сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и ушелъ въ Москву. Теперь въ Москвѣ увидали съ кѣмъ приходится имѣть дѣло, и вотъ оттуда начали дѣйствовать другимъ образомъ. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ съ преосвященнымъ Митрополитомъ Алексѣемъ зазвали любовію къ себѣ въ Москву Михаила Александровича Тверскаго. Когда онъ пріѣхалъ, то между Князьями составились какія-то рѣчи, потомъ судъ на третій, на которомъ разспорившись Великій Князь велѣлъ схватить Михаила Александровича и бояръ его, которые были съ нимъ, всѣхъ ихъ заключили и держали «въ истомненіи великомъ». Долго, можетъ быть, пришлось бы имъ сидѣть, но дѣло заключенныхъ поправилось тѣмъ, что въ это время изъ Орды неожиданно пришли послы и по случаю ихъ прибытія Михаилъ Александровичъ былъ выпущенъ.[24] Выпуская его, съ нимъ заключили миръ, укрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, и при этомъ случаѣ поживились тѣмъ, что взяли у него Городокъ, часть отчины удѣла Князя Симеона.[25]

Такимъ образомъ Михаилу Александровичу пришлось испытать участь покойнаго своего брата, Всеволода Александровича: тотъ, какъ только явился случай, сейчасъ же обратился за су-

---

[24] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 19 и въ нѣкоторыхъ другихъ подъ 1368 г.

[25] У Арцибашева кн. 3, прим. 827, предполагается, что это не Старица ли.

домъ къ Митрополиту и, какъ мы видѣли, должно быть не очень былъ къ нему расположенъ послѣ суда, по тому что чествовалъ его соперника, Митрополита Романа; Михаилъ Александровичъ повѣрилъ съ хорошей стороны зазыву и особенно Митрополичьему, какъ сейчасъ увидимъ, и также обманулся; изъ плѣна освободился случаемъ, какъ и тотъ.

Михаилъ Александровичъ сильно сердился на поступокъ съ нимъ, который позволили себѣ сдѣлать Московскія власти, но особенно сердился онъ на Митрополита Алексѣя. Лѣтописецъ записалъ слова, которыя у него въ это время были постоянно на устахъ: «какую я любовь и вѣру имѣлъ, больше всѣхъ къ этому Митрополиту, а онъ меня такъ посрамилъ и поругалъ». Тверскіе Князья два раза обманулись въ Митрополитѣ Алексѣѣ и обманывались по простой причинѣ: они знали Святителя Алексѣя лично: онъ къ нимъ ѣздилъ въ Тверь, а въ 1363 году даже пріѣхалъ собственно для ихъ семейства — для крещенія дочери Ольгердовой, привезенной ихъ матерью изъ Литвы. Въ этѣхъ личныхъ сношеніяхъ они видѣли въ Митрополитѣ человѣка святой жизни, ревнителя вѣры, врага смутъ; знали они, конечно, и слова Митрополичьи, сказанныя владыкѣ Ѳеодору, когда тотъ не могъ переносить Княжескихъ междуусобій Но въ политическихъ дѣлахъ Тверскіе Князья хотѣли видѣть въ Митрополитѣ того же человѣка, который крестилъ Ольгердову дочь, и для нихъ ничего не значило здѣсь отношеніе начальника Церкви къ Князьямъ, у которыхъ онъ жилъ. Когда съ этѣмъ положеніемъ они сталкивались, то разочарованье распространялось уже и на другія сферы дѣятельности Митрополита. Наконецъ, надо сказать и то, что Митрополитъ Алексѣй не совсѣмъ былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Изъ лѣтописи видно, что присовѣтовали Великому Князю сдѣлать это дѣло Московскіе бояре: «Князь Великій уразумѣлъ, что не доброе ему бояре о Князѣ Михаилѣ совѣтовали, и отпустилъ его.»[26]

---

[26] Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г., кн. 3, стр. 6, пр. 7, въ статьѣ И. Д. Бѣляева о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ Митрополитъ Алексѣй оправдывается въ этомъ дѣлѣ тѣмъ, что ему было «въ это время 70 лѣтъ отъ роду, и онъ уже мало занимался Государственными дѣлами.» Напротивъ, въ шестидесятыхъ годахъ XIV столѣтія сосредоточивается вся политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя, какъ видѣли и какъ увидимъ ниже.

За Московское заключеніе Михаилъ Александровичъ началъ мстить Литовскими опустошеніями Московскихъ областей. Со стороны Москвы отплачивалось тѣмъ же; но Михаилъ Александровичъ хотѣлъ мстить не одному Великому Князю: онъ хотѣлъ отплатить и Митрополиту почувствительнѣе, чѣмъ Ольгердовы опустошенія, которыя были хотя чувствительны, но не имѣли особенной важности. Ольгердъ долженъ былъ постоянно уходить назадъ домой, отвлекаемый отъ Москвы своими дѣлами на западныхъ границахъ Литвы. Михаилъ Александровичъ обратился къ Патріарху Константинопольскому, требуя у него себѣ суда съ Митрополитомъ. Патріархъ уступилъ и позволилъ Тверскому Князю судиться съ Митрополитомъ въ Константинополѣ. Начались по этому случаю пересылки изъ Константинополя съ Москвою и Тверью. Но вдругъ Патріархъ, вѣроятно убѣжденный изъ Москвы, что судъ можетъ имѣть дурное вліяніе на репутацію Митрополита, написалъ Тверскому Князю, что онъ раздумалъ и, почитая неприличнымъ судиться Князю съ Митрополитомъ, отказалъ въ судѣ.[27] Это дѣло должно, кажется, относиться къ началу 70 лѣтъ годовъ XIV столѣтія.[28]

Года въ отношеніи Митрополита Алексѣя въ сущности ничего не значили: онъ вступилъ на Митрополичій престолъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ, а послѣ этого ѣздилъ: два раза въ Константинополь, два раза въ Орду, разъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ конечно объѣзжать епархіи Южной Россіи; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Твери, а въ 1370 году ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, чтобы крестить сына у Князя Бориса Константиновича. Для совершенія такихъ путешествій, и при томъ въ то время, нужно было имѣть хорошее здоровье; а вообще вся дѣятельность Митрополита Алексѣя свидѣтельствуетъ, что и духовныя его способности ему не измѣняли никогда.

[27] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 154.

[28] Патріархъ, извѣщая Митрополита Алексѣя объ этихъ жалобахъ, говоритъ, что они идутъ отъ Тверскаго Князя и его брата. Эта жалоба, конечно, шла отъ Михаила Александровича; братья же у него были двоюродные: Іеремія Константиновичъ и Михаилъ Васильевичъ Кашинскій. Долженъ быть который нибудь изъ нихъ: они, по своей незначительной силѣ, часто, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, должны были становиться на сторону своего врага. Подъ 1371 годомъ (Ник. лѣт.) въ лѣтописи говорится, что Михаилъ Васильевичъ Кашинскій взялъ миръ съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивано-

Въ то время, какъ Михаилъ Александровичъ жаловался на Митрополита въ Константинополь, его раздраженіе на Москву и на все Московское должно было доходить до крайности. Походы Ольгерда на Москву ему не приносили существенной пользы, а когда онъ обратился въ Орду, то и здѣсь въ сущности не достигъ ничего: купилъ ярлыкъ на Великое Княженіе, но во Владимірѣ его не приняли: по тому что съ Владимірцевъ была взята присяга Московскимъ Княземъ не принимать Тверскаго Князя. Ханскій Посолъ, пріѣхавшій его сажать на Великое Княженіе, ушелъ въ Москву; но Михаилъ Александровичъ все еще надѣялся на Орду: послалъ туда, вмѣсто себя, сына своего, Ивана Михайловича, хлопотать о дѣлахъ; но успѣху его особенно повредилъ Московскій Князь тѣмъ, что самъ отправился въ Орду. Преосвященный Митрополитъ проводилъ Дмитрія Ивановича изъ Москвы до Оки, напутствуя его своими молитвами и благословеніями. А когда Князь возвратился, везя съ собою Ивана Михайловича, выкупленнаго въ Ордѣ изъ долга 10,000 рублей, то Святитель Алексѣй взялъ его къ себѣ и держалъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не выкупилъ. Подобный поступокъ, съ Иваномъ Михайловичемъ, Митрополита, спасшаго Тверскаго Княжича можетъ быть отъ многихъ непріятностей, не остановилъ Михаила Александровича отъ жалобъ на Митрополита Патріарху.

Всѣ испытанныя средства къ борьбѣ оказывались несостоятельными, но Тверской Князь не отставалъ; онъ еще разъ призвалъ Ольгерда, тотъ опустошилъ Московскія владѣнія, но потомъ заключилъ миръ,[29] къ которому долженъ былъ пристать и Тверской Князь. Явилась смута въ самой Москвѣ, отъ Ивана Васильевича Вельяминова и купца Некомата Сурожанина, и дала надежду на побѣду. Крамольники отправились въ Орду добывать

вниемъ, а Михаилу Александровичу Тверскому крестное цѣлованіе сложилъ. Не сдѣлался ли онъ сторонникомъ своего врага, когда въ предыдущемъ году Михаилъ Александровичъ пограбилъ: Бѣжецкій Верхъ, Углечье поле, Мологу, Кострому. Въ это время Михаилъ Васильевичъ могъ пристать къ двоюродному брату, изъ опасенія разворенія и своей области; а по этому и могъ вмѣстѣ съ нимъ жаловаться Патріарху на Митрополита.

[29] Договорная грамота въ С. Г. Г. и Д. т. 1 N 31.

силы и Некоматъ вынесъ ярлыкъ на Великое Княженіе. Владимірское, а самъ Михаилъ Александровичъ поѣхалъ къ зятю въ Литву, и въ заключеніе, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе къ Московскому Князю, началъ съ нимъ войну. Для этой войны Московскій Князь собралъ огромную рать, къ нему пришли на по мощь Князья подручники и двинулись войска Новгородцевъ, союзниковъ его въ этой борьбѣ съ Тверскимъ Княземъ. Все это двинулось съ разныхъ сторонъ къ Твери. Къ Михаилу Александровичу не пришла ни откуда помощь, и онъ долженъ былъ защищаться своими средствами. Послѣ страшнаго погрома Тверскихъ областей отъ войскъ, шедшихъ съ Московскимъ Княземъ, Михаилъ Александровичъ просилъ мира. Это было въ 1375 году. Договорная грамота,[30] написанная по этому случаю, начинается по обычаю: «по благословенію отца нашего Алексѣя Митрополита всея Руси». Договоръ заключенъ между Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Тверской Князь въ отношеніи къ Дмитрію Ивановичу становится въ положеніе младшаго брата, равнаго Князю Владиміру Андреевичу: онъ долженъ имѣть однихъ союзниковъ и враговъ съ Московскимъ Княземъ, и отказаться отъ своихъ; къ Ольгерду и его братіи, и его дѣтямъ, и къ его братаничамъ цѣлованіе сложить. «Если пойдетъ Литва на насъ», говоритъ Московскій Князь къ Тверскому, «или на кого либо нашу братью, Князей, намъ себя оборонять, и тебѣ быть съ нами во всемъ за одно. Если же съ Татарами будемъ мы въ миру, то это по думѣ; захотимъ имъ давать выходъ, или не давать, то все по думѣ, а пойдутъ Татары на насъ, или на тебя, биться намъ и тебѣ всѣмъ противу ихъ; если же пойдемъ на нихъ и тебѣ съ нами за одно пойти на нихъ». Кашинскій Князь становится, по этой грамотѣ, въ независимое положеніе отъ Тверскаго. Для предупрежденія ссоръ постановлено, что если случится какое либо дѣло, затруднительное для рѣшенія между договаривающимися сторонами, или ихъ подданными, то «ѣхать на третій на Князя на Великаго, на Олега Рязанскаго, и какъ онъ рѣшитъ дѣло, такъ рѣшеніе его и должно быть исполнено».

[30] С. Г. Г. и Д. т. 1 N 28; годъ этой грамоты означенъ неправильно 1368, см. Дмитрій Ивановичъ Донской, первоначальникъ нашей славы, стр. 132—133 М. 1837 г.

Въ такое положеніе попалъ главный борецъ противъ собирателей Русской земли.[31] Что касается до Митрополита Алексѣя, то онъ съ сильнымъ противникомъ Москвы поступалъ довольно осторожно, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ съ другими Князьями. Послѣ того, какъ былъ отпущенъ изъ Москвы къ отцу Иванъ Михайловичъ, и послѣ жалобъ Патріарху Тверскаго Князя, Митрополитъ Алексѣй ѣздилъ въ Тверь въ 1374 году, для поставленія преемника владыкѣ Василію, Евфимія во Епископа; не знаемъ, какъ встрѣтилъ его Михаилъ Александровичъ теперь.

Теперь переходимъ къ дѣламъ Суздальскаго Княжества. По смерти Симеона Ивановича, расказывается въ лѣтописяхъ, Иванъ Ивановичъ Московскій и Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій отправились въ Орду къ царю Чанибеку и начали спорить о Великомъ Княженіи; потомъ говорится, что Новгородцы послали отъ себя въ Орду, прося Великаго Княженія Князю Суздальскому, но Ханъ далъ Великое Княженіе Ивану Ивановичу. Подъ слѣдующимъ годомъ разсказывается, что Князь Константинъ Васильевичъ Суздальскій женилъ своего сына, Бориса, у Великаго Князя Литовскаго Ольгерда Гедиминовича; въ заключеніе, въ томъ же году Князь Константинъ Васильевичъ примирился съ Великимъ княземъ и за тѣмъ вскорѣ умеръ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что онъ княжилъ честно и грозно, боронилъ свою отчину отъ сильныхъ Князей и отъ Татаръ.[32]

Тверскія дѣла являлись сначала дѣлами, относящимися какъ бы только къ Тверской области, а потомъ уже сдѣлались общи-

---

[31] Въ статьѣ о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ, И. Д. Бѣляева, этотъ договоръ считается довольно выгоднымъ для Тверскаго Князя, по тому что Московскій Князь не могъ предписать условій произвольныхъ и униженныхъ, что ясно показываетъ (?) еще силу Тверскаго Князя. Предполагается, что должно быть Михаилъ Александровичъ разрознилъ союзниковъ Московскаго Князя, и тѣмъ поставилъ его въ необходимость заключить такой миръ. Союзники были подручники, а Новгородцы говорили, что Тверской Князь испугался ихъ рати и заключилъ миръ (П. С. Р. Л. т. 3, стр. 90); а отъ чего не согналъ съ Тверскаго Княженія Михаила Александровича, то это объясняется кажется тѣмъ, что Ольгердъ былъ живъ, а Татары могли вступиться за Тверь, какъ и случилось.

[32] Н. Л. ч. 3, стр. 205.

ми всей Россіи. Суздальскій Князь прямо начинаетъ съ главнаго, съ соперничества Московскому Князю, относительно Великаго Княженія. Средства, употребляемыя имъ для достиженія цѣли, тѣ же, какія употребляли и Тверскіе Князья; но разница болѣшая въ томъ, какъ онъ и тѣ къ нимъ прибѣгали; какъ дѣла Тверскія постепенно выходили изъ круга, ограничивающаго только Тверскою областью, и потомъ распространялись на цѣлую Россію, такъ и къ средствамъ прибѣгали Тверскіе Князья постепенно. Суздальскій Князь напротивъ прямо хочетъ совершить переворотъ порядка дѣлъ въ цѣлой Россіи, и по этому хватается за всѣ средства: отправляется въ Орду, хочетъ на Новгородскія деньги купить ярлыкъ и, для обезпеченія себя, вступаетъ въ родство съ Ольгердомъ. По этому какъ начало было противуположно, такъ противуположенъ и конецъ: вмѣсто продолжительной борьбы, дѣло кончилось тотчасъ миромъ: по тому что для Суздальскаго Князя, хотя смѣлаго, но слабаго, выказалась яснѣе истина, чѣмъ для Тверскаго, что, не имѣя своихъ средствъ, чужія ничего не значатъ, хотя бы обладатели ихъ и предлагали свои услуги, но все таки они не могутъ постоянно стоять на сторожѣ и защищать отъ различныхъ нападеній. На манеръ отца стали дѣйствовать и дѣти.

При жизни Ивана Ивановича Московскаго, со стороны Суздальскихъ Князей, дѣтей Константина Васильевича, было тихо; но какъ только Великій Князь умеръ и остались въ Москвѣ малолѣтніе Князья, то вездѣ появились надежды на ослабленіе Московскаго преобладанія. Въ это же время въ Ордѣ сѣлъ новый Ханъ, Нарусъ: по этому Князья приходили въ Орду всѣ, кромѣ Московскаго, представителю (киличею) котораго, на просьбы о Великомъ Княженіи, Ханъ обѣщалъ, что если Дмитрій Ивановичъ явится въ Орду лично, то получитъ просимое; при этомъ Ханъ обѣщалъ еще, что другому, кромѣ Московскаго Князя, Великое Княженіе не дастъ.[33] Когда Князья, бывшіе при этомъ, отправились домой, то пришли въ Орду Суздальскіе Князья, и Ханъ предложилъ старшему изъ нихъ, Андрею, Великое Княженіе; но Князь Андрей отказался, разсуждая такъ: «что Ханъ хочетъ те-

[33] Тат. ч. 4, стр. 188.

перь дары великіе получить, а послѣ этѣмъ пожалованіемъ введетъ во вражду съ Дмитріемъ, когда тотъ подростетъ». Андрей Константиновичъ, бывшій и прежде въ хорошихъ отношеніяхъ къ Москвѣ,[34] взявъ ярлыкъ только на свое Нижегородское Княженіе, ушолъ изъ Орды; второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, остался въ Ордѣ и началъ просить о Великомъ Княженіи, давая дары Хану, Ханшѣ и всѣмъ Князьямъ Ордынскимъ. Ханъ, прельстившись на дары, отдалъ Дмитрію Константиновичу Великое Княженіе Владимірское съ Переяславлемъ и всею областію.

Получивъ желаемое, «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», Дмитрій Константиновичъ отправился изъ Орды во Владиміръ; здѣсь онъ встрѣтился съ Митрополитомъ Алексѣемъ, который при немъ поставилъ Архіепископа въ Новгородъ. Новый Великій Князь отправилъ пословъ въ Новгородъ, гдѣ ихъ приняли хорошо. Въ это время начались смуты въ Ордѣ. Ханы смѣнялись одинъ за другимъ, и когда поутихло, то Дмитрію Ивановичу выхлопотали его попечители у Хана Мюрида ярлыкъ на Великое Княженіе. Суздальскій Князь былъ прогнанъ изъ Владиміра; когда ему снова, вслѣдствіе разныхъ Ордынскихъ обстоятельствъ, выслали изъ Орды ярлыкъ, то онъ опять сѣлъ во Владимірѣ, но тотчасъ же Московскія войска снова выгнали его изъ города; при чемъ опустошили и Суздальскую волость. Князь бѣжалъ къ старшему брату въ Нижній Новгородъ, куда къ нему съѣхались и другіе Князья, прогнанные въ это время съ ихъ областей Дмитріемъ Ивановичемъ, и всѣ Князья скорбѣли о своихъ Княженіяхъ.

Но не одними войсками дѣйствовало Московское Правительство противъ соперника своего Князя: Митрополитъ Алексѣй написалъ посланіе ко всѣмъ жителямъ Нижегородскихъ и Городецкихъ земель.[35] Онъ обращаясь ко всѣмъ жителямъ съ поученіемъ относительно того, что должно жить въ страхѣ Божіемъ, говоритъ: «видите, дѣти, какой мятежъ возсталъ въ сіе время. Чего ради это все бываетъ? Нашего ради неисправленья предъ Богомъ.» Обращаясь къ духовенству, онъ совѣтуетъ ему, чтобы оно поучало Хри-

[34] П. С. Л. т. 5, стр. 228.

[35] Посланіе напечатано въ Ж. Душеполезное чтеніе 1861 г. стр. 458 — 467.

стіянъ о мирѣ, любви и нравственной жизни, не стыдяся лица сильныхъ и запрещая имъ, да не обидятъ меньшихъ. Этѣмъ поученіемъ Митрополитъ, такъ сказать, снимаетъ съ себя отвѣтственность въ раззореніи Суздальскаго Княжества отъ Московскихъ войскъ, и всю отвѣтственность возлагаетъ на людей, возмутившихъ тишину. Сдѣсь надо замѣтить, что въ поученіи ясно проглядываетъ задняя мысль, по тому что и поученіе обращено къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, т. е. тѣмъ частямъ Суздальскаго Княженія, которыя, не принадлежа Дмитрію Константиновичу, предупреждаются Митрополитомъ, что если они возстанутъ на помощь нарушителю общественнаго порядка, то и отвѣтственность за это должны нести на себѣ.

Въ 1365 году умеръ старшій Князь изъ Суздальскихъ, Андрей Константиновичъ, въ Нижнемъ Новгородѣ; второй его братъ, Дмитрій Константиновичъ, не находившійся около него во время кончины, поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, чтобы вступить въ обладаніе Княженіемъ;[36] но, самый младшій изъ Суздальскихъ Князей, Борисъ Константиновичъ, не пустилъ его туда. Этотъ родственникъ Ольгерда, на котораго, должно быть, онъ надѣялся, выхлопоталъ утвержденіе своего захвата отъ Хана: изъ Орды явился посолъ и посадилъ его на Нижегородское Княженіе. Въ это время Дмитрію Константиновичу въ третій разъ прислали изъ Орды ярлыкъ на Великое Княженіе; но онъ уже, понявъ безполезность своей борьбы съ Москвою, отступился отъ Великаго Княженія въ пользу Московскаго Князя и сталъ у него же просить помощи на брата своего, Бориса. Въ Москвѣ рѣшились по этому смирить Бориса Константиновича; отправили къ нему пословъ съ предложеніемъ помириться съ братомъ, а когда онъ не послушалъ, то изъ Москвы не послали покуда рати, а явился Преподобный Сергій Радонежскій. Онъ былъ посолъ отъ Великаго Князя и Митрополита. Святой мужъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву для примиренія, но Князь не послушался и не пошелъ въ Москву. Тогда Преподобный Сергій, по приказанію Митрополита и Великаго Князя, затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Нов-

[36] О порядкѣ старшинства удѣловъ въ Суздальскомъ Княжествѣ См. Ист. Рос. т 3, стр. 337.

городѣ. Но, какъ видно, и это средство не подѣйствовало: ждалъ чего нибудь Борисъ Константиновичъ и тянулъ время, видя, какія средства противъ него употребляютъ; но помощь ни откуда не приходила, а между тѣмъ въ Москвѣ, видя его непокорность, рѣшились дать болѣе существенную помощь Дмитрію Константиновичу. Онъ съ своею и Московскою ратью пошелъ къ Нижнему Новгороду на брата; тогда Борисъ Константиновичъ, не получившій ни откуда помощи, вышелъ на встрѣчу брату и сталъ просить у него мира. Князья помирились, и Борисъ Константиновичъ получилъ Городецъ. Такъ окончилась эта вражда. Митрополитъ Алексѣй, какъ видимъ, употребляетъ средства Церкви, съ цѣлію подать помощь союзнику дѣйствительную, но относительно безвредную и дешевую[37].

До насъ дошли извѣстія, что Митрополитъ Алексѣй поступалъ и съ другими мелкими Князьями Сѣверной Россіи такъ же, какъ поступилъ съ Нижегородскимъ. Было вообще замѣтно, что, по смерти Ивана Ивановича Московскаго, Русскіе Князья вообще вдругъ заявили какую-то особенную смѣлость во всѣхъ отношеніяхъ; у Суздальскаго Князя даже появилась мысль отбить у Московскаго Князя первенство между остальными Князьями Сѣверной Россіи; но у другихъ мелкихъ Князей такихъ смѣлыхъ плановъ не было, они могли желать только большей самостоятельности, чѣмъ та, которою они пользовались, или, если можно, такого же преобладанія въ своихъ Княжествахъ, надъ остальными своими родственниками, какимъ пользовался Московскій Князь надъ другими Князьями Сѣверной Россіи, предоставляя ослабленіе Москвы болѣе смѣлому между собою. Умеръ Великій Князь; вступилъ на престолъ новый Ханъ, и Князья отправились въ Орду. Подъ 1360 годомъ въ лѣтописи разсказывается, что

---

[37] Въ лѣтописи, среди разсказа о Суздальскихъ дѣлахъ, вставлено извѣстіе, что Митрополитъ Алексѣй отнялъ у Суздальскаго Владыки Алексѣя часть Епископіи: Нижній Новгородъ и Городецъ. У Татищева т. 4 стр. 203 прибавлено, что Князь Борисъ не послушалъ Епископа Алексѣя «бѣ бо имъ смутно». Вообще трудно рѣшить, за что было наказаніе Епископа. Отнятая часть Суздальской Епископіи была возвращена уже Архіепископу Діонисію отъ Митрополіи, по рѣшенію Константинопольскаго Патріарха см. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 159.

Князь Дмитрій Борисовичъ былъ пожалованъ Княжествомъ Галицкимъ, а Константинъ Ростовскій всѣмъ Ростовскимъ. Въ это время былъ въ Ордѣ Дмитрій Константиновичъ и другіе Князья, и всѣ они хлопотали о своихъ Княженіяхъ. Мы не видимъ изъ лѣтописи, чтобы была какая нибудь взаимная связь въ ихъ хлопотахъ, кромѣ той, что они въ одно время добывали ярлыки. Но далѣе въ лѣтописи разсказывается, что когда второй разъ вынесли изъ Орды Дмитрію Константиновичу ярлыкъ на Великое Княженіе, и Дмитрій Ивановичъ Московскій прогналъ его изъ Владиміра, то вмѣстѣ съ этѣмъ Московскій Князь взялъ также свою волю надъ Княземъ Константиномъ Ростовскимъ, а Дмитрія Борисовича Галицкаго и Ивана Ѳеодровича Стародубскаго согналъ съ ихъ Княжествъ; всѣ этѣ Князья поѣхали въ Нижній Новгородъ къ Дмитрію Константиновичу скорбѣть о своихъ Княженіяхъ, но ничего не могли сдѣлать. Это было въ 1363 году, когда Дмитрію Ивановичу Московскому было только 12 лѣтъ.

Въ 1367 году мы видимъ повтореніе тѣхъ же дѣлъ: Московскій Князь началъ приводить всѣхъ Князей подъ свою волю, а которые не повиновались ему, на тѣхъ началъ посягать. Но если могъ выставить сопротивленіе этому посяганію одинъ Тверской Князь, и то съ помощію Литвы, то другимъ Князьямъ приходилось повиноваться требованіямъ Москвы.

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ усмотрѣть замѣчательныя обдуманность плана и единство въ дѣйствіяхъ всего Московскаго Правительства; но это Правительство въ настоящее время было соединеніемъ свѣтскаго могущества съ верховною церковною властію Россіи. Въ то время, какъ исполненіе военныхъ предпріятій Московское Правительство возлагало на свѣтскихъ своихъ членовъ, Митрополитъ Алексѣй, кромѣ совѣта и руководительства въ дѣлахъ, находилъ средство употреблять свою духовную власть съ пользой для опекаемыхъ, не нарушая правилъ, которыми должно руководствоваться при употребленіи своей духовной власти. Бояре принуждали мелкихъ Князей повиноваться Великому Князю, но въ самомъ повиновеніи Князьямъ встрѣчался вредъ: когда съ Москвою ссорились сильные враги, какъ мелкимъ Князьямъ было тутъ поступать? Врагъ Московскаго Князя считалъ ихъ добровольными союзниками послѣдняго,

а не невольными, и, раззорялъ ихъ области, если они положительно держались Москвы. Если же такіе Князья, для спасенія отъ раззоренія областей, становились, въ такихъ случаяхъ, на сторонѣ врага Москвы, то отсюда могло послѣдовать наказаніе, когда принудившій ихъ къ союзу уходилъ. Таковое положеніе было принадлежностію особенно тѣхъ Княжествъ, которыя лежали между Москвою и Литвою. При частыхъ походахъ Ольгерда на Москву, онъ раззорялъ лежащія ему на пути области союзниковъ Москвы.

Князья мелкіе, когда ихъ приводили подъ свою волю изъ Москвы, давали клятвы, что будутъ стоять за нее во всемъ; а когда при выше изложенныхъ обстоятельствахъ они вступали въ союзъ съ Литвою, то являлись клятвопреступниками; слѣдовательно, виновными не только въ измѣнѣ договору, но они дѣлали преступленіе и противъ Церкви. За это глава Русской Церкви, Митрополитъ, имѣлъ права наказывать — и онъ предавалъ всѣхъ такихъ Князей проклятію. Конечно, онъ могъ принимать во вниманіе, что преступленіе — невольное; но дѣйствительно ли невольное преступленіе совершали Князья? При совокупности всѣхъ извѣстій, мы видимъ, что не всѣ Князья, какъ напримѣръ иногда Кашинскій, были невольными клятвопреступниками: у нихъ была постоянная мысль ослабить преобладаніе Москвы и при всякомъ удобномъ случаѣ они помогали врагу не столько невольно, сколько съ искреннимъ желаніемъ. Но ихъ постоянное желаніе почти никогда не удовлетворялось. Что было дѣлать Московскому Правительству съ этѣми врагами, хотя и мелкими, но при случаѣ вредными своею многочисленностію? Когда попытки Князей не удавались, изъ Москвы могли пустить рать на ихъ Княжества; но на Сѣверѣ Россіи къ войнѣ прибѣгали почти только въ однихъ крайнихъ случаяхъ. Мы видѣли, что на Нижегородскаго Князя Бориса Константиновича прежде чѣмъ выслали рать, было наложено церковное наказаніе; точно также поступали и съ другими. Преданные проклятію Князья, не могли равнодушно переносить подобнаго наказанія, тѣмъ болѣе, что оно было ново и хотя не такъ вредно, какъ раззореніе областей войною, но имѣло особенность постоянно дѣйствовать, до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято, и главное, что въ невинно стра-

дающихъ отъ него жителяхъ Княжествъ возбуждало нерасположеніе къ Князю, навлекшему проклятіе, и клонило жителей туда, откуда это наказаніе могло произойти и могло быть устранено, а именно къ Москвѣ. Князьямъ въ подобныхъ случаяхъ оставалось одно: обратиться къ Патріарху, который являлся единственнымъ человѣкомъ, могущимъ помимо Митрополита, избавить отъ его проклятій. Но изъ Константинополя, еще прежде жалобъ Князей, писали къ нимъ о томъ, чтобы они почитали Митрополита всея Руси. Когда же Князья обращались съ просьбами объ избавленіи ихъ отъ Митрополичьихъ проклятій, то на ихъ жалобы не обращали такого вниманія, какъ на жалобу Тверскаго Князя. Вселенскій Патріархъ прямо писалъ, «что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго Митрополитомъ всея Россіи на Князей, за измѣну ихъ Великому Князю, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ согласно взаимнымъ условіямъ и пока Митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись.» При этомъ Патріархъ излагалъ и причину, по чему онъ такъ поступаетъ: «они (т. е. Князья) дали Великому Князю страшную клятву, вступить вмѣстѣ противъ враговъ нашей вѣры». А въ грамотѣ къ Смоленскому Князю указывается и на этого врага: за то что Святославъ Смоленскій, вопреки условію съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ, не только не воевалъ противъ враговъ, но еще соратовалъ Ольгерду противъ Христіанъ; по этому Патріархъ объявилъ ему, что Митрополитъ всея Руси справедливо предалъ его проклятію.»[38] Смоленскій Князь воевалъ противъ Москвы, въ союзѣ съ Ольгердомъ, въ 1368 году.

Князья, отданные Патріархомъ вполнѣ въ волю Митрополита, или что тоже Москвы, къ какому средству послѣ этого могли прибѣгать? Все въ Князьяхъ возбуждало сильнѣйшую ненависть къ Москвѣ, обладающей такими средствами, которыя ей ничего не стоили, а имъ приносили страшный вредъ. Если населеніе такихъ Княжествъ должно было съ завистью смотрѣть на относительное спокойствіе, во всѣхъ отношеніяхъ, населенія Московскаго, то у Князей, вслѣдствіе этѣхъ же самыхъ побужденій, взоръ невольно обращался въ другую сторону, откуда они, можетъ быть, могли получить избавленіе, какъ отъ матері-

[38] Грамоты см. въ Ж. М. Н. Пр. за 1847 г. т. 54, стр. 143 — 144.

яльнаго преобладанія Москвы, такъ и отъ церковнаго наказанія, а именно къ Литвѣ, на жалобы которой Патріархъ принужденъ будетъ обратить вниманіе.

Говоря о Тверскихъ дѣлахъ, мы видѣли, что Литва, и въ матеріяльномъ отношеніи, не оставляла своихъ союзниковъ на произволъ своего вѣчнаго соперника, Москвы; тѣмъ болѣе она не должна была оставить ихъ въ просьбахъ объ избавленіи отъ церковнаго наказанія. Хлопоты по этой части были легче войны, да при томъ же къ нимъ побуждали и свои дѣла. Митрополитъ Алексѣй, правя Московскимъ Княженіемъ, успѣлъ, своими церковными средствами, затронуть матеріяльныя дѣла Литовскаго Великаго Князя.

Говоря о Митрополитѣ Петрѣ, было замѣчено, что вслѣдствіе переѣзда Митрополитовъ на Сѣверъ Россіи, высказалась необходимость имѣть другаго Митрополита для Южной Россіи; первоначально объ этомъ заявлено было изъ Галиціи, которая и успѣла отдѣлиться отъ общей Всероссійской Митрополіи. Этѣ же причины начинали дѣйствовать и въ отношеніи православныхъ областей, находящихся подъ властію Литовскаго Великаго Князя, выказавшееся поставленіемъ Митрополита Романа. Но въ самомъ управленіи Митрополитомъ Романомъ, назначенной ему области, мы не видимъ ясно опредѣлившагося понятія о раздѣленіи Митрополіи; онъ въ одно время и мѣстный Литовскій Митрополитъ и въ то же время поставленъ для всей Россіи; потомъ ограниченъ Литвою и въ заключеніе неопредѣленныя претензіи на титулъ Митрополита всея Россіи, а также, пожалуй, и власть Всероссійскаго Митрополита. По смерти Романа, въ 1362 году, обѣими половинами Митрополіи сталъ править Алексѣй; но съ шестидесятыхъ годовъ XIV столѣтія началась и политическая дѣятельность Митрополита Алексѣя.

Со времени смерти Митрополита Романа по прежнему шла борьба между Москвою и Литвою. Митрополитъ Алексѣй, не только въ отношеніи къ союзникамъ Литовскаго Великаго Князя, но и въ отношеніи всего его Княжества, пустилъ въ ходъ свою духовную власть. Въ этомъ случаѣ Ольгердъ, точно также, какъ и другіе, обратился къ Патріарху, тѣмъ болѣе, что на ето его вызы-

вали со стороны Москвы. Вотъ жалоба Ольгерда къ Патріарху: «Прислалъ ты ко мнѣ писаніе съ моимъ Ѳеодоромъ, что Митрополитъ печалуется тебѣ о неправдѣ. Говоритъ: Царь-де Ольгеръ заѣзжаетъ, ино не я началъ заѣзжать, а начали заѣзжать сперва они, и крестнаго цѣлованія, что имѣли ко мнѣ, не сложили и клятвенной грамоты ко мнѣ не отослали. И заѣзжали они меня девять разъ, и шурина моего Князя Михаила подъ клятвою переманили къ себѣ. И Митрополитъ снялъ съ него страхъ, чтобы приходить и уходить ему по своей волѣ, и его поимали. И зятя моего Бориса, Князя Нижняго Новгорода, и его поимали и Княжество взяли, и зятя Ивана Новосильскаго и Княжество заѣхали, и мать его поимали, и дочь мою взяли, и клятву, на преждеданную, не сложили.» Потомъ Ольгердъ пересчитываетъ города, какіе захватили Москвичи. «А то все города, и всѣ ихъ взяли, и крестнаго цѣлованія не сложили; и клятвенныхъ грамотъ не отослали. И мы того не терпя самихъ ихъ заѣхали, а не исправятъ ко мнѣ, и нынѣ терпѣть не буду. По благословенію твоему Митрополитъ: благословляетъ на пролитіе крови. А до нынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого Митрополита, каковъ сей Митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови. И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, Митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе. Иванъ Козельскій... Иванъ Вяземскій... Нагубникъ Василій... цѣловали крестъ, дали поруки, всѣ бѣжали, выдали поручителей и Митрополитъ снялъ съ нихъ крестное цѣлованіе. И многіе другіе бѣжали, и онъ всѣхъ ихъ разрѣшаетъ отъ клятвъ и крестнаго цѣлованія. Подобало Митрополиту благословлять Москвитянъ, чтобъ намъ помогали; ино и мы ратуемъ за нихъ съ Нѣмцами. А мы зовемъ Митрополита къ себѣ, и онъ не йдетъ къ намъ. Дай намъ другаго Митрополита Кіевскаго, на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ.[39]

Сказавъ, что донынѣ не бывало такого Митрополита, и высказавъ жалобы на политическія дѣла Митрополита Алексѣя,

---

[39] Ж. М. Н. Пр. 1847 т. 54. стр. 148 — 152.

Ольгердъ только едва почти напоминаетъ, что церковныя дѣла въ епархіяхъ Литовскихъ, отъ враждебныхъ отношеній Митрополита къ Князю, могутъ быть въ сильномъ неустройствѣ, какъ и было въ дѣйствительности и Кипріану Митрополиту пришлось много хлопотать о томъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ.[40]

Планъ Ольгерда объ обезсиленіи Митрополита Алексѣя былъ обширенъ; но такъ какъ требованія его были болѣе личныя, чѣмъ требованія для потребностей страны, то и удовлетвореніе ихъ послѣдовало на половину. Въ началѣ Генваря[41] 1376 года, не за долго до смерти Ольгерда, Патріархъ Константинопольскій поставилъ Кипріана въ Митрополиты, но только для Литвы и при томъ съ условіемъ, что Кипріанъ поставляется съ тѣмъ, чтобы по смерти Митрополита Алексѣя, онъ былъ его преемникомъ;[42] этѣмъ поставленіемъ Кипріана въ Митрополиты Патріархъ развелъ враждующихъ между собою лицъ.

Кипріанъ по поставленіи своемъ отправился въ Москву и еще изъ Кіева послалъ избирательныя грамоты въ Новгородъ. Въ Москвѣ на преемника Митрополиту Алексѣю, избраннаго по требованію врага, смотрѣли враждебно, по тому что сами хотѣли имѣть вліяніе на избраніе Митрополитовъ. Кипріану, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Великій Князь отвѣчалъ: «Мы имѣемъ Митрополита Алексѣя, ты же почто дерзнулъ поставиться на живаго Митрополита»[43] Выслушавъ это, Кипріанъ отправился въ Кіевъ. Изъ Новгорода онъ получилъ не болѣе утѣшительный отвѣтъ: «посылай (т. е. избирательныя грамоты) къ Великому Князю, если онъ приметъ тебя Митрополитомъ всея Россіи, то и намъ будешь Митрополитомъ.»[44]

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ видѣть, что Патріархъ Константинопольскій постоянно находился на сторонѣ Мо-

---

[40] См. Прав. Собѣс. 1860 г. т. 2, стр. 97—99.

[41] Тамъ же стр. 95, пр. 3.

[42] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 157.

[43] Ст. Кн. ч. 1, стр. 465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 48.

[44] П. С. Р. Л. т. 3, стр. 91.

сквы и Митрополита Алексѣя: въ то время какъ къ Князьямъ Русскимъ Патріархъ писалъ письма, которыя отнимали у нихъ послѣднюю надежду объ избавленіи отъ страшныхъ наказаній, шедшихъ изъ Москвы, къ Московскимъ Князьямъ изъ Константинополя являлись письма совершенно другаго содержанія: Патріархъ писалъ объ особенномъ своемъ расположеніи къ Дмитрію Ивановичу и его брату Владиміру, о своемъ гнѣвѣ на другихъ Князей и о томъ, чтобы Великій Князь о своихъ требованіяхъ писалъ къ нему со всею увѣренностію.[45] Между Москвою и Константинополемъ шли постоянныя пересылки: письмами или чрезъ вѣрныхъ[46] лицъ. Это полезное расположеніе къ Москвѣ Константинополя, выходившее изъ обыкновенной наклонности помогать сильному, какъ могущему за помощь вознаградить, Митрополитъ Алексѣй въ своемъ положеніи долженъ былъ и умѣлъ поддержать его, по тому что зналъ, какъ дѣйствовать съ Константинополемъ и вообще съ Востокомъ. Изъ лѣтописи видимъ, что во все продолженіе правленія Митрополіею Алексѣя, постоянно являются съ Востока духовныя лица за сборомъ милостыни для раззоренныхъ церквей отъ варваровъ, завоевывавшихъ Восточную Имперію. Просьбы этѣхъ собирателей милостыни не оставались безъ отвѣта: онѣ получали помощь Митрополита, а чрезъ него, конечно, и отъ другихъ. Этѣ люди шли назадъ и по всему Востоку прославляли щедрость и святую жизнь Митрополита и добрый нравъ Московскихъ Князей; другіе собиратели милостыни шли по указанію первыхъ и такъ же получали желаемое. При постоянныхъ сношеніяхъ Москвы съ Константинополемъ Митрополитъ, въ томъ же денежномъ отношеніи, былъ полезенъ и для Патріарха. Отсюда-то шло то постоянное одобреніе всѣхъ поступковъ Митрополита изъ Константинополя и если когда Патріархъ по необходимости долженъ былъ писать Митрополиту упреки за упущеніе церковныхъ дѣлъ, то упреки получались въ самыхъ нѣжныхъ формахъ и обыкновенно начинались изъясненіемъ любви и расположенія Патріарха къ Митрополиту.[47]

---

[45] Ж. М. Н. Пр. 1847 г стр. 142.

[46] Тамъ же.

[47] Тамъ же стр. 152.

Но это расположеніе Патріарха много зависѣло конечно и не отъ одной личной дѣятельности Митрополита Алексѣя: Патріарху вообще выгодно было поддерживать порядокъ въ дѣлахъ церковныхъ въ Россіи. Такъ, жалобы Новогородцевъ еще въ то время, когда Святитель Алексѣй не былъ поставленъ въ Митрополиты, не получали полнаго удовлетворенія. Когда Новгородцы были въ размирьѣ съ Великимъ Княземъ и хлопотали въ Ордѣ за Константина Васильевича Суздальскаго, отправились посланные отъ Владыки Моисея въ Константинополь къ Патріарху съ жалобами: «прося благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ Митрополита[48] Кіевскаго Ѳеодорита; жалобы эти были слѣдствіемъ того, что Новгородцы хотѣли отъ Митрополіи и власти Великихъ Князей (Московскихъ) отложиться.»[49] Но въ это время прибылъ Святитель Алексѣй въ Царьградъ, былъ поставленъ въ Митрополиты, и изъ Константинополя въ Новгородъ явились двѣ грамоты: одна содержала объявленіе о поставленіи Алексѣя въ Митрополиты; другая о томъ, что не должно признавать Ѳеодорита, посвященнаго Патріархомъ Болгарскимъ, обозначая послѣднее дѣло названіемъ безсмыслепнѣйшимъ и беззакоппѣйшимъ.[50] Это постоянное стремленіе Новгородцевъ къ относительной самостоятельности, вмѣстѣ съ политической, церковной іерархіи теперь не удалось; они вскорѣ примирились съ Великимъ Княземъ, который сердился на нихъ и за то, за чѣмъ они жаловались на Митрополита, не принимая въ разсчетъ увертку Новгородцевъ въ видѣ жалобы на Ѳеодорита. Должно быть, въ 1366 году, во время размирья Новгородцевъ съ Правительствомъ Московскимъ, возобновились жалобы Новгородцевъ Патріарху и на Митрополита. Прежде, при Владыкѣ Моисеѣ, мы видѣли, чѣмъ кончились его жалобы на Митрополита: Патріархъ разъяснилъ имъ дѣло; а въ лѣтописи разсказывается, что послы Владыки Моисея воротились съ великимъ пожалованіемъ отъ Царя и Патріарха, съ грамотами за златыми печатями о проторехъ на поставленіе и о церковныхъ пошлинахъ

---

[48] П. С. Л. т. 3, стр. 86 и 181.

[49] Тат. ч. 3, стр. 177.

[50] Ж. М. Н. Пр. 1847 г. стр. 140.

Святительскихъ и иными указаніями[51] и привезли ризы крестчатыя Владыкѣ; теперь же Патріархъ писалъ, что преемникъ Моисея (Алексѣй) не можетъ носить ризъ съ крестами, данныхъ его предшественнику, и о томъ, чтобы онъ подчинялся Митрополиту.[52] Съ такимъ-то умѣньемъ направлялъ и пользовался Митрополитъ Алексѣй наклонностію Константинополя въ пользу усилившейся Москвы.

Съ такими двумя опорами, какъ свѣтская власть Московскаго Великаго Князя и постоянное одобреніе Константинопольскаго Патріарха, приглашавшаго Митрополита извѣщать его о своей обширной паствѣ, давали[53] средства Митрополиту Алексѣю тѣмъ болѣе дѣйствовать настойчиво и самостоятельно въ дѣлахъ, касающихся и самаго управленія всею Русскою Церковью и въ обращеніяхъ къ паствѣ. Конечно, самымъ лучшимъ матеріяломъ, высказывающимъ ясно взглядъ Митрополита Алексѣя, какъ на обязанности свои въ отношеніи къ паствѣ, такъ и на обязанности всѣхъ ея членовъ, служатъ его поученія и посланія, обращенныя къ паствѣ. По утвержденіи своемъ на Митрополичьемъ престолѣ, Святитель Алексѣй издалъ посланіе ко всей паствѣ.[54] Сначала Святитель указываетъ на свою обязанность учить свою паству: «хочу, братія, сказать вамъ душеполезное; по тому что обязанъ васъ учить и пасти, какъ и Апостолъ пишетъ объ этомъ... Вы же, дѣти, должны повиноваться. Предлагаю вамъ, дѣти, притчу Спасителя о сѣятелѣ: по этому, на основаніи ея, пусть не будетъ душа ваша землею терновою, но да будутъ сердца ваши способны къ воспріятію благаго, и могущими приносить плодъ сторицею. За симъ предлагаю вамъ другую притчу Спасителя, о человѣкѣ домовитомъ, который насадилъ виноградъ, оградилъ его, создалъ столпъ, ископалъ точило и передалъ дѣлателямъ, чтобы

---

[51] Ник. Лит. ч. 4, стр. 206.

[52] Тамъ же стр. 143; срав. статью въ Прав. Обоз. 1863 г. Мартъ стр. 228-245 «О спорѣ Новгородцевъ съ Митрополитомъ изъ за-мѣсячнаго суда.» Тамъ почти всѣ вышеизложенные факты пропущены.

[53] Ж. М. Н. Пр. стр. 143.

[54] Слово Митр. Алексѣя помѣщено въ Приб. къ Тв. Св. От. годъ 5, стр. 30-39; что оно не поученіе, а посланіе см. тамъ же годъ 6, стр. 162.

они послѣ отдали ему плоды; домовитый человѣкъ есть Христосъ Богъ; виноградъ — человѣчество на землѣ; ограда оплотомъ законъ Божественный; столпъ Церковь Христова; ископа точило честная кровь Господа; дѣлатели Апостолы и ихъ преемники, обязанные учить свою паству. По этому и я, грѣшный, сподобленъ этой обязанности, не по моему достоинству, но по Божіимъ щедротамъ и Его великой милости. По этому, дѣти, воспоминая Спасителево слово, сказанное Его ученикамъ и Апостоламъ: «сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга,» такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь; такъ же имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ вашихъ, съ нимъ же человѣкъ всякую добродѣтель можетъ приобрѣсть. Соблюдайте заповѣди Божіи: покаяніемъ чистымъ отъ души въ своихъ прегрѣшеніяхъ, милостынею, удаленіемъ отъ непотребныхъ дѣлъ: блуда, пьянства, грабленія, насилія, чародѣйства и волхвованія, страсти къ ненасытному богатству. Имѣйте, дѣти, въ умѣ смерть и воскресеніе, гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его; Князья, бояре и вельможи судите судъ милостиво: судъ будетъ безъ милости не сотворившему милости; не принимайте мзды на неповинныхъ; судите людей въ правду; вдовицъ, сиротъ и пришлецъ не обижайте, да не возопіютъ на васъ къ Богу. Людская чады! Бога бойтесь, Князей чтите, а святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покореніемъ и безъ прекословія: они день и ночь молятся о душахъ вашихъ, по тому что имъ придется воздать отвѣтъ за свою паству. Притекайте къ іереямъ съ покаяніемъ и слезами, открывайте имъ свои дѣла и не приступайте къ нимъ снова, — это будетъ истинное покаяніе; видѣвъ это іерей, можетъ очистить васъ и сдѣлать причастниками тѣла и крови Христовой. Будьте и вы милостивы, по тому что судъ безъ милости не сотворившему милости. Исполняйте законъ Божій, сколько имѣете возможности, не словомъ, но дѣломъ, чтобы не сказалъ Богъ: что Меня зовете, Господи, Господи, а не творите воли Моей. Князья, бояре, купцы и всякой правовѣрный Христіянинъ! оставляйте свои дѣла и стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности; не говорите такъ: отпоемъ себѣ дома, и та молитва въ сравненіи съ церковной ничтожна; а когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ, со всѣми любовь, а входя въ церковь трепещите душею, по тому что не въ простой храмъ входите. Если будете

такъ дѣлать, то и молитва церковная за васъ пойдетъ; стоя въ церкви, забывайте всѣ дѣла внѣ церкви. Такъ я, дѣти, получивши талантъ отъ Бога, не долженъ его скрывать въ землѣ, но раздавать добрымъ торжникамъ, да сподобилъ бы меня Господь, въ день судный, сказать: «Господи, это я, а это мои дѣти, которыхъ Ты мнѣ далъ.» По этому, дѣти, Бога ради, позаботитесь угодить Богу добрыми дѣлами и души свои спасти. Не пропускайте дѣти ни котораго говѣнья, но будьте причастниками тѣла и крови Христовой: это, дѣти, вкратцѣ я вамъ писалъ, но вы своимъ благоразуміемъ распространите въ сердцахъ вашихъ кладъ духовный, и если вы, что я писалъ, пріимите и соблюдете, не словомъ только, но дѣломъ, то будете причастниками небеснаго Царствія, котораго да сподобитъ Богъ всѣхъ васъ во второе Свое пришествіе.» Съ этѣмъ посланіемъ весьма сходно по характеру и содержанію и посланіе къ жителямъ Нижегородскимъ и Городецкимъ, написанное, какъ выше замѣчено, по случаю смутъ, заведенныхъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Въ немъ онъ начинаетъ подобнымъ же образомъ: «да не скажете вы въ страшный день суда Спасова: не слыхали мы поученія отъ Митрополита Алексѣя всея Руси о спасеніи душъ нашихъ. И того ради, дѣти, пишу къ вамъ и понуждаю васъ на благое... Игумены, іереи учите своихъ духовныхъ дѣтей страху Божію и исповѣданію о грѣхахъ и милостынѣ по силѣ; не стыдитесь лица сильныхъ и запрещайте имъ, да не обидятъ меньшихъ.... Это я пишу не однимъ игуменамъ и іереямъ, но и къ Князьямъ, и боярамъ, и мужамъ, и женамъ и всѣмъ правовѣрнымъ Христіянамъ, чтобы вы, дѣти, имѣли почтеніе, покореніе и послушаніе къ своимъ отцамъ духовнымъ, заповѣдающимъ вамъ душеполезное и спасительное...» Въ этомъ послѣднемъ поученіи Святитель только еще болѣе вооружается противъ господствующихъ въ народѣ пороковъ, особенно пьянства [55]

Въ этѣхъ посланіяхъ Митрополитъ Алексѣй подтверждаетъ каждое свое положеніе словами Священнаго Писанія, или учителей Церкви. Поученія его уже отличаются отъ поученія Митрополита Петра: тамъ одна только Христіянская любовь и ученіе

[55] Душеполезное чтеніе 1861 г. т. 3, стр. 468 — 467.

ея, и при томъ все излагается смиренно; здѣсь уже другое: кромѣ любви Христіянской, отражается въ словахъ многое, выходящее изъ положенія личности поучающаго; онъ смѣло обращается ко всѣмъ: «Князья и бояре, судите по правдѣ: судящему безъ милости судъ будетъ безъ милости;» говоритъ всѣмъ Христіянамъ о повиновеніи но только Богу и Князьямъ: «святительство имѣйте выше своей главы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія.» Если, въ исторіи его времени и послѣдующемъ за нимъ, мы видимъ большею частію людей только дѣйствующихъ, но ничего не говорящихъ, или если говорящихъ, то одно, предки и потомки на одну тему; то этого нельзя сказать о первыхъ Московскихъ Митрополитахъ: они по обязанности должны были говорить, хотя конечно не говорятъ много, или почти совсѣмъ не говорятъ, когда учавствуютъ въ дѣлахъ политическихъ; но все равно, они говорятъ, когда обращаются съ поученіемъ къ паствѣ, хотя и на основаніи Священнаго Писанія и на заданную себѣ тему. Сдѣсь-то они высказываютъ свой характеръ и свое направленіе невольно. Митрополитъ Петръ говоритъ только о любви Христіянской, ему нечего и не объ чемъ больше говорить: его положеніе тяжело, онъ не можетъ дѣйствовать, по тому что со всѣхъ сторонъ стѣсненъ и почти беззащитенъ; на него клевещутъ, онъ прощаетъ клеветы и только умоляетъ не дѣлать этого впередъ. Другой тонъ въ тѣхъ же словахъ у Митрополита Алексѣя: «я обязанъ учить, хочу учить и учу; совѣтую и умоляю васъ, любите другъ друга, живите мирно, изъ ссоръ и ненависти другъ къ другу и изъ пороковъ всѣ ваши несчастія земныя и погибель душевная, въ дѣлахъ руководствуйтесь Священнымъ Писаніемъ, повинуйтесь Князьямъ, но и вы, Князья, помните, что и на васъ есть судъ, если ужь не на землѣ, то за гробомъ будетъ. А вы, чадь людская, святительство чтите больше всего, безъ прекословія; если другіе не ведутъ васъ къ счастію и миру на землѣ, то святительство, моля о вашихъ грѣхахъ Бога, спасаетъ васъ.» Сдѣсь конечно не договариваетъ Святитель Алексѣй Католическихъ словъ, что святительство поведетъ, пожалуй, и къ счастію на землѣ.

Такое различіе въ поученіяхъ двухъ Митрополитовъ Петра и Алексѣя. До насъ дошло еще посланіе Митрополита Алексѣя,

кромѣ вышеизложенныхъ поученій, это посланіе его на Червленный Яръ о подсудности жителей его Рязанскому Владыкѣ.[56] Это посланіе особенно тѣмъ для насъ любопытно, что по этому самому дѣлу писали посланія туда многіе предшественники Митрополита Алексѣя; но изъ ихъ посланій извѣстно только посланіе Митрополита Ѳеогноста;[57] по этому сравнимъ оба посланія. Посланія писали по слѣдующему поводу: между Сарайской и Рязанской епархіями были спорнымъ мѣстомъ земли, лежащія по Хопру; жители причисляли себя къ Сарайской Епископіи, между тѣмъ какъ по древнему праву они дожны были принадлежать къ Рязанской Епархіи.[58] Дѣло было рѣшено на основаніи правъ Рязанскаго Владыки и грамотъ Митрополитовъ Максима и Петра. Святитель Ѳеогностъ писалъ такъ: «Благословеніе Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтямъ моимъ... ко всѣмъ Христіянамъ Червленнаго Яру. Молюсь Богу и Святой Богородицѣ, да будете душею и тѣломъ добры и здоровы, и да исполняли бы вы заповѣди Божіи, имѣли бы любовь къ ближнему и ко всѣмъ милостыню по силѣ, правду, цѣломудріе, исповѣданіе грѣховъ своихъ, да наслѣдники безконечнаго Царствія будете;» за тѣмъ говорится, что знаютъ они о постоянномъ спорѣ между владыками Рязанскимъ и Сарайскимъ про тѣ мѣста, и онъ (Ѳеогностъ) посылалъ туда своего Игумена, для разсмотрѣнія дѣла, и по его свидѣтельству далъ и грамоту. Нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ Владыка Рязанскій и привезъ грамоты Митрополитовы Максима и Петра, утверждающія его права, и третью грамоту Владыки Сарайскаго Софонія, что онъ отступается отъ того предѣла, по тому что онъ Рязанскій. «По этому пишу къ вамъ, сотворяя по грамотамъ тѣхъ Митрополитовъ, и даю правую грамоту Владыкѣ Рязанскому. И вы имѣйте къ нему любовь и всякое послушаніе и покореніе и исполняйте все, что онъ станетъ вамъ говорить душеполезное, а церковныя пошлины давайте по давнему церковному обычаю. А милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.» Грамота Митрополита Алексѣя писана по этому же случаю и, под-

---

[56] Ак. Ист. т. 1, N. 3.

[57] Тамъ же, N. 1.

[58] О границахъ епархій см. Исторію Рус. Цер. т. 2, стр. 133, примѣч. 228.

тверждающая ее, есть только распространеніе грамоты Ѳеогностовой; она наполнена текстами, но такими, которыхъ не встрѣчается у его предшественника; кромѣ того, въ грамотѣ есть замѣчательныя прибавки, характеризующія пишущаго: онъ не только совѣтуетъ, но указываетъ на свое право. Вотъ этѣ прибавки вообще: «исповѣдуйте свои грѣхи: ибо Господь Богъ Іисусъ Христосъ такъ сказалъ ученикамъ Своимъ и Апостоламъ: идите во весь міръ, проповѣдуйте Евангеліе всякой твари, и кто имѣетъ вѣру — крестится, спасенъ будетъ, а не имѣющій вѣры осужденъ будетъ. И еще такую власть имъ далъ: елико аще свяжете на землѣ (грѣхъ ради человѣческихъ), связаны будутъ и на небесахъ, елико аще разрѣшите на землѣ, будутъ разрѣшены и на небесахъ. И еще такъ говоритъ: слушающій васъ, Меня слушаетъ, а отметающійся васъ, Меня отметается. Туже благодать Святаго Духа пріялъ и я грѣшный, и есть я пастухъ и учитель всѣхъ Христіянъ, находящихся въ Русской землѣ, и лежитъ на мнѣ тягость учить всѣхъ душеполезному и необходимому для спасенія. Къ вамъ многажды писано полезное душамъ вашимъ. Вы же, какъ-то и время показываетъ, моихъ словъ и ученія не слушаете, но исполняете свою волю. Не знаете развѣ, что всей Русской земли Владыки въ моей власти и въ моей волѣ, и я ихъ ставлю. отъ благодати Пресвятаго Духа. Такая же власть дана и вашему Владыкѣ. Вы его словъ не слушаете, но странныхъ пастуховъ принимаете, и какъ то видится, не считаете себя паствы истиннаго вашего пастыря. Мы всѣ Христовы и Христовы слова говоримъ; кто же насъ не слушаетъ, не есть Христовъ. Вы же должны дѣлать дѣла добрыя, по тому что вѣра безъ дѣлъ мертва есть, также и дѣла безъ вѣры.... Слушая слова Апостола.... покайтесь, возлюбленныя и обратитесь къ Богу.... О томъ же предѣлѣ, какъ пишутъ грамоты Митрополитовъ Максима, Петра и Ѳеогноста и владыки Софонія, есть предѣлъ на Сарайскій... а принадлежитъ власти Владыки Рязанскаго и отъ него туда должны поставляться попы и дьяконы. И вы, помня пошлину церковную, давайте ему по обычаю. Если исполните то, что я пишу, грамоты послушаете и пошлину церковную дадите, и милость Божія и мое благословеніе да будутъ съ вами.

Вотъ двѣ грамоты двухъ Митрополитовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Ѳеогностъ говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять обязанности и благословляетъ своихъ духовныхъ дѣтей; Алексѣй тоже говоритъ о мирѣ и любви, проситъ исполнять требуемое, но благословляетъ на условіи повиновенія, да еще притомъ указываетъ, что онъ имѣетъ право требовать исполненія, по тому что ему на это дана власть: развѣ вы, говоритъ Митрополитъ, не знаете, что Владыки Русской земли въ моей власти? По чему одинъ говоритъ такъ, а другой иначе? Ѳеогностъ Грекъ, а Алексѣй Русской; первой только что началъ дѣйствовать при новомъ положеніи Митрополитовъ въ Россіи и еще не вполнѣ твердо сознаетъ его: ему кажется, что оно еще не много крѣпче, чѣмъ было при его предшественникѣ. Алексѣй уже понимаетъ, какъ дѣйствовать, но въ своихъ дѣйствіяхъ не выходитъ изъ границъ правъ, которыми онъ по законамъ Церкви обладаетъ; ему изучать положеніе Митрополита Русскаго было болѣе средствъ, чѣмъ его предшественнику: тотъ прямо пріѣхалъ изъ Греціи на Митрополію, а этотъ былъ Русской, при томъ у того же Ѳеогноста былъ въ продолженіи 12 лѣтъ викаріемъ, а теперь, ко всему этому, его отношенія къ свѣтской власти были самыя выгодныя для того, чтобы могъ Митрополитъ смѣлѣе говорить и дѣйствовать.

Какъ строго требовалъ, чтобъ всѣ жили согласно съ Христіянскою нравственностію, такъ и самъ жилъ Святитель Алексѣй: онъ для всѣхъ служилъ образцомъ Христіянской жизни, за что отъ всѣхъ и пользовался глубочайшимъ уваженіемъ. Дружба Митрополита Алексѣя съ преподобнымъ Сергіемъ была причиной того, что и самъ Святитель принялся, съ помощію преподобнаго, за распространеніе монашества, служившаго въ то время для всѣхъ Русскихъ представителемъ высшей нравственной жизни. Такъ, во время своего послѣдняго путешествія въ Константинополь, Святитель Алексѣй далъ обѣщаніе, если спасется отъ бури, устроить монастырь, и по этому, по возвращеніи въ Москву, когда нашлось у него свободное время, поѣхалъ къ преподобному Сергію въ его монастырь и выпросилъ себѣ ученика его, Андроника, для того, чтобъ тотъ устроилъ житіе монаховъ; вслѣдствіе этого былъ основанъ монастырь около Москвы, на берегу рѣки Яузы, извѣстный теперь подъ названіемъ Андроникова. По-

томъ былъ устроенъ монастырь, въ память чуда Архангела Михаила въ Колосахъ, внутри Кремля, въ ознаменованіе помощи Божіей при исцѣленіи царицы Тайдулы. Третій монастырь, построенный Митрополитомъ Алексѣемъ въ Москвѣ, былъ женскій Алексѣевскій, во имя своего Ангела. Но не въ одной Москвѣ онъ строилъ монастыри, но и въ другихъ мѣстахъ Митрополіи: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во Владимірѣ, въ Серпуховѣ.[59] Всѣ этѣ монастыри были снабжены необходимымъ для содержанія и книгами.

О дѣятельности Митрополита Алексѣя, относительно распространенія монашества и управленія обширною паствою, можно замѣтить, кромѣ того, что онъ старался удовлетворять всѣмъ нуждамъ своей паствы; но какъ видно онъ старался и объ томъ, чтобы направить дѣятельность своихъ подчиненныхъ къ той же самой цѣли, къ которой онъ самъ направлялъ дѣла политическія. Изъ извѣстій о жизни Святителя Алексѣя мы постоянно видимъ, что онъ обращалъ отличительное вниманіе на тѣ епархіи, гдѣ православные находились подъ властію враждебныхъ Москвѣ Князей: такъ, напримѣръ, онъ для каждаго поставленія Епископа въ Твери ѣздилъ туда. Сдѣсь надо замѣтить, что въ Тверь Епископы не присылались Митрополитомъ, а выбирались, подъ вліяніемъ тамошнихъ Князей, большею частію изъ мѣстнаго духовенства. Изъ дѣла же Владыки Тверскаго Василія можно видѣть, какъ наказывались и къ чему приводились духовныя лица, несогласныя въ своей дѣятельности съ Митрополитомъ. При томъ еще и то, для подтвержденія этого, должно замѣтить, что при жизни Алексѣя и по его смерти проявлялось во враждебныхъ Москвѣ земляхъ, Всероссійской Митрополіи, какая-то особенная ненависть ко всѣмъ его ставленикамъ. Такъ Епископы, поставленные Митрополитомъ Алексѣемъ для Литвы, часто принуждены были оставлять свои епархіи, не по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, а только по нелюбви къ нимъ мѣстныхъ Князей.[60] Точно то же

---

[59] См. объ этѣхъ Монастыряхъ: Русскіе Святые, чтимые всею Цер. или мѣстно. Филарета Арх. Черниг., Февраль, стр. 99—101; Приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, стр. 119—122, Степ. Кн. ч. 1, стр. 460—461; Памят. Москов. Древ. стр. 132—152; Истор. Рос. Іер. ч. 3, М. 1811 г. стр. 90—91, 94—99, 358—359, част. 6 712—717.

[60] Ист. Рус. Цер. т. 2. стр. 131 Прим. 225.

было и въ Твери, гдѣ Митрополитъ Кипріанъ долженъ былъ Владыку Евфимія, ставленика Митрополита Алексѣя, свести съ Епископіи, собственно по одной нелюбви къ нему Михаила Александровича. [61] Это конечно предположеніе, что Митрополитъ Алексѣй старался ставить всюду Епископовъ, которые бы тянули къ Москвѣ; но изъ его собственныхъ словъ, какъ онъ смотрѣлъ на свою власть и на отношеніе къ нему Епископовъ: «развѣ вы не знаете, что всѣ Владыки Русской земли находятся въ моей власти», можно заключить, что онъ былъ очень разборчивъ въ лицахъ, которыхъ ставилъ на такія важныя мѣста, каковы мѣста Епископовъ въ тогдашнее время. Если онъ такъ направлялъ дѣло ставленія Епископовъ, то можно сдѣлать еще и другое предположеніе, что Епископы, согласные въ своихъ мнѣніяхъ съ Митрополитомъ, точно того же должны были требовать и отъ своихъ подчиненныхъ, слѣдовательно, такимъ образомъ могли дѣйствовать и на все народонаселеніе, которое по этому могло, вмѣстѣ съ другими условіями, тянуть къ Москвѣ.

Это направленіе всего легче могло передаваться народу чрезъ черное духовенство, которому народъ могъ несравненно болѣе довѣрять. Отсюда шло то покровительство монахамъ, славнымъ своею святою жизнію и имѣвшимъ одни мнѣнія съ Митрополитомъ. Лучшимъ примѣромъ этому служитъ разсказъ, помѣщенный въ житіи преподобнаго Сергія: «о составленіи монастыря, иже на Киржаче». [62] Взошла мысль нѣкоторымъ изъ монаховъ монастыря Троицкаго: не восхотѣли Сергіева старѣйшинства.— Старшій братъ преподобнаго Сергія, Стефанъ (бывшій монахъ, а потомъ Игуменъ Богоявленскаго монастыря и другъ Митрополита Алексѣя, жившій теперь въ монастырѣ брата) сдѣлалъ слѣдующее: во время одной вечерни, которую служилъ самъ преподобный, Стефанъ, стоявшій на клиросѣ, спросилъ конорхиста, взявшаго какую-то книгу: «кто тебѣ велѣлъ брать эту книгу»? тотъ отвѣчалъ, что «Игуменъ Сергій приказалъ мнѣ». Стефанъ на это сказалъ: «кто здѣсь настоящій Игуменъ? Не я ли прежде

---

[61] См. Ник. Лѣт (подъ 1390 г.) ч. 4, стр. 195—198.

[62] Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 225—227; П. С. Л , т. 6. стр. 121.

основался на этомъ мѣстѣ, и устроилъ церковь?» И многое другое нелѣпое говорилъ Стефанъ. Преподобный Сергій, бывшій въ это время въ алтарѣ, слышалъ весь этотъ неприличный разговоръ, но никому ничего не сказалъ; но за то послѣ, когда братія вошла въ трапезу, онъ удалился изъ монастыря ни кѣмъ не замѣченный и поселился въ пустынномъ мѣстѣ, надъ рѣкою Киржачемъ. Какъ только братія узнала, что нѣтъ въ монастырѣ Игумена, то пришли въ уныніе и стали искать его. Когда же его отыскали, то стали къ нему переселяться, и преподобный, устроивъ для нихъ келліи, послалъ къ Митрополиту просить благословенія на основаніе монастыря; благословеніе было дано. Но братія, оставшаяся въ Троицкомъ монастырѣ, стала просить Митрополита, чтобы онъ возвратилъ преподобнаго къ нимъ въ монастырь, какъ прежде основанный. Митрополитъ, внявъ ихъ просьбѣ, послалъ къ преподобному двухъ Архимандритовъ, съ слѣдующею рѣчью: «пусть существуетъ теперь тобой основанный монастырь, и ты поставь въ немъ, кого знаешь, изъ твоихъ учениковъ строителемъ, самъ же возвратись въ прежній твой монастырь, да не грустятъ любящіе тебя о разлукѣ съ тобою; ненавидящихъ же тебя и не покоряющихся тебѣ я выведу изъ монастыря съ безчестіемъ и никто не будетъ сопротивляться тебѣ въ монастырѣ твоемъ.» Преподобный Сергій возвратился послѣ этого въ Троицкій монастырь. Здѣсь мы можемъ, кажется, видѣть, что Митрополитъ поддерживаетъ не только законную власть, но и то, что вліяніе преподобнаго на всѣхъ, и доказанное любовію къ нему большинства братіи, могло ослабиться, въ значительной мѣрѣ, какъ неповиновеніемъ нѣкоторыхъ изъ братіи, такъ и перемѣною мѣста, такъ сказать, насиженнаго, на другое новое; перемѣною, происшедшею вслѣдствіе неприличнаго поведенія людей вспомнившихъ о своемъ важномъ санѣ и прежнемъ величіи, отъ которыхъ уже отказались.

Здѣсь не говорю ничего о томъ, что съ имуществъ, которыми обладало духовенство, получаемые догоды почти всѣ стекались въ Москву, въ резиденцію, Митрополита, и такимъ образомъ увеличивали матеріяльныя средства жителей Москвы, а слѣдовательно и ея Князей. Все это конечно возбуждало зависть въ другихъ Князьяхъ къ Москвѣ, а такъ же и къ Митрополиту, кото-

рый извлекалъ изъ другихъ Княжествъ средства для Москвы, употребляемыя для борьбы съ тѣми же Княженіями.

Этѣ причины, особенно послѣдняя, и безъ той политической дѣятельности со стороны Митрополита, могли служить къ тому, что Русскіе Князья невольно должны были желать ослабить помощника Московскаго Княжества и обращаться за помощію въ Литву, которая то же самое испытывала и не могла вообще равнодушно сносить то, что каждый шагъ Митрополита, сдѣланный имъ даже, можетъ быть, безъ цѣли, уже служитъ ей во вредъ и въ пользу Москвы. Такъ, на примѣръ, Митрополитъ Алексѣй призналъ святыми Христіянъ, замученныхъ въ Литвѣ Ольгердомъ; подобное дѣло для православныхъ подданныхъ Литовскаго Великаго Князя, волей или не волей, выставляло ихъ Государя не въ очень выгодномъ свѣтѣ. Но этѣ нравственныя и денежныя обиды не могли вдругъ послужить къ раздѣленію Митрополіи; даже самая мысль объ этомъ теперь еще хорошенько не созрѣла въ Литвѣ, и Ольгердъ, жалуясь Патріарху на Митрополита и выставляя причины, по чему тотъ долженъ дать для Литвы и другихъ союзныхъ ей земель отдѣльнаго Митрополита, жалуется только на его политическія дѣла. Онъ, конечно, могъ надѣяться, что его Митрополитъ также обратитъ къ себѣ взоры своей паствы, какъ при немъ привлекалъ ихъ Алексѣй.

Къ подобнымъ же средствамъ, служившимъ въ пользу Москвы, чрезъ Митрополита, были отношенія его къ завоевателямъ. Святитель Алексѣй въ отношеніи къ Монголамъ находился въ такомъ же положеніи, какъ и его предшественники. Церковь при немъ пользовалась тѣми же правами, какъ и прежде, на основаніи Ханскихъ ярлыковъ. Но и здѣсь Святителю Алексѣю пришлось особенно выставиться въ сравненіи съ другими.

Кромѣ обязанности, которая можетъ быть существовала, ѣздить Митрополитамъ въ Орду за ярлыками для своего утвержденія, изъ житія Святителя Алексѣя мы видимъ, что онъ ѣздилъ туда два раза, совершенно по другимъ причинамъ. Подъ 1357 годомъ [63]

---

[63] Въ приб. къ Тв. Св. От. годъ 6, въ статьѣ о Митр. Алексѣѣ на стр. 108, прим. III говорится, что на основаніи изслѣдованій Григорьева О дос. Хан.

въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе о позывѣ Митрополита въ Орду чрезъ посла отъ Хана Чанибека, чтобъ онъ посѣтилъ и исцѣлилъ больную жену Хана, Тайдулу. Посолъ пришелъ въ то время, когда Святитель присутствовалъ при спорѣ Тверскихъ Князей предъ нимъ. При этомъ требованіи глубокая вѣра со стороны Святителя подвергнулась страшному испытанію отъ крайняго суевѣрія требующихъ. Тяжело ему было, когда суевѣрные люди, не имѣвшіе никакой вѣры, требовали отъ представителя Русскаго духовенства дѣла неисполнимаго. Считая каждое духовное лицо колдуномъ, и видя, что ни одинъ изъ близкихъ къ нимъ колдуновъ не помогаетъ, они вспомнили, что есть въ Россіи набольшій колдунъ, который ужъ навѣрно поможетъ больной царицѣ, по этому и стали звать его. Отказаться отъ этого дѣла, которое навязывали Митрополиту Алексѣю, было трудно; варвары не приняли бы во вниманіе причины отказа, а только могли потерять страхъ свой предъ этѣми чародѣями, какими считали они духовенство; отсюда могли слѣдовать, пожалуй, невыгоды для народа, связаннаго съ выгодами духовенства. Моля Бога о помощи въ дѣлѣ, которое Святитель считалъ не выполнимымъ для человѣческихъ силъ, онъ отправился въ Орду. Тайдула, для которой вся цѣль жизни соединена была въ одной любви Хана, подрываемой ея болѣзнями, ждала съ крайнимъ нетерпѣніемъ, и въ то же время съ вѣрою, пришествія знаменитаго святаго человѣка. Когда Святитель явился предъ нею и началъ ее благословлять, Тайдула выздоровѣла. Дары и почетъ отъ Ордынцевъ были наградою за сверхъестественное дѣло. За такую услугу Митрополитъ Алексѣй получилъ отъ самой Тайдулы ярлыкъ на свободный проѣздъ въ

ярл. «Святитель Алексѣй могъ быть въ Ордѣ на пути въ Царьградъ, т. е. въ 1355 году.» Можетъ быть, лѣтописцы смѣшали два путешествія Митр. Алексѣя въ Орду въ одно. Но совокупность фактовъ, разсказанныхъ по случаю перваго путешествія не вполнѣ подтверждаетъ предположеніе Г. Горскаго. Такъ, въ 1355 г. не видимъ замятни въ Ордѣ. Здѣсь разсказываются факты, какъ объ нихъ дошли извѣстія. Извѣстіе о второмъ путешествіи находится только въ Степенной Книгѣ. Преосвященный Филаретъ дѣлаетъ ссылки о второмъ путешествіи на такія лѣтописныя извѣстія, которыя по своей краткости могутъ относиться къ которому угодно; да притомъ извѣстія, на которыя онъ ссылается не говорятъ о двухъ путешествіяхъ, а объ одномъ. См. Рус. Свят. Февраль прим. 134.

Константинополь [64] Въ немъ говорилось, что если Митрополитъ Алексѣй пойдетъ къ Царьграду, то чтобы всѣ, кто бы ни былъ, его не трогали и никакихъ насилій ему не дѣлали. Предъ отправленіемъ изъ Орды Митрополиту Алексѣю пришлось быть свидѣтелемъ смутъ, начинавшихся тамъ, и ради которыхъ онъ принужденъ былъ спѣшить отъѣздомъ. Съ нимъ отправился посолъ изъ Орды къ Русскимъ Князьямъ съ требованіемъ дани.[65] Замятня въ Ордѣ въ это время продолжалась и наконецъ кончилась тѣмъ, что сынъ Чанибековъ, Бердибекъ, убилъ отца и своихъ 12 братьевъ и самъ сдѣлался Ханомъ. Бердибекъ, какъ разсказываютъ лѣтописи, былъ чрезвычайно суровъ и хотѣлъ непремѣнно ити грабить Россію; но Россія въ то время еще не была готова встрѣтить отпоромъ Орду. Великій Князь Иванъ Ивановичъ не зналъ что́ дѣлать при такихъ обстоятельствахъ, и обратился къ Митрополиту Алексѣю съ просьбой, чтобы онъ снова отправился въ Орду, ходатайствовать за Русскую землю.[66] Въ 1358 году Святитель отправился, и хотя его, какъ видно, сначала плохо приняли; но санъ, прежнія дѣла и умъ его имѣли вліяніе на Татаръ. Бердибекъ смирился предъ нимъ и поганые удивились его премудрости и почтили, какъ Божія Святителя. Бердибекъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, далъ ему ярлыкъ съ подтвержденіемъ правъ духовенства, которыми оно пользовалось по ярлыкамъ отъ прежнихъ Хановъ.[67] Въ Москвѣ, когда Святитель воротился изъ Орды, встрѣтили его съ величайшимъ почетомъ. Авторъ житія Митр. Алексѣя вкладываетъ въ уста ребенка, будущаго побѣдителя Мамая, слова: «О владыко! что тебѣ воздамъ противу труда твоего? Трудомъ этѣмъ ты намъ даровалъ мирное житіе.»

Послѣ этѣхъ путешествій Митрополита въ Орду, тамъ начался рядъ смутъ, Ханы истребляли другъ друга. Этѣ Ордынскія

---

[64] О томъ что Ханши могли давать ярлыки см. Григорьева О дос. Хан. ярлыковъ, стр. 65 и дал., ярлыкъ стр. 128.

[65] Ник. Лѣт. ч. 3 стр. 209.

[66] Ст. Кн. ч. 1 стр. 456.

[67] Ярлыкъ см. О дос. Хан. ярл. стр. 126.

смуты дали средства устроить хорошенько Московскія дѣла во время малолѣтства Дмитрія Ивановича. Когда же Орда, сплоченная Мамаемъ, стала снова показывать свои послѣднія силы, то и въ Москвѣ все было готово къ борьбѣ съ нею. Митрополитъ, видѣвшій Орду, могъ, въ числѣ другихъ, перенести въ Москву и во всю Россію то ослабленіе страха предъ завоевателями, которое повело къ великой битвѣ Куликовской.

Послѣ всего вышеизложеннаго, обратимся къ дѣламъ, извѣстнымъ намъ, которыя относились собственно до внутренняго устройства Московскаго Княженія и личности Московскихъ Князей, какое здѣсь участіе принималъ Митрополитъ Алексѣй? Мы могли уже выше видѣть, что отъ Москвы до Ольгерда и послѣдняго Князя всѣ смотрѣли на Митрополита Алексѣя, какъ на лицо, связавшее вполнѣ свои интересы съ интересами Московскихъ Князей; его, какъ Митрополита, никто не думаетъ отдѣлять отъ Москвы. Онъ, поставленный въ числѣ правителей Московскаго Княженія, принималъ такое же участіе въ его дѣлахъ внутреннихъ какъ и внѣшнихъ. Не знаемъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на воспитаніе молодыхъ Князей; но если онъ, какъ выражается авторъ его житія, имѣлъ попеченіе о паствѣ своей и всѣхъ людей училъ слову Божію, то, конечно, училъ и Князей, оставшихся дѣтьми на рукахъ его и бояръ. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ его и бояръ есть то, что въ 1362 году молодые Князья, Дмитрій Ивановичъ (12 лѣтъ) и Владиміръ Андреевичъ (9 лѣтъ) заключили между собою договорную грамоту. Договорная грамота писана по благословенію Митрополита Алексѣя, и въ утвержденіе ея Князья цѣловали крестъ у него. По ней Князья условливаются жить, какъ жили отцы ихъ; Владиміръ Андреевичъ обязывается быть въ такомъ же отношеніи къ Дмитрію Ивановичу, въ какомъ находились Иванъ и Андрей Ивановичи къ старшему брату, Симеону, и держать Великое Княженіе честно и грозно. За симъ, послѣ условій о дружбѣ, союзѣ и управленіи землями, гдѣ вездѣ выставляются впередъ права Дмитрія Ивановича, слѣдуютъ постановленія о боярахъ.[68] Послѣ этого мы видимъ Митрополита вездѣ рядомъ съ Князьями и ничто не дѣлается въ Княженіи иначе, какъ по его совѣту и благословенію. Когда при-

[68] С. Г Г. и Д. N 27.

шло время жениться Дмитрію Ивановичу, то, по благословенію Митрополита, взята была за него Княжна Суздальская, дочь бывшаго соперника Дмитрія Ивановича, Дмитрія Константиновича. Это было на другой годъ, какъ изъ Москвы помогли послѣднему добыть Нижегородское Княженіе. Когда сидитъ Московскій Князь въ осадѣ отъ Ольгерда, съ нимъ сидитъ въ осадѣ и Митрополитъ; ѣдетъ Московскій Князь въ Орду, и Митрополитъ провожаетъ его до Оки, благословляетъ въ путь Князя и сопровождающихъ его; пишетъ Дмитрій Ивановичъ духовную грамоту, и эту грамоту онъ являетъ у Митрополита, который привѣшиваетъ къ ней свою печать. [69] Когда, въ 1366 году, сознали необходимость построить около Кремля каменныя стѣны, то въ лѣтописи говорится, что Великій Князь принялся за это дѣло, посовѣтовавшись съ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми старѣйшими боярами и по благословенію Митрополита. Когда Владиміру Андреевичу понадобилась прибавка къ его удѣлу, то онъ билъ челомъ Великому Князю чрезъ Митрополита Алексѣя; по этому челобитью Великій Князь пожаловалъ своему двоюродному брату Лужу и Боровскъ. [70]

Вездѣ въ дѣлахъ Московскихъ Князей, политическихъ и семейныхъ, Митрополитъ Алексѣй является, съ своею духовною властію и своимъ благословеніемъ, какъ руководитель. Его отношенія къ Московскимъ Князьямъ весьма сходны съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился въ послѣдствіи Филаретъ Никитичъ къ Михаилу Ѳедоровичу. Разница только въ томъ, что Патріархъ Филаретъ пользовался своимъ положеніемъ до самой своей смерти, между тѣмъ какъ съ начала семидесятыхъ годовъ XIV столѣтія до своей смерти Митрополитъ Алексѣй уже не принимаетъ участія въ дѣлахъ Княженія. Великій Князь въ это время выросъ, ему было уже за 20 лѣтъ, и самъ взялъ въ свои руки правленіе; да и кромѣ того Митрополиту Алексѣю послѣ 1370 года и нѣкогда было заниматься политическими дѣлами; онъ во время правленія Московскимъ Княженіемъ, при Иванѣ Ивановичѣ и его малолѣтнихъ преемникахъ, своею дѣятельностію поднялъ всѣхъ враговъ Московскаго Княжества лично противъ себя. По-

[69] Тамъ же N 30.

[70] Тамъ же N 37.

сыпались въ это время къ Патріарху жалобы на страшнаго для Русскихъ Князей Митрополита, жалобы, поведшія даже къ отпаденію половины Митрополіи отъ власти Святителя Алексѣя; теперь ему приходилось распутывать этѣ дѣла и, какъ мы видѣли, довольно успѣшно въ сравненіи съ тѣмъ, чего добивались его враги. Наконецъ самъ Митрополитъ Алексѣй сознавалъ, что выросшій Великій Князь, человѣкъ болѣе способный къ правленію Княженіемъ, чѣмъ его отецъ, не захочетъ быть болѣе подъ опекою Митрополита, и Святитель Алексѣй, безъ всякихъ споровъ и требованій благодарности за дѣла, прежде имъ сдѣланныя, отступилъ въ сторону и очистилъ мѣсто на политическомъ поприщѣ новому молодому поколѣнію; его же сверстники, ученики Калиты, мало по малу вымирали.

Но если безъ споровъ уступилъ Митрополитъ Алексѣй свою политическую роль въ Россіи другимъ, то въ церковной сферѣ онъ хотѣлъ, чтобы дѣла шли по тому направленію, какое онъ имъ далъ: по этому у него явилось желаніе, чтобы преемникомъ его на Митрополичьемъ престолѣ былъ преподобный Сергій, имѣвшій такой громадный авторитетъ вездѣ, за свою святую жизнь. Митрополитъ Алексѣй думалъ о преподобномъ такъ же, какъ прежде думали другіе объ немъ самомъ. Но если прежде всѣ дѣла, за которыя принимался Мимрополитъ Алексѣй, ему удавались, то при концѣ его жизни пошло обратно. Въ житіи его разсказывается о томъ, какъ онъ предлагалъ преподобному Сергію занять послѣ себя Митрополичій престолъ, призвавъ къ себѣ преподобнаго Сергія, устроявшаго тогда свой монастырь. Митрополитъ сталъ съ нимъ бесѣдовать. Во время разговора, Святитель велѣлъ принести архіерейскій крестъ и сталъ его предлагать Святому Сергію; но послѣдній со смиреніемъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ отъ юности своей не былъ златоносецъ, то въ старости тѣмъ болѣе желаетъ пребывать въ нищетѣ. Митрополитъ сталъ уговаривать преподобнаго, и наконецъ своими руками возложилъ крестъ на своего собесѣдника. Заставивъ согласиться на одно, Митрополитъ началъ стороной заговаривать о томъ, для чего онъ призвалъ его къ себѣ, но какъ только высказалъ ясно свою мысль, подтвердивъ ее тѣмъ, что того желаютъ и другіе, преподобный Сергій началъ отрекаться отъ

предложенія и въ заключеніе началъ просить Святителя не говорить ему объ этомъ, а тѣмъ болѣе никому иному, такъ какъ онъ себя считаетъ совершенно неспособнымъ къ исполненію обязанностей такого сана. Митрополитъ, видя его непреклонность, пересталъ объ этомъ ему говорить, боясь, чтобы Святой Сергій не отошелъ въ дальнія пустыни, для избавленія себя отъ подобныхъ требованій.[71] Преподобный Сергій, считая себя неспособнымъ занять Митрополичій престолъ, во время смуты церковной, являлся въ Россіи вполнѣ преемникомъ Митрополита Алексѣя: онъ благословилъ Великаго Князя на борьбу съ Мамаемъ, онъ же служилъ поддержкой всякаго праваго дѣла, и Митрополитъ Кипріанъ не находилъ никого, на кого бы могъ опереться въ Сѣверной Россіи, когда съ нимъ поступали до крайности несправедливо. Только преподобнаго Сергія послушалъ Олегъ Рязанскій, когда тотъ своими кроткими и тихими рѣчами и бесѣдой о пользѣ душевной, мирѣ и любви, привелъ его въ такое умиленіе, что онъ заключилъ миръ съ Дмитріемъ Ивановичемъ, миръ, на который прежде никто не могъ его склонить.

Если бы преподобный Сергій согласился на предложеніе Митрополита Алексѣя, то при согласіи на это Великаго Князя, поставленіе его на Митрополію было подобное, какъ и самого Алексѣя; но вышло иначе: стало выясняться, въ какое отношеніе къ Великому Князю стала церковная іерархія со времени переѣзда Митрополита Петра въ Москву; начиная отъ начальника до послѣдняго члена духовенства, все должно было становиться въ зависимость отъ свѣтской власти. За такими личностями, какъ Митрополитъ Алекѣй, эта зависимость не видна, онъ дѣйствуетъ самостоятельно и принудить его сдѣлать что нибудь, на что онъ не согласенъ, нельзя. Въ преемники Митрополита Алексѣя Дмитрій Ивановичъ думалъ утвердить своего любимца. Былъ въ Коломнѣ Священникъ Михаилъ, извѣстный подъ прозвищемъ Митяя: этотъ священникъ выдавался изъ среды своей братіи внѣшними и внутренними достоинствами. Высокій ростомъ, плечистый, съ большой окладистой бородой и краснымъ лицомъ, Митяй имѣлъ сильный, но пріятный голосъ,

---

[71] Ст. Кн. ч. 1, стр. 464 — 465; Ник. Лѣт. ч. 4, стр. 63 — 64.

способности хорошо пѣть, говорить складно и пріятно; имѣлъ онъ страсть къ чтенію книгъ, и при хорошей памяти, способность въ разговорахъ излагать все читанное толково, ясно и завлекательно; зналъ онъ множество всякихъ древнихъ сказаній, во всѣхъ разсужденіяхъ духовныхъ и житейскихъ былъ изященъ и премудръ; а главное, онъ имѣлъ способность заниматься всякими дѣлами. Такія-то достоинства Митяя бросились въ глаза Великому Князю, и онъ постарался его перевести изъ Коломны въ Москву и сдѣлалъ его своимъ печатникомъ. Дмитрій Ивановичъ привязался къ Митяю и сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Вельможи и всѣ придворные стали обращаться съ любимцемъ Великаго Князя съ великимъ почтеніемъ, многіе сдѣлались его духовными дѣтьми, и былъ Митяй въ великой славѣ и чести у всѣхъ, и такъ продолжалось долгое время. Умный попъ не выдержалъ такаго положенія: у него, какъ у выскочки, закружилась голова отъ счастія; честолюбіе, поддерживаемое лестію придворныхъ, разыгралось; не зналъ онъ, чѣмъ бы себя выставить изъ ряду своихъ, сталъ онъ величаться своимъ положеніемъ, завелъ у себя множество отроковъ и слугъ; никто не облачался какъ онъ въ такія дорогія ризы, которыя такъ и блистали на немъ, и при его видной и стройной фигурѣ увеличивали еще болѣе его красоту. Много было способностей у Митяя; но онъ имѣлъ еще одну самую выгодную способность: умѣлъ онъ уживаться съ людьми, и при своей общительности и умѣ заставлялъ любить себя всѣхъ, кто былъ ему нуженъ; но его гордость предъ прежними своими ровнями не имѣла предѣловъ. Великій Князь не зналъ, чѣмъ возвеличить его: когда открылось вакантное мѣсто Архимандрита въ Спасскомъ монастырѣ (теперь Спасъ на Бору), онъ предложилъ его Митяю; Митяй не хотѣлъ промѣнять свое хорошее свѣтское положеніе на монашескій клобукъ, и отказался; но Великій Князь уговорилъ его, указывая въ будущемъ то, чего Митяй можетъ достигнуть, и чего нельзя получить, не бывши монахомъ: «самъ видишь», говорилъ Великій Князь со смиреніемъ Митяю, «что Митрополитъ Алексѣй старѣется, такъ ты будешь преемникомъ его, Митрополитомъ и Господиномъ всея Руси, такъ возложи же нынѣ иноческій образъ на себя, и будь Архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ, а мнѣ отцомъ духовнымъ, какъ и прежде, и всѣ тебѣ будутъ

служить.» На такое завидное предложеніе Митяй согласился, не задумавшись. Призвали Чудовскаго Архитандрита; тотъ его постригъ, и былъ Митяй, какъ выражается лѣтописецъ, до обѣда попъ мірской, а потомъ инокъ, а послѣ обѣда Архимандритъ и начальникъ иноковъ. Это было въ 1376 году, вскорѣ должно быть послѣ того, какъ пріѣхалъ Митрополитъ Кипріанъ въ Москву. Великій Князь исполнилъ свое обѣщаніе: онъ сталъ просить Митрополита Алексѣя, чтобы онъ благословилъ Митяя быть послѣ себя Митрополитомъ. Но святитель зналъ Митяя, понималъ что́ это за человѣкъ, и не захотѣлъ имѣть его своимъ преемникомъ; но отвѣчалъ на просьбы уклончиво, не желая рѣзкимъ отказомъ обидѣть Великаго Князя. Онъ приводилъ въ основаніе отказа правила Церкви и говорилъ такъ: «Архимандритъ Митяй еще новъ въ иночествѣ и слѣдуетъ ему искуситься въ немъ и облечься благими дѣлами и нравами; если Богъ восхочетъ этого, то и сотворитъ по немъ, я же на это теперь не согласенъ.» Но Великій Князь не оставилъ своей просьбы въ такомъ положеніи, часто самъ упрашивалъ Митрополита дать свое благословеніе Митяю, иногда же съ этою же просьбою посылалъ къ нему Владиміра Андреевича и своихъ бояръ. Но Святитель, осаждаемый неотступными просьбами, наконецъ отвѣчалъ: «принуждаютъ меня благословить его, но кого благословитъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, Преосвященный Патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословляю».[72] На этомъ отказѣ, при жизни Митрополита Алексѣя, остановилось дѣло Митяя. Великій Князь только изъ уваженія къ Митрополиту замолчалъ теперь о дѣлѣ Митяя; но какъ только умеръ Святитель Алексѣй, дѣла пошли вполнѣ по волѣ его.

Таковы высказалъ притязанія Великій Князь относительно вліянія на избраніе Митрополита; но чтобы сказать, на какомъ правѣ онъ это высказывалъ и какія отношенія свѣтской власти къ духовной были въ настоящее время, онъ не говоритъ. Только изъ Константинополя вообще яснѣе указываютъ на права Великаго Князя во всѣхъ дѣлахъ: тамъ прямо говорятъ, что во вниманіе желаній Великаго Князя ставятъ Алексѣя въ Митрополиты;

---

[72] Ник лѣт. ч. 4, стр. 66 — 70.

требованія Ольгерда удовлетворяютъ по мѣрѣ возможности. Но Патріархъ, высказывая болѣе опредѣленныя понятія о власти Великаго Князя, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ Россіи, старается приблизиться къ понятіямъ людей, которымъ онъ это говоритъ. Государственный характеръ церковной іерархіи вполнѣ выражается въ дѣятельности Митрополита Алексѣя: она стала на сторону зараждавшагося Государства, и когда послѣднее начало слагаться, а отсюда явилась борьба всѣхъ старыхъ началъ съ новыми, или противленіе соперниковъ, стремящихся къ той же цѣли, къ которой стремились въ Москвѣ, Глава Церкви Русской употребилъ всѣ средства, отъ него зависѣвшія, на поддержаніе первенства въ этомъ дѣлѣ Москвы. Но въ то время, когда Митрополитъ такъ много сдѣлалъ для Московскаго Княженія, Великій Князь началъ высказывать свои притязанія на вліяніе на тѣ части церковнаго устройства, которыя ему могли поддаться въ извѣстной степени, каковымъ являлось избраніе лицъ на Митрополичій престолъ. Но не изъ одного Константинополя указываютъ о мѣстѣ и значеніи Митрополита. Изъ Новгорода Кипріану отвѣчаютъ: «если приметъ тебя Великій Князь, то и намъ ты Митрополитъ». Въ Новгородѣ, гдѣ обычаемъ опредѣлилось отношеніе тамошняго Архіепископа, понимали, что тамъ, гдѣ находится представитель Россіи, Великій Князь, около него же долженъ находиться и представитель Русской Церкви, Митрополитъ, котораго Великій Князь долженъ принять. Но такъ какъ въ двухъ половинахъ Россіи слагается по Государству, то является борьба между ними изъ за того, гдѣ долженъ жить представитель всей Русской Церкви. Ольгердъ сначала желалъ бы, чтобы Митрополитъ всея Россіи жилъ у него, потомъ уже требуетъ, чтобы Патріархъ далъ отдѣльнаго Митрополита для его владѣній и владѣній его союзниковъ; но изъ Константинополя поставленіемъ Митрополита Кипріана для одной Литвы наталкиваютъ Литовскаго Великаго Князя на понятіе о настоящемъ отношеніи его власти къ церковной; но такъ какъ эти понятія въ Россіи еще не созрѣли, то, при поставленіи Кипріана въ Митрополиты, стараются поддержать старину.

Теперь посмотримъ на характеръ дѣятельности Митрополита Алексѣя. Здѣсь первое, что бросается въ глаза, это его осторож-

ность, обдуманность и выдержанность во всѣхъ поступкахъ. Откуда явились и развились въ немъ этѣ свойства? Отвѣтомъ на это является характеръ лицъ, среди которыхъ онъ воспитался и жилъ; онъ жилъ при Калитѣ, Симеонѣ Гордомъ; до того времени, какъ началъ дѣйствовать на политическомъ поприщѣ, былъ намѣстникомъ Митрополита Ѳеогноста, терся между посѣдѣлыми въ дѣлахъ Московскими боярами; онъ видѣлъ сдѣсь, что всѣ борются, играя различныя роли побѣдителей съ одними и побѣжденныхъ съ другими: обдумываютъ каждый шагъ, постоянно себя сдерживаютъ въ поступкахъ, узнаютъ хорошенько дѣла и вслѣдствіе этого почти вездѣ побѣждаютъ, но достигнувши побѣды, умѣютъ и воспользоваться ея плодами; удержать за собою плоды побѣды представляетъ не малую трудность: одинъ не осторожный шагъ и они пропали; страхъ предъ побѣдителемъ тоже пропалъ, а за тѣмъ слѣдуетъ то, что нужно, прежнее завоеванье, снова завоевывать. Но если приходилось такъ дѣйствовать, то учители Митрополита Алексѣя, при своей обдуманности, умѣли, гдѣ нужно, выставлять себя какъ слѣдуетъ и не ронять своего положенія; но они прежде чѣмъ говорить о своихъ притязаніяхъ, обыкновенно, для подтвержденія ихъ приготовляли средства, а потомъ уже требовали. Въ такой-то школѣ готовился Митрополитъ Алексѣй для политическаго поприща; въ школѣ, гдѣ съ одной стороны крайняя выдержанность, а съ другой не изсякаемая энергія къ дѣятельности, дѣятельности хладнокровной до того, что съ замѣчательнымъ равнодушіемъ переносится неудача а послѣ неудачи, такъ же хладнокровно принимаются за выполненіе прежде задуманнаго плана; но если достигаютъ побѣды, то никакой плачъ побѣжденнаго и вопль ограбленнаго собственника не могутъ разбудить этого хладнокровія. Явившись въ этой школѣ ученикомъ, Митрополитъ Алексѣй успѣлъ сдѣлаться и учителемъ въ ней, для будущихъ поколѣній; выдержанность въ немъ была доведена до совершенства, ничѣмъ кажется нельзя было раздражить его; гдѣ ему встрѣчаются препятствія, онъ не горячится, выжидаетъ, подходитъ къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, и отыскавши средство къ побѣдѣ, употребляетъ его осторожно, чтобы еще больше не запутать дѣла. Этѣхъ-то свойствъ не доставало у одного изъ его преемниковъ, Патріарха Никона. Послѣдній, не будучи воспитанъ въ такой школѣ, какъ Алексѣй, видитъ всюду себѣ

воображаемыхъ враговъ и нападаетъ на нихъ и дѣйствительно приготовляетъ ихъ; онъ даже въ ссылкѣ не хочетъ отказаться отъ идеи своей власти, и по этому не пользуется ею. Митрополитъ Алексѣй, когда увидалъ, что его время прошло, отодвинулся на второй планъ, оставивъ за собой власть, которая ему дѣйствительно принадлежала, и въ этой-то сферѣ никто не смѣлъ къ къ нему подступиться и поставить какое либо требованіе, кромѣ просьбы.

Пересчитавъ всѣ свойства школы, въ которой Митрополитъ Алексѣй является ученикомъ и учителемъ, мы не упомянули одного, а именно: что дѣйствующіе въ ней никогда не отрывались отъ дѣйствительной почвы, на которой стояли и не увлекались никакими выспренними планами. Конечно, прозаичность окружающаго не давала средствъ для плановъ въ родѣ крестовыхъ походовъ или т. п., но за то, что требовала дѣйствительность дѣлать, дѣлали. Самое благородное и высокое занятіе, кромѣ политической дѣятельности и исполненія своихъ обязанностей, являлось для Русскаго Святителя ученое поприще, и съ этой стороны Митрополитъ Алексѣй заявилъ себя, какъ человѣка замѣчательнаго. Кромѣ ума, школы и сознанія своего положенія, Святителю Алексѣю, какъ Митрополиту, необходимо было образованіе Въ его время, когда всѣ добивались цѣли своей дѣятельности, посредствомъ хитростей, войны, а при случаѣ обмана и т. п. и развивали свой умъ въ постоянныхъ занятіяхъ дѣлами, въ такомъ обществѣ трудно было сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Изъ посланій же Митрополита Алексѣя мы можемъ видѣть, кромѣ умѣнья точно и ясно высказывать свои мысли, но и подтверждать свои положенія текстами изъ Священнаго Писанія и Твореній Святыхъ Отцевъ, что дѣлается съ замѣчательнымъ мастерствомъ, обличающимъ навыкъ въ дѣлѣ; а все это можетъ дать намекъ, что авторъ ихъ былъ не только начетчикъ книгъ, но человѣкъ довольно ученый. Но кромѣ посланій, до насъ дошло отъ Митрополита Алексѣя собственноручно имъ писанное Евангеліе, находящееся въ Чудовомъ монастырѣ.[73] Это Евангеліе есть не

[73] Описаніе внѣшности Евангелія См. Памят. Москов. Древ. Снегирева, стр. 142—143; о переводѣ см. Учен. Записки 2. Отд. Акад. Наукъ кн. 3, въ Обзорѣ Духов. Литер. Преосв. Филарета, подъ N 70.

только списокъ со старыхъ списковъ, но есть новый переводъ съ Греческихъ лучшихъ списковъ, съ исправленіемъ ошибокъ, прежде вкравшихся; переводъ, выказывающій въ переводчикѣ знаніе дѣла. Этотъ ученый трудъ Митрополита Алексѣя служилъ при исправленіи книгъ въ XVII столѣтіи. Эту ученость Митрополитъ Алексѣй могъ пріобрѣсть въ то время, когда былъ простымъ монахомъ Богоявленскаго Монастыря, и развить въ бесѣдахъ и подъ руководствомъ Митрополита Ѳеогноста,[74] великаго наставника.» Въ этѣхъ двухъ мѣстахъ онъ могъ свои способности развить въ умственныхъ трудахъ, а два путешествія въ Константинополь еще болѣе могли дать средства для его ученыхъ занятій.

Разсмотрѣвши всю дѣятельность Митрополита Алексѣя и зная всѣ средства, съ помощію которыхъ онъ дѣйствовалъ, можно судить объ немъ. О пользѣ, принесенной имъ для образованія Московскаго Государства, нечего говорить, она сама собою видна: онъ, въ продолженіи своего правленія Московскимъ Великимъ Княженіемъ, вмѣстѣ съ Московскими боярами, вполнѣ оправдалъ надежды Симеона Ивановича. Но что же сказать на тѣ обвиненія враговъ его, обвиненія, не кончившіяся даже и по его смерти? Самое рѣзкое обвиненіе, бросающееся въ глаза, это слова Ольгерда: «до нынѣ не бывало такого Митрополита: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови.» Но Ольгердъ, сказавъ эти слова, не указалъ примѣра, когда Святитель благословлялъ на пролитіе крови, между тѣмъ какъ остальныя обиды свои онъ пересчитываетъ по именамъ: можетъ ли умный, ученый и притомъ Христіянинъ сочувствовать войнѣ? Въ то время, когда для рѣшенія дѣла прибѣгаютъ къ войнѣ, такой человѣкъ конечно пожелаетъ успѣха своимъ, но наврядъ ли будетъ онъ возбуждать ихъ къ этому. Проклятія же, которыя сыпалъ грозный Митрополитъ на всѣ стороны, прямо указываютъ на то, что онъ именно тѣмъ хотѣлъ остановить враговъ Московскаго Княженія, защитникомъ котораго онъ сдѣлался не по своему желанію, а къ тому привели предшествовавшія обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни сильны были обвиненія, на него возводимыя, мы, зная пользу, которую онъ принесъ потомкамъ, да при

[74] Ст. Кн. ч. 1 стр. 443.

томъ и то уваженіе самихъ враговъ къ его личности, чему явилъ примѣръ Нижегородскій Князь Борисъ Константиновичъ, наконецъ прямоту его дѣйствій, въ которыхъ онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ особеннымъ изворотамъ, мы не можемъ не произнесть, что онъ, не только какъ человѣкъ, но и какъ политическій дѣятель, является довольно чистою личностію въ то темное время.

Но если при жизни Митрополита Алексѣя жаловались на него, то и по смерти не оставили его въ покоѣ. При окончаніи Церковной смуты, бывшей по смерти Митрополита Алексѣя, въ Константинополѣ прямо рѣшили, что главный виновникъ ея — это онъ, давно умершій; тамъ обо всей его дѣятельности писали слѣдующимъ образомъ: «Когда Епископъ Владимірскій Алексѣй получилъ власть Митрополичью, то не ко всѣмъ Князьямъ былъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ, но отъ однихъ удалялся, а къ другимъ благоволилъ. Когда Великій Князь Иванъ Московскій, умирая, назначилъ его опекуномъ своего сына Дмитрія, Митрополитъ только и пекся о немъ, и вмѣсто того, чтобы заботиться о мирѣ и единодушіи всѣхъ, онъ, получивъ свѣтскую власть, занимался войнами, битвами и оставилъ совершенно безъ попеченія Епархіи, находящіяся во владѣніяхъ Литовскихъ, и вслѣдствіе этого произошли схизмы, войны и кровопролитія между всѣми Князьями — и всему этому онъ виновникъ. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, писалъ ко всѣмъ въ Россіи, чтобы примирились, уговаривая Митрополита и Князей. Князья готовы были мириться, но Митрополитъ, учитель міра и беззлобія, не только не воспользовался внушеніями Патріарха, но совершенно отклонилъ миръ. Патріархъ послѣ этого для примиренія послалъ монаха Кипріана, чтобъ онъ примирилъ Митрополита съ Князьями, но все было тщетно: Митрополитъ считалъ Патріаршія внушенія и его посла враждебными для себя и отклонился отъ примиренія. Послѣ этого Патріархъ получилъ письма отъ Князей, требовавшихъ себѣ другаго Митрополита. Патріархъ и послѣ этого совѣтовалъ Митрополиту примириться; но тотъ и слушать не хотѣлъ и даже на письма Патріарха не отвѣчалъ. Вознегодовавшіе Князья требовали послѣ этого отъ Патріарха другаго Архіерея, грозя въ противномъ случаѣ перейти къ другой Церкви. Что было дѣлать въ этомъ случаѣ Святѣйшему Патріарху: раздѣлить ли Митрополію Россіи

между двумя Митрополитами, или оставить народъ безъ Архіерея и благословенія? Поэтому вышеупомянутый Кипріанъ былъ рукоположенъ въ Митрополиты Кіева, Россіи и Литвы и чтобъ послѣ смерти Алексѣя онъ былъ Митрополитомъ всей Россіи.» [75] Нечего говорить о томъ, откуда шли подобныя обвиненія: изъ Константинополя, отъ людей, которые при жизни Митрополита Алексѣя готовы были лизать прахъ отъ ногъ его, а по смерти во всѣхъ дѣлахъ стали винить его, бросать въ него грязью, зная, что мертвые не мстятъ за подобныя дѣла. Изъ Константинополя. отъ Константинопольской церковной іерархіи шли подобныя обвиненія Русской церковной іерархіи, тогда какъ послѣдняя взята отъ нихъ же, гдѣ власть верховнаго іерарха Церкви сосредоточена и надъ его подчиненными ни чѣмъ не ограничена; изъ Константинополя шла поддержка и теперь этой власти. Такимъ образомъ, если Митрополитъ дѣлалъ то, на что имѣлъ право, въ чемъ ему помогала власть Всеѣенскаго Патріарха, такъ тѣмъ болѣе этотъ Патріархъ не долженъ бы и заикаться на произнесеніе какихъ бы то ни было обвиненій. Нѣтъ, въ Константинополѣ было досадно всѣмъ, что они были ни болѣе, ни менѣе какъ игрушками въ рукахъ великаго человѣка, который заставлялъ ихъ дѣлать то, чего хотѣлъ, а дѣлалъ онъ великое дѣло: онъ закладывалъ фундаментъ для сооруженія зданія, которое теперь мы называемъ Россійскою Имперіею.

Но теперь для насъ также важенъ и тотъ вопросъ: по чему Митрополитъ дѣйствовалъ такъ? На это, кажется, можно отвѣтить коротко: Государство слагалось въ Москвѣ, сюда притекали всѣ необходимые элементы для его образованія и тянули за собою другіе: церковная іерархія, какъ составная часть его, первая къ нему пришла на помощь; но такъ какъ она, изъ всѣхъ составныхъ частей Государства, была въ Россіи единственнымъ учрежденіемъ, которое уже вполнѣ было готово занять свое мѣсто въ немъ, какъ вполнѣ развившееся, то это учрежденіе и напрягло всѣ силы на помощь развитія остальныхъ частей. При такомъ напряженномъ состояніи общества и стремленіи его къ извѣстной цѣли, явилась борьба во многихъ мѣстахъ и лицахъ, которыя не хотѣли не

---

[75] Acta Patriar. Const. томъ 2 стр. 117 — 121.

только помогать, и войти въ составъ будущаго Государства, но еще старался разрушить все сдѣланное для этого; то въ томъ же созрѣвшемъ Государственномъ учрежденіи явился и человѣкъ, во главѣ его, окруженный помощниками, который, въ самое неблагопріятное время для Московскаго Княженія, вынесъ его на своихъ плечахъ и потомъ сдалъ его въ руки тѣхъ, которымъ должно принадлежать главное завѣдываніе всѣмъ дѣломъ.

12 Февраля 1378 года скончался Святитель Алексѣй. Въ завѣщаніи, оставшемся послѣ него, онъ выказалъ себя еще съ двухъ сторонъ: какъ Святитель, онъ, говоря о себѣ, показываетъ крайнее смиреніе: «я смиренный, грѣшный рабъ Божій Алексѣй, пишу душевную грамоту цѣлымъ умомъ,» говоритъ о себѣ страшный для всѣхъ своихъ современниковъ, великій Святитель. Распорядившись своимъ имуществомъ, которое онъ все завѣщалъ основанной имъ обители Святаго Михаила, въ заключеніи проситъ Великаго Князя заботиться объ исполненіи его завѣщанія и береженіи монастыря. Перечетъ имуществъ и способъ ихъ пріобрѣтенія показываютъ намъ, что Митрополитъ Алексѣй, кромѣ всѣхъ другихъ свойствъ вышеисчисленныхъ, былъ еще хорошій хозяинъ, какъ и многіе изъ его преемниковъ.[76] Авторъ его житія описываетъ кончину и погребеніе Святителя слѣдующимъ образомъ. Въ старости глубокой и сѣдинѣ почтенной, почувствовавъ приближеніе смерти, Святитель призвалъ сына своего, Великаго Князя Дмитрія Ивановича, сдѣлавъ ему наставленіе словами духовными о всякомъ благочиніи, въ заключеніе сказалъ: «сынъ мой! я отхожу отъ житія сего, оставляю тебѣ милость отъ Бога, миръ и благословеніе, такъ же и сыну твоему благовѣрному Князю Василію и всему сѣмени твоему до вѣка.» Послѣ этого Святитель завѣщалъ, да не погребаютъ его въ церкви, но внѣ церкви за алтаремъ, гдѣ и мѣсто указалъ, великаго ради конечнаго смиренномудрія. За симъ Святитель совершилъ литургію и причастился Святыхъ Тайнъ и сталъ молиться о Великомъ Князѣ, чадахъ его, о всѣхъ Князьяхъ благовѣрныхъ, боярахъ, воинствѣ Русскомъ и о всѣхъ православныхъ; простившись со всѣми, бывшими у него, и давъ имъ послѣднее цѣлованіе, началъ творить

[6] Завѣщаніе см. Пам. Москов. Древн. Снегирева, стр. 142—143.

молитву объ исхожденіи своей души, и еще молитва была на устахъ его, какъ душа уже разсталась съ тѣломъ. Это было въ пятницу, во время заутренней молитвы. Когда услышано было о преставленіи Святителя, то начали стекаться отвсюду Князья, вельможи, Епископы, иноки и множество народу. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, Владиміръ Андреевичъ и многіе, знавшіе покойнаго, скорбѣли о потерѣ такого добраго пастыря и учителя. Вспомнилъ тутъ Дмитрій Ивановичъ, что завѣщалъ Святитель, чтобы погребли его внѣ церкви и разсудилъ съ Епископами, что такое завѣщаніе сдѣлано ради смиренія, по этому рѣшили положить его тѣло не внѣ, а внутри церкви. Сдѣлавъ такое рѣшеніе, они, положивъ тѣло Святителя на одрѣ, понесли его въ обитель, имъ созданую и погребли тамъ въ церкви Святаго Архистратига Михаила. Епископы, Пресвитеры и весь народъ, какъ осиротѣвшіе дѣти, проливая слезы, шли за гробомъ. При этомъ авторъ житія Митрополита Алексѣя влагаетъ въ уста народа слѣдующія слова: «увы намъ, потерявшимъ такого наставника душамъ и тѣлу нашимъ, и всегдашняго поборника и промыслителя по насъ и нашего питателя. Но, о Святитель Божій! дорогой нашъ учитель! Ты всегда насъ питалъ пищею не погибельною и съ благоразумнымъ наказаніемъ, и нынѣ не забудь насъ, рабовъ своихъ, но помяни насъ въ святыхъ своихъ молитвахъ; по тому что знаемъ мы, что великое дерзновеніе всегда имѣешь къ Богу.» Этѣми же словами, что Святитель училъ паству свою ученію не погибельному и правилъ ею съ благоразумнымъ наказаніемъ, и мы, сознавая вѣрность этѣхъ словъ, заканчиваемъ свой разсказъ о жизни и дѣятельности Митрополита Алексѣя.[77]

[77] О преставленіи и погребеніи Митрополита Алексѣя см. Ст. Кн. ч. 1 стр. 466.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАНІЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ I.

1801—1812 г.

Приступая къ изданію, переданныхъ мнѣ покойнымъ дядей моимъ, Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, Записокъ его и разныхъ бумагъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ Алексѣй Петровичъ составлялъ свои воспоминанія не для печати, и только въ послѣдній годъ своей жизни, уступая просьбѣ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, приступилъ къ пересмотру Записокъ о 1812 годѣ, съ тѣмъ, чтобы однѣ онѣ были изданы послѣ его смерти. Онъ хотѣлъ исправить ихъ и сдѣлать къ нимъ приложенія, но продолжительная болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ, помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

Въ настоящемъ изданіи напечатаны не только эти Записки, но и всѣ, которыя были написаны Алексѣемъ Петровичемъ, такъ какъ большая часть ихъ уже сдѣлалась извѣстною публикѣ по текстамъ невѣрнымъ и въ отрывкахъ. Изданіе это сдѣлано со списковъ, составленныхъ вполнѣ рукою покойнаго, единственныхъ, имъ признаваемыхъ за вѣрные. *

---

* При жизни Алексѣя Петровича ходили по рукамъ три, между собою несходныхъ, списка Записокъ о войнѣ 1812 года, подлинность которыхъ онъ не признавалъ.

Въ приложеніяхъ помѣщены различные документы, не исключая и тѣхъ, которые не прямо относятся къ тексту Записокъ, и которые оставлены, какъ матеріялы историческіе и біографическіе. Между этими документами, подлинными и современными, не многіе въ бумагахъ Алексѣя Петровича находятся въ копіяхъ позднѣйшаго времени: каждый изъ таковыхъ обозначенъ въ примѣчаніи.

Н. ЕРМОЛОВЪ.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА ЕРМОЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ, ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ, ТѢХЪ СЛУЧАЕВЪ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ НАХОДИЛСЯ,

И ВОЕННЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ТОГО ВРЕМЕНИ.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА ЕРМОЛОВА.

Исполнилось желаніе Россіи! Взошелъ на престолъ нынѣ царствующій Императоръ, прекратились четырехлѣтнія ея страданія!

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius.

Со смертію Императора Павла I-го множество несчастныхъ увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ коихъ и я получилъ свободу. По справедливости, время сіе могу я назвать возрожденіемъ, ибо на 21 году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ; найденъ невиннымъ и обращенъ, по Именному повелѣнію, на службу; взятъ, менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли, вторично; исключенъ изъ списковъ, какъ умершій; заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость, и въ послѣдствіи отправленъ въ ссылку, въ Костромскую Губернію, гдѣ Начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогущій, во благости своей, Царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлъ жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мнѣ молчать всѣ другія чувства; одна была мысль: посвятить жизнь на службу Государю, и усердію моему едва ли могло быть равное. Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ Военной Коллегіи, наскучивъ всему міру Секретарей и писцовъ. Наконецъ до- 1801.

1801. кладъ обо мнѣ вносится Государю, и я принятъ въ службу. Мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; отказано старшинство въ чинѣ, конечно, не съ большею основательностію. Президентъ Военной Коллегіи, Генералъ Ламбъ, весьма уважаемый Государемъ, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать въ мою пользу. Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу Георгіевскій и Владимірскій ордена, употребленъ былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ Персіянъ, находился въ концѣ 1795 года при Австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило; ибо неизвѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждъ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени.

Я пріѣзжаю въ Вильну, гдѣ расположена моя рота. Людей множество, городъ пріятный; отовсюду стекаются убѣгавшіе прежняго правленія насладиться кроткимъ царствованіемъ Александра I-го; всѣ благословляютъ имя его, и любви къ нему нѣтъ предѣловъ! Весело идетъ жизнь моя, служба льститъ честолюбіе и составляетъ главнѣйшее мое упражненіе; всѣ страсти покорены ей! Мнѣ 24 года; исполненъ усердія и доброй воли, здоровье всему
1802. противостоящее! Недостаетъ войны. Счастье нѣкогда мнѣ благопріятствовало!

1803. Мирное время продлило пребываніе мое въ Вильнѣ до конца 1804 года. Праздность дала мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу; вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами!

1804. Я получилъ повелѣніе выступить изъ Вильны. Неблагосклонное начальство меня преслѣдовало, и въ короткое время мнѣ назначены квартиры въ Либавѣ, Виндавѣ, Биржѣ, Гроднѣ и Кременцѣ на Волыни; я веду жизнь кочевую, и долженъ былъ употребить всѣ способы, которые дала мнѣ служба, при моей воздержности и бережливости.

У меня рота въ хорошемъ порядкѣ, офицеры отличные, и 1804.
я любимъ ими, и по тому все казалось мнѣ сноснымъ, и
служба единственное было благо.

Проходя изъ мѣстечка Биржи, Инспекторъ всей артил- 1805.
леріи, Графъ Аракчеевъ, дѣлалъ въ Вильнѣ смотръ моей
роты, и я, неблагоразумно и дерзко, возразя на одно изъ
его замѣчаній, умножилъ неблаговоленіе могущественнаго
начальника, что и чувствовалъ въ послѣдствіи. За годъ до
того рапортомъ, чрезъ частнаго Инспектора, просилъ я
увольненія въ отставку, и чтобы воспользоваться оною за
четыре мѣсяца до узаконеннаго времени, я предлагалъ от-
ставить Маіоромъ, хотя почти уже семь лѣтъ находился въ
чинѣ Подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не
бывало и, кажется, надлежало справиться о состояніи мое-
го здоровья!

Спокойное Россіи состояніе прервано было участіемъ Война противъ Французовъ въ Австріи.
въ войнѣ Австріи противъ Французовъ. Съ 1799 года, зна-
менитаго блистательными побѣдами Суворова въ Италіи,
уклонялась она отъ всѣхъ войнъ, бурнымъ правительствомъ
Франціи порожденныхъ. Двинулись арміи наши противъ на-
рушителей общаго спокойствія. Въ помощь Австріи по-
шелъ Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ; армія его должна бы-
ла состоять изъ 50 т. человѣкъ. Войска подъ начальствомъ
Генерала Михельсена вошли въ области Польскія, пріобрѣ-
тенныя Пруссіею. Отрядъ войскъ, въ командѣ Генералъ-
Лейтенанта Графа Толстаго, отправленъ въ Ганноверъ;
Пруссія должна была намъ содѣйствовать.

Генералу Кутузову назначено было соединиться съ
Австрійскою арміею, расположенною въ Баваріи, подъ пред-
водительствомъ Генерала Мака.

Австрія, въ надеждѣ на дружественное расположеніе
Курфирста Баварскаго, и обольщенная имъ, заложила знат-
ные магазины въ его владѣніяхъ, предпринимая вынести
войну сколь возможно далѣе отъ областей своихъ. Эрцгер-
цогъ Карлъ съ другою арміею находился въ Италіи. Ожи-
даема была наша армія, и военныя дѣйствія не начи-
нались.

1805. Генералъ Кутузовъ находился еще въ Петербургѣ, а Генералъ-Адъютанту Барону Винценгероде поручено было армію его ввести въ Австрію и сдѣлать съ оною всѣ нужныя условія, касательно перехода войскъ. По новому вещей порядку Генералы старшіе чинами должны были ему повиноваться, чего достаточно уже было, чтобы посѣять неудовольствіе; но Генералъ Винценгероде умѣлъ прибавить къ тому надменность и дерзкое обращеніе, и негодованіе сдѣлалось общимъ. Солдаты роптали за то, что когда полки были въ движеніи, онъ приказалъ обозы обратить въ квартиры, продать излишнее имущество солдатъ и уничтожить артели. Все было продано за безцѣнокъ и безъ вѣдома солдатъ. Весьма рѣдки примѣры, чтобы между Нѣмцами братья родные жили безъ строгихъ разсчетовъ, и по тому не удивительно, что Баронъ Винценгероде не имѣлъ понятія объ артеляхъ. Подобныя распоряженія, по счастію, вскорѣ прекращены были прибытіемъ Генерала Кутузова, и радость войскъ изобразить не возможно!

Пришедши съ моею ротою къ Радзивилову, я уже не засталъ арміи, и догонялъ ее ускоренными маршами; по чему, ѣхавшему изъ Петербурга Генералу Кутузову попался я на дорогѣ, и онъ, осмотрѣвъ роту, два уже мѣсяца находившуюся въ движеніи, одобрилъ хорошій за нею присмотръ, ободрилъ привѣтствіемъ офицеровъ и солдатъ, распросилъ о прежней моей службѣ и удивился, что, имѣвши два знака отличія временъ Екатерины, я имѣлъ только чинъ Подполковника, при быстрыхъ производствахъ прошедшаго царствованія. Онъ, сказавъ мнѣ, что будетъ имѣть меня на замѣчаніи, приказалъ поспѣшить въ соединеніе съ арміею.

Между тѣмъ войска наши проходили Австрійскую Галицію въ полномъ избыткѣ, въ порядкѣ совершеннѣйшемъ, и уже не въ дальнемъ были разстояніи отъ Браунау.

По распоряженію Главнокомандующаго, отпущено было въ войска большое число подводъ и учреждены станціи для перемѣны оныхъ другими. Войска въ каждый день

дѣлали удвоенный переходъ, ибо половина пѣхоты попере- 1805.
мѣнно садилась на подводы, артиллерія половину пути дѣ-
лала на обывательскихъ лошадяхъ. Армія слѣдовала пятью
колоннами, въ одномъ маршѣ разстоянія между собою.

Такимъ образомъ армія наша собралась въ окрестно-
стяхъ Браунау, и въ семъ городѣ учредилась главная квар-
тира; авангардъ былъ въ Баваріи на 13 часовъ пути.

Извѣстно было, что собирается Французская армія,
и уже не весьма въ далекомъ разстояніи отъ Австрійской,
по чему войска наши получили маршруты до Ульма, и мы
готовились къ выступленію.

Генералу Кутузову представляютъ немолодаго чело-
вѣка, имѣющаго сообщить ему важное извѣстіе. Могъ ли
ожидать Г. Кутузовъ, что то былъ самъ Генералъ Макъ,
съ извѣстіемъ о совершеннѣйшемъ уничтоженіи арміи, быв-
шей подъ его начальствомъ?

Наполеонъ напалъ на Австрійскую армію при Ульмѣ.
Генералъ Макъ, худо извѣщенный о движеніяхъ непріяте-
ля, не довольно былъ осторожнымъ, войска его были раз-
бросаны и собраться не успѣли. Внезапная атака такое
произвела замѣшательство, что армія довольно многочи-
сленная, въ хорошемъ весьма состояніи, вся по частямъ и
почти безъ сопротивленія разбита была совершенно и боль-
шею частію досталась въ плѣнъ; взята вся артиллерія и всѣ
обозы. Спаслись отъ пораженія небольшія части войскъ
подъ начальствомъ Эрцгерцога Фердинанда, Генераловъ
Кинмейера и Мерфельда. Не избѣжалъ плѣна и самъ Ге-
нералъ Макъ; но давши реверсъ не служить противъ Фран-
цузовъ, онъ получилъ увольненіе и за паспортомъ ихъ от-
правился въ свои помѣстья. Перевязанная бѣлымъ платкомъ
голова его давала подозрѣніе, что главнаго подвига сохра-
няетъ онъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую память. Но онъ
успокоилъ на счетъ опасности, объяснивъ, что отъ неловк-
кости почталіона онъ болѣе потерпѣлъ, нежели отъ не-
пріятеля. Въ дорогѣ опрокинута была его карета, и онъ

1805. ударился головою, такъ, однако же, счастливо, что она сохранена на услуги любезному Отечеству.

Генералъ Макъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ замѣченъ былъ предпріимчивымъ и храбрымъ въ войнѣ противъ Турокъ подъ Бѣлградомъ, и съ того времени, сдѣлавшись извѣстнымъ, нашелъ онъ у Двора сильное покровительство и ко всѣмъ въ послѣдствіи по службѣ назначеніямъ проложилъ путь интригами. По его нелѣпымъ планамъ предпринята кампанія противъ Французской Республики, въ Бельгіи, подъ начальствомъ Принца Кобургскаго. Онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Императрицы, первой жены Франциска II-го.

Узнавши всѣ подробности происшествія, Генералъ Кутузовъ, поблагодаря Г. Мака за извѣстіе, съ нимъ разстался. Кажется, никому лучше нельзя было повѣрить въ семъ случаѣ.

Генералъ Макъ и то заслужилъ удивленіе, что скоростію путешествія своего предупредилъ и самую молву. Австрійская армія не имѣла на сей разъ расторопнѣйшаго бѣглеца.

Генералъ Кутузовъ нашелся въ необходимости перемѣнить сдѣланныя имъ распоряженія, и положеніе его часъ отъ часу дѣлалось затруднительнѣе. Непріятель шелъ съ большою скоростію и уже не въ далекомъ находился разстояніи. Быстрое отступленіе было единственнымъ средствомъ, но съ нами была вся тяжелая артиллерія, госпитали и обозы. Дабы сколь возможно облегчить войска при отступленіи, приказано всѣ тягости отправить обратно; но Г. Кутузовъ съ войсками оставался въ Браунау, ожидая присоединенія Австрійскихъ войскъ, спасшихся отъ пораженія при Ульмѣ.

Ретирада изъ Баваріи.

Наконецъ вышли мы изъ Браунау, и началось знаменитое отступленіе, которому и самъ непріятель не отказалъ удивленія.

Глубокое осеннее время и безпрерывные дожди до такой степени разрушили дороги, что войска на третьемъ

переходѣ отъ Браунау догнали всѣ отправленныя впередъ тягости, и по необходимости умедлилась скорость движенія. 1805.

Войска нашей арміи состояли изъ 27 тыс. человѣкъ, ибо кавалеріи большая часть оставалась назади, по причинѣ скораго движенія къ Браунау, и сильная колонна Генералъ-Лейтенанта Шепелева, возвращенная съ походу въ Россію, хотя въ послѣдствіи поступила вновь въ составъ арміи, но еще не присоединилась къ оной.

Въ городѣ Ламбахѣ армія остановилась одинъ день, дабы тягостямъ дать время удалиться. Здѣсь достигъ насъ авангардъ непріятельскій, и мы, въ царствованіе Александра I, въ первый разъ сразились съ Французами. Мы занимали выгодное мѣстоположеніе, войска нашего арріергарда противостали съ найлучшимъ духомъ, потеря была незначительна; отличился 8-й егерскій полкъ, коего начальникъ, Полковникъ Графъ Головкинъ, умеръ отъ полученной раны. Потеряно одно орудіе конно-артиллерійской роты Полковника Игнатьева, подъ которымъ лопнула ось отъ излишней экономіи въ коломази. Начальство точной причины не узнало, а Полковникъ Игнатьевъ въ донесеніи своемъ разсудилъ за благо подбить его непріятельскимъ выстрѣломъ. Авангардъ Французскій былъ не въ большихъ силахъ, ибо войска, не имѣвши продовольствія, разбросались по дорогѣ и производили грабежъ.

При отступленіи отъ Ламбаха войскамъ нашимъ дано слѣдующее распредѣленіе:

Арріергардъ остался въ командѣ Генералъ-Маіора Князя Багратіона.

Подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Милорадовича состоялъ отрядъ, наименованный отдѣльной бригадою, которая, назначена будучи въ подкрѣпленіе арріергарду, должна была находиться по близости отъ онаго.

Прочія войска раздѣлены были на двѣ дивизіи и подчинены Генералъ-Лейтенантамъ Дохтурову и Мальтицу.

Конная моя рота и еще двѣ пѣшей артиллеріи въ моей командѣ, не принадлежа ни какой части войскъ,

1805. остались въ особенномъ распоряженіи Главнокомандующаго, какъ резервъ артиллеріи. Сіе особенное благоволеніе, привязывая меня къ Главной Квартирѣ, дѣлало послѣднимъ участникомъ при раздачѣ продовольствія людямъ и лошадямъ, и тогда какъ способы вообще были для всѣхъ недостаточны и затруднительны, а мнѣ почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодомъ, просилъ я о присоединеніи моей команды къ которымъ ни будь изъ войскъ. Мнѣ въ семъ было отказано. Австрійскій Генералъ Кинмейеръ, не имѣя при войскахъ конной артиллеріи, просилъ о присоединеніи къ онымъ моей роты, и я долженъ признаться, что совсѣмъ не жалѣлъ, когда Главнокомандующій не изъявилъ на то согласія, ибо лучше хотѣлъ я терпѣть вмѣстѣ съ товарищами.

Въ слѣдованіи отъ Ламбаха жители Зальцбурга, бѣжавшіе отъ Французовъ, извѣстили, что они, занявъ городъ, пошли поспѣшно далѣе по направленію къ Вѣнѣ. Непріятель долженъ былъ знать о нашей малочисленности и что нигдѣ не встрѣтитъ сопротивленія Австрійцевъ, чтобы, ослабляя себя, взять подобное направленіе. До города Вельса арріергардъ нашъ имѣлъ безпрерывныя, но весьма неважныя, перестрѣлки, которыя всегда начинались по прошествіи нѣсколькихъ часовъ дня; ибо, дѣлая въ ночное время переходы, мы далеко за собою оставляли непріятеля. Такимъ образомъ сокращали мы перестрѣлки, которыя, по малому количеству войскъ нашихъ, производили чувствительную потерю.

Далѣе, продолжая отступленіе чрезъ городъ Линцъ, нашли мы, при мѣстечкѣ Эберсбергъ, удобную къ оборонѣ позицію, прикрытую быстрою рѣкою Траунъ, и арміи данъ одинъ день отдохновенія.

Въ Эберсбергѣ случилось странное происшествіе: расположенные на передовыхъ постахъ кавалерійскіе отряды, которымъ приказано было отступать за рѣку, когда переправятся всѣ тягости, наскучивъ продолжительнымъ ихъ движеніемъ, распустили слухъ, что близко непріятель и готовъ ударить на мостъ. Вдругъ сдѣлалось величай-

шее замѣшательство: бросились въ безпорядкѣ обозы, мно- 1805.
гіе въ поспѣшности упали съ мѣста, а въ лагерѣ начался сильный ружейный огонь, хотя ни одной непріятельской души не было на нашемъ берегу рѣки. Главнокомандующій не въ состояніи былъ остановить безпорядка, но и виновные въ ономъ не были изыскиваемы.

Непріятель занялъ городъ Линцъ. Маршалъ Мортье съ 11,000 человѣкъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предупредить насъ въ городѣ Кремсѣ, овладѣть тамъ на Дунаѣ мостомъ и принудить насъ ити на Вѣну; ибо нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не было моста, и мы, преслѣдуемы будучи шагъ за шагомъ, не могли рѣшиться на другаго рода переправу, или бы всеконечно не успѣли совершить безъ препятствія и не подвергаясь большой опасности. Въ Вѣну прежде насъ должна была прійти, посланная чрезъ Зальцбургъ, колонна и превосходящая насъ въ силахъ.

О движеніи Маршала Мортье неизвѣстно было Главнокомандующему, и тѣмъ затруднительнѣе было наше положеніе. Къ тому же въ продовольствіи былъ ужаснѣйшій недостатокъ, который далъ поводъ войскамъ къ грабежу и распутствамъ; вселились безпорядки и обнаружилось неповиновеніе. Отъ полковъ множество было отсталыхъ людей, и мы бродягамъ научились давать названіе мародеровъ: это было первое заимствованное нами отъ Французовъ. Они собирались толпами и въ нѣкоторомъ видѣ устройства; ибо посланный одинъ разъ эскадронъ гусаръ, для воспрепятствованія грабежа, видѣлъ въ нихъ готовность безъ страха принять атаку. Конница нерѣдко внимательна къ подобной рѣшительности.

Австрійскій Императоръ, прибывшій къ отступающимъ нашимъ войскамъ въ городъ Вельсъ, отправился въ обратный путь. Повсюду сопровождали его отчаяніе и вопль жителей, которыхъ, до прибытія Французовъ, оставляли мы нищими. Онъ свидѣтелемъ былъ опустошенія земли, и уже не зависѣло отъ него дать помощь. Жителямъ Вельса совѣтовалъ онъ прибѣгнуть къ Наполеону, въ великоду-

1805. ціи котораго найдутъ они пощаду. Императоръ, видя малыя силы наши, не могъ сомнѣваться, что столица его будетъ добычею непріятеля.

Въ городѣ Энсѣ армія наша перешла на правый берегъ рѣки того же имени, арріергардъ остановился, не доходя города. Непріятель, расположась противъ него, пребылъ въ бездѣйствіи; но вскорѣ открыто, что отправленъ имъ значительный отрядъ войскъ на монастырь С. Флоріяна, дабы воспрепятствовать движенію арміи или, по крайней мѣрѣ, умедлить оное. Но Главнокомандующій, будучи извѣщенъ о томъ, успѣлъ предупредить непріятеля, и отрядъ Генералъ-Маіора Штрика, пришедши прежде къ монастырю, закрылъ собою слѣдованіе арміи. При семъ произошло горячее сраженіе, и хотя, по превосходству непріятеля, потеря наша была чувствительна, но армія безпрепятственно совершила предпринятое движеніе. Неизвѣстно мнѣ, въ чемъ Главнокомандующій винилъ Генерала Штрика, но былъ имъ весьма недоволенъ.

Арріергардъ нашъ, угрожаемый быть отрѣзаннымъ, поспѣшно отошелъ за рѣку Энсъ; нѣкоторое время удержалъ усилія непріятеля и послѣ продолжалъ отступленіе сколь возможно медленнѣе. Артиллерія и излишнія тягости арміи успѣвали также удаляться Раненые отправляемы были Дунаемъ до города Кремса.

Главнокомандующій поспѣшалъ къ переправѣ чрезъ Дунай; ибо съ малыми силами и было средствъ удерживаться противъ непріятеля превосходнаго, и если бы даже встрѣчи съ нимъ оканчивались въ пашу пользу, то обыкновенная потеря должна бы привести насъ въ совершенное безсиліе. Къ тому же, изъ арміи Генерала Михельсена шелъ въ подкрѣпленіе намъ съ значительною частію войскъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Буксгевденъ, изъ С.-Петербурга съ гвардіею приспѣвалъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, и вскорѣ должна была сблизиться колонна войскъ въ командѣ Генералъ-Лейтенанта Шепелева. Малѣйшее замедленіе въ отступленіи было для насъ пагубно; напротивъ, одна скорость, соединяя съ идущими под-

крѣпленіями, могла вывести насъ изъ гибельнаго положе- 1805.
нія. Имѣя прикрытіемъ Дунай, можно было войскамъ, изнуреннымъ трудами, дать необходимое отдохновеніе.

Непріятель имѣлъ всѣ причины желать дать намъ сраженіе, не допустивъ насъ усилиться. Ему извѣстна была малочисленность наша и, вѣроятно, что услужливые Нѣмцы доставляли ему точныя о насъ свѣдѣнія. Сверхъ того, армія, подъ предводительствомъ Эрцгерцога Карла, одержавшая въ Италіи надъ Маршаломъ Массеною успѣхи, поспѣшала къ Вѣнѣ, услышавши о пораженіи Генерала Мака. Эрцгерцогъ Карлъ, будучи Генералиссимусомъ и много разъ начальствуя прежде, въ составъ своей арміи избралъ храбрѣйшіе полки и лучшихъ Генераловъ и офицеровъ.

Октября 22-го арріергардъ Князя Багратіона, при мѣстечкѣ Амштеттенѣ, атакованъ былъ большими силами. Не взирая на храбрость, съ каковою дрались Кіевскій и Малороссійскій гренадерскіе и 6-й егерскій полки, не смотря на всѣ усилія Князя Багратіона, не могли они устоять противъ стремленія превосходнаго непріятеля и, потерпѣвъ большой уронъ, приведены были въ замѣшательство. Артиллерія сбита была съ своихъ мѣстъ, и войска въ нестройныхъ толпахъ тѣснились на дорогѣ.

Лѣсистое мѣстоположеніе скрывало отъ глазъ непріятеля отрядъ Генералъ-Маіора Милорадовича, и когда думалъ онъ только преслѣдовать разбитый арріергардъ, встрѣтилъ свѣжія, твердо ожидающія его, войска. Внезапность привела непріятеля въ нѣкоторую робость, и ею воспользовался Генералъ-Маіоръ Милорадовичъ удачно. Онъ приказалъ конницѣ ударить на колеблющагося непріятеля, и Маріупольскаго гусарскаго полка Подполковникъ Игельстромъ, офицеръ блистательной храбрости, съ двумя эскадронами стремительно врѣзался въ пѣхоту, отбросилъ непріятеля далеко назадъ, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь, и однимъ храбрымъ стало менѣе въ нашей арміи! Послѣ смерти его разсыпались его эскадроны, и непріятель остановился въ бѣгствѣ своемъ; за

1805. два дня предъ тѣмъ, какъ добрые пріятели, дали мы слово одинъ другому воспользоваться случаемъ дѣйствовать вмѣстѣ; и я, лишь только узналъ о данномъ ему приказаніи атаковать, бросился къ нему на помощь съ конною моею ротою, но уже не засталъ его живаго, и только, остановивъ непріятеля движеніе, далъ способъ эскадронамъ его собраться и удержаться на мѣстѣ.[1] Я продолжалъ канонаду, и между тѣмъ устроились къ атакѣ гренадерскіе баталіоны Апшеронскаго и Смоленскаго полковъ, и самъ Милорадовичъ повелъ ихъ въ штыки. Ободренные присутствіемъ начальника, гренадеры ударили съ рѣшительностію, и непріятель, далеко прогнанный, скрылся въ лѣсъ и не смѣлъ показаться. Не подалеку въ другихъ мѣстахъ стоявшія его войска, ничего не предпринявъ, также удалились; нѣкоторые продолжали безполезную перестрѣлку, сопровождаемую безвреднымъ дѣйствіемъ артиллеріи, но къ вечеру всѣ отступили, и мы провели ночь на полѣ сраженія. Вмѣстѣ со свѣтомъ пошли мы назадъ, и вскорѣ появился непріятель, но преслѣдовалъ не съ тою, какъ прежде, дерзостію. Съ сего времени отдѣльная бригада Генерала Милорадовича заступила мѣсто арріергарда, а войскамъ Князя Багратіона приказано составлять подкрѣпленіе, и онѣ, по справедливости, имѣли нужду въ нѣкоторомъ отдохновеніи.

При Амштеттенѣ въ первый разъ былъ я въ сраженіи противъ Французовъ, и въ службу мою въ первый разъ съ конною артиллеріею, которой употребленіе я столько же мало зналъ, какъ и всѣ другіе. Возможность двигаться удобнѣе прочей артиллеріи истолковала мнѣ обязанности поспѣвать всюду, и по тому я попалъ съ гусарами. Впрочемъ, мнѣ удалось предупредить непріятеля, и я, занявъ одно возвышеніе, не допустилъ устроить батарею, которая могла дѣлать намъ большой вредъ.

Генералъ Милорадовичъ чрезвычайно благодарилъ меня, конечно, не за исполненіе его приказаній; ибо удач-

[1] Въ одномъ изъ журналовъ обстоятельно описано сіе происшествіе.

ное дѣйствіе принадлежало случаю, и я смѣю подозрѣвать, 1805.
что ему не легко бы было приказать что лучшее. Не менѣе того, мнѣ, какъ офицеру неизвѣстному, весьма пріятно было, что начальникъ отзывается съ похвалою.

Подходя къ монастырю Мёлкъ (Mölk), лежащему на Дунаѣ, арріергардъ усмотрѣлъ идущую на другой сторонѣ онаго колонну войскъ. Отдѣленіе не позволяло распознать ихъ, и думали мы, что то Австрійцы, спасающіеся отъ Французовъ; но какъ у самаго монастыря Дунай протекаетъ въ тѣсныхъ берегахъ и дорога съ обѣихъ сторонъ лежитъ почти по самому краю оныхъ, то легко было удостовѣриться, что колонна была непріятельская и въ не малыхъ силахъ: то былъ маршалъ Мортье, который, какъ сказано выше, въ городѣ Линцѣ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная.

Главнокомандующій неравнодушно получилъ сіе извѣстіе, ибо положеніе наше становилось крайне опаснымъ. Съ нашей стороны гористыя мѣста, прилежащія къ берегу Дуная, удаляя отъ онаго дорогу, отклоняли ее на городъ Санктъ-Пёлтенъ и понуждали насъ къ довольно большому обходу. Одною чрезвычайною быстротою могли мы предупредить непріятеля въ Кремсѣ и имѣть удобную переправу. По счастію нашему, Французы встрѣтили трудный путь по лѣвому берегу.

При войскахъ нашихъ находились Австрійскіе Генералы, Мерфельдъ и Ностицъ, съ частію конницы, избѣгшей пораженія при Ульмѣ. Доселѣ полагали они, что Главнокомандующій идетъ защищать Вѣну и въ приближеніи къ ней дастъ сраженіе. Вѣроятно, Генералъ Кутузовъ не старался вывести ихъ изъ сего заблужденія, и хотя Генералъ Мерфельдъ извѣстенъ былъ своею проницательностію, до сего не постигъ онъ точныхъ его намѣреній. У города Санктъ-Пёлтена дорога раздѣляется, и одна идетъ въ Вѣну, другая на Кремсъ, въ четырехъ Нѣмецкихъ миляхъ отстоящій. Здѣсь Кутузовъ объявилъ, что онъ идетъ за Дунай, въ соединеніе съ приспѣвающими къ нему изъ

1805. Россіи войсками, и армія, поворотивъ въ Кремсъ, поспѣшно переправилась на лѣвый берегъ Дуная.

Явно было негодованіе Австрійскихъ Генераловъ и столько же неосновательно, ибо не возможно было сомнѣваться, что Французы прежде насъ будутъ въ Вѣнѣ. Давно примѣтно было, что Австрійскіе Генералы столько же дѣйствовали нечистосердечно, сколько солдаты ихъ дрались боязливо, и уже случилось, что Генералъ Ностицъ съ Венгерскими гусарскими полками, содержавшій передовые посты въ арріергардѣ Князя Багратіона, по ложному извѣщенію Французскаго Генерала о заключенномъ будто бы перемиріи, не предувѣдомивъ войскъ нашихъ, снялъ посты и удалился съ своими полками. Князь Багратіонъ былъ въ затрудненіи, но Генералъ-Маіоръ Уланіусъ, находившійся не въ дальнемъ разстояніи съ частію войскъ отъ арріергарда, скоро то примѣтилъ, и дѣйствуя искусно, вышелъ съ небольшою потерею и съ арріергардомъ соединился.

По отступленіи арміи къ Кремсу, арріергардъ Генерала Милорадовича остался при самомъ раздѣленіи дорогъ, дабы сколько возможно продлить невѣдѣніе непріятеля о направленіи нашей арміи. Его усилили конницею, и Князю Багратіону приказано находиться въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Передовые посты наши изъ Венгерскихъ гусаръ довольно далеко впереди занимали между лѣсами выгодное расположеніе, и непріятель не могъ видѣть ни малочисленности нашей, ни занимаемаго нами мѣста. Съ передовыхъ постовъ дано знать, что присланъ парламентеръ, объявляющій желаніе начальника Французскаго авангарда переговорить о дѣлѣ съ Генераломъ Милорадовичемъ. Пріѣхавши на мѣсто, Г. Милорадовичъ не засталъ уже Французскаго Генерала, который, долго ожидавшись, отправился въ свой лагерь, оставивъ Капитана съ даннымъ отъ него порученіемъ. Послѣ довольно не связнаго разговора и множества неумѣстныхъ привѣтствій, на которыя Французскій Капитанъ отвѣчалъ предложеніемъ свести передовые наши посты, присоединяя обѣща-

ніе, что они въ продолженіи дня со стороны своей ничего не предпримутъ. Отвратительная наружность негоціятора опредѣляла мѣру заслуживаемаго имъ довѣрія. Милорадовичъ, исполненный мечтаній о рыцарскихъ блаженныхъ временахъ, когда на каждомъ перекресткѣ первый встрѣтившійся выставлялъ себя за образецъ чести и добродѣтели, гдѣ между неизвѣстными заключались вѣчныя узы дружбы и малѣйшее сомнѣніе въ вѣрности было преступленіемъ, Милорадовичъ не дерзнулъ оскорбить рыцаря недовѣріемъ къ словамъ его, и, какъ должно, не спросивъ его о имени, приказалъ снять посты. Я былъ свидѣтелемъ сего свиданія и подозрѣвалъ, что намъ выгоднѣе бы было имѣть дѣло, вмѣсто Наполеона, съ Франциском I. 1805.

Только что стали мы приближаться къ своему лагерю, какъ получили извѣстіе, что, когда оставили мѣста свои войска, составлявшія передовую стражу, и начали собираться, непріятель напалъ на нихъ въ большихъ силахъ, преслѣдуетъ ихъ не въ дальнемъ уже разстояніи, и что въ слѣдъ идетъ не малое число войскъ.

Вскорѣ появился непріятель и занялъ всѣ окрестныя возвышенія, такъ что въ виду его отступленіе дѣлалось весьма опаснымъ. Не знаю, кто умѣлъ склонить Милорадовича отмѣнить приказаніе послать помощь отступающимъ гусарамъ, ибо иначе произошло бы дѣло и, по неудобству мѣстоположенія, для насъ, безъ сомнѣнія, невыгодное. Итакъ, не выходя изъ лагеря, устроились мы въ боевой порядокъ и пріуготовились къ отраженію. Непріятель двинулъ сильную пѣхоту на правый нашъ флангъ, слабѣйшій положеніемъ, и заставилъ насъ обратить въ ту сторону и силы наши, и вниманіе, а въ то самое время противъ лѣваго нашего крыла большимъ отрядомъ кавалеріи произвелъ обозрѣніе въ тылу нашемъ, гдѣ не могло укрыться отъ него, что, кромѣ войскъ Князя Багратіона, не имѣли мы другаго подкрѣпленія. По счастію нашему непріятель не могъ прежде вечера кончить обозрѣніе, по той причинѣ, что кавалерія его принуждена была сдѣлать большой обходъ вокругъ лѣса, мимо коего кратчайшій путь лежалъ

1805. подъ выстрѣлами нашихъ батарей. Итакъ наставшій вечеръ не допустилъ ничего предпринять рѣшительнаго, и Милорадовичъ избавился наказанія за непростительную ошибку, которую надобно было поправлять потерею многихъ головъ. Непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича; ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ. Въ полночь, разложивъ весьма большіе огни, мы безпрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менѣе радъ былъ многихъ. Не знаю, воспользуется ли рыцарь благосклоннаго счастія вразумительнымъ урокомъ.

Прошедши всю ночь не останавливаясь, на другой день, въ десять часовъ утра, арріергардъ переправился за Дунай; на правомъ берегу оставались одни кавалерійскіе посты. Непріятель прибылъ гораздо послѣ полудня, и мы, отозвавъ послѣднія войска, сожгли прекраснѣйшій на Дунаѣ мостъ.

Положивъ Дунай между собой и непріятелемъ, Главнокомандующій въ первый разъ могъ допустить надежду соединиться съ войсками, идущими изъ Россіи; ничего не зналъ о переходѣ маршала Мортье въ городѣ Линцѣ, и если бы не были они осмотрѣны въ окрестностяхъ монастыря Мѣлкъ, могъ онъ, для сбереженія солдатъ, худою погодою и труднымъ отступленіемъ изнуренныхъ, употребить обыкновенную скорость движенія, и тогда Французы успѣли бы овладѣть мостомъ при Кремсѣ.

Главнокомандующій, превозмогши трудности и спасши войско отъ гибели, пріобрѣлъ полную его довѣренность. Начальники не были довольны его строгостью, но увидѣли необходимость оной и утвердились въ уваженіи къ нему. Мнѣ случалось видѣть, какъ давалъ онъ наставленія Генераламъ, сколько въ началѣ былъ снисходительнымъ, и сколько нетерпѣливо сносилъ, когда его не такъ понимали. Одинъ разъ сказалъ онъ имъ: «Вижу, Господа, что я говорю вамъ на Арабскомъ языкѣ.» И точно, можно было замѣтить, что нѣкоторые, вопреки всѣмъ его усиліямъ, по-

стоянно сохраняли способность не разумѣть его. Въ осо- 1805.
бенномъ вниманіи его были Генералъ-Лейтенантъ Дохтуровъ и Генералъ-Маіоры Князь Багратіонъ и Милорадовичъ. Послѣдніе два доселѣ были одни дѣйствующіе и найболѣе переносили трудовъ; словомъ, на нихъ возлежало охраненіе арміи.

На другой день, по прибытіи въ Кремсъ, заняли мы арріергардомъ предмѣстье Штейнъ. Маршалъ Мортье, занявши виноградники, простирающіеся по крутизнѣ горъ надъ самымъ городомъ, съ частью войскъ приблизился къ самымъ воротамъ онаго и началась весьма горячая перестрѣлка.

Главнокомандующій располагалъ дать войскамъ отдохновеніе, и нужно было исправить одежду и обувь солдатъ, поврежденныя безпрерывными дождями въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и для того нельзя было терпѣть непріятеля въ столько близкомъ разстояніи.

Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе атаковать его, и только его неустрашимость и предпріимчивость могли восторжествовать. Полки наши должны были штурмовать крутыя горы, гдѣ непріятель, совершенно скрытый за каменными стѣнами, [1] одна за другою въ нѣсколько рядовъ устроенными, защищался упорно. Встрѣчая на каждомъ шагу ужасныя препятствія, войска наши, не разъ опрокинутыя, обращались съ потерею, и артиллерія, не имѣя удобнаго мѣста для устроенія батарей, долго не могла имъ содѣйствовать. Наконецъ удалось оттѣснить непріятеля отъ одного пункта и овладѣть частью его лагеря: тогда орудія введены были въ дѣйствіе, чѣмъ пріобрѣтено было равновѣсіе въ бою; но непріятель, имѣя вѣрное отступленіе за ближайшими стѣнами, возобновлялъ упорное сопротивленіе, и мы не иначе, какъ большими пожертвованіями,

---

[1] Такія стѣны строятся по крутизнѣ горъ, дабы не могла осыпаться земля, на коей виноградники и помѣщаются уступами въ нѣсколько рядовъ.

1805 достигали малѣйшихъ выгодъ. Уронъ нашъ былъ очевиденъ, и въ особенности въ офицерахъ не соразмѣрный. [3]

Главнокомандующій вознамѣрился обойти непріятеля, чего, однако же, нельзя было сдѣлать дорогою, лежащею по берегу Дуная, ибо она была подъ выстрѣлами непріятеля, а по тому надлежало проходить горами, дабы напасть на лѣвое его крыло. Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Шмидтъ, послѣ долговременной отставки, не задолго предъ тѣмъ призванный Императоромъ на службу, человѣкъ отличныхъ дарованій, предложилъ намѣреніе Главнокомандующаго привести въ исполненіе. Будучи уроженцемъ Кремса, онъ зналъ хорошо окрестности и взялся самъ провести колонну войскъ, которая поручена была въ команду Генерала Дохтурова. Скрытымъ путемъ сблизились войска наши съ непріятелемъ, и онъ не прежде могъ ихъ примѣтить, какъ уже лѣвое его крыло они охватили и простирались въ тылъ. Движеніе сіе наклонило побѣду на нашу сторону. Непріятель сдѣлалъ слабое сопротивленіе, не въ состояніи будучи отвратить вселившагося безпорядка, и войска его отъ всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстъ бросились въ совершенное бѣгство. Въ руки наши достались Генералъ Гренъ-д'Оржъ, пять орудій артиллеріи, знамена и болѣе сорока штабъ и оберъ-офицеровъ.

Маршалъ Мортье, съ малымъ числомъ людей, спасся въ горы. Нѣкоторая часть искала на лодкахъ спуститься въ низъ по Дунаю, но истреблена была расположенными по берегу батареями, или, будучи теченіемъ принесена къ сваямъ сожженнаго нами моста, испросила пощаду. Къ числу весьма значительнаго урона съ нашей стороны, надобно съ горестію прибавить потерю Генералъ-Квартирмейстера Шмидта, который убитъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ съ непріятельской батареи. Артиллерія, по неудобству мѣстоположенія, мало была въ употребленіи, и по тому во все время сраженія находился я при Генералѣ

---

[3] Мѣста ихъ заступили многіе изъ офицеровъ Маріупольскаго гусурскаго полка.

Милорадовичѣ, и могу судить, что оно въ своемъ родѣ было 1805.
одно изъ жесточайшихъ, и войска наши оказали возможную степень мужества.

Рѣшительное окончаніе дѣла произведено искуснымъ направленіемъ войскъ, въ командѣ генерала Дохтурова бывшихъ, но Генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежитъ большое участіе въ успѣхѣ; ибо до того сбилъ онъ непріятеля со всѣхъ высотъ, ближайшихъ къ городу, не взирая на твердость его позиціи.

Здѣсь Генералъ Дохтуровъ положилъ основаніе военной своей репутаціи; но не могу, однако же, умолчать о случившемся съ нимъ странномъ происшествіи, которое, не знаю по чему, не обратило на себя вниманія Когда обошелъ онъ непріятеля и уже увѣремъ былъ въ успѣхѣ, имѣя со стороны своей выгоды внезапнаго нападенія, онъ такъ распорядилъ войска, что потерялъ почти весь баталіонъ Вятскаго мушкатерскаго полка и одно знамя

Отъ взятыхъ въ плѣнъ узнали мы, что маршалъ Мортье имѣлъ съ собою отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ, и что, по причинѣ быстраго движенія отъ Линца, оставилъ онъ по дорогѣ больными и усталыми до четырехъ тысячъ. Количество войскъ, ему порученное, доказываетъ, что назначеніе его состояло въ томъ, чтобы истребить мостъ на Дунаѣ и можетъ быть препятствовать, если бы вознамѣрились мы переправиться на судахъ, но всеконечно не искать сраженія, когда уже перешли мы и всѣ силы наши въ совокупности. Что же заключить должно о дѣйствіи Господина Маршала?

Пребываніе наше и отдохновеніе въ Кремсѣ не должно было продлиться, ибо вскорѣ послѣ сраженія получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Вѣною безъ сопротивленія. Малое число бывшихъ тамъ войскъ перешли на лѣвый берегъ Дуная. но мостъ не истребленъ по Нѣмецкой расчетливости, хотя возбранить перехода нельзя было иначе. Рѣдкій изъ Нѣмецкихъ Генераловъ не приметъ перемирія, и по тому не отказано предложенное Французами.

1805. Въ продолженіи онаго Маршалъ Ланъ обманулъ стоящій на мосту Австрійскій пикетъ, и колонна Французскихъ войскъ бѣгомъ захватила мостъ.

Императорская фамилія заблаговременно удалилась въ Венгрію, но Французы въ потерѣ сей искали утѣшиться взятою съ города ужасною контрибуціею, пріобрѣтеніемъ богатѣйшаго арсенала, изобильнѣйшими запасами продовольствія и многими другими для войскъ потребностями.

По овладѣніи мостомъ на Дунаѣ, непріятель имѣлъ свободную дорогу на Брюнъ и возможность предупредить насъ въ слѣдованіи отъ Кремса, буде бы Главнокомандующій промедлилъ тамъ нѣсколько дней. И по тому, оставивши часть войскъ въ Вѣнѣ, непріятель со всѣми силами пошелъ поспѣшно на наши сообщенія.

Еще разъ необходимо было для спасенія единственное средство — необыкновенная скорость. Но въ семъ случаѣ нельзя было надѣяться на отступленіе, подобное прежнему, ибо до Брюна не было уже мостовой (chaussée), но дорога чрезвычайно грязная и во многихъ мѣстахъ топкая, которою мы проходили прежде. [1] Испытали ужасныя трудности тогда, какъ не было непріятеля, который бы безпокоилъ. Предстояла глубокая осень, переходы тяжелые, и почти нельзя было сомнѣваться, что мы потеряемъ большую часть артиллеріи и тягостей. Надлежало поспѣшить перейти тотъ пунктъ, гдѣ соединяется дорога, изъ Вѣны идущая, и Главнокомандующій далъ войскамъ повелѣніе выступить.

Арріергардъ порученъ былъ Князю Багратіону. Обезсиленная послѣднимъ сраженіемъ отдѣльная бригада Генерала Милорадовича назначена ему въ подкрѣпленіе.

Мы отступили изъ Кремса. Не имѣя средствъ увести раненыхъ, мы оставили ихъ, и одинъ изъ офицеровъ съ

---

[1] Когда проходили мы къ Горунау, отпускалось большое число обывательскихъ лошадей для подвоза артиллеріи и обозовъ.

письмомъ ожидалъ непріятельскаго начальника, великоду- 1805.
шію котораго они поручались.

За нѣсколько часовъ до выхода нашего сдѣлался сильный морозъ, и дорога, къ счастію нашему, была какъ найлучшая мостовая.

Непріятель, имѣя въ готовности множество судовъ, перешелъ Дунай въ короткое время, и арріергардъ нашъ былъ еще въ маломъ отъ города разстояніи, какъ уже появился онъ для преслѣдованія. Въ тотъ же день возвратился офицеръ, оставленный съ письмомъ въ Кремсѣ, и далъ знать, что уже при немъ расположилась въ городѣ непріятельская главная квартира и вступило въ оный весьма большое число войскъ.

Главнокомандующій увѣдомился, что Генералъ-Лейтенантъ Шепелевъ, идущій изъ Россіи съ колонною войскъ, скоро къ нему присоединится, и какъ при ней не было конницы, то посланъ въ подкрѣпленіе кирасирскій Ея Величества полкъ и вмѣстѣ съ нимъ моя артиллерійская рота, которые, сдѣлавъ большой переходъ, съ колонною соединились, и разъѣзды наши открыли неподалеку отрядъ непріятельской кавалеріи отъ войскъ, слѣдовавшихъ изъ Вѣны.

Главнокомандующій ускорилъ отступленіе и перешелъ мѣстечко Ецельсдорфъ, при коемъ расположился Генералъ Милорадовичъ. Итакъ мы отъ стороны Вѣны не опасались уже быть отрѣзанными.

Дабы избѣжать сраженія всѣми силами и, по превосходству непріятеля, не подвергнуться, безъ всякаго сомнѣнія, пораженію, Главнокомандующій рѣшился противопоставить непріятелю арріергардъ Князя Багратіона, и онъ оставленъ близъ города Голлабруна.

Между тѣмъ силы непріятеля очевидно умножались прибывающими отъ Кремса войсками и Наполеонъ командовалъ самъ авангардомъ. Въ лагерѣ его находился для переговоровъ Генералъ-Адъютантъ Баронъ Винценгероде, и

1805. въ тотъ день заключено перемиріе до четырехъ часовъ по полудни. Наполеонъ не прежде согласился на оное, какъ войска его собрались уже въ большомъ количествѣ, и не хотѣлъ продолжить болѣе, чтобы въ тотъ же день имѣть время истребить нашъ арріергардъ. Съ основательностію предположить возможно, что въ разсчетъ его входило то, что войска, идущія отъ Вѣны, успѣютъ атаковать на пути нашу армію и, остановя ее, ему дадутъ время приспѣть со всѣми силами, которыхъ Князь Багратіонъ не въ состояніи былъ удержать и самое короткое время.

Пользуясь перемиріемъ, Князь Багратіонъ хотѣлъ отойти назадъ, дабы не быть слишкомъ удаленнымъ, а паче отрѣзаннымъ, отъ арміи, и уже нѣкоторыя части войскъ его приведены были въ движеніе. Но онъ долженъ былъ возвратить ихъ; ибо непріятель настоялъ, что они должны находиться въ томъ самомъ расположеніи, въ которомъ застало ихъ перемиріе, или, въ противномъ случаѣ, они немедленно пойдутъ впередъ. Нельзя было отказать требованію, хотя явною была грозящая опасность.

Въ четыре часа по полудни выстрѣломъ изъ пушки непріятель далъ знать о прекращеніи перемирія, и двинулись отовсюду многочисленныя непріятельскія колонны.

Не возможно было ни минуты терять времени, и Князь Багратіонъ приказалъ начать отступленіе.

Правое крыло арріергарда расположено было по хребту небольшихъ возвышеній, на которыхъ стоялъ 6-й егерскій полкъ, простираясь по всей широтѣ оныхъ. Начальнику сего крыла, Генералъ-Маіору Уланіусу, подчинена была конница, состоящая изъ Павлоградскаго гусарскаго, Черниговскаго драгунскаго полковъ и небольшаго количества Казаковъ. Центръ и лѣвое крыло устроены были въ долинѣ, и сей послѣдній составляла бригада Генералъ-Маіора Селихова изъ Подольскаго и Азовскаго мушкатерскихъ полковъ съ одною ротою легкой артиллеріи. Князь Багратіонъ находился въ центрѣ съ Кіевскимъ и Малороссійскимъ гренадерскими полками, при коихъ соединена

была вся артиллерія. Въ трехъ верстахъ позади арріергар- 1805.
да простирался глубокій ровъ, чрезъ который трудна была переправа. Кавалеріи приказано немедленно перейти за оврагъ, дабы прочихъ войскъ не остановить въ отступленіи. Генералъ-Маіоръ Уланіусъ, отходя въ слѣдъ за кавалеріею, удерживалъ подъ выстрѣлами долину, и по хребту достигъ до оврага, почти безъ всякой потери. На равной съ нимъ высотѣ отходили гренадерскіе полки, вспомоществуемые артиллеріею, которой часть отправлена прежде къ переправѣ. Стрѣлки отъ оныхъ были въ дѣйствіи. На лѣвомъ крылѣ происходило величайшее замѣшательство. Генералъ-Маіоръ Селиховъ имѣлъ неосторожность распустить людей за дровами и за водою, и терялъ время въ ожиданіи ихъ. Они большею частію достались въ плѣнъ, а полки, отсутствіемъ ихъ ослабленные, окружены были большими силами. Храбрые полки, отчаянно защищаясь, продлили сраженіе до глубокой ночи, но большая часть людей побита, взяты знамена и восемь пушекъ. Пользуясь темнотою, спаслись малые только остатки полковъ и четыре орудія. Причиною столь чувствительной потери было невѣжество въ ремеслѣ своемъ Генералъ-Маіора Селихова. Онъ и того не разумѣлъ, что онъ могъ спасти войска, если бы рѣшился оставить людей посланныхъ въ лѣсъ и за водою, которые легко весьма могли уйти, не будучи даже обременены ружьями. Непріятель, окруживъ лѣвый флангъ, хотѣлъ отрѣзать гренадерскіе полки отъ переправы, и если бы не могъ въ томъ успѣть, то, по крайней мѣрѣ, произвелъ бы въ нихъ большой безпорядокъ; но Кіевскаго гренадерскаго полка командиръ 2-го баталіона, Маіоръ Экономовъ, занявши селеніе, которое прикрывало переправу, встрѣтилъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, который, не полагая въ немъ войскъ нашихъ, искалъ овладѣть имъ. Сіе дѣйствіе Маіора Экономова (по собственному его соображенію), уничтоживъ предпріятіе непріятеля, было причиною, что не только гренадерскіе полки прошли безъ потери, но даже могли спастись и самые остатки лѣваго фланга.

1805. Итакъ, сверхъ чаянія, дѣло кончилось гораздо счастливѣе, нежели должно было ожидать, и Князь Багратіонъ прославился. Подъ начальствомъ его было менѣе семи тысячъ человѣкъ, непріятель имѣлъ въ дѣйствіи болѣе двадцати тысячъ, и Наполеонъ самъ ими командовалъ. Конечно, не упущеніе со стороны Наполеона, не недостатокъ средствъ воспрепятствовали воспользоваться полною побѣдою. Одна скорость движенія спасла арріергардъ нашъ.

Въ продолженіи ночи арріергардъ прошелъ извѣстное соединеніе дорогъ при Ецельсдорфѣ и, оставя далеко назади непріятеля, находился внѣ всякой опасности.

Армія, будучи въ далекомъ разстояніи отъ войскъ, преслѣдовавшихъ изъ Кремса и даже тѣхъ, которыя могли поспѣть со стороны Вѣны, избѣжала сраженія, котораго выдержать не была въ состояніи, и на которое рѣшиться тѣмъ болѣе было бы не благоразумно, что армія Генерала Графа Буксгевдена, шедшая на помощь, уже близко находилась.

На мѣсто арріергарда поступила бригада Генерала Милорадовича, и хотя непріятель вскорѣ догналъ оную, но, кромѣ перестрѣлокъ, не имѣвшихъ ни какихъ слѣдствій, ничего важнѣйшаго не произошло.

Между тѣмъ Главнокомандующій прошелъ городъ Брюнъ и соединился съ арміею Графа Буксгевдена. Часть войскъ отъ оной пришла смѣнить насъ въ арріергардѣ, когда прибыли мы къ мѣстечку Вишау. Государь, вмѣстѣ съ Австрійскимъ Императоромъ, находились въ крѣпости Ольмюцъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ вскорѣ долженъ былъ присоединиться съ Россійскою гвардіею.

Такимъ образомъ въ происшедшихъ съ непріятелемъ дѣлахъ, во все время отступленія отъ Браунау и до Брюна, Генералъ Кутузовъ, противъ многочисленныхъ силъ пріобрѣтши успѣхи при Ламбахѣ и Амштеттенѣ и совершенную побѣду при Кремсѣ, довелъ войска, если нѣсколько и утомленныя быстротою движенія, но съ найлучшимъ духомъ, и ничего не потерявши, кромѣ одной пушки при

Ламбахѣ. Сія ретирада по справедливости поставляется въ числѣ знаменитыхъ военныхъ событій нынѣшняго времени. 1805.

Между соединившимися арміями примѣтна была чрезвычайная разность. Пришедшая изъ Россіи была совершенно сбережена и въ найлучшемъ устройствѣ. Наша, напротивъ, потерпѣла отъ продолжительныхъ трудовъ, изнемогла отъ недостатка продовольствія, отъ ненастнаго времени, глубокой осени. Одежда войскъ истреблена была на бивуакахъ, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были въ различныхъ, и даже смѣшныхъ, нарядахъ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу арміи и, судя по привѣтствіямъ, которыми удостоилъ многихъ, казалось, доволенъ былъ службою храбрыхъ и вѣрныхъ войскъ его. Между прочими изъявилъ и мнѣ за службу благоволеніе. Приказалъ дать арміи отдохновеніе.

Арміи, по соединеніи, расположились у самой крѣпости Ольмюцъ, подъ покровительствомъ коей занятъ выгодный лагерь и во многихъ мѣстахъ онаго устроены были укрѣпленія.

Продовольствіе отпускаемо было правильнымъ образомъ На пополненіе въ войскахъ недостатковъ приняты дѣятельныя мѣры, и мы въ продолженіе одной недѣли примѣтно пришли въ лучшее состояніе.

Главная квартира обоихъ Императоровъ была въ крѣпости.

Составился новый авангардъ подъ командою Генерала Князя Багратіона, и расположился противъ мѣстечка Вишау.

Въ Вишау вступилъ непріятельскій авангардъ, но далѣе ни его не предпринималъ.

Въ Ольмюцѣ нашелъ я Инспектора всей артиллеріи, Графа Аракчеева, въ томъ же могуществѣ при Государѣ, съ тѣмъ же ко мнѣ неблагорасположеніемъ, не взирая на лестное свидѣтельство Главнокомандующаго на счетъ мой. Едва имѣлъ я къ нему доступъ и никогда ни малѣй-

1805. шаго ободренія, тогда какъ многимъ другимъ оказывалъ онъ сильное свое покровительство. Тутъ, по сравненію выгодъ, пріобрѣтенныхъ другими, почувствовалъ я, какъ невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считаетъ за благодѣяніе, что утѣсняя невинно, не погубляетъ!

Въ продолженіе пребыванія арміи при Ольмюцѣ, около Вишау происходили небольшія перестрѣлки. Князь Багратіонъ замѣтивъ, что непріятель мало имѣетъ въ городѣ пѣхоты, но болѣе кавалеріи, приказалъ шефу Маріупольскаго гусарскаго полка, Генералъ-Маіору Графу Витгенштейну, расположиться при выѣздахъ изъ онаго, такъ чтобъ непріятель не могъ уйти, а пѣхотѣ приказалъ атаковать городъ. Кавалерія непріятельская вырвалась съ малою весьма потерею, и Графъ Витгенштейнъ не успѣлъ ничего сдѣлать. Оставленную его пѣхоту, съ небольшимъ сто человѣкъ, взялъ въ плѣнъ находившійся при авангардѣ Генералъ-Адъютантъ Князь Долгорукій (Петръ Петровичъ). Дѣло представлено было гораздо въ важнѣйшемъ видѣ, и Князь Багратіонъ, какъ ловкій человѣкъ, приписалъ успѣхъ Князю Долгорукому, который, пользуясь большою довѣренностію Государя, могъ быть ему надобнымъ. Непріятель отошелъ къ Брюну, гдѣ, какъ извѣстно было, находились главныя его силы. Въ главной нашей квартирѣ восхищены были побѣдою и готовились къ пріобрѣтенію новыхъ.

Армія наша получила повелѣніе выступить впередъ. Генералъ Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія, и разсужденія на сей предметъ были различныя. Многіе предполагали, что непріятель отступаетъ, съ намѣреніемъ отвлечь войска отъ выгодной позиціи при Ольмюцѣ, гдѣ онъ не смѣетъ атаковать ихъ, и что по тому должно остаться на мѣстѣ и дать время Генералъ-Лейтенанту Эссену 1-му присоединиться съ корпусомъ, идущимъ изъ Шлезіи. Думали нѣкоторые, что если бы непріятель рѣшился атаковать въ позиціи, то, не взирая на выгоды оной, отступить, дабы армія Эрцгерцога Карла, поспѣшно приближа-

ющаяся къ Вѣнѣ, могла стать въ тылу непріятеля, если 1805.
бы онъ дерзнулъ насъ преслѣдовать. Вѣроятно, Наполеонъ не поставилъ бы себя въ сіе опасное положеніе, и по тому оставалось ему, или тотчасъ отступить, или, наблюдая за нами частію войскъ, со всѣми силами обратиться на Эрцгерцога Карла. Должно предполагать, что Наполеонъ скорѣе избралъ бы сіе послѣднее средство, ибо отступить не могъ онъ иначе, какъ тою же дорогою, которою мы проходили, чрезъ страну совершенно опустошенную, гдѣ армію его встрѣтилъ бы голодъ неотвратимый. Одержавъ побѣду надъ Эрцгерцогомъ Карломъ, не могъ Наполеонъ сомнѣваться, что отклонитъ Императора Австрійскаго отъ союза съ нами, а мы одни не рѣшимся противостать ему. Не могъ Наполеонъ предпочесть средство отступленія, ибо, вмѣстѣ съ нимъ, лишился бы онъ важныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ побѣдою при Ульмѣ, которая власти его покорила большое пространство земли, самую столицу, заставила Австрійцевъ оставить Италію, и даже очистить Тироль. Наполеонъ, обратясь на Эрцгерцога Карла, не могъ оставить противъ насъ такихъ силъ, которыя бы въ состояніи были насъ удерживать, и по тому думали нѣкоторые, что, прогоняя ихъ, надлежало ити по слѣдамъ Наполеона, дабы поставить его между двухъ армій, не въ далекомъ разстояніи между собою находящихся. Было также мнѣніе нѣкоторыхъ, что надлежало ити впередъ не иначе, какъ приближаясь сколь возможно лѣвымъ флангомъ арміи къ границамъ Венгріи, дабы войти въ скорѣйшее сообщеніе съ Эрцгерцогомъ Карломъ и получить помощь отъ Венгровъ, народа воинственнаго, между которыми Французы не имѣли людей себѣ приверженныхъ. Въ семъ случаѣ, если бы Наполеонъ обратился на нашу армію, и намъ не выгодно было принять сраженіе: Венгрія, гористая земля, имѣющая твердыя границы, представляла большія удобности къ оборонѣ, и тутъ всегда вѣрный разсчетъ въ томъ, что Наполеонъ не могъ терять время и не могъ допускать ни какого предпріятія иначе, какъ скораго и рѣшительнаго.

1805. По малому значенію, или лучше сказать, по совершенному незначенію моему въ арміи, не могъ я знать точныхъ намѣреній начальства; но общая молва была, что Государь не согласенъ съ мнѣніемъ Генерала Кутузова и склонился на предложеніе Австрійцевъ.

Армія наша двинулась впередъ. Расположеніе движеній поручено было Австрійскому Генералъ-Квартирмейстеру Вейнроту. Мы дѣлали небольшіе марши, но такимъ непонятнымъ образомъ были они расположены, что рѣдко оканчивали мы ихъ скорѣе десяти, или двѣнадцати, часовъ; ибо всѣ колоны непремѣнно одна другую перерѣзывали, и даже не по одному разу, и которая ни будь напрасно теряла время въ ожиданіяхъ.

Въ продолженіи трехъ дней видѣнъ былъ одинъ слабый непріятельскій отрядъ, по дорогѣ къ городу Брюну, гдѣ проходилъ нашъ авангардъ; но, не дѣлая упорнаго сопротивленія, онъ уступалъ мѣсто

Я съ конно-артиллерійской ротою находился при кавалерійской дивизіи Генералъ-Адъютанта Уварова, которая предъ нѣкоторою частью арміи составляла передовое войско. На четвертый день, около вечера, встрѣтились мы съ непріятельскою кавалеріею въ малыхъ силахъ; перестрѣлка была незначащая, и кавалерія прогнана.

Темнота ночи остановила насъ на вершинѣ одного возвышенія, въ хорошемъ мѣстоположеніи. Не далеко позади стала въ бивуакахъ вся армія. Впереди насъ изрѣдка видны были непріятельскіе огни, которые, казалось, означали цѣпь передовой стражи. Въ арміи былъ слухъ, и почти всѣ вѣрили, что непріятель уходитъ. Около полуночи, у подошвы возвышенія, на которомъ стояла наша дивизія, въ одно мгновеніе загорѣлись огни, охватившіе большое пространство. Мы увидѣли обширные бивуаки и движеніе великаго числа людей, что наиболѣе утвердило многихъ во мнѣніи, что непріятель не ищетъ даже скрывать своего отступленія. Напротивъ того нѣкоторымъ казалось сіе подозрительнымъ. Мы узнали вскорѣ, что огни озна-

чали торжество въ честь Наполеона, и зажжены въ его 1805.
присутствіи.

Генералъ-Адъютантъ Уваровъ позванъ былъ въ главную квартиру, откуда возвратился въ скоромъ времени. Немедля за нимъ присланъ офицеръ съ диспозиціею на нѣсколькихъ листахъ, наполненною трудными названіями селеній, озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышеній и такъ запутанною, что ни помнить, ни понимать не было ни какой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успѣть прочитать многимъ изъ начальниковъ и весьма мало было экземпляровъ. Я признаюсь, что, выслушавъ оную, столько же мало получилъ о ней понятія, какъ бы и совсѣмъ не подозрѣвалъ о ея существованіи; одно то ясно было, что на завтра аттакуемъ мы непріятеля.

Еще до разсвѣта выступила армія, опасаясь, по видимому, чтобы непріятель не успѣлъ уйти далеко. Войска на маршѣ должны были войти въ мѣста, по диспозиціи для нихъ назначенныя; и по тому начали колонны встрѣчаться между собою и проходить одна сквозь другую, отъ чего произошелъ безпорядокъ, который ночное время болѣе умножало. Войска разорвались, смѣшались, и конечно не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большаго числа полковъ, не имѣли при себѣ ни человѣка конницы, такъ что некѣмъ было открыть, что происходитъ впереди, или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генералъ Милорадовичъ въ моихъ глазахъ выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ, для необходимыхъ посылокъ. Къ сему прибавить надобно, что ни одна изъ колоннъ не имѣла впереди себя авангарда. Общій авангардъ всей арміи находился весьма мало впереди и на самой конечности праваго фланга, такъ что собою не закрывалъ онъ ни одной колонны, и армія въ движеніи своемъ совершенно была открыта. Дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова отведена была довольно далеко назадъ, чтобы потомъ перейти ближе къ правому флангу, гдѣ вся почти кавалерія соединена была особенно.

1805. Такимъ образомъ колонны подвигались впередъ въ полной безопасности, и между ними допущены были большія пространства, въ томъ предположеніи, что, приближаясь къ непріятелю, войдутъ онѣ въ надлежащее боевое устроеніе.

Съ началомъ дня, когда полагали мы себя въ довольномъ разстояніи отъ непріятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядокъ, мы увидѣли всю Французскую армію, стоящую въ боевомъ порядкѣ, и между нами не было двухъ верстъ разстоянія.

Изъ сего заключить можно, сколько достовѣрныя имѣли мы извѣстія объ отступленіи непріятеля, и чѣмъ обязаны премудро начертанной Австрійской диспозиціи, которая болѣе похожа была на топографическое описаніе Брюнскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою.

Совершенная готовность непріятеля доказываетъ, что онъ предувѣдомленъ былъ о нашемъ предпріятіи, ибо не почиталъ за нужное открывать слѣдованія нашего, и даже до самой занимаемой имъ позиціи не было ни одного пикета. Войска его оставались въ бездѣйствіи, удивленныя страннымъ явленіемъ; ибо трудно было предположить, чтобы могла армія, въ присутствіи непріятеля, устроенная въ боевой порядокъ, совершать подобное движеніе, не имѣя какого ни будь хитраго замысла. Къ тому же, неровности мѣстоположенія скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкій ручей и многія изъ колоннъ вдались въ селенія, лежащія между озеръ, по низменной долинѣ, простирающейся до подошвы занимаемыхъ непріятелемъ возвышенностей, когда обнаружились всѣ наши силы и несоразмѣрные между колоннъ промежутки,— открылся ужасный съ батарей огонь, и непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, сохраняя всегда выгоду возвышеннаго положенія. Нѣкоторыя изъ колоннъ нашихъ въ слѣдованіи ихъ были атакованы во флангъ и не имѣли время развернуться. Другія хотя и устроили полки свои, но

лишены будучи содѣйствія и помощи другихъ войскъ, или даже окруженныя, не могли удержаться противъ превосходныхъ силъ, и въ самое короткое время многія части арміи нашей приведены были въ ужаснѣйшее замѣшательство. Самыя начала дѣйствій, собственно по предположенію, что непріятель въ отдаленіи и войска успѣютъ соединиться, не согласовались съ диспозиціею, а по тому и перемѣны необходимо не соотвѣтствовали предначертанной цѣли. 1805.

Дѣйствія сдѣлались частными, связи между войскъ не существовало и сблизиться не имѣли они возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Его Высочества, Цесаревича, назначенный составлять резервъ, долженъ былъ, при самомъ началѣ сраженія, вступить въ первую линію и по необходимости столько занять мѣста, что не могъ онъ отдѣлить ничего на составленіе второй линіи. Лѣвый флангъ, подъ командою Генерала Графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, гдѣ прежде находилась дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступилъ съ меньшею потерею людей; но батарейныя 24 орудія, бывшія въ долинѣ, и часть пѣхоты у прикрытія ихъ достались во власть непріятеля. Изломавшійся подъ переднимъ орудіемъ мостъ остановилъ прочіе въ слѣдованіи. Колонна, находившаяся въ центрѣ Генерала Милорадовича, по долгомъ сопротивленіи разсѣяна; Генералъ-Лейтенанта Першибышевскаго, неосторожно проходя селеніе, окружена и, потерпѣвъ весьма большой уронъ, чрезвычайно много потеряла плѣнными, въ числѣ коихъ попался и самъ начальствующій колонною; Генералъ-Лейтенанта Графа Ланжерона, по неудобству мѣста, не долго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейбъ-гвардіи сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ, но въ нихъ не было связи и люди, не обыкшіе къ войнѣ, увлечены будучи храбростію и безполезно истощивъ усилія, понесли большой уронъ. Съ отличною неустрашимостію дѣйствовали полки кавалергардскій и конной гвардіи, и часть сего послѣдняго, врубившись въ конницу, взяла одного орла, но общій испы-

1805. тавъ жребій, была опрокинута съ потерею. Непріятель, одержавъ сіи успѣхи, умножилъ войска свои противъ авангарда Князя Багратіона, расположеннаго на конечности праваго фланга, и противъ кавалерійскихъ дивизій Генералъ-Лейтенанта Эссена 2-го, и Генералъ-Адъютанта Уварова, которыя до того сохранили мѣста свои единственно по той причинѣ, что непріятель обратилъ вниманіе въ другую сторону, а ихъ истребленіе опредѣлилъ въ послѣдствіи. Вся сія кавалерія состояла въ командѣ Австрійскаго Генерала, Князя Лихтенштейна. Многіе изъ полковъ врубались въ непріятельскія войска, но должны были уступать превосходнымъ силамъ. При самомъ началѣ сраженія Генералъ-Маіоръ Баронъ Мёллеръ-Закомельскій, съ уланскимъ полкомъ Его Высочества, Цесаревича, сдѣлалъ блистательную атаку, опрокинулъ противоставшую кавалерію, разсѣялъ часть ближайшей пѣхоты, но тяжелая рана, пресѣкшая его успѣхи, оставила его во власти непріятеля, у самыхъ пулекъ, которымъ угрожала его храбрость, и полкъ разсѣянный обратился. Въ кавалеріи нашей, точно какъ и въ другихъ войскахъ, дѣйствія по большой части были частныя, безъ всякаго взаимнаго вспомоществованія. И такъ съ одного крыла и до другаго войска наши по очереди, одни послѣ другихъ, были разстроены, опрокинуты и преслѣдуемы. Потеря наша наиболѣе умножилась, когда войска стѣснились у канала чрезвычайно топкаго, на которомъ мало было мостовъ, а иначе, какъ по мосту, перейти чрезъ оный было не возможно. Здѣсь бѣгущая конница наша бросилась въ бродъ, и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коихъ я находился, остановилъ свою батарею, предполагая своимъ дѣйствіемъ оной удержать преслѣдующую насъ конницу. Первыя орудія, которыя могъ я освободить отъ подавляющей ихъ собственной кавалеріи, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, были взяты, люди переколоны, и я достался въ плѣнъ. Дивизія Генералъ-Адъютанта Уварова, столпившись у моста, имѣла время осмотрѣться, что она бѣжала отъ малаго числа непріятеля, и что главныя его силы остановились на возвышеніяхъ, не спускаясь въ долину. Прогонявшіе насъ

были обращены въ бѣгство и истреблены, и мнѣ, чрезъ самое короткое время, возвращена свобода, когда уже я былъ близко отъ Французскихъ линій.[6] Присоединясь къ остаткамъ истребленной моей роты, нашелъ я дивизію въ величайшемъ безпорядкѣ у подошвы холма, на коемъ находился Государь. Холмъ занятъ былъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и одною ротою гвардейской артиллеріи, которые не учавствовали въ сраженіи, и по тому сохранили устройство. При Государѣ почти никого не было изъ приближенныхъ, на лицѣ его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здѣсь можно было видѣть части почти всей арміи, и если премудрая диспозиція насъ раздѣлила, то бѣгство соединило многихъ. На мѣстѣ сраженія оставили мы болѣе шестидесяти орудій, и армія отступила. Войска Князя Багратіона потерпѣли уронъ несравненно менѣе прочихъ; часть пѣхоты его приведена была въ замѣшательство непріятельскою конницею, но она, не будучи поддержана въ своихъ успѣхахъ, дорого заплатила за свою дерзость; не менѣе, однако же, потеряно нѣсколько пушекъ. Изъ сихъ войскъ составленъ арріергардъ въ командѣ Князя Багратіона. На прямѣйшей дорогѣ къ городку Аустерлицу, чрезъ который должны были проходить наши войска, учрежденъ большой постъ, который порученъ мнѣ въ команду, вѣроятно, по тому, что никто не желалъ принять сего непріятнаго назначенія. 1805.

---

[6] Я обязанъ свободою Елисаветградскаго гусарскаго полка Полковнику Василью Ивановичу Шау, который догналъ меня съ нѣсколькими человѣками Харьковскаго драгунскаго полка. При немъ не было ни одного человѣка полка, которому онъ принадлежалъ, по чему судить должно о безпорядкѣ.

[7] Постъ сей состоялъ изъ одной роты лейбъ-гренадерскаго полка, одной сотни лейбъ-казаковъ, одного эскадрона спѣшенныхъ драгунъ Черниговскаго полка, одного эскадрона лейбъ-кирасирскаго Ея Величества, одного эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полковъ и двухъ орудій конной артиллеріи. Приказано разложить большіе огни и пѣть пѣсни: сего послѣдняго не было исполнено, ибо не было расположенія къ веселости.

1805. По счастію нашему, время клонилось къ вечеру, и непріятель далѣе болотистаго канала насъ не преслѣдовалъ.

Я съ отрядомъ своимъ обязанъ спасеніемъ тому презрѣнію, которое имѣлъ непріятель къ малымъ моимъ силамъ; ибо къ совершеннѣйшей побѣдѣ не могъ онъ желать прибавить нѣсколько сотенъ плѣнныхъ. Но когда нуженъ былъ ему водопой, онъ довольствовался тѣмъ, что отогналъ передовую мою стражу отъ канала. Я долженъ былъ выслушивать музыку, пѣсни и радостные крики въ непріятельскомъ лагерѣ. Насъ дразнили Русскимъ крикомъ ура. Предъ полуночью я получилъ приказаніе отойти, что должно было послѣдовать гораздо прежде, но посланный офицеръ ко мнѣ не доѣхалъ. Въ городкѣ Аустерлицѣ, давшемъ имя незабвенному сраженію, нашелъ я арріергардъ Князя Багратіона, который не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли держать одного меня въ шести верстахъ впереди, и не восхитился симъ распоряженіемъ Генералъ-Адъютанта Уварова. Прошедши далѣе четыре версты, прибылъ я къ арміи, но еще не всѣ оной части собраны были и о нѣкоторыхъ не было даже извѣстія; безпорядокъ дошелъ до того, что въ арміи, казалось, полковъ не бывало: видны были разныя толпы. Государь не зналъ, гдѣ былъ Главнокомандующій Генералъ Кутузовъ, а сей безпокоился на счетъ Государя. Я долженъ былъ явиться къ Генералъ-Адъютанту Уварову, и сей былъ въ восхищеніи, что украшеннымъ донесеніемъ могъ придать важность отряду его собственнаго изобрѣтенія. Не дожидаясь присоединенія оторвавшихся частей, армія въ продолженіе ночи пошла далѣе. На разсвѣтѣ стали собираться разбросанныя войска, и около десяти часовъ утра появилась непріятельская кавалерія, наблюдавшая за нашимъ отступленіемъ. Въ сей день, по причинѣ совершеннаго изнуренія лошадей, оставили мы на дорогѣ не менѣе орудій, какъ и на мѣстѣ сраженія.

Вскорѣ узнали мы, что Австрійскій Императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, обязавшись немедленно

приступить къ переговорамъ о мирѣ, и мы уже не могли ожидать вспомоществованія Австрійцевъ. 1805.

Армія наша прибыла въ мѣстечко Голичъ, на границѣ Венгріи, чрезъ которую предлежалъ намъ путь. Отвсюду окружены мы были Французскими отрядами конницы, и арріергардъ нашъ находился уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ арміи, дабы не подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ.

Въ перемиріи, заключенномъ съ Австрійскимъ Императоромъ, упомянуто было, что Русскіе безпрепятственно отступаютъ въ свои предѣлы, но время и направленіе были назначены, что у Французовъ называется, à journées d'étapes.[1]

Кажется, въ семъ снисходительномъ позволеніи не имѣли мы нужды; ибо непріятель не смѣлъ слѣдовать за нами въ такую страну, какова Венгрія, и въ позднее время осени. Не могъ также быть увѣреннымъ, чтобы Австрія, имѣя въ готовности армію Эрцгерцога Карла и войска Эрцгерцога Фердинанда, расположенныя въ Знаймѣ, не усмотрѣла выгоды прервать перемиріе, что Наполеона поставило бы въ самое затруднительное положеніе.

Итакъ армія наша трудными путями, въ худое время, самою бѣднѣйшею частію Венгріи, прошла чрезъ городъ Кашау, Эперіесъ и, переправясь чрезъ Карпатскія горы близъ Бартфельда, спустилась въ Галицію, не подалеку отъ мѣстечка Дукли.

Повсюду въ Венгріи армія наша принята была самымъ дружественнѣйшимъ образомъ, и ни въ чемъ не отказано къ успокоенію утомленныхъ войскъ.

Главнокомандующій встрѣчаемъ былъ Дворянствомъ, съ изъявленіемъ совершеннаго уваженія.

---

[1] Мнѣ случилось видѣть, что Главнокомандующій, отправляя въ С.-Петербургъ курьера, долженъ былъ дать бумагу, въ которой были слѣдующія выраженія: «Дружественно прошу Господъ командующихъ передовыми войсками большой Французской арміи дать свободный пропускъ.»

1805. Были даны праздники, и къ удивленію находились многіе, которые могли желать забавъ и увеселеній, послѣ постыднѣйшаго сраженія и тогда, какъ непріятель долженъ былъ найти пораженіе и гибель.

Венгры, смотря на войска наши, удивлялись, какъ могли Французы преодолѣть ихъ; видна была досада ихъ; но они не уничижили насъ чувствомъ сожалѣнія. Не могли они предположить другой причины нашей неудачи, какъ измѣну Австрійскихъ Генераловъ, и одна таковая мысль доказываетъ, какое они имѣютъ къ нимъ довѣріе! Не подозрѣвая, что мнѣ знакомъ Латинскій языкъ, они изъяснялись на счетъ сихъ послѣднихъ съ большимъ чистосердечіемъ, и не о многихъ слышалъ я похвалы.

Въ день сраженія при Аустерлицѣ корпусъ Генералъ-Лейтенанта Эссена находился въ разстояніи небольшаго перехода, и онъ, отступивъ другою дорогою, соединился съ нами въ Галиціи. Туда же благополучно прибыла батарейная артиллерія, которая, для удобнѣйшаго слѣдованія, отправлена была на крѣпость Ольмюцъ.

Государь не находился при арміи, и изъ Голича отправился въ Россію.

Я не описалъ Аустерлицкаго сраженія съ большою подробностію, ибо сопровождали его обстоятельства столько странныя, что я не умѣлъ дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія, и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную довѣренность, и скорѣе могутъ быть съ точностію опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношенія ихъ между собою и согласованіе дѣйствій со временемъ. О сраженіи Аустерлицкомъ можно сказать, что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно, съ условіемъ при

томъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомо- 1806.
ществованія, и для лучшаго успѣха полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ, и въ то же самое время, были еще другія Русскія войска.

Такъ раздѣленныхъ насъ и лишенныхъ взаимнаго вспоможенія, представила судьба предъ лицо непріятеля, и онъ, трепещущій имени Русскаго, осмѣлился быть побѣдителемъ.

Не долженъ Россіянинъ простить пораженія при Аустерлицѣ, и сердце каждаго да исполнится желаніемъ отмщенія!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Virgilius.

Въ половинѣ Генваря мѣсяца армія наша, возвратясь въ свои предѣлы, расположилась на квартирахъ въ Волынской Губерніи. Главная квартира заняла мѣстечко Дубно.

Армія Генерала отъ кавалеріи Михельсена, проходившая чрезъ Польскія области, принадлежащія Пруссіи, не видавъ непріятеля, также возвратилась въ свои границы. Начальство надъ нею принялъ Генералъ отъ кавалеріи Беннингсенъ.

До весны пробыли мы на Волыни, гдѣ, послѣ трудовъ тяжелой кампаніи, отдохновеніе и покой, раскрывъ таившіяся болѣзни, армію нашу уменьшили чрезвычайно, и мы, претерпѣвъ отъ стѣсненія неудобство и большой недостатокъ, расположились наконецъ на большомъ пространствѣ. Я съ ротою моею отправленъ въ 3-ю дивизію Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ деръ Остенъ-Сакена, расположенную около мѣстечка Шавель, Виленской Губерніи.

Въ непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многіе весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерлицѣ; мнѣ, за дѣла во всю кампанію, данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менѣе.

1806. Напослѣдокъ, по отличному отзыву обо мнѣ Главнокомандующаго и ходатайству Генералъ-Адъютанта Уварова, я произведенъ въ Полковники, обойдя одного старѣе меня въ чинѣ. По расположенію ко мнѣ Начальства, я долженъ былъ и то принять за величайшую награду, хотя въ одномъ чинѣ былъ я безъ малаго девять лѣтъ.

По новому преобразованію артиллеріи въ бригады, и по присоединеніи ихъ къ пѣхотнымъ дивизіямъ, я назначенъ командиромъ 7-й бригады, въ дивизіи Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, расположенной въ окрестностяхъ Дубна на Волыни, и принялъ вновь сформированную конную роту.

Дѣятельныя, мѣры принятыя къ укомплектованію войскъ, послѣ сдѣланной потери въ минувшую кампанію, подтвердили носящіеся слухи о пріуготовленіяхъ къ войнѣ.

Наконецъ, въ помощь Пруссіи, назначена армія подъ начальствомъ Генерала Барона Беннингсена.

Война противъ Французовъ въ Пруссіи.

Въ составъ сей арміи поступили свѣжія войска, не бывшія въ прошедшемъ походѣ, и она состояла изъ

2-й дивизіи Генералъ-Маіора Графа Остермана-Толстаго.

3-й Генералъ-Лейтенанта Барона фонъ деръ Остенъ-Сакена.

4-й Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына.

5-й Генералъ-Маіора Седморацкаго.

Кавалерія непосредственно принадлежала дивизіямъ, но по обстоятельствамъ, отдѣляемая отъ оныхъ, составлялась особыми частьми. Нѣсколько Донскихъ Козачьихъ полковъ присоединены были къ арміи.

Въ началѣ Октября армія сія переправилась за рѣку Нѣменъ, въ мѣстечкахъ Юрбургѣ и Олитѣ.

Подъ начальство Генерала Графа Буксгевдена поручена другая армія, также изъ четырехъ дивизій состоя-

щая; войска, ихъ составлявшія, находились въ сраженіи при Аустерлицѣ и не задолго до похода пополнены были весьма большимъ количествомъ рекрутъ. 1806.

Армія сія въ концѣ Ноября вошла въ предѣлы Пруссіи чрезъ Брестъ Литовскій.

Генералъ Беннингсенъ въ то время находился уже на рѣкѣ Наревѣ, и одною дивизіею занималъ предмѣстье города Варшавы, именуемое Прага. Отрядъ кавалеріи находился на лѣвомъ берегу Вислы, въ 12 часахъ разстоянія.

Наполеонъ, лично предводительствуя сильною арміею, при городѣ Ауерштедтѣ совершенно разбилъ Прусскія войска. Сраженіе неудачнѣе было потеряннаго Австрійцами при Ульмѣ. Также потеряна была вся почти артиллерія, и въ плѣнъ было необыкновенно большое число войскъ. Преслѣдуемые остатки арміи или разсѣяны, или принуждены сдаться. Лучшія крѣпости взяты, и нѣкоторыя даже безъ сопротивленія. Непріятель овладѣлъ Берлиномъ, и Король, съ малымъ числомъ войскъ, поспѣшно набранныхъ, находился въ Кёнигсбергѣ. Уничтоженною арміею предводительствовалъ Принцъ Брауншвейгскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ времени Фридриха Великаго. Мгновенно пала слава войскъ, преодолѣвшихъ страшный союзъ могущественнѣйшихъ въ Европѣ Государей.

Въ прошедшемъ году Пруссія уклонилась отъ содѣйствія намъ, боясь, какъ будто, славу побѣдить Наполеона затмить нашимъ участіемъ.

Наполеонъ, продолжая успѣхи, послалъ особенный корпусъ для покоренія лежащихъ въ Шлезіи крѣпостей; самъ, ускоряя движеніе, пошелъ съ арміею къ Варшавѣ, извѣщенъ будучи о приближеніи къ ней войскъ нашихъ.

Достигъ слухъ о его движеніи, и обѣимъ нашимъ арміямъ приказано поспѣшно соединиться.

Въ Бѣлостокѣ сошлись арміи, и начальствующіе ими, не будучи пріятелями прежде, встрѣтились совершенными злодѣями. Никогда не было согласія въ предпріятіяхъ, всег-

1806. дашняя нестройность въ самыхъ ничтожныхъ распоряженіяхъ, и въ такомъ состояніи дѣлъ нашихъ ожидали мы скораго прибытія непріятеля, ободреннаго побѣдами.

Отрядъ кавалеріи нашей, бывшій впереди, перешелъ обратно на правый берегъ Вислы.

Наполеонъ занялъ Варшаву и овладѣлъ въ ней знатными магазинами, которыхъ не приказано было истреблять въ томъ предположеніи, что въ послѣдствіи могутъ быть намъ полезными. Но командовавшій въ Прагѣ Генералъ-Маіоръ Седморацкій долженъ былъ, или взять ихъ въ пользу войскъ нашихъ, или, если уже не доставало для того времени, по крайней мѣрѣ, сжечь ихъ, дабы не воспользовался ими непріятель, но онъ не почиталъ себя въ правѣ того сдѣлать, и умѣлъ ожидать особеннаго разрѣшенія. Онъ также не истребилъ судовъ, чтобы не дать непріятелю способовъ къ переправѣ, и, опасаясь, чтобы не перешелъ онъ Вислы въ границахъ Австрійскихъ, весьма близко прилежащихъ къ Варшавѣ, оставилъ предмѣстье Прагу и отдалился на нѣкоторое разстояніе, довольствуясь однимъ наблюденіемъ Вислы конными патрулями.* Другая наша дивизія, стоявшая съ правой стороны, также посылала къ Вислѣ свои разъѣзды, но они не всегда исправно съѣзжались съ первыми, и непріятель, имѣя въ своемъ распоряженіи суда и пользуясь мѣстомъ, гдѣ Висла двумя неравными рукавами, обтекая обширный островъ, закрывала его движенія, построилъ мостъ и перешелъ на правый ея берегъ. Поздно съ нашей стороны примѣчено было его намѣреніе, и тогда только могли противостать ему нѣкоторыя силы, когда уже встрѣчены были превосходнѣйшія.

Въ сіе время прибылъ къ командованію обѣими арміями Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Каменскій. Опытный начальникъ при первомъ взглядѣ увидѣлъ, сколько

---

* Генералъ Седморацкій принадлежитъ къ числу офицеровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гатчинскихъ, и познаніе военнаго ремесл

опасно положеніе войскъ нашихъ, разсыпанныхъ на боль- 1806.
шомъ пространствѣ, тогда какъ непріятель имѣлъ свои силы въ совокупности и уже владѣлъ правымъ берегомъ Вислы. Онъ приказалъ поспѣшнѣе собрать войска. Близость непріятеля не допускала сдѣлать того иначе, какъ отступивши на нѣкоторое разстояніе.

Армія наша чрезвычайно нуждалась въ продовольствіи, и единственную пищу составлялъ картофель, который надобно было отыскивать вдалекѣ и терпѣть для того отлучки большаго числа людей. Не рѣдко войска направляемы были не туда, гдѣ присутствія ихъ требовали обстоятельства, но гдѣ надѣяться можно было сыскать нѣсколько лучшее продовольствіе. Повсюду селенія были пусты, глубокая осень и безпрерывные дожди разрушили дороги и безъ пособія жителей не было средствъ дѣлать подводы.

Армія наша начала сосредоточиваться, отступая, и, сколько очевидная опасность ни заставляла ускорить соединеніе силъ, не могли, однако же, нѣкоторыя части нашихъ войскъ избѣжать неравной борьбы съ непріятелемъ. Подъ мѣстечками Чарновымъ и Сѣроцкомъ, Генералъ-Маіоръ Графъ Остерманъ-Толстой вытерпѣлъ горячее нападеніе, и со всею его неустрашимостію и храбростію его войскъ, при чувствительной потерѣ, долженъ былъ лишиться нѣсколькихъ пушекъ. При мѣстечкѣ Лопацинѣ атакованъ былъ превосходными силами Генералъ-Маіоръ Графъ Паленъ (Петръ Петровичъ). Онъ шелъ на сборное мѣсто дивизіи, и отъ онаго находился не болѣе одной мили съ половиною. Столько небезопасны были сообщенія между войскъ нашихъ! Графъ Паленъ имѣлъ къ отступленію кратчайшую дорогу на мѣстечко Голиминъ, и ту выгоду, что лѣсистыя мѣста препятствовали непріятелю дѣйствовать многими силами, а сверхъ того въ Голиминѣ онъ могъ найти

пріобрѣлъ въ классѣ Генерала Канебиха, обучавшаго тактикѣ, которую нѣкто весьма остроумно назвалъ наукою о свертываніи плаща; ибо не далѣе простирались свѣдѣнія самаго наставника.

1806 войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большія гораздо трудности, онъ взялъ направленіе на отрядъ Генералъ-Маіора Чаплица, расположенный у мѣстечка Цѣханова, который иначе былъ бы отрѣзанъ и въ послѣдствіи могъ быть уничтоженъ. При семъ отрядѣ находился я съ тремя ротами артиллеріи и легко могъ видѣть, что направленіе его на Цѣхановъ не приносило ни какой пользы, но было слѣдствіемъ одного неблагоразумнаго распоряженія Графа Буксгевдена. Фельдмаршалъ, узнавъ о томъ и сдѣлавъ строгое замѣчаніе за нелѣпое раздробленіе силъ, приказалъ отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на мѣстѣ и, утомленные грязною чрезвычайно дорогою, не могли тотчасъ выступить обратно.

По счастью, Генералъ Графъ Паленъ искуснымъ сопротивленіемъ продлилъ сраженіе, и не прежде присоединился къ отряду Генерала Чаплица, какъ уже поздно вечеромъ, и по тому непріятель не могъ воспрепятствовать намъ соединиться съ войсками при мѣстечкѣ Голиминѣ.

Когда на другой день возвращались мы къ оному, непріятель проходилъ по той прямой дорогѣ, о которой сказалъ я выше, но мы однимъ часомъ времени его предупредили.

Прибывъ въ Голиминъ 14 числа Декабря, нашли мы 7-ю дивизію Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, 5-ю Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го, и часть 4-й дивизіи Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына изъ арміи Генерала Беннингсена.

Непріятель началъ перестрѣлку. Войска его были въ малыхъ силахъ и по большой части состояли изъ кавалеріи подъ начальствомъ Принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей сторонѣ, и если топкія мѣста покоряли насъ не самому выгодному устроенію войскъ, которыя расположились по двумъ дорогамъ, почти подъ прямымъ угломъ сходящимся, то непріятель еще менѣе имѣлъ удобности, занимая средину лѣсомъ и мелкимъ кустарни-

комъ покрытую. Противъ восьми его пушекъ имѣли мы 1806.
до восьмидесяти орудій, вся 5-я дивизія нашлась излишнею по тѣснотѣ мѣстоположенія и составляла резервъ, тогда какъ непріятель не имѣлъ другихъ стрѣлковъ, кромѣ спѣшенныхъ конныхъ егерей. Совершенно отъ насъ зависѣло уничтожить Принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрѣлкою, и Мюратъ былъ атакующимъ. Въ теченіи непродолжительнаго времени пришла сильная непріятельская кавалерія, но число артиллеріи его не увеличилось; ибо она, по причинѣ болотистыхъ мѣстъ и дорогъ, въ то время года непроходимыхъ, не могла слѣдовать равною съ нею скоростію. Та же самая причина препятствовала пѣхотѣ, и она прибыла въ весьма незначительномъ количествѣ. По старшинству, думать надобно, командовалъ съ нашей стороны Генералъ Дохтуровъ, но справедливѣе сказать не командовалъ никто: ибо когда послалъ я бригаднаго Адъютанта за приказаніемъ, онъ, отыскивая начальника и переходя отъ одного къ другому, не болѣе получаса времени, былъ, по крайней мѣрѣ, у пяти Генераловъ, и ничего не успѣлъ испросить въ разрѣшеніе.

Между тѣмъ непріятель сдѣлался предпріимчивѣе и непонятнымъ образомъ успѣлъ обойти лѣвое наше крыло, что не иначе могло произойти, какъ отъ нашей оплошности; но избытокъ силъ вскорѣ возстановилъ порядокъ. Должно отдать справедливую похвалу храбрости Генералъ-Маіора Князя Щербатова: когда полкъ его Костромской мушкатерскій, разстроенъ будучи большою потерею, долженъ былъ уступить удачной атакѣ непріятеля, онъ, взявъ знамя, бросился впередъ, и непріятель обратился въ бѣгство. Къ вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и замѣтны были многіе въ линіяхъ интервалы. Легко было понять, что не таковъ долженъ быть порядокъ при отступленіи, и что войска отходили, конечно, не по приказанію, но по произволу. Долго не смѣлъ я отступить безъ приказанія, но, не видя необходимости оставаться послѣднимъ, согласилъ я Подполковника Князя Жевахова съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка или

1806. вмѣстѣ, и мы отправились въ ту сторону, гдѣ видно было болѣе отступающихъ. Пройдя мѣстечко Голиминъ, взялъ я направленіе на мѣстечко Маковъ. Правый флангъ войскъ нашихъ, состоявшій изъ отряда Генералъ-Маіора Чаплица, видя, что лѣвый флангъ отступилъ, и ни какъ не ожидая, чтобы мѣстечко Голиминъ, занимавшее центръ нашей позиціи, могло быть оставлено нами прежде нежели пройдутъ послѣднія войска, безпечно подошелъ къ нему, но у самаго мѣстечка встрѣченъ былъ картечными выстрѣлами. Внезапный сей случай привелъ въ замѣшательство Екатеринославскій гренадерскій и Владимірскій мушкатерскій полки, темнота способствовала безпорядку, и два орудія остались въ добычу непріятеля.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе, имѣвшее для насъ одну ту пользу, что мы развлекли силы непріятеля и собою заняли нѣкоторую часть оныхъ. Но простителенъ ли подобной разсчетъ, когда употреблены на то средства въ три раза болѣе тѣхъ, что имѣлъ непріятель? Надобно бы было видѣть, чтобы съ таковыми сдѣлалъ Наполеонъ.

Въ пяти верстахъ отъ Голимина, въ селеніи Ключницы, нашелъ я, въ господскомъ домѣ, нѣсколько Генераловъ, и конечно они не вмѣстѣ съ нами пріѣхали, ибо засталъ уже ихъ спящихъ, а на полу остатки кушанья свидѣтельствовали, что сонъ не происходилъ отъ голода. Въ подобныхъ случаяхъ тотъ, кто пріѣзжаетъ послѣдній, является съ нѣкоторыми преимуществами и правами, и пробужденные почтили меня бутылкою портера. Я видѣлъ, что спутникъ мой, гусаръ Князь Жеваховъ, недоволенъ былъ излишне скромнымъ привѣтствіемъ.

Въ отступленіи отъ Голимина, не будучи не только преслѣдуемы, ниже почти и наблюдаемы непріятелемъ, оставили мы около сорока пушекъ, большею частію батарейной артиллеріи, единственно по причинѣ крайняго изнуренія лошадей и дорогъ, непроходимыхъ отъ чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота; но, захватя выпряженныхъ лошадей, брошенныхъ отъ ротъ, я избавился стыда лишиться орудій безъ выстрѣла.

Въ тотъ же самый день, какъ при Голынинѣ, произо- 1806.
шло въ Пултускѣ главное сраженіе. Наполеонъ, собравъ всѣ силы, за исключеніемъ бывшей кавалеріи съ Принцемъ Мюратомъ, сблизился съ Генераломъ Беннингсеномъ, и сей, не имѣя возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, рѣшился дождаться непріятеля. Наполеонъ употребилъ всѣ усилія; войска, присутствіемъ его ободренныя, дѣйствовали съ возможною рѣшительностію и безстрашіемъ. Уже ослабѣвали войска наши, ибо превосходство силъ было на сторонѣ непріятеля и побѣда очевидно склонялась въ его пользу. Оттѣсненныя на нѣкоторыхъ пунктахъ, уже истощевали они послѣднія средства невыгодной обороны, но по счастію, непріятель не могъ противопоставить равнаго дѣйствія нашей артиллеріи; ибо его, за худыми дорогами, оставалась назади, и сіе одно не только могло продлить сраженіе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже возстановило оное съ большою для насъ выгодою. Генералъ Беннингсенъ непоколебимъ въ твердости своей и самымъ отчаяннымъ положеніемъ возбуждаемый, прибѣгнулъ къ послѣднимъ средствамъ, и резерву, состоявшему изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, приказалъ ударить въ штыки. Начальнику полковъ истолковано было, что отъ сего послѣдняго усилія зависитъ спасеніе прочихъ войскъ, и полки бросились стремительно. Непріятель отступилъ, не устоявъ противъ штыковъ. Войска его, потерявъ взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успѣхи на семъ пунктѣ, искали въ скоромъ удаленіи средства спасти отъ пораженія разорванныя части, и мгновенно часть лучшей позиціи непріятеля была въ рукахъ нашихъ. Клонившійся къ самому вечеру день не допустилъ Наполеона поправить неудачу; ибо необходимо было нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ войскъ, прежде нежели приступить къ какому либо предпріятію. Итакъ твердость Генерала Беннингсена самое опасное положеніе обратила въ побѣду совершенную. Отразить превосходныя силы подъ личнымъ Наполеона предводительствомъ есть подвигъ великій; но преодолѣть и

1806. обратить въ бѣгство есть слава, которую доселѣ никто не стяжалъ изъ его противниковъ.

Выгоды, дарованныя побѣдою при Пултускѣ, если бы воспользовались ими, должны были освободить Варшаву и Польскія провинціи, принадлежащія Пруссіи, и отдалить непріятеля за рѣку Одеръ.

Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голиминѣ арміямъ надлежало ити за непріятелемъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, остановиться. Генералъ Графъ Буксгевденъ первый обязанъ былъ то сдѣлать; ибо противъ войскъ его въ Голиминѣ непріятель былъ безсиленъ, и если не умѣлъ онъ его уничтожить, то всеконечно уже бѣжать было не отъ чего; а если почиталъ онъ отступленіе необходимымъ, то столько же нужно было согласовать его съ дѣйствіями Генерала Беннингсена, о которыхъ долженъ былъ дождаться извѣстія. О направленіи главныхъ силъ непріятеля были точныя свѣдѣнія, и по тому безполезно употребленными при Голиминѣ силами можно было подкрѣпить Генерала Беннингсена и усовершенствовать его побѣду; но Генералъ Графъ Буксгевденъ, по враждѣ ли съ Генераломъ Беннингсеномъ, желая сдѣлать ему вредъ, или собственно по недоумѣнію, продолжалъ выполнять повелѣніе Фельдмаршала объ отступленіи, вынужденное самою крайностію, дабы сосредочить разсѣянныя войска, но силу коего измѣнить должны были необходимо происшествія того дня, слишкомъ разительно обяснившія выгоду противнаго дѣйствія. Если не понимать сего, не надобно браться за командованіе арміею. Если, для удовлетворенія вражды, пренебрегать общими выгодами, надобно быть наказану, и въ обоихъ случаяхъ армія избавилась бы тяжелаго весьма начальника, къ посредственнымъ коего способностямъ не могла она имѣть довѣренности и извѣстнаго одною храбростію, которая въ званіи вождя не замѣняетъ необходимыхъ дарованій.

Въ день сраженія Фельдмаршалъ Графъ Каменскій, въ девять часовъ по утру, былъ въ Голиминѣ и самъ назначилъ посты для Казачьяго Малахова поста, предвидя важ-

ность сего мѣста, къ которому приказалъ войскамъ при- 1806.
быть послѣднѣе; а дабы не потерять время въ перепискѣ, послалъ отъ себя прямо къ начальнику отряда, отправленнаго въ Цѣхановъ, чтобы онъ скорѣе возвратился въ Голымынъ, поставя ему на видъ, что одною быстротою движенія можетъ избѣжать опасности быть отрѣзаннымъ. Фельдмаршалъ былъ также въ Пултускѣ во время сраженія; но когда послѣ онаго необходимо было войскамъ общее распоряженіе, согласно перемѣнившимся неожиданно обстоятельствамъ, уже данъ былъ приказъ арміямъ, что онъ оставляетъ ихъ по причинѣ болѣзни, и отправился въ Гродно. Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ онъ непростительный поступокъ; ибо присутствіе его при арміи тѣмъ необходимѣе было, что онъ не полагалъ возможнымъ кончить съ выгодою сраженіе при Пултускѣ, а по отъѣздѣ его и малѣйшая неудача, при несогласіи начальниковъ, могла имѣть бѣдственныя послѣдствія. Армія сожалѣла объ его отъѣздѣ; ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагала большія надежды. Между начальниками были разсужденія, что ни къ чему доброму не поведетъ извѣстная вражда командующихъ арміями.

Генералъ Беннингсенъ, лишенъ будучи выгодъ одержанной побѣды, нашелся въ необходимости оставить мѣсто; ибо Графъ Буксгевденъ, отступая, открывалъ непріятелю дорогу въ тылъ его расположенія, и по тому, взявъ направленіе на мѣстечко Рожанъ, въ городѣ Остроленкѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарева.

Генералъ Графъ Буксгевденъ туда же отступилъ чрезъ мѣстечко Маковъ. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ въ командѣ Генералъ-Маіора Маркова, для прикрытія арміи, переходившей за рѣку. До самой ночи съ чрезвычайною медленностію продолжалось ея движеніе. Въ безпорядкѣ тѣснились обозы на длинномъ мосту, а уже непріятель, вышедшій изъ окружающихъ лѣсовъ, въ большихъ силахъ занялъ позицію не далеко отъ мѣстечка. Нельзя было въ короткое время разрушить мостъ, и по тому опасно было, чтобы непріятель, пользуясь темнотою ночи, не овладѣлъ

1806. имъ. Съ позволенія начальника, послалъ я команду, и приказалъ ей зажечь два квартала, прилежащіе къ мосту, дабы освѣтить приближеніе непріятеля, если бы покусился онъ ити на оный. Два раза подходили его войска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осматривали броды, но большая часть сорока орудій, которыми я командовалъ, употреблены были на защиту оныхъ, и не трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ, въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали и находили мѣру жестокою. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20 верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вняли, однако же, моимъ оправданіямъ. Арріергардъ отошелъ на селеніе Новавѣсь, гдѣ расположена была дивизія Генерала Дохтурова. Посланный имъ Ингерманландскій драгунскій полкъ по направленію къ мѣстечку Рожану, встрѣтившись съ отрядомъ непріятельской кавалеріи, не удержалъ онаго, и привелъ его за собою къ квартирѣ Генерала, который, занимая не подалеку отъ лагеря домъ Католическаго Священника, сидѣлъ весьма покойно у окна. Онъ видѣлъ скачущихъ около забора Французовъ, но, по счастью, домъ былъ на дворѣ и ворота заперты. Движеніе въ лагерѣ устрашило непріятеля, и онъ отошелъ поспѣшно. Хозяинъ дома подозрѣваемъ былъ, что далъ извѣстіе.

. . . . . .

Когда Графъ Буксгевденъ пришелъ къ Нареву, рѣка покрыта была сильнымъ льдомъ, мосты истреблены и съ другимъ берегомъ не было сообщенія. Въ семъ положеніи оставались мы нѣсколько дней, и съ приближеніемъ непріятеля часъ отъ часу умножалась опасность. Онъ могъ имѣть извѣстіе, что арміи раздѣлены были рѣкою и не въ состояніи вспомоществовать одна другой. Надобно было, однако же, думать, что разстройство войскъ воспрепятствовало атаковать; ибо, не смотря на всѣ выгоды, непріятель ограничился однимъ весьма осторожнымъ наблюденіемъ, и передовые наши посты въ командѣ Ге-

нералъ-Маіора Графа Палена удерживали его въ большомъ отдаленіи. 1806.

Генералъ Беннингсенъ употребилъ всѣ старанія, дабы между арміями учредить сообщеніе. Чрезъ рѣку натянуты были канаты, и настилаемая солома, поливаема будучи водою, замерзала такъ, что пѣхота, хотя съ осторожностію, могла, однако же, переправиться на нашу сторону, а вскорѣ по томъ и мосты учреждены были и къ радости арміи соединились.

Императоръ съ неудовольствіемъ получилъ извѣстіе объ отъѣздѣ Фельдмаршала изъ арміи, весьма обрадованъ былъ пріобрѣтенными подъ Пултускомъ успѣхами. Фельдмаршалу, впредь до повелѣнія, назначено пребываніе въ городѣ Гроднѣ. Обѣ арміи составлены въ одну подъ начальствомъ Генерала Барона Беннингсена, а Графъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію. Армія обрадована была извѣстіемъ, ибо онъ не пріобрѣлъ привязанности войскъ. Можетъ быть не многіе знали и умъ и способности ограниченныя сего начальника, но гордость несносная и грубости слишкомъ чувствительными были каждому.

Главнокомандующій получилъ приказаніе вступить въ 1807.
Пруссію, и армія въ самыхъ послѣднихъ числахъ Декабря пошла по направленію на Кольно, Бялу, Іоганнисбургъ и далѣе. Составлены три передовые отряда, изъ коихъ сильнѣйшій данъ въ команду Генералъ-Маіора Маркова, другіе два поручены Генералъ-Маіорамъ Барклаю де Толли и Багговуту. Авангарду Генерала Маркова, въ которомъ опредѣленъ я начальникомъ артиллеріи, назначено слѣдовать на Арисъ, Рейнъ, Растенбургъ, Рессель, до Гейльсберга. Армія въ близкомъ разстояніи двинулась по тому же направленію.

Слышно было, что непріятель лѣвымъ крыломъ своимъ потянулся также въ Пруссію. Въ скоромъ времени около Николайкена и Зеебурга появились конныя его партіи, для наблюденія за движеніями нашими. Отъ насъ отряжены таковыя же, и онѣ, при помощи жителей, въ зем-

1807. лѣ малооткрытой, нарѣзанной множествомъ озеръ, приносили большую пользу. Въ Николайкенѣ схватили онѣ нѣсколько человѣкъ.

Генваря 12-го числа, авангардъ, прибывши въ селеніе Эльдиттенъ, узналъ отъ жителей, что въ городѣ Либштадтѣ расположенъ отрядъ Французскихъ войскъ, отъ котораго не болѣе получаса назадъ приходилъ въ селеніе разъѣздъ, для узнанія, нѣтъ ли о Русскихъ какихъ либо слуховъ. Мы въ сей день сдѣлали довольно большой переходъ, и по тому Генералъ Марковъ, дабы употребить людей менѣе усталыхъ; приказалъ вызвать охотниковъ. Большое число объявили себя таковыми, но когда предложено было 5 егерскому полку, и люди узнали, что идетъ самъ Шефъ, Полковникъ Гоголь, общій отзывъ былъ, что не останется ни одинъ человѣкъ, ибо равно всѣ ити желаютъ, и, не сдѣлавъ даже привала, полкъ выступилъ немедленно. Я упросилъ послать два орудія, и съ ними пошелъ самъ, чтобы свидѣтелемъ быть происшествія. Въ двухъ верстахъ отъ Либштадта, возвышенности, которыя должны мы были проходить, открыли насъ непріятелю, и тотчасъ по городской стѣнѣ и въ воротахъ начала пѣхота пріуготовляться къ оборонѣ, но примѣтно было, что она не въ большомъ количествѣ. Егеря наши, заняв прилежащее къ городу кладбище, вошли въ перестрѣлку, а между тѣмъ приспѣла и линейная пѣхота и расположилась противъ воротъ, отъ которыхъ продолжалась главная улица. Полковникъ Юрковскій, съ двумя эскадронами Елисаветградскаго гусарскаго полка, ворвался въ городъ съ боковой стороны онаго, и въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Непріятель приведенъ былъ въ замѣшательство и, столпясь въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, потерпѣлъ большой уронъ, а тѣ, кои бѣжали изъ города, ожидаемы были Казаками храбраго Подполковника Сысоева, который сгремительно ихъ преслѣдовалъ. Изъ пушекъ нашихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ плѣнъ досталось намъ 22 штабъ и оберъ-офицера, и болѣе 300 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Гусарскій красный полкъ, не извѣстно по-

чему называемый просто Парижскимъ, почти истребленъ 1807.
при семъ случаѣ. Оставивши въ городѣ небольшой кавалерійскій постъ, Генералъ Марковъ возвратилъ полки въ селеніе Эльдиттенъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ готова была пища и покойный ночлегъ. Мы въ сіи сутки въ походѣ и дѣйствіи были 16 часовъ.

По диспозиціи изъ главной квартиры, 13 Генваря авангарду назначенъ ночлегъ въ городкѣ Морунгенъ, и мы выступили съ разсвѣтомъ. Впереди съ Елисаветградскимъ гусарскимъ и двумя Донскими полками Полковникъ Юрковскій, прогоняя передъ собою непріятельскіе пикеты, только лишь взошелъ на хребетъ небольшихъ возвышенностей, у подошвы коихъ оканчивается пространная равнина, въ которой лежитъ Морунгенъ, увидѣлъ онъ устроеннаго въ боевой порядокъ непріятеля довольно сильнаго. Полковникъ Юрковскій имѣлъ неосторожность спуститься въ равнину, и непріятель встрѣтилъ его своею кавалеріею. Прибылъ, ускорившій движеніе, авангардъ и нашелъ, что тѣснимый превосходною кавалеріею, отступаетъ онъ къ одной мызѣ, въ которой прямая улица могла быть обстрѣливаема непріятельскою артиллеріею. Немедленно правелъ я конную свою роту, и превосходствомъ огня и преимуществомъ возвышеннаго мѣстоположенія, отогналъ батарею, доставилъ я нашей конницѣ удобное отступленіе. Ей приказано расположиться позади войскъ, часть же Казаковъ, разсыпавшись въ равнинѣ, производила перестрѣлку. Генералъ-Маіоръ Марковъ войска авангарда устроилъ на возвышенностяхъ. Непріятель повелъ атаку на лѣвый нашъ флангъ. Колонна пѣхоты двинулась къ мызѣ (о которой сказано выше), и дабы менѣе испытывать дѣйствіе артиллеріи, взяла направленіе чрезъ озеро, прилежащее съ правой стороны и покрытое весьма твердымъ льдомъ. Занявъ мызу, пѣхота расположилась въ саду, окруженномъ высокимъ заборомъ и рвомъ. Обнаженныя деревья открыли небольшое число стрѣлковъ нашихъ, они немедленно выгнаны и ружейный огонь непріятеля вредилъ линіямъ. Полковнику Вунчу съ 26-мъ егер-

1807. скимъ полкомъ приказано ударить на непріятеля. Полкъ сей, сформированный предъ самою войною и не познакомившійся съ опасностями, разстроился при переходѣ чрезъ ровъ и не могъ удержаться, нѣкоторые изъ храбрѣйшихъ перелѣзли чрезъ ограду, но, не будучи поддержаны, остались на мѣстѣ. Тогда шесть ротъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, съ храбрымъ Маіоромъ Фишеромъ, и двѣ роты 5-го егерскаго полка, бросились впередъ, не сдѣлавъ выстрѣла перелѣзли заборъ и почти всѣхъ бывшихъ въ саду и мызѣ истребили. При семъ случаѣ взято знамя 9-го полка легкой пѣхоты,[10] котораго малые весьма остатки спаслись бѣгствохъ по озеру. Въ сіе время Донскаго полка Подполковникъ Малаховъ далъ знать, что въ разстояніи восьми верстъ открылъ онъ непріятеля, который имѣлъ много пѣхоты и большія орудія, а въ трехъ верстахъ отъ праваго фланга осмотрѣлъ залегшую въ скрытыхъ мѣстахъ пѣхоту отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ. Всего болѣе непріятно было сіе послѣднее извѣстіе; ибо къ сей сторонѣ лежала единственная дорога, по которой могли мы отступить.

Не прошло двухъ часовъ, какъ увидѣли мы, на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, по дорогѣ отъ мѣстечка Голландъ, выходящую изъ лѣсу пѣхоту. Противъ праваго фланга нашего, устроясь въ боевой порядокъ, прикрытая кавалеріею, начала она подвигаться впередъ. Схваченные фланкеры показали, что прибывшія войска составляли корпусъ Маршала Бернадота, имъ лично предводимый. За часъ до сего могли мы отойти безопасно; пропусти время, едва можно было надѣяться спастись, хотя бы и съ большимъ урономъ. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть непріятеля на счетъ силъ нашихъ и заставить его дѣйствовать съ осторожностію. При первомъ взглядѣ могъ онъ видѣть, что мы не въ состояніи были

---

[10] Знамя сіе во время Республики дано за храбрость полубригадѣ, которая названа l'incomparable.

противиться силамъ его, по крайней мѣрѣ, въ трое превосходнымъ. Колонны его двинулись отовсюду противъ занимаемыхъ нами возвышенностей, и хотя нѣкоторыя опрокинуты картечнымъ огнемъ и штыками, свѣжія войска возобновляли немедленно нападеніе, и мы, принуждены будучи уступить, не могли уже удержаться. Нѣсколько баталіоновъ, находившихся на правомъ флангѣ, не далеко отъ дороги, пошли на селеніе Георгіенталь, которое непріятель не успѣлъ занять значительными силами, но одними стрѣлками отъ той пѣхоты, которая открыта была Подполковникомъ Малаховымъ, и потому они не могли быть остановлены. Съ сими баталіонами отправился Генералъ Марковъ. Непріятель подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей тѣснилъ остальную часть авангарда, и мы отступали шагъ за шагомъ. Артиллерія наша не дѣлала другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Уже было очень темно, когда вошли мы въ лѣсъ, и тогда непріятель прекратилъ преслѣдованіе, вѣроятно, въ надеждѣ имѣть насъ на другой день въ своихъ рукахъ. По отбытіи Генерала Маркова, не оставалось другаго Генерала, и по тому Полковники, Турчаниновъ (Павелъ Петровичъ), Вуичъ и я, явились въ команду старшаго Полковника, Юрковскаго. Первое стараніе наше было отыскать дорогу, и я не менѣе другихъ заботился о томъ, дабы не имѣть стыда потерять болѣе двадцати орудій артиллеріи; но, встрѣчая по лѣсу или глубокіе снѣга, или незамерзшія болота, мы не находили средства выйти. Командиръ Донскаго полка, храбрый Сысоевъ, отыскалъ мѣсто, по которому артиллерія могла довольно удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко отъ непріятельскаго бивуака, при селеніи Георгіенталь. Конечно, средство сіе спасти артиллерію было сомнительно, но какъ не было другаго, то рѣшились мы испытать его. Въ слѣдованіи мимо бивуака, Французы произвели по насъ ружейный огонь, и мы имѣли нѣсколько раненыхъ людей, но далѣе мы шли въ совершенной безопасности. Вскорѣ нашли мы кавалерію, бывшую въ командѣ Генерала Анрепа, вмѣстѣ съ которою возвратились въ Либштадтъ. 1807.

1807. Главнокомандующій въ сей день назначилъ, въ подкрѣпленіе авангарду, кавалерію Генерала Анрепа. Поздно дошло до него приказаніе, но онъ, желая поправить то скоростію, шелъ на рысяхъ. Въ разстояніи полуторы мили отъ мѣста сраженія, встрѣтился онъ съ Генераломъ Марковымъ, который увѣрялъ его, что дѣло уже кончено, войска наши отступаютъ безпрепятственно, и что уже онъ ничего не застанетъ. Генералъ Анрепъ не умѣлъ согласить увѣренія Генерала Маркова съ сильною пушечною пальбою, которую онъ слышалъ, и приказалъ полкамъ ускорить движеніе. Въ селеніи Георгіенталь нашелъ онъ сильную пѣхоту непріятельскую; фланкеры его начали перестрѣлку, а онъ лишь только выѣхалъ на пригорокъ ,дабы удобнѣе сдѣлать обозрѣніе, убитъ ружейнымъ выстрѣломъ въ голову. Судя по времени, поздно уже было начать что ни будь важное и не возможно уже было подать помощь авангарду, а по тому и обозрѣніе, имъ предпринятое, безполезно было.

Удивительно весьма, что непріятель не возбранилъ намъ путь мимо его лагеря, что могъ сдѣлать, не подвергаясь большой потери, и мы, конечно, оставили бы всю артиллерію.

Въ Либштадтѣ, въ домѣ Амтманна, нашли мы Генералъ-Маіора Маркова, покойно спящаго послѣ хорошаго ужина, и съ нимъ нѣсколькихъ спутниковъ, которые все съѣли, ничего намъ не оставляя, какъ будто мы уже не должны были возвратиться. Въ утѣшеніе голодному оставалось любоваться пригожимъ станомъ и прелестными глазами жены Амтманна; но какъ я былъ герой, совершившій ретираду, то и не былъ я удостоенъ взгляда, который, какъ мнѣ сказали, могъ принадлежать побѣдителю и съ самымъ сердцемъ. Побѣжденные не налагаютъ контрибуцій! Генералъ Марковъ, какъ человѣкъ весьма ловкій, не показалъ удивленія, видя насъ возвратившихся, какъ будто мы только что исполнили его распоряженія. Мы заплатили ему столько же малымъ удивленіемъ, когда, чрезъ часъ времени, пріѣхалъ Генералъ-Лейтенантъ Князь Багратіонъ принять отъ него начальство надъ аван-

гардомъ. Подъ Морунгеномъ имѣли мы большой уронъ, и 1807.
Псковскій мушкатерскій полкъ потерялъ одно орудіе изъ полуроты, при немъ состоявшей. Въ авангардѣ было подъ ружьемъ 5,400 человѣкъ, непріятель имѣлъ 19,000 войскъ.

Надобно замѣтить, что по дислокаціи въ сей день, самыя отдаленныя отъ Морунгена войска находились въ трехъ миляхъ, и никто не пришелъ къ намъ на помощь. Въ главной квартирѣ слышали пушечные выстрѣлы, и одинъ Генералъ Анрепъ поспѣшалъ къ намъ, но и то по тому, что ему назначенъ былъ ночлегъ въ селеніи Георгіенталь.

Отъ дивизіи Генералъ-Лейтенанта Князя Голицына, по прибытіи ея на мѣсто ночлега, послано было нѣсколько эскадроновъ развѣдать о канонадѣ. Съ ними отправился Генералъ-Маіоръ Паленъ, и звукъ пушекъ привелъ его къ Морунгену въ то время, какъ непріятель, наступая на насъ, отдалился отъ города. Графъ Паленъ вскакалъ въ Морунгенъ прямо къ квартирѣ, занятой для Маршала Бернадота, захватилъ его обозъ, взялъ Секретаря и собранную контрибуцію съ нѣкоторыхъ городовъ Пруссіи. Найденъ былъ готовый ужинъ, ожидавшій побѣдителя. Графъ Паленъ имѣлъ время удалиться отъ непріятельской конницы, посланной противъ него съ поля сраженія. Вотъ доказательство, что могли бы и другія войска, взявъ участіе въ сраженіи, кончить оное блистательною побѣдою. Генералъ Князь Голицынъ не ближе многихъ другихъ былъ отъ Морунгена. Но надобно было случиться, что въ сей день всѣ войска вообще выступили съ ночлега позже обыкновеннаго.

Генералъ Марковъ посылалъ нѣсколько офицеровъ въ главную квартиру, но ни какого не получилъ отвѣта, и не послѣдовало особеннаго распоряженія, вѣроятно, по тому, что Главнокомандующій не имѣлъ достовѣрныхъ о непріятелѣ извѣстій.

14-го числа Генваря, къ девяти часамъ утра, собралось къ Либштадту, по крайней мѣрѣ, до 50,000 человѣкъ,

1807. и мы ожидали нападенія на твердую позицію, занятую нами на крутыхъ высотахъ, прилежащихъ къ городу, тогда какъ непріятель, лучше извѣщенный, оставивъ Морунгенъ, отступалъ поспѣшно далѣе.

Авангарду Князя Багратіона приказано итти впередъ, и мы ночевали въ Морунгенѣ, изъ котораго не задолго вышли послѣднія войска непріятеля.

Выступивъ предъ разсвѣтомъ 15-го числа, около селенія Зонненвальдъ, догнали мы непріятеля, но онъ не держался, размѣнявшись со мною нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Далѣе, въ мѣстечкѣ Любешиль, передовыя войска авангарда застали Маршала Бернадота обѣдающаго, и безъ Гасконской лжи можно похвастать оказаннымъ въ семъ случаѣ проворствомъ. Найдены разбросанныя въ торопливости по полу салфетки и кушанье еще не остыло. Имѣя въ виду непріятеля, дошли мы, прогоняя его, до города Дейчъ-Эйлау, передовые наши посты распространились до мѣстечка Нейнаркъ, гдѣ непріятель, истребивши мостъ, остановилъ дальнѣйшее наше слѣдованіе.

Авангардъ расположился на квартирахъ и отдыхалъ при изобильномъ продовольствіи изъ Эльбингской провинціи. Армія вся слѣдовала за авангардомъ по одной дорогѣ.

Главнокомандующій передовыми постами, Полковникъ Юрковскій, препроводилъ Князю Багратіону перехваченнаго курьера отъ Наполеона къ Маршалу Бернадотту съ повелѣніемъ прекратить отступленіе, которое до сего времени нужно для того было, чтобы армію нашу отвлечь за собою по направленію на Грауденцъ, а что между тѣмъ Наполеонъ соберетъ всю свою армію у мѣстечка Алленштейнъ, 2-го числа Февраля новаго стиля, и со всѣми силами нападетъ на растянутую нашу армію.

Особенное счастье дало намъ въ руки сего курьера; ибо иначе, слѣдовавшая по одной дорогѣ наша армія, не въ состояніи будучи собраться скоро, или разбита была бы по частямъ, или, по крайней мѣрѣ, разрѣзана будучи въ

которомъ на будь пунктѣ, понуждена къ отступленію, уда- 1807.
лялись отъ своей операціонной линіи и всѣхъ сдѣланныхъ запасовъ. Въ семъ послѣднемъ предположеніи спаслась бы одна та часть войскъ, которая до того не далеко перешла Либштадтъ; всѣ прочія, оторванныя отъ сообщеній съ Россіею и непремѣнно отброшенныя къ морю, подверглись бы бѣдственнымъ слѣдствіямъ, или необходимости положить оружіе.

Предпріятіе Наполеона, сколько, впрочемъ, ни хорошо соображенное и на правдоподобномъ разсчетѣ основанное, не должно было иначе исполниться, какъ отъ совершенной и едва ли извинительной неосторожности съ нашей стороны.

Когда изъ Остроленки армія наша вошла въ Пруссію, мы оставили непріятеля близъ рѣки Нарева, и по скорости движенія нашего къ Либштадту и далѣе къ Дейчъ-Эйлау, не могъ непріятель иначе собраться съ своими силами, какъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Корпусъ Маршала Бернадота до того дѣйствовалъ отдѣльно и съ главною арміею не соединялся, а по тому не могъ свидѣтельствовать присутствія всѣхъ силъ непріятельскихъ, слѣдовательно, до точнаго о нихъ извѣстія, не надлежало предпринимать движенія къ Дейчъ-Эйлау. Если въ предметѣ было истребленіе корпуса Маршала Бернадота, случай представился въ Морунгенѣ, но, конечно, уже не далѣе онаго; ибо онъ бѣжалъ сколько можно поспѣшно, но, впрочемъ, если бы и то возможно было, то не всѣ силы арміи были для того потребны.

Князь Багратіонъ отправилъ перехваченныя бумаги къ Главнокомандующему, и какъ уже оставалось не болѣе двухъ сутокъ до назначеннаго времени Наполеономъ, то, не ожидая разрѣшенія, раздѣлилъ онъ авангардъ, для скорѣйшаго движенія, на двѣ колонны, изъ коихъ одна пошла на Бергфриде, другая, въ командѣ Генерала Маркова, чрезъ Остероде; въ сей послѣдней находился я съ большею частію артиллеріи, и мы, пройдя 26 часовъ и сдѣ-

1807. лавъ два привала, по три часа каждый, прибыли 1-го числа Февраля новаго стиля, весьма поздно вечеромъ, къ селенію Янково, въ маломъ разстояніи отъ Алленштейна. Тутъ присоединилась къ намъ другая колонна, и обѣимъ приказано остановиться до повелѣнія.

Въ сей день части 8-й дивизіи, подъ командою Генералъ-Маіора Графа Каменскаго (Николая Михайловича) и 3-й дивизіи съ Генералъ-Маіоромъ Титовымъ, имѣли небольшое и по неудобству мѣстоположенія невыгодное для нихъ дѣло. Канонада съ обѣихъ сторонъ была сильная.

Утро 22-го числа Генваря открыло намъ сильную непріятельскую армію, и наша стояла напротивъ, готовая къ бою.

Непріятель пораженъ былъ внезапнымъ симъ явленіемъ, ибо конечно не ожидалъ, чтобы могли мы собраться со всѣми силами. Онъ не рѣшился атаковать насъ, а Главнокомандующій, имѣя нужду сблизиться съ своими магазинами, далъ арміи приказаніе отступить, и она съ настолвшимъ вечеромъ двинулась по направленію на мѣстечко Ландсбергъ.

Авангардъ, къ которому съ нѣкотораго времени присоединенъ былъ отрядъ войскъ Генералъ-Майора Багговута, выступилъ съ разсвѣтомъ. Онъ, по диспозиціи назначенъ закрывать движеніе колонны, составленной изъ всѣхъ батарейныхъ ротъ нашей артиллеріи, къ которой присоединена Прусская. Странно весьма было распоряженіе, что фланговая и самая ближайшая къ непріятелю колонна состояла изъ артиллеріи, которой утомленныя лошади чрезвычайно умедливали движеніе.

Авангардъ въ скоромъ времени догналъ ее и долженъ былъ расположиться въ позиціи, чтобы дать ей время удалиться и свободную имѣть къ отступленію дорогу. Непріятель не прежде началъ преслѣдованіе, какъ предъ полуднемъ, и хотя довольно сильно, но авангардъ перешелъ небольшое разстояніе. Генералъ-Маіоръ Багговутъ съ частію войскъ имѣлъ горячую сшибку при селеніи Варлакъ.

24-го числа Генваря съ самаго утра догналъ насъ 1807.
непріятель и въ такихъ силахъ, что съ трудомъ можно было удержать нѣкоторый порядокъ при отступленіи. При селеніи Вольфсдорфъ непріятель стремительно напалъ на нашу позицію, и одно дѣйствіе штыками лѣвый нашъ флангъ поставило въ возможность противиться, хотя, впрочемъ, съ нѣкоторою потерею. 7-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, которую закрывалъ арріергардъ, шла въ большомъ безпорядкѣ, обозы ея стѣсняли позади дорогу, и мы безпрестанно занимая позиціи и весьма мало удаляясь, дрались до самой глубокой ночи. Проходя лѣсъ въ темнотѣ, смѣшались мы до такой степени, что по одному крику можно было или распознавать непріятеля, или самимъ собираться. Генералъ-Маіоръ Графъ Ламбертъ, думая собрать разбросанныхъ по лѣсу нашихъ стрѣлковъ, подъѣхалъ къ Французскимъ и едва было не попался въ руки ихъ.

Артиллерія во весь день была въ ужасномъ огнѣ, и если бы перебитыхъ лошадей не замѣняли гусары отнятыми у непріятеля, я долженъ былъ бы потерять нѣсколько орудій. Конную мою роту, какъ наиболѣе подвижную, употреблялъ я наиболѣе. Нельзя было обойтись безъ ея содѣйствія въ лѣсу, и даже ночью она направляла свои выстрѣлы или на крикъ непріятеля, или на звукъ его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и Князь Багратіонъ отозвался съ особенною похвалою. Уронъ нашъ, во весь день, былъ весьма значителенъ и по крайней мѣрѣ равенъ непріятельскому. Противъ насъ дрался корпусъ Маршала Даву. Отрядъ Генералъ-Маіора Барклая де Толли преслѣдовалъ корпусъ Маршала Сульта, но дѣйствіе большею частію происходило стрѣлками.

25-го числа Генваря выступили мы предъ разсвѣтомъ, чтобы, прежде нежели начнетъ непріятель преслѣдованіе, успѣть пройти соединеніе дорогъ, по коимъ отходили арріергардъ и отрядъ Генерала Барклая де Толли, что и удалось по желанію. Отъ соединенія дорогъ арріергардъ Князя Багратіона слѣдовалъ на мѣстечко Ландс-

1807. бергъ проселочною и мало битою дорогою, а туда же, но по большой дорогѣ, чрезъ деревню Гофъ, отравился отрядъ Генерала Барклая де Толли. Не прошло одного часу, какъ показались корпуса обоихъ Маршаловъ. За аррiергардомъ пошла небольшая часть войскъ и, малое пройдя разстояніе, скрылась, и въ тотъ день аррiергардъ остался совершенно покойнымъ, что ему, утомленному дѣйствіемъ прошедшихъ дней, было необходимо. У мѣстечка Ландсберга присоединились мы къ арміи, которая стояла въ боевомъ порядкѣ.

Совсѣмъ не въ томъ положенія былъ отрядъ Генерала Барклая де Толли. Противъ него соединились оба Маршала, съ силами въ пять разъ превосходными. Ему оставалось отходить поспѣшнѣе, но онъ предпочелъ удерживать непріятеля; занимая позиціи, принуждаемъ будучи оставлять оныя, не всегда могъ онъ то дѣлать въ порядкѣ, и такимъ образомъ потерявши множество людей и въ положеніи весьма разстроенномъ достигъ онъ селенія Гофъ, лежащаго въ виду нашей арміи. Тутъ онъ остановился, но выбралъ для войскъ весьма порочную позицію. Селеніе Гофъ простирается по долинѣ, стѣсненной съ обѣихъ сторонъ крутыми возвышенностями. Онъ оставилъ его въ тылу своемъ, и тогда какъ въ продолженіи дня непріятель безпокоилъ его многочисленною своею кавалеріею, онъ усталую свою конницу расположилъ впереди селенія, и ей не было другаго отступленія, какъ вдоль тѣсной улицы онаго.

Пѣхоту, которую гораздо выгоднѣе было помѣстить въ селеніи и окружающихъ его огородахъ, обнесенныхъ заборомъ, онъ растянулъ линіями внѣ онаго, и она иначе не могла отступить, какъ чрезъ селеніе, ибо по сторонамъ онаго лежалъ довольно глубокій снѣгъ. Изъ сего произошло, что непріятель, при первыхъ атакахъ на нашу конницу, опрокинулъ ее на пѣхоту и на батареи. Одна изъ сихъ послѣднихъ схвачена имъ мгновенно. Начальникъ другой батареи, Поручикъ Марковъ, разсыпавъ картечью подавляющій его Ольвіопольскій гусарскій полкъ, остано-

вилъ непріятеля, его преслѣдующаго, и обратилъ съ уро- 1807.
номъ. Пѣхота на сей разъ отразила съ твердостію нападеніе. Непріятельская конница проникла до самыхъ ея линій. Въ непродолжительномъ времени непріятель сдѣлалъ новое покушеніе и съ лучшимъ успѣхомъ. Днѣпровскій и Костромской мушкатерскіе полки противостали атакѣ кавалеріи, но утомленные трудами цѣлаго дня, недолго сохранили надлежащую твердость и, приведенные въ безпорядокъ, уступили мѣсто и, по крайней мѣрѣ, половина людей изрублена. Взяты знамена и состоящія при полкахъ пушки. Люди, которые успѣли укрыться за оградою садовъ, и егерскіе полки, при началѣ сраженія въ огородахъ расположенные, весьма ничтожную имѣли потерю. Сіе служитъ доказательствомъ, сколько велика погрѣшность въ расположеніи линѣйной пѣхоты на открытомъ мѣстѣ, когда надлежало всѣми пользоваться средствами, дабы придать ей защиту. Въ подкрѣпленіе Генералу Барклаю де Толли отправлены изъ арміи пять баталіоновъ пѣхоты подъ командою Генералъ-Маіора Князя Долгорукова (Василья Юрьевича), но средства сіи недостаточны при общемъ замѣшательствѣ, и его баталіоны не менѣе разсѣяны и много потерпѣли. Стѣсненныя войска, при отступленіи чрезъ селеніе Гофъ, подверглись ужаснѣйшему дѣйствію непріятельской артиллеріи. Неустрашимый Генералъ Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился самъ; но сіе сраженіе не приноситъ чести его распорядительности: конечно, не мудрено было сдѣлать что ни будь лучшее!

Вмѣстѣ съ позднимъ вечеромъ окончившееся сраженіе не допустило непріятеля безпокоить армію, расположенную при Ландсбергѣ. Главнокомандующій разсудилъ за благо оставить занимаемую ею позицію, по причинѣ весьма важныхъ въ ней недостатковъ. Мѣсто не было довольно обширно, и войска не имѣли свободнаго размѣщенія.

Вторая линія отъ первой отдѣлена рѣчкою, въ крутыхъ берегахъ протекающею, которая, не смотря на силь-

1807. ные морозы, не замерзла и чрезвычайно затрудняла сообщеніе. Правый флангъ прилегалъ къ лѣсу и часть даже самаго фронта была имъ охвачена, что должно было подвергнуть невыгодному употребленію стрѣлковъ, которыхъ Французы превосходятъ въ искуствѣ. Близость лѣса препятствовала выгодному дѣйствію артиллеріи и закрывала движеніе непріятеля. Для отступленія предлежали двѣ дороги, и обѣ съ оконечности лѣваго фланга: одна чрезъ гору, которой крутой въѣздъ сдѣлался отъ морозовъ невозможнымъ; другая чрезъ тѣсныя ворота, по кривымъ и тѣснымъ улицамъ Ландсберга, что не могло произойти безъ разстройства войскъ и большой потери

Въ ночи, на 26 Генваря, дивизія Генерала Тучкова 1-го начала отступленіе чрезъ гору, которое нерадиво исполняя, долго задерживала позади идущія войска. Колонны, чрезъ Ландсбергъ направленныя, мало заботясь о соблюденіи порядка, такъ смѣшались въ тѣсныхъ улицахъ, что не безъ труда выпроводили ихъ изъ мѣстечка, и сколько ни продолжительна зимняя ночь, но предъ разсвѣтомъ оставались еще войска, которыя не отступили, ибо впереди не подвигались. Легко представить можно положеніе арріергарда, остающагося въ виду большой части Французской арміи, и который не иначе долженъ отступать, какъ шагъ за шагомъ, дабы не только дать время арміи удалиться, но даже стать въ боевой порядокъ; ибо Главнокомандующій объявилъ начальникамъ войскъ, чтобы готовились къ генеральному сраженію, и что армія дѣлаетъ послѣдній переходъ назадъ.

Отрядъ Генерала Барклая де Толли отступилъ вмѣстѣ съ арміею.

Арріергардъ Князя Багратіона, въ прежнемъ числѣ войскъ, оставленъ предъ входомъ въ Ландсбергъ. Чрезъ часъ послѣ разсвѣта арріергардъ, пройдя Ландсбергъ, расположился въ ближайшей къ нему позиціи, въ мѣстечкѣ оставленъ сильный отрядъ пѣхоты и у воротъ нѣсколько орудій. Спустя довольно долгое время, въ большихъ си-

лахъ непріятель приблизился къ мѣстечку и, отвлекая вни- 1807.
маніе канонадою, двинулъ гораздо большія силы на правый нашъ флангъ. Обратившись противъ оныхъ и способствуемы мѣстоположеніемъ, долго дрались мы упорно; наконецъ быстро перешли поле, отдѣлявшее насъ отъ лѣса. Въ слѣдъ за нашею пѣхотою непріятель вошелъ въ Ландсбергъ, и его армія въ глазахъ нашихъ стала собираться на прежней нашей позиціи. Видно было, что въ сей день не съ однимъ непріятельскимъ авангардомъ предстояло намъ дѣло, но, къ счастію нашему, пространство между Ландсбергомъ и Прейсишъ-Эйлау по большей части покрыто частымъ лѣсомъ. Князь Багратіонъ отпустилъ назадъ всю кавалерію и часть артиллеріи, дабы свободнѣе быть въ движеніяхъ. Всѣ егерскіе полки соединены вмѣстѣ; линѣйная пѣхота составляла подкрѣпленіе. До одиннадцати часовъ утра дрались мы съ умѣренною потерею; но по дорогѣ нашедши разбросанныя бочки съ виномъ, которыя идущіе при арміи маркитанты оставляли для облегченія своихъ повозокъ, спасая болѣе дорогой товаръ, не возможно было удержать людей, которыхъ усталость и довольно сильный холодъ найболѣе располагали къ вину, и въ самое короткое время четыре изъ егерскихъ полковъ до того сдѣлались пьяны, что не было средствъ соблюсти ни малѣйшаго порядка. Они останавливались толпами тамъ, гдѣ не надобно было, шли впередъ, когда нужно отступить поспѣшнѣе. Непріятель, примѣтивъ замѣшательство, нападалъ рѣшительнѣе, охватывалъ по возможности болѣе пространства и не было въ лѣсу тропинки, на которой бы не появлялся; въ защиту пьяныхъ надлежало употребить артиллерію, и движенія сдѣлались медленнѣе. Храбрые Генералы, Графъ Паленъ и Графъ Ламбертъ, употребляли кавалерію, замѣняя ихъ; но не возможно было отвести ихъ назадъ, и мы теряли ихъ во множествѣ и убитыми и плѣнными. Приближаясь къ мѣстечку Прейсишъ-Эйлау, арріергардъ вышелъ на открытыя мѣста, и ему показана позиція, которая заслоняла собою мѣстечко, позади котораго, на обширной равнинѣ, армія наша устрои-

1807. валась въ боевой порядокъ. Въ подкрѣпленіе арріергарду прислано нѣсколько полковъ отъ 8-й дивизіи и полки конницы. Мы расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудіями занялъ я хребетъ довольно крутыхъ возвышеній на лѣвомъ флангѣ. Къ подошвѣ оныхъ простиралась долина, по коей долженъ былъ проходить непріятель; стрѣлки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правомъ флангѣ была часть кавалеріи, большая часть оной поставлена назади. Непріятель, устроивъ на противоположной высотѣ батареи, открылъ сильную канонаду, на которую отвѣтствовано изрѣдка, по разности калибровъ; ибо не имѣлъ я ни одного батарейнаго орудія. Во многихъ пунктахъ спустились съ высоты непріятельскія колонны; но дѣйствіемъ болѣе сорока орудій остановлены нѣкоторыя и съ примѣтною потерею обращены картечью. Около двухъ часовъ имѣли мы выгоды на нашей сторонѣ; наконецъ двинулся непріятель большими силами; идущія впереди три колонны направлены одна по большой дорогѣ, гдѣ у насъ мало было пѣхоты, другая противъ Псковскаго и Софійскаго мушкатерскихъ полковъ, и третья противъ моей батареи изъ 24-хъ орудій. Шедшая по большой дорогѣ проходила съ удобностію и угрожала взять въ тылъ твердѣйшій пунктъ нашей позиціи. Прочія медленно приближались, по причинѣ глубокаго снѣга, лежащаго на равнинѣ, и долго были подъ картечными выстрѣлами. Однако же, дошла одна, хотя весьма разстроенная, и легла отъ штыковъ Псковскаго и Софійскаго полковъ; другая положила тѣла свои недалеко отъ фронта моей батареи. Полковникъ Дегтяревъ съ Санктъ-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ пошелъ противъ колонны, слѣдующей по большой дорогѣ, которая, дабы отнять у кавалеріи выгоду скорости движенія по битой дорогѣ, стала сходить въ сторону на глубокій снѣгъ. Торопливость была причиною разстройства, полкъ имъ воспользовался и, испытавъ слабый ружейный огонь, имѣлъ наградою за смѣлое предпріятіе одного орла и пятьсотъ плѣнныхъ. Столько же, по край-

ней мѣрѣ, убито, и въ числѣ ихъ Генералъ, начальствовав- 1807
шій колонною.

Мнѣ не случалось видѣть столько рѣшительной кавалерійской атаки: не менѣе удивленъ я былъ, видѣвши, какъ полкъ не разстроившись, быстро спустился съ крутой, покрытой снѣгомъ, высоты, съ которой нѣсколько разъ до того съѣзжалъ, и съ осторожностію. Не долго пользовались мы пріобрѣтенными успѣхами; ибо непріятель атаковалъ гораздо въ большихъ силахъ, умножились батареи, которыя покровительствовали движенію колоннъ, и мы не въ состояніи будучи противиться, получили приказаніе отступить и присоединиться къ арміи. Непріятель тотчасъ явился на нашей позиціи и по слѣдамъ шелъ за нами. Удачно исполнилъ я приказаніе съ конными орудіями прикрывать войска, пока войдутъ они въ Прейсишъ-Эйлау. Лишь только вошелъ я въ ворота, непріятель подвелъ свои колонны и приступилъ къ атакѣ мѣстечка, котораго оборона возложена на Генерала Барклая де Толли, и отрядъ его умноженъ свѣжими войсками. Несоразмѣрность силъ не допустила извлечь пользу изъ стѣнъ и заборовъ, окружающихъ мѣстечко, стрѣлки непріятельскіе явились на нихъ, вредили въ улицахъ и толпами спускались въ ближайшіе дома. Не разъ наша пѣхота выгоняла ихъ штыками, и мѣстечко сохранили мы во власти до тѣхъ поръ, какъ храбрый Генералъ Барклай де Толли получилъ тяжелую рану. Ослабленный урономъ, его отрядъ оставилъ непріятелю мѣстечко, удерживаясь въ одной части онаго. Бригадный командиръ 4-й дивизіи, Генералъ-Маіоръ Сомовъ, приспѣлъ съ подкрѣпленіемъ, штурмовалъ дома, вырѣзалъ засѣвшихъ въ нихъ и возвратилъ мѣстечко, но имѣлъ неблагоразуміе ударить сборъ въ задней части онаго, и по мѣрѣ того, какъ на звукъ барабана стекались войска, оставляя занятыя мѣста, непріятель безпрепятственно захватилъ мѣстечко до того самаго мѣста, гдѣ войска наши, собираясь, не имѣли еще времени устроиться въ порядокъ. Появленіе непріятеля произвело замѣшательство, картечные выстрѣлы его умножили, а темнота ночи довершила. Мѣстечко оставлено, и

1807. къ чувствительному урону въ людяхъ прибавлена потеря нѣсколькихъ пушекъ.

Обстоятельство сіе понудило Главнокомандующаго перемѣнить боевой порядокъ арміи, и въ продолженіе ночи она приняла совсѣмъ другой видъ расположенія. Онъ и по тому почиталъ сіе нужнымъ, что примѣчено было, какъ непріятель, по овладѣніи высотами, гдѣ дрался арріергардъ, особенною колонною кавалеріи произвелъ обозрѣніе нашей позиціи.

Настало 27-е число Генваря, и сраженіе Прейсишъ-Эйлавское было одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ послѣднія времена. Изъ описаній онаго можно видѣть всѣ подробности происшествій: я скажу вкратцѣ о нѣкоторыхъ и о невыгодахъ нашего расположенія. Главный недостатокъ состоялъ въ томъ, что весь лѣвый нашъ флангъ имѣлъ противъ себя высоты, гдѣ непріятель поставилъ свою артиллерію, за ними скрывалъ свои движенія, сосредоточивалъ свои силы, и трудно было отвращать нападеніе ихъ, отъ чего, при самомъ началѣ, потеряли мы нѣкоторое разстояніе. По причинѣ близкихъ позади лѣсовъ, нельзя было отодвинуться далѣе. Мѣстечко Прейсишъ-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало непріятелю скрытнымъ образомъ приближаться къ самому нашему центру, въ защиту котораго, по необходимости, надлежало употребить большее количество батарейной артиллеріи и держать постоянно на одномъ мѣстѣ. Правый флангъ былъ совершенно въ пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина болотистая, для дѣйствія неудобная, на которой показывались одни стрѣлки. Непонятно, какъ Генералъ-Квартирмейстеръ не зналъ о семъ болотѣ, и слѣдствіемъ того было, что не менѣе 12,000 войскъ стояли безполезно, ограничиваясь пустою перестрѣлкою противъ отдаленныхъ батарей, тогда какъ войска сіи во многихъ мѣстахъ были необходимѣе. И я между прочими стоялъ съ двумя конно-артиллерійскими ротами, до полудня стрѣляя изрѣдка и безъ нужды.

Непріятель сдѣлалъ нѣсколько безполезныхъ атакъ 1807.
на центръ нашъ, уступая дѣйствію 60, поставленныхъ вмѣстѣ, орудій. Нападеніе на лѣвый флангъ было успѣшнѣе. Не остановили его ни благоразумныя распоряженія Генерала Барона Сакена, ни сопротивленіе неустрашимаго Генералъ-Маіора Графа Остермана Толстаго. Лѣвый флангъ отошелъ назадъ и составилъ почти прямой уголъ съ линіею арміи. Около одиннадцати часовъ густой снѣгъ затмилъ свѣтъ, и дѣйствія прекратились на четверть часа. Въ сіе время обманутые темнотою два эскадрона Французскихъ гвардейскихъ карасиръ заѣхали между нашихъ линій пѣхоты и конницы, и елва изъ нихъ нѣкоторые спаслись. Разсѣявшійся мракъ открылъ предъ 7-ю дивизіею колонну Французской пѣхоты во ста не болѣе шагахъ. Внезапно представшіе полки наши остановили ее въ совершенномъ отъ удивленія бездѣйствіи. Съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ, изъявленнымъ громкимъ хохотомъ, Владимірскій мушкатерскій полкъ бросается въ штыки, и не остается могущій оплакать гибель товарищей.

Во многихъ мѣстахъ дрались войска наши съ перемѣннымъ счастіемъ, и нигдѣ, кромѣ лѣваго фланга, на шагъ не уступили мы мѣста. Между центромъ и лѣвымъ флангомъ, семь полковъ кавалеріи нашей стремительнымъ ударомъ опрокинули все, что было противъ нихъ; пѣхота непріятельская, бросая ружья, спасалась въ лѣсъ; уже была она на батареѣ, но отъ безпорядка въ минуту потеряны успѣхи, и не безъ стыда надобно было бѣжать отъ такой части непріятельской кавалеріи, которую могъ остановить Александрійскій гусарскій полкъ.

Вскорѣ послѣ начала сраженія на правомъ нашемъ флангѣ слышна была въ отдаленіи канонада. Извѣстно было, что Маршалъ Ней преслѣдуетъ корпусъ Прусскихъ войскъ въ командѣ Генерала Лестока, которому Главнокомандующій приказалъ сколько можно ранѣе присоединиться къ арміи, но чего онъ не выполнилъ. Когда непріятель, около двухъ часовъ послѣ полудня, возобновилъ усилія, Главнокомандующій послалъ подтвержденіе, что-

1807. бы онъ шелъ сколько можно поспѣшнѣе; но между тѣмъ надобно было чѣмъ ни будь умедлить успѣхи непріятеля на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Посланная туда 8-я дивизія отозвана къ центру, гдѣ необходимо было умноженіе силъ; резервы наши давно уже были въ дѣйствіи. Итакъ мнѣ приказано итти туда съ двумя конными ротами. Дежурный Генералъ-Лейтенантъ Графъ Толстой махнулъ рукою влѣво, и я долженъ былъ принять сіе за направленіе. Я не зналъ, съ какимъ намѣреніемъ я туда отправляюсь, кого тамъ найду, къ кому поступаю подъ начальство. Присоединивъ еще одну роту конной артиллеріи, прибылъ я на обширное поле на оконечности лѣваго фланга, гдѣ слабые остатки войскъ едва держались противъ превосходнаго непріятеля, который подвинулся вправо, занялъ высоты батареями и одну мызу почти уже въ тылу войскъ нашихъ. Я зажегъ сію послѣднюю и выгналъ пѣхоту, которая вредила мнѣ своими выстрѣлами. Противъ батарей началъ я канонаду и сохранилъ мѣсто свое около двухъ часовъ. Тогда началъ приближаться корпусъ Генерала Лестока, въ головѣ колонны шли два наши полка, Калужскій и Выборгскій, направляясь на оконечность непріятельскаго фланга. Противъ меня стали рѣже выстрѣлы, и я увидѣлъ большую часть орудій, обратившихся на Генерала Лестока. Я подвигалъ на людяхъ мою батарею всякій разъ, какъ она покрывалась дымомъ, отослалъ назадъ передки орудій и всѣхъ лошадей, начиная съ моей собственной, объявилъ людямъ, что объ отступленіи помышлять не должно. Я подошелъ почти подъ выстрѣлы, и все вниманіе обращалъ на дорогу, лежащую у подошвы возвышенія, по которой непріятель усиливался провести свою пѣхоту; ибо, по причинѣ глубокаго снѣга, нельзя было пройти стороною. Картечными выстрѣлами изъ тридцати орудій всякій разъ обращалъ я его съ большимъ урономъ. Словомъ, до конца сраженія не прошелъ онъ мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода; ибо Генералъ Лестокъ, встрѣтивъ умѣренныя силы, опрокинулъ ихъ, обошелъ высоту и батареи, которыя непріятель, оставивъ во власти его, предался совершенному бѣгству, и мрачная ночь

покрыла мѣсто сраженія. Главнокомандующій, желая ви- 1807.
дѣть ближе дѣйствіе Генерала Лестока, былъ на лѣвомъ флангѣ, и удивленъ былъ, нашедши отъ моихъ ротъ всѣхъ лошадей, всѣ передки и ни одного орудія; узнавши о причинѣ, былъ чрезвычайно доволенъ.

Корпусъ Маршала Нея, преслѣдуя войска Генерала Лестока, на самой почти дорогѣ, идущей въ Кенигсбергъ, въ тылу нашей арміи занялъ одно селеніе большимъ отрядомъ войскъ. Генералъ-Адъютанту Князю Долгорукову съ Таврическимъ гренадерскимъ полкомъ приказано его выгнать. Два раза будучи отбитъ, когда прислалъ онъ донесеніе о упорной защитѣ, непріятель непримѣтнымъ образомъ оставилъ селеніе, думать надобно, слѣдуя общему отступленію.

Армія наша въ ту же ночь пошла къ Кенигсбергу. Атаману Платову, прибывшему за день до того съ войскомъ Донскимъ, приказано остаться на мѣстѣ сраженія.

Непріятель тогда же съ поспѣшностію отступилъ, и въ продолженіи ночи арріергардъ его дошелъ до мѣстечка Ландсберга. Обозрѣвши на другой день, что армія наша оставила Прейсишъ-Эйлау, онъ возвратился, чтобы собрать брошенныя имъ орудія и тягости. Мы вскорѣ узнали достовѣрно, что въ день сраженія всюду отправлены были курьеры съ приказаніемъ вывозить госпитали, Коммиссаріятъ и кассы арміи. Послѣ сего наглость и безстыдство Наполеона приписали Прейсишъ-Эйлавскую баталію къ числу имъ выигранныхъ!

Главнокомандующій хотѣлъ тотчасъ послѣ сраженія преслѣдовать непріятеля, и о томъ объявлено было частнымъ начальникамъ, но не возможно было скоро собрать разсѣянныя на большомъ пространствѣ войска; къ тому же они чрезвычайно были утомлены и обезсилены большою потерею. Извѣстно было, что Наполеонъ имѣлъ войска, не учавствовавшія въ сраженіи, состоявшія въ корпусѣ Маршала Бернадота, и при такомъ превосходствѣ способовъ можно было усомниться въ успѣхѣ съ нашей стороны.

1807. Сверхъ того, самый недостатокъ продовольствія не допускалъ ни какого предпріятія Не взбѣжалъ, однако же, Главнокомандующій порицаній; и какъ не менѣе разсуждаютъ и тѣ, кои не имѣютъ понятія о вещахъ, то много было обвиняющихъ.

Армія, пришедши къ Кенигсбергу, расположилась въ окрестностяхъ онаго; авангардъ въ 12 верстахъ впереди.

Непріятель на послѣднемъ маршѣ къ Кенигсбергу показалъ малое число кавалеріи, но вскорѣ, весьма умноживъ оную, близко насъ расположился.

Въ первыхъ числахъ Февраля отрядъ отъ авангарда разбилъ отдѣленіе непріятельскихъ войскъ при селеніяхъ Мансфельдъ и Бохерсдорфъ. Генералъ Графъ Ламбертъ отличился въ семъ случаѣ особенною распорядительностію.

Замѣчено, что Французская кавалерія была въ самомъ изнуренномъ состояніи такъ, что два эскадрона оной, будучи принуждены отступать по озеру, попадали на льду и взяты въ плѣнъ по большей части лежащими. Въ эскадронахъ не болѣе было какъ по шестидесяти человѣкъ.

Генералъ Князь Багратіонъ отправленъ Главнокомандующимъ въ С.-Петербургъ съ подробнымъ объясненіемъ о Прейсишъ-Эйлавскомъ сраженіи, которое, по разнымъ интригамъ, представлено было Государю въ несправедливомъ видѣ. Слышно было, что Генералъ-Лейтенантъ Графъ Толстой, посредствомъ брата, весьма приближеннаго Государю, доводилъ до свѣдѣнія вымыслы, вредные Главнокомандующему. Мнѣніе было, однако же, въ пользу послѣдняго, и съ Графомъ Толстымъ ни въ какомъ отношеніи не сравнивали.

Менѣе двухъ недѣль пробывши около Кенигсберга, армія выступила впередъ. Авангардъ, въ командѣ Генералъ-Маіора Маркова, въ два перехода прибылъ къ Прейсишъ-Эйлау. Его подкрѣплялъ съ кавалеріею Генералъ Князь Голицынъ.

Съ любопытствомъ осматривалъ я поле сраженія.

Я ужаснулся, увидѣвши число тѣлъ на мѣстахъ, гдѣ стояли наши линіи; но я болѣе нашелъ ихъ тамъ, гдѣ были войска непріятеля, и особенно, гдѣ стѣснялись его колонны, готовясь къ нападенію, не взирая, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней приказано было жителямъ мѣстечка (какъ то они сами сказывали) тѣла Французовъ отвозить въ ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать въ землю замерзлую. Какъ артиллерійскій офицеръ, примѣчалъ я дѣйствіе нашихъ батарей и былъ доволенъ. Въ мѣстечкѣ не было цѣлаго дома, сожженъ кварталъ, гдѣ, по словамъ жителей, сносились раненые, при чемъ много ихъ истреблено. 1807.

При нашемъ приближеніи къ Прейсишъ-Эйлау непріятель тотчасъ вышелъ. Поспѣшное его отступленіе свидѣтельствовали разбросанные во множествѣ обозы, снаряды и лазареты съ ранеными и больными. Сильная оттепель сдѣлала дороги непроходимыми, и какъ въ подобныхъ случаяхъ терпитъ найболѣе отступающій, то Французы въ городахъ и селеніяхъ оставили всѣ свои лазареты.

Прибывши въ Ландсбергъ, нашли мы госпиталь офицерскій и, къ удивленію ихъ, они видѣли въ насъ гораздо большее о нихъ попеченіе. Многіе по нѣскольку дней были неперевязаны. Хозяинъ моей квартиры, знающій Французскій языкъ, сказывалъ, что онъ слышалъ Французскихъ офицеровъ разсуждающихъ, въ какомъ состояніи была армія ихъ, когда послѣ сраженія въ ту же ночь прошла она Ландсбергъ. Они говорили, что если бы не корпусъ Маршала Бернадота, не бывшій въ дѣлѣ, который оставленъ былъ въ арріергардѣ, то не кому было прикрыть отступленіе, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ и число мародеровъ неимовѣрное. Во многихъ корпусахъ не доставало снарядовъ. Арріергардъ также ночью пришелъ въ позицію къ Ландсбергу.

Авангардъ нашъ пришелъ быстро до селенія Аренсдорфъ, отрядъ отъ онаго былъ въ Гутштаттѣ. Атаманъ Платовъ съ своими Казаками, баталіономъ гусаръ и бата-

1807. ліономъ егерей, стоялъ у селенія Бенернъ. Генералъ Графъ Паленъ находился у одной изъ переправъ чрезъ рѣку Пасаргу, содержа сообщеніе арріергарда съ мѣстечкомъ Вориднтъ, куда съ отрядомъ посланъ Полковникъ Вуичъ. Дивизія Барона Сакена, ближайшая къ авангарду, занимала селеніе Лаунау. Прочія войска приближались къ городу Гейльсбергу и его окрестностямъ; главная квартира расположилась въ Бартенштейнѣ.

Непріятель былъ за рѣкою Пасаргою; главная квартира Наполеона въ мѣстечкѣ Остеродѣ. 18 числа Февраля непріятель, собравшись на правомъ своемъ флангѣ, перешелъ Пасаргу, и въ одно время показался въ силахъ передъ Гутштаттомъ и противъ Аренсдорфа. Сіе послѣднее мѣсто оставили мы поспѣшно, но уже не могли соединиться ни съ Атаманомъ Платовымъ, ни съ Генераломъ Графомъ Паленомъ. Генералъ-Маіоръ Багговутъ не могъ удержаться въ Гутштаттѣ, и непріятель, вытѣснивъ 5-й егерскій полкъ, въ слѣдъ за нимъ занялъ селеніе Цехернъ. При сей внезапности едва не потеряны были пушки. Генералъ Багговутъ соединился въ Лаунау съ Генераломъ Бароном Сакеномъ, куда прибылъ съ кавалеріею Генералъ-Адъютантъ Уваровъ.

Авангардъ не имѣлъ къ отступленію другой дороги, какъ мимо самыхъ бивуаковъ Французскихъ, при селеніи Петерсвальдѣ: всѣ другія дороги были далѣе, и на нихъ осмотрѣнъ непріятель. Французы не любятъ ночью ничего предпринимать важнаго, избѣгая безпорядка, и, благодаря тому, прошли мы безпрепятственно у самыхъ бивуаковъ.

Авангардъ, пришедши въ селеніе Лаунау, поступилъ въ команду Генерала Барона Сакена, куда вскорѣ собрались и всѣ отдѣленные отряды отъ авангарда, не имѣвшіе ни какого между собою сношенія.

19-го числа мы были въ Лаунау съ большими довольно силами. Противъ насъ находился корпусъ Маршала Нея, коего квартира въ Гутштаттѣ. Непріятель отъ стороны Пе-

терсвальде занялъ стрѣлками лѣсъ, лежащій предъ самымъ 1807.
нашимъ лагеремъ. Изъ Цехерна безпокоилъ насъ онъ свои-
ми батареями, хорошо расположенными и окопанными. Ге-
нералъ Баронъ Сакенъ равномѣрно и съ своей стороны упо-
требилъ стрѣлковъ, но Французы съ большимъ навыкомъ
въ семъ родѣ дѣйствія, въ продолженіи двухъ дней, причи-
нили намъ весьма чувствительный уронъ. Почему Генералъ
Сакенъ предпринялъ сдѣлать во время ночи нападеніе на
Цехернъ, въ томъ предположеніи, что непріятель, выгнанъ
будучи изъ онаго, оставитъ Петерсвальде, и мы будемъ
имѣть пребываніе выгодное и покойное. Пѣхота, назначен-
ная къ атакѣ, не довольно близко подойдя къ батареѣ, за-
кричала ура, пробудила непріятеля, и онъ пріуготовился къ
оборонѣ. Открылся картечный и ружейный огонь; люди
въ головѣ колонны оробѣли и легли, задніе продолжали
ити, и до такой степени смѣшались, что долго не возможно
было вывести изъ выстрѣла. При семъ случаѣ потеряно
нѣсколько офицеровъ и не мало нижнихъ чиновъ. Здѣсь
въ первый разъ случилось мнѣ видѣть, что въ ночное вре-
мя отступающую пѣхоту прикрывала кавалерія. Не знаю,
по чему разсѣявшихся людей не собрали барабаномъ, но
подбиралъ ихъ Генералъ Графъ Паленъ съ Сумскимъ гу-
сарскимъ полкомъ. На другой день Французскій начальникъ
въ Цехернѣ прислалъ сказать, что онъ позволяетъ похо-
ронить тѣла, и съ насмѣшкою дано замѣтить, какъ они да-
леко были отъ батареи. Надобно было молчать; за то, по
обыкновенію, бранили возобновившаго ночныя экспедиціи
давнихъ временъ! Авангардъ усиленъ былъ нѣсколькими
полками, а Генералу Барону Сакену дано другое назначе-
ніе. Генералъ-Маіоръ Марковъ приказалъ противъ Цехер-
на построить батарею, которую я дѣлалъ весьма прилежно,
ибо до того на семъ мѣстѣ много потерпѣла моя рота.
Осмотрѣвши часть лѣса, которую удерживалъ за собою
непріятель, въ продолженіи ночи, въ опушкѣ ближайшаго
лѣса расположилъ я шесть орудій моей роты и, заслоня
ихъ нарубленнымъ ельникомъ, ожидалъ разсвѣта, когда
непріятель обыкновенно приводилъ свою пѣхоту изъ лагеря

1807. отъ Петерсвальде. Съ самаго начала дня вышла сильная колонна изъ лагеря и безпечно подвигалась къ той части лѣса, гдѣ всегда на ночь оставалась небольшая часть войскъ. Въ движеніи своемъ дала она фланга моей батареѣ, и картечь изъ шести орудій, на весьма близкомъ разстояніи, произвела такое пораженіе въ колоннѣ, что, оставивъ на мѣстѣ тѣла, колонна обратилась въ поспѣшное бѣгство къ лагерю, провожаемая выстрѣлами. Мы заняли остальную часть лѣса, и непріятель не покушался уже возвратить оный. Мы уже не держали въ немъ, какъ до того было, шести полковъ пѣхоты. Батареи противъ Цехерна часто отвѣчали Французскимъ, и часто безъ пользы. Перехваченъ курьеръ Маршала Нея къ начальнику Главнаго Штаба, Принцу Бертье, съ извѣстіемъ, что Русскіе правдоподобно намѣреваются удерживать позицію, ибо построили во многихъ мѣстахъ батареи. Вскорѣ непріятель оставилъ Цехернъ и Петерсвальде и, отступя въ ближайшій лѣсъ, устроилъ по опушкѣ онаго сильные окопы.

Генералъ Марковъ занялъ Цехернъ двумя егерскими полками, въ Петерсвальде ходили полки посмѣнно и два эскадрона гусаръ. Часто бывали сшибки съ Французами, которые приходили въ пустое селеніе за сухими дровами. Рота конная имени моего, много потерпѣвшая въ дѣлахъ авангарда, отправлена назадъ для починки и укомплектованія людьми; на мѣсто ея прислана другая. Вскорѣ происками старшихъ по артиллеріи Полковниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни столько большой, ни столько видной команды, мнѣ дано приказаніе отправиться къ моей ротѣ. Главнокомандующему доложено, что смѣна назначена для того, чтобы дать мнѣ отдохновеніе. Такъ объяснилъ онъ самъ Генералу Князю Багратіону, который, возвратясь въ сіе время изъ С.-Петербурга, просилъ, чтобы меня не перемѣняли, и я остался у начальника, который обладалъ полною всѣхъ насъ довѣренностію.

До прибытія его къ авангарду случилось непріятное весьма происшествіе. Четыре полка егерей, подъ командою

Генералъ-Маіора Корфа,[11] расположенные въ Петерсвальде, 1807.
страшнымъ образомъ лишились своего начальника. Онъ занималъ лучшій въ селеніи домъ Священника, принялся за пуншъ, обыкновенное свое упражненіе, и не заботился о безопасной стражѣ. Гусарскаго офицера, присланнаго для разъѣзда, удержалъ у себя. Нѣсколько человѣкъ волтижеровъ, выбранныхъ Французами, въ темную ночь вошли чрезъ садъ въ домъ, провожаемые хозяиномъ, и схватили Генерала. Сдѣлался въ селеніи шумъ, бросились полки къ ружью, произошла ничтожная перестрѣлка, и непріятель удалился съ добычею.

Наполеонъ не упустилъ представить въ бюллетенѣ выигранное сраженіе и взятаго въ плѣнъ корпуснаго начальника, а дабы придать болѣе важности побѣдѣ, превознесены высокія качества, и самое даже геройство Барона Корфа. Но усомниться можно, чтобы до другаго дня могли знать Французы, кого они въ рукахъ имѣли, ибо у Господина Генерала языкъ не обращался. Я въ состояніи думать, что если бы не было темно, то Баронъ Корфъ не былъ бы почтенъ за Генерала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился, и намъ не случилось бы познавать достойнымъ своего Генерала изъ иностранныхъ газетъ.

Послѣ сего происшествія, около трехъ мѣсяцевъ, продолжалось съ обѣихъ сторонъ совершенное бездѣйствіе; не было въ цѣпи стрѣлковъ ни одного выстрѣла, хотя перемирія не было.

Генералъ передовыхъ Французскихъ войскъ предлагалъ Князю Багратіону оставить селеніе Петерсвальде нейтральнымъ, или будетъ оно причиною всегдашнихъ безпокойствъ, и онъ долженъ будетъ овладѣть имъ. Генералъ Князь Багратіонъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ; что легче

---

[11] Баронъ Корфъ служилъ нѣкогда въ Генеральномъ Штабѣ, почитаемъ былъ въ числѣ весьма хорошихъ офицеровъ; почему находился волонтеромъ при Прусской арміи въ компанію 1792 года противъ Французской Республики.

1807. сказать, нежели сдѣлать, и доказательство того находитъ въ его предувѣдомленіи. Угрозы оставались въ словахъ, а Петерсвальде за нами.

Расположенные противъ насъ Французы имѣли въ продовольствіи величайшій недостатокъ, кавалерія ихъ отправлена назадъ для поправленія. 27 Драгунскій полкъ, изнуренный голодомъ, большею частію перебѣжалъ къ намъ. Не менѣе терпѣли войска авангарда; не было ни хлѣба, ни соли; выдавались сухари совершенно гнилые и чрезвычайно въ маломъ количествѣ. Солдаты употребляли въ пищу воловьи кожи, которыя двѣ, или три, недѣли служили покрышкою шалашей; въ 23 и 24 егерскихъ полкахъ начинали ѣсть лошадей, и изъ послѣдняго были большіе побѣги.

Князь Багратіонъ посылалъ меня доложить Главнокомандующему о сей крайности. Даны строгія приказанія, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Не понравилось дежурному по арміи Генералъ-Маіору Фоку мое донесеніе, и я пріобрѣлъ его вражду, которой подвергался я и по тому, что не удивлялся весьма посредственнымъ его способностямъ, тогда какъ уже многіе находили выгоды превозносить ихъ. По служенію въ артиллеріи мы давно были знакомы.

Государь Императоръ прибылъ къ арміи, и пришла гвардія подъ начальствомъ Цесаревича. Главная квартира Императора расположилась въ Бартенштейнѣ, Великаго Князя въ Шипенбейлѣ. Начались разводы, щегольство, и мы въ авангардѣ, съ тощими желудками, принялись за перестройку аммуниціи.

Къ намъ прежде пріѣхалъ Великій Князь, который, со времени кампаніи Суворова въ Италіи, имѣлъ къ Князю Багратіону дружественное расположеніе. Увидѣвши недостатки наши, онъ взялся заботиться о улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ съ провіянтомъ, по настоянію его отправленный въ авангардъ, взятъ на дорогѣ другими войсками; но всѣмъ прочимъ давалъ онъ свои

конвои, и они доходили исправно, и чрезъ нѣкоторое вре- 1807.
мя отъ недостатка перешли мы къ изобилію.

Между многими чиновниками, представленными Великому Князю, удостоился и я его привѣтствія, по засвидѣтельствованію Князя Багратіона о моей службѣ. До того не былъ я ему извѣстенъ, никогда не служивши въ столицѣ.

Вскорѣ приказано приготовиться къ встрѣчѣ Государя вмѣстѣ съ Королемъ Прусскимъ.

Перестроивъ единообразно шалаши, дали мы имъ опрятную наружность и лагерю видъ стройности. Выбравъ въ полкахъ людей менѣе голыхъ, пополнили съ другихъ одежду и показали ихъ подъ ружьемъ. Обнаженныхъ спрятали въ лѣсу и расположили на одной отдаленной высотѣ, въ видѣ аванпоста. Тутъ увидѣлъ я удобный способъ представлять войска и какъ увѣряютъ Государя, что они ни въ чемъ не имѣютъ недостатка. Подъѣзжая къ каждой части войскъ, онъ называлъ начальниковъ по фамиліи Королю Прусскому и, между прочими, сказалъ обо мнѣ, что и въ прежнюю кампанію доволенъ моею службою. Всѣ восхищены были вниманіемъ и благосклонностію Государя, и я, не желая льстить, скажу, что онъ умѣлъ ободрить всѣхъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо не былъ избалованъ въ службѣ привѣтствіями. Король Прусскій далъ орденъ за достоинство (pour le mérite) тремъ Штабъ-офицерамъ, [12] въ числѣ коихъ и я находился. Ордена сіи были изъ первыхъ, и еще не были унижены чрезвычайнымъ размноженіемъ.

Вышли награды за Прейсишъ-Эйлавское сраженіе. Вмѣсто 3-го класса Георгія, къ которому удостоенъ я былъ Главнокомандующимъ, я получилъ Владиміра. Въ дѣйствіи сдѣланъ участникомъ мнѣ артиллеріи Генералъ-Маіоръ Графъ Кутайсовъ. Его одно любопытство привело на мою батарею, и какъ я не былъ въ его командѣ, то онъ

[12] Шефу 5 егерскаго полка, Полковнику Гогелю, мнѣ и командующему Псковскимъ мушкатерскимъ полкомъ, Подполковнику Лошкареву.

1807. и не мѣшался въ мои распоряженія. Однако же, не имѣвши даже 4 класса, ему данъ орденъ Георгія 3-го класса. Въ реляціи хотѣли написать его моимъ начальникомъ, но Генералъ-Квартирмейстеръ, Баронъ Штейнгель, знавши обстоятельства, тому воспрепятствовалъ. Князь Багратіонъ объяснилъ Главнокомандующему сдѣланную несправедливость, и онъ, признавая самъ, что я обиженъ, ничего, однако же, не сдѣлалъ. Вотъ продолженіе тѣхъ пріятностей по службѣ, которыми довольно часто я надѣляемъ!

Наполеону выгодно было продолжающееся бездѣйствіе, ибо отправилъ онъ большой корпусъ въ помощь войскамъ, осаждающимъ крѣпость Данцигъ. Корпуса Маршала Даву, расположенный въ Алленштейнѣ, и Маршала Нея въ Гутштаттѣ и противъ авангарда, были малочисленны, и отъ нихъ часть конницы и артиллеріи отосланы назадъ для прокормленія. По симъ причинамъ предположено, 1-го Мая, атаковать корпусъ Маршала Нея. За день до того прибыла гвардія въ Лаунау, пришли прочія войска и все расположено къ наступленію. Авангардъ занялъ лѣсъ съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ захватить равнину, простирающуюся до Альткирхена, и отрѣзать отступленіе непріятелю изъ города Гутштатта.

Государь прибылъ къ войскамъ авангарда, осмотрѣлъ ихъ, объѣхалъ, въ сопровожденіи Главнокомандующаго, передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы непріятель не могъ подозрѣвать о движеніи авангарда. Не извѣстно мнѣ, почему вдругъ дано приказаніе отмѣнить атаку. Государь возвратился въ главную квартиру, всѣ прочіе пошли въ свои прежнія мѣста, и авангардъ вступилъ въ свою позицію при Лаунау

Непріятель между тѣмъ безпрепятственно продолжалъ осаду Данцига, и хотя Генералъ-Маіоръ Графъ Каменскій посланъ былъ съ сильнымъ отрядомъ пройти въ крѣпость, въ помощь ослабѣвающему гарнизону,[13] но непрія-

[13] Данцигъ защищали Прусскія войска, къ которымъ Генералъ-Маіоръ Князь Щербатовъ присоединенъ былъ съ тремя гарнизонными

тель въ такихъ былъ при осадѣ силахъ, что Графъ Ка- 1807
менскій былъ отбитъ съ большимъ весьма урономъ и до крѣпости не допущенъ. Предпріятіе имѣло бы полный успѣхъ, если бы ранѣе приведено было въ исполненіе. Вскорѣ за тѣмъ, по причинѣ недостатка въ снарядахъ и по тому, что Англійское судно, которое съ оными приходило въ крѣпость, захвачено Французами, крѣпость сдалась на капитуляцію.

Непріятно было извѣстіе о сдачѣ Данцига, и не было сомнѣнія, что Наполеонъ присоединитъ большую часть осаждавшихъ войскъ.

Я не могъ узнать, что могло понудить, упустивъ 1-го Мая, время, удобное къ нападенію, не прежде произвести оное, какъ 24-го числа, когда армія непріятельская весьма усилилась. Не могло побуждать къ тому ожиданіе сикурсовъ, ибо ни малѣйшихъ не прибыло войскъ, ниже продовольствіе не сдѣлалось лучшимъ прежняго, и мы не могли выйти на продолжительное предпріятіе.

Движеніе 24-го Мая столько хорошо было соображено, что корпусъ Маршала Нея весь долженъ былъ достаться въ наши руки. Направленіе главныхъ частей арміи было слѣдующее:

Авангардъ шелъ на Альткирхенъ и отрѣзывалъ Французовъ въ лѣсу, простирающемся отъ Петерсвальде къ Гутштатту въ то время, какъ оставленные два полка егерей на нихъ ударятъ. Дѣйствія его не должны быть рѣшительны, дабы войскамъ, назначеннымъ обойти непріятеля, дать время совершить движеніе.

Съ правой стороны Генералъ-Лейтенантъ Баронъ фонъ деръ Остенъ-Сакенъ долженъ обойти непріятеля и не допустить къ рѣкѣ Пасаргѣ.

баталіонами и двумя Казачьими полками. Войска сіи выпущены по сдачѣ крѣпости съ тѣмъ, чтобы не служили противъ Французовъ въ продолженіи кампаніи. Генералъ Князь Щербатовъ, не согласясь на сіе условіе, прибылъ къ арміи.

1807. Съ лѣвой стороны Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ (Алексѣй Ивановичъ), переправясь чрезъ рѣку Алле, обходитъ Гутштаттъ.

Генералъ-Лейтенантъ Дохтуровъ, выгнавъ непріятеля, занимающаго постъ съ небольшими силами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего праваго фланга, присоединяется къ арміи.

Генералъ Князь Голицынъ съ кавалеріею подкрѣпляетъ Барона Сакена.

Гвардейскіе полки составляютъ резервъ арміи. Атаманъ Генералъ Платовъ наблюдаетъ за движеніемъ корпуса Маршала Даву къ сторонѣ Алленштейна.

24 числа Мая, рано по утру, авангардъ выступилъ къ Альткирхену. По лѣвую сторону, въ опушкѣ лѣса, видѣли мы Французскихъ часовыхъ, весьма покойно смѣняющихся. Вскорѣ слышны были во многихъ мѣстахъ пушечные сигнальные выстрѣлы, и въ слѣдъ за ними видно было поспѣшное движеніе войскъ по разнымъ направленіямъ къ Альткирхену. Авангардъ далъ имъ свободу собираться, что совершенно согласовалось съ намѣреніемъ Главнокомандующаго. Началась сильная канонада, которую мы продолжали, ничего не предпринимая рѣшительнаго. Судя по времени, Князь Багратіонъ полагалъ, что Генералъ Баронъ Сакенъ успѣлъ бы обойти непріятеля, но не слышно было ни одного выстрѣла, и самое спокойствіе между войсками, которыя стояли противъ насъ, заставляло въ томъ сомнѣваться. Посланы офицеры собрать свѣдѣнія, и ни какихъ не усмотрѣно войскъ, кромѣ идущей недалеко кавалеріи Генерала Князя Голицына.

Между тѣмъ у Альткирхена собрались довольно значительныя силы, и авангардъ получилъ повелѣніе атаковать ихъ. Дѣло началось весьма горячее. Непріятель, долго защищавшись, отступилъ. Лѣвое крыло авангарда съ Генераломъ Багговутомъ встрѣтило жестокій огонь. Онъ прошелъ чрезъ Амтъ-Гутштаттъ или предмѣстье Гутштатта,

гдѣ было 600 Французовъ, за которыми онъ оставилъ на- 1807.
блюденіе. Мы не получили должнаго содѣйствія отъ Генерала Князя Горчакова, который, нашедши непріятеля у переправы чрезъ рѣку Алле, не скоро отошелъ отъ оной, и потомъ, занявшись пріобрѣтеніемъ Гутштатта, опоздалъ прійти къ назначенію. Замѣтить должно, что городъ безъ укрѣпленій и для защиты имѣющій 600 человѣкъ; сверхъ того, находясь уже позади войскъ нашихъ, могъ бы достаться намъ, не требуя усилій цѣлаго корпуса. Но какъ во время продолжительнаго бездѣйствія доходили въ главную квартиру слухи, что Французы укрѣпили городъ и что пунктъ сей большой для нихъ важности, то Князь Горчаковъ разсчелъ, что пріобрѣтеніе онаго почтется за великій подвигъ. Но если бы, не вдаваясь въ сей придворный расчетъ, Князь Горчаковъ, оставивши небольшую часть войскъ, поспѣшилъ далѣе, то Маршалъ Ней имѣлъ бы гораздо бо́льшую потерю.

Авангардъ, преслѣдуя непріятеля до вечера, остановился на ночлегъ предъ селеніемъ Квецъ. Въ продолженіи дня захватили мы довольно плѣнныхъ, или которые не успѣли прійти на сборное мѣсто къ Альткирхену, или на маршъ отъ пунктовъ отдаленныхъ нашли дорогу уже отрѣзанную.

Причиною, что диспозиція не выполнена, былъ Генералъ-Маіоръ Сакенъ. Онъ не пришелъ въ назначенное время, отговариваясь далекимъ обходомъ и будто бы ожидалъ повелѣній. Но общій былъ слухъ, что, имѣя неудовольствіе на Главнокомандующаго, онъ нарочно сдѣлалъ, чтобы лишить его успѣха въ предпріятіи. Многіе чрезвычайно негодовали, что упущенъ благопріятнѣйшій случай уничтожить цѣлый непріятельскій корпусъ.

Главнокомандующій былъ свидѣтелемъ, какъ часть Французской пѣхоты, не болѣе 600 человѣкъ, неустрашимо противостала атакамъ нашей кавалеріи. Пѣхота стояла фронтомъ у селенія. Три полка, одинъ послѣ другаго, атаковали ее, каждый отбитъ въ свою очередь, и всякій разъ весьма хладнокровно являлся начальникъ, командую-

1807. щій сомкнуть ряды. Приспѣвшія два орудія понудили картечью оставить мѣсто. Иначе надобно бы было отказаться или отъ Французской пѣхоты, или отъ нашей кавалеріи, и искать другихъ средствъ. Пѣхота сія не досталась въ наши руки.

Генералъ Дохтуровъ нашелъ непріятеля въ малыхъ силахъ, но прикрытаго твердыми засѣками, и вступилъ въ перестрѣлку, употребляя баталіонъ за баталіономъ по одиначкѣ. Лейбъ-гвардіи егерскаго полка два баталіона бросились стремительно въ штыки, и мгновенно вытѣснень непріятель.

25-го Мая, противъ непріятеля, устроеннаго въ крѣпкой позиціи, собрались наши войска въ большихъ силахъ; со стороны нашей была въ дѣйствіи многочисленная артиллерія. Егерскимъ полкамъ авангарда, въ командѣ Генералъ-Маіора Раевскаго, приказано обойти лѣсомъ правый фланъ непріятеля. Онъ отступилъ когда стрѣлки подошли къ его батареямъ и, частію пѣхоты, при нѣсколькихъ орудіяхъ, заняв ши сады при селеніи Квецъ, расположился нѣсколько далѣе. Авангардъ поспѣшно двинулся по большой дорогѣ. Картечными выстрѣлами выгналъ я непріятеля изъ селенія Квецъ; но когда на открытомъ мѣстѣ атаковалъ его Гродненскій гусарскій полкъ, два выстрѣла картечью его разсѣяли. [1] Не взирая на весьма жаркое время, егерскіе наши полки всѣ движенія дѣлали бѣгомъ и непріятель не успѣлъ удалиться. Защищаясь весьма упорно, не могъ онъ удерживаться долго, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Лѣсистыя мѣста препятствовали согласію нашихъ дѣйствій, ему способствовали спасти артиллерію. Онъ пожертвовалъ для того арріергардомъ, нѣко-

[1] Полкъ составленъ былъ во время кампаніи изъ эскадроновъ, взятыхъ изъ старыхъ полковъ, но еще ни разу не дрался въ новомъ своемъ составѣ. Офицеры въ полку были отличные. Шефъ Полковникъ Шепелевъ, давая роскошные завтраки и обѣды, не рѣдко говаривалъ, что при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ сдѣлаетъ онъ въ немъ большую прорѣху.

торыми частями войскъ, которыя достались въ плѣнъ, имѣлъ 1807.
много убитыхъ, оставилъ всѣхъ раненыхъ и бросилъ всѣ обозы. Отбиты только два орудія: одно Казаками, другое храбрымъ Маіоромъ Кульневымъ, который, съ двумя слабыми эскадронами Гродненскаго гусарскаго полка, догналъ на рѣкѣ Пасаргѣ артиллерійскій паркъ и съ нимъ нѣсколько пушекъ, и овладѣлъ имъ. Увѣдомленъ будучи плѣнными, что недалеко впереди спасается артиллерія, онъ бросился за нею, но обманувшись въ лѣсу дорогою, онъ соткнулся съ сильнымъ отрядомъ каваллеріи, отъ котораго долженъ былъ ретироваться. Возвращаясь по той же дорогѣ, зажегъ онъ паркъ, взятый имъ прежде. Преслѣдующій его непріятель не смѣлъ приблизиться къ переправѣ, и онъ обратно перешелъ безпрепятственно. Онъ при семъ случаѣ взялъ не мало офицеровъ.

Казакамъ достались обозы, и между ними экипажъ[15] Маршала Нея, его серебряный сервизъ и другія вещи. Найдены серьги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребленіе дѣлалъ изъ нихъ Господинъ Маршалъ, если бы не истолковали вырѣзанные на серебрѣ гербы разныхъ Польскихъ фамилій безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона. Пруссія не успѣла еще умножить сихъ сокровищъ!

Авангардъ прищелъ на ночлегъ къ селенію Деппенъ, на рѣчкѣ Пасаргѣ. На противоположномъ берегу селеніе Каллистенъ и довольно крутыя возвышенія занялъ непріятель. Передовые наши посты простирались по берегу до селенія Эльдиттенъ, въ которомъ непріятель имѣлъ укрѣпленный постъ съ нѣсколькими пушками. Генералъ Дохтуровъ, будучи близко съ своимъ корпусомъ, не почелъ за нужное овладѣть имъ, и онъ, оставаясь одинъ на нашемъ берегу, прикрывалъ лучшую переправу, которая въ прочихъ мѣстахъ, или была не столько удобна, или охраняема нами.

---

[15] Надобно замѣтить, что Казакамъ достаются обозы не всегда по тому, что они бываютъ впереди всѣхъ войскъ, но по тому, что найдя оные, при нихъ остаются, когда прочія войска, овладѣвъ ими, бросаютъ ихъ и идутъ за непріятелемъ.

1807. Вскорѣ за авангардомъ пришла армія и стала по близости.

26-го Мая, непріятель, пользуясь выгодными высотами, безпокоилъ насъ канонадою, продолжавшеюся весь день, на которую мы отвѣчали. По берегу цѣпь егерей была въ сильной перестрѣлкѣ. У непріятеля примѣчено умноженіе войскъ. Казачьи пикеты дали знать, что то же замѣчено на правомъ флангѣ, и особенно при селеніи Эльдиттенъ. День кончился безъ важныхъ происшествій.

27 Мая, съ самаго разсвѣта въ войскахъ непріятеля противъ авангарда и далѣе примѣчено общее движеніе. Стекались отовсюду войска, парки артиллеріи, обозы. Въ десять часовъ усилены передовые посты и сильная загорѣлась перестрѣлка. Двѣ колонны пѣхоты двинулись къ селенію Каллистенъ и колонна кавалеріи съ лѣваго нашего крыла. Одна колонна, опрокинувъ 7-й егерскій полкъ, подъ командою весьма не храбраго Подполковника Лаптева, [16] такъ проворно пришла къ батареѣ, гдѣ я случайно находился, что я почиталъ ее за свои войска, и только по бѣлымъ перевязямъ можно было узнать, ибо на семъ пунктѣ были одни егеря. Встрѣченная картечью двѣнадцати орудій, она обратилась въ замѣшательствѣ. Егерскіе полки, 5 Полковника Гогеля и 20 Полковника Бистрома, встрѣтивъ ее у переправы, многихъ перекололи и въ слѣдъ за нею ворвались въ селеніе Каллистенъ, въ которомъ вырѣзали все, что находилось. Другая непріятельская колонна пѣхоты, видя подоспѣвающія наши войска, возвратилась Кавалерія, не смотря на огонь стрѣлковъ, спустилась въ рѣку, но 26-й егерскій полкъ Полковника (фамилію его забылъ), разстроивъ ее батальнымъ огнемъ, бросился на штыкахъ съ берегу. Лошади, увязая въ топкой рѣкѣ, не могли обращаться проворно, и уронъ былъ значителенъ. Послѣ сего на нѣсколько часовъ остались мы въ покоѣ. Князь Багра-

---

[16] Не надобно смѣшивать его съ отлично храбрымъ Полковникомъ Лаптевымъ, въ командѣ котораго 8-й егерскій полкъ извѣстенъ былъ неустрашимостію и особеннымъ устройствомъ.

тіонъ приказалъ всему авангарду быть въ готовности,[17] и 1807.
осторожность была полезна! Въ шесть часовъ по полудни непріятель началъ канонаду противъ селенія Каллистенъ, которое мы удерживали за собою. Большими силами приступилъ къ нему, дабы вытѣснить егерей нашихъ. Они защищались отчаянно, и нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки селеніе; наконецъ досталось превосходнымъ его силамъ. Мы перешли на свой берегъ, и сраженіе прекращено наставшею темнотою. Въ сіе время Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й далъ знать, что корпусъ Маршала Сульта, переправившись у селенія Эльдиттенъ, не менѣе трехъ верстъ подвинулся впередъ. Движеніе сіе могло отрѣзать дорогу авангарду, но мы готовы были отступить, ибо армія предъ вечеромъ отправилась къ Гейльсбергу чрезъ Гутштаттъ и частію чрезъ Лаунау.

Предъ разсвѣтомъ вышелъ авангардъ двумя колоннами. При первой Генерала Маркова находился Князь Багратіонъ. Со второю Генералъ Багговутъ слѣдовалъ по большой дорогѣ, и я былъ при ней съ большею частію артиллеріи. На половинѣ дороги догналъ насъ непріятель: конница и Казаки вступили въ дѣло; изъ арміи прислано намъ нѣсколько полковъ кавалеріи. Между тѣмъ армія выходила изъ Гутштатта. Дороги чрезъ лѣсъ не всѣ были удобны, и движеніе было медленно. Она въ сей день двинулась, по крайней мѣрѣ, четырьмя часами позже, нежели могла и должна была; а главная квартира, населенная множествомъ существъ, не для одной только арміи безполезныхъ, въ то время, какъ мы дрались, и не съ выгодою, противъ неравенства силъ, весьма покойнымъ образомъ предавалась разнымъ прихотямъ, и для защиты ихъ дежурный Гене-

[17] По требованію моему, прислано мнѣ нѣсколько батарейныхъ орудій; ибо часто съ трудомъ выдерживалъ я дѣйствіе сильнѣйшихъ калибровъ непріятельской артиллеріи. Подъ Кенигсбергомъ испыталъ я, что могутъ значить трехфунтовыя единорожки противъ порядочной артиллеріи, и я увѣренъ, что непріятель удивился, что не съ первымъ выстрѣловъ обратилъ насъ въ бѣгство.

1807. ралъ привезъ Князю Багратіону приказаніе удерживаться сколь можно долѣе, и еще присланы кавалерійскіе полки. Нѣкоторыя атаки было совершенно въ пользу нашу. Одинъ драгунскій Италіянскій полкъ, отброшенный къ болоту, хотѣлъ спѣшиться и уйти, но окруженный, почти весь попался въ плѣнъ. Но когда въ большемъ количествѣ пришла пѣхота, мы только что могли удержаться на высотахъ у самаго Гутштатта. Въ сей день съ моею ротою я былъ въ ужаснѣйшемъ огнѣ, и одну непріятельскую батарею сбилъ, не употребляя другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Прикрывавшій роту С.-Петербургскій драгунскій полкъ стоялъ подъ выстрѣлами съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ. Мы послѣдніе отступили за арріергардомъ, и мостъ чрезъ рѣку Алле сожгли за собою. Непріятель занялъ городъ. Пѣхота его наполнила дома, лежащіе по берегу. Я вытерпѣлъ ружейный огонь, и не прежде отошелъ отъ города, какъ загорѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ, приверженнымъ къ Французамъ, за то, что въ Февралѣ, когда 5 егерскій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявляли радость рукоплесканіями и дѣлали насмѣшки.

Отступивши къ Гейльсбергу по слѣдамъ арміи, авангардъ расположился, не переходя рѣки.

29 Мая авангардъ посланъ къ селенію Лаунау, гдѣ уже находился отрядъ, дабы остановить непріятеля, если возметъ онъ сіе направленіе. Въ семъ не должно было сомнѣваться, ибо дорога сія гораздо лучше всѣхъ проходящихъ лѣсомъ, которыя, сверхъ того, оканчиваются плоскостію, слишкомъ тѣсною, чтобы на оной могла помѣститься армія.

Непріятель, не допустивъ до Лаунау, встрѣтилъ авангардъ у селенія Беверникенъ. Между тѣмъ армія начала располагаться въ окопахъ, устроенныхъ у Гейльсберга, и по обыкновенію тою же погрѣшила медленностію; ибо авангардъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ два часа долженъ былъ удерживать непріятельскія силы, платя за несораз-

мѣрность ихъ большою потерею людей. Отъ Беверникенъ 1807.
къ сторонѣ Гейльсберга мѣстоположеніе идетъ, постепенно понижаясь, и всѣ возвышенія остаются въ пользу непріятеля. Авангардъ всю линѣйную пѣхоту расположилъ на лѣвомъ флангѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги; егерскіе полки размѣщены на правомъ, подкрѣпляя сильную кавалерію, присланную намъ изъ арміи. При ней была моя конная рота. Долго удерживались мы съ выгодою, а конница наша сдѣлала нѣсколько блистательныхъ атакъ. Но когда непріятель привелъ все войско, съ которымъ послѣ напалъ на наши окопы,[18] когда противъ сорока орудій стало 150 пушекъ и кавалерія протянулась далѣе оконечности праваго нашего крыла, положеніе наше сдѣлалось весьма опаснымъ. Непріятельская кавалерія прорывала наши линіи, и съ тылу взяты были нѣкоторыя изъ моихъ орудій. Одна изъ атакъ столько была рѣшительна, что большая часть нашей конницы опрокинута за селеніе Лангевизе. Но расположенные въ оном егерскіе полки Генерала Раевскаго остановили успѣхи непріятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое мѣсто, и отбиты потерянныя орудія. Я спасся, благодаря быстротѣ моей лошади, ибо во время дѣйствія батареи часть конницы пріѣхала съ тылу и на меня бросилось нѣсколько человѣкъ Французскихъ кирасиръ. Между тѣмъ пѣхота наша, вытерпѣвая ужаснѣйшій огонь и потерявъ много людей, начала отступать. Пріѣзжаетъ дежурный Генералъ-Маіоръ Фокъ, и съ негодованіемъ спрашиваетъ Князя Багратіона: отъ чего отступаетъ онъ, не имѣвши приказанія, тогда какъ армія не успѣла еще расположиться въ укрѣпленіяхъ? Непріятно было Князю Багратіону подобное замѣчаніе отъ Г. Фока, который только не въ большихъ чинахъ извѣстенъ былъ смѣлымъ офицеромъ и далѣе нигдѣ употребленъ не былъ. Князь Багратіонъ повелъ его въ самый пылъ сраженія, чтобы показать причину, понуждающую

[18] Окопы Гейльсберга, обширные и твердые, устроены во время продолжавшагося три мѣсяца бездѣйствія, но еще не всѣ части оныхъ были усовершенствованы.

1807. къ отступленію, и въ глазахъ его приказалъ ити впередъ. Не прошло пяти минутъ, какъ Генералъ Фокъ получилъ тяжелую рану и мы преслѣдованы до самыхъ окоповъ. Войска авангарда потеряли, конечно, не менѣе половины наличнаго числа людей; не было почти полка, который бы возвратился съ своимъ начальникомъ, мало осталось штабъ-офицеровъ.

Великій Князь былъ свидѣтелемъ сраженія, и ему поручено Главнокомандующимъ пѣхоту и артиллерію авангарда перевесть за рѣку Алле на отдохновеніе, и кавалерію, менѣе утомленную, или мало потерпѣвавшую, присоединить къ арміи, для дальнѣйшаго дѣйствія. Въ числѣ особенно отличившихся въ сей день замѣчены Генералъ-Маіоры: Багговутъ, подъ начальствомъ его командовавшій всѣми егерями Раевскій, и Шефъ Кіевскаго драгунскаго полка Львовъ. Главнокомандующій благодарилъ меня за службу, а Великій Князь оказалъ мнѣ особенное благоволеніе.[19]

Въ слѣдъ за авангардомъ двинулись непріятельскія колонны къ окопамъ. По направленію отъ селенія Лангевизе были самыя большія усилія. Французы, не разъ отбитые, возобновляли нападеніе; войска разсѣянныя смѣнялись свѣжими. Предъ вечеромъ произведена жесточайшая атака, и нѣкоторыя изъ батарей, лежащихъ къ правому флангу, взяты. На нихъ не могъ удержаться непріятель, ибо ближайшія укрѣпленія тотчасъ обратили на нихъ огонь, а паче одно, построенное на возвышеніи, въ видѣ кавальера, господствующее надъ всею окрестностію. Не имѣя во власти сего укрѣпленія, непріятель не могъ пріобрѣсти ни какихъ успѣховъ, и по тому сильная колонна гренадеръ пошла на оное. На нѣкоторое разстояніе широкая лощина укрывала отъ выстрѣловъ, но когда вышла она изъ оной, встрѣчена было перекрестнымъ дѣйствіемъ бата-

---

[19] Ему понравился отвѣтъ, сдѣланный мною присланному отъ него адъютанту съ замѣчаніемъ, что Французская колонна слишкомъ приближается къ батареѣ, «Я буду стрѣлять, когда различу бѣлокурыхъ отъ черноволосыхъ.» Онъ видѣлъ опрокинутую колонну!

рей и картечью съ главнаго укрѣпленія. Не смотря на произведенное въ ней разстройство, дошла она до самаго рва онаго; но полки, составлявшіе прикрытіе укрѣпленія, ударили на оную въ штыки и обратили въ бѣгство въ величайшемъ замѣшательствѣ. Вся долина устлана мертвыми. Не легко было бы опрокинуть отличное сіе войско, но не могло оно противустать соединенному дѣйствію нѣсколькихъ батарей. Другія атаки, въ то же время произведенныя, не лучшій имѣли успѣхъ, и непріятель преслѣдовалъ далеко за укрѣпленія. На правомъ флангѣ не были достроены окопы, и тамъ по удобности расположена вся наша конница. Непріятель не успѣлъ на семъ пунктѣ собрать достаточнаго количества кавалеріи, и по тому Главнокомандующій приказалъ на нее ударить: не устояла она противъ стремительнаго нападенія нашей конницы, и отброшена къ самому лѣсу, гдѣ стоящая пѣхота сильнымъ огнемъ прикрыла бѣгущихъ и конницу нашу обратила. При семъ случаѣ два полка Прусской конницы дѣйствовали съ отличнымъ мужествомъ. Во многихъ мѣстахъ пѣхота выходила изъ укрѣпленій, и въ одномъ пунктѣ цѣлыми линіями произведенъ батальный огонь. Наставшая ночь прекратила сраженіе, и войска наши торжествующія возвратились въ укрѣпленія. 1807.

Непріятель, по дошедшимъ, свѣдѣніямъ потерялъ въ семъ сраженіи, убитыми и ранеными, до двѣнадцати тысячъ человѣкъ; уронъ со стороны нашей несравненно былъ менѣе. Наполеона не было при войскахъ, и сраженіе дано соединенными Маршалами.

30-го Мая, непріятель, занимая довольно большою частію войскъ позицію при селеніяхъ Беверникенъ и Лангевизе, послалъ главныя силы по направленію на Кенигсбергъ. Наша армія имѣла отдохновеніе въ окопахъ, но въ ночи на 31 число выступила къ Бартенштейну, ибо непріятель движеніемъ своимъ угрожалъ операціонной нашей линіи. Наполеонъ, понудивши оставить поспѣшно укрѣпленную позицію, доказалъ, сколько неблагоразумны

1807. Маршалы, рѣшившіеся атаковать, при всѣхъ со стороны нашей выгодахъ, и сколько безполезно данное сраженіе.

Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ отошелъ арріергардъ, который непріятельская конница догнала въ 10-ть часовъ по утру, но только издали наблюдала за слѣдованіемъ. Арріергардъ провелъ ночь, не доходя Бартенштейна.

1-го Іюня, около вечера, арріергардъ прошелъ мѣстечко Шиппенбейль. Непріятельская кавалерія была уже гораздо въ большихъ силахъ, но день кончился пустою перестрѣлкою.

Въ Шиппенбейлѣ Князь Багратіонъ получилъ повелѣніе ити поспѣшнѣе къ мѣстечку Фридландъ.

Многіе удивлены были направленіемъ арміи, но открылось, что часть кавалеріи, зашедши неосторожно въ Фридландъ, схвачена эскадронами Татарскаго уланскаго полка, и плѣнные показали, что армія идетъ къ Кенигсбергу, и только одинъ корпусъ расположенъ неподалеку, а по тому полагали, что Главнокомандующій, вознамѣрясь истребить сей корпусъ, изъ предосторожности, что будетъ онъ подкрѣпленъ другими войсками, собираетъ всю армію для вѣрнѣйшаго успѣха.

Арріергардъ прошелъ всю ночь, не останавливаясь, и съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Фридланду, слышны были изрѣдка пушечные выстрѣлы. Князь Багратіонъ послалъ впередъ егерскіе полки съ Генераломъ Раевскимъ и мнѣ приказалъ ити съ конною артиллеріею. Перешедши за рѣку въ самомъ Фридландѣ, намъ показано мѣсто на лѣвомъ флангѣ, гдѣ мы нашли гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ перестрѣлкѣ. Войска собираются отовсюду, но ихъ было еще мало. Мы смѣнили стрѣлковъ гвардейскихъ, и полкъ отошелъ назадъ. Непріятель, какъ послѣ дознано, состоялъ въ десяти тысячахъ сводныхъ гренадеръ Маршала Удино, который скрылъ недостатокъ силъ своихъ въ лѣсахъ, протягающихся параллельно занятой нами позиціи. Вскорѣ собралось большое количество нашихъ войскъ, а непріятель оставался въ томъ

же числѣ. По несчастію, Главнокомандующій былъ въ 1807.
сей день очень болѣнъ; Генералъ-Квартирмейстеръ, Баронъ Штейнгель, и новый дежурный Генералъ-Лейтенантъ, Эссенъ 1-й (Иванъ Николаевичъ), при обозрѣніи позиціи, получили однимъ выстрѣломъ контузіи, и мы нѣкоторое время не получали ни какихъ приказаній.

Надлежало напасть рѣшительно на Французскій корпусъ, который, будучи весьма разбросанъ, не могъ ни защищаться упорно, ни отступить съ удобностію. Армія, растянутая въ слѣдованіи на Кенигсбергъ, не могла подкрѣпить въ скоромъ времени, и приходящія въ помощь войска, не иначе являясь, какъ по одиночкѣ, не въ состояніи были бы устоять противъ соединенныхъ силъ всей арміи. [20] Предположа, что, по превосходству силъ непріятеля, не входило въ намѣреніе Главнокомандующаго разрѣзать армію на маршѣ, но, конечно, не упустилъ бы онъ случая истребить одинъ корпусъ. Напротивъ мы занялись продолжительною безплодною перестрѣлкою и безполезно потеряли столько времени, что прибыла кавалерія противъ праваго нашего фланга, и лѣсъ противъ арріергарда наполнился пѣхотою. Кавалерія наша опрокинута и не иначе собралась, какъ за линіями пѣхоты. Но храбрый Генералъ Графъ Ламбертъ съ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, воспользовавшись разстройствомъ преслѣдующаго непріятеля, обратилъ его, а прочіе полки, присоединившись, прогнали до самаго лѣса, откуда, не выходя во весь день, иногда показывался по опушкѣ. На лѣвомъ флангѣ лѣсъ переходилъ нѣсколько разъ въ руки арріергарда, который подкрѣпленъ былъ многими полками, но наконецъ мы уступили очевидно возраставшимъ силамъ. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ дрался съ отличною неустрашимостію. На всемъ вообще протяженіи войскъ нашихъ многія были весьма удачныя атаки, которыя, однако же, по несвязности

---

[20] Французская армія почти въ томъ же положеніи находилась, какъ и наша, когда, преслѣдуя корпусъ Маршала Бернадота къ Дейчъ-Эйлау, растянута она была на одной дорогѣ.

1807. дѣйствій, ничего рѣшительнаго не произвели. Въ шесть часовъ вечера прибылъ Наполеонъ, и вся армія соединилась. Скрывая за лѣсомъ движенія, главныя силы собрались противъ лѣваго крыла; въ опушкѣ лѣса непримѣтно устроилась батарея въ сорокъ орудій, и началась ужасная канонада. По близости разстоянія выстрѣлы были горизонтальные, и первые не могли выдержать конные полки арріергарда. Вскорѣ онъ отступилъ также. Всѣ вообще войска начали отступать къ мостамъ; къ главному изъ нихъ дорога лежитъ чрезъ городъ, и въ улицахъ отъ стѣсненія происходилъ величайшій безпорядокъ, который умножалъ дѣйствіе непріятельской артиллеріи, обращенной на городъ. Изъ направленія колоннъ видно было, что непріятель ищетъ отрѣзать отъ переправы, и чтобы остановить его, лейбъ-гвардіи Измайловскій и Павловскій гренадерскіе полки ударили на нихъ, но та же ужасная батарея остановила храбрый порывъ, и полки обратились.

Не далѣе провождала конную гвардію отличная ея храбрость. Съ арртиллеріею арріергарда успѣлъ я перейти по ближайшему понтонному мосту, не доходя города, но уже онъ былъ подъ выстрѣлами, и часть его повреждена. [21] Городской мостъ (который я назвалъ главнымъ) не извѣстно, какъ зажженъ прежде времени и безъ приказанія. Оставался одинъ мостъ, а еще большая часть войскъ и артиллеріи не переходила. Непріятель тѣснилъ ихъ къ берегу, и потеря малѣйшаго времени была опасна. Артиллерію спасъ отысканный по близости бродъ, [22] которую иначе надобно было оставить. Итакъ вся потеря подби-

---

[21] Часть артиллеріи арріергарда не имѣла уже возможности отступить на дорогѣ, и орудія спускались къ рѣкѣ прямо съ крутаго берега. Нѣсколько ящиковъ воткнулись оглоблями въ землю и брошены разбитые.

[22] Бродъ показалъ артиллеріи Полковникъ Бѣгуновъ, который, долгое время находясь въ Фридландѣ, для исправленія роты, часто ходилъ на охоту съ ружьемъ, и по тому имѣлъ знакомство съ жителями, отъ которыхъ узналъ о немъ.

тыми, оставленными на мѣстѣ и потонувшими отъ безпо- 1807.
рядка на броду, состоитъ въ тринадцати орудіяхъ. Изъ послѣднихъ перешедшихъ войскъ была 7-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, но ею въ то время командовалъ Шефъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, Поковникъ Бенардосъ, неустрашимый Грекъ. [23]

Застигла ночь, но двѣ батарейныя роты не успѣли переправиться и ужь къ броду была захвачена дорога. Генералъ-Маіоръ Графъ Ламбертъ, взявъ ихъ подъ прикрытіе Александрійскаго гусарскаго полка, прошелъ болѣе двухъ миль непріятельскимъ берегомъ до мѣстечка Алленбурга, и рано утромъ, перешедши рѣку Алле, присоединился къ арміи.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы разбить и уничтожить слабый непріятельскій корпусъ, которому, за отдаленіемъ, не могла армія дать скорой помощи, мы потеряли главное сраженіе. Не могу не повторить еще, что если бы, при самомъ началѣ сраженія, Главнокомандующій не испыталъ припадка болѣзни, дѣла наши были бы совсѣмъ въ другомъ положеніи. Нами въ продолженіи сраженія наконецъ командовалъ Генералъ-Лейтенантъ Князь Горчаковъ (Алекс. Иван.). Но ни онъ въ себѣ не нашелъ, ни войска къ нему не могли имѣть, довѣренности.

3-го Іюня, по утру арріергардъ прибылъ въ Алленбургъ. Еще засталъ онъ остатки выступавшей далѣе арміи, и безпорядокъ былъ ужаснѣйшій. Непріятель занимался построеніемъ мостовъ, и по тому имъ не воспользовался. По обѣимъ сторонамъ рѣки видны были части его кавалеріи, но онѣ не имѣли между собою сообщенія.

Безъ препятствій дошли мы до Велау. Не знаю, справедлива ли молва, что Главнокомандующій намѣревался дать сраженіе; но видно было, что строились редуты; однако сближающійся непріятель не допустилъ ихъ кончить.

---

[23] Надобно, однако же, утѣшиться; ибо Генералы дивизіи всѣ были живы. Они, вѣроятно, хотѣли испытать первые, какова была переправа.

1807. При отступленіи арріергарда посланные разъѣзды открыли отрядъ Генерала Графа Каменскаго, идущій отъ Кенигсберга, и за нимъ непріятеля въ силахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ позади соединялись дороги, и Графъ Каменскій, прошедши прежде, могъ привесть за собою непріятеля, который занялъ бы нашу дорогу. Князь Багратіонъ, благосклонно выслушивающій мои разсужденія, позволилъ мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы всю нашу кавалерію послать на лѣвый флангъ преслѣдующаго насъ непріятеля, новостію сего движенія остановить или, по крайней мѣрѣ, умедлить ходъ его и, съ пѣхотою пройдя поспѣшнѣйшимъ образомъ соединеніе дорогъ, ожидать Графа Каменскаго. Князь Багратіонъ приказалъ привести сіе въ исполненіе, и мы едва могли предупредить Графа Каменскаго, а потомъ кавалерія наша прибыла въ одно время съ послѣдними его войсками. Онъ отправился къ арміи и арріергардъ остался одинъ.

При селеніи Таплакенъ, по удобству мѣстоположенія, дождались мы непріятеля, и довольно горячая сшибка съ передовыми его войсками была совершенно въ пользу нашу.

Въ двѣнадцати верстахъ не доходя Тильзита, нашли мы дожидающіеся полки кавалеріи и приказаніе Главнокомандующаго удерживать непріятеля, дабы армія имѣла время перейти за Нѣменъ. Широкая рѣка сія протекаетъ у самаго Тильзита и на ней только одинъ мостъ. Нельзя было, по обширности города, превратить его въ мостовое укрѣпленіе (tête de pont), и по тому каждый изъ насъ видѣлъ, сколько трудное порученіе возложено на Князя Багратіона, и какой опасности подвержено отступленіе арріергарда, имѣя одинъ мостъ и такое множество кавалеріи. Арріергардъ расположился въ боевой порядокъ, дано повелѣніе, во что бы ни стало, удерживаться до ночи. Князь Багратіонъ, оставивъ при арріергардѣ прежнюю его конницу и Казаковъ, къ общему всѣхъ удовольствію, отпустилъ всю прочую кавалерію, дабы она не сдѣлала препятствій при переправѣ. Мы готовились къ послѣднему сраженію на землѣ союзни-

ковъ! Передовые наши посты, отстрѣливаясь, привели на- 1807.
конецъ непріятеля довольно на близкое разстояніе. Рѣшительность, съ которою мы его ожидали, надобно думать, внушила къ намъ уваженіе и, конечно, непріятель одного былъ съ нами мнѣнія, что не равными силами преодолѣть насъ было возможно, а по тому остатокъ дня провелъ въ бездѣйствіи. Онъ ожидалъ прибытія своей арміи, мы нетерпѣливо ожидали приближенія ночи.

Арріергардъ пришелъ по утру въ Тильзитъ, и тотъ часъ вся конница, Казаки и артиллерія отправлены за Нѣменъ; за ними перешла линѣйная пѣхота. Въ городѣ остались одни егерскіе полки, мостъ приготовленъ къ скорѣйшему сожженію. Около девяти часовъ утра непріятель въ большихъ весьма силахъ подошелъ къ городу и началъ обозрѣніе. Мы оставили его, и едва успѣли егерскіе полки перейти мостъ, какъ на опомъ явился съ кавалеріею Маршалъ Принцъ Мюратъ, и мостъ загорѣлся почти подъ самою его лошадью.

Непріятель занялъ городъ. По берегу, несравненно возвышенному надъ нашимъ, стала многочисленная артиллерія; въ продолженіи дня собралась вся армія и охватила всю окрестность, и мы, не угадывая послѣдствій, не безъ страха ожидали происшествій.

Армія наша была малочисленна и въ безпорядкѣ. Ее крайне ослабили отлучившіеся отъ Полковъ люди при отступленіи отъ Фридланда и на пути до Нѣмена. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежемъ себѣ пропитаніе, и въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ перешли Нѣменъ въ Юрбургѣ, Олитѣ, Меречѣ, и нѣкоторыя даже въ Гроднѣ. Въ доказательство безпорядка приведу слѣдующіе примѣры. Изюмскій гусарскій полкъ забытъ въ Пруссіи на квартирахъ, гдѣ находился для поправленія лошадей; узнавши отъ жителей о Фридландскомъ сраженіи, пошелъ онъ къ арміи, но встрѣчающіеся повсюду наши и Французскіе мародеры истолковали ему, что армія отступаетъ, и полкъ отправился за

1807. Нѣменъ и перешелъ его благополучно. Также забытъ Полковникъ Сысоевъ съ Донскими полками, но гораздо далѣе. Онъ встрѣчался съ войсками непріятеля, дрался съ ними, проходилъ ихъ квартирами, бралъ плѣнныхъ и за Нѣменомъ присоединился къ арміи. Не исключая и самой артиллеріи, часть оной, не получивши во время приказанія, сама избрала направленіе и, отдѣльно слѣдуя отъ арміи, перешла въ Юрбургѣ чрезъ Нѣменъ, изыскавши бродъ, который до того былъ не извѣстенъ. [24]

Армія не въ большомъ разстояніи отъ берега расположилась лагеремъ; лѣсистое мѣстоположеніе весьма кстати ея безсилію. Авангарду приказано стать на самомъ берегу. Князь Багратіонъ, по приказанію Главнокомандующаго, послалъ отъ имени своего Адъютанта съ предложеніемъ перемирія. Онъ представленъ къ Принцу Мюрату, потомъ къ Принцу Бертье, и ему объявлено, что Наполеонъ желаетъ мира, не перемирія! На другой день съ объясненіемъ о томъ пріѣхалъ въ главную квартиру Принцъ Бертье, и послано донесеніе Государю, который находился въ мѣстечкѣ Шавлѣ. Чрезъ два дня прибылъ Государь къ арміи, и Генералъ отъ инфантеріи Князь Лобановъ-Ростовскій отправленъ къ Наполеону, вскорѣ послѣ чего заключено перемиріе и приступлено къ переговору о мирѣ.

Между тѣмъ положено свиданіе Государя съ Наполеономъ, и оно пріуготовлено на срединѣ Нѣмена, гдѣ съѣхались они въ одно время. Король Прусскій находился съ нами на берегу! Чрезъ нѣсколько дней Государь переѣхалъ въ Тильзитъ, гдѣ среди, Французской арміи, караулъ его состоялъ изъ одного баталіона гвардіи Преображенскаго полка и двухъ эскадроновъ лейбъ-гусарскаго полка. Вскорѣ заключенъ миръ; всѣ выгоды онаго были на сторонѣ Наполеона; имъ всѣ изъявленія почтенія, то есть,

---

[24] Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій? Кажется, Полковнику Адеркассу. И кто же осмѣлился бы оспаривать ее у Нѣмца? ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найти Русскаго въ Генералъ-Квартирмейстеры.

всѣ онаго наружности оказаны Государю. Не отказано 1807
желаніе, чтобы былъ принятъ и Король Прусскій. Наполеонъ показывалъ маневры своихъ войскъ. Государь въ лагерѣ ихъ былъ принятъ съ блистательною почестью, каковая обыкновенно отдается самому Наполеону. Свиту Государя составляли всѣ Маршалы и множество Генераловъ. Наконецъ приглашаема къ обѣдамъ Королева Прусская. Красавица съ наполненными слезъ глазами, стараясь казаться веселою, предстала побѣдителю, противъ котораго возбуждала она къ войнѣ свои ополченія. Между тѣмъ арміи начали возвращаться въ свои предѣлы и назначенъ день прощанья. Вся гвардія Наполеона въ новой одеждѣ (благодаря Пруссіи), въ блистательнѣйшемъ порядкѣ и въ головѣ колонны баталіонъ Преображенскаго полка, прошли мимо обоихъ Императоровъ, и они, простившись, въ одно время выѣхали изъ Тильзита.

Войска арріергарда возвращены въ дивизіи, коимъ они принадлежали; мы всѣ, служившіе подъ командою Генерала Князя Багратіона, проводили любимаго начальника съ изъявленіемъ искренней приверженности. Кромѣ совершенной довѣренности къ дарованіямъ его и опытности, мы чувствовали разность обхожденія его и прочихъ Генераловъ. Конечно, никто не напоминалъ менѣе о томъ, что онъ начальникъ, и никто не умѣлъ лучше заставить помнить о томъ подчиненныхъ. Солдатами онъ былъ любимъ чрезвычайно. Я, простясь съ товарищами, отправился въ Россію.

Итакъ кончилъ я войну съ самаго начала оной и до заключенія мира въ должности начальника артиллеріи въ авангардѣ. По особенному счастію моему, не потерялъ я въ ротѣ моей ни одного орудія, тогда какъ многіе, въ обстоятельствахъ гораздо менѣе затруднительныхъ, лишались оныхъ. Вообще изъ артиллеріи, бывшей въ командѣ моей, брошено одно орудіе Псковскимъ мушкатерскимъ полкомъ, но и тутъ нельзя упрекнуть артиллерійскаго офицера.[25] Я

[25] Въ сраженіи при Гейльсбергѣ многія изъ орудій впадали въ руки непріятеля, ибо приказано было мною офицерамъ менѣе заботиться о сохраненіи пушекъ, какъ о томъ, чтобы въ самомъ близкомъ разстояніи послѣдними выстрѣлами заплатили за себя, если будутъ осте-

1807. имѣлъ счастіе пріобрѣсти благоволеніе Великаго Князя Константина Павловича, который о службѣ моей отзывался съ похвалою. Князя Багратіона пользовался я особеннымъ благорасположеніемъ и довѣренностію. Онъ дѣлалъ мнѣ порученія по службѣ, не одному моему званію принадлежащія. Два раза представленъ я имъ къ производству въ Генералъ-Маіоры, и онъ со стороны своей дѣлалъ возможное настояніе, но по тому безуспѣшно, что не было еще до того производства за отличіе, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискалъ уваженіе, подчиненные были ко мнѣ привязаны. Словомъ, по службѣ открывались мнѣ новые виды и надежда менѣе испытывать непріятностей, нежели прежде. Въ продолженіи войны я получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Голиминѣ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; при Прейсишъ-Эйлау Св. Владиміра 3 й степени; при Гутштадтѣ и Пасаргѣ Св. Георгія 3-го класса и при Гейльсбергѣ алмазные знаки Св. Анны 2-го класса.

влены. Истолковано имъ, что гораздо менѣе вреда потерять пушки, нежели, для спасенія ихъ, увозя заблаговременно, лишать войска покровительства, а часто и самаго охраненія, единственно отъ нихъ зависящаго. Поставлены офицерамъ въ доказательство случаи, собственно въ авангардѣ происшедшіе, что батареи, оставаясь на мѣстѣ до послѣдней крайности, не взяты непріятелемъ, при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ. Приведены примѣры, что самыя малыя части войскъ не могли быть преодолѣны превосходными силами, единственно отъ того, что непріятель не могъ устрашить артиллеріи и заставить ее удалиться; что если бы офицеръ, боясь потерять орудія, и для того въ опасности оставилъ свое мѣсто, войска были бы преданы неминуемому истребленію. Я выдавалъ кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ свидѣтельства, когда отбивали они захваченныя непріятелемъ орудія, и они получали по онымъ надлежащую награду. По таковымъ свидѣтельствамъ данъ орденъ Св. Георгія Финляндскаго драгунскаго полка Полковнику Фитингофу, конно-Польскаго полка Подполковнику Буняковскому и Лифляндскаго драгунскаго полка Маіору Римскому-Корсакову. Сими офицерами возвращены всѣ потерянныя при Гейльсбергѣ орудія. О распоряженіи моемъ, спасающемъ отвѣтственность за оставленныя орудія, извѣстно было начальству и доведено до свѣдѣнія самаго Государя, который въ послѣдствіи весьма милостиво о томъ меня спрашивалъ.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ЕРМОЛОВА.

ОТЪ ОКОНЧАНІЯ ВОЙНЫ ВЪ ПРУССІИ

ДО КАМПАНІИ 1812 ГОДА.

ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ЕРМОЛОВА.

Отправившись изъ Тильзита въ Россію, проѣзжалъ я 1807.
Вильну, гдѣ нашелъ Генерала Беннингсена. Онъ принялъ меня съ тою же благосклонностью, каковую оказывалъ мнѣ съ самой моей молодости. Разговаривая о войнѣ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣтняя кампанія въ Пруссіи производилась совершенно не такъ, какъ онъ желалъ. Ему обѣщано было подкрѣпленіе изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ которыми намѣревался онъ, вмѣстѣ съ раннею весною, начать дѣятельную кампанію, когда силы Наполеона развлечены были осадою Данцига. Подкрѣпленіе умедлено и назначено наконецъ къ первому числу Мая непремѣнно, но совсѣмъ тѣмъ по день заключенія мира не прибыло къ арміи ни одного человѣка. Подкрѣпленіе сіе состояло изъ двухъ дивизій рекрутъ, предъ самымъ походомъ получившихъ оружіе, употребленіе коего совершенно было имъ незнакомо. Не менѣе половины сихъ рекрутъ, проходя Минскую и Виленскую Губерніи, оставлены въ госпиталяхъ.

Генералъ Беннингсенъ говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ Государю, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, отправить къ Наполеону ловкаго человѣка, который, предложивъ о размѣнѣ плѣнныхъ, старался бы извѣдать средства, наклонить его къ миру и надѣялся заключить выгодный.[1]

---

[1] Онъ назначилъ на сіе Генералъ-Маіора Хитрова (Николая Ѳедоровича), который, въ пребываніе свое въ Парижѣ, былъ весьма ласкаемъ Наполеономъ.

1807. Въ мѣстечкѣ Шкловѣ присоединился я къ дивизіи (названія не помню), расположенной лагеремъ. Въ концѣ Августа прибылъ Инспекторъ всей артиллеріи, Графъ Аракчеевъ, осмотрѣлъ артиллерію, распредѣлилъ укомплектованіе оной и, продолжая прежнее неблаговоленіе, приказалъ мнѣ оставаться въ лагерѣ по 1-ое число Октября, когда всѣмъ прочимъ артиллерійскимъ бригадамъ назначено ити по квартирамъ 1-го Сентября. Къ сему весьма грубымъ образомъ прибавилъ онъ, что я долженъ былъ пріѣхать къ нему въ Витебскъ, для объясненія о недостаткахъ. Я отвѣчалъ, что неблагорасположеніе ко мнѣ не должно препятствовать разсмотрѣнію моихъ рапортовъ. Оскорбили меня подобныя грубости, и я не скрывалъ намѣренія непремѣнно оставить службу. Узнавши о семъ, Графъ Аракчеевъ призвалъ меня къ себѣ и предложилъ дать мнѣ отпускъ, для свиданія съ родственниками, приказавъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы со мною лучше познакомиться.

Я поступилъ въ 9-ю дивизію Генералъ-Лейтенанта Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, сына великаго Суворова, и квартира моя назначена въ мѣстечкѣ Любарѣ на Волынѣ.

1808. Вскорѣ получилъ я Высочайшій рескриптъ на мое имя и деньги для награжденія нижнихъ чиновъ, отличившихся храбростію. Это былъ первый примѣръ подобной награды!

Въ то же время Графъ Аракчеевъ писалъ мнѣ, что о наградѣ ходатайствовалъ онъ, желая доказать уваженіе его къ отличной моей службѣ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я, когда Графъ Аракчеевъ изъ Инспекторовъ всей артиллеріи поступилъ въ званіе Военнаго Министра. Онъ принялъ меня съ особеннымъ благоволеніемъ и встрѣтилъ объявленіемъ новой награды. Государь пожаловалъ, въ знакъ отличія, нашивки на мундиръ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ моей и Князя Яшвиля. Самъ представлялъ меня Императору, и мнѣ не трудно было видѣть, что предупредилъ его въ мою пользу.

Пробывъ въ Петербургѣ три дня, я подалъ Графу Арак- 1808.
чееву записку о томъ, что, во время ссылки моей, при покойномъ Государѣ, Павлѣ I-мъ, многіе обошли меня въ чинѣ, и что, по тому, состою я почти послѣднимъ Полковникомъ по артиллеріи. Я объяснилъ ему, что если не получу я принадлежащаго мнѣ старшинства, я почту и то не малою выгодою, что ему, какъ Военному Министру, извѣстно будетъ, что я лишенъ былъ службы не по причинѣ неспособности къ оной. Не получивъ отвѣта на поданную записку, въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Петербурга. Остановившись въ Орлѣ у моихъ родныхъ, получилъ извѣстіе, что я, при общемъ производствѣ по артиллеріи, пожалованъ Генералъ-Маіоромъ и назначенъ Инспекторомъ части конно-артиллерійскихъ ротъ, съ прибавленіемъ къ жалованью двухъ тысячъ рублей.

Въ семъ новомъ званіи отправился я для осмотра кон- 1809.
ной артиллеріи въ Молдавской арміи, подъ начальствомъ отличнаго долголѣтіемъ Фельдмаршала, Князя Прозоровскаго, коего главная квартира находилась въ Яссахъ. Военныя дѣйствія были прекращены на нѣкоторое время. Я былъ свидѣтелемъ перехода войскъ въ лагерь при Кальени, знаменитый зарожденіемъ ужасныхъ болѣзней въ войскахъ и истребленіемъ большаго числа оныхъ. Ни какія убѣжденія не сильны были отклонить отъ занятія убійственнаго сего лагеря. Войска дѣлали марши не болѣе 15 верстъ, и рѣдко употребляли на то менѣе десяти часовъ; ибо устроенныя въ большія каре и въ срединѣ оныхъ имѣя тяжелые обозы, медленно двигались они, по большой части безъ дорогъ. Фельдмаршалъ не преставалъ твердить, что онъ пріучаетъ войска къ маневрамъ. Подверженныя нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и Фельдмаршалъ, вскорѣ преселившійся въ вѣчность, отправилъ впередъ себя армію, не менѣе той, каковую послѣ себя оставилъ. Въ Валахіи начальствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Милорадовичъ, и рѣдкій день не было праздника, которые онъ дѣлалъ самъ и другихъ заставлялъ дѣлать, для забавы своей любезной. Я жилъ очень весело, бывалъ на празд-

1809 никахъ, ѣздилъ на гулянья, выслушивалъ разсказы его о побѣдахъ, и между прочими о сраженіи при Обилешти. «Я, узнавши о движеніи непріятеля, говорилъ онъ, пошелъ на встрѣчу; по слухамъ, былъ онъ въ числѣ 16,000 человѣкъ; я написалъ въ реляціи, что разбилъ 12,000, а въ самомъ дѣлѣ было Турокъ не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ». Предпріимчивость его въ семъ случаѣ дѣлаетъ ему много чести!

Изъ арміи поѣхалъ я, чрезъ Бендеры и Одессу, въ Крымъ. Обозрѣвъ всѣ древности, прелестный полуденный берегъ, пробылъ я нѣкоторое время въ Карасу-Базарѣ, гдѣ стояла одна рота моей инспекціи. Возвратясь чрезъ Харьковъ, я видѣлъ довольно большую часть полуденнаго края Россіи.

Въ составѣ арміи, назначенной противъ Австрійцевъ, подъ командою Генерала Князя Голицына (Сергѣя Ѳедоровича), поступила дивизія, къ которой я принадлежалъ; но я оставленъ начальникомъ отряда резервныхъ войскъ въ числѣ 14,000 человѣкъ, въ Губерніяхъ Волынской и Подольской. [1]

Военнымъ Министромъ дано повелѣніе занять войсками границы обѣихъ сихъ Губерній; ибо многіе изъ дворянъ перебѣгали и уводили съ собою большое число людей и лошадей въ Герцогство Варшавское, гдѣ формировалась Польская армія. По сему порученію я доносилъ непосредственно Военному Министру, Графу Аракчееву, и имъ одобрены мои распоряженія. Для обузданія своевольныхъ, дана мнѣ власть, захватываемыхъ при переходѣ чрезъ границу, не взирая на лица, отсылать въ Кіевъ, для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Я рѣшился приказать тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ,

---

[1] Въ первый разъ въ составъ резервовъ взяты отъ полковъ два баталіона и отъ кавалерійскихъ полковъ по одному и по два эскадрона, артиллерія же полными ротами.

и начальство довольно было моею рѣшительностію. Я упо- 1809.
треблялъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ.

По окончаніи войны противъ Австрійцевъ, армія наша возвратилась изъ Галиціи, и часть оной, расположась въ Волынской Губерніи, понудила отрядъ мой вывести въ Кіевскую, Полтавскую и Черниговскую Губерніи. Квартира моя изъ Дубна перенесена въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Волынскою Губерніею оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что я страстно любилъ W., дѣвицу прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизнь приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія съ обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрятъ, что пищу можно замѣнять нѣжностями. Впрочемъ, господствующею страстію была служба, и я не могъ не знать, что только ею одною могу достигнуть средствъ нѣсколько пріятнаго существованія. И такъ надобно было превозмочь любовь! Не безъ труда, но я успѣлъ.

Дивизія, къ которой я принадлежалъ, вскорѣ, по воз- 1810.
вращеніи изъ Галиціи, отправлена въ Молдавію, но я, по прежнему, оставленъ съ резервомъ. Я писалъ о перемѣнѣ назначенія моего Графу Аракчееву, но въ самое то время на мѣсто его Военнымъ Министромъ назначенъ Генералъ Барклай де Толли, которому я мало былъ извѣстенъ. Всѣ занятія мои въ Кіевѣ ограничивались употребленіемъ порученныхъ мнѣ войскъ на построеніе новой крѣпостцы на Звѣринской горѣ. Избавляясь ужасной скуки, объѣзжалъ я войска въ квартирномъ ихъ расположеніи и занимался сформированіемъ двухъ конно-Татарскихъ полковъ, Евпаторійскаго и Симферопольскаго. При росписаніи всей кавалеріи, непонятнымъ образомъ поручены артиллерійскому Генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двухъ лѣтъ прожилъ я въ Кіевѣ, и тяготила меня служба ничтожная и чести не приносящая. Съ другой стороны льстило меня благосклонное мнѣніе начальства,

1810. и Генералъ Князь Багратіонъ, назначенъ будучи Главнокомандующимъ Молдавской арміею, просилъ объ опредѣленіи меня начальникомъ артиллеріи въ арміи, на что не послѣдовало соизволенія. Постунившій на мѣсто его Главнокомандующимъ, Генералъ Графъ Каменскій, проѣзжая Кіевъ, предложилъ мнѣ служить съ собою. За величайшее благодѣяніе принялъ я предложеніе его, и ожидалъ, въ званіи Бригаднаго Командира, имѣть два полка, на которые весьма охотно промѣнивалъ я отрядъ изъ 14 тысячъ человѣкъ, преобразованныхъ въ лопатники. Прибывши въ армію, Графъ Каменскій представилъ Государю о назначеніи меня дежурнымъ Генераломъ. Свыше ожиданія моего было сіе назначеніе, и я съ восхищеніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ армію. Главнокомандующій былъ въ особенной довѣренности у Государя, и всѣ представленія его были утверждаемы; но въ разсужденіи меня онъ получилъ отказъ, и ему отвѣтствовано, что я надобенъ въ настоящей должности.

Также сдѣлано было предложеніе замѣнить мною умершаго Генералъ-Маіора Графа Цукато, который съ отдѣльною частью войскъ дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ Сербами, противъ Видинскаго Паши. На сіе сказано, что я молодъ! Надлежало разумѣть въ семъ случаѣ старшинство въ чинѣ, ибо многимъ въ меньшихъ лѣтахъ не было упрекаемо въ молодости. Не могло счастіе представить болѣе случаевъ, льстящихъ честолюбію, особенно служащему безъ покровительства; но тѣмъ болѣе огорчала меня неудача, что въ настоящемъ чинѣ, не будучи еще употребленъ противъ непріятеля, я желалъ первые опыты сдѣлать противъ Турокъ, гдѣ ошибки легко поправляемы, или, по крайней мѣрѣ, менѣе вредны. Мнѣ нужна была опытность и случай оказать нѣкоторыя способности; ибо, служа во фронтѣ артиллерійскимъ офицеромъ, я могъ быть извѣстенъ одною смѣлостію, а одна таковая въ чинѣ Генералъ-Маіора меня уже не удовлетворяла.

Итакъ, оставаясь по прежнему въ Кіевѣ, долженъ я былъ назначеніе мое почитать продолжительнымъ.

Получивши на короткое время увольненіе въ отпускъ, 1811.
проѣхалъ я въ Петербургъ. Я представленъ былъ Государю въ кабинетѣ, что предоставляемо было не менѣе, какъ дивизіоннымъ начальникамъ. Слухъ носился о рождающихся неудовольствіяхъ съ Наполеономъ, съ которымъ рѣдко можно кончить ихъ иначе, какъ оружіемъ. Многіе къ симъ причинамъ относили благосклонный пріемъ, дѣлаемый военнымъ. Не имѣя сего самолюбія, боялся я въ душѣ моей на случай войны остаться въ резервѣ. Инспекторъ всей артиллеріи, Баронъ Меллеръ-Закомельскій хотѣлъ употребить стараніе о переводѣ меня въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовалъ я себя годнымъ, и возвратился въ Кіевъ. Вскорѣ за симъ Военный Министръ увѣдомилъ письмомъ, что Государь желаетъ знать, согласенъ ли я служить въ гвардіи командиромъ артиллерійской бригады? Я отвѣчалъ, что, служа въ арміи и болѣе будучи употребляемъ, я надѣюсь обратить на себя вниманіе Государя; что, по состоянію, не могу содержать себя въ Петербургѣ, а безъ заслугъ ни чего выпрашивать не смѣю. Высочайшій приказъ о переводѣ меня въ гвардію былъ отвѣтомъ на письмо мое! Не могъ я скоро отправиться къ новому моему назначенію; ибо, переломивъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, я долго былъ болѣнъ.

По донесенію о семъ Государю, присланъ курьеръ узнать о моемъ здоровьѣ, и Военному Губернатору приказано каждыя двѣ недѣли увѣдомлять о немъ. Удивленъ я былъ симъ вниманіемъ, и сталъ сберегать руку, принадлежащую гвардіи. До того менѣе я заботился объ армейской головѣ моей!

За два мѣсяца до окончанія года, пріѣхалъ я въ Петербургъ и вступилъ въ командованіе бригадою, не входя въ хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгодъ. Государь принялъ меня съ обыкновенною милостію, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною въ столицѣ. Великій Князь, со времени послѣдней кампаніи, постоянно былъ мнѣ благосклоннымъ.

1811 Изломанная рука моя доставляла мнѣ возможность не во всѣхъ участвовать ученьяхъ и разводахъ, которыя большую часть времени отнимаютъ у служащихъ въ Петербургѣ, и я былъ довольно свободнымъ. Вскорѣ вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій, вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ, въ бригаду, въ которую Государь назначилъ меня командиромъ, съ сохраненіемъ артиллерійской бригады. Къ жалованью моему прибавлено въ годъ по 6,000 рублей.

1812. Такимъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилось вдругъ состояніе бѣднаго армейскаго офицера, и я могу служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ, подобныхъ мнѣ. Въ молодости моей началъ я службу подъ сильнымъ покровительствомъ, и вскорѣ лишился онаго. Въ царствованіе Императора Павла I-го содержался въ крѣпости, и отправленъ въ ссылку на вѣчное пребываніе. Всѣ младшіе по службѣ сдѣлались моими начальниками, и я при нынѣшнемъ Государѣ вступилъ въ службу безъ всякихъ выгодъ, испытывалъ множество непріятностей, по неблаговоленію начальства, всего достигалъ съ большими усиліями, по очереди, и не рѣдко, съ равными правами на награду, не равные имѣлъ успѣхи со многими другими. Въ доказательство сего скажу примѣръ, теперь со мною случившійся. Отряды резервныхъ войскъ поручены были артиллеріи Генералъ-Маіорамъ, Князю Яшвилю и Игнатьеву, но по расположенію моего отряда на границѣ, на мнѣ одномъ возлежала стража оной, и съ большею властію большая отвѣтственность. Имъ обоимъ данъ орденъ Св. Анны перваго класса, мнѣ даже не изъявлено благодарности.

О сдѣланной мнѣ обидѣ объяснился я съ Военнымъ Министромъ, Барклаемъ де Толли, который, съ важностію Нѣмецкаго Бургомистра, весьма хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: «Правда, что я упустилъ изъ виду службу вашу.» Я желалъ бы въ сію минуту видѣть въ немъ знатнаго человѣка, и отказъ, мнѣ сдѣланный, былъ бы приправленъ вѣжливостію. Не менѣе сего досаденъ мнѣ былъ отказъ на представленіе Инспектора всей артиллеріи, коимъ про-

силъ онъ опредѣлить меня начальникомъ артиллеріи въ 1812.
Молдавскую армію, подъ предводительствомъ Генерала Кутузова, благосклонно расположеннаго ко мнѣ. Послѣ сего, поданною запискою Военному Министру, объяснилъ я необходимость лѣчиться Кавказскими минеральными водами, и просилъ объ опредѣленіи меня на линію Бригаднымъ командиромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, по особенному благоволенію ко мнѣ Государя, я хочу заставить дать себѣ награду, и прошу объ удаленіи, зная, что на оное не будетъ согласія. Итакъ я успѣлъ только, къ общему всѣхъ удивленію, разгорячить ледовитаго Нѣмца, который изъяснился съ великимъ жаромъ. Вскорѣ за симъ я удостовѣрился, что весьма трудно перемѣнить мое назначеніе; ибо когда Инспекторъ всей артиллеріи (по согласію моему) вошелъ съ докладомъ о препорученіи мнѣ осмотра и приведенія въ оборонительное положеніе крѣпости Рижской и мостоваго укрѣпленія при Динабургѣ,[3] Государь, не изъявивъ соизволенія, приказалъ мнѣ сказать, что впредь назначенія мои будутъ зависѣть отъ него, и что я ни въ комъ не имѣю нужды. Когда же увидѣлъ меня, спросилъ, сообщено ли мнѣ его приказаніе, и прибавилъ: «За что гонятъ тебя изъ Петербурга? Однако же я помѣшалъ, и безъ того много будетъ дѣла.» Не смѣлъ я признаться, что желалъ симъ перемѣнить родъ моей службы, и доволенъ былъ, что Военный Министръ не довелъ до свѣдѣнія о поданной мною запискѣ.

Въ такомъ положеніи прошло время до Марта мѣсяца, въ началѣ коего выступила гвардія въ Литовскую Губернію. Его Высочество Цесаревичъ повелъ колонну, составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ моей командою, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.

Qua fata trahunt retrahuntque, sequamur.
Virgilius.

---

[3] Инспекторъ всей артиллеріи желалъ доставить мнѣ случай получить награду, которая дана Генералъ-Маіорамъ Князю Яшвилю и Игнатьеву.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

В. Гнилки или весеннія

ХОРОВОДНЫЯ ПѢСЬНИ НА СВЯТОЙ.

1.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ранняя весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Парубоцькую красу.
Порубоцька краса
А въ мази мочена,
На калужи прана,
Въ дѣгти крохмалена,
На терню вѣшена,
На вѣтри сушена,
На припѣчку качена,
А въ гробу схована,
Затулою заткана,
Коцюбою замкнена». —

Ранная весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Панянскую красу,
Панянская краса,
У пивѣ мочена,
На Дунаю прана,
Въ винѣ крохмалена,
На шнурку вѣшена,

B. Гилки или весеннія

хороводныя пѣсьни на святой.

1.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ранняя весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Парубоцькую красу.
Порубоцька краса
А въ мази мочена,
На калужи прана,
Въ дѣгти крохмалена,
На терню вѣшена,
На вѣтри сушена,
На припѣчку качена,
А въ гробу схована,
Затулою заткана,
Коцюбою замкнена». —

Ранная весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Панянскую красу,
Панянская краса,
У пивѣ мочена,
На Дунаю прана,
Въ винѣ крохмалена,
На шнурку вѣшена,

На сонѣньку сушена
На магли маглёвана,
А въ скриню схована,
Ключикомъ замкнена».

2.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Панянскую красу;
Паняньская краса,
Якъ на веснѣ роса.
Панянская краса
Въ меду ся купала,
Въ меду купала,
Въ винѣ выплывала,
Въ винѣ выплывала,
Въ Дунаю ся прала, 2.
На шпурахъ вѣшала, 2.
На сонцѣ сушила, 2.
Въ магли маглювала, 2.
Въ папѣръ завивала, 2.
А въ скриню ховала».

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Парубоцьку красу,
Якъ у зимѣ росу;
Парубоцька краса
Въ мази ся купала, 2
Въ дѣгти выплывала, 2.
Въ калужи ся прала, 2.
На терну вѣшала. 2.

На вѣтри сушила, 2,
На лавѣ качала, 2,
Въ вонучи звивала 2.
Пôдъ лавку сховала». —
Ой вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Ой принесла жъ я вамъ,
Ой бабскую красу,
А восённую росу;
Ой бабская роса
Въ пивѣ ся купала,
Въ горѣвцѣ выплывала,
На рѣцѣ ся прала,
На плотѣ вѣшала,
Въ холодѣ сушила,
На лавцѣ качала,
Въ вонучи звивала,
Въ ковбыцю ховала».

3.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой дубрôвная зазуле, зазуле,
Ой не куй рано въ дубровѣ, 2.
Не збуди матêнку въ коморѣ! 2.
Бо моя матêнка старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Скаже она менѣ робити, 2.
Пôдъ гору камêнь точити 2.
Поточу я камêнь на мѣсто, 2.
Принесу панянкамъ злоцйсто, 2.
А паробочкамъ шлыйще, 2.
Та на ихъ чорне шійще. 2.
Де вы, паняпоньки, бували, 2.

Якъ тѝ дубрôвоньки палали? 2.
«Ой а мы дубровы гасили, 2.
Цебриками воду носили: 2.
Кôлько въ цебрыку водицѝ, 2.
Тôлько въ панёнкахъ правдицѝ». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы парубочки бували, 2.
Ой якъ дубровоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2,
Капелюхомъ воду носили: 2.
Кôлько въ капелюсѣ водицѝ, 2.
Тôлько въ парубучкахъ правдицѝ». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы старѝ бабы бували, 2.
Якъ тѝ дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2.
Чепчиками воду носили: 2.
Кôлько въ чепчику водицѝ, 2.
Тôлько въ старыхъ бабахъ правдицѝ». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы старѝ дѣды бували, 2.
Якъ тѝ дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровы гасили, 2.
Решетами воду носили: 2.
Кôлько въ решетѣ водицѝ, 2.
Тôлько въ старыхъ дѣдахъ правдицѝ». 2

4.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Панъ Коколенскій
По городу ходитъ,
По городу ходитъ,
Чеглядоньку будитъ:

«Вставай, чеглядонько,
Городъ городити.
Городъ городити,
Терняньком тернити,
Щобы не злетѣла
Сива ей зазуленька.
Щобы не сфатила
Панянскои красы;
Бо панянска краса
У меду мочена,
У меду мочена,
На столѣ качена,
На столѣ качена,
У скриню зложена,
Колодковъ замкнена.

Панъ Коколенскій, и проч.

Щобы не сфатила
Парубоцьку красу;
Парубоцька краса,
Въ помыяхъ мочена,
Въ помыяхъ мочена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ лавовъ зложена,
Колодковъ замкнена.

5.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!
Та повѣдай, кôзле, правду!
«Що жъ ти маемъ повѣдати,
Коль нѣчого й не чувати?» —

Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину». —

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ порубочки скачутъ,
Та якъ парубочки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старй бабы скачутъ?
Та якъ старй бабы скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старй дѣды скачутъ?
Та якъ старй дѣды скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

6.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А. Ой самъ же я, самъ я ходжу, самъ я ходжу. —
Б. Де жь ты свои дѣти подѣвъ, дѣти подѣвъ? —
А. Потонули въ быстрой рѣцѣ по волоцѣ. —
Б. Бодай же ты самъ бувъ пропавъ, самъ бувъ пропавъ! —
А. А я собѣ що найкращу, що найлутшу выволочу.

7.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А ты, зазуленько дубрóвна, дубрóвна,
Та не куй рано въ дубровѣ, дубровѣ,
Та закуй менѣ въ коморѣ, въ коморѣ!
Та вода по камени зъ тиха йде, зъ тиха йде.
Въ мене матусенька старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Та казала менѣ робити, 2.
Та решетомъ воду носити, 2.
Та зъ попелу дѣжу мѣсити! 2.

Де вы, парубоньки, бували, 2.
Якъ сѝ дубровоньки впалали? 2.
Та решетомъ воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Де вы, паняночки, бували, 2.
Якъ тѣ дубровоньки впалали? 2.
Коновками воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Господарѝ сѣютъ пшеницю, 2.
А парубки сѣютъ мѣтлицю; 2.
Господарѝ ѣдутъ на коняхъ, 2.
А парубки ѣдутъ на свиняхъ; 2.
Господарѝ мыютъ руки водою; 2.
А парубки мыютъ золою, 2.
Господарѝ ходятъ въ сорочкахъ, 2.
А парубки ходятъ въ драночкахъ. 2.
А вы, парубоньки, до гною, 2.
А вы, паняноньки, до строю! 2.
А вы, парубоньки, до цѣпа, 2.
А вы, паняноньки, до хлѣба! 2.
А вы, парубоньки, до лѣса, 2.
А вы, паняноньки, до мѣста! 2.

А вы, парубоньки, до лѣса рубати,
А вы, паняноньки, до мѣста гуляти!
А вы, парубоньки, до леду, до леду,
А вы, паняноньки, до меду, до меду!

8.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Тестя шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ же я си
Любого тестя,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Миленьку шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ я си
Миленьку мою.

Ой а тожъ бо мôй, миленькій тестеньку,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!
А ты, тестеньку, горѣвки накури!
Та жоно жъ моя, жоно!

Та любе мое серденько!
А ты, тещенько, хлѣба напечи!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагроньку, коня осѣдлай!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагрова, хусточку гафтуй!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, миленька, лóжко застели!
Та жоно жъ моя, и проч.
Тобѣ, тещенько, горѣвку выпивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, тещеньку, хлѣба изъѣвши!
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагруню, коника зъѣздивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагрова, хусточку зходивши,
Та жоно жъ, и проч.
А зъ тобовъ, миленька, выспавши,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!

9.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Дѣвушки становятся въ кругъ, взявшись за руки, а одна въ серединѣ.

Всѣ кругомъ обращаясь:

Що жъ я, бѣдна, учинила!
Кострубонька не злюбыла!
Пріѣдь, пріѣдь, Кострубоньку,
Стану рано до шлюбоньку,
А въ недѣлю пораненьку,
На тóмъ бѣлымъ камененьку.

Изъ середки одна:

Помагай, Бôгъ, вамъ!

Всѣ:

Дай, Боже, здоровля!

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Поѣхавъ ся женити.

Изъ середки одна:

Бѣдна жъ моя головонько,
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Всѣ:

Поѣхавъ на весêлья просити.
Бѣдна жъ моя головонько!
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Твôй Кострубонько вмеръ.

Изъ середки одна, приплясывая:

Слава жъ тобѣ, Христе Царю,
Що мôй Кострубъ на цвинтару!
Сама его поховала,
Ноженьками притоптала,
Рученьками приплескала:
Лежи, лежи, якъ колода,
Я молода, якъ ягода!

10.

(Изъ Золочевскаго округа)

Дѣвушки становятся въ хороводъ, взявшись за руки и обращаются кругомъ; одна въ серединѣ круга, а другая внѣ его, и ходитъ совершенно въ противную сторону.

Извнѣ:

Хто видавъ, хто слыхавъ, мою жону на торзѣ?

Всѣ:

А мы êê ведемо,
Тобѣ êê не дамо.

Извнѣ:

А я вамъ паски дамъ,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

А мы паску изъѣмо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

А мы ёё ведемо,
Тобѣ ёё не дамо.

Извнѣ:

Я перстенець пôдточу,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

Мы перстенець на палець,
Тобѣ жоны кавалець.

Послѣ этого одна дѣвушка ударитъ рукой по хороводу тамъ, гдѣ держатся руками слабѣе, бѣжитъ и ловитъ дѣвушку, ходившую внѣ хоровода, которая отъ нея спасается бѣгствомъ.

11.

(Изъ Бережанскаго округа.)

А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сорочечки ай зъ краму, зъ краму.
А. — А я тобѣ сорочечку куплю, куплю.
Б. — А я собѣ потанцюю

И вашецѣ подякую.
А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сподниченьки зъ краму, зъ краму,
хустиночки, черевичкôвъ, и проч.

12.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Три дѣвушки, пошедши въ сторону, прячутъ у себя вѣтку «Бôждерева» (Божьяго дерева, Artemisia abrotanum), потомъ возвращаются въ хороводъ, гдѣ у нихъ ищутъ спрятаннаго, припѣвая:

Былъ былце, Божее деревце,
А вгадайте дѣвчиноньки,
Въ кого ваше былце,
Божее деревце?
Радѝ бы мы угадати
Та й выдумати,
Въ кого наше былце,
Божее деревце.

13.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Бѣло, Бѣло, Бѣлоданчику!
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,
А вмый собѣ бѣле личенько,
А притри собѣ чорнѝ оченька,
Зачеши собѣ русу косеньку,
А возьми собѣ кошуленьку,
А вбуй чобôтки червоненькѝ,
А ты, дѣвчя, измарися,
Шукай собѣ товариша,
Геть собѣ, прêчь!

Дѣвушка, стоя въ кругу подругъ, которыя поютъ это, показываетъ, что она умывается и т. д.

14.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушка середи хоровода показываетъ руками, что у нея болитъ голова, руки, ноги и т. п., а подруги припѣваютъ:

Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ та й головка болитъ.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ плечинята боля'.
Тутъ була, и проч., та рученьки боля',
поперечокъ болитъ,
колѣночка боля',
та ноженьки,
та пôдошвы боля'.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêй перепелцѣ та нелюбъ ѣде;

(скидываетъ сапоги)

Нашêй перепелцѣ черевички везе:

(показываетъ движеніями радость и какъ бы надѣваетъ башмачки)

Зазувай, защипай, тай сестрички шукай!
Возьмися, перепелко, по пôдъ боченьки,
Та убуйся въ черевиченьки!
Теперь собѣ пôдскôць, пôдскôць!
Котру любишь, тоту собѣ хôпъ!

Она скачетъ и схватываетъ одну дѣвушку изъ круга, которая потомъ заступаетъ ея мѣсто, и т. д.

15.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись за руки, водятъ кривой танецъ. Этотъ танецъ пляшутъ при всѣхъ Гаилкахъ, гдѣ ненужно дѣлать хоровода, или представлять въ лицахъ двѣ стороны.

Вербовая дощечка, дощечка!
Ходитъ по нѣй Настечка 2.
На всѣ боки лелѣе, 2.
Водки милый надъѣде, 2.
Привезе ми чоботы, 2.
Кіевскои роботы. 2.
«А де ты ихъ куповавъ?» — 2.
«А у Львовѣ куповавъ, 2.
А въ Краковѣ подковавъ, 2.
Та червонй чоботки, 2.
А подковки зъ позлотки! 2.
Покочу я золото, 2.
А вы, хлопцй, въ болото! 2.
Покочу я перстенецъ, 2.
А вы, дѣвки, у танецъ! 2.
Поясочка зъ рясами, 2.
А мой милый въ крисани». 2.

16.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись за руки, становятся рядомъ (Б); противъ нихъ поодаль становятся другія двѣ дѣвушки (А); тѣ и другія поютъ:

Б. Пустѣте насъ, пустѣте насъ, сей свѣтъ воювати!
А. Не пустимо, не пустимо, мосты поломати.
Б. А мы якъ схочемо, мосты поломимо,
Та всѣ грошы заберемо,
Та поѣдемо геть пречь, геть пречь.

Послѣ этого бѣгутъ Б, держась крѣпко за руки, подъ руки къ А, перебѣгаютъ всѣ, исключая двухъ послѣднихъ, которыя послѣ должны играть роль А.

17.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись руками одна черезъ другую, какъ въ Польскомъ, образуютъ цѣпь и, перекладывая руки черезъ головы, дѣлаютъ разныя фигуры и поютъ:

Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодѝ дѣвчатонька,
Завивайтеся!
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
До горы ся вьютъ,
А молодѝ ледѐники мѐдъ, горѣвку
Пьютъ, пьютъ.
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодѝ ледѐники
Напивайтеся!
Вьяжѣтеся, вьяжѣтеся огирочки!
Звивайтеся, звивайтеся, дѣвчиночки!

18.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, ставши попарно лицомъ къ лицу, схватываются крѣпко руками и образуютъ изъ нихъ мостъ. Одна изъ меньшихъ взлѣзаетъ съ конца на руки, опираясь на головы дѣвушекъ, переступаетъ по мосту, при чемъ оставшіяся назади забѣгаютъ напередъ и, такимъ образомъ, продолжаютъ мостъ насколько угодно; при этомъ поютъ:

Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.

Жди, дѣвчя, до суботы:
Будутъ сукни и чоботы;
Грай, жуче, грай! 2.
Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.
Жди, дѣвчя, до недѣли:
Будутъ твои ручки бѣли;
Грай, жуче, грай! 2.
Ходитъ жукъ по жукахъ,
А дѣвчина по рукахъ,
Грай, жуче, грай! 2.

19.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Воробе́йчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ на макъ орютъ?
Ой такъ, такъ, орютъ макъ!
Воробе́йчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ макъ сѣютъ, (скородятъ, полютъ,
жнутъ, топчутъ, и проч.)?
Солове́йчику, шпачку, шпачку!
Чи не бувъ же ты въ садку, въ садку?
Чи не видѣвъ ты, якъ макъ сѣютъ?
Ой такъ, такъ, сѣютъ макъ!

Припѣвъ: «Ой такъ, такъ,» и проч. поетъ дѣвушка, которая стоитъ въ кругу прочихъ и показываетъ руками и движеніями, какъ что работается.

60.

(Изъ Золочевскаго и Коломійскаго округовъ.)

А. Ѣде, ѣде, Жельманъ,
Ѣде, ѣде, его братъ,

Ѣде, ѣде, Жельманова
И братова
Вся родина.

Б. Помагай, Бôгъ, Жельманъ!
Помагай, Бôгъ, эго братъ!
Помагай, Бôгъ, Жельманова,
И братова
Вся родина!

А. Бодай здоровъ, Жельманъ!
Бодай здоровъ, и проч.

Б. Чого хоче, Жельманъ,
Чого хоче, и проч.

А. Панны хоче Жельманъ?
Панны хоче его братъ и пр.

Б. А за кого Жельманъ
А за кого его братъ? и проч.

А. Та за кравця Жельманъ,
Та за кравця его братъ, и проч.

Б. А мы панны не мамо,
Та за кравця не дамо.
Геть, пречь, Жельманъ,
Геть, пречь, его братъ,
Геть, пречь, Жельманова,
И братова
Вся родина!

Дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ одинъ рядъ (А), другія три такой же другой (Б); послѣдніе, приплясывая, подступаютъ къ А, которыя поютъ: «Ѣде, ѣде, Жельманъ, и проч. Когда подуйдутъ Б къ А, то поютъ: «Помагай Бôгъ,» и т. д., на что А отвѣчаютъ: «Бодай здоровъ», и т. д., до конца. При словахъ: «Геть, пречь» и проч. А отступаютъ до своего мѣста, съ котораго опять начинаютъ: «Ѣде, ѣде Жельманъ,» и т. д., замѣняя при этомъ «за кравця» словомъ: за шевця, за коваля, за кушнѣра, и т. п., всякой разъ, когда приходится снова начинать.

B. Шумки и Чабарашки.

1.

Ой дѣвчино, скажи правду,
Чи мя любишъ, чи на зраду?
Най я свѣта не корочу,
Най я люблю, кого хочу! —
«Я ти свѣта не корочу,
Того люблю, кого хочу».

2.

Ой дѣвчино, люблю тя,
Не ѣжъ хлѣба, возму тя.
Не ѣжъ хлѣба, не пій воды,
Та возму тя для выгоды.
Бѣдне дѣвча послухало,
Три дни хлѣба не нюхало,
Три дни, три дни, и три ночи,
Замружила чорнй очи.

3.

Ой по горѣ тырличъ сходитъ,
До дѣвчины хлопецъ ходитъ:
Ой тырличу, тырличу!
Люби мене, паничу!

4.

Ой я иду, а тамъ гукъ,
Тамъ дѣвчата хлопця бьютъ.
Та за яку причину?
Що покинувъ дѣвчину.

5.

Передъ паномъ окомономъ,
Били хлопця макогономъ;
Ой тамъ, ой тамъ на току,
Збили его на муку.

6.

Ой дѣвчино, вѣрь менѣ!
Не зраджу тя, Бо̀гме, нѣ;
Запытайся Николи,
Що 'мъ не зрадивъ нѣколи!

7.

Трясетъ ми ся чуприна,
Любитъ мене дѣвчина,
Трясетъ ми ся волося,
Любитъ мене Явдося.

8.

Ой тамъ не ма безъ причины,
Де два ходитъ до дѣвчины;
Ой тамъ не ма безъ припадку,
Де два ходятъ въ одну хатку.

9.

Ой мати, кохай мене!
За стараго не дай мене!
Въ него сива борода,
Я дѣвчина молода.

10.

Мати журъ варила,
На порозѣ студила:
Ой журъ, мати, журъ,
Лѣпшій Русинъ, якъ Мазуръ.

11.

А я собѣ гадаю,
Що милои не маю:
Якъ у день, такъ въ ночи,
Стоитъ мила предъ очи.

12.

А мôй милый одиначокъ,
Та зацвѣвъ ми, кобы мачокъ;
А я его люба дружа,
Та зацвѣла, кобы лужа.

13.

Ой дѣвчино чорнюхо,
Люблю тебе, псяюхо,
Люблю тебе сердечне,
Возьму тебе конечне.

14.

Пôшла Гандзя по цыбулю,
Почкай, Гандзя, поцѣлую!

15.

Звôдси гора, звôдти скала,
Скажи, мила, съ кимъ ты спала?—
«Ой спала я сама зъ собовъ,
Прійди въ вечеръ, буду зъ тобовъ!
Прійди, прійди, сама буду,
Скину хустку, зроблю буду,
А зъ запаски зроблю двери,
Сама ляжу на постели.

16.

Ой дѣвчино квѣтко!
Фартухъ тобѣ видко,
Мара ткача напала,
Що выробивъ рѣдько.

17.

Ой дѣвчино вѣдьмо,
Запрягаймо, ѣдьмо,
На границю по пшеницю,
Поки ще ся видно!

18.

Кобы ты бувъ добрый хлопецъ,
То бы 'с выйшовъ на городецъ,
Я бы тебе пôдголила,
И безъ бритвы и безъ мыла.

19.

На городѣ дудка грае,
Мене мати не пускае.
Пусти мене, моя мати,
Коли хочешъ зятя мати». —
«О не пущу, моя доню,
Бо не прійдешъ ты до дому». —
Прійду, прійду, моя мати,
Ой якъ стане вже свѣтати.»

20.

Гей, гину, мати, гину,
За дѣвчину Катерину;
Не далеко, ино въ межу,
Якъ не пôду, то вôдлежу.

21.

Ой сплю, менѣ снится,
Мое серце веселится,
Обуджуся, та й не ма, —
Болитъ мене голова!

22.

Ой сплю, та й дивлюся,
И дала бы 'мъ, и боюся,
И дала бы 'мъ такому,
Щобъ не сказавъ нѣкому.

23.

Ой що менѣ за весе́лье
Що ми два дни его?
Кобы було цѣлый тыждень,
То бы ладно було.

24.

Зо́йшовъ мѣсяць и зора,
Не ма мого сокола,
Не ма жъ мого милого,
Нудно жъ менѣ безъ нёго!

25.

Ой снивъ ми ся мелникъ,
Щезъ бы, та пропавъ бы!
И молоти не дае,
И мѣрочку бравъ бы!
Коли хочешъ наразъ,
Змелю тебѣ заразъ,
А якъ хочешъ пытлювати,
Треба но́чку ночувати.

26.

Дзень, дзень, ковалѝ,
То великѝ, то малѝ,
До сивои кобыли
На залёты ходили!

27.

Оженився нетяга, та взявъ собѣ Гапку,
Кутокъ дѣтокъ накресавъ при своимъ упадку.
Єдно каже: «Тату, тату!» Друге каже: «Папу, папу!»
Я насунувъ шапчерину, пѝшовъ по за хату.

28.

Дана, моя дана:
Не пѝду за Йвана,
Пѝду за Данила,
Що бы 'мъ не робила.

29.

Дана жъ, моя дана,
Не пѝду за папа:
Ино за такого,
Якова я сама.

30.

Ой посѣявъ Козакъ гречку
На дубови, на вершечку: —
Зѝрвалася шура буря,
Козакови гречку здула.

31.

«Ой Козаче чорновусый,
Чомъ у тебе жупанъ кусый?»
«Мене дѣвки по̀дпойли,
Жупанъ менѣ по̀дкройли.
Ой маю я десять грошей,
Куплю собѣ упанъ джовшій.»

32.

И ты Козакъ, и я Козакъ,
Обыдва 'смо Козаки:
Ты хорошій, я безъ грошій,
Обыдва 'смо дураки.

33.

Танцювавъ бы 'мъ гопака,
Та не маю сѣрака:
Сѣрачина—по колѣна,
Та й на задѣ пригорѣла!

34.

Атанасъ козы пасъ,
А Марыня бычки:
«Почекай, не втѐкаій,
Купью черевички!»

35.

А мôй батько бувъ стрѣлецъ:
Стрѣливъ за пѣчь, збивъ горнецъ,
А въ тôмъ горшку пироги,
А я до нихъ: ги-ги-гѝ!

36.

За грубовъ сѣла, та й здула пыски,
Якъ суне, такъ суне, пироги зъ мыски.

37.

Було не копати
Пôдъ порогомъ ямы.
Було мя не брати,
Вôдъ тата, вôдъ мамы.
Ахъ мати, мати,
Калиновый цвѣтъ!
Завязала 'сь менѣ
Мой бѣленькій свѣтъ!

Було не рубати
Зеленого дуба,
Було мя не брати,
Коли 'мъ ти не люба!
Ахъ мати, мати,
Калиновыи цвѣтъ!
Завязала 'сь нмѣе
Мôй бѣленькій свѣтъ!

38

Моя хатка крайна,
Моя хатка гарна,
Мене хлопцѝ зачѐпають,
Бо я собѣ файна.

39.

«Ой дѣвчино, чія ты?
Чи пôйдешъ ты гуляти?» —
«Не пытайся, чія я,
Якъ ты пôдешъ, пôду й я».

40.

А въ дѣвчины моеи,
Чôрни очи у неи;
Хочь я ей не возьму,
Най вороги подражню!

41.

Ой на горѣ, на горѣ,
Кукала кокошка:
Чорнявая, бѣлявая
И чубата трошка.
Ой на горѣ, на горѣ,
Чи чуешъ ты, татку,
Яка сь бѣда ходитъ
По пôдъ нашу хатку?

42.

А дѣдъ бабцѣ купивъ капцѝ,
Короткѝ були, та втявъ палцѝ.

43.

Куда йду, туда йду,
Всюда сѣю лободу,
Я своему миленькому
За кухарку не буду.
Вôнъ пшеницю продае,
Менѣ грошей не дае,
А я зъ родомъ зôйдуся,
За петрушку напьюся.

44.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
Було менѣ жаль трошки;
Якъ на лавцѣ лежавъ,
Було менѣ трохи жаль;
Якъ изъ лавки пôшовъ,
Го и жаль вôдôйшовъ.

45.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
А я свою бѣду въ горщикъ,
Черепочкомъ накрыла,
Щобъ ся на свѣтъ не дивила.

46.

А на дворѣ хмарится:
Навѣдженый бавится;
Навѣждена чекала,
Бо розуму не мала.

47.

А въ Богацькихъ дѣвочокъ,
По дванадцѣть сорочокъ,
А въ мене но едная,
И та що день бѣлая.
Я зъ вечера намочу
О пôвночи полочу,
А до свѣта высушу,
А раненько вберуся,
И до хлопцôвъ смѣюся.

48.

Ой го, го-го, го-го-го!
Прійми мене голого!
Я жупана не маю,
Женитися гадаю.

49.

Ой Ляхъ, мати, Ляхъ,
Пытаеся, куды шляхъ?
Пытаеся дороги
До дѣвчины небоги.

Закурило, замело,
Дороженьки не було;
Ой ѣхали два попы,
Дороженьку пробили.

«Встань, доню, не лежи,
Дороженьку покажи!
Покажи му, куды шляхъ,
Нехай ѣде вражій Ляхъ!

50.

Ой гукъ, мати, гукъ,
Куда Козаки йдутъ,
Вуличкою, невеличкою,
Та, чей, до насъ зайдутъ.

Ой дбай, мати, дбай,
Та мене за мужъ дай!
Не дай мене за недбалицю!
Бо менѣ вродыжаль.

Бо у мене врода,
Якъ въ Дунаю вода:
Чорнѣ очка, бѣле личко,
Сама молода.

«Ой доню жъ моя,
Вважай собѣ сама!» —
«Ой вважала жъ я,
Не вгадала жъ я,
Свою красоньку
Потеряла жъ я,
Матѣнко моя!» —

«Ой жій, доню, жій,
Та краще вѣдъ людій,
Най ся не тѣшатъ
Тяжкѣ вороженьки
Та незгодѣ твоѣй!»

«Ой давно, та давно,
Та й уроды не було,
Та вже жъ тая дороженько
Листомъ припала!

Я у батька росла,
Та й вôдъ батька пôшла,
А вже жъ тая дороженька
Терномъ заросла!

Терномъ заросла,
Листомъ припала,
Червоною калинонькою
Понадвисала!

Якъ ся заозьму,
Теренъ высѣчу,
А зъ червоной калиноньки
Вѣнки повяжу!»

51.

«Ой мати, мила мати,
Шо то зъ того буде,
Коли грае музыченька
И сходятся люде?» —

«Ой доню, моя доню!
Якъ ся зôйдутъ люде,
Пріійде до тя твôй миленькій,
То весêлье буде.»

52.

«Ой дѣвчино красна,
Де ты волы пасла?» —
«Пôдъ корчомъ
Зъ паничомъ,
Де травиця красна.»

53.

По пôдъ садъ виноградъ
По воду ходила:
Не судивъ менѣ Бôгъ,
Кого я любила;
Але давъ менѣ Бôгъ,
Кого я не знала,
То за мôй перебôръ,
Шо 'мъ переберала.

54.

Просивъ мене Гарасимъ,
Шобъ я пôшла грати зъ нимъ;
Гарасима не люблю,
И грати зъ нимъ не пôду;
А я грати не хочу,
А вôнъ бере опанчу.

55.

Ой мôй милый Гарасимочку,
Пусти коня на долиночку,
Пусти коня на долиночку,
А самъ иди на горѣлочку!

56.

Кобы 'сь не пивъ, мня не бивъ,
Я бъ тебе любила,
Я бы тобѣ, шо суботы,
Головоньку змыла;

Змыла бы 'мъ головоньку,
Змыла, розчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала,
А ты, песъ, мене бьешъ,
Якъ тебе любити,
Якъ тобѣ, шо суботы,
Головоньку змыти?

57.

Ой тамъ на горѣ
Малёвалы маляри,
Малёвали черевички,
Для хорошой молодычки,
Та не знати, для котри.

«Ой маты жъ моя,
Позычъ менѣ таляра!
Пôду собѣ выберу,
Черевычки выкуплю,
Въ молодого маляра.» —

«Ой доню жъ моя!
Було лѣто и зима,
Було собѣ заробити,
Черевичкы выкупити,
Въ молодого маляра!»

58.

Гей бѣда надъ бѣдами:
Моя мила за горами!
Кличу, кличу, не чуе,
Нехай зъ Богомъ почуе!
Кличу, кличу, не видати,
Треба зъ жалю умерати!

59.

Не буду ся женити, бо менѣ ниць съ того,
Не стає ми десять грошій до пôвъ золотого.
Гопъ, чукъ, чумудра, чумудрыха молода!

Недавно 'мъ ся оженивъ, буде рôкъ въ Петрôвку,
Ой заберу дѣти въ торбу, пôду на вандрôвку,
Гопъ, чукъ, и проч.

Та й выйду я на село, стану си на горбѣ:
Оглянуся за себе, чи суть дѣти въ торбѣ?
Гопъ, чукъ, и проч.

60.

«Ты, Козаче, пся паро!
Цы тя лихо напало?
Пся паро, пся паро,
Цы тя лихо напало!

А ты любишъ Параску,
Зъ мене чинишъ играшку,
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку». —

«Присяй Богу, не люблю,
И любити не буду,
Не люблю, не люблю,
И любити не буду.

Тôлько тебе єдную
Надъ све житя милую,
Єдную, єдную,
Надъ све житя милую.

Ты дѣвчино бѣлява,
Будь на мене ласкава!
Бѣлява, бѣлява,
Будь на мене ласкава!

Ты дѣвчино хороша,
Дай же бузи́ безъ гроша!
Хороша, хороша,
Дай же бузи́ безъ гроша!

Ты дѣвчино бѣленька,
Будь для мене миленька!
Бѣленька, бѣленька,
Будь для мене миленька!»

61.

Тресетъ ми ся волося:
Любить мене Гануся:
Тресетъ ми ся чуприна:
Любитъ мене дѣвчина.

Ей я хлопецъ молодый
Межи гусарами:
Выгулявъ си дѣвчиноньку
Зъ чорными бровами.

Ей я хлопецъ молодый
Межи всима стою:
Я на во́йну не по́ду,
Бо ся меча бою!

62.

«Втѣкай, дѣвче, безъ поле!
Бо тя Козакъ поколе,
Гей, гу, безъ поле,
Бо тя Козакъ поколе!»

Дѣвчинонька не слухала,
На Козака зачекала,
Гей, гу, и проч.

Козакъ зъ коня ступае,
Дѣвчиноньку витае,
Гей, гу, и проч.

Привитавъ ю, и скаче,
А дѣвчинонька плаче,
Гей, гу, и проч.

«Бувай менѣ здорова!
Я кавалеръ, ты вдова!»
Гей, гу и проч.

63.

Вчера була недѣлонька, нынѣ понедѣлокъ:
Запросила Марысенька косити барвинокъ.
Ось бѣда, не дума,
Котру люблю, все кума!

«Иди пречъ, не займай, иди до нещастя!
Якъ я тебе полюбила, то не маю щастя.
Ось бѣда, и проч.

Иди пречъ, не займай, иди собѣ къ бѣсу!
Не для тебе чепурюся, свою бѣду тѣшу.» —
Ось бѣда, и проч.

«А де жъ тая керниченька, що голубка пила?
А де жъ тая Марисенька, що мене любила?
Ось бѣда, и проч.

А де жъ тая керниченька, що голубъ купався?
А де жъ тая Марисенька, що я въ нѣй кохався?
Ось бѣда, и проч.

А у тои керниченьки золотый ключи:
Дай же менѣ, Марисенько, що казала идучи!
Ось бѣда, и проч.

Добре тыи Ляшки чинятъ, що не кохаются:
Пóбравшися за рученьки, не занехаются!
Ось бѣда, и проч.

Яромъ, яромъ, Марисенько, а я за тобою!
Чекай, чекай, Марисенько, говоримъ зъ собою!»
Ось бѣда, и проч.

64.

На дорозѣ калюжа:
Я робити не дужа;
Кобы скрыпки, цымбалы,
То бы нóжки скакали.

Оӥ сѣвъ, за журився,
Що зъ малою оженився:
«Не журися, мóӥ Андрéю,
Пóдросну я за недѣлю!»

65.

И шумитъ, и гуде, дрóбный дощикъ иде:
А хто жъ мене молодую до домоньку заведе?

Обóзвався Козакъ на солодкóмъ меду:
«Гуляй, гуляй, чорнобрóва, я тя до домъ заведу!» —

«Не веди жъ ты мене, оӥ прошу жъ я тебе!
Бо я злого мужа, буде бити мене.

На бóкъ, хлопцѝ, на бóкъ, хлопцѝ, бо чортъ мужа несе,
Якъ обачитъ мене зъ вами, ёго трясця затрясе.

Нехай трясе, нехай трясе, якъ вѣтеръ лугами!
А я собѣ молодая погуляю зъ вами.»

И шумитъ, и гуде, скрыпка грае, басъ реве,
Козакъ мовчитъ, а все знае, Козакъ до домъ поведе.

66.

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене Станйславъ,
И я его любила,
Бо 'мъ до него ходила.

67.

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Шо ся дѣе?» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце млѣе.» —

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Кожухъ гине.» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце вяне.»

68.

Гопъ, чукъ!
Баранчукъ!
Продавъ коня
За Канчухъ,
А кульбаку
За табаку,
А удило за канчукъ!

69.

Ой кобы я мужа мала,
Тобы я го шановала:
Вôдъ недѣлѝ до недѣлѝ
Ѣсти бы 'мъ му не давала!

70.

Ой не стôй пôдъ вôкномъ,
Не махай рукавомъ!
Якъ я буду мати часъ.
То я выйду тамъ до васъ.

71.

Ой ѣхала Катерина
Шêстьма кôньми изъ Волыня,
Пыталася Василя:
«Ци далеко до села?»—
«Недалеко, ино миля,
Катерино милостива».

72.

То Костюшка, то Москаль
Сварилися за рыскаль;
Не було тамъ та за що —
Рыскалище ледащо.

73.

А мôй батько
Стрѣлявъ гладко:
Середъ току
Убивъ сороку;
Прійшовъ Дмитро,
Изъѣвъ хитро.

74.

А въ нашои Олены
Все пацерки зелени,
То по штыри, то по пять,
Все на шіи цуркотять.

75.

«Человѣче бѣсноватый!
На що жёнку продавати?» —
«Прійшла менѣ карта съ неба,
На податокъ грошей треба.

Що зôстане вôдъ податку,
Куплю собѣ стару бабку;
Бабка здохне, я облуплю,
А за скôру дѣвча куплю».

I. Шалалайки.

1.

Спознаць, Боже, спознаць, мою фраêрочку,
Що м'ę за хусточковъ дробну фіялочку.

2.

Самозрадъ, самозрадъ, сама 'мъ ся зрадила,
Коли 'мъ до гаêчку на травку ходила.

3.

Никто ми не виненъ, лемъ ми братя винны,
Же мя посылали до лѣса за вôвми.
Никто ми невиненъ, ено стара мацъ,
Же ми наказала зъ гультаёмъ волки пасцъ.

4.

Гора, гора и долина, иде коникъ одъ Будина,
Иде, иде малёваный, на нимъ кантарь позлачаный.

5.

Не радуйся, шугай, высокой постели,
Бо мои гусочки за Дунай злетѣли;
За Дунай, за Дунай, за Чорное море,
Бо я си дѣвчатко худобной матере;
Худобной матере, худобного отца,
Не нажену я ти волойкôвъ до дворца.

6.

Що ся червенѣе въ Угорской краинѣ?
Червене яблочко докола яблонѝ.

7.

Травêчко зелена, то 'сь ся поховала?
Фраêрочко моя, то 'сь ся погнѣвала.
Травêчко зелена, не хубацъ ся было,
Фраêрочко моя, любовацъ ся было.

8.

«Яворе, яворе, де съ тебе конары?» —
«Срубали мене хлопцѝ волаваре;
Обрубали мене велики фигляре,
Забили Янêчка, нехъ ихъ Панъ Богъ скаре!»

9.

Плакало дѣвчатко, плакало голосно,
Же его парада за тонêчкимъ пасомъ.
«Не плачь, дѣвча, не плачь, йще на тобѣ не знати,
Якъ на тобѣ буде знати, я тя готовъ взяти».

10.

Ой коню мôй, коню шарый, та остро кованый:
Варуй же ся, шварне дѣвча, бо тя поранитъ!
Бо тя поранитъ острожейками,
Варуй же ся, шварне дѣвча, съ чорныма бровами!

11.

На припецку горитъ, а въ пецу ся палитъ:
Не берь тото дѣвча, що го мати хвалитъ!
Не на то го хвалитъ, жебы добра была,
Лемъ го на то хвалитъ, жебы го ся збыла.

12.

Турыдаи, Турыдай, Турыдайска вода:
Скочила бы 'мъ до ней, та мя, Боже, шкода!

13.

А ни 'мъ ся не выспавъ, а ни 'мъ ничь не зыскавъ,
Лемъ мôй калапочокъ при фраêрцѣ зоставъ;
Не такъ калапочокъ, якъ сива губаня,
Ажь ми ю миленька на облакъ подала.

14.

Тече вода, тече, доловъ тымъ Лаворцомъ,
Бы ся обернула доловъ моимъ дворцомъ.

15.

Єще 'мъ не танцовавъ, лемъ буду прубовавъ,
Зъ бучка на яличку буду прескаковавъ.

16.

Пило бы ся, пило, то Токайско вино,
Пило бы ся, пило, съ кимъ ми, Боже, мило.
Пило бы ся, пило, пôвтора златого,
Ты, мила, заплатишь, бо есь пила ёго.

17.

Дуброва, дуброва, докола букова:
Сама матка не зна, кому дѣвча хова.
И моя не знала, кому мя ховала,
Скурвому сынови до ручокъ мя дала.

18.

Дала 'съ ми, миленька, дала 'съ ми пригану,
Же я е'мъ не варта за файку дугану.

19.

Не разъ я, и не два, на гору позêрамъ,
Бо я ся съ той горы фраêра сподѣвамъ.

20.

Хоцъ бы я не ѣла, водицу не пила,
Лемъ жебы я мала красного фраêра.
Фраêре мизерный, не скрыпай ми дверми:
Горѣ ножки знимай и двери заперай!

21.

Квѣтокъ дѣвча, квѣтокъ, покля не ма'шь дѣтокъ,
Якъ б'ешь мати дѣтки, спадутъ съ тебе квѣтки.

22.

Фраѣрочко моя, такъ една, якъ друга:
Теперь ми повѣджьте, котра самодруга?
А якъ не повѣсте, то сто чортôвъ зъѣсте:
Я пôду на войну, а вы зôстанете.

23.

На высокôй горѣ шугай ся згамовавъ,
Жебы было не дѣвча, тамъ бы бывъ ночовавъ.
«Поможъ же ми, дѣвча, съ той горы спустити:
За роченько, за два, буду тя любити».

24.

«Овчаче говчаре, де 'сте овцы пасли?
Стратила 'мъ перстенецъ, ци 'сте го не нашли?» —
«Ни мы го не нашли, лемъ мы го видѣли,
На широкôй луцѣ милому на руцѣ.

25.

Сашина, сашина, зелена сашина:
Дай ми, Пане Боже, доброй матки сына!
Жебы мя не біявъ, паленку не піявъ,
До корчмы не ходивъ, дѣвчата не зводивъ.

26.

Зелене, зелене, коло зеленёго,
Танцує милейкій, а я коло ёго.

27.

Зелене 'мъ посѣявъ, зелене ми зôйшло:
Якъ е'мъ дѣвча кохавъ, такъ и за мя пôшло.

28.

Зôйди на горбочокъ, запискай въ листочокъ:
Спôзнавай, милейкій, чій то голосочокъ!

29.

Пôслала ей матка въ долину по глину,
А она вынесла на рукахъ дѣтину:
«На жь тобѣ, мамайко, за твою науку:
Колысала 'сь мене, колишь же и внуку!»

30.

По высокôй горѣ снѣжокъ ся бѣлѣє:
Богата дѣвочка зъ худобныхъ ся смѣє;
Богата дѣвочка злотый вѣнецъ носитъ,
Худобна дѣвочка въ Бога щастя проситъ.

31.

Знати, Боже, знати, кто кого любуе:
Иде горѣ, доловъ, все ся присмотруе.
Знати, Боже, знати, кто кого не хоче:
Иде горѣ, доловъ, на него муркоче.

32.

Серце мое, серце, съ камѣня твердого,
Чомъ ся не попріска'шь съ жалю великого?

33.

Плачьте, очка, плачьте, слезойки враняйте!
Кого 'сте любили, ужь го понехайте!

34.

Шкода, Боже, шкода, лѣса зеленого,
Же въ нѣмъ не чувати пташка веселого!
Ни вôнъ не заспѣв'атъ, ни вôнъ не записка'тъ,
Ославецкы хлопцѝ якъ совиска ходятъ.

35.

Не ма въ ставѣ воды, выпили єи жабы:
Южъ мя оббрехали Ославецки бабы.

36.

Очка мои сивы, то ми бѣда съ вами:
Не хочете спати єдну нôчку самы!
Очка мои сивы, то 'сте зависливы:
Кого увидите, того полюбите!

37.

Проквѣтай, проквѣтай, калинючка дробна:
Зôставай здорова, милейка надобна!

38.

Ей, Боже жь мôй, Боже, то есь ми боговавъ,
Що есь ми пôдъ бочкомъ милого выховавъ!
Милого пôдъ бочкомъ, при сторонѣ мужа,
Що ему проквѣта'тъ зъ его личка ружа.

39

Любуй же мя, любуй, або ми дай покой!
Не позирай по мѣ, якъ сивейкій соколъ!

40.

«Зазулейко сива, де будешь кукала,
Коли 'сь си на бучку вершечокъ зорвала?» —
«Буду я кукати на зеленôй соснѣ,
Доки ми на бучку вершечокъ выросне.»

41.

Любме мы ся, любме, якъ ластôвка въ стрѣсѣ,
Бо ся розлетиме, якъ та пташка въ лѣсѣ.

42.

На высокôй горѣ травка ся колыше,
Стародавный милый листы до мя пише.
Я му одписала на буковôмъ листу,
Жебы си поглядавъ милейкую иншу.

43.

А гуле, гуле, гуси на воду!
Не каламутьте милейкой воду!
Ой бо милейка хустойку пере,
Єй ся милый въ дорогу бере.

44.

Пошовъ бы 'мъ до Ганцй залицятися,
Та не мавъ палички подпоратися.

45.

Ой шила сорочку, покоротила,
Вергла очима на побратима.
Побратимъ свиснувъ, за ручку стиснувъ:
«Ей гоя, гоя, миленька моя!»

46.

Ой гуси, гуси, гусойки на ставъ!
«Добрый день, дѣвчино, ище є'мъ не спавъ.!» —
«Ой кедь єсъ не спавъ, не будешъ спати,
Година мине, буде свитати.»

47.

А я мовила, же косу клепле, —
Вонъ черезъ гору до иншои трепле.
А я мовила, же сѣчку рѣже, —
Вонъ черезъ гору до иншои лѣзе.

48.

«Василю небоже, де твоя жена?» —
«На пецу, на пецу, пере прядене.» —
«На потôкъ, на потôкъ, бабо лѣнива!» —
«Не пôду, не пôду, бо на мя зима».

49.

Кобы мѝ не горы, не тота долина,
Дала бы 'мъ поздравѝцъ свого побратима.
Поздравте, поздравте, але знайте кого, —
Янêчка жовтовласъ, фраêра моёго!»

50.

Янêчку жовтовласъ, не ходи ты до насъ!
Бо ты въ нашêмъ домѣ фраêрочки не ма'шъ;
А ни фраêрочки, а ни покрыточки,
А ни на недѣлю бѣлои сорочки.

51.

Ци я не паробокъ, ци я си не врода?
Робицъ мѝ ся не хце, на войну мя шкода!

52.

«Паробцы, паробцы, велька ганьба на васъ:
Повязали дѣвча, повѣда'тъ, же про васъ». —
«Няй оно повѣда'тъ, мы ся не боиме,
Мы шумны паробцы, за то застоиме».

53.

Точитъ ми ся, точитъ, вѣнокъ по обочи:
Чей мѝ ся приточитъ мо̀ѝ милый той ночи!

54.

Очи мои, очи, не спали той ночи,
До рана бѣлого ждали миленького!

55.

Фраѐръ мо̀ѝ, милый мо̀ѝ, де 'сь вчера вечеръ бывъ?» —
«Фраѐрочко моя, до иншои 'мъ ходивъ.» —
«Фраѐръ мо̀ѝ, милый мо̀ѝ, що жъ тамъ повѣдали?» —
«Фраѐрочко моя, о тобѣ гадали.»

56.

Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде просятъ,
Най мя стари бабы языкомъ не носятъ!
Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде знаутъ,
Най ми стари бабы рочки не читаутъ!
Бо ми бабы тòвко рочкòвъ начитали,
Щобы мы обѣдвѣ на листъ не списали.

57.

Пониже Ветлина сами ростопасти:
Дай же менѣ, Боже, зъ милымъ волы пасти!
Буду забѣгати то зъ горы, то зъ долы,
Буду завертати миленького волы.

58.

Гоя же ми, гоя, штири волки, гоя,
Що ми поганяло дѣвчатко съ Угля!
Такъ ми поганяло, такъ ми навертало,
Що на конецъ выйшло, все мя побочкало.

59.

Сутъ коній на лапѣ, кто ми поде по нѣ?
Самому ся не хце, малой не мавъ еще.

60.

«Ци есъ ся милючькій, ци есъ ся загнѣвавъ,
Жесъ мя вчера въ вечеръ танцовати не взявъ?» —
«Ни е'мъ загнѣвавъ, ни 'мъ ся на тя завзявъ,
Танцовати 'съ не умѣла, та 'мъ тя про то не взявъ.»

61.

Ластовечка лѣта'тъ, ворѣда, же свѣта'тъ:
«Пусть мя, Янчйкъ, домôвъ, бо я буду бита;
Бо я буду бита одъ свого татичка,
Же 'мъ му не напасла сивого конйчка.

62.

Широкій ярочокъ, быстрая водйчка:
«Напôй ми, милейька, сивого конйчка!» —
«Якъ я то напою, коль я ся го бою,
Конйчокъ неукій, вирве ми ся съ рукъ.»

63.

Ходила 'мъ по полю, зберала 'мъ тополю:
Катъ ми по тополи, нехъ мя главка боли!
Ходила 'мъ по ярку, зберала 'мъ фіялку,
Катъ ми по фіялце, ведь мя милый не хце.

64.

Ой гой же, гой же, старый небоже!
Змѣй коло тебе лежати може.
Я коло тебе, якъ ягодойка,
Ты коло мене, якъ колодойка.
Я коло тебе, кобы калина,
Ты коло мене, якъ ордѣвъ вина.

65.

«Мужу мой, мужу, невѣрничейку!
Чо ми не вѣришъ мо'му сердейку?» —
«Не вѣрю я ти, бо не в кому,
Втоптана стежейка до мо'го дому.» —
«Ты, мужу, иншимъ чепцѣ куцуешъ,
Ей а на мене кѣи готуешъ.
Ой кій, кіи дубовейкіи,
На мои плечи нездоровейкіи!»

66.

Мала я милого зъ чорнима очима,
Не подобавъ ми ся, та 'мъ го намочила:
Мокне милый, мокне, три дни и три ночи,
А я до милого — вымокли му очи.

67.

Не ходи, миленькій, до мя о пôвночи,
Бо собѣ выберешъ о сливину очи!
Чомъ 'съ втоды не прійшовъ, якъ мѣсячокъ зôйшовъ?
Дось бы 'сь ся налюбивъ и до дому пôшовъ.
А ты въ тотчасъ прійшовъ, якъ зôрничка зôйшла,
Коли ма стара мать на водицю ишла.

68.

Не плачь, Марысь, не плачь, не буде ти крывды,
Твои чорни вôчка не высхнутъ ти нигды.

69.

Кедъ ти буде гораздъ, то привыкнешъ доразъ;
Якъ ти буде кривда, не привыкнешъ нигда.

70.

Якъ же я си зайду горече плакати,
Ажъ ми будутъ слезы на чижмы падати!
Та якъ же я не мавъ горече плакаты,
Коль мя ся одрѣка'гъ и отецъ и мати?

71.

Засвѣти, мѣсячку, пополу зъ звѣздами,
Тому миленькому, що ѣде рôвнями!
Ой ѣде вôнъ, ѣде, на пищавцѣ виска'тъ.
Мене молоденьку за рученьку стика'тъ.

72.

Записка́й, задурка́й, мо́й бѣ́дный Ива́це,
Та мое личенько къ твоему пристане!

73.

Записка́й, задурка́й, мо́й милый югасе,
Ней намъ ся стадонько по полю роспасе!
Пискай, югасъ, пискай, я буду спѣвати,
Буде намъ ся голосъ на ро́вни схаджати!

74.

Дунаю, Дунаю, ты тихонько плынешъ:
Молодости моя, ты ми́ марне́ гинешъ!
Молодости моя, ты моя подоба!
Гинешъ ты ми́, гинешъ, якъ въ Дунаю вода!

75.

Веселости моя, де 'съ ми́ ся подѣ́ла?
По широко́й ро́вни весь ся розлетѣ́ла!
Стану же я, стану, въ недѣ́леньку рано,
Та я си позбе́рамъ веселости мало.
Завку я ей ключомъ, завку я ей дома,
Ней моя весело́сть перебыва'ть дома!

76.

Лѣтала павонька по высоко́й горѣ,
Враняла пе́ре́чка по шовковой трави.
Не жаль ми́ павонки, а ми пе́ря ей,
Лемъ ми жаль мамоньки, же 'мъ не бѣ́ла ней!

77.

Побила мя бѣда черезъ людскѝ дѣла:
Що люде дѣлали, на мене складали.
Побій, Боже, побій, кого м'вшъ побити,
Лемъ того не побій, кого мавъ любити!

78.

Займу штыри волы въ глубоку долину,
Вони ся напасутъ, я си вôдпочину.
Волы мои, волы, нѐ еднои масти:
Я ся не выспала, вы ся не напасли!

79.

Тоды мѝ ся, тоды, дѣвча сподобало,
Коли на ярочку зимну воду брало.

80.

«Повѣжъ мѝ, дѣвчатко, де пôдешъ на траву,
А я тобѣ повѣмъ, де я волы займу?» —
«Я пôду на траву до вышнёго саду.» —
«А я волы займу на нижню заграду.»

81.

«Не плачь, дѣвча, не плачь, не выплакуй очи!
Принесу ти перстѐнь съ самоѝ Левочи.» —
«Хоцъ бы ты мѝ принёсъ зъ самого Токаю,
Ужъ я тя не хочу, надобный шугаю!»

82.

На высокôй горѣ студня мурована:
Таньцуе дѣвчина ужъ зарукована.
«Черкай, милый, черкай до бѣлого рана:
Я къ тобѣ не выйду, бо 'мъ зарукована!»

83.

Я пôшовъ на вôйну, та мя порубали,
Прійшовъ е'мъ до дому, та мя не спôзнали;
Лемъ мене спôзнала моя фраêрочка,
Що мй закладала за калапъ 'пêрочка.

84.

«На Дунай, дѣвча, на Дунай,
Якъ ти буде зимно, то волай!» —
«А я такъ шумнê волала,
Що ажъ мя главка боляла!»

85.

Кождому добре, лемъ мй нѣтъ:
Кождый ма фраêрочку, лемъ я нѣтъ.
Ой треба бы ся постарацъ,
Шумной фраêрочки поглядацъ!

86.

Я ся въ долину припатривъ,
Кто мою миленьку облапивъ?
Облапали ей гусарй,
На зеленôй луцѣ по травѣ.

87.

Сырови дырва — гôркій дымъ:
Ой оженивъ бы мъ ся, не ма съ кимъ!
Каждый лежитъ при женѣ,
А я, неборачокъ, при стѣнѣ.
Сыровіи дырва — гôркій плачь:
Ой напивъ бы 'мъ ся, не мамъ за чь;
Якій, такій въ перинѣ,
А я, неборачокъ, на сѣнѣ.

88.

Добрé тому панъ Бôгъ дае,
Що на горѣ копарь мае,
А въ долинѣ колибочку,
Середъ села фраёрочку.
Добре тому, не зле тому,
Що м'е милу близко дому:
И дровъ собѣ нарубае,
И на милу позырае.

89.

Зъ горы ми ся волы гзыли,
На долинѣ овесъ зъѣли:
Бодай бычки выгравали,
На що вôвса напсовали!

90.

Шугай, шугай, шугаёчку,
Не берь тоту нехлюйничку,
Не берь тоту нехлюйничку,
Возми мене робôтничку!

Я робо̂тна, барзо ма'тна,
Я мавъ повный сусѣкъ платна,
А и клочя барзо много,
Половина леняного.

91.

Червена ружа калинка:
Зохабила мене миленька,
Зохабила мене у полю,
Ой про Ганичку, про мою!

92.

Червена ружа, бѣлый квѣтъ:
«Ой пусть мя, мамцю, за Бескидъ!
Не довго я тамъ побуду,
Покъ о миленько̂мъ забуду.»

93.

Червена ружа ядло̂вця:
«Не дай мя, мамо, за вдо̂вця!
Бо удовецъ буде вымавлявъ,
Же першу жёнку лѣпшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати:
«Бодай мачехи не знати!».

94.

Заградила заградочку,
Посѣяла шалаточку,
На шалатѣ дро̂бне зерно:
«Не ходь, Янчикъ, до насъ дармо!»
А ни до насъ, Янчикъ, не ходь,
А ни дармо блато не бродь!
Бо то блато по колена,
Не буду я твоя жена.

95.

«Ганцю, Ганцю, Ганцю бѣла,
За що тебе мати била?» —
«За то мене мати била,
Жебы 'мъ хлопцѣ не любила,
А я буду того пана,
Що в'мъ была рочокъ сама.»

96.

Якъ я пôйду въ иншу страну,
Буде плакацъ дѣвча за мновъ,
Буде плакацъ и бановацъ,
Же не знала, якъ шановацъ.

97.

Кобы 'съ менѣ не кумочка,
Была бы 'сь мѣ фраёрочка,
Лемъ ми тото кабатуе,
Що мѣ мовишъ: «Пане куме!»

98.

Мамцю моя, купте коня,
Няй не сѣджу дармо дома!
Нехай ѣду до Шариша,
Глядати си товариша.

99.

«Мамцю, мамцю, що робите,
Же мя ужь разъ не жените!» —
«Чекай, сыну, до осени,
Налюбишъ ся младой жены!
Якъ ти прійде до любости,
Наѣстъ ти ся бѣда кости.»

100.

Зумру, зумру въ чуджо̂мъ краю:
Кто ми буде брати яму?
Сроки, вроны крамкацъ будутъ,
А дѣвчатка плакацъ будутъ.

101.

Добрѣ е'мъ зробивъ, же 'мъ ся оженивъ:
Жена по̂де до роботы, я ся положивъ;
Жена по̂де до роботы напередъ мене,
А я собѣ полежу въ бѣло̂й постелѣ;
Жена по̂де до роботы й съ кухарочковъ,
А я си полежу по̂дъ периночковъ.

102.

Ой Боже мо̂й, Боже, не хоче ся робити,
Ужъ менѣ прійде на смѣхъ голо̂й ходити!
Зароди, Боже, широкое лопушя,
А я вшію кошулю и фартушя;
Сонце пригрѣе, кошулейка зо̂прѣе,
Вѣтрецъ подуе, фартушину змяздуе!

103.

Стоитъ яво̂ръ надъ водою,
Повѣдае свою долю:
«Доле моя нещасная!
Моя жѣнка некрасная!
Людскій жѣнки — якъ ласто̂вки,
Моя жѣнка — якъ Жидо̂вка!»

104.

Я такого мужа маю,
Буде бити, любре знаю,
Буде бити, молотити,
За волосья волочити.
«Якъ мя будешъ, мужу, бити,
То ся верну назадъ пити».

105.

Ганю моя, Ганю,
Я тебе не ганю,
Ганятъ ми тя люде,
Же съ тя ничъ не буде.
Ней ми тя приганятъ,
Ужь ми тя не зганятъ.

106.

Якъ ёмъ ишовъ зъ винобраня,
Спавъ ми калапъ до Дуная:
Дай ми, Боже, калапъ достацъ,
Заречуся милу кохацъ!
Моя мила безумниця:
Згорѣла ей фарбаниця,
Не зостало, лемъ двѣ полы,
Купила си чтыри волы.

107.

Вылетѣла ластовонька зо скаля,
Обудила мою милу зо спаня;
Не была то ластовонька, лемъ то птакъ,
Не была то моя мила, лемъ то такъ.

108.

Обо̂зрися, сивый коню, на себе!
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ на тебе!
Обо̂зрися, сивый коню, еще разъ,
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ жовтовласъ.

109.

Ой лѣтавъ пташокъ по надъ ставъ,
Хопивъ рыбочокъ, не до̂ставъ,
Умочивъ крылця до леду:
Милыпа миленька во̂дъ меду.

Г. Царинныя пѣсни.

1.

Сборомъ идеме, полонъ несеме:
Выходжай, соборе, съ села на поле,
А съ поляночки на царинойки,
А вы, дѣвойки, війте вѣнойки!
Ей вили, вили, Бога просили,
А чей бы намъ квѣтли всѣ Божи вѣны,
Всѣ Божи вѣны, наши царины;
А чеій бы квѣтли горы, долины,
Горы долины та ій полонины;
Наша цариноїка пречь поорана,
Срѣбломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пѣркомъ заволочена.

2.

Геи на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрѣбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жъ мое зеленейкое!
Прійшовъ до неи татцейко еи:

«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай!» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо моє вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрóбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь моє зеленейкоє!» —
Прійшла до неи мамцейка ей:
«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо моє вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрóбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь моє зеленейкоє!» —
Прійшовъ до неи милейкій ей:
«Дай ми, милейка, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Тобѣ не продамъ, лемъ ти дармо дамъ.»

3.

Ой Римъ-Собота, гора высока,
А на тóй горѣ церковця стоитъ,
А въ тóй церковцѣ золотый престóлъ,
За тимъ престоломъ самъ милый Гóспóдь.

Самъ милый Господь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Ей а якого?.. та Петрового;
«Кто жъ ми го спостить та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнене.»

4.

Війте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божи кровцй
На коруговцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недѣлю рано дрова рубали,
А мй до личка трѣски прьскали!» —
«Свѣти, сонейку, якъ есъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтомъ свѣтѣ, на страшномъ судѣ.» —

Війте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровцй
На коруговцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли газдинй понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А мй на лице золу выливали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ есъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтомъ свѣтѣ, на страшномъ судѣ.» —

Війте, дѣвовки,
Божій вѣнойки,
Зъ Божои кровцѝ
На коруговцѣ!
Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недѣлю рано косы чесали,
А ми до личка волося метали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ єсъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.»

5.

Красна дѣвойка коруну шила,
Пôдъ коругою, пôдъ червеною;
Ей шила, шила, Богу ся молила,
Богу ся молила, гôрко плакала:
«Чого жъ ты млачешь, красна дѣвойко?» —
«Якъ же я не мавъ гôрко плакати:
Кой ми татцейко, ажь на днѣ въ пеклѣ.» —
Ище дѣвойка коруну не вшила,
Коруну не вшила, ужь ся тѣшила,
Же ёй татцейко по раю ходитъ:
«Не жаль ми, Боже, дѣвойку мати,
Дѣвойку мати, тай годувати.»

6.

(Изучи подъ гору).

Ей горе, горе! самъ тя Бôгъ оре,
Бôжа матёнка насѣня носитъ,
Насѣня носитъ и Бога проситъ:
«Зародъ, Божейку, насѣня трое,

Насѣня трое, не єднакое:
Перше насѣня — яра пшеничка,
Друге насѣня — зелено вино,
Трете насѣня — пахнячій ладанъ.
Яра пшеничка на проскуройки,
А на якіи, на всенощніи;
Зелене вино до Службы Божой,
На причащаня, душь очищаня,
Пахнячій ладанъ до кадилнички.

7.

(Идучи возлѣ лѣса.)

Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ єи, судятъ, ажь єй загубятъ:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде татцейко, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»—
Татцейко выйшовъ, выкупу не є.
Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ єй, судятъ, ажь єй загубятъ:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде мамцейка, выкупъ винесе.»
Мамцейка выйшла, выкупу не є. —
Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Дѣвойку судятъ, ажь єй загубятъ.
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде милейкій, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»
Выйшовъ милейкій, выкупивъ мене.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій!»

8.

(Возвращаясь назадъ.)

Сборомъ идеме, полонъ несеме!
Мольме ся Богу и всѣ посполу,
Жебы насъ тучѝ не заходили,
Злыи вѣтрове не пановали;
Оборонь, Боже, горы, долины,
Горы, долины, нашѝ царины!
Пріѝми, Божейку, трудъ, дорожейку,
Же ме обо̀йшли горы, долины,
Горы, долины, наши царины!

9.

(Идучи къ церкви.)

Ей а въ Калницы, на монастыри,
Зорейки зорятъ, свѣчейки горятъ,
Дзвонойки дзвонятъ, службойки стоятъ.
Дзвони, дзвонойку, противъ сборойку,
Бо мы идеме съ сборомъ въ дорогу,
Бо мы спѣваме вшитки спѣванки,
Жебы насъ тучи не заходили,
Жебы пролои не заливали.
Заваруй, Боже, горы ѝ долины,
Горы ѝ долины, нашѝ царины!

10.

Кады идеме, Бога слѣдиме,
Бога слѣдиме, Бога просиме:
«Зароди, Боже, горы ѝ долины,
Горы ѝ долины, нашѝ царины!
Наша царина пречь поорана,
Срѐбломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пѐркомъ заволочена.

IV.

ПѢСЬНИ ПЛЯСОВЫЯ.

1. КОЛОМІЙКИ.

1.

«А зъ вôдки жь ты, пане брате? Чи не съ Коломыи?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не бачивъ, дѣвчины Марiи?» —
«Ой не бачивъ и не чувавъ, не буду казати,
Не буду тѣ, пане брате, туги завдавати.»

2.

Коломыя — не помыя, Коломыя — мѣсто,
Въ Коломыи дѣвчатонька, якъ пшеничне тѣсто.

3.

Коломыецъ — чорнобривецъ, тай Коломыёчка:
Яка була красна неня, а ще краще дочка.

4.

Коломыецъ — чорнобривець, не боится Бога,
Шо липае чорнобривку на селѣ, то дома.

5.

Коломыйку запаливши, Коломыйка горитъ,
За красною дѣвчиною ажь ми серце болитъ.

6.

Ой славная Коломыя та й межи горами,
Ой славнѣйша дѣвчинонька съ чорными бровами.

7.

Коломыя — не помыя, Печенѣжинъ — мѣсто:
Котра дѣвка не роблена, мяхонька якъ тѣсто.

8.

«Ба, що же ты, дѣвчинонько, гадала, гадала,
Та якъ тота Коломыйка палала, палала?» —
«Я гадала, мой миленькій, гасити, гасити,
Та не могла я що наити, щобъ воду носити.»

9.

«А звѣдки ты, пане брате? Чи не зъ Городенки?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не чувавъ, дѣвчины Оленки?» —
«Ой я видѣвъ, ой я чувавъ, дѣвчину Оленку,
Ой ходила съ Козаками поза Городенку.»

10.

Ой піду я до Вербѣжа, або до Мишина,
Ой чей же мьня тамъ полюбитъ хороша дѣвчина?
Ой бувъ же я у Мишинѣ, не пивъ в'мъ горѣвки,
Не видѣвъ я у Мишинѣ хорошои дѣвки.
А прійшовъ я до Испаса, напивемъ ся пива,
Та чи мала, чи велика, то все чорнобрива.

11.

Ой заспѣвай, сивый пташку, на зеленѣмъ вершку,
Ой не буду у сѣй землѣ, піду на Угерску.

12.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, Гуцуле небоже!
А ни орешь, а ни сѣешь, пожаль тя ся, Боже!

13.

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

14.

Якъ Гуцула не любити? У Гуцула вовци,
А въ Гуцула поза поясъ сами сороковци.

15.

Ей Гуцулъ ся лехко вбув, легко му холити;
Любко жь моя солоденька, лишь бы тя любити!

16.

Ой ѣхала Гуцулонька зъ верху съ полонины,
Загубила терхивочку съ сивои кобылы.
Та не жаль ми терхивочки, же ся загубила,
Лише ми жаль Гуцулочки, же ся зажурила.

17.

Ой ходѣмо, пане брате, въ Гуцулы, въ Гуцулы,
Щобы за насъ бѣлявочки нѣ знали, нѣ чули!
Якъ учуютъ бѣлявочки, що мы на Муньтавѣ,
А мы собѣ, пане брате, поступимо далѣ.

18.

Ой Гуцулъ ся лехко убувъ по єднѣй онучи,
Сеи ночи о пѣвночи до бѣлявки йдучи.

19.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жѣнка у середу солонину ѣла.

20.

«Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де 'сте Бойка дѣли?
Ци вы его испекли 'сте, ци сирого зъѣли?» —
Нѣ мы его испекли 'сме, нѣ сирого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го вовки зъѣли.»

21.

Не стій, дубе, край дороги, лихо тобѣ буде:
Гилье маешь зеленепьке, обрубаютъ люде!

22.

Ой яворе зелененькій, маю на тя гадку:
Гадаю тя порубати миленькій на хатку;
Гадаю тя порубати, гилье потесати,
Щобы своєй миленькій хатку збудовати.

23.

«Ой лѣщино, лѣщинонько, чому 'сь не зродила?» —
«Зимка була студененька, та мья зморозила.»

24.

Зашумѣли воды, броды, зелененьки гаи:
Вылетѣла зазуленька у далекій краи:
Перестаньте воды, броды на тотъ часъ шумѣти,
Та якъ буде зазуленька до дому летѣти.

25.

Ой не летай, зазуленько, въ ночи по убочи,
Абы 'сь собѣ не выбрала на калинку очи!
Ой бо тото, зазуленько, пригода бувае,
Та що собѣ зазулечка очи выберае.

26.

Горы мои высокіи, мушу васъ лишити:
Волѣвъ бы 'мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити!

27.

Уже сонце на западѣ, уже ся спущає,
Мѣсяченько на востоцѣ ему ся всмѣхає.

28.

Ой скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвѣнку,
Якъ заграю, заспѣваю, чути на зарѣнку.

29.

Любѣ мои спѣваночки, де я васъ подѣю?
Хиба я васъ, спѣваночки, горами посѣю!

30.

Пôслала мья моя мати горѣшочки рвати
Высокая лѣщинонька, не можъ досягати:

31.

Пôду же я въ полонинку по зелене сѣно:
Въ полонинѣ при долинѣ тамъ соненько сѣло;
Ще менѣ ся, посестрице, таке не здавало,
Абы менѣ въ полонинѣ сонце спочивало.

32.

Сухій дубе, сухій дубе, нѣчо съ тя не буде,
Ой а зъ мене, березочки, колясочка буде,
Колясочка малёвана, коникъ вороненькій,
Ой якъ сяде, та й поѣде, Козакъ молоденькій.

33.

«Ба, чому вы, ледѣники, ба й не спѣваете?
Де вы свои спѣваночки позадѣваете?» —
«Ой знаю я, товаришу, де я ихъ задѣю:
Занесу ихъ въ Чорногоры, та тамъ ихъ посѣю;
Та будете, спѣваночки, по горахъ спѣвати,
А я, ледѣнь молоденькій, по свѣтѣ блукати!

34.

Не тяжко ся ожепити та й на бѣду прійти,
Богато бы пошукати, щобы чемну найти.

35.

Коломыецъ — чорнобривецъ въ гору ся бичуе,
Коломыйка — чорнобривка зъ другими ночуе.

36.

Ой косити, молотити головочка болитъ,
А зъ дѣвчиновъ постояти ажъ серденько дрбжитъ.

37.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
Прійди, прійди, мой миленькій, я рыбу варила!

38.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ стану:
Єдна мила несе пирóгъ, а другá сметану;
Подивьюся у сметану, а сметана рѣдка:
Неси собѣ, моя мила, сметану до дѣдька!

39.

Ой пôду я до покою, туну тутъ ногою:
Усѣ мене паны любятъ и молодôсть мою.

40.

Чи я тобѣ не «казала: «Не бери ты мене!
Бо я роду великого, не навчишь ты мене;
Бó я роду великого, та й ты не малого,
То жъ ты, любку, женихливый, и я не вôдъ того.»

41.

Ой зродила верба грýши, а калина — ябка:
Та не знае отецъ, мати, яка въ мене гадка;
Ой у мене така гадка, шóбы 'мъ ся вôддала,
Шобы 'мъ своєй головонцѣ приворотокъ дала.

42.

Ой упьюся, повалюся и такъ не ялося;
Видитъ ми ся, моя любко, що посваримося.

43.

Ой згорѣла стырта сѣна на бѣлымъ пѣсочку:
Тата нема, мами нема, бѣдна головочко!

44.

Коли мы ся не побрали, то покумаймося,
А мы двое, серце мое, не почужаймося!

45.

«А де жь ты ся такъ забавивъ, малый, невеличкій?» —
«На майданѣ, мостя панѝ, коло молодички.»

46.

Ишовъ же я горѣ селомъ, всюды ся свѣти ло,
Куды я мавъ повернуты, тамъ ся загасило.

47.

Шуми, луже, шуми дуже, дѣвчино, покайся!
Ой хоть я тя, любко, люблю, зводити не дайся!

48.

Ой на ставу, на ставочку, водиця лелѣе:
Ахъ ще жь моя дѣвчинонька робити не вмѣе!

49.

Ой все посты, та й все посты, чей будутъ мясницѝ:
Якъ не пôду въ осѣнь замужь, то пôду въ черницѝ.

50.

На що менѣ женитися, на що менѣ жёнки,
Коли менѣ другій жёнки купуютъ горѣвки?
На що менѣ женитися, на що менѣ жёнки,
Ой якъ менѣ навтямится, иду до сусѣдки?

51.

Ой оттвори, мати, хату, най воды напьюся!
Чи хорошу доньку маешь, нехай подивлюся!
Оттворила мати хату, я воды напився:
Нехороша донька була, а я не дивився.

52.

Єденъ чобо́тъ на по́дковѣ, а другій на корку:
А хто хо́че бѣду знати, най си возьме дворку!
Тадже вона, любко, дворка, бо и въ дворѣ була,
Уже вона, пане брате, роботу забула.

53.

Очи мои за таляра, а бровы за лева:
Не по́ду я до Испаса, бо я Василева.
Очи мои за таляра, а бровы за вёрта:
Любѣмося, не бо́ймося ни́ пана, ни́ во́йта!

54.

Ой не купуй коралики, лише купи перла:
А не ходи до другои, поки я не вмерла!
А якъ же я коли умру, а ты зажурися:
«Кобы тѣло поховали, то бы 'мъ оженився.»

55.

Ой качочка качуриста по болотѣ скаче:
Возьми собѣ вбоге дѣвча, най богацьке плаче!
У богацькôй дѣвчиноньки нѝ стану, нѝ силы,
Богацькую дѣвчиноньку вборы прикрасили;
Ой убоге та худоге и до того гôдне,
А богацьке та ледащо, дѣдькови потрѣбне.

56.

Ой я гинтяй молоденькій, по гинтяйски ходжу:
А на чужѝ дѣти роблю, а самъ голый броджу.

57.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала:
Питалася лиха доля, де я ночовала?
«Хиба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы я ти исказала, де я ночовала!»

58.

«Ой ты покинь молотити, я покину терти,
Та пôдемо до стодолы ворота заперти.»—
«А якъ же ихъ заперати коли панъ не каже?
А якъ же тя не любити, коли 'сь красный, враже!»

59.

Куда иду, туда иду, корчмы не минаю:
«Дай, шенкарко, горѣлочки, хоть грошей не маю!
Дай же менѣ горѣлочки, ты Жидику, Жиде.
Нехъ ся напью до милои, закимъ жёнка прійде!»

60.

Не стóй, дѣвко, коло танця, та съ танця не смѣйся:
Возьми собѣ фартухъ въ руки, тай до дому хвѣйся!

61.

Ой якъ я ся та й оженю, то чоловѣкъ буду:
Кожду корчму не мину жь я, якъ до церкви пóду.
Хоть пóду я та до церкви, стану собѣ въ кутку:
Подивлюся разъ на попа, десять разъ на любку.

62.

«Ой Господи милосердный, за що мья караешь?» —
«Ой «Отче нашъ» не говоришь, якъ спати лягаешь.»

63.

Не тяжко ся оженити, прійти на бѣдочку:
Озьми бѣса молодого, не вшіє сорочку.

64.

Ой а нынѣ недѣленька, а завтра будный день:
Иде мила по при мене, не каже: «Добрый день!»

65.

Ой ковала зазуленька на банѣ, на банѣ:
Така любка солоденька, шо ю любьятъ паны.

66.

Ой изъ тои полонинки студененкій вѣе:
Не пье любка горѣлоньки, в'дай вона змарнѣе!

67.

Ой косити, молотити, тото бѣда моя!
А зъ дѣвчиновъ постояти, тото душа моя!

68.

Напіймося, любко, нынѣ при зеленôмъ винѣ,
Бо вже завтра не будемо, якъ ся розôйдемо.

69.

По надъ село Йôвановецьке зацвѣли цвѣточки:
Ой помѣнивъ мôй миленькій купити ковточки;
Ой ковточки зелененькй, де жь вы купованй?
А що жь бо вы въ Коломыйске мѣсто завезенй?
Купованй ковтинята въ мѣстѣ на долинѣ,
Дарованй дѣвчинонцѣ у Ланчинськимъ млынѣ.

70.

Ой Михайле, Михайлочку, та й ты Григорочку!
Зачекай мья въ Коломыи, тамъ коло крамочку!
Не буду я жита жати, лише пшеничоньку:
Не буду я вдовы брати, лише дѣвчиноньку;
Бо у вдовы та два сыны будутъ мене бити,
А въ дѣвчины чорнй очи, будемъ ся любити.
Бо у вдовы та два сыны, оба неженатй,
А въ дѣвчины бѣле личко, буду цѣловати.

71.

Кажутъ люде, що я впився, а я зажурився,
И мясницй вже минули, а я не женився.

72.

Ты не явôръ, ты не явôрь, а я не билина,
Є у тебе отець, мати, а въ мене родина.

73.

Ой гаю жь мôй зелененькій, ой гаю жь, мôй гаю!
Ой взявъ я си негôдницю, а теперь ся каю!

74.

А бо ты мья, коню, вези, або ты мья звержи,
Тôлько ты мья не завези до якои мерзы!

75.

Поставлю я кониченька на мостѣ, на мостй,
А самъ пôду до дѣвчины, тамъ буду за гостй:
«Добрый вечêрь, дѣвчинонько, ци нема тамъ кого,
Жебы ты мья не зрадила, хлопця молодого?»

76.

Ой грай менѣ, музыченько, вôдъ села до села,
Шобы моя головонька все була весела!

77.

Доля моя утонула, щастье вже не верне,
Жаль за серце истискає, ажь тѣло мйзерне!

78.

Нй я въ лѣтахъ, ни я въ дѣлахъ, нй я при роботѣ:
Тôлько моя головонька въ журбѣ и клопотѣ!

79.

Стративъ же я свôй вѣкъ марне, стративъ я надѣю:
Де жь я, теперь, нещасливый, въ свѣтѣ ся подѣю?

80.

Журилася маты мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

81.

Ой коли насъ, пане брате, три разомъ ходило:
Єденъ Иванъ, другій Степанъ, а третій Гаврило;
Иванъ любивъ напитися, Степанъ погуляти,
А Гаврило зъ дѣвчатами нôчку ночовати,

82.

Въ тамтôмъ боцѣ, на толоцѣ, кобыла ся пасла:
Выховала мене мати, жебы 'мъ була красна.

95.

Сумна гора безъ явора та безъ яворины:
Сумна моя головонька безъ мои дружины.

96.

Молодіи лѣта мои, якъ вода плынете!
Жалѝ жъ мои тяженькіи, коли жъ вы минете?

97.

А въ котрои молодыцѝ катицѝ на задѣ,
Тота менѣ молодиця на великôй зрадѣ;
А въ котрои молодицѣ китиць не видати,
Тота менѣ молодиця, якъ рôдная мати.

98.

Горѣлонько паленая, то 'сь перепалена:
Бѣда тота молодиця, що перехвалена!

99.

Зродила 'сь мья моя мати безъ щастя, безъ долѝ:
Жію, жію на чужинѣ гôрше, якъ въ неволѣ!
Лѣпше було мене, мати, нѝкды не родити,
Або було мене, мати, въ купели втопити!

100.

Молодіи орленята, позычте ми крылятъ!
Нехай же я тамъ полену, де нѝхто не быва'тъ!

101.

Пôшли козы по пôдъ лозы, а вôвцѝ ланками:
Не пій, не пій, кучерявый, горѣлки зъ дѣвками!

102.

Ой у горахъ снѣги впали, горы забѣлѣли:
Чого 'сь нашѝ дѣвчатонька теперь помарнѣли!

103.

Ой цу, коню, чôдо мною, бѣлѝ въ тя копыта!
Не одная бѣлявочка черезъ мене бита.

104.

Ой на горѣ на Самборѣ камѣнь муку меле:
Пытается Козакъ дѣвки: «Чи пôдешь за мене? —
«Не пôду я за такого, зъ далекого краю,
Ни татуня, ни мамунѝ, родины не має.

105.

Ходятъ козы по пôдъ лозы, вôвцѝ берегами:
Соромъ дѣвцѣ при горѣвцѣ, та ще съ парубками!

106.

Зазулечко, кукулечко, позычь-ко ми крылець,
Най полечу вôдвѣдати, де мôй чорнобривець!

118.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ хлопцй:
Соромъ менѣ, моя мамко, що въ калиöй сорочцѣ.
Ой пöду я до домоньку сорочечку брати,
Выйду жь бо я на улицю, — хлопцёвъ не видати!

119.

Ой на що ми, моя мамко, та гöршои муки,
Та щобы я допалася піякози въ руки!

120.

Бѣдна моя головочко, що я такъ зробила?
Усѣ дѣвки вѣнки маютъ, я свöй згубила!
Ой пöду жь я на улицю вѣночка шукати:
Куды пöшла, вже не найшла, прійшло загибати!

121.

Ой Василю, та Василю, та не седи въ былью,
Купи менѣ коралики на бѣленьку шёю!

122.

«Ой Иване, Иваночку, ци маешь сорочку?» —
«Ой маю я вышивану, виситъ на клиночку.
Ой не та ми иенька шила, що мья породила,
Лише тота файна дѣвка, що мья полюбила.»

112.

По надъ гору высокую голубы лѣтають:
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й лѣта минають;
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й не буду знати,
Кохала я вѣрни̂ хлопци̂, та й буду кохати.

113.

Ой ковала зазулечка та на зарѣночку:
Дякую ти, парубочку, отъ за горѣлочку!

114.

Огирочки, пупиночки, тутъ ся розвивайте,
А вы, наши̂ молодчики, медокъ попивайте!

115.

Ой на горѣ стырта сѣна самого дрôбного:
Ой пристала дѣвчиночка до серденька мого!

116.

Хто высоко та лѣтае, тотъ пызенько сяде,
Хто багато выберае, тотъ на лихо прійде.

117.

Доки була 'мъ у мамочки, цвела 'мъ, якъ калинка,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, зôсхламъ, якъ былинка.
Доки була 'мъ у мамочки, то цвела 'мъ, якъ ружа,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, то 'мъ бôльша недужа.

118.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ хлопцѝ:
Соромъ менѣ, моя мамко, що въ калиновій сорочцѣ.
Ой пóду я до домоньку сорочечку брати,
Выйду жь бо я на улицю, — хлопцѣвъ не видати!

119.

Ой на що ми, моя мамко, та гóршои муки,
Та щобы я допалася піякози въ руки!

120.

Бѣдна моя головочко, що я такъ зробила?
Усѣ дѣвки вѣнки мають, я свóй згубила!
Ой пóду жь я на улицю вѣночка шукати:
Куды пóйшла, вже не найшла, прійшло загибати!

121.

Ой Василю, та Василю, та не седи въ былью,
Купи менѣ коралики на бѣленьку шéю!

122.

«Ой Иване, Иваночку, ци маешь сорочку?» —
«Ой маю я вышивану, виситъ на клиночку.
Ой не та ми непька шила, що мья породила,
Лише тота файна дѣвка, що мья полюбила.»

123.

За вороты въ папороти сивый бычокъ рыче:
А выйди жь ты, дѣвчинонько, ледень тебе кличе!

124.

Ой ты, брате, братёёчку, не пій горѣлочку,
Але, брате братёёчку, озьми си дѣвочку;
Ой хорошу да й дѣвочку, хорошу дѣвчину,
Та запали сѣни, хату, ходѣмъ въ Волощину!
Ой у тоту Волощину, ба й въ Волощиночку,
Та щобы 'сме не робили тяжку панщиночку!

125.

Ой заграй ми, музыченько, та въ тоти лавуты!
Казали ми приходити, хиба ся вернути!

126.

Ой изъ горы на долину по воленьки зойду:
Звари, любко, пироженьки, въ вечёръ до тя прійду!

127.

Журилася мати мною, якъ рыба водою:
«Не пій, сыну, горѣлоньки, бо будешь бѣдою!» —
«Якъ же менѣ, моя мати, горѣлки не пити,
Якъ же менѣ, моя мати, дѣвчатъ не любити?»

128.

Ой летѣла зазулечка та черезъ дуброву,
Выдзёбала пшениченьку, лишила полову.
Та що менѣ по половѣ, коли не ма зерна:
Та що менѣ по дѣвчинѣ, коли в'на мизерна?

129.

«Мамко моя старенькая, що днины зъ очима,
Проклята 'сь ми щастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина?» —
«Ба я тебе, моя доню, та не проклинала,
Лишь тôлько 'мъ тѣ исказала: «Коли бы 'сь не мала!»

130.

А у горахъ снѣги впали, горы побѣлѣли:
Бодай нашимъ вороженькамъ зубы заболѣли!

131.

Ой вороги, вороженьки, вступѣтся зъ дороги!
Бо 'сьте мене оббрехали вôдъ нôгъ до головы.

132.

Бодай тебе, дѣвчинонько, сѣмь лѣтъ дѣдько мучивъ,
А я тебе вѣрне любивъ, хто ишшій заручивъ!

133.

Хиба въ воду запуруся и вже не вернуся:
Збуду смутку и клопоту, тамъ не зажуруся!

134.

Було же мене, моя мати, малою втопити,
Завязавши чорнй очи, у воду пустити.

135.

Ой якъ собѣ нагадаю, якъ є'мъ любку любивъ,
Кобы 'мъ тѣлце не шановавъ, то бы 'мъ душу згубивъ!

136.

Годай тебе, мôй миленькій, стôлько разъ кололо,
Кôлько разы твоє личко було коло мого!

137.

Ой пôду я лѣсомъ, лѣсомъ, де дерево тешутъ:
Бодай тіи погинули, що на мене брешутъ!

138.

Бодай они та спасѣня, прощѣня не мали,
Що они мья розлучили съ коханой шары!

139.

«Бодай тобовъ, ледѣнику, дѣдько возивъ дубы,
Черезъ тебе мене люде узяли на зубы!» —
«Бодай тобовъ, дѣвчинонько, дѣдько возивъ латы,
Та що я ся черезъ тебе не удержу хаты!

140.

Бодай же ты, файный любку, въ колесѣ звивався:
Не трохи жь ты мого личка та й нацѣловався!

141.

Бодай же ты такъ видѣла свѣта бѣленького,
Якъ я тобѣ подарую мого миленького!

142.

Горѣвка, ся брате, пила, люлька ся курила.
Дѣвка ся зъ мья смѣяла, иса бы ми навчила.
Не зъ мене ся посмѣяти, не зъ мене ся кпити,
Будешь же ты, любко моя, за то въ землѣ гнити.
Будешь же ты, каже, гнити, а пити просити,
А я, ледѣнь молоденькій, не схочу носити.

143.

Идутъ козы по нôдъ лозы, вôвцй по нôдъ дубы:
Бодай тебе, Моравкане, заболѣли зубы!

144.

Бодай тебе лѣска вбила, а мене ворота,
Абы я ся не лишила по тобѣ сирота!
Бодай тебе лѣска вбила, а мене полиця,
Щобы я ся не лишила пôсля тя вдовиця!

145.

Бодай тебе, бодай мене, бодай насъ обоє:
На що жь мы ся покохали, на нещастье своє!

146.

Чіи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку.
На сторону бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, та й поговорити.

147.

Пôдъ моею кобылою пôдковы калачутъ:
Перше дѣвки мновъ гордили, теперь за мновъ плачутъ.

148.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога?
Вôдправила 'сь добрыхъ людей вôдъ твого порога;
Вôдправила 'сь добрыхъ людей, чекаешь до пынѣ:
Теперь пôдешь за такого, котрый пасе свиній!

149.

Якъ идете, хлопцѣ, въ танець, берѣтъ рукавицѣ:
Маты стоять, якъ коровы, дочки якъ телицѣ!
Якъ идете, хлопцѣ, въ танець, берѣтъ буки въ руки:
У нашои сусѣдочки зубы, якъ у суки.

150.

Ой пôшовъ я до дѣвчины люльки закурити,
Здерли зъ мене сердачину, та й ще хтѣли бити;
А я хлопець зуховатый, въ свою батька вдався,
Сердачину вôдобравъ, та й бити не дався.

151.

А якій ты гидкій, бридкій, а я яка пышна:
Куда жъ бы я очи дѣла, шо бы 'мъ за тя пôшла!

152.

Якъ Гуцула не любити? А въ Гуцула вôвцѝ,
А въ Гуцула за поясомъ писанѝ топôрцѝ:
Тай якъ зачне жѐнку бити, бича не пытае,
Та якъ утне межи плечи, ажь душа минае!

153.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було встыдно:
Нѐсъ є'мъ курку пôдъ пахою, а ѝ хвостикъ видно.
Ой ишовъ я черезъ село, курка мене вздрѣла,
Щобы була не палиця, була бы мья зъѣла.

154.

Ой пôду я на ярмарокъ, ой тото упьюся:
Покажу вамъ тои штуки, шо перевернуся.

155.

Кличутъ мене на панщину, але жь я не пôду:
Маю жѐнку навѣджену, якъ же ю вôдôйду?

156.

Оїі я хлопець хлопцёватый, та й не волоцюга:
Де хороше дѣвча чую, тамъ нôчку ночую;
Одну нôчку на запёчку, а другую въ кутку:
Обѣцявъ я черевички, гôренькій мôй смутку!

157.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька:
Занеси мья въ полонинку, де моя миленька!

158.

Ой конику, воронику, бѣлокопытистый:
За неси мья въ полонинку, у верхъ каменистый!

159.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка!

160.

Ой конику, воронику, на чолѣ си граска:
Ой маю я миленькую, имня ей Параска.

161.

Ой на горѣ та монастырь зъ новои дубины:
Шкода, любко, тои славы, що мы ся любили!

162.

А що тоти наробили, що мья сокотили?
Падне любцѣ та на ручцѣ до бѣлои днины.

163.

Я у броду брала воду, а на сподѣ неряздъ:
Чому 'сь така неласкава, якъ есь була въ передъ?

164.

Пане брате, товаришу, буде мо ся бити,
Ой не ходи, де я ходжу, дѣвчину любити!

165.

Ой одную люблю, люблю, а другу цѣлую,
А третоѭ чорнобривки розуму требую.

166.

Ой засвѣти, мила, свѣчку, най перейду рѣчку,
Ой засвѣти та и обѣ, най перейду къ тобѣ!
Иди, мила, доломъ, а я по́ду верхомъ,
А тамъ мы ся изо́йдемо у годинѣ смеркомъ!
А якъ мы ся изо́йдемо, по слову речемо,
Чи будемъ ся любитоньки, чи ся розо́йдемо.

167.

Сваритъ мене родинонька, жебы 'мъ ся не любивъ,
Хиба бы я нещасливый своє житьє згубивъ!
Нехай сваритъ, нехай сваритъ, хоть бы и побила,
Що я виненъ, що ма душа тебе полюбила?

168.

Пожену я волы пасти на зелену пашу,
А самъ пôду до дѣвчины на молочну кашу.
Пасѣтеся, сивѝ волы, не бôйтеся вовка,
А я пôду до дѣвчины, болитъ мья головка!

169.

Не самъ же я ту прійшовъ, вода мья занесла,
Дѣвчина мья пôдмовила, дѣвчина принесла.

170.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Повѣджь менѣ, дѣвчинько, де бы съ тобовъ бути?
Де бы съ тобовъ изôйтися наговоритися,
Личка твого румяного нацюловатися?

171.

Коли тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Поберѣмся 'ся серце моє, та жіймо съ собою!
Ты, дѣвчино, умри въ вечѣрь, а я умру зранку:
Нехай же насъ поховаютъ у єдную ямку!

172.

Коло млина конюшина, зацвела калина,
А де жь тая дѣвчинонька, що мене любила?

173.

Вòдси гора, вôдти друга, а тамъ долинонька,
Межи тыми гороньками моя дѣвчинонька;
Мушу горы прорубати, долины зрôвнати,
Шобы менѣ було видко до милои хаты.

174.

Куда мила походила, звôнкомъ позвонила,
Тамъ сходила и розцвела рожа и калина.

175.

Траву кошу, траву кошу, вода траву сушитъ:
Коли мила поцѣлуе, якъ гадина вкуситъ.

176.

То 'мъ я любку наобôймавъ, то 'мъ нацюловався,
Якъ соловêй у садочку ягôдъ назёбався.

177.

Ой чого ся погинаешь, лавочко тоненька?
Ой уповѣджь, що тя болитъ, любко солоденька?

178.

Сюда ми ся, товаришу, мило подивити,
Вôдки буде солодятко волыки гонити.

179.

Ой выйди жъ ты, файна любко, хоть на задній дворі,
Та покажи бѣле личко та жовтй кучері!

180.

Кобы 'сь, мила чорнобрыва, якъ єсь уродлива,
Не жаль бы тѣ исказати: «Солодюнько мила!»

181.

А хто знає вôдъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за миленьковъ загибелька буде!

182.

Ой тамка, де при лотоцѣ травиця въ потоцѣ,
Дала, любко, любысточки въ солодкôмъ молоцѣ;
Ой въ молоцѣ, не въ молоцѣ, то въ колачи зъѣсти:
Прійде ми ся, солоденько, за тобовъ розсѣсти!

183.

Чого ты ся погинаешь, дубова кладочко?
Ой уповѣджъ, що думаешь, файна бѣлявочко?

184.

Не ма жь мого уже личка, лише половичка,
Сцюлювала, зъобôймала красна молодичка.

185.

По пôдъ тоти полонины ожины зродили:
А мы бы ся зъ файновъ любковъ не наговорили.

186.

Ой у поли плужокъ оре, мила волы гонитъ:
Коли мила загейкае, якъ въ дзвоны задзвонитъ.

187.

Ой не буду водовъ плысти, пôду де на лавку,
Якъ е'мъ любивъ, такъ и буду, тоту кучеравку.

188.

Ой перейду тоту рѣчку, та затну смерѣчку:
Таку маю бѣлявочку, якъ у травѣ чѣчку.

189.

Ой изôйшла съ полонинки бѣлая овечка:
Люблю тебе, файна любко, та й твои словечка.

191.

Ци я такій нещасливый, ци мій коникъ сивый,
Що ся любка уродила съ чорными очима!

192.

Ой засвѣти мѣсяченьку, та й ты зоро ясна,
Та на тото подворечко, де дѣвчина красна!

193.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка;
Съ татомъ, зъ матковъ посварюся, грѣха наберуся,
А зъ любкою изойдуся—не наговоруся.

194.

Коло млина яворина, явôръ похилився,
Якъ не возьму, котру люблю, не буду женився.

195.

Скрипливіи воротонька тяженько заперти:
Кого люблю, не забуду до самои смерти.
Скрипливіи воротонька не можь заперати:
Котру люблю, не забуду, хоть буду вмерати.

196.

Червоная калиночка въ воду ся мачае:
Чи ты, мила, така красна, чи менѣ ся здае?

197.

Ой коли жь мня вѣрне любишь, люби жь мья єдного:
Не поглядай очеиьками на хлопця другого!

198.

Сеи ночи о пôвночи солома горѣла:
Якъ емъ любку поцѣловавъ, ажъ ся розболѣла.

199.

Темна пôчка, петрôвочка, не можу заснути:
Смутна люба дѣвчинонька не могу забути.
Забувъ бы 'мъ тя, дѣвчинонько, забувъ бы 'мъ тя швидко,
Кобы съ твого подвôрочка на мое не видко.

200.

А зъ Джуркова до Тишковецъ колясочка иде:
Буде така дѣвчинонька, що за мене пôде.

201.

Не втѣпана, не дергана, не рѣзани поли,
Засватана до Кіева черезъ чорнй бровы.

202.

Любко жъ моя солоденька, лишь бы тя любити,
Яки маешь чорни̂ очи, выкапали бы тѣ!
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався!

203.

Бодай тебе, дѣвчинонько, бодай твою неньку,
Та що тебе породила такую красненьку!

204.

Ой изъ горы на долину помаленьку зôйду:
«Звари, душко, пироженькôвъ, въ вечѐръ до тя прійду.
А зъ вечера якъ не прійду, то прійду изъ ночи,
Надѣй ми ся, файна любко, около пôвночи!»

205.

Ты гадаешь, моя мила, що я тебе люблю,
А я тебе, моя мила, словами голюблю.

206.

Ой на горѣ огонь горить, на долинѣ жаръ, жаръ:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде жаль, жаль!
А на горѣ огонь горить, на долинѣ дымно:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде дивно.

207.

«Порадь менѣ, товаришу, що маю робити,
Чи дѣвчину покидати, чи ѣ ще любити?»—
«Ой не люби, товаришу, та й не забувайся,
Бо лѣнива до роботы, хоть людей спытайся!
Бо лѣива до роботы, не хоче робити,
Плете вѣнки що суббтки, щобы ей любити.
Ой най бы то що суботы, а то що недѣлй,
Щобы ей завидѣли хлопцй молодіи.
Ой най бы то що недѣлй, то що понедѣлка,
Щобы ей завидѣли, що хороша дѣвка.»

208.

Ой Господи милосердный, змилуйся надо мновъ.
Та паруешь людськй дѣти, паруй любку зо мновъ!

209.

Якъ я собѣ нагадаю та за давнй лѣта,
Слозы мене такъ обмыюгъ, що не виджу свѣта.

210.

Стоитъ хибка надъ водою, хибае собою:
Яка любка дуже дурна, що плаче за мною.

211.

Бодай тебе, файна любко, нѣчогъ не болѣло,
А ни ноги, а ни ручки, ни бѣленьке тѣло!

212.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Не можу тя, файна любко, забути, забути!

213.

Ой ти моя, файна любко, нѣчимъ не журися:
Держи очи про недѣлю, въ буддень не дивися!

214.

Ой на горѣ на Самборѣ выкопана ямка:
Ой то жъ ми ся сподобала Комйсаря мамка.

215.

Ой пôшовъ я въ Волощину, лишь тамъ було бути,
Якъ нагадавъ на дѣвчину, мусѣвъ ся вернути.

216.

Ой вганявъ я, товаришу, три дни за возами,
Якъ наганувъ за дѣвчину, то вмився слезами.

217.

Туманъ, туманъ по морозѣ, ажь ся розтягае:
До милои дѣвчиноньки серденько вмлѣвае.

218.

Гей, упала зоря зъ неба, нѣкому свѣтити:
Нема жь моєй миленькой—нѣ съ кимъ говорити.

219.

Куда ѣду, туда ѣду, дороженьку знаю,
А якъ иду до милои, то ся не пытаю.

220.

Моя мила громадила въ глыбокôй долинѣ,
А я кивнувъ бѣловъ ручковъ: «Ходи, мила, дъ менѣ!»

221.

Ой конику вороненькій, дамъ тобѣ оброку:
Перенеси Анниченьку зъ Волоського боку!

222.

Летитъ качурь, летитъ качурь, крыленьками плеще:
На добранôчь, серце, на нôчь, нарêченôй тещи!

223.

Ой не видко тои вербы, лишень похплечко:
Ой не видко миленькои, лишень подвôречко.

224.

Бѣда жь менѣ молодому, бѣда жь менѣ, бѣда,
Не кажутъ ми та любити дѣвчины въ сусѣда!
Якъ въ сусѣда не любити, коли сусѣдъ близкій,
Та въ сусѣда гарна дѣвка, та й перелазъ низкій.

225.

Було гараздъ у бѣлѣвцяхъ, сухи сады цвели,
Доки мы ся изъ сусѣда дѣвчиновъ любили.
Коли моя дѣвчинонька пѣшла межe люде,
Теперь смутно улицями, якъ не ходятъ люде.

226.

Чи ты менѣ, дѣвчинонько, що була зробила,
Шо ты менѣ, дѣвчинонько, була надъ всѣхъ мила?

227.

Цветутъ въ лѣсѣ красни зѣля, де мѣдъ бере пчола,
Ой я той мѣдъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

228.

Ой бодай ты, дѣвчинонько, на вѣки пропала,
Менѣ 'сь дала принадочку, зъ другимъ ся звѣнчала!

229.

Ой у полѣ двѣ дорозѣ, трета поперечна:
Чи будешь ми, дѣвчинонько, на осѣнь беспечна?

230.

Сказавъ бы 'мъ ты, мамо, мамо, сказавъ бы 'мъ ти, нене,
Кобы 'сь дала свою дочку въ осени за мене.

231.

Ой дѣвчино, дѣвчиноньку, не боишься Бога:
Заморила 'сь мого коня у твого порога;
Коня 'сь мого заморила, а мене 'сь завела,
Все врываешь серця мого твоими очима.

232.

Тото мене съ свѣта жене, тото мене губитъ,
Та що мою дѣвчиноньку ляда дурень любитъ.
Тото мене съ свѣта жене, тото мене рѣже.
Що до моєй дѣвчиноньки ляда дурень лѣзе.

233.

Ой вôйду я до пôкою, та тушну погою:
Взяло дѣвча житье моє и молодость мою!

234.

Не велика пташиночка, все гôлья вгинае:
А хто знае вôдъ любости, нехай менѣ дае;
А хто знае водъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за дѣвчиновъ загибелька буде!

235.

Не велика поляночка густыи копицѣ:
А втративъ я щастье, долю черезъ молодицѣ.

236.

Болитъ мене бѣле тѣло, головка побита,
Та за тоту молодицю, що красно завита.

237.

Ой вѣрлята, соколята, скиньтесь по перочку,
Та вынесѣтъ изъ Подоля мою дѣвчиночку!

238.

Яка жь тото вода чиста, що на морѣ грає:
Яка жь тото дѣвка мила, що въ передъ гуляє.

239.

Стоитъ дѣвка коло танцю, голова бѣлѣе,
Якъ погляне на парѣбка, ажь мало не млѣе.

240.

Ой шапка ми мармазинка, ой чорна ми гуня,
Ой чобѣтъ мѣй залупчастый и жѣнка Маруня!

241.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько! Я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався;
Вôдповѣла, вôдповѣла, заказала бути,
Я о тобѣ, моя мила, не могу забути.

242.

Або тоту хату спалю, або ю розвалю,
Най я свои чорнй очи на нёй не зрываю!

243.

Ахъ пôду я до коршмоньки, стану на порозѣ:
Всѣ дѣвчата пютъ, гуляютъ, а мила въ дорозѣ.

244.

Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твои очи,
Не стоявъ бы мôй коничокъ до темнои ночи.
Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твоя мати,
Не стоявъ бы мôй коничокъ коло твоєй хаты.

245.

Стоитъ явôрь надъ водою, гôлёмъ похилився:
Якъ ся съ тобой не оженю, не буду женився.
Верни мои подарунки, верни мои гроши:
Твоя мати говорила, що я не хорошій.

246.

Ой засвѣти, мѣсяченьку, хоть годину въ нôчку,
Най перейду, най перейду до дѣвчины рѣчку!
Най перейду, наіі перейду, ноги не заброджу,
Нехай люде та не знають, що до неи ходжу.

247.

Сивый коню, сивый коню, сива твоя грива,
Скажи менѣ, сивый коню, де дѣвчина мила?

248.

Ой не ходи коло воды бѣлыми ногами,
Не урывай серця мого чорными бровами!
Ой не ходи коло воды, нехай тя забуду,
Нехай тебе иншій любитъ, я тебе не буду!

249.

Ой вже менѣ не ходити въ лѣски по орѣшки,
Ой вже менѣ не любити дѣвчины потѣшки.

250.

Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, камêнь, та й камêнь зъ водою,
Лишь не можу пôдмовити дѣвчины съ собою;
Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, воду, та й воду зъ водицѝ,
Лишь не можу пôдмовити чужой молодицѝ.

251.

По тôмъ боцѣ Днѣстра воды гильтай сѣно коситъ,
По сймъ боцѣ Днѣстра воды дѣвчина голоситъ:
«Бодай сѣно вогнемъ сѣло, коса зломилася,
Щобы моя дѣвчиночка та не журилася!»

252.

У котрои дѣвчиноньки брови надъ очима,
Тота жь мене дѣвчинонька та й розволочила;
Тота жь мене дѣвчинонька та й розволочила,
Та й чого я въ свѣтѣ не знавъ, того научила.

253.

Ой не кури, вуйку, люльку въ моей хатечинѣ,
Не выкури чорнй очи молодôй дѣвчинѣ!

254.

А я любью, що не робью, лишь напиваюся,
Не мила ми роботонька, лишь позыраюся.

255.

А я любью, що не робью, мои руки гладкй,
А все тото за панъ отця, та й за панй матки;
А все тото за панъ отця, та й за панй матки,
Повилися по головѣ та й кучери гладкй.
А якъ прійшли кучерики на милои ручки,
Повилися по головѣ, якъ бобовй стручки.

256.

Ей що 'мъ гадавъ учинити, тото я учиню:
Продамъ коня вороного, выкупью дѣвчину;
Продамъ коня вороного, продамъ и другого,
А выкупью своє дѣвча съ пôдъ пана чужого;
Бо я свого пана маю, на пана дуфаю,
А якъ иду улицями, плотами хитаю.

257.

Пане брате товаришу, мы товаришуймо,
А возьмѣмъ си по дѣвчинѣ, та господаруймо!

258.

Ой я возьму та дѣвчину за бѣлу ручину,
Переведу тихій Дунай, та й быстру рѣчину;
Переведу, переведу, та й ся не замочу,
Шобы люде не сказали, що я ся волочу.

259.

Чому хлопцѝ не спѣваютъ? Гаразду не маютъ,
Якъ въ грудехъ ихъ задусило, та й не вôддихаютъ.
Ой дати имъ попоѣсти сирои капусты,
Ой чей же имъ та й у грудехъ хоть трохи попуститъ.

260.

Ой на горѣ кременицѝ, на долинѣ крейда:
Ой вже жь мене оббрехала Парасуня фрейда.

261.

Ой ходивъ я до дѣвчины три разы орѣшки,
А стративъ я конїченька, теперь ходжу пѣшки.

262.

Ой на горѣ волы въ ярмѣ, а вівцѣ пасутся:
Ой якъ дѣвку дѣдьки гонятъ, ажъ люде смѣются.

263.

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надѣёчка, шо ще душа чиста.

264.

А учера изъ вечера, якъ мѣсяць мѣнився,
Иповъ крывій на залёты, слѣпій придивився.

265.

Заграйте ми, музыченьки, ней си потанцюю,
Якъ ми когуть яйце знесе, то вамъ подарую.

266.

Не умѣю ни косити, а ни копы класти,
Лише съ гаю зазираю, де бы дѣвку вкрасти.

267.

Ишовъ же я до дѣвчины темненькои ночи,
Седитъ гуска на купинѣ, вытрѣщила очи;
А я кажу: «Гиля, гиля!» а вона й присѣла,
Кобы була не палиця, була бъ мене зъѣла.

268.

Ой ковала зазуленька на високôмъ горбѣ:
Та пріѣхавъ мôй миленькій, нема нѣчогъ въ торбѣ.

269.

Я калинку не рубаю, пôдъ калинковъ стою:
Ой за мене люде брешутъ, я ихъ ся не бою;
Та най они собѣ брешутъ, най на безголовье!
Піймо, душко, горѣлочку: «Дай, Боже, здоровье!»

270.

Ой пôду я слободою, стану надъ водою:
Дурный, любку, безъ розуму, що плачешь за мною!

271.

Ой Парася придалася, та й замергалася,
Ой перейшла чтыре рѣчки, та не вмывалася.

272.

Ой хлопчики, молодчики, теперь погуляйте:
Прійде карта вôдъ Цѣсаря, на вôйну рушайте!

273.

Гоя моя, гоя моя, та ще нынѣ гоя!
А завтра вже повандрую, головонько жь моя!

274.

Ой волю я, пане брате, Цѣсарю служити,
Нѣжь я маю вражимъ Ляхамъ панщину робити!

275.

Ой Цѣсару, Цѣсареньку, Цѣсару Францѣшку,
Пусти мене до домоньку, дѣвкамъ на потѣшку!

276.

Ой то я ся закосичу зеленовъ посталью,
Волѣю йти у жовнѣри, нѣже на пристаю.

277.

Прійшла карта Цѣсарева святои недѣлѣ,
Шобы брати въ выбранчики хлощѣ молодіи.

278.

Ой выйду я на улицю, та тамъ уберуся:
Я бы 'мъ не бувъ у некрутахъ, кобы не Маруся.

279.

Пане брате, товаришу, неволя, неволя:
Въ Коломыи постригаютъ, до Черновець гоня'.

280.

Велѣла 'сь мыя, моя мати, въ болото веречи,
Нѣжь мыя мали Печинѣжскій гаїдуки стеречи.

281.

Славне мѣсто Коломыя, ще славнѣйшій Куты:
Ой ще бы я не женився, кобы не рекруты.

282.

Прійшла карта съ Коломыи, зъ самого Крайземту,
Котрій були хлопцій гарній, пôшли до рейменту.

283.

Заковала зозуленька на жовтôмъ пѣсочку:
А хто жь мому миленькому выпере сорочку?

284.

А всѣ куры на сѣдалѣ, когутъ на порозѣ:
Всѣ жовнѣри на кватырѣ, мôй милый въ дорозѣ.

285.

«Ой Цѣсару, Цѣсароньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ Турокъ магазины, чимъ насъ выгодуешь?» —
«Ой буду васъ годовати вѣвсяновъ полововъ,
Ой буду васъ высылати Цѣсарсковъ дороговъ.» —
«Якъ мы будемъ, Цѣсароньку, половоньку ѣсти,
То мы будемъ дороженьковъ по воленьки лѣзти.»

286.

Ой Цѣсарю, Цѣсароньку, якій же ты глупый:
Убравъ весь мя у камашй, не закрывъ есь дупы!

287.

«Кобъ ты була, моя мила, гарбузовъ не крала,
Була бы 'сь ся той осени вже замужь вѣддала.» —
«Охъ моя жь ты, матусенько, чи я жь тому винна?
Я гарбузы накрывала, а фостики видно.»

288.

Любко моя солоденька, якъ же 'сь ся убрала?
Кобы 'сь ся мья вѣдчепила, прости Бѣгъ бы 'сь мала.

289.

Казали ми молодицй: «Не женися, любку:
Ушіемъ ти сороченьку съ тоненького рубку;» —
А я собѣ молоденькій сѣмь лѣтъ не женився,
Якъ узяли вышивати, ажь до руба взявся.

290.

Сами дѣвки крупы мелютъ, сами й опалаютъ,
Сами дѣвки на парóбки очима зглядаютъ.

291.

Ой якъ взяла говорити, словами мастити,
Ой мусѣвъ є'мъ за копѣйку горѣвки купити.

292.

Седитъ сова на воротахъ, вытрѣщила очи:
«Верни, любко, капустѣйникъ, шо 'сь украла съ ночи!» —
Гадавъ є'мъ ся оженити сихъ мясниць допевне,
У сѣмъ селѣ дѣвки гордѝ, не пóдутъ за мене;
У сѣмъ селѣ дѣвки гордѝ, а у другóмъ голѝ,
А у мѣстѣ май одѣтнѝ, але бо голоднѝ.

293.

Ой не знала Овдокія, якъ качата звати:
Ой «Тась, тась тась!» бувъ Ивась коло моей хаты!
Ой не знала Овдокія, якъ индики звати:
Ой «Пуль, пуль, пуль!» бувъ Костунь коло мои хаты.
Ой не знала Овдокія, якъ гусята звати:
Ой «Гусь, гусь, гусь!» бувъ Петрусь коло мои хаты.

294.

Танцёвали паробочки, ажь корчма гудѣла,
Богачева дѣвчинонька пóдъ корчмовъ седѣла.
«Не стóй, дѣвко, пóдъ корчмою, та иди до дому,
Нехай мати воши выбье, та прійдешь по тому!»

305.

Ба усѣ ся поженили, лишень я ся зôставъ,
А щобы я на Цêсарскимъ кониченьку свиставъ.

306.

Ой не видко Коломыи, лишень видко сѣни,
Тотамъ мого миленького кучерѝ посѣли.

307.

Ой не видко Коломыи, лишень видко хрести,
Туда будемъ, пане брате, карабѝны нести.

308.

Повернувъ е'мъ до дѣвчины, казала ми сѣсти,
Дала менѣ нелуплену Мандебурку ѣсти;
А я тоту Мандебурку нѝ сякъ обераю,
На полицѣ варениці, но ся поглядаю.

309.

Горѣлочко оковита, лише бы тя пити:
Ой якъ гôрко заробиты, тебе заплатити!
Горѣлочко оковита, по чотыре дудцѝ:
Не буду я самъ еи пити, но понесу любцѣ.

310.

Ой ишовъ я съ Коломыи, та й упавъ въ помыи:
Не дали ми загинути дѣвки чорнобрóвѣ.

311.

Любко моя солоденька, я за тобовъ гину,
А якъ за товъ замѣтелковъ, шо нимъ мѣшу глину.

312.

Ой пóшли 'смо до коршмоньки, хтѣли танцéвати:
Напавъ дѣдько на музыку, не хотѣвъ намъ грати.

313.

А я паву затыкаю, а пава ся губитъ:
Бери дѣдько мого любка, коли другѣ любитъ!

314.

На що менѣ коло хаты собаки тримати,
Є у мене сусѣдоньки, що вмѣютъ брехати?
Нехай брешутъ, нехай брешутъ, та якъ розумѣютъ,
Прійде тая годинонька, вони понѣмѣютъ!

315.

По тóмъ боцѣ на толоцѣ сиву клячу бачу:
Ой не смѣяйся, та не кпися изъ мене, богачу!
Не зъ мене ся посмѣяти, не зъ мене ся кпити,
Лѣпше взяти палку въ руки, та ити пси бити.

316.

Ой пôду я въ лѣсокъ трѣсокъ, а тамъ дубы тешутъ:
Поверну я до сусѣды, тамъ на мене брешутъ.
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, та якъ песъ на вовка,
Ой чей же васъ та й заболитъ серденько, головка!
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, чей ся набрешете,
Вынесу вамъ цеберъ помый, чей ся нахлепчете!

317.

Всюда бѣда, всюда бѣда, въ нашêмъ селѣ гараздъ,
А якъ выйдешь на панщину, покладаютъ заразъ;
И Грицкови и Федькови кажутъ потримати,
Панъ пôдстарôсть бере смычокъ, зачинав грати.

318.

Та що тоти поробили, що ся поженили:
Оденъ продавъ сорочину, хлѣба накупили;
Оденъ продавъ сорочину, я продамъ бекешу,
Та купѣмо жêнкамъ муки на одну кулешу.

319.

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашêмъ селѣ, бо панôвъ багато.

320.

Ой Бодай ти, ватамане, та й хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла!
Панщина ми та й доѣла, побыли мья злыдни,
Урбарія великая, та й панщины три дни!

321.

Ватамана нема дома, ватаманка дома,
Ой стала ся въ ватамана въ городѣ содома.

322.

Выправляла мати сына въ день на косовицю,
Зачесала кучароньки по надъ потылицю.

323.

Напіймося, кумцю, любцю, довше не будемо,
Сонце низько, вечерь близько, вже ся розо̂йдемо.
Напіймося, кумцю, любцю, напіймо, напіймо,
Хто намъ буде на зрадонцѣ, того ся набіймо!

324.

«Ой мо̂й милый, чорнобро̂вый за потокомъ коситъ,
Вѣтеръ вѣе, шалевѣе, кучерами носитъ.» —
«Ой ты, душко, громадила, менѣ було видко,
А я кинувъ кресанину: «Ходи, душко, швидко!»

325.

Иде Козакъ зъ Украины, въ по̂дко̂вочки дзень, дзень!
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька, якъ бѣленькій день, день!
Иде Козакъ зъ Украины, въ по̂дко̂вочки креше,
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька жовтй косы чеше.

326

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре, по высокôй горѣ,
Та росчеши кучерики по моей головѣ!» —
«Хоть я буду та по горѣ высокôй вѣяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.»

327.

«Ой де идешь, пане брате? Чи на косовицю?
А на кого зоставляешь свою молодицю?» —
«Ой на тебе зоставляю, мôй брате Степане,
Доглядай ми молодицѝ, съ кимъ она зôстане;
Доглядай ми молодицѝ, доглядай ми жёнки,
Якъ пріѣду съ косовицѝ, куплю ти горѣлки.»

328.

Бѣдна жь моя головонька, що я наробила!
Полюбила 'мъ вôвчаронька за кавалокъ сыра; —
Покушаю я тотъ сырець — сырець солоденькій:
Подивлюся на вôвчаря — вôвчарь молоденькій.

329.

Пôшли вôвцѝ въ полонинку, а все бѣленькіи,
А за ними вôвчароньки все молоденькіи;
Пôшли вôвцѝ въ полонинку, а ягнятка блѣютъ,
Та що нашѝ вôвчарики въ полонинцѣ дѣютъ?

330.

Ой на горѣ на высокôй сивый заяченько:
Ой нѝхто такъ не заграе, якъ Нагимюченько;
Якъ заграе, заспѣвае, далеко го чути,
Аже въ тую Нѣмеччину, та де бы намъ бути.

331.

Гей, займу я волы пасти та й на левадочки,
А самъ пôду до дѣвчины та на порадочки;
«Порадь же ми, дѣвчинонько, якъ рôдная мати,
Чи маю ся оженити, чи тебе чекати?»—
«Пораджу тѣ; мôй нелюбе, якъ рôдная мати,
Ой волишься оженити, якъ мене чекати.»

332.

Ой долино, долиночко, та въ тобѣ явôрцѣ:
Жени, мила, волы пасти, я пожену вôвцѣ.

333.

Ой ходѣмо въ полонину, та въ полониночку,
Цы не зваливъ буйный вѣтеръ нашу колибочку?

334.

На маленькôмъ салашику ватагъ ватагуе,
Та наробивъ писарчикôвъ, менѣ подаруе.

335.

На маленькôмъ салашику ватагъ молоденькій,
Та полюбивъ дѣвчиночку, та давъ будзъ бѣленькій.

336.

Та на веснѣ днинка красна, пташеньки спѣваютъ,
Въ полонинцѣ еще краще вôвчарики граютъ.

337.

«Ой овéчки, берулечки, великй бутею,
Хто жъ васъ буде завертати, якъ я ся оженю?«—
«Ой буде насъ завертати бай хлопецъ молодець,
Въ правôй ручцѣ свирѣлочка, а въ лѣвôй топорець.

338.

Ой ходѣмо, пане брате, за горы, за горы,
Та винесемъ своимъ жёнкамъ шовку на чемборы!

339.

Ой пôду я въ полонину, та й тамъ и загину,
Кажу собѣ посадити въ головкахъ калину:
Будутъ пташки прилетати, калиноньку ѣсти,
Будутъ менѣ приносити вôдъ милои вѣсти.

340.

Шобы тобѣ, мôй сыночку, кучери лелѣли,
Шобы тобѣ, мôй сыночку, люде завидѣли!

341.

Добре вôвцѝ въ зимѣ пасти, не треба доити,
Не буде го вôдъ жентицѝ черево болѣти.

342.

Чіи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку;
На стороны бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, тай поговорити.

343.

Хиба тогди, дѣвчинонько, мои мысли згасишь,
Коли твою бѣлу ручку та зъ моєю звяжешь;
Хиба тогди, дѣвчинонько, я тебе забуду,
Якъ на вѣки изъ симъ свѣтомъ прощатися буду.

344.

«Ой не рубай лѣщиноньки, най горѣшки родитъ:
Ой не сватай вдовы дочку, най дѣвкою ходитъ!» —
«Шкода жъ тои лѣщиноньки горѣхи родити,
Шкода дочки вдовинои дѣвкою ходити.»

345.

Шумитъ менѣ, якъ у млинѣ, въ моєй головонцѣ,
Не могу я привыкнути въ чужôй сторононцѣ.

346.

Ой бѣдома, сама 'мъ дома, прійди, любку, нынѣ,
Сама буду простерати ленокъ на долинѣ.

347.

Видитъ бы 'мъ ся не здрѣмала, хоть бы й день бѣленькій,
Кобы сидѣвъ коло мене хлопець молоденькій.

348.

Ой у садѣ вишня, чому не черешня?
Коли мене любку любишь, чому не берешь мня?

349.

Ой мѣсяцю, переградься на двѣ половинѣ:
Едновь свѣти миленькому, а другою менѣ!

350.

Кобъ я була така красна, якъ та зоря ясна,
Стѣтила бы 'мъ знаю кому, нѣколи не згасла.

351.

Нема мого миленького, нема моей квѣтки,
Пбшла бы 'мъ го выглядати, та не знаю звбдки.

352.

Ой якъ тяжко конопелцѣ, якъ въ болотѣ гніе,
Еще тяжше дѣвчиноцѣ, якъ безъ мужа жіе.

353.

Журилася мати мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

354.

Якъ поѣдешь съ кôньми на нôчь, свисни на листочокъ,
А я буду спôзнавати, чи твôй голосочокъ!

355.

Пусти конѝ на отаву у желѣзнôмъ путѣ,
Прошу тебе, мôй миленькій, не толочь ми руты!
А на рутѣ жовте цвѣтье, рута зеленая,
Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молодая!

356.

Пусти конѝ на отаву, самъ иди до хаты,
А тамъ будемъ розмовьяти, шобъ не чула мати!

357.

Точилися возы зъ горы, поломали свôрнѝ:
Покимъ була молоденька, не було ми рôвнѝ.

358.

Бодай тебе, мôй миленькій, спаливъ снѣгъ бѣленькій:
Сѣмь разъ вмъ тя чаровала, а ты здоровенькій!
Сѣмь разъ вмъ тя чаровала у новôй коморѣ,
Не поможутъ тѣ, миленькій, Цѣсарськѝ дохтори.

359.

Ой щобы ты, мôй миленькій, такій веселенькій,
Якъ у лѣтѣ въ Чорногорѣ вѣтрець холоднёнькій!

360.

Въ мене очка чорненькія, якъ тернь на галузѣ,
Личко таке румяненьке, якъ калина въ лузѣ.

361.

Любила 'мъ тя, ледѣнику, якъ зъ орѣха зерня,
Теперь буду обходити, якъ колюче терня.

362.

Є, дѣ, въ мене, въ городочку, червона ружочка:
За любочкомъ моимъ милымъ болитъ головочка.

363.

Тече вода зъ загорода, тече вода, рѣчка:
Ой мôй милый, чорнобрôвый, якъ у травѣ чѣчка.

364.

Цы ты, милый, такій ладный, цы менѣ здаеся,
Шо, мôй милый, черезъ тебе спанье не береся?

365.

Ой тожь-то 'мъ ся находила горѣ тимъ потокомъ,
Ой тожь-то 'мъ ся налюбила милого пôдъ бôкомъ!

366.

Коли хочешь, любку любый, щобы 'мъ тя любила:
Поставъ лавку черезъ рѣчку, щобы 'мъ не бродила!

367.

Ой изôйшовъ мѣсяченько, та й обгородився:
Въ нещасливу годиноньку мôй любко вродився.

368.

Гадай, любку, загодочку та на давнй слова,
Яка була межи нами любая розмова;
Яке було запôзнанье, яке закоханье,
Таке буде межи нами любов мешканье.

369.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, вѣтеръ повѣвае,
Тото жъ менѣ за миленькимъ серденько вилѣвае.

370.

Ци я ся не находила тыми плаѣчками,
Ци 'мъ си бѣдку не глаѣла та спѣваночками.

371.

Ой не рубай, та не теши, зеленого дуба,
Ой не цюлуй, не обôймай, коли 'мъ ти не люба!

372.

Ой яворе, яворочку, ростешь у поточку:
Вôдки тя ся надѣяти, файный, парубочку?

373.

Ой пташечки прелетѣли, воробчики сѣли,
Иповъ милый, не повертавъ черезъ мои сѣни.

374.

Ой рѣченька тече, тече, плаваечко мече:
Стоитъ любко за плечима, словечко не рече.

375.

Ой не лѣтай, воробею, по пôдъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

376.

Ой выйди ты, файный любку, зъ вышневого садку,
Ой дамъ же ти, файный любку, червоненьке ябко!

377.

Ци ты, мати, свого сынка у меду купала,
Та щобъ я ся твого сынка не нацюловала?

378.

«Ой сивенька зазуленько, высоко лѣтаешь,
Та повѣжь ми, зазуленько, де любка видаешь?» —
«Ой выдаю, тажь видаю, седитъ надъ водою,
Протерае оченята хусточковъ рябою.»

379.

Ой у лѣсѣ три тополѝ, всѣ три зеленелькѝ:
Любивъ мене, не взявъ мене, ледѣнь молоденькій.

380.

Ой зазулько, ой сивулько, позычько ми нóжокъ,
Най я скочу до милого, поки не впавъ снѣжокъ!

381.

«Зазулечко, сивулечко, высоко лѣтаешь,
Искажи жь ми вѣрну правду, де зъ любкомъ буваешь?» —
«Ой буваю та видаю на широкóмъ полѣ,
Выгравае въ сопѣлочку зъ голубыми волы.»

382.

Щобы тебе дверцѝ вбили, а мене ворота,
Щобы я ся не лишила пóсля тя, сирота!

383.

Я у броду брала воду, не видѣла 'мъ денця:
Невидала 'мъ миленького, не втѣшила серця.

384.

Якъ я свого миленького не виджу, не виджу,
То я свою челядоньку въ дому зненавиджу.
Якъ я свого миленького на годину уздрю,
То я свою челядоньку та усю люблю.

385.

Ой Василю, ты Василю, та не седи въ былю,
Ой не плети дѣ вѣночки, не дури дѣвочки!

386.

Поповичу, всеповичу, житній колосоньку,
Спо̀знаю тя, поповичу, хоть по голосоньку!

387.

Коли мене, любку, любишь, не кажи жь нѣкому,
Нехай люде не розносятъ, якъ вѣтеръ солому!

388.

Та коли жь мья вѣрне любишь, люби жъ мья самую,
Не поглядай оченьками на суку другую!

389.

Сюда, туда, улыцями, моя хата крайна,
Мене, мамко, хлопцѝ любятъ, бо 'мъ, не въ року, файна.

390.

Перескочь си въ загороду, урви собѣ бобу:
Коли хочешь мене взяти, проси мого роду!
Перескочь си до городця, урви собѣ тои:
Коли хочешь мене взяти, проси мья самом!

391.

Сюда, туда, улицями, моя хата сема,
Мене, ненько, хлопцѝ люблятъ, бо я собѣ чемна.

392.

Сѣдай же но коло мене, низенькій, маленькій:
Твое личко бѣленькое, якъ мѐдъ солоденькій.

393.

Черезъ гору высокую шовковая нитка:
Чому жь, любку, не приходишь? Яка нѐчка видка!

394.

Черезъ гору высокую шовковый шнурочокъ:
Чому, любку, не приходишь? Якій ти смуточокъ?

395.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, засвѣти по полю,
Ней выберу пшениченьку съ куколю, съ куколю!

396.

Ненько жъ моя солоденька, любьятъ мене хлопцѣ,
Даютъ менѣ по таляру, жита по коробцѣ;
Ой я жита та й не беру, бо я жито маю,
Они мене зачѣпаютъ, а я жарты знаю.

397.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
«Прійди, прійди, мой миленькій, я рыбу варила!»

398.

Подивися разъ на мене, два разы на себе,
Чи не буде шкода мене, якъ пôду за тебе?
Подивися разъ на мене, два разы у воду,
Чи не буде мене шкода и моєго роду?

399.

Посѣю я трошки маку, уродится бо́льше:
Любитъ мене файный любко, а я го ще лѣпше.

400.

Самъ до мене приходжавъ єсь, менѣ присягавъ єсь:
За що, мене покидаешь, другой руку даешь?

401.

Коли мене покидаешь, покинь воду пити,
Ой щобы ты не дочекавъ другую любити!
Коли мене покидаешь, покинь хлѣба ѣсти,
Ой щобы ты не дочекавъ коло другой сѣсти!

402.

Не буду я сама спати, кусаютъ мья блохи:
Ой ходѣмо до корчмоньки, погуляймо трохи!

403.

Ой убита дороженька до луга, до луга:
Уже мого миленького вбдобрала друга.

404.

Ой чи жь бо я не дѣвчина, чи я не вродлива?
Тблько менѣ догаоньки, що 'мъ не чорнобрбва!
Ой чи жь бо я не дѣвчина, чи не врода паньска?
Тблько менѣ догаоньки, що врода Цыганська!

405.

Ой коли я була мала, не знала нѣчого,
Я казала, що не буду любити нѣкого;
А коли я вже велика, на станочку стала,
Теперь же я та до серця кождому припала.

406.

Пôдъ тѣмъ мостомъ рыба съ хвостомъ, якъ бы ей йимити,
Щобы свому миленькому вечеру зварити?

407.

А коли тѣ такій, милый, колы такôй душка,
То повѣсь си го на шею та замѣсть ягнушка!

408.

Подивлюся у вôконце, чи высоко сонце:
Нема жь мого миленького, треба жь ми го конче.

409.

Ей Андрêю, Андрêечку, не кажи нѣкому,
Дамъ я тобѣ перстенину якъ прійду до дому;
Дамъ я тобѣ перстенину съ трома камѣнцями,
Лишь не кажи коло коріпмы межи ледѣнями!

410.

На зеленôмъ зарѣночку пасе милый конй,
Я бы 'мъ его не спѣзнала, но вôнъ у галонѣ;
Злотый галонъ Коломыйській, капелюхъ Загôрській,
А мôй милый чорнобрôвый, якъ панъ Перерѣвській.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Слѣдствія великаго переселенія народовъ, которымъ начинаются Средніе вѣка, составляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, но вмѣстѣ и печальныхъ, отдѣловъ Всеобщей исторіи. Будьто огромная рѣка, затопляющая хорошо обработанный берегъ и въ нѣсколько часовъ смывающая труды многихъ лѣтъ, дикія орды, прежде едва извѣстныя по имени, проносятся по Римской всесвѣтной Имперіи: онѣ разрушаютъ въ короткое время все, что создалъ, и сберегалъ духъ человѣка въ продолженіе многихъ тысячелѣтій. Толчокъ къ общему движенію дали Гунны, народъ отвратительной наружности, жившій на сѣверныхъ границахъ Китая: тѣснимые превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и увлекши за собою другія родственныя племена, они образовали страшную массу, пошли къ западу и столкнулись съ Готами, которые господствовали на восточной границѣ Германіи отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Какъ ни храбрый отпоръ дали Готы, однако жь не могли отразить Гунновъ, и въ 376 году бѣжали за Дунай въ Римскую область, гдѣ получили позволеніе поселиться, въ чемъ и не легко было отказать имъ. Будучи и сами безпокойнымъ народомъ и часто раздражаемые вѣроломными поступками Римлянъ, они скоро возстали на нихъ открытою войною и разнесли безконечное бѣдствіе по всей Имперіи. Аларикъ, одинъ изъ храбрыхъ вождей, прошелъ, дѣлая грабежи, Грецію и Италію и завоевалъ Римъ (410). Когда онъ въ первый разъ ворвался въ Италію, всѣ войска, стоявшія въ качествѣ гарнизоновъ въ областяхъ, должны были спѣшить на помощь и

не возвращались уже на свои постоянныя квартиры. Въ послѣдній день 405 года перешли Рейнъ Аланы, Вандалы, Свевы и Бургунды и наводнили беззащитныя Римскія области; Бургунды поселились въ Галліи, но Аланы, Вандалы и Свевы проникли съ своими разореніями до Пиринеевъ, перешли этѣ горы и овладѣли Испаніей. Съ этого полуострова скоро появились (414 г.) и Вест-Готы, которые все усиливались и тѣснили Германскія племена, поселившіяся тамъ сначала. Оттуда же Вандалы бросили жадный взглядъ на богатые Африканскіе берега, нашли вскорѣ случай перебраться черезъ проливъ (429 г.) и наводнили эту прекрасную страну отъ Тангера до Триполи. Въ Британію высадились Саксы и покорили (449) тамошнихъ жителей только послѣ храбраго сопротивленія, съ помощію другихъ, послѣдовавшихъ за ними Нѣмецкихъ племенъ. При такомъ разстроенномъ положеніи дѣлъ Царь Гунновъ, Аттила, по прозванію бичъ Божій, бросился съ войскомъ изъ 700,000 варваровъ по Германіи, черезъ Рейнъ, въ Галлію, уничтожая все, что могъ настичь въ своемъ походѣ. Римляне поднялись въ послѣдній разъ и, въ соединеніи съ Германскими племенами, уничтожили силу Гунновъ на поляхъ Шалона (451 г.). Однако жь, нельзя ужь было ожидать спасенія для разлагавшейся западной половины Имперіи, раздѣленной между сыновьями Ѳеодосіемъ Великимъ: спустя послѣ того недолго (471) она досталась Аларику, вождю вспомогательныхъ войскъ, составлявшихъ пеструю смѣсь изъ всякихъ варваровъ. Италія явилась теперь заманчивою добычею для Ост-Готовъ, жившихъ на нижнемъ Дунаѣ. Весь народъ поднялся въ походъ подъ начальствомъ Ѳеодорика, столько же благоразумнаго, какъ и храбраго своего Короля, положилъ конецъ господству Одоакра и основалъ Ост-Готское царство (493). И оно вскорѣ пало: войска Восточно-Римскаго Императора Юстиніяна завоевали опять эту, облитую кровью, страну (553), однако жь не могли удержать ее за собою на долго. Лонгобарды, Германское племя, появившееся на Эльбѣ еще при Августѣ, ринулись съ Альповъ (568 года)

и покорили верхнюю Италію, которая и по сіе время называется по ихъ имени Ломбардіею. Межъ тѣмъ какъ Ост-Готы добывали мечомъ владычество Италіей, Франки, самое отважное Германское племя, распространились изъ Белгіи, гдѣ основали свои первыя поселенія, по всему Нижнему Рейну; при Королѣ Клодвигѣ (481 — 511), основателѣ Французской монархіи, вмѣстѣ съ которымъ приняли Христіянскую вѣру и Франки, они мало по малу образовали державу, которая вскорѣ давала повелѣнія прочимъ племенамъ въ Галліи и Германіи и располагала будущностью Европы.

Едва ли нужно замѣчать, что, при такомъ положеніи дѣлъ, науки не могли дѣлать успѣховъ ни въ Италіи, ни въ западныхъ Римскихъ областяхъ; однако жь Этнографія и Георгафія не совсѣмъ оставались безъ движенія. Мы не будемъ говорить о распространеніи ихъ предѣловъ, благодаря даже переселенію народовъ, но только скажемъ о попыткахъ, безъ сомнѣнія, слабыхъ, постепенно умирающей Римской учености. Въ исходѣ IV-го столѣтія Фестъ Авіенъ не совсѣмъ плохими стихами написалъ обозрѣніе Географіи и картину береговъ Средиземнаго моря: особливо послѣдняя навсегда удержитъ за собою нѣкоторое достоинство, по тому что въ ней находится путешествіе Гимилькоса къ западному Европейскому берегу, изложенное по не существующимъ уже Финикійскимъ источникамъ, только, къ сожалѣнію, очень сбивчиво и почти непонятно. Мы не станемъ описывать подробнѣе нѣсколькихъ другихъ сухихъ компиляцій названій народовъ и городовъ, также и много дорожниковъ, показывающихъ направленіе Римскихъ дорогъ и разстояніе одного мѣста отъ другихъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ примѣчаній; упомянемъ только о большой картѣ древняго міра, сохранившейся для насъ по счастію. Она находится теперь въ Императорской Библіотекѣ въ Вѣнѣ и, по имени ея прежняго владѣльца, Конрада Певтингера, Аугсбургскаго патриція, называется «Певтингерова таблица.» О времени ея происхожденія несогласны; однако жь, мнѣніе, что

она составлена въ царствованіе Императора Александра Севера, около 230 года, имѣетъ вѣсъ, какъ самое вѣроятное. Не было бы трудно опредѣлить ея время, если бы существовалъ ея подлинникъ, но у насъ только списокъ съ нея, сдѣланный однимъ монахомъ XIII-го столѣтія. Отъ него ли, или отъ прежнихъ писцовъ, вкралось много ошибокъ и смѣшныхъ прибавокъ. Такъ у Рима, гдѣ не забыта и церковь Св. Петра, сидитъ Нѣмецкій Императоръ съ короною, скипетромъ и державой, а въ одной степи видно мѣсто, гдѣ разбили свой станъ «чада Израиля.» У карты недостаетъ лоскутка, на которомъ изображено было больше половины Британіи, Испанія и западная часть Африки; за то карта показываетъ земли восточной Азіи, на сколько доставало свѣдѣній объ нихъ у Римлянъ, жилища Сереновъ, устья Ганга, островъ Цейланъ, по тогдашнему мнѣнію, далеко протянутый съ востока на западъ, и даже дорогу во внутреннюю Индію. Впрочемъ, составили бы очень ложное понятіе объ этой картѣ, если бы захотѣли думать, что каждая страна изображена на ней по ея географическому положенію, ея границамъ и дѣйствительной величинѣ. Составитель, кажется, не имѣлъ никакого понятія объ тѣхъ требованіяхъ. Страны прилѣплены къ другимъ странамъ въ направленіи съ запада къ востоку, безъ отношенія къ фигурѣ, длинѣ и широтѣ каждой страны, которыя обозначались еще прежними географами, отъ чего карта, при длинѣ 21 съ $^1/_4$ фута, вышла только въ одинъ футъ ширины. Впрочемъ кромѣ направленія главныхъ дорогъ, она означаетъ также высокія горы, теченіе значительныхъ рѣкъ, моря и очертанія морскихъ береговъ, также названія областей и замѣчательнѣйшихъ народовъ. Сначала она была начерчена для государственнаго употребленія и для полководцевъ; въ послѣдствіи, когда купецъ и всякой путешественникъ убѣдились въ ея необходимости, она побывала во многихъ рукахъ, стала подробнѣе отъ поправокъ и дополненій, и даже введена была въ учебныя заведенія; по крайней мѣрѣ, она-

емъ, что еще въ IV-мъ столѣтіи на стѣнѣ Отюнской школы висѣлъ этотъ географическій чертежъ всего міра.

Перенесемъ теперь нашъ взглядъ съ безотраднаго состоянія западной Европы на восточную часть Римской имперіи. Вовсе неутѣшительная картина является для насъ и здѣсь: дикія орды съ Дуная и тутъ ломятся къ столицѣ, — Константинополь спасаетъ его выгодное положеніе: буря отхлынула, и тѣмъ опустошительнѣе свирѣпѣетъ на западѣ; опаснѣйшимъ непріятелемъ являются Персы, и долгая, ожесточенная война оканчивается только совершеннымъ изнуреніемъ обѣихъ сторонъ. Къ бѣдственнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ присоединились, въ сердцѣ Византійской имперіи, междоусобныя войны, мятежи, церковные споры цареубійства, глубокая испорченность министровъ, кичливое вліяніе войска, большею частію состоящаго изъ варваровъ, и разнородный позоръ. При Юстиніянѣ I (527—565), который называется Великимъ вовсе не по заслугамъ, побѣды знаменитыхъ полководцевъ, Велизарія и Нарзеса, опять доставили Имперіи уваженіе и вліяніе; но этотъ блескъ былъ мимолетный и походилъ на вечерній сумракъ, за которымъ слѣдуетъ темная ночь.

И для наукъ и искуствъ проглядывалъ иногда живительный лучъ надежды въ Константинополѣ, гдѣ нашли онѣ единственное убѣжище въ это время всеобщей дикости: изъ этого періода Греческой Литературы мы еще имѣемъ нѣсколько произведеній, изумляющихъ основательностью содержанія и мастерскимъ изложеніемъ. Но изъ всѣхъ отраслей знанія почти ни одна не была обработана менѣе Географіи. Сюда не могутъ принадлежать азбучные перечни названій странъ, народовъ и городовъ, и руководства, списанныя съ древнѣйшихъ источниковъ, безъ вкуса и знанія дѣла: во всемъ этомъ періодѣ находимъ единственнаго Греческаго путешественника, съ котораго и начнемъ біографіи этой книги.

КОЗМА ИНДИКОПЛОВЪ.

Во все то время, пока Египетъ принадлежитъ къ Восточной Римской имперіи, вѣроятно, все еще продолжались очень выгодныя торговыя сношенія съ Индіею и доставляли много важныхъ извѣстій изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Азіи въ Египетъ и Европу; этѣ извѣстія, однако жь, замолкли, не послуживъ для пользы Географіи. Книжечка о народахъ Индіи и Браминахъ, составленная Епископомъ Геліополиса, Палладіемъ, въ началѣ V-го столѣтія, своимъ страннымъ монашескимъ содержаніемъ заставляетъ очень сомнѣваться въ ея достовѣрности, да врядъ ли она и итогъ наблюденій, собранныхъ на мѣстѣ. Но этѣ наблюденія ясно проглядываютъ въ другомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Христіянская топографія»; оно носитъ также и имя своего творца, Козмы, Египетскаго купца въ половинѣ VI столѣтія, который предпринималъ много путешествій и въ послѣдствіи пошелъ въ монахи. Козма воспользовался своими свѣдѣніями для составленія системы, согласной съ Священнымъ Писаніемъ, мнѣніями Отцовъ Церкви, и противоположной мнѣніямъ Птолемея и другихъ языческихъ географовъ, казавшимся для него грѣшными. Какъ ни много нелѣпостей утверждаетъ добрый монахъ, сколько ни наблюдалъ онъ странныхъ вещей, которыя не легко доводится видѣть новѣйшему путешественнику, на примѣръ: слѣды Фараоновыхъ колесницъ въ Чермномъ морѣ, однако жь, система его составлена такъ остроумно и такъ важна для обсужденія тогдашнихъ Христіянскихъ воззрѣній на міръ, что мы думаемъ изложить главныя черты ея, прежде нежели станемъ передавать его извѣстія объ Индіи и Цейланѣ, много разъ подтвержденныя новѣйшими путешественниками.

Обитаемая земля — четвероугольная плоскость, которой долгота съ востока на западъ вдвое болѣе ширины съ сѣвера къ югу. Этотъ параллелограммъ кругомъ обнесенъ стѣною, на верху сведенною въ полукругъ и дающею цѣлому видъ хлѣбной печи. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута, подобно скатерти, твердь, и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и Святые. Подъ твердью движутся солнце, мѣсяцъ и звѣзды, только

не кругомъ земли, но тому что этому бы мѣшала стѣна, а кругомъ очень высокой горы съ острою вершиною и широкимъ основаніемъ, находящейся на сѣверномъ концѣ земли. Когда солнце стоитъ передъ горою—у насъ день, а пока оно движется позади ея — ночь. Лѣтомъ оно ходитъ кругомъ горной вершины, и ночи бываютъ короткія по тому, что оно не долго можетъ скрываться за узкою горной вершиной; зимою оно опускается все ниже къ широкому основанію, и ночи становятся длиннѣе. Когда гора приходится между мѣсяцемъ и солнцемъ, бываютъ лунныя затмѣнія: подобнымъ же образомъ объясняются и всѣ явленія на небѣ. Земля и небо ни на чемъ не лежатъ: ихъ держатъ въ равновѣсіи силы, имѣющія свое тяготѣніе и сдерживаемыя въ совокупности стѣною; это силы тѣлъ, стремящихся въ глубину, и огня, поднимающагося къ верху: такимъ образомъ все остается въ неподвижномъ порядкѣ. Кругомъ земли течетъ океанъ и вдается въ материкъ 4-мя углубленіями: Средиземнымъ и Каспійскимъ моремъ и Арабскимъ и Персидскимъ заливами. Кругомъ океана тянется другая земля еще больше, связующая относительно первой: люди достичь ея не могутъ, хотя и жили на ней когда-то, по тому что на восточной сторонѣ ея находился рай, и еще теперь большія рѣки, орошавшія его, текутъ оттуда подземными каналами на нашу землю. По изгнаніи изъ рая, Адамъ остался съ своимъ потомствомъ на берегу океана, но наконецъ потопъ принесъ Ноя съ ковчегомъ въ теперешнее жилище людей.

Крайнюю восточную страну нашей земли Козма называетъ Тринца и явно разумѣетъ Китай, который, такимъ образомъ, встрѣчается здѣсь въ первый разъ; съ восточной стороны онъ омывается океаномъ, и торговые люди доходятъ до него очень дальней и трудной дорогой. Онъ въ такомъ же разстояніи отъ острова Селедивы (Цейлана), въ какомъ этотъ отъ Персидскаго залива. Островъ Селедива, который отъ того-то и считается средоточіемъ торговли, имѣетъ 180 миль длины и столько же ширины. Два Государя, живущіе въ ссорѣ между собою, раздѣляютъ власть надъ нимъ и получаютъ большую прибыль отъ значительной торговли. Каждый купецъ долженъ тотчасъ же по пріѣздѣ представиться Государю той области, гдѣ пристанетъ, и дать точный отчетъ въ дѣлахъ, какими намѣренъ заниматься; онъ всегда долженъ при-

носить съ собой монету новаго чекана. Вблизи Селедивы лежитъ много малыхъ острововъ (Малединскіе), на которыхъ находятъ прѣсную воду и много кокосовыхъ орѣховъ. Всѣмъ западнымъ берегомъ Передней Индіи отъ Синда до самой южной части, называемой Мале, гдѣ растетъ перецъ, владѣютъ пять Королей и имѣютъ много богатыхъ торговыхъ городовъ. На сѣверномъ теченіи Синда живутъ бѣлые Гунны, которые, подъ начальствомъ своего Царя, Голласа, съ двумя тысячами слоновъ и большими полками конницы, покорили значительную часть Индіи. Однажды осаждали они крѣпкій городъ, обведенный рвами съ водою; но стояли подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не вышли воды въ рвахъ и потомъ отважились съ успѣхомъ на приступъ. На южныя страны на Синдѣ находятся подъ властью одного тамошняго Государя, который держитъ 500 слоновъ.

Козма описываетъ и нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ Ѳіопскихъ и Индѣйскихъ звѣрей и деревья: больше всего удивилъ его носорогъ. По словамъ его, онъ называется такъ отъ роговъ на носу, которые подвижные, и когда онъ ходитъ, качаются изъ стороны въ сторону, а когда осердится, дѣлаются такими жесткими и твердыми, что можно вырывать ими съ корнемъ деревья. Глаза у него лежатъ весьма глубоко въ челюстяхъ, взглядъ очень страшный. У него сильная вражда со слономъ, на котораго онъ, впрочемъ, походитъ по ногамъ и кожѣ. Эта кожа въ 4-ре пальца толщины: высушенные лоскутки ея во многихъ мѣстахъ употребляютъ вмѣсто сошниковъ. Въ Ѳіопіи Козма однажды видѣлъ падали живаго звѣря, котораго Ѳіопы зовутъ ару или гариси; видѣлъ также и чучелу его въ Царскомъ дворцѣ. Очень полезный звѣрь — волъ-олень (у новѣйшихъ естествоиспытателей Варварійская корова), живущій въ Индіи, какъ домашнее животное: его употребляютъ больше всего для носки мѣшковъ съ перцемъ, а изъ молока его дѣлаютъ хорошее масло; мясо его очень вкусно. Въ Ѳіопіи встрѣчаютъ его только въ дикомъ состояніи: тамъ еще не могутъ пріучить его къ работѣ. Камелопардъ (жирафъ) водится только въ Ѳіопіи; его также не могутъ сдѣлать домашнимъ; въ Царскомъ дворцѣ, однако жъ, выращиваютъ нѣсколькихъ дѣтенышей: когда имъ захочется пить изъ таза, въ которомъ даютъ имъ молоко и воду, то, по высотѣ своихъ шей, они должны

разставлять переднія ноги, чтобы опустить голову на землю. Мускуса (бизама), который у туземцевъ называется кастури, вездѣ усердно преслѣдуютъ охотники и бьютъ стрѣлами. Мясо его не употребляютъ въ пищу и бросаютъ, а кровь, которая копится и сгущается въ пупкѣ, тщательно вырѣзываютъ. Въ торговлѣ онъ слываетъ подъ именемъ москуса: по причинѣ пріятнаго запаха, его спрашиваютъ вездѣ и покупаютъ за дорогую цѣну. Козма не видалъ живаго единорога («инорогъ» по Древне-Славянски), о которомъ такъ много толковали, а встрѣчалъ его только на мѣдныхъ картинахъ во дворцѣ Еѳіопскаго Царя. Ему разсказывали, что это страшный звѣрь: вся его сила сосредоточена въ рогѣ, и другіе звѣри одолѣваютъ его рѣдко. Когда же преслѣдуетъ его очень большая толпа людей, отъ которой оборониться не въ силахъ и предчувствуетъ, что его поймаютъ, онъ бросается въ пропасть такимъ образомъ, что сначала касается земли своимъ рогомъ, который ломается при паденіи, а самъ онъ остается невредимъ. Козмѣ не случилось видѣть и гиппопотама; но въ Египтѣ и въ Еѳіопіи ему нерѣдко встрѣчались въ торговлѣ зубы этого звѣря. Козма даже досталъ нѣсколько очень большихъ зубовъ, изъ которыхъ каждый вѣсилъ 13 фунтовъ. Морскихъ собакъ, дельфиновъ и черепахъ онъ не описываетъ подробно, но не можемъ умолчать объ его замѣчаніи, что онъ, вмѣстѣ съ другими купцами, ѣздившими въ Индію, ѣдалъ ихъ часто. Черепашье мясо онъ нашелъ такъ же вкуснымъ, какъ баранье, хотъ оно и чернаго цвѣта: мясо дельфиновъ и морскихъ собакъ походило вкусомъ на свинину, только у дельфиновъ оно было черное и горьковатое, а у морскихъ собакъ — бѣлое и не имѣло непріятнаго запаха. Изъ Индѣйскихъ растеній называетъ онъ только перецъ и кокосовую пальму. Перцовое растеніе очень тонко, слабо и вьется по другимъ деревьямъ. Отдѣльно растущія ягоды имѣютъ зеленую скорлупу, состоящую изъ двухъ листковъ. Кокосовая пальма растетъ дико и отличается отъ другихъ пальмъ только значительно высокимъ ростомъ и толщиною и сучья у ней длиннѣе. Плодъ пріятнаго вкуса, точно молодые орѣхи. Пока онъ свѣжъ, въ немъ чрезвычайно сладкій сокъ, замѣняющій Индѣйцамъ вино и называемый на ихъ языкѣ ронхосура (сури), но, спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ сорванъ, скорлупа его дѣлается похожею

на рогъ и сокъ въ ней отвердѣетъ: если дать ему долго лежать, онъ прогорькнетъ и больше не будетъ годенъ для пищи. *

---

* Объ этомъ Козмѣ «Индоплові» есть небольшая, но довольно любопытная, статья въ «Biographie Universelle» Мишо, которую и помѣщаемъ сдѣсь. «Козма, Александрійскій купецъ, жившій въ VI столѣтіи, извѣстенъ намъ подъ именемъ Индоплова (Cosmas Indicopleusta), плавателя въ Индію. Дѣйствительно, онъ посѣщалъ эту страну, также и весь Востокъ и Ефіопію. По возвращеніи изъ путешествій, онъ оставилъ торговлю, набралъ монашеское званіе и написалъ много сочиненій, изъ которыхъ дошла до насъ «Христіянская топографія», оконченная имъ въ 536 году. Мельхиседекъ Тевено въ 1663 году помѣстилъ нѣсколько отрывковъ изъ нея въ первомъ томѣ своего сборника; цѣлое же произведеніе было издано въ 1707 году, съ Латин. переводомъ, П. Монфокономъ во 2-мъ томѣ его «Collectio nova Patrum et Scriptorum Graecorum»; стр. 113—345. Онъ приложилъ къ нему четыре гравюры, вѣрно снятыя съ рисунковъ прекрасной Ватиканской рукописи, которою онъ пользовался; рукопись принадлежитъ, кажется, къ IX столѣтію. Слѣдуя Козмѣ, земля имѣетъ совершенно видъ большаго дома: поверхность ея ровная и образуетъ параллелограммъ, котораго длинныя стороны вдвое больше двухъ другихъ сторонъ; на этѣхъ послѣднихъ перпендикулярно возвышаются двѣ стѣны, которыя потомъ идутъ дугою и соединяются въ аркѣ или сводѣ. Двѣ другія стѣны, также перпендикулярныя, идутъ съ длинныхъ сторонъ параллелограмма и также соединяются съ этѣмъ сводомъ, такъ что человѣкъ на землѣ, точно птица въ клѣткѣ; небо образуетъ кровлю зданія. Внутри клѣтки, на сѣверной сторонѣ, за сѣвернымъ океаномъ, котораго заливъ Каспійское море, находится земля допотопная; въ центрѣ этой земли возвышается высокая гора, вокругъ которой обращаются солнце, луна и всѣ свѣтила: это движеніе круговращательное, и отъ него происходятъ восхожденіе и захожденіе свѣтилъ, фазы, затмѣнія. Первый рисунокъ представляетъ частности этой странной системы. Произведеніе Козмы раздѣляется на 12-ть книгъ: въ 1-й онъ сильно возстаетъ противъ шаровидности земли и считаетъ это ересью; во 2-й излагаетъ свою систему; въ 3-й доказываетъ ее изъ Св. Писанія и повторяетъ вкратцѣ въ 4-й. 5-ая книга предлагаетъ описаніе Скиніи, поставленной Моисеемъ въ пустынѣ, и всѣхъ украшеній верховнаго первосвященника. Въ 6-й книгѣ Козма доказываетъ, что солнце величиною много что съ осьмую часть земли: «вотъ простая причина, говоритъ онъ, почему свѣтъ распространяется мало по малу: этого не могло бы случиться, если бъ солнце было больше нашей планеты.» 7-ая книга разсуждаетъ о твердости небесъ, 8-я о пѣсни Іезекіиля и возвратномъ движеніи солнца, 9-я о теченіи звѣздъ, въ 10-й собраніе текстовъ изъ Отцевъ Церкви, въ 11-й Козма сообщаетъ описаніе острова Тапробана (Цейлона) и животныхъ Индіи, въ 12-й же собираетъ всѣ свои доказательства; впрочемъ, эта книга не кончена. Не смотря на незнаніе физики, Козма былъ ученъ для своего вѣка. Его произведеніе — единственный, сколько ни будь значительный, географическій

АРАБЫ.

Эти скудныя замѣтки, едва не пропадающія совсѣмъ изъ вида въ твореніи Козмы, подробномъ выше всякаго понятія и большею частію составленномъ изъ текстовъ Священнаго Писанія и Отцовъ Церкви — послѣднія извѣстія, получаемыя нами отъ Грековъ объ Индіи; по тому что Египетъ, откуда велась торговля съ Востокомъ, достается во власть Арабамъ въ первой половинѣ VII-го столѣтія. Этотъ народъ, мало замѣтный прежде, теперь съ быстротою молніи распространяетъ свои завоеванія по большей части извѣстнаго свѣта и основываетъ Царство, которому далеко уступаетъ въ обширности Римское въ его самую цвѣтущую пору.

Арабы, которыхъ Магометъ умѣлъ воодушевить не только къ принятію своей Вѣры, но и къ распространенію ея по всѣмъ

отрывокъ, оставшійся для насъ отъ этой эпохи; онъ сохранилъ намъ измѣренія и мѣста Древнихъ писателей, нами утраченныя. Его описаніе острова Цейлона и другихъ странъ, которыя онъ посѣщалъ, не презирали наши лучшіе новѣйшіе географы и легко объясняли многія мѣста изъ него; но самый важный памятникъ, которымъ мы обязаны Козмѣ, это знаменитая надпись въ Адулѣ. * Четвертый рисунокъ, кромѣ изображеній животныхъ Индіи, представляетъ еще земледѣльческій календарь, Египетскій или Коптскій: фигуры каждаго отдѣла — плоды, или зелень, соотвѣтствующіе каждому мѣсяцу; Египетскія названія переданы Греческими буквами. Козма написалъ еще: «Астрономическія таблицы», «Толкованіе на пѣсни пѣсней», и «Всеобщую Космографію», въ которой подробно описалъ теченіе Нила, Египетъ и Ефіопію.» Сочиненіе Козмы Индикоплова находится и въ Древне-Славянскомъ переводѣ и нерѣдко встрѣчается въ собраніи рукописей, со множествомъ изображеній и даже самаго Козмы.

* Адулисъ — Пристань въ Ефіопіи на Аравійскомъ заливѣ. Адульская надпись, снятая Козмою, прославляетъ походы и подвиги Птолемея Эвергета (ум. 221 г. до Р. Х) въ слѣдующихъ словахъ: «Государь отправился въ Азію съ великою силою конною и пѣшею, съ отрядами судовъ, съ Троглодитскими и Ефіопскими слонами, которыхъ отецъ его и онъ въ первый разъ наловили въ тѣхъ краяхъ и приспособили потомъ въ Египтѣ къ военному дѣлу. Завоевавъ всѣ земли по сю сторону Евфрата, Киликію, Памфилію, Іонію, Геллеспонтъ и Ѳракію съ ихъ войсками, слонами и властителями, онъ перешелъ Евфратъ и покорилъ Мессопотамію, Вавилонію, Сузіяну, Персію, Мидію и всю остальную страну вплоть до Бактріяны. Онъ повелѣлъ отыскать всѣ святыни, похищенныя Персами изъ Египта, и вмѣстѣ съ другими сокровищами отвезти ихъ назадъ, потомъ отправилъ военные отряды по теченію каналовъ (нижняго Евфрата и Тигра).»

странамъ Востока, съ самаго древняго времени были дѣятельный, торговый народъ: при посредствѣ ихъ большая часть произведеній южной Азіи приходила въ Африку и Европу. Магометъ, самъ купецъ, не могъ не знать выгодъ, притекавшихъ къ его единовѣрцамъ, благодаря оживленной торговлѣ, и содѣйствіе ей вмѣнялъ въ обязанность во многихъ предписаніяхъ своей Вѣры. Часть военной добычи должна отдаваться «сыну пути» и употребляться на постройку мостовъ и каналовъ; совершенно въ духѣ Пророка говорилъ своимъ полководцамъ и вѣрный другъ его, почтенный Абубекръ, въ видѣ увѣщанія: «Когда одержите побѣду, не убивайте ни дѣтей, ни стариковъ, не разоряйте пальмовыхъ рощей, не жгите пшеницы, не рубите яблоней и не истребляйте скота, кромѣ такого, какой вамъ нуженъ для пищи!» Если и встрѣчается много вопіющихъ нарушеній этѣхъ правилъ, особливо въ позднѣйшихъ завоевательныхъ походахъ, когда войска составлялись изъ воиновъ разныхъ націй, однако можно утверждать съ полною правдою, что почти ни въ какихъ другихъ войнахъ сила умѣренности не являлась въ такомъ блескѣ, какъ въ войнахъ Ислама. Такимъ образомъ старинная склонность Араба къ торговлѣ должна была не только продолжаться, но еще и усиливаться: вездѣ съ распространеніемъ его завоеваній быстро и прочно соединялись торговыя сношенія, взятіе всякаго новаго города служило началомъ и часто средоточіемъ новой отрасли торговли. Тѣмъ объясняется странное явленіе, что вереница каравановъ могла ходить, не тревожимыя боязнію непріятельскихъ войскъ; что тамъ, гдѣ не задолго прежде свирѣпѣла война, тотчасъ же возникала живая торговля; даже видѣли Арабскихъ солдатъ, заводившихъ мѣну и торгъ съ жителями тѣхъ городовъ, подъ которыми расположились станомъ. Такимъ образомъ въ короткое время вся торговля отъ Испаніи до Индіи, отъ внутренней Африки до Каспійскаго моря находилась почти исключительно въ рукахъ Арабовъ, потому что до такихъ размѣровъ доходили ихъ завоеванія. Однако жь, ни снѣжныя горы Белуръ, ни знойныя песчаныя степи Сагары, мѣшавшія дальнѣйшему вторженію ихъ оружія, не положили предѣла распространенію ихъ Вѣры и торговли. Отдѣльные проповѣдники, большею частію ученики самаго Пророка, въ неутомимомъ усердіи обращать въ его Вѣру, проникали далеко во внутреннюю Африку и до Китая и проповѣдывали Исламъ съ немаловажнымъ успѣхомъ, что

удовлетворительно доказываютъ многочисленные поклонники Магомета въ этѣхъ странахъ. Болѣе тѣсная связь съ Меккою и странствованія ко гробу Пророка, съ принятіемъ Ислама вмѣнявшіяся въ обязанность каждому Правовѣрному, должны были необходимо провести торговлю по всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ, краямъ, куда ещѐ прежде нея проникнулъ Исламъ. Вездѣ, куда бы ни входилъ онъ, рождались Арабскія поселенія, имѣвшія слѣдствіемъ дальнѣйшіе успѣхи Магометанской Вѣры и торговли; обѣ онѣ не останавливались до тѣхъ поръ, пока не полагали имъ предѣла мрачный океанъ, или ужасныя пустыни, или также непобѣдимые народы съ другими вѣроисповѣдными мнѣніями. Вообразимъ себѣ проведенную отъ самаго сѣвернаго мѣста, котораго они касались, черту, теперь разрушеннаго, большаго торговаго города, Болгара, не далеко отъ Казани, черезъ южную Россію, Кавказскія земли, Малую Азію и Африку, до страны Тимбукту на Джолибѣ, потомъ оттуда къ востоку до Абиссиніи; продолжимъ эту черту отъ Цуллы, самой важной пристани этой страны, къ югу до Софалы, потомъ отъ этого самаго южнаго складочнаго мѣста къ сѣверо-востоку, чрезъ Зондскіе острова, до Китая, наконецъ отсюда, минуя Алтай, соединимъ ее съ начальнымъ мѣстомъ, Булгаромъ: такимъ образомъ узнаемъ обширность Арабской торговли; а какъ торговля идетъ рука объ руку съ Географіею, то мы нашли теперь и обширность Арабской Географіи. Между этѣми странами, такъ отдаленными одна отъ другой, безпрестанно ходили караваны, поддерживавшіе сообщеніе, по тремъ большимъ дорогамъ, которыя прикасались къ важнѣйшимъ промежуточнымъ мѣстамъ. Первая вела изъ Аравіи къ сѣверу, черезъ Арменію, мимо западнаго берега Каспійскаго моря, въ Астрахань, къ Русскимъ областямъ, Болгарскимъ и къ другимъ сѣвернымъ народамъ; вторая пролегала чрезъ Персію, Кашмиръ и Индію, или черезъ широкія степи Татаръ до Китайскихъ границъ; третья соединяла Египетъ и сѣверную Африку съ землями Негровъ, и была самая трудная и опасная, по тому что пересѣкала великую степь; только блестящія выгоды, получаемыя отъ торговли слоновою костью, золотымъ пескомъ и невольниками, могли соблазнять къ этому путешествію, изъ котораго не всегда возвращались назадъ. Четвертая большая дорога, по которой двигалась Арабская торговля, былъ Индѣйскій океанъ: она вела къ востоку и югу, куда

только выгоды заманивали смѣлыхъ купцовъ. Этѣ выгоды увеличились съ усилившеюся роскошью знатнаго Араба, для котораго вскорѣ стали потребностью пряности, благовонія и дорогія матеріи. Обыкновенно плавали, кажется, близъ береговъ, и съ вѣтромъ муссономъ пересѣкали открытое море только тогда, когда держали путь прямо къ складочнымъ мѣстамъ Передней Азіи, лежащимъ южнѣе. При сношеніяхъ съ Китайцами, Арабы узнали и компасъ, хоть это часто и оспаривали; но, кажется, въ наибольшей части случаевъ звѣзды оставались ихъ единственными путеводителями.

Никто не станетъ оспаривать, что этѣ торговыя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта должны были имѣть слѣдствіемъ многія важныя открытія, но, къ сожалѣнію, мы знаемъ еще такъ мало географическую часть чрезвычайно богатой Арабской литературы, что не смѣемъ судить о ходѣ этѣхъ открытій и о заслугахъ Арабовъ для Географіи. Особливо очень мало дневниковъ сдѣлалось до сихъ поръ доступными; но только на нихъ слѣдуетъ установить правильный взглядъ, по тому что во всѣхъ систематическихъ сочиненіяхъ Арабовъ по Географіи, мало по малу обнародованныхъ, представляется очень странное явленіе: самыя древнія изъ нихъ, о которыхъ говорится въ исторіи Географіи, заключаютъ въ себѣ такъ же мало свѣдѣній о менѣе извѣстныхъ и новооткрытыхъ странахъ, какъ и позднѣйшія, а этѣ послѣднія сказываютъ о себѣ слишкомъ ясно, что они почти слово въ слово списаны съ первыхъ. По тому-то въ нашемъ описаніи мы держимся не многихъ, до сихъ поръ существующихъ, путешествій: съ ихъ помощію и съ прибавкою при случаѣ объяснительныхъ примѣчаній и дополненій, попытаемся представить сколько можно ясную картину географическихъ свѣдѣній Арабовъ.

АБУ-СЕИДЪ.

Когда народъ, являющійся завоевателемъ, успѣетъ покорить значительную часть земли и соединить ее въ большое царство, тогда тотчасъ же обнаруживается не только потребность близкаго знакомства съ его отдѣльными составными частями и жителями, но даже и охота узнать отношенія добытыхъ владѣній

ко всѣмъ прочимъ землямъ, принадлежащимъ другимъ народамъ, и войти съ ними въ сношенія изъ политическихъ, или торговыхъ, видовъ. Еще первые Калифы приказывали полководцамъ, отправлявшимся для завоеваній, знакомиться съ покоренными областями въ географическомъ отношеніи; такъ уже въ 833 году, для опредѣленія величины земли, славный Калифъ Аль-Мамунъ велѣлъ измѣрить градусы широты въ степи Сандшарѣ, между Раккою и Пальмирою. При Калифѣ Валидѣ (704—715) посланники ходили въ Китай, для приведенія въ порядокъ дѣлъ Арабскихъ купцовъ, съ раннихъ поръ поселившихся въ этой Имперіи, и воротились съ богатыми подарками. Съ того времени непрерывно продолжались живыя сношенія съ этой Имперіей и хорошо ознакомили Арабовъ со всѣми промежуточными странами, по тому что мореплаваніе принимало не прямое направленіе въ Китай, но прерывалось многочисленными, опредѣленными станціями, которыя въ то же время были и значительными складочными мѣстами. Счастливый случай сохранилъ для насъ подробное описаніе этого пути, написанное, неизвѣстно кѣмъ, въ 851 году, исправленное и дополненное около 880 года Абу-Сеидомъ эль-Гассаномъ Сирафа, и сдѣлалъ возможнымъ слѣдовать за Арабами въ ихъ поѣздкахъ на Востокъ.

Большая часть плавателей въ Китай, говоритъ это извѣстіе, останавливаются въ Сирафѣ, гдѣ выгружаютъ товары, привезенные изъ Басры и Омана, по тому что дальше, въ Персидскій заливъ и Чермное море, они не ѣздятъ, по причинѣ отмелей и частыхъ бурь. Если они съ полнымъ грузомъ, то направляютъ путь въ Маскате (на Аравійскомъ берегу), гдѣ берутъ воду и съѣстные припасы, а оттуда въ Индію, гдѣ, при попутномъ вѣтрѣ, черезъ мѣсяцъ, пристаютъ въ Кавкаммели (Куланѣ). Тутъ запасаются свѣжей водой изъ колодцевъ, за что должны платить пошлину, и послѣ короткаго отдыха продолжаютъ свое путешествіе въ море Герксидъ (между Индіею и Цейланомъ), въ которомъ находятся острова Робайгатъ (Малединскіе), числомъ до 1900. Они въ четырехъ миляхъ другъ отъ друга, всѣ населены и управляются Королевой. Туземцы славятся промышленностью и ткутъ чрезвычайно тонкую ткань, почти не уступающую шелковой, изъ нитей кокосовой пальмы, которая хорошо здѣсь родится. Изъ ко-

косоваго дерева они строятъ свои дома и суда. Монета у нихъ — маленькія раковины (каурисъ), появляющіяся при бурномъ морѣ на поверхности воды и собираемыя вмѣстѣ съ пальмовыми вѣтками, къ которымъ онѣ пристаютъ. На этѣхъ же островахъ находятъ и сѣрую амбру, какъ въ чрезвычайно большихъ кускахъ, такъ и въ малыхъ, похожихъ на выдернутыя растенія. Она растетъ на морскомъ днѣ, съ котораго срываютъ ее и выкидываютъ на берегъ сильные вѣтры; тамъ и находятъ ее, въ видѣ Грецкой губки и трюфелей. Долго раздѣляли это мнѣніе о происхожденіи амбры: теперь большая часть естествоиспытателей считаютъ ее камнемъ, иногда попадающимся въ желчи кита.

По ту сторону Робайгата лежитъ Серендибъ (Цейланъ), величайшій изъ Индѣйскихъ острововъ, и управляется двумя Королями. Посреди его возвышается гора Рагунъ (Адамъ-пикъ), на которой видѣнъ слѣдъ ноги, въ 70 аршинъ длиною: этотъ слѣдъ будто бы тамъ со временъ Адама, стоявшаго одною ногою на этой горѣ, а другою на морѣ. При подошвѣ горы находятъ много драгоцѣнныхъ камней: рубиновъ, опаловъ и аметистовъ, которые большею частію вымываются проливными дождями изъ ущельевъ и разсѣлинъ и рѣдко добываются изъ горы; Царскіе чиновники зорко смотрятъ за людьми, приставленными для собиранія этѣхъ драгоцѣнностей. Островъ богатъ также алойнымъ деревомъ, золотомъ, жемчугомъ, который ловится у береговъ, и очень большими раковинами, употребляемыми вмѣсто военныхъ трубъ. Прелесть долинъ, открывающихся съ моря, нельзя описать: онѣ хорошо орошены и покрыты прекрасными деревьями и роскошною зеленью. Воздухъ чрезвычайно здоровъ: отъ того-то путешественники и проживаютъ здѣсь мѣсяца два и больше; это тѣмъ удобнѣе для нихъ, что очень дешевы съѣстные припасы, на примѣръ: овца стоитъ полдрахмы, за ту же цѣну получаютъ столько пальмоваго вина, сколько въ состояніи выпить двое. Пальмовое вино дѣлается изъ варенаго пальмоваго меда, разводимаго съ тари, сокомъ, который каплетъ изъ пальмоваго дерева. Вѣроучители и законовѣды этого острова славятся по всей Индіи: со всѣхъ сторонъ къ нимъ сходятся ученики, чтобы пользоваться ихъ назиданіями. На храмы идутъ значительныя суммы, и въ одномъ изъ нихъ стоитъ очень большой идолъ изъ лучшаго золота. Впро-

чемъ, находятъ сдѣсь много Жидовъ и приверженцевъ другихъ сектъ, по тому что Царь дозволяетъ неограниченную свободу вѣроисповѣданій. Когда онъ умираетъ, его кладутъ спиною на колесницу, такъ что голова свѣшивается назадъ и волосы тащатся по землѣ. За нимъ идетъ жена и безпрестанно сметаетъ вѣникомъ пыль съ головы покойника, межъ тѣмъ какъ другіе громко кричатъ: «Люди, посмотрите на вашего Короля, который вчера былъ вашъ повелитель, а теперь власть его надъ вами миновалась. Не полагайтесь на невѣрныя надежды жизни!» Съ колесницею ѣздятъ три дни, потомъ покрываютъ трупъ драгоцѣнными матеріями и поливаютъ духами, сожигаютъ его и пепелъ бросаютъ во всѣ стороны. Часто кидаются въ огонь Царскія жены и сгараютъ съ нимъ; впрочемъ, онѣ не обязаны дѣлать это. Жители Серендиба чрезвычайно легкомысленны и распутны, не считая постыднымъ разврата, по тому-то Магометанскіе учители и запрещаютъ строго молодымъ людямъ посѣщать этотъ островъ. Жители предаются также съ необузданною страстью игрѣ въ шашки и забавѣ пѣтушьихъ боевъ. Пѣтухи въ этой странѣ очень сильны и имѣютъ очень большіе когти, снабженныя еще желѣзными иглами. За развязку такихъ битвъ проигрываютъ значительные заклады — золото, серебро, земли и разное имущество. Еще непонятнѣе ихъ увлеченіе въ игрѣ: вѣтренные люди, промотавъ все имѣніе, рискуютъ кончиками своихъ пальцевъ, чтобы только имѣть возможность играть: нельзя смотрѣть безъ страха на это опасное занятіе. На огнѣ, возлѣ играющихъ, стоитъ сосудъ съ орѣховымъ, или сезамовымъ, масломъ, а между ними лежитъ маленькій острый топоръ. Проигравшій тотчасъ же кладетъ руку на камень, выигравшій беретъ топоръ и очень хладнокровно рубитъ ему кончикъ пальца. Первый такъ же спокойно кладетъ изуродованный палецъ въ кипящее масло, чтобы рана затвердѣла, и упрямо продолжаетъ игру, которая часто кончается не прежде, пока игрокъ не потеряетъ кончиковъ у всѣхъ пальцевъ. Но чтобы еще больше послужить своей страсти, онъ прибѣгаетъ къ другому средству и, вмѣсто расплаты кончиками пальцевъ, кладетъ гдѣ ни будь на тѣлѣ кусокъ обмакнутой въ масло и зажженной свѣтильни и даетъ ей совсѣмъ сгорѣть. Межъ тѣмъ какъ играющіе наслаждаются запахомъ жженаго мяса, онъ совсѣмъ не обнаруживаетъ ни какого чувства боли.

Въ томъ же морѣ, по направленію отъ Серендиба, лежатъ еще другіе острова, не такъ многочисленные, но необыкновенно большіе: всѣхъ ихъ не знаютъ по имени. Одинъ изъ этѣхъ острововъ, Рамни, величиною въ 98 миль и управляется двумя Князьями. Жители ѣдятъ человѣчье мясо. На островѣ находятъ золотые рудники, изъ которыхъ, какъ самый изобильный, извѣстенъ фансуръ,—также и серебряные, алое, Бразильское дерево, превосходную камфару, собольи мѣха, которыми обиваютъ сѣдла и попоны, и много слоновъ. Изъ хлопчатой бумаги сдѣсь умѣютъ дѣлать такія тонкія платья, что можно продѣвать ихъ сквозь кольцо средней величины: ихъ особенно спрашиваютъ купцы и даютъ за нихъ дорогую цѣну. Вмѣсто ходячей монеты служатъ каурисы. Самый замѣчательный звѣрь въ этой странѣ — знаменитый каркандань (носорогъ), съ рогомъ на лбу, на которомъ можно отличить бѣлое пятно, похожее видомъ на человѣка, павлина, или рыбу. Онъ меньше слона и съ шеи походитъ на буйвола; копыта у него раздвоены, ноги безъ колѣнокъ. Ревъ его сходенъ съ мычаньемъ вола, имѣетъ также нѣкоторое сходство и съ воемъ верблюда. Силой онъ выше почти всѣхъ другихъ звѣрей и самый слонъ обращается отъ него въ бѣгство. Рогъ этого звѣря, всего лучше живущаго въ болотистыхъ странахъ, спрашиваютъ Китайцы, которые обыкновенно носятъ его за поясомъ и, смотря по яркости и красотѣ фигуръ на немъ, платятъ за него двѣ, или три, тысячи золотыхъ. Царь всѣхъ этѣхъ острововъ, къ которымъ принадлежитъ и Рамни, ни старинnаго, ни знатнаго рода, но очень богатъ и силенъ. Для войска его нужно 15,000 палатокъ, въ походы всегда отправляется зимою, по тому что слоны, которыхъ у него 50,000, только въ это время года находятъ себѣ достаточно воды для питья. Неподалеку отъ Рамни лежатъ острова Элніанъ, на которыхъ находятъ великое множество золота. Кокосовое дерево доставляетъ жителямъ все нужное для жизни: плодъ его служитъ имъ въ пищу; краска, добываемая изъ него, идетъ для расписыванья тѣла, масло для мазанья. Сдѣсь существуетъ такой странный обычай, что ни одинъ мужчина не можетъ жениться, не убивъ на войнѣ одного непріятеля, котораго голову приноситъ съ собою домой. Если удастся ему убить двоихъ, онъ беретъ себѣ двухъ женъ, и такъ все соразмѣрно больше, а когда убьетъ двадцать человѣкъ, можетъ

имѣть и право на столькоже женъ. Много предположеній высказано было о положеніи Рамни и Элніана: эти острова даже смѣшивали съ Суматрой; но ходъ путешествія показываетъ уже достаточно, что подъ этимъ надо разумѣть мало извѣстный Арабамъ восточный берегъ Передней Индіи, гдѣ потомъ нужно искать и малое Царство Тафекъ, въ которомъ Царь имѣетъ самыхъ бѣлыхъ и красивыхъ женъ въ Индіи, — также землю Кашбинъ, лежащую внутри, гористую и богатую верблюдами, гдѣ жители необыкновенной бѣлизны и особливо бросаются въ глаза своими продырявленными ушами, — маленькую и бѣдную береговую область Гитреншъ, дающую только немного перца, который ѣдятъ зеленый; безъ амбры, выкидываемой изъ моря, и часто попадающихся слоновыхъ зубовъ, эта страна не имѣла бы ни какихъ способовъ. Повелитель всей Индіи до Китайской границы называется Балгара (Рая Балагара, побѣдитель армій) и признается въ Царскомъ санѣ всѣми независимыми Королями отдѣльныхъ земель. Они принимаютъ съ чрезвычайными почестями пословъ этого Царя, за то онъ часто даетъ имъ значительные подарки, по тому что у него страшное богатство въ слонахъ, лошадяхъ и серебряной монетѣ. Индѣйскіе Цари носятъ ожерелья и длинныя серьги изъ цвѣтныхъ, особливо красныхъ и зеленыхъ, драгоцѣнныхъ камней, въ великолѣпной золотой оправѣ; выше всего они цѣнятъ жемчугъ и хранятъ его въ своей казнѣ съ самыми дорогими вещами. Придворные, вожди и главные сановники также щеголяютъ въ богатыхъ нарядахъ и тонкихъ платьяхъ; въ рукахъ носятъ зонтикъ изъ павлиныхъ перьевъ для защиты отъ солнца, и всегда окружены многочисленной дружиной. Войска въ Индіи получаютъ жалованье и содержаніе не отъ Государей, но каждое само должно исправлять всѣ свои нужды во все продолженіе похода.

Царское достоинство наслѣдственно въ одномъ семействѣ, какъ и вообще всякое ремесло въ Индіи, одинъ разъ выбранное въ какомъ ни будь семействѣ, ведется въ немъ постоянно, и если отецъ ученый, лѣкарь и ремесленникъ, то навѣрное и сынъ не посвятитъ себя ни какому другому званію. Самымъ высшимъ значеніемъ пользуется жреческое званіе, занимающіеся вѣроученіемъ называются Брахманы. Есть также люди, называемые

Бикаръ (кающіеся). Они всю жизнь ходятъ нагіе, отращиваютъ волосы, такъ что покрываютъ ими все тѣло и никогда не обрѣзываютъ ногтей на рукахъ и ногахъ. У каждаго на шеѣ снурокъ, къ которому привязанъ деревянный горшокъ: почувствовавши голодъ, онъ останавливается у дверей какого ни будь дома; живущій въ домѣ съ радостію спѣшитъ подать ему варенаго риса, по тому что вѣритъ что исполняетъ тѣмъ религіозную обязанность. Кающійся ѣстъ рисъ изъ своего горшка и преспокойно проходитъ дальше, пока опять не проголодается. Другіе, для которыхъ еще недовольно строгъ такой образъ жизни, совсѣмъ избѣгаютъ общества людей и проживаютъ въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ питаются травой и дикими древесными плодами; нѣкоторые становятся на одномъ мѣстѣ нагишомъ, обернувшись лицомъ къ солнцу, и остаются многіе годы въ такомъ положеніи. Вообще въ Индѣйской религіи много странныхъ предписаній, посредствомъ которыхъ вѣрующіе стараются снискать благоволеніе божества: такъ считаютъ чрезвычайно заслуженнымъ дѣломъ построеніе постоялыхъ дворовъ для успокоенія путешественниковъ, снабженіе ихъ всѣми удобствами и подарки храмовымъ жрецамъ, состоящіе въ самыхъ драгоцѣнныхъ вещахъ.

Индѣйцы несомнѣнно вѣрятъ въ переселеніе душъ изъ одного тѣла въ другое, и только изъ этого убѣжденія можно объяснить ихъ безпредѣльное презрѣніе смерти. Одинъ Король, у котораго была оспа, выздоровѣвши, посмотрѣлся въ зеркало и замѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ, какъ обезображено у него лицо. Ему казалось несноснымъ дольше оставаться въ такомъ тѣлѣ, и онъ спокойно сказалъ своему племяннику: «Мое тѣло точно мѣхъ, надутый вѣтромъ: покинувъ его, душа перейдетъ въ другое, лучшее, тѣло; вступай на престолъ, потому что я хочу разлучить эту плоть съ моею душою, чтобы эта душа перешла въ другую. Возьми эту саблю и отруби мнѣ голову!» Племянникъ сдѣлалъ, какъ было приказано. Люди въ преклонныхъ лѣтахъ, чувствуя свою слабость, просятъ близкихъ родныхъ топить, или сожигать, себя, по тому что надѣются помолодить свое тѣло посредствомъ перехода своихъ душъ въ другія. Отсюда также объясняется странный обычай, по которому напередъ вмѣняютъ себѣ въ обязанность умирать огненною смертью въ какомъ ни будь случаѣ.

Это бываетъ всякой разъ при восшествіи на престолъ Короля. При этомъ торжествѣ варятъ множество рису и ставятъ на столъ передъ Королемъ, который ѣстъ его, и потомъ позволяетъ принимать участіе въ пирѣ всѣмъ, кто захочетъ. Обыкновенно является 300, или 400, человѣкъ желающихъ. Всѣ, отвѣдавшіе риса, тѣмъ самымъ обязываются сожигать себя въ день смерти Короля, и никому не приходитъ никогда въ голову освободиться отъ этой обязанности. Нерѣдко случается также, что люди безъ всякой другой причины, кромѣ той, что имъ самимъ угодно разстаться съ жизнью, кончаютъ ее на кострѣ. Если кто рѣшился сжечь себя, онъ идетъ сперва въ королевскій дворецъ взять на то позволеніе. Когда позволеніе дано, онъ отправляется съ музыкой по всему городу, въ сопровожденіи родныхъ и друзей, къ тому мѣсту, гдѣ сложенъ костеръ изъ сухаго дерева. Уже во время перехода кладутъ ему на голову вѣнокъ изъ соломы, или сухой травы, наполненный горячими угольями. Хоть они и горятъ уже низко на головѣ, онъ все таки не теряетъ спокойнаго расположенія духа; такъ же безстрашно всходитъ и на горящій костеръ, который въ нѣсколько минутъ обращаетъ его въ пепелъ. Разсказываютъ и другіе примѣры безчувствія Индѣйцевъ къ боли, которые нельзя бы было считать за правду, если бы они не подтверждались достовѣрными очевидцами. Такъ видѣли одинъ разъ, что человѣкъ, избравшій огненную смерть, прежде чѣмъ прыгнуть въ пламя, распоролъ себѣ брюхо ножомъ, вынулъ лѣвою рукою печень, отрѣзалъ отъ нея кусокъ и отдалъ его одному изъ своихъ собратій, не прерывая дружескаго разговора съ этѣмъ послѣднимъ. Такіе люди часто вступаютъ въ споръ между собою о выборѣ самаго мучительнаго рода смерти: упоминаютъ о случаѣ, который такъ страненъ, что нельзя не разсказать о немъ. Приверженцы двухъ различныхъ сектъ долго спорили другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи самыхъ ужасныхъ мученій, однако жь ни одной сторонѣ не удавалось взять верхъ надъ другою. Наконецъ вышелъ впередъ приверженецъ одной секты и вызывалъ приверженцовъ другой или подражать ему, или признать себя побѣжденными, когда они приняли вызовъ, онъ сѣлъ на одномъ мѣстѣ, усаженномъ бамбуковымъ тростникомъ, велѣлъ пригнуть къ землѣ самую крѣпкую трость и привязать къ ней себя за волосы. Потомъ взялъ саблю и сказалъ окружающимъ: «Я от-

рѣжу себѣ теперь голову: какъ скоро она отдѣлится отъ туловища, вы въ ту же минуту выпустите изъ рукъ конецъ трости, и увѣряю васъ, что когда голова моя взлетитъ на верхъ, я такъ громко захохочу, что вы услышите это явственно.» Онъ и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое обѣщаніе: другая сторона, не имѣя духа сдѣлать то же, была побѣждена.

Однако жь довольно объ Индіи: послѣдуемъ теперь за пловцами въ Китай, въ ихъ дальнѣйшемъ странствованіи. Изъ Серенгиба, продолжаетъ дневникъ, держатъ путь къ островамъ Нешебалусъ (Никобарскимъ), которыхъ многочисленные жители ходятъ совсѣмъ нагіе, по тому что ихъ не безпокоятъ ни жары, ни холода. Когда мимо плывутъ корабли, туземцы спѣшатъ къ нимъ въ малыхъ судахъ для обмѣна на желѣзо произведеній своей земли — кокосовыхъ орѣховъ, сѣрой амбры, пальмоваго вина и сахарнаго тростника. Сдѣлки ведутся знаками, по тому что эти люди не понимаютъ ни Арабскаго, ни какого другаго языка, употребительнаго у торговыхъ людей. По ту сторону острововъ Нешебалусъ входятъ въ Андеманское море: на берегу его (на западномъ берегу Малакки) живутъ черные люди, обыкновенно нагіе, съ курчавыми волосами, страшными глазами и длиною въ аршинъ ногами: они питаются человѣческимъ мясомъ, отъ чего и пристаютъ сюда только по крайней нуждѣ. Бури въ этомъ морѣ очень опасны и разбиваютъ корабли о безчисленные скалы и утесы; по тому-то съ большою радостью пловцы видятъ островъ Кала (Суматру), гдѣ опять берутъ свѣжую воду. Въ дальнѣйшемъ плаваніи касаются государствъ Бетрумы и Сенефа, потомъ изобильныхъ мускусомъ странъ Мудшетъ и Мабетъ (всѣ онѣ на восточномъ берегу Малакки), которыхъ жители одѣваются, какъ Китайцы, и наконецъ острова Тендерфулата (Пуло Кондоръ на берегу Камбоджи), откуда, еще разъ запасшись водою, въ продолженіи мѣсяца пріѣзжаютъ въ Канфу (Ганг-чей-фу), самую значительную пристань Китая.

Канфу — городъ хорошо укрѣпленный, красивый и богато снабженный всѣмъ, необходимымъ для жизни, гдѣ поселилось много Арабовъ, живущихъ подъ властію своего собственнаго Короля. Сдѣсь должны приставать всѣ торговые корабли: какъ скоро они бросятъ якорь, являются Китайскіе чиновники, берутъ

подъ секвестръ весь грузъ и отвозятъ его въ магазины, гдѣ остается онъ шесть мѣсяцевъ, пока не прибудетъ послѣдній пріѣзжій въ Китай. Потомъ берутъ 30 процентовъ со всѣхъ товаровъ, а остальные уступаютъ купцамъ. Когда Императору бываетъ надобность въ покупкахъ, онъ дѣлаетъ ихъ еще до открытія магазиновъ, однако жъ за все платитъ самую дорогую цѣну и очень добросовѣстно, такъ что нельзя упрекнуть его ни въ малѣйшей несправедливости. Чего Арабы не могутъ сбыть въ Канфу за приличную цѣну, то везутъ во внутреннюю страну, и при этой торговлѣ пользуются самымъ сильнымъ покровительствомъ Китайскихъ властей. Но каждый купецъ, тамошній ли онъ, или иностранный, долженъ достать себѣ два паспорта, если хочетъ ѣздить изъ одного мѣста въ другое. Въ одномъ показаны имя и лѣта путешественника, его товарищей и всего семейства, ѣдущаго съ нимъ, а въ другомъ подробный списокъ чистыхъ денегъ и товаровъ, какіе везетъ съ собою общество путешественниковъ. На границахъ всякой области паспорты осматриваются и вносятся въ книги. Такимъ образомъ безъ вѣдома Правительства нельзя ввозить ни денежныхъ суммъ, ни товаровъ, за то нельзя и потерять ихъ. Когда путешественникъ умретъ въ дорогѣ, законные наслѣдники получаютъ его имущество, не потерявъ ни малѣйшей бездѣлицы.

Но такой превосходный порядокъ нарушенъ былъ кровопролитнымъ переворотомъ, причинившимъ незамѣнимый вредъ и Арабской торговлѣ. Байшу, сильный намѣстникъ, не принадлежавшій, однако жъ, къ Императорскому семейству, взбунтовался и сталъ собирать значительное войско, въ чемъ скоро и успѣлъ, благодаря своей щедрости. Завоевавъ уже часть Имперіи, онъ явился передъ Канфу въ 877 году и, послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ приступомъ это богатое складочное мѣсто. Всѣ жители, за свою храбрую оборону, были перебиты, и, кромѣ безчисленнаго множества Китайцевъ, нашли свою смерть 26 тысячъ Магометанъ, Жидовъ, Христіянъ и Персовъ, проживавшихъ тамъ для торговли. Потомъ Байшу велѣлъ срубить всѣ шелковичныя деревья, отъ чего, къ неисчислимому вреду страны, обработка и вывозъ шелка прекратились почти совсѣмъ, а шелкъ составлялъ самую важную и прибыльную отрасль торговли. Императоръ ни какъ не могъ остано-

вить мятежника и оттѣсненный къ самымъ границамъ Имперіи, принужденъ былъ просить помощи у своего родственника, Короля Таггасгаса въ Туркестанѣ (въ теперешней области Уйгуровъ). Этотъ послалъ къ нему съ большимъ войскомъ своего сына; Байшу побѣжденъ былъ во многихъ сраженіяхъ и нашелъ свою смерть, о которой ничего неизвѣстно подробнѣе. Императоръ тогда возвратился, но финансы были въ совершенномъ разстройствѣ, и намѣстниковъ отдѣльныхъ области, сдѣлавшихся независимыми во время войны, не скоро можно было привести опять въ прежнюю безусловную покорность. Величайшій безпорядокъ мало по малу распространился по всей Имперіи; намѣстники начали открытую войну между собою, разоряли области и даже до того дошли въ своихъ бѣчинствахъ, что пожирали подданныхъ другъ друга и мясо ихъ продавали на рынкахъ. Иностранные купцы отягощаемы были пошлинами, но совсѣмъ тѣмъ не находили защиты ни лично для себя, ни для своей собственности; отъ того-то большая часть ихъ покинула несчастную страну и прекратила съ нею торговлю на полстолѣтія, пока не миновали ужасы междоусобной войны.

Но какъ непоколебима остается большая часть государственныхъ учрежденій въ Китаѣ, наперекоръ всѣмъ насильственнымъ переворотамъ, это доказываютъ замѣчанія Арабовъ, которыя почти всѣ согласны съ теперешнимъ бытомъ Китайской имперіи: это окажется изъ краткаго слиянія ихъ всѣхъ вмѣстѣ, которое и попытаемся сдѣлать здѣсь.

Китай—страна пріятная и плодоносная, съ сильнымъ населеніемъ, пересѣкаемая большими рѣками, безъ болотъ; отъ того тамъ вездѣ дышатъ благораствореннымъ воздухомъ и не знаютъ очень многихъ болѣзней, причиняющихъ большія опустошенія въ другихъ странахъ. Кромѣ леопарда и волка, не встрѣчается ни какихъ свирѣпыхъ звѣрей, за то великое множество лошадей и ословъ, которыми Китайцы пользуются для верховой и всякой ѣзды, также и для ношенія тяжестей; къ верблюду у нихъ неодолимое отвращеніе: они не могутъ терпѣть его. Плодовитыя деревья почти вездѣ растутъ превосходно: здѣсь собираютъ самыя вкусныя яблока, груши, персики, лимоны, айвы, сливы, виноградъ, миндаль, орѣхи, тыквы и другіе плоды. Вся Имперія покрыта городами и мѣстечками, которыхъ значеніе соразмѣряется съ ихъ величи-

ною и числомъ жителей. Всякой городъ, имѣющій право на это названіе, въ знакъ его преимущества, имѣетъ четыре большія трубы, расписанныя тушью: въ этѣ трубы трубятъ въ извѣстные часы дня у четырехъ воротъ, и звукъ ихъ слышанъ за 1000 шаговъ. Потомъ на всякой городъ роздано по 10-ти барабановъ, въ которые бьютъ въ одно время, для показанія часовъ; впрочемъ, не рѣдки также часы солнечные и съ гирями. Столица Кумбуинъ (Нанкинъ) лежитъ въ очень пріятной и плодоносной странѣ: это городъ большой и населенный; очень широкая и длинная улица раздѣляетъ его на двѣ части. Въ восточной, прорѣзанной каналами множества рѣкъ, украшенной великолѣпными зданіями и тѣнистыми купами деревьевъ, живетъ Императоръ съ своимъ семействомъ, министрами, придворными, солдатами и верховнымъ судьей; въ западной части тѣснится народъ и купечество, по тому что общественныя мѣста и рынки занимаютъ очень большое пространство. Каждое утро съ разсвѣтомъ дня являются чиновники Императорскаго Дома съ многочисленною прислугою, отчасти на лошадяхъ, отчасти пѣшкомъ, и у купцовъ, стоящихъ уже наготовѣ, запасаются необходимыми съѣстными припасами и другимъ нужнымъ, по тому что, кромѣ этого времени для покупокъ, имъ не позволено навѣщать эту часть города. Самъ Императоръ показывается публично только одинъ разъ въ 10 мѣсяцевъ: онъ думаетъ, что лишится уваженіе въ народѣ, если станетъ являться чаще; это, конечно, вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ государственныхъ людей Китая, что власть можетъ держаться только посредствомъ насильственнаго угнетенія народа и его слѣпаго повиновенія. Согласно съ этѣми правилами поступаютъ и намѣстники, которыхъ значеніе различно, смотря по величинѣ тѣхъ городовъ, гдѣ они управляютъ. Впрочемъ, никто, хоть бы и самаго высокаго происхожденія, не получаетъ этого достоинства прежде 40-го года жизни, по тому что только въ такомъ возрастѣ ожидаютъ необходимой для того опытности. Всѣ дѣла жителей, ввѣренныя его попеченію, сообщаются ему письменно; его рѣшеніе на нихъ слѣдуетъ также письменно, черезъ помощника, который всегда стоитъ за нимъ и называется Лику (Секретарь). Всѣ просьбы должно писать одно свѣдущее въ дѣлахъ лицо и подписывать подъ ними свое имя: онъ отвѣчаетъ за встрѣчающіяся въ нихъ ошибки противъ существующихъ постановленій и на-

казывается за нихъ палочными ударами. Когда самъ намѣстникъ дѣлаетъ преступленіе, его удавливаютъ, а тѣло раздѣляютъ для пищи, потому что Китайцы ѣдятъ мясо всѣхъ казненныхъ. Намѣстники, также и подчиненные имъ чиновники, покрываютъ всѣ свои нужды изъ общественной городской казны, которою поручено имъ завѣдывать. Когда намѣстникъ появляется въ народѣ, что случается только изрѣдка и при томъ съ большою пытностью, передъ нимъ идутъ люди съ деревянною хлопушкою; только что заслышавъ ее, жители какъ можно скорѣе очищаютъ дорогу, которою ѣдетъ намѣстникъ, и каждый домовладѣлецъ запираетъ ворота до тѣхъ поръ, пока онъ не проѣдетъ. Такъ внушается должное благоговѣніе, и всякому задается страхъ не подходить слишкомъ близко къ своему главному начальнику. Всѣ чиновники одѣваются въ чрезвычайно дорогія матеріи, гораздо превосходнѣе тѣхъ шелковыхъ тканей, которыя имѣютъ обращеніе въ торговлѣ.

Императорскіе доходы, идущіе въ государственную казну, большею частію состоятъ въ поголовномъ налогѣ; однако жъ, онъ такъ значителенъ, что въ одномъ городѣ Канфу, который еще не изъ самыхъ большихъ въ странѣ, каждый день простирается до 50-ти тысячъ динаріевъ. Кромѣ того Императору принадлежитъ весь доходъ съ соляныхъ копей и съ растенія, по имени сагъ (чай), имѣющаго пріятный, но нѣсколько острый, запахъ. Китайцы потребляютъ изумительно много этого растенія: обливаютъ его кипяткомъ и такъ приготовляютъ напитокъ, почитаемый у нихъ вѣрнымъ средствомъ противъ всякой боли. Поголовную подать долженъ платить каждый, когда достигнетъ 17-года возраста, а съ 80-мъ не только освобождается отъ нея, но и получаетъ положенную сумму изъ государственной казны, чтобы ему можно было безъ всякихъ заботъ наслаждаться такою преклонною старостью. Единственная монета, которою пользуются Китайцы, — круглые мѣдные кружки, называемые Фалюсъ, съ дирочкою по срединѣ, чтобы можно было нанизывать ихъ на шнурокъ. На каждомъ снуркѣ тысяча такихъ кружковъ, и между всякой монетой завязанъ узелокъ: этой монетой производятся всѣ уплаты.

Правосудіе соблюдается очень строго въ Китаѣ и совершенно безъ всякихъ уваженій: намѣстникъ, онъ же и судья, долженъ быть готовъ во всякое время выслушивать обвинителя и обвинен-

наго и произносить приговоръ безъ всякихъ проволочекъ; у дворца повѣшенъ большой колоколъ: кто чувствуетъ, что съ нимъ поступлено несправедливо, долженъ только позвонить, чтобы его впустили въ ту же минуту. Такъ же быстро слѣдуетъ приглашеніе въ судъ и наказаніе обвиненнаго, если онъ окажется виноватымъ; а когда можетъ удовлетворительно доказать свою невинность, тогда обвинитель жестоко наказывается палочными ударами. Въ преступленіяхъ, наказываемыхъ смертію, если вина не довольно ясно доказана дѣломъ обвиненнаго спрашиваютъ, не хочетъ ли онъ подвергнуться испытанію огнемъ? Въ случаѣ его согласія, кладутъ ему на руки семь древесныхъ листковъ, а на нихъ раскаленное докрасна желѣзо, съ которымъ онъ и долженъ ходить положенное время вездѣ. Когда онъ сдѣлаетъ это счастливо, кладутъ эту руку въ кожаный карманъ и запечатываютъ его. Спустя три дня, онъ долженъ явиться опять, и если найдутъ руку невредимою, объявляютъ его невиннымъ. Вмѣсто раскаленнаго желѣза судья можетъ приказать, чтобы обвиненный досталъ желѣзное кольцо изъ котла съ кипяткомъ: если рука останется неповрежденной, убѣждаются въ его невинности, и присуждаютъ доносщика къ значительной денежной пенѣ. Воровство считается однимъ изъ самыхъ жестокихъ преступленій и, какъ бы ни было маловажно, наказывается смертію. При казни преступника поступаютъ очень сурово. Сначала вяжутъ ему руки и притягиваютъ ихъ черезъ голову къ затылку, тутъ привязываютъ къ нимъ и ноги, также загнутыя назадъ, отъ чего всѣ члены выходятъ изъ суставовъ и отдѣляются другъ отъ друга съ такою болью, что уже одно это мученіе должно имѣть слѣдствіемъ скорую смерть. Еще недовольные тѣмъ, даютъ ему извѣстное число ударовъ толстымъ кнутомъ, и въ такомъ положеніи предоставляютъ его голодной черни, которая тотчасъ же убиваетъ и съѣдаетъ его. Когда надобно бываетъ доложить Императору о необыкновенномъ преступленіи, или какомъ ни будь другомъ дѣлѣ, то это дѣлается чрезвычайно скоро чрезъ курьеровъ, нарочно для того поставленныхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ; черезъ нихъ же приходятъ и Императорскіе приказы къ Намѣстникамъ.

Вѣра Китайцевъ состоитъ въ поклоненіи идоламъ, передъ которыми они бросаются на землю и ожидаютъ отъ нихъ исполненія своихъ просьбъ. У нихъ есть и книги, въ которыхъ заклю-

чается ихъ вѣроученіе. Всѣ Китайцы, знатные и низкіе, богатые и бѣдные, учатся читать и писать. Правительство содержитъ для того училища во всѣхъ мѣстахъ и даетъ жалованье учителямъ. Но тѣмъ и ограничивается вся ихъ ученость, по тому что они не занимаются науками; свою Вѣру, также и большую часть законовъ, они получили отъ Индѣйцевъ, по ихъ собственному сознанію. Отъ Индѣйцевъ же получили и нѣкоторыя свѣдѣнія въ Астрономіи и Медицинѣ, которая состоитъ только въ употребленіи раскаленнаго желѣза, да въ искуственномъ произведеніи отвлекающихъ нарывовъ. Цѣны этѣхъ и другихъ лѣкарственныхъ средствъ написаны на большомъ камнѣ, поставленномъ на площади каждаго города; бѣднякъ, которому нечѣмъ заплатить за нихъ, получаетъ нужныя деньги изъ государственной казны.

Въ искуствахъ, а особливо въ живописи, Китайцы выше всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, и произведенія, вышедшія изъ ихъ рукъ, такъ совершенны, что никто не въ состояніи подражать имъ. Когда художникъ окончитъ какое ни будь прекрасное произведеніе, онъ приноситъ его во дворецъ намѣстника и требуетъ награды, какой заслуживаетъ, по своему собственному мнѣнію. Намѣстникъ приказываетъ поставить это произведеніе у дверей, и оно остается тамъ цѣлый годъ. Если во все это время никто не найдетъ въ немъ недостатка, творецъ его получаетъ награду и принимается въ цехъ художниковъ; если же отыщется хотя самый малый недостатокъ, ему отказываютъ. Фарфоровая посуда, выдѣлываемая въ Китаѣ, превосходной красоты и прозрачна, какъ стекло. Да и самыя зданія ихъ, которыхъ лицевыя стороны покрыты блестящимъ, бѣлымъ, какъ молоко, лакомъ, похожи на большіе фарфоровые сосуды, но стѣны изъ простаго плетенаго тростника, и когда загорится пожаръ, что бываетъ нерѣдко, онъ съ величайшею быстротою обращаетъ въ пепелъ цѣлую четверть города. Отъ того-то дома имѣютъ немного этажей, а только одинъ нижній, гдѣ хранится все имущество въ большихъ сундукахъ съ колесами: когда огонь грозитъ опасностью, ихъ легко можно вытаскивать и спасать.

Китайцы вообще люди красивые и хорошо сложены, съ очень бѣлою кожей и черными, какъ воронъ, волосами, только не такъ опрятны, какъ Индѣйцы, по тому что не моются, какъ

они, а только счищаютъ съ себя грязь бумагою. Китайскія женщины не покрываютъ головы, а украшаютъ волосы, гладко припомаженные, множествомъ гребеночекъ изъ слоновой кости, или металла; мущины носятъ особеннаго вида шапки на длинныхъ, также приглаженныхъ, волосахъ, бороду тщательно брѣютъ. Каждый мущина беретъ столько женъ, сколько ему угодно: уговорившись съ родителями невѣсты и пославъ имъ обычные подарки, большею частію, состоящіе въ серебрѣ, онъ играетъ свадьбу съ торжествомъ и музыкой.

Самая главная пища Китайцевъ рисъ, рожь и мясо; животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, они не колютъ, а бьютъ ихъ по рылу до тѣхъ поръ, пока они не околѣютъ. Ихъ единственный крѣпкій напитокъ приготовляется изъ риса: къ вину они имѣютъ отвращеніе. Страненъ обычай въ продолженіи цѣлаго года ставить для покойниковъ кушанье и напитки: во все это время трупы сохраняютъ въ домахъ, предохраняя ихъ отъ гнилости негашеною известью. Умершій похороняется только по прошествіи этого срока, а печаль по немъ продолжается три года. Во все это время они должны часто облегчать свое горе слезами: кто не дѣлаетъ того, считается человѣкомъ безъ сердца и наказывается палками.

Столько извѣстій передаютъ намъ Арабскіе путешественники о нравахъ и обычаяхъ Небесной Имперіи. Земли и народы къ сѣверу отъ нея они знаютъ очень несовершенно. Сначала называютъ Хорасанъ, подъ именемъ котораго разумѣютъ все пространство земель къ сѣверу отъ Персіи и Индіи до границъ Тибета. Путь изъ Китая до Самарканда, столицы Хорасана, идущій широкою песчаною степью, едва можно проѣхать въ два мѣсяца. Между Хорасаномъ, землею Тагхасхасъ, о которой говорено было выше, и Китаемъ, лежитъ Тибетъ, особливо замѣчательный мускусомъ: это предметъ торговли, продающійся почти на вѣсъ золота. Животное (бизамъ), доставляющее мускусъ, видомъ, шерстью и цвѣтомъ походитъ на обыкновенную серну, имѣетъ тонкія ноги, раздвоенныя копытами, прямые, или только не много закривленные, рога, и по обѣимъ сторонамъ рыла два бѣлые зуба, въ полъ пальца длиною, нѣсколько похожіе на слоновые: они-то особенно и отличаютъ его отъ серны. Всего чаще находятъ

его на границахъ Тибета и Китая; за нимъ охотятся жители этѣхъ обѣихъ странъ. Тибетскій мускусъ, однако жь, гораздо превосходнѣе Китайскаго, по тому что въ Тибетѣ бизамъ питается душистыми растеніями, а въ Китаѣ одною обыкновенной травой; сверхъ того Китайцы различнымъ образомъ поддѣлываютъ этотъ драгоцѣнный сокъ, который скопляется у животнаго около пупка, точно сгустившаяся кровь, и появляется въ видѣ нарыва. Когда этотъ нальется совсѣмъ, животное чувствуетъ непріятный зудъ и трется о камни до тѣхъ поръ, пока не прорвется нарывъ и жидкость не пойдетъ изъ него каплями. Она тотчасъ же густѣетъ и пристаетъ къ камнямъ, гдѣ тщательно ищутъ ее такіе люди, которые только и занимаются этѣмъ промысломъ: такой родъ мускуса, который созрѣваетъ самъ собою въ животномъ, считается самымъ лучшимъ; точно такъ же, какъ и плодъ, созрѣвшій на деревѣ, лучше. Когда бизама убьютъ на охотѣ, тотчасъ же вырѣзываютъ у него этотъ сокъ, вмѣстѣ съ мѣшечкомъ, въ которомъ онъ находится, часто далеко еще не зрѣлый: такой мускусъ густѣетъ съ большимъ трудомъ и только въ продолженіи долгаго времени.

Въ океанѣ, къ востоку отъ Китая, лежатъ острова Сила (можетъ быть, Японія), населенные бѣлыми людьми, которые ежегодно посылаютъ подарки къ Китайскому Императору, думая, что если не станутъ дѣлать того, тогда не будетъ и дождя, оплодотворяющаго ихъ землю. На этѣхъ островахъ множество бѣлыхъ соколовъ; но Арабы еще не заѣзжали туда, а потому и не имѣютъ объ нихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Вообще направленіе восточнаго Азіятскаго берега оставалось для нихъ такъ же не извѣстнымъ, какъ и Грекамъ и Римлянамъ, и у нихъ также долго еще пользовалось довѣріемъ то мнѣніе, что Восточный океанъ продолжается къ сѣверу около Туркестана и посредствомъ Хозарскаго моря (Каспійскаго) соединяется съ Средиземнымъ. Доказательствомъ для этого мнѣнія послужило одно Китайское судно, извѣстное своимъ особеннымъ способомъ постройки и найденное разбитымъ на Сирійскомъ берегу: какимъ же инымъ образомъ и какою другою дорогою оно зашло бы въ Средиземное море? Дальше всего были отъ возможности, что это судно могло быть занесено бурями кругомъ мыса Доброй Надежды, вдоль западнаго

берега Африки, черезъ Гибралтарскій проливъ въ Средиземное море и къ Сирійскому берегу, по тому что возможность объѣзда Африки была Арабамъ во всякомъ случаѣ не извѣстна, хоть, можетъ быть, корабль, когда ни будь пригнанный бурями къ страшному мысу Коріентесъ, и подалъ поводъ къ темнымъ слухамъ объ южной оконечности Африки.

Вообще, морскія поѣздки Арабовъ ни въ какое время нельзя считать путешествіями для открытій, а только торговыми предпріятіями, да онѣ и не доходили до золотой земли Софалы, по тому что произведенія южнѣе идущаго берега не представляли ни какого достаточнаго вознагражденія за издержки на снаряженіе корабля и за тѣ опасности, какія надобно было преодолѣть для того. Гораздо заманчивѣе казались богатства дальняго Востока, гдѣ еще въ IX столѣтіи на всѣхъ берегахъ искали рѣдкихъ товаровъ, которые можно было сбывать на родинѣ съ огромною прибылью; даже знали большую часть Зондскихъ острововъ, составлявшихъ тогда великое царство Цападше и управляемыхъ сильнымъ Царемъ Мерадше. Царство Цападше, говоритъ Абу-Сеидъ, со всѣми, къ нему принадлежащими, островами, должно имѣть болѣе 100 миль пространства; одинъ изъ этѣхъ острововъ, по имени Кала (Суматра), лежащій на половинѣ дороги между Китаемъ и землею Арабовъ, часто посѣщается торговыми людьми: оттуда привозятъ алое разныхъ родовъ, камфару, сандальное дерево, слоновую кость, свинецъ, черновое дерево, Бразильское, разныя пряности и другіе товары, по тому что этотъ островъ, гдѣ имѣетъ пребываніе и Мерадше, очень плодоносенъ, города и мѣстечка такъ плотно прилегаютъ одни къ другимъ, что тамошніе пѣтухи слышатъ другъ друга и пѣніе раздается по всей странѣ въ одно и то же время. Царскій дворецъ возвышается недалеко отъ берега, у небольшаго озера, которое находится въ соединеніи съ рѣкою, впадающею близко отъ него въ море. Въ это озеро каждое утро первый придворный сановникъ бросаетъ, во время отлива, золотую полосу особенной формы, которую приливъ покрываетъ водою. Когда Царь умретъ, всѣ этѣ полосы вытаскиваютъ, считаютъ по нимъ время его царствованія, потомъ переливаютъ ихъ и раздаютъ это золото между членами Царскаго дома, чиновниками, также бѣлными и больными людь-

ми. Другой островъ этого государства называется Сербеза (Борнео) и имѣетъ 400 миль пространства. На одномъ островѣ поменьше (Явѣ) находятъ огнедышащую гору, которая днемъ выбрасываетъ густой дымъ, а ночью пламя, и при подошвѣ ея бьютъ два ключа съ соленой водою, одинъ съ теплою, а другой съ холодною.

Замѣчаніе Абу-Сеида, что между Суматрою и Оманомъ (восточною оконечностью Аравіи) существуетъ правильное сообщеніе, даетъ намъ понятіе о дѣятельности Арабскихъ торговцевъ, а въ особенности объ крѣпости жителей области Омана, которые также славились кораблестроеніемъ, хотя собственная ихъ земля и не доставляла дерева. Люди, занимавшіеся такимъ дѣломъ, плавали на Лакедивскіе острова, рубили тамъ кокосовыя пальмы, покрывающія эти острова, въ такомъ количествѣ, сколько хотѣли, и пилили изъ нихъ доски, которыя связывали веревками, сдѣланными изъ коры этихъ деревьевъ, ставили одну пальму въ видѣ мачты, на кораблѣ, нагруженномъ кокосовыми орѣхами, распускали на ней парусъ, сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ, и возвращались на родину, гдѣ продавали и корабль, и грузъ, состоявшіе также изъ частей пальмоваго дерева.

На этихъ жалкихъ судахъ Арабскіе купцы не только плавали къ востоку, гдѣ путешествіе облегчалось правильными пассатными вѣтрами, но также и гораздо опаснѣйшимъ путемъ, къ югу, до Камбалу (Мадагаскара), и познакомили насъ, хоть и поверхностно, съ большею частію восточнаго берега Африки. Первое мѣсто, обращающее наше вниманіе — островъ Сокотора, съ которымъ Арабы соединяютъ странное сказаніе. Въ то время, когда Александръ Великій разрушилъ Персидское царство, учитель его, Аристотель, съ которымъ онъ постоянно переписывался о завоеванныхъ странамъ, отнесся къ нему, чтобы онъ особенно позаботился велѣть отыскать островъ Сокотору, гдѣ растетъ алое, превосходное лѣкарство отъ большей части болѣзней. А когда найдутъ его, то чтобъ вѣрнѣе достичь предположенной цѣли, пусть онъ удалитъ съ острова всѣхъ туземцевъ и населитъ его Греками, черезъ которыхъ легко можно будетъ получать алое. Александръ послушался совѣта Аристотеля, и послалъ на Сокотору Греческое поселеніе, которое въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ сво-

ею отечественною страною, приняло Христіянскую Вѣру и исповѣдовало ее еще въ IX-мъ столѣтіи, когда берега ближней Аравіи давно уже приняли Исламъ.

Отъ восточнаго мыса Африки, лежащаго напротивъ Сокоторы, до Софалы тянется земля Циндше (теперь называемая берегъ Зангвебаръ). Тамошніе жители питаются маисомъ, разводятъ также во многихъ мѣстахъ сахарный тростникъ, однако жь, онъ даетъ плохой, очень черный, сахаръ. Они управляются многими Королями, которые постоянно въ ссорѣ между собою. Воины, составляющіе особенное сословіе, носятъ кольца въ проколотыхъ носахъ и цѣпочки на шеѣ. Когда станутъ противъ непріятеля, каждый беретъ висящій конецъ цѣпочки сосѣда и продѣваетъ въ кольцо на носу у себя. Боковые на обѣихъ сторонахъ боевой черты стоятъ неподвижно твердо и, имѣя въ своихъ рукахъ начало и конецъ этой живой цѣпи, не даютъ никому бросаться въ бой прежде другихъ, пока идутъ мирные переговоры, бывающіе всякой разъ. Если примиреніе состоится, цѣпь опять вынимается изъ колецъ на носу и потомъ расходятся; если же дѣло дойдетъ до сраженія, скованные или одерживаютъ побѣду, или всѣ остаются убитыми на мѣстѣ сраженія. Циндше оказываютъ такое глубокое уваженіе Арабамъ, что падаютъ на колѣни, когда увидятъ кого ни будь изъ нихъ, по тому что, по ихъ словамъ, Арабы приходятъ изъ той земли, гдѣ растутъ финики, ихъ любимое кушанье. Лошади, мулы и верблюды не встрѣчаются въ этой странѣ; жители ѣздятъ верхомъ на неповоротливыхъ волахъ и привозятъ на нихъ свои товары въ пристань, гдѣ Арабы поселились въ такомъ большомъ числѣ, что Циндше вскорѣ должны были предоставить имъ весь берегъ и удалиться внутрь страны. Самымъ важнымъ предметомъ торговли, какой доставляла эта страна, были красные и черные леопардовые мѣха, павлиныя перья, амбра большими кусками, черепа исполинскихъ черепахъ, употребляющіеся для умывальныхъ тазовъ и ваннъ, и слоновые зубы. Высокая цѣна, какую давали за этѣ зубы, заставила туземцевъ выбрать охоту за слонами своимъ главнымъ занятіемъ. Но такихъ сильныхъ звѣрей трудно и только съ большою опасностію жизни можно одолѣвать копіемъ, стрѣлами и лукомъ: для того отравляли какою-то одуряющею древесною корою воду въ тѣхъ мѣстахъ,

куда они обыкновенно ходили пить, и легко убивали ихъ, когда опьянѣніе дѣлало для нихъ невозможнымъ бѣгство и оборону.

И въ Софалѣ, самомъ богатомъ золотомъ ключѣ, Арабы владѣли многими мѣстами на берегу: успѣли ли они завести поселенія также и на Мадагаскарѣ, это открылось бы только тогда, когда бы Арабскіе источники для Географіи и Этнографіи были богаче. Вѣрно, что Арабы никогда не могли совсѣмъ отрѣшиться отъ мнѣнія Птолемея, которому они слѣдовали безусловно вездѣ, гдѣ было недостаточно ихъ собственныхъ свѣдѣній. По этому мнѣнію, какъ мы видѣли, Африка соединяется большимъ материкомъ съ восточною Азіею; Арабы, конечно, подвигали этотъ материкъ гораздо дальше къ югу и не соединяли его непосредственно съ Азіею, а оканчивали цѣпью острововъ, по тому что къ востоку отъ Китайской имперіи видѣли океанъ. Эта купа острововъ, носившая названіе Ваквакъ и только въ туманѣ выступавшая изъ волнъ на концѣ міра, сдѣлалась мѣстомъ безконечнаго множества чрезвычайно странныхъ созданій плодовитаго воображенія Арабовъ. На самомъ крайнемъ изъ этѣхъ острововъ стоятъ три изваянія съ поднятыми правыми руками и указываютъ пришлецу на морской берегъ, чтобы заставить его вернуться назадъ. Уже это сказаніе доказываетъ, что ни одинъ Арабскій корабль не достигалъ этѣхъ острововъ, и принялъ теперь, что описанное выше царство Цападше заключало въ себѣ всѣ Зондскіе острова: купою острововъ Ваквакъ можемъ считать Молуккскіе острова, и такимъ образомъ найдемъ самый крайній предѣлъ Арабской Географіи.

САЛАМЪ ТОЛМАЧЪ.

Не такъ легко было бы опредѣлить самый сѣверный пунктъ Азіи, котораго достигли разысканія любознательныхъ Арабовъ, и мы, ни мало не сомнѣваясь, должны бы были принять за него уже упомянутую землю Тагхасхасъ, если бъ одно, мало извѣстное, путешествіе половины IX-го вѣка не приводняло на мгновеніе завѣсы и не позволило намъ видѣть порядочное пространство земли еще дальше.

Сначала сообщимъ этотъ занимательный разсказъ безъ перерывовъ, и за тѣмъ послѣдуетъ объясненіе, какое окажется наиболѣе вѣроятнымъ.

Это было около 227-го года Эгиры (въ 842 году). Ватекъ Биллагъ, девятый изъ Калифовъ Бени-Аббаса, ясно видѣлъ во снѣ стѣну, построенную Александромъ Великимъ между его Имперіею и землями Ядшудшъ и Мадшудшъ (Гогъ и Магогъ), и проснувшись, тотчасъ же велѣлъ позвать къ себѣ толмача Салама и сказалъ ему: «Ступай, осмотри это укрѣпленіе и донеси мнѣ подробно, въ какомъ оно теперь положеніи!» Потомъ далъ ему 50 человѣкъ провожатыхъ, достаточную сумму денегъ, на годъ съѣстныхъ припасовъ, которые тащили сто муловъ, и велѣлъ отправляться въ дорогу немедленно. Саламъ исполнилъ очень добросовѣстно данное ему трудное порученіе, и воротясь благополучно домой, передалъ слѣдующіе выводы своихъ разысканій. «Мы отправились изъ Сорра-мен-ра (къ сѣверу отъ Багдада) съ препоручительнымъ письмомъ Калифа къ Арменскому Царю, Исааку бен-Измаилу, и застали его въ Тифлисѣ, гдѣ получили новыя препоручительныя письма къ Царю золотаго престола, который принялъ насъ очень благосклонно и отправилъ дальше къ Царю Алланъ (Аллановъ). Отсюда прибыли мы къ Филагъ-Шаху, гдѣ жили многіе дни, до тѣхъ поръ, пока не получили надежныхъ провожатыхъ въ дальнѣйшій путь. Въ 27 дней мы добрались до границъ Багдширта (Башкировъ), и по томъ шли 10 дней по обширной черной странѣ, по которой разстилался паръ съ такимъ отвратительнымъ запахомъ, что мы безпрестанно должны были употреблять бывшіе съ нами благовонія. Послѣ того цѣлый мѣсяцъ шли пустынною страною, покрытою облаками и признаками старинныхъ жилищъ: на наши вопросы проводники отвѣтили намъ, что это развалины городовъ, съ давнихъ поръ завоеванныхъ и разрушенныхъ народами Ядшудшъ и Мадшудшъ. Сдѣлавъ еще 6-ть дней пути, мы дошли до укрѣпленныхъ замковъ по близости одной горы, на которой возвышается знаменитый валъ, и нашли тамъ людей, говорившихъ по Арабски и по Персидски. Сдѣсь лежитъ также и городъ, котораго начальникъ носитъ титулъ Какана Адкаша, а подданные его Мусульмане и имѣютъ мечети и училища. Когда мы освѣдомились, какъ пришелъ къ нимъ

Исламъ и кто научилъ ихъ Корану, они отвѣчали, что уже очень давно явился къ нимъ человѣкъ на большомъ звѣрѣ съ длинными ногами и горбомъ на спинѣ и поселился въ ихъ землѣ. Отъ него узнали они ученіе и обряды Магометанской Вѣры и стали ее исповѣдывать. Мы отправились потомъ къ валу, лежащему въ 2-хъ миляхъ отъ города, и увидали, что онъ сдѣланъ на оврагѣ во 150 аршинъ ширины и по срединѣ снабженъ крѣпкими желѣзными воротами. Надъ воротами возвышается крѣпкая цитадель изъ желѣзныхъ полосъ, крытая мѣдью; въ ней находится гарнизонъ. Начальникъ цитадели каждую пятницу садится на коня и подъѣзжаетъ къ воротамъ съ 10-ю другими всадниками; въ рукахъ у нихъ молотки, которыми они и колотятъ въ ворота по нѣсколько разъ, чтобы люди Мадшудшъ и Ядшудшъ, находящіеся по другую сторону вала, могли знать, что ворота хорошо охраняются и потеряли бы охоту приступать къ нимъ. Всадники прикладываютъ иногда къ воротамъ уши, чтобы послушать, что такое происходитъ за валомъ, и обыкновенно слышатъ глухой шумъ, похожій на говоръ множества народа. Мы старательно записали всѣ эти показанія, и отправились въ обратный путь въ Хорасанъ; на этомъ пути проходили города Локманъ, Харіанъ, Берджадшанъ, Таранъ и Самаркандъ; наконецъ, послѣ 28-ми мѣсячнаго отсутствія, опять достигли Сорры-мен-ра» До сихъ поръ говоритъ Саламъ. По дальнѣйшимъ примѣчаніямъ, которыми Арабскіе Географы снабжаютъ это путешествіе, Мадшудшъ лежитъ ниже Ядшудши. Мадшудши, мужчины и женщины, малы и невзрачны на видъ, всѣ покрыты множествомъ пуха и замѣтны по своимъ длиннымъ, круглымъ и отвислымъ ушамъ; языкъ ихъ походитъ на рѣзкій свистъ; напротивъ Ядшудши ничѣмъ не разнятся отъ другихъ людей; однако жъ не извѣстно, что за Государство у нихъ и какой они Вѣры. По обѣимъ землямъ протекаетъ рѣка неизвѣстной глубины, по имени Эльманшегеръ, въ которую туземцы бросаютъ своихъ военноплѣнныхъ; на днѣ ея долженъ находиться вѣчно горящій огненный ключъ. На берегахъ ея въ пещерахъ живутъ чрезвычайной величины птицы, которыя обыкновенно хватаютъ брошенныхъ въ рѣку людей, прежде нежели они упадутъ на дно, уносятъ ихъ въ свои гнѣзда и пожираютъ. Вся область этихъ народовъ ограничивается на югѣ горою Кокайи, такой крутой, что только съ трудомъ можно всхо-

дить на нее; еще труднѣе взбираться на ея вершину, потому что ее покрываютъ массы вѣчнаго снѣга и густой туманъ, а ущелья кишатъ змѣями и вредными гадами. Кто отваживается на это, тотъ обыкновенно не возвращается назадъ, потому что либо пожираютъ его звѣри, либо беруть въ плѣнъ люди, живущіе по ту сторону горы. Не многіе, будто чудомъ совершившіе благополучно такое отчаянное предпріятіе, разсказывали, что ночью они всегда видали много огня, а днемъ, изъ загустаго тумана, не могли распознать ничего. Сверхъ того обитатели этой земли, цѣпенѣющей круглый годъ отъ холода и льда, люди низкой души, преданы отвратительнымъ порокамъ. Прежде они чаще переходили гору въ одномъ удобномъ проходѣ и неистово опустошали земли, лежащія отъ него къ западу, пока Александръ Великій не велѣлъ запереть стѣною переходнаго пункта. У подошвы этой горы живутъ Адкаши, Турецкое племя, съ толстыми головами, широкими лицами и мигающими глазами. Они говорятъ особеннымъ языкомъ, покланяются огню и всему, что блеститъ. У сѣверной границы ихъ страны тянется, съ запада къ востоку, горная цѣпь Фаргань. На ней находится круглая равнина, а посреди ея озеро, глубины котораго не могъ извѣдать никто. Ни люди, ни звѣри, ни куски дерева не плаваютъ на водахъ озера: все, что ни упадетъ, гибнетъ безъ всякаго спасенія. Но Богъ вѣдаетъ, правда ли все это, заключаетъ Арабское извѣстіе.

Не легко было бы объяснить всѣ частности въ этомъ разсказѣ, прикрашенномъ Восточною фантазіей, но положеніе странъ Ядшудшъ и Мадшудшъ окажется ясно, если удастся открыть, гдѣ жилъ народъ Адкашъ. Точкою опоры могутъ служить Башкиры, жившіе на южномъ Уралѣ: къ нимъ приходилъ Саламъ такою дорогой, которую не описываетъ подробнѣе. Въ дурно пахнущей странѣ къ востоку отъ Башкировъ, которую путешественники проходили съ отвращеніемъ, нельзя не узнать болотистую полосу на восточной сторонѣ рѣки Урала, гдѣ испаряющіяся воды безчисленныхъ озеръ распространяютъ противный запахъ. Слѣдовательно, обширную пустыню съ развалинами многихъ городовъ, на переходъ которой нуженъ былъ цѣлый мѣсяцъ, надобно искать къ сѣверу отъ большой Киргизской Орды: сдѣсь дѣйствительно находятся и теперь еще слѣды безчисле-

ныхъ жилищъ и могилъ погибшаго народа. И такъ Адкашей, жившихъ по другую сторону этой пустыни, слѣдуетъ помѣстить вблизи Иртыша, а потому и цѣль путешественниковъ — страна около нынѣшняго Семипалатинска, а Кокайя, отдѣлявшая Адкашей отъ Мадшудшей, — Алтайскія горы. Слѣдовательно, кто отваживался восходить на ихъ вершины, тотъ видѣлъ Сибирь, если не мѣшали тому дымъ и туманъ. Новѣйшіе путешественники также подтверждаютъ это явленіе, по тому что, по разсказамъ ихъ, чрезвычайно густыя облака часто покрываютъ большую часть горныхъ купъ Алтая, и особенное образованіе этѣхъ облаковъ почти заставляетъ думать, что изнутри горъ, черезъ многія большія разсѣлины, вылетаетъ густой паръ, или дымъ: тамошніе жители говорятъ тогда, что «горы топятся.» Совершенно также справедливо и затѣчаніе Салама, что ночью вездѣ видно огонь, по тому что въ Сибири, какъ на равнинахъ, такъ и на горныхъ склонахъ, сожигаютъ стебли прошлогоднихъ растеній, такъ что столбы дыма поднимаются вдругъ во многихъ мѣстахъ. Въ темнотѣ ночи это дѣлаетъ прекрасный видъ: большія и малыя поляны сіяютъ въ разныхъ мѣстахъ, и кажется, что пламя на горныхъ склонахъ то поднимается къ верху, то опускается внизъ. Далѣе изумительно подтверждается разница въ ростѣ Ядшудшъ и Мадшудшъ, показанная Арабскими географами, по тому что, благодаря новѣйшимъ наблюденіямъ, мы знаемъ, что Березовскіе Самоѣды высоки и стройны, напротивъ живущіе на заливѣ Тазъ (на Тазовской губѣ) малорослы. Ограничиваемся этѣми общими намеками, которые достаточно показываютъ, что Арабы подъ землями Ядшудшъ и Мадшудшъ разумѣли Сибирь, а изслѣдованія о стѣнѣ, построенной Александромъ Великимъ, и другія частности путешествія, предоставляемъ людямъ, болѣе ученымъ.

АХМЕДЪ БЕНЪ-ФОЦЛАНЪ.*

Изъ разсказа Салама мы видѣли, что усердіе къ дѣлу обращенія въ Магометанскую вѣру довело одного смѣлаго право-

---

*У Адегунга, въ его «Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700,» сказаноо немъ вотъ что: «Ибн-Фоцланъ, или какъ называетъ его пол-

вѣрнаго до подошвы Алтая; видѣли также, какимъ успѣхомъ увѣнчалось это предпріятіе. Что этотъ случай былъ не отдѣльный, и что Арабы такимъ только образомъ узнали самые дальніе края Азіи и Европы, доказываютъ слѣды Ислама, которые можно открыть, сначала у народовъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, потомъ вверхъ по теченію Волги до Сѣверной Россіи. Обращенію одного Князя Волжскихъ Болгаръ въ Исламъ мы даже обязаны древнѣйшимъ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Русскихъ: это обращеніе было поводомъ Арабскаго посольства въ Булгаръ (въ Казанской Губерніи) и непрерывныхъ торговыхъ сношеній съ этѣмъ, нѣкогда столь цвѣтущимъ и славнымъ, а теперь совершенно исчезнувшимъ, городомъ. Альмсъ, неизвѣстный подробнѣе, Булгарскій Князь, отправилъ письмо въ Багдадъ къ Калифу Муктедиру (907—932), съ просьбою прислать къ нему людей для наученія его «истинной» вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ Ислама, строенію мечетей, а кромѣ того пособить ему при постройкѣ крѣпости, въ которой онъ былъ бы безопасенъ отъ нападеній непріятеля. Калифъ съ охотою исполнилъ эту просьбу, и при-

---

ное имя Якутъ въ своемъ «Алфавитѣ земель,» A'hmed Ben-Foszlan-Ben-Abbas Ben-Raschid Ben - Hammad, родился въ 921 году, по Р. Х., былъ отправленъ Абассидскимъ Калифомъ, Муктедиромъ, въ качествѣ товарища посланника, къ Царю Славянъ. Въ этомъ путешествіи онъ повстрѣчался на Волгѣ съ Русскими: онъ сообщаетъ замѣчательное и подробное описаніе этихъ Руссовъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, которое сдѣлалъ для насъ доступнымъ Френъ въ своей превосходной обработкѣ этого сочиненія и объяснилъ его. Хотя разсказъ Ибнъ-Фоцлана былъ извѣстенъ другимъ древнѣйшимъ Арабскимъ писателямъ, да и не могъ оставаться въ тайнѣ для этихъ писателей, которые даже имъ пользовались, какъ открывается изъ болѣе внимательнаго сличенія; однако жь вполнѣ сохранилъ его одинъ Якутъ. Оттуда первый обнародовалъ его тотъ замѣчательный оріенталистъ, котораго мы сейчасъ назвали, въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: «Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen aus Ibn—Foszlan's Reise-Berichte. In den Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pét. VI série, t. 1, St. Pétersb. 1832 p. 527 — 577. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen älterer Zeit. Text und Uebersentzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beylagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern, von C. M. Frähn etc. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg. 1823, 4.»

слалъ къ Булгарскому Князю Ахмеда бенъ-Фоцлана, о подробностяхъ жизни котораго ничего болѣе не знаемъ, съ многочисленною свитою и великолѣпными подарками. Посольство оставило Багдадъ въ Іюнѣ 921 года, а на другой годъ, 11-го Мая, прибыло въ Булгаръ и совершило обычные обряды при обращеніи въ Магометанскую Вѣру. На обратномъ пути, а можетъ быть, и ѣхавши туда, онъ повстрѣчалъ на Волгѣ Русскихъ, приплывшихъ сюда по торговымъ дѣламъ: эти люди показались ему такъ странны и замѣчательны, что онъ попытался описать ихъ жизнь и занятія, и успѣлъ въ этомъ такъ хорошо, что мы передаемъ его здѣсь слово въ слово, на сколько это отвѣчаетъ нашей цѣли.

«Я встрѣтилъ Русскихъ, разсказываетъ онъ, когда они только что прибыли съ своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ (Волгѣ); не думаю, чтобы видали когда ни будь людей съ такимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: они высоки, какъ пальмы, и съ свѣжимъ, розовымъ цвѣтомъ лица. Мущины носятъ грубую одежду, которую накидываютъ на плечи, такъ что руки остаются на свободѣ. У каждаго сѣкира, ножикъ и мечъ, и безъ этѣхъ оружій ихъ никогда не видно. Мечи у нихъ Французской работы, широкіе, съ вольнообразными полосами, и съ одной стороны отъ острея до ручки украшены деревьями, фигурами и другими изображеніями. Женщины украшаютъ грудь маленькою коробочкой, которая дѣлается изъ золота, серебра, мѣди, или желѣза, смотря по средствамъ ихъ мужей. На коробочкѣ кольцо, къ которому привѣшенъ ножикъ. Шею обвиваютъ золотыми и серебряными цѣпочками, которыхъ число соразмѣрно съ богатствомъ мужа, часто видаютъ Русскихъ женщинъ со множествомъ цѣпочекъ на шеѣ. Но выше всего цѣнятъ онѣ зеленый стекларусъ и платятъ за него чрезвычайныя цѣны. Русскіе — самые неопрятные люди, какихъ только создавалъ Богъ, по тому что они никогда не моются и не чистятся по исправленіи естественной надобности, точно они дико бѣгающіе ослы.

Поставивъ свои суда на якорь въ Итилѣ, они строятъ на берегу большія деревянныя хижины. Въ одной такой хижинѣ живетъ ихъ вмѣстѣ отъ 10 до 12 человѣкъ: у каждаго скамья для отдыха, гдѣ сидитъ онъ съ своими служанками и дѣвушками, которыхъ везетъ на продажу. Каждое утро они моются, но самымъ

отвратительнымъ образомъ, какой только можно вообразить. Служанка приноситъ большой тазъ съ водой и ставитъ его передъ однимъ изъ мущинъ: этотъ моетъ въ немъ лицо, руки и волосы, чешется, сморкается и плюетъ все въ одинъ и тотъ же тазъ. Когда онъ кончитъ, служанка беретъ тазъ и ставитъ его съ той же водой передъ другимъ; такимъ образомъ этотъ сосудъ переходитъ отъ одного къ другому, пока всѣ не умоются. Но по пріѣздѣ на обыкновенную якорную стоянку, прежде нежели пріймутся они за какое ни будь другое дѣло, каждый беретъ хлѣбъ, мясо, луковицы, молоко и опьяняющій напитокъ, и отправляется со всѣмъ этѣмъ къ высокому столбу, съ человѣческимъ лицомъ, поставленному на берегу: кругомъ его видны идолы поменьше, а позади много другихъ высокихъ столбовъ. Онъ подходитъ къ этому высокому идолу, бросается передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господинъ, я прибылъ изъ дальнихъ краевъ и привезъ съ собой столько-то дѣвушекъ и столько-то собольихъ мѣховъ»; пересчитавъ, такимъ образомъ, всѣ привезенные товары, онъ кладетъ передъ идоломъ дары, соразмѣрно съ числомъ этѣхъ товаровъ, и продолжаетъ: «Хочу, чтобы ты послалъ мнѣ покупщика, у котораго много золотыхъ и серебряныхъ монетъ, чтобы онъ купилъ у меня все, по такой цѣнѣ, по какой мнѣ можно продать.» Потомъ уходитъ и начинаетъ свою торговлю: если торговля идетъ плохо, онъ приходитъ опять и приноситъ вторые, также и третьи, дары. Если же и тогда не исполнится его желаніе, онъ даритъ тѣхъ идоловъ, которые поменьше, по его мнѣнію, женъ и дочекъ большаго, и проситъ за него вступиться. Когда же послѣ того торговля у него пойдетъ хорошо, онъ, распродавъ всѣ товары, убиваетъ нѣсколько воловъ и овецъ, раздаетъ часть мяса бѣднымъ, другую приноситъ въ жертву идоламъ, а головы животныхъ вѣшаетъ на частоколъ позади ихъ. Если ночью прійдутъ собаки и съѣдятъ мясо, онъ въ радости кричитъ: «Мой Богъ благоволитъ ко мнѣ: онъ съѣлъ мои дары».

Когда кто изъ нихъ захвораетъ, они разбиваютъ для него палатку вдалекѣ отъ своихъ хижинъ, оставляютъ ему нѣсколько хлѣба и воды, но больше и не заботятся о немъ и не посѣщаютъ его ни разу, особливо, если онъ бѣднякъ, или рабъ. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ нимъ тотчасъ же, лишь только

сможетъ подняться съ одра болѣзни; а въ случаѣ смерти, сожигаютъ его, если онъ не рабъ, по тому что рабовъ оставляютъ лежать до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются добычею собакъ, или хищныхъ птицъ Поймавъ на дѣлѣ вора, или разбойника, они привязываютъ его длинною веревкою къ дереву и даютъ ему висѣть до тѣхъ поръ, пока онъ не распадется въ куски, разложившись отъ дождя и вѣтра. Пьянству они предаются самымъ безумнымъ образомъ; часто пьютъ день и ночь, и нерѣдко кто ни будь падаетъ замертво со стаканомъ въ рукѣ. Если кто умираетъ въ такое время, когда они расположатся станомъ на берегу Волги, того сожигаютъ вмѣстѣ съ судномъ. Если онъ богатъ, собираютъ его пожитки и дѣлятъ ихъ на три части: одну треть получаетъ его семейство, другая идетъ на покупку платья для покойника, на третью покупаютъ хмѣльнаго напитка, чтобы распить его въ тотъ день, когда будутъ сожигать умершаго.

Мнѣ очень хотѣлось узнать различные обряды, которые, какъ мнѣ сказывали, они соблюдаютъ при сожиганіи своихъ покойниковъ, какъ вдругъ увѣдомили меня, что умеръ одинъ изъ нихъ вельможъ. Въ тотъ день, когда надобно было сожигать умершаго, я пошелъ на берегъ, гдѣ находился его корабль; этотъ былъ уже вытащенъ на берегъ и поставленъ на костеръ: хлопотали уже о томъ, чтобы кругомъ его поставить деревянныя статуи, похожія на человѣка. Люди ходили туда и сюда съ безпрестаннымъ, не понятнымъ для меня, говоромъ и дѣлали дальнѣйшія приготовленія. Сначала принесли скамью, и поставили на ней корабль; потомъ пришла старуха, которую называютъ они Ангеломъ смерти, и постлала на скамьѣ тканыя золотомъ покрывала и подушки. Она вообще заботится обо всемъ снаряженіи, о приготовленіи платьевъ, убиваетъ также и ту рабу, которая всегда сожигается съ покойникомъ. Старуха пришла съ мрачнымъ, сердитымъ взглядомъ и походила на чорта. Но дѣвушка изъ рабынь, добровольно вызвавшаяся сгорѣть съ господиномъ, пѣла, пила и весело расхаживала. Тогда только отправились къ ямѣ, гдѣ сохраняли покойника подъ кровлею, усыпанною землей, пока не кончатся приготовленія, и вынули его съ савапомъ, въ которомъ онъ умеръ. Отъ тамошней стужи онъ весь почернѣлъ. Въ ямѣ находились также плоды, хмѣльной напитокъ и лютня: всѣ эти

вещи также понесли съ покойникомъ, чтобы съ нимъ же положить и въ корабль. Покойника одѣли во все платье: въ кафтанъ, панталоны и сапоги, надѣли на голову ему шапку, тканую золотомъ, съ собольимъ околышемъ, потомъ подняли его въ находившуюся на кораблѣ палатку, положили на скамью и подперли подушками. Возлѣ него поставили напитокъ, плоды, царскую траву (базилику, ocymum basilicum), хлѣбъ, мясо и луковицы. Потомъ привели собаку, разрѣзали ее на двое и бросили въ корабль; положили возлѣ покойника все его оружіе, привели двухъ лошадей и гоняли ихъ до тѣхъ поръ, пока не закапалъ съ нихъ потъ, и послѣ того изрубили мечами въ куски, которые также бросили въ корабль. То же сдѣлали съ двумя волами, и наконецъ принесли пѣтуха и курицу, также убили ихъ и бросили къ другимъ убитымъ животнымъ.

По окончаніи всѣхъ этѣхъ приготовленій, привели дѣвушку, подвели ее къ нарочно для того устроенному станку, приподняли ее и дали ей посмотрѣть внутрь его. При этомъ она пробормотала нѣсколько словъ на своемъ языкѣ, и была опять поставлена на землю. Подняли ее въ другой разъ, и она сдѣлала то же, что и въ первый. Опять опустили ее внизъ, а потомъ подняли въ третій разъ, и она поступила точно такъ же. Послѣ того подали ей курицу, у которой она отрѣзала голову и бросила ее прочь, а курицу кинула въ корабль. Я спросилъ переводчика, что значатъ слова, которыя она сказала, заглянувъ въ станокъ. «Въ первый разъ, отвѣчалъ этотъ, она сказала: вотъ я вижу сдѣсь моего отца и мать; въ другой разъ: вотъ теперь вижу всѣхъ своихъ родныхъ, они сидятъ всѣ вмѣстѣ; а въ третій разъ: вотъ тамъ мой господинъ: онъ сидитъ въ раю; рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ; онъ зоветъ меня, отведите меня къ нему!» Чтобы исполнить это желаніе, повели ее къ кораблю: тутъ сперва сняли съ нея два браслета, и подали ихъ женщинѣ, которую называютъ Ангеломъ смерти, потомъ кольца съ ногъ, и отдали ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ старухѣ: ихъ называютъ дочерьми ангела смерти. Послѣ того подняли ее на корабль, однако жь не впустили еще въ палатку, по тому что теперь пришли люди со щитами и палками и подали ей кубокъ съ хмѣльнымъ питьемъ: она выпила его, распѣвая пѣсню, въ которой, какъ го-

ворилъ переводчикъ, прощалась съ своимъ милымъ. Она взяла и другой, поданный ей кубокъ, и запѣла протяжную пѣсню, но старуха велѣла ей выпить и итти въ палатку господина; когда же дѣвушка все еще медлила, она сама повела ее туда. Тогда мужчины тотчасъ же начали колотить палками въ щиты, чтобы не слышно было ни какого звука изъ крика, который могъ бы напугать другихъ дѣвушекъ и отбить у нихъ охоту умирать съ господиномъ. Между тѣмъ шестеро мужчинъ отправились въ палатку и положили упиравшуюся дѣвушку возлѣ ея повелителя. Тутъ схватили ее двое за ноги, другіе двое за руки, а остальные двое удавили ее веревкой, обвитой кругомъ ея шеи, — и Ангелъ смерти вонзилъ ей между ребрами широкій ножъ. Когда старуха съ мужчинами ушла съ корабля, явился близкій родственникъ умершаго, совсѣмъ нагой, зажегъ полѣно и, держа его въ одной рукѣ, а другую заложивъ назадъ себѣ, подошелъ къ кораблю и зажегъ костеръ, сложенный подъ нимъ. Потомъ подбѣжали и прочіе и стали бросать въ огонь горящія полѣнья: пламя въ короткое время истребило корабль со всѣмъ, что было на немъ. На пожарищѣ насыпали круглый курганъ; по срединѣ его поставили большой отрубокъ дерева, на которомъ написали имя покойника, вмѣстѣ съ именемъ Царя Руссовъ.

На нашъ вопросъ объ этомъ Царѣ мы узнали, что при немъ въ замкѣ всегда находится 400 самыхъ храбрыхъ и надежныхъ людей изъ его дружины, всегда многочисленной; они готовы умереть съ нимъ, или пожертвовать за него жизнью. У каждаго есть дѣвушка, которая ему прислуживаетъ, моетъ ему голову, готовитъ кушанье и питье. Этѣ 400 человѣкъ сидятъ внизу у Царскаго престола, богато украшеннаго драгоцѣнными камнями, а на самомъ престолѣ 400 дѣвушекъ, назначенныхъ для прислуги ихъ повелителю. Онъ никогда не сходитъ съ престола, и когда захочетъ исправить естественную необходимость, дѣлаетъ это посредствомъ чаши; когда желаетъ выѣхать, ему подводятъ лошадь къ самому престолу, съ котораго онъ и садится на нее, а потомъ опять на престолъ. У него есть и намѣстникъ, который начальствуетъ его войсками, сражается съ непріятелемъ и ведетъ дѣла съ подданными.

Этѣмъ пріятнымъ описаніемъ покойной жизни Царя Ахмедъ-бенъ-Фоцланъ заключаетъ свое извѣстіе о Руссахъ, въ землю которыхъ, лежащую западнѣе, Арабы не заходили никогда, или очень рѣдко, а потому и мнѣніе, которое высказывалось такъ часто, что ихъ караваны проникали далеко во внутреннюю Европу, даже до Балтійскаго моря, не имѣетъ ни какого прочнаго основанія. Единственное доказательство, которому придаютъ столько вѣса и которое основывается на невѣроятномъ множествѣ Арабскихъ монетъ, находимыхъ не только въ собственной Россіи, въ Курляндіи и Финляндіи, но и по всему Балтійскому приморью, совершенно ничтожно, по тому что существованіе этѣхъ монетъ объясняется торговлею Русскихъ купцовъ: эти послѣдніе, какъ говоритъ намъ переданный сей часъ разсказъ Арабскаго посланника, хотѣли за привозимые товары взять очень много золотыхъ и серебряныхъ денегъ. И можно, ни сколько не сомнѣваясь, принять за правило, что торговля Арабовъ никогда не доходила дальше ихъ Вѣры, а всѣмъ извѣстно, что эта Вѣра нигдѣ не находила входа въ Сѣверную Европу. Арабскіе географы насчитываютъ много городовъ во Франціи, Германіи, Голландіи и Англіи (которую называли они Антаркатъ), но сбивчивое описаніе ихъ уже показываетъ, что оно основано исключительно на однихъ слухахъ. Въ Англіи царствуетъ вѣчная зима, а прочіе острова, лежащіе въ морѣ мрака (Атлантическомъ океанѣ). Берланда (Ирландія), Скозія (Шотландія) и Ресланде (Исландія), пусты и не обитаемы; также темны для нихъ положеніе и природа Польши, Даніи, Швеціи и Норвегіи. Арабы обыкновенно прикрываютъ свое невѣжество безцеремоннымъ замѣчаніемъ, что только слегка упомянутъ о Христіянскихъ странахъ, отъ того, что очень любятъ мудрость, благородный образъ мыслей, религію, справедливость и благоустроенное правленіе, такъ что и не могутъ заниматься такими людьми (т. е., Христіянами).

МУХАММЕДЪ ИБНЪ-БАТУТА.*

Какъ рѣдко Арабскій корабль, плывя вдоль западнаго Афри-

* У Аделунга: «Ибнъ-Батута, Арабскій писатель, оставилъ описаніе путешествія

канскаго берега, принималъ направленіе къ югу, такъ же часты и правильны были поѣзды Арабскихъ каравановъ во внутреннюю Африку и даже до самыхъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ еще или совсѣмъ не изслѣдованы, или очень несовершенно, Европейскими путешественниками. Только пытливое усердіе новѣйшаго времени обнародовало, для познанія этѣхъ, почти не доступныхъ, Негритянскихъ земель неоцѣненное пособіе въ путешествіи Ибнъ-Батуты. Этотъ человѣкъ, увлекшись непреодолимою страстью къ путешествіямъ, объѣздилъ большую часть Азіятскихъ и Африканскихъ государствъ, а въ Европѣ Испанію, и все богатство своихъ свѣдѣній оставилъ въ дневникѣ, который неоспоримо принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ путешествій во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Довольно удивительное сходство его извѣстій о самыхъ дальнихъ краяхъ, особливо о Китаѣ, съ замѣчаніями новѣйшихъ путешественниковъ, служитъ доказательствомъ его превосходнаго наблюдательнаго таланта, любви къ истинѣ и правильности въ сужденіяхъ. Отъ того еще больше надобно сожалѣть, что до сихъ поръ не сдѣлался доступнымъ полный Дневникъ его, и что мы принуждены довольствоваться извлеченіемъ, которое, однако жь, нельзя назвать бѣднымъ.

Ибнъ-Батута, съ его полнымъ именемъ Абу Абд-аллахъ Мухаммедъ ибнъ-Абу-Аллахъ эль-Лавати, по прозванію Ибнъ-Батута, родился въ 1303 году, въ Тангерѣ, въ Африкѣ. Онъ посвятилъ себя изученію Корана съ блестящимъ успѣхомъ, и въ 1325 году отправился въ путешествіе въ Мекку, предписанное всѣмъ правовѣрнымъ. Предпринявъ это путешествіе въ благочестивыхъ видахъ, онъ, кажется, во всѣхъ странахъ отыскивалъ людей, извѣстныхъ своею святостію, тотчасъ же по приходѣ туда. Къ числу такихъ людей принадлежалъ также въ Александріи Иманъ (уче-

---

въ которомъ кое гдѣ упоминаются Русскіе. Смотр. объ немъ: Frähn's Ibn-Foszlan, стр. 229—230.

Его сочиненіе впервые явилось въ печати въ Англійскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: The Travels of Ibn-Batuta, translated from the abridged Arabic Ms. copies by Lee, London 1829, 4°.

Подробное извѣстіе о Ибнъ-Батутѣ и его сочиненіяхъ находится въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 года, N 11, стр. 462.

ный книжникъ) Форганъ Оддинъ эль Ааараджъ, который даже пользовался извѣстностію чудотворца, и Ибнъ-Батута не преминулъ сдѣлать ему посѣщеніе. «Вижу, сказалъ Иманъ, что вы очень любите посѣщать отдаленные краи». — «Да, отвѣчалъ тотъ хотя въ эту минуту и совсѣмъ не имѣлъ намѣренія пускаться въ дальнія странствованія». — «Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Иманъ, вамъ надобно посѣтить моихъ собратій въ Индіи и Китаѣ и отнести имъ мой поклонъ». — Какъ ни изумило молодаго странника такое предположеніе, онъ рѣшился, однако жь, послушаться его, и успокоился не прежде, пока не исполнилъ даннаго ему порученія въ точности. Прежде, чѣмъ покинулъ Египетъ, онъ хотѣлъ увидать Нубію; но какъ въ этой странѣ вспыхнули тогда опасныя смятенія, то онъ вернулся на границу, опять поплылъ внизъ по Нилу, продолжалъ свое путешествіе на Сирію и Персію, и наконецъ добрался до цѣли своего странствованія — священнаго города Мекки, гдѣ и прожилъ три года.

Послѣ удовлетворительнаго, по его мнѣнію, исполненія его религіозной обязанности, онъ присталъ къ обществу купцовъ, шедшихъ въ Еменъ, посѣтилъ самые замѣчательные города этой области, и въ Аденѣ поплылъ въ Цуллу, пристань Абиссиніи. Прибрежную полосу, населяемую Варварійцами, онъ описываетъ большою степью, которая тянется на 60 дней пути отъ Цуллы до Макдасу (Магадохо). Варварійцы питаются верблюжьимъ мясомъ и рыбой, и вонь отъ обрѣзковъ этѣхъ животныхъ, которыхъ бьютъ и потрошатъ на улицахъ, дѣлаетъ пребываніе тамъ несноснымъ. На поѣздкѣ моремъ въ Макдасу, лежащемъ южнѣе въ 15-ти дняхъ пути, кажется, во всѣ этѣ дни жили очень роскошно: Ибнъ-Батута съ большимъ удовольствіемъ говоритъ объ элькусганѣ, въ родѣ жареннаго изъ мяса, рыбы, дичи и растеній, о вареныхъ въ свѣжемъ молокѣ плодахъ пизанга, обсахаренныхъ лимонахъ, о свѣжихъ стручкахъ перца и зеленомъ инбирномъ вареньѣ, которыя онъ ѣлъ. Но прежде нежели туземцы принимались за этѣ лакомства, они сначала утоляли голодъ блюдомъ риса, по тому что, говоритъ Батута, они ѣдятъ ужасно много и необыкновенно толсты; каждый изъ нихъ съѣдаетъ столько же, сколько цѣлый монастырь. Изъ Макдасу посѣтилъ онъ область Цанудша (Цинднше) и присталъ къ острову Момбасѣ. Не имѣя

охоты продолжать путешествіе дальше къ югу, онъ опять поѣхалъ въ Аравію и приплылъ въ Цафаръ, на границѣ области Еменъ. Это городъ, очень населенный, но также и грязный: самый жестокій бичъ его — мухи, привлекаемыя изумительнымъ множествомъ рыбъ и фиников, которые выставляются на продажу на рынкахъ. Жители кормятъ рыбою даже скотъ, чего нельзя бы было дѣлать въ другихъ мѣстахъ. Изъ Цафара вывозили также и лошадей въ Индію, и этотъ переѣздъ, на который прежде нуженъ былъ мѣсяцъ при попутномъ вѣтрѣ, въ то время дѣлали, по самой большей мѣрѣ, въ 10 дней. Въ половинѣ пути отъ Цафара достигаютъ города Эль Агкафа, окруженнаго прекрасными садами, гдѣ растительность Индіи развивается уже во всемъ ея великолѣпіи. Сдѣсь встрѣчаются самыя разнородныя и рѣдкія растенія, и перецъ, идущій въ продажу, вьется вездѣ по стволамъ кокосовой пальмы. Направляясь по Арабскому берегу въ Оманъ, Ибнъ-Батута въ первый разъ видѣлъ въ Гасикѣ дерево, доставляющее ладанъ. На корѣ его дѣлается разрѣзъ, изъ котораго течетъ бѣлый, похожій на молоко, сокъ, который въ короткое время твердѣетъ. Домы построены изъ рыбьихъ костей и крыты верблюжьими кожами. Въ городахъ области Омана ѣдятъ мясо дворовыхъ ословъ и съ разрѣшенія правительства продаютъ его на улицахъ. На островѣ Ормусѣ, въ Персидскомъ заливѣ, Ибнъ-Батута видѣлъ огромную китовою голову, которую, безъ преувеличенія, можно сравнить съ холмомъ; глаза у нея были больше воротъ: въ одинъ можно войти, а въ другой выйти. Уже Нархъ говоритъ о такихъ морскихъ чудахъ на Персидскомъ берегу, куда теперь очень рѣдко заплываетъ китъ. Ибнъ-Батута объѣздилъ Персидскую область Фарсистанъ, и потомъ отправился во вторичное странствованіе въ Мекку, куда и прибылъ въ 1332 году.

Совершивъ свои молитвы, онъ опять отправился въ путь и пошелъ въ пристань Джидду, чтобы оттуда плыть въ Индію. Но противные вѣтры загнали корабль въ другую, болѣе сѣверную пристань Чермнаго моря: это, кажется, было для Ибнъ-Батуты все равно; онъ присталъ къ каравану Бедуиновъ и отправился степью, кишащею страусами и газелями, въ Верхній Египетъ. Оттуда поплылъ онъ внизъ по Нилу къ Каиру, потомъ, послѣ нѣсколь-

кихъ дней отдыха, ѣздилъ, черезъ Іерусалимъ, въ Триполи, а отсюда моремъ въ Малую Азію, въ землю Туркомановъ, которыхъ гостепріимство изумило его чрезвычайно. Во всѣхъ Туркоманскихъ городахъ, говоритъ онъ, существуютъ, такъ называемыя, «братства» изъ молодыхъ людей, которые чрезвычайно услужливы ко всѣмъ тужеземцамъ и спѣшатъ доставать для нихъ съѣстныхъ припасовъ и все необходимое. Эти общины составляются очень просто: всѣ люди, занимающіеся однимъ дѣломъ, даже чужеземцы безъ друзей и покровителей, собираются вмѣстѣ и составляютъ одну толпу около старшины, который называется преимущественно братомъ. Онъ велитъ строить келью, ставитъ въ ней лошадь, кладетъ сѣдло и все нужное и ссужаетъ тѣмъ товарищей, которые носятъ названіе молодыхъ людей. Вечеромъ всѣ они собираются вмѣстѣ, и каждый приноситъ съ собою съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ достать въ продолженіи дня. Если явится къ нимъ иностранецъ, они принимаютъ его ласково и оказываютъ ему гостепріимство до тѣхъ поръ, пока онъ не уйдетъ отъ нихъ. Ибнъ-Батута самъ увѣрился въ благодѣтельности такихъ общинъ: едва только вошелъ онъ въ область Туркомановъ, какъ явился къ нему одинъ человѣкъ и позвалъ на пиръ со всѣми его товарищами. Когда онъ не могъ скрыть своего изумленія, что, по видимому, такой бѣднякъ хочетъ угощать столько людей, ему объяснили, что приглашающій — членъ братства изъ 200 торговцевъ шелкомъ, у которыхъ есть своя собственная келья. Такъ онъ и принялъ приглашеніе, и вскорѣ имѣлъ случай узнать ихъ необыкновенное добродушіе и щедрость. Въ бытность свою въ этой землѣ съ нимъ часто случались такія приключенія. Такъ однажды, вблизи какого-то города, къ не малому для него страху, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ людей, которые схватили за поводья его лошадь; наконецъ одинъ, говорившій по Арабски, замѣтилъ ему, что они спорили о чести угощать его, по тому что всѣ они принадлежатъ къ братству молодыхъ людей. Эти люди ни какъ не могли согласиться и кинули жеребій: тотъ, кому поблагопріятствовало счастье, повелъ Ибнъ-Батуту съ торжествомъ, со всѣми его товарищами.

Изъ Малой Азіи онъ направилъ путь въ Арзерумъ, въ Арменію, гдѣ Царь этой страны принялъ его очень милостиво. Онъ

показывалъ ему также и камень, упавшій съ неба близъ города (аэролитъ), чернаго цвѣта, 100 фунтовъ вѣса и такой крѣпкій, что самые сильные удары молотомъ не оставляли на немъ ни какихъ слѣдовъ. Въ Кастемуни, на Черномъ морѣ, Ибнъ-Батута сѣлъ на корабль, чтобы посѣтить Крымъ. Кипчацкую степь описываетъ онъ очень плодоносною, покрытою зеленью, страной, но въ ней не видно ни горъ, ни холмовъ, ни деревьевъ. Обыкновенно проѣзжали ее на телѣгахъ, устроенныхъ особеннымъ образомъ и называемыхъ «ариба» (арба) и употребляли на переѣздъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Ибнъ-Батута нанялъ себѣ такую телѣгу, чтобы отправиться въ Эль-Кафу и пріѣхавъ туда, былъ не мало удивленъ, увидавъ передъ собою цѣлый подвигающійся къ нему городъ съ мечетями и домами. Владѣлецъ этого города принялъ путешественника очень благосклонно и подарилъ ему барана, лошадь и кожаный мѣшокъ съ кумысомъ (кобыльимъ молокомъ), любимымъ Татарскимъ напиткомъ.

Когда Ибнъ-Батута услыхалъ тамъ разсказы о большомъ городѣ Булгарѣ, ему пришла охота посѣтить и это мѣсто и увѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ тамъ стоитъ такая стужа, а дни и ночи такъ не равны, какъ разсказываютъ. Такъ онъ и отправился въ дорогу въ Булгаръ, съ однимъ Татарскимъ проводникомъ, и нашелъ тамъ полное подтвержденіе разсказовъ прежнихъ путешественниковъ: въ то время стояло глубокое лѣто и ночи были такъ коротки, что едва только онъ окончилъ свою вечернюю молитву, какъ ужь и стало свѣтать. Въ Булгарѣ много говорили о землѣ мрака, и онъ едва могъ заглушить въ себѣ желаніе посѣтить эту полную чудесъ страну, но на путешествіе туда нужно было 40 дней, опасности были такъ велики, а выгоды такъ незначительны, что онъ отложилъ это намѣреніе. Ему сказывали, что въ этой странѣ можно ѣздить только на маленькихъ, запряженныхъ собаками, саняхъ, по тому что всѣ дороги покрыты такимъ твердымъ и гладкимъ льдомъ, что люди и животныя поскользаются на немъ, и только собаки умѣютъ держаться своими когтями. Единственные посѣтители этой страны—богатые купцы: каждый имѣетъ около сотни саней, которыя, въ положенное время, нагружаютъ съѣстными припасами, напитками и деревомъ, по тому что по всей дорогѣ нѣтъ ни домовъ, ни колодцевъ, ни де-

ревьевъ. Собака, сдѣлавшая путешествіе уже нѣсколько разъ, служитъ проводникомъ: такая вожатая собака рѣдко стоитъ меньше 1000 динаріевъ. Ее запрягаютъ въ сани съ тремя другими собаками, которыхъ ведетъ она безъ всякихъ побоевъ и брани отъ хозяина, по тому что, въ противномъ случаѣ, она взбѣсится и подвергнетъ его большой опасности. Когда путники въ 40 дней доберутся до земли мрака, они складываютъ товары на мѣстѣ, назначенномъ по старинному договору, и потомъ удаляются на нѣкоторое разстояніе. На другой день они отправляются опять на торговое мѣсто, и находятъ тамъ собольи, горностаевые и другіе мѣха. Если они довольны обмѣненными товарами, то ѣдутъ съ ними домой, а если недовольны, опять удаляются и ждутъ, пока прибавятъ имъ еще другихъ. Часто, однако жь, и туземцы берутъ назадъ свои товары и оставляютъ на мѣстѣ товары иноземныхъ купцовъ, если этѣ просятъ за нихъ слишкомъ дорого. Такъ ведется покупка и продажа въ землѣ мрака, но до сихъ поръ никто не видалъ существъ, съ которыми ведется эта нѣмая торговля, и не знаетъ, люди ли они, или злые духи. Мѣха, привозимые оттуда, имѣютъ то главное достоинство, что въ нихъ не заводится ни какихъ насѣкомыхъ.

Изъ Булгара Ибнъ-Батута вернулся опять въ странствующій станъ Татарскаго Хана и провожалъ его въ Астрахань, большой городъ на Волгѣ, гдѣ и находился во все продолженіе всей суровой зимы. Волга замерзла, и Татары усыпали ледъ сѣномъ, чтобы безопаснѣе ѣздить. Когда около этого самаго времени одна изъ женъ Татарскаго Князя, дочь Константинопольскаго Императора Такфура (Андроника II-го), захотѣла посѣтить своего отца, Ибнъ-Батута, не видавшій еще столицы Восточныхъ Римлянъ, просилъ позволенія провожать эту Княгиню, и получилъ его. Княгиня, которую Татары звали Байлунъ, ѣхала въ сопровожденіи 5000 солдатъ, и въ числѣ ихъ было до 500 всадниковъ. Въ горахъ проходили они мимо Русскихъ: это безобразный и вѣроломный народъ, съ голубыми глазами и рыжими волосами, исповѣдывавшій Христіянскую вѣру. Только что вступила Байлунъ въ предѣлы своего отечества, какъ тотчасъ же отпустила мечеть, которую до сихъ поръ везли за нею для совершенія молитвъ, пила вино, ѣла свинину, и вела себя совершенно какъ Христі-

янка; когда же приблизилась къ Константинополю, на встрѣчу къ ней вышли ея родители, братья и сестры, Дворъ и почти все населеніе столицы въ лучшихъ нарядахъ, съ барабаннымъ боемъ и радостными восклицаніями: сдѣлалась такая тѣснота, что Ибнъ-Батута подвергался опасности лишиться жизни, и едва только издали могъ видѣть пріемъ Принцессы. Она вошла въ свой родной городъ уже при захожденіи солнца, и тогда зазвонили такъ сильно въ колокола, что потрясенъ былъ воздухъ. На четвертый день послѣ того Ибнъ-Батута представлялся Императору, однако жь, сперва обыскали его у пятыхъ, охраняемыхъ стражами, воротъ дворца, и убѣдились, что съ нимъ нѣтъ оружія: этой обрядности подвергался всякій, желавшій явиться къ Императору, иностранецъ ли онъ, или тамошній урожденецъ. Потомъ ввели его въ пріемную залу, гдѣ онъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Императору, сидѣвшему на престолѣ съ женою и дочерью, Татарской Княгиней, и принятъ имъ очень милостиво. На вопросы о приключеніяхъ его въ путешествіяхъ, онъ отвѣчалъ черезъ толмача, Жида по происхожденію; на прощаньи Императоръ подарилъ ему почетное платье, совсѣмъ снаряженнаго коня и свой зонтикъ, что считается совершенно особеннымъ отличіемъ. Дали ему и проводника, чтобы показать замѣчательности города. Онъ посвятилъ много дней на удовлетвореніе своего любопытства, осматривалъ также и славную во всемъ свѣтѣ Софійскую церковь, но только снаружи, по тому что при входѣ стоялъ крестъ, которому должны были молиться всѣ, желавшіе войти въ церковь.

Пробывъ одинъ мѣсяцъ и шесть дней, Ибнъ-Батута покинулъ Константинополь и возвратился въ Астрахань. Хотя здѣсь обращались съ нимъ съ отличіемъ, однако жь ненасытная страсть къ путешествіямъ не давала ему покоя. Вскорѣ онъ распрощался съ Татаріею и пошелъ великою степью, безъ травы и воды, въ Ховарезмъ, столицу соименной страны между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Онъ описываетъ ее величайшимъ городомъ, какимъ только владѣютъ Турки, и ея жителей — очень ласковыми и гостепріимными людьми. Однако жь, одинъ обычай у нихъ онъ нашелъ очень страннымъ: въ присутствіи всей общины Иманъ таки порядочно сѣкъ всякаго, кто хоть однажды пропускалъ быть за богослуженіемъ, для чего и висѣла въ каждой мечети

плеть. Изъ Ховарезма онъ отправился въ Бухару, а оттуда, черезъ Самаркандъ, Балкъ и Гератъ, гдѣ все еще видны были страшныя разоренія Чингисъ-Хана, въ землю Синдъ: тамъ особенно бросился ему въ глаза способъ собиранія войскъ у Индѣйцевъ. Посреди охотниковъ въ службу, стекавшихся со всѣхъ сторонъ, сидѣлъ Эмиръ, а кругомъ лежало множество большихъ и малыхъ луковъ. Люди, желавшіе записаться въ стрѣлки, должны были испытывать себя въ натягиваніи луковъ, и каждый получалъ мѣсто и жалованье, смотря по тому, какую покажетъ силу. Таже соразмѣрность соблюдалась и относительно конныхъ, только имъ надобно было показать другой опытъ своей ловкости: съ опущенными поводьями они скакали къ барабану, свободно висѣвшему въ воздухѣ, и втыкали въ эту цѣль копья.

Послѣ короткаго пребыванія въ Мультанѣ, Ибнъ-Батута спѣшилъ въ Дели, одинъ изъ самыхъ красивыхъ и большихъ городовъ Востока, но нашелъ его почти совсѣмъ безлюднымъ, по тому что жители разбѣжались изъ за неслыханной жестокости ихъ Государя, Мугамеда, сына Гіатъ-Оддинъ-Тоглика, Турка. Смѣлый путешественникъ, уже умѣвшій доставить себѣ пріемъ и значеніе при столькихъ Дворахъ, не потерялъ духа и здѣсь: засвѣдѣтельствовалъ почтеніе тирану и вскорѣ благоразумнымъ поведеніемъ снискалъ себѣ такой высокій почетъ, что назначенъ былъ судьею въ Дели и украшенъ почетнымъ платьемъ. Его доходы были не маловажны, но онъ всегда долженъ былъ слѣдовать за Дворомъ, а потому ихъ ставило такъ не надолго, что въ короткое время его начали безпокоить довольно значительные долги. Похвальная ода тирану хоть и выручила его изъ этого затрудненія, однако жъ вскорѣ за тѣмъ послѣдовало другое, едва не стоившее ему жизни. Одинъ изъ самыхъ знатныхъ сановниковъ впалъ въ немилость, и обо всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ знакомство, произведено было строгое слѣдствіе. Въ числѣ ихъ находился, по несчастію, и Ибнъ-Батута, и долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими, цѣлые 4 дня стоять передъ воротами Дворца, межъ тѣмъ какъ судъ, собранный тамъ, имѣлъ совѣщаніе объ ухъ участи. Такое положеніе было чрезвычайно мучительно для бѣднаго судьи: онъ видѣлъ уже погибель столькихъ жертвъ ужасной жестокости своего повелителя и зналъ, съ какимъ удовольствіемъ этотъ приказывалъ разбивать осужден-

ныхъ въ дребезги метательными машинами, или давить слонами, къ ногамъ которыхъ прикрѣплены были ножи. Какъ благочестивый человѣкъ, онъ прибѣгнулъ къ Богу, держалъ строгій постъ, пилъ одну воду. Онъ 30 тысячъ разъ повторялъ изреченіе: «Богъ наша подпора и нашъ сильный защитникъ», — и на четвертый день былъ освобожденъ, межъ тѣмъ какъ всѣ остальные умерли страшною смертью. Полный отвращенія къ такой неслыханной жестокости, онъ сложилъ свою судейскую должность, раздарилъ все свое имѣніе факирамъ (нищимъ монахамъ), поступилъ въ ихъ орденъ и скоро такъ успѣхъ въ своихъ покаянныхъ упражненіяхъ, что могъ выдерживать пятидневный постъ. Между тѣмъ его отыскали и опять позвали ко Двору, куда онъ явился въ грубомъ монашескомъ платьѣ и принятъ былъ милостивѣе, нежели когда ни будь. «Зная, что ты охотно странствуешь, сказалъ тиранъ, по дальнимъ краямъ, хочу отправить тебя посломъ къ Китайскому Императору.» — Ибнъ-Батута принялъ съ большимъ удовольствіемъ это нечаянное предложеніе, и тотчасъ же получилъ почетныя платья, лошадей, деньги и все нужное для такого дальняго путешествія. Впрочемъ, это порученіе было не очень пріятное: на просьбу Китайскаго Императора выстроить снова древній храмъ Будды въ области Государя Дели, онъ долженъ былъ принести отвѣтъ, что ни въ одной странѣ, подвластной Магометанамъ, не позволяется строить храмы приверженцамъ другой Вѣры, безъ положенной за то платы. Этотъ непріятный отвѣтъ сопровождали, однако жь, подарки, и такіе богатые, что для прикрытія ихъ послано было 2000 всадниковъ до того мѣста, гдѣ нагружались они на суда.

Это ни мало не испугало Индѣйскихъ разбойниковъ: они напали на караванъ, и хотя были отражены съ урономъ, однако жь успѣли отрѣзать самаго посла отъ прикрытія и захватить его въ плѣнъ. Они ограбили его дочиста, но послѣ долгаго размышленія, отказались отъ намѣренія убить его, и убѣжали оттуда. Въ страхѣ, чтобы они не передумали и не явились опять, онъ убѣжалъ въ густой лѣсъ и укрывался тамъ семь дней: во все это время питался только дикими плодами да листьями. На седьмой день онъ замѣтилъ Негра, у котораго въ одной рукѣ было ведро, а въ другой палка, обитая желѣзомъ. Послѣ взаимныхъ привѣт-

ствій, онъ спросилъ этого раба, какъ звать его? «Меня зовутъ Калебъ-эль-карагъ (уязвленное сердце), отвѣчалъ этотъ, съ участіемъ подалъ голодному горсть сухихъ бобовъ да воды для питья и вызвался показать ему дорогу. Ибнъ-Батута поднялся было, чтобы итти за нимъ, но силы его такъ упали, что онъ тотчасъ же повалился на землю, почему Негръ взялъ его на плечи и понесъ. Дорогой напалъ на него глубокій сонъ, а проснувшись на другое утро, онъ нашелъ себя у воротъ Дворца въ Дели, гдѣ сострадательный на этотъ разъ Государь принялъ его ласково и снова снабдилъ всѣмъ нужнымъ. Послѣ короткаго отдыха, онъ опять отправился въ путь и теперь счастливо добрался до пристани Калькуты, гдѣ долженъ былъ сѣсть на корабль. Тутъ много стояло Китайскихъ кораблей, однако жь прошло еще три мѣсяца, пока не наступило благопріятное время года для плаванія. Нѣкоторыя изъ этѣхъ судовъ, называемыхъ джонки, помѣщали 1000 человѣкъ, и каждое сопровождалось тремя другими судами поменьше. Паруса ихъ, изъ плетенаго тростника, всегда, даже и въ пристани, остаются распущенными. Кромѣ парусовъ, этѣ суда ходятъ на такихъ широкихъ и длинныхъ веслахъ, что на многихъ едва достаточно 25 матросовъ, чтобы приводить ихъ въ движеніе. Въ большихъ сосудахъ, поставленныхъ рядами по сторонамъ корабля, растутъ поваренныя растенія и инбирь, а по срединѣ возвышаются просторные деревянные дома, въ которыхъ помѣщаются начальники и офицеры съ женами и дѣтьми. У Китайцевъ большое число такихъ кораблей, и каждый составляетъ почти цѣлый городъ. Наконецъ назначили день отъѣзда. Ибнъ-Батута перенесъ на корабль подарки и свои собственные пожитки, но самъ еще остался на сушѣ, чтобы помолиться въ мечети и потомъ рано утромъ отправиться въ дальній путь. Ночью поднялась такая страшная буря, что большая часть кораблей, а въ числѣ ихъ и тотъ, на который долженъ былъ взойти Ибнъ-Батута, потонули со всѣмъ, что было на нихъ. Вечеромъ еще богатый, на утро онъ не имѣлъ ничего, кромѣ платья, бывшаго на немъ, и десяти денаріевъ, подаренныхъ ему какими-то сострадательными людьми.

Не смѣя теперь воротиться въ Дели, онъ старался найти средства для отправленія въ Индію, и опять, наживъ себѣ кое-какую собственность, поплылъ на Малединскіе острова, которыхъ

и достигъ безъ всякаго несчастія. Эти острова, которыхъ считаютъ до 2000, по выраженію Ибнъ-Батуты, принадлежатъ къ чудеснымъ произведеніямъ міра: всѣ они лежатъ очень близко другъ къ другу, такъ что съ одного острова всегда можно видѣть другой. Всѣ жители исповѣдуютъ Исламъ, благочестивы, добродушны и честны, но слабы тѣломъ и такъ не любятъ кровопролитія, что однажды, когда одному преступнику отрубили руку, большая часть зрителей упала въ обморокъ. Одно изъ лучшихъ преимуществъ этихъ людей ихъ опрятность: они молятся по два раза въ день и обливаютъ себѣ тѣло духами. Никто не покидаетъ своей родины, и если иностранецъ женится на туземкѣ, онъ долженъ оставить ее, когда будетъ уѣзжать оттуда, по тому что она не переселится съ нимъ ни подъ какимъ условіемъ. Женщины ходятъ безъ покрывалъ, и вся ихъ одежда, какъ и у мужчинъ, состоитъ въ одномъ передникѣ, по тому что сѣшніе жары почти не выносимы, климатъ вообще нездоровъ, и всѣхъ иноземцевъ посѣщаетъ лихорадка. Самыя первыя произведенія Малединскихъ острововъ — кокосовыя пальмы, лимоны, гранатовые яблока и перецъ; иноземные купцы особливо вывозятъ рыбу, кокосовые орѣхи, желѣзные сосуды, раковины и бичевки. Приготовленіе послѣднихъ изъ нитей кокосовыхъ орѣховъ — самая доходная отрасль промышленности всего населенія. Орѣхи размягчаютъ въ ямахъ на морскомъ берегу, а потомъ колотятъ ихъ молоткомъ до тѣхъ поръ, пока отдѣлятся нити, а изъ нихъ и дѣлаютъ бичевки, которыя далеко предпочитаются пеньковымъ; ихъ очень много идетъ въ Аравію и Индію, для обшиванія корабельныхъ досокъ, вмѣсто гвоздей. Когда Ибнъ-Батута пріѣхалъ на эти острова, тамъ царствовала женщина, которая приняла его очень ласково и опредѣлила судьей, съ хорошими доходами. Это мѣсто ему понравилось, онъ взялъ себѣ многихъ женъ и, кажется, хотѣлъ поселиться тамъ. Но его вліяніе, возраставшее все больше и больше, возбудило зависть Великаго Визиря, который вмѣстѣ былъ и мужъ Королевы. Ибнъ-Батута благоразумно разсчелъ заблаговременно взять отставку и плыть на твердую землю Индіи. Но противные вѣтры сбили судно съ его направленія и занесли на островъ Цейланъ, къ не малому удовольствію путешественника: ему выпало неожиданное счастье посѣтить священную гору, на которой еще видѣнъ слѣдъ Адамовой ноги.

Эта гора виднѣется еще съ берега и походитъ на огромный столбъ дыма, окруженный у подошвы облаками. Благочестивый Ибнъ-Батута всходилъ на гору; какъ ни затруднительна была дорога, видѣлъ Адамовъ слѣдъ; величина котораго, по его мнѣнію, доходитъ только до 9 футовъ, а въ лѣсу, одѣвающемъ нижнюю часть Адамъ-пика, замѣтилъ великое множество людей, очень похожихъ на обезьянъ, съ темною кожею и длинными бородами. Они, какъ увѣряли его достовѣрные люди, повинуются Царю, который носитъ на головѣ тюрбанъ изъ древесныхъ листовъ, его всегда сопровождаютъ четыре обезьяны, вооруженныя палками, и доставляютъ ему орѣхи, лимоны и другое съѣстное.

Изъ Цейлана неутомимый путешественникъ поплылъ на Коромандельскій берегъ и благополучно достигъ его, послѣ страшной бури, которая долго бросала корабль въ разныя стороны и едва не потопила. Отсюда прошелъ онъ въ глубину страны до Малабара, и снова сѣлъ на корабль въ Конланѣ, чтобы вернуться въ Гинауръ, гдѣ прежде былъ принятъ ласково; но на дорогѣ туда корабль былъ взятъ морскими разбойниками, а самъ онъ ограбленъ дочиста и совсѣмъ нагой высаженъ на берегъ. Въ такомъ положеніи прибылъ онъ въ Каликутту и убѣжалъ въ мечеть, гдѣ увидали его какіе-то купцы, знавшіе его прежде въ Дели, и снова снабдили всѣмъ нужнымъ.

Теперь онъ въ другой разъ посѣтилъ Малединскіе острова и отплылъ оттуда въ Бенгалію: она показалась ему лучше всѣхъ странъ, которыя онъ объѣзжалъ, по плодоносной почвѣ и дешевизнѣ всего необходимаго для жизни. Но главная цѣль, заставившая его посѣтить эту страну, было набожное странствіе къ одному главному святому, жившему на горѣ, которая на границѣ съ Тибетомъ и славится своими мускусовыми звѣрками. Шейкъ Джалаль-Оддинъ, какъ называли святаго, обошелся съ большимъ уваженіемъ съ странникомъ и даже накинулъ ему на плечи собственное платье изъ козьей шерсти.

Когда Ибнъ-Батута опять возвратился на морской берегъ, онъ нашелъ джонку, готовую отплыть въ Суматру. Онъ не могъ одолѣть искушенія побывать и на этомъ дальнемъ островѣ, и отправился туда съ радостью. Послѣ 50 дневнаго плаванія онъ до-

стигъ земли Барагнакаръ (вѣроятно, одного изъ Никобарскихъ острововъ), которой безобразные жители имѣютъ собачьи пасти. Жилища, выстроенныя изъ тростника, стояли у самаго берега. Спустя 15 дней онъ находился въ Суматрѣ, гдѣ Царь, большой пріятель Арабовъ, принялъ его съ отличіемъ и ссудилъ всѣмъ нужнымъ для продолженія пути въ Китай. Послѣ 34 дневнаго плаванія онъ вошелъ въ море краснаго цвѣта, которое называютъ тихимъ, по тому что на немъ не замѣтно ни вѣтра, ни волнъ, ни теченія, и гдѣ меньшія суда, плывущія позади джонки, должны брать ее на буксиръ. Джонка плыла 37 дней по этимъ тихимъ водамъ, прежде нежели достигла Государства Тавалиста, о положеніи котораго ничего не знаемъ въ подробности. Государь его довольно силенъ, и даже можетъ сопротивляться Китайскому Императору. Всѣ жители идолопоклонники, но чрезвычайно красивые люди съ темною кожею и славятся силой и храбростью. Даже и женщины ѣздятъ верхомъ, съ чудною ловкостью бросаютъ дротики и сражаются въ бояхъ, точно мужчины. Въ большомъ городѣ Кайлукѣ, въ пристань котораго вошла джонка, главнымъ правителемъ была Царская дочь: она позвала къ себѣ Ибнъ-Батуту, велѣла ему сказать привѣтствіе на Турецкомъ языкѣ и обошлась съ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Отсюда въ 7-мь дней онъ сдѣлалъ переѣздъ въ Китай, и только что по пріѣздѣ туда не могъ надивиться ремесленной дѣятельности, богатству, образованности и любви къ порядку Китайскаго народа: особливо ему тотчасъ же бросилось въ глаза, что Китайцы, при продажѣ и покупкѣ, пользовались не чистыми деньгами, а бумажными листками, величиною съ ручную кисть и съ Императорскою печатью. Когда этѣ листки изорвутся, или очень изотрутся, ихъ относятъ для обмѣна въ назначенный для того домъ и получаютъ за нихъ новые. Жителей Китая онъ считаетъ за самыхъ искусныхъ ремесленниковъ во всемъ свѣтѣ и утверждаетъ, что въ живописи никто не сравнится съ ними. Разъ онъ пробылъ въ какомъ-то городѣ только съ минуту, когда же спустя нѣсколько времени вернулся туда опять, къ немалому удивленіе увидалъ на листахъ бумаги портретъ свой и своихъ товарищей: этѣ портреты были приклеены на углахъ улицъ. Тогда на вопросъ свой онъ узналъ, что по предписанію закона снимаютъ портретъ съ каждаго чужеземца, проѣзжающаго городомъ, и вывѣшиваютъ его

публично. Если онъ сдѣлаетъ какой ни будь достойный наказанія проступокъ, а потомъ бѣжитъ, портретъ его разсылаютъ во всѣ области, и такимъ образомъ ловятъ его очень скоро. Ибнъ-Батута первый посѣтилъ городъ Эль-Цайтунъ (Янг-чей-фу), съ прекраснѣйшею пристанью, какую онъ видалъ когда ни будь: въ ней находилось до 100 очень красивыхъ джонокъ и безчисленное множество меньшихъ судовъ Сдѣсь проживало очень много Арабскихъ купцовъ, которые въ короткое время скопляли большія богатства, принимали очень гостепріимно всѣхъ Магометанъ и оказывали имъ всякое пособіе. За городомъ Цайтуномъ, по увѣренію Китайцевъ, не было ни одного значительнаго мѣста, и отъ него до земли Гогъ и Магогъ считалось 60 дней пути. Никто, впрочемъ, не посѣщаетъ эту землю, по тому что ея дикіе жители пожираютъ всякаго, кого успѣютъ поймать. Ибнъ-Батута плылъ 10 дней вверхъ по одной большой рѣкѣ въ городъ Эль-Ханзу (можетъ быть, Кай-фон-фу): онъ называетъ его самымъ большимъ городомъ въ свѣтѣ, который собственно состоялъ изъ шести разныхъ городовъ, обнесенныхъ стѣнами: въ первомъ изъ нихъ живетъ сильный гарнизонъ изъ 12 тысячъ человѣкъ; въ другомъ, самомъ красивомъ, — Жиды, Христіяне и Турки, въ третьемъ чиновники, въ четвертомъ богатые и знатные люди, въ пятомъ простой народъ, въ шестомъ моряки и рыбаки. Нужно было три дня, чтобы пройти изъ перваго до послѣдняго города. Между превосходными произведеніями мануфактурной промышленности этого города, всего больше удивлялись блюдамъ изъ тростника, расписаннымъ самыми блестящими и прочными красками. Въ бытность Ибнъ-Батуты въ Китаѣ умеръ Императоръ, и по Татарскому обычаю похороненъ былъ съ большими церемоніями: вырыли широкую яму, на днѣ ея поставили пышную постель и положили на ней покойника въ самомъ богатомъ платьѣ, со всѣмъ оружіемъ, съ золотыми и серебряными сосудами изъ его домашняго хозяйства, съ четырьмя служанками и шестью самыми любимыми его тѣлохранителями; потомъ надъ всѣмъ этѣмъ насыпали курганъ, а на вершинѣ его закололи четырехъ коней. Когда по смерти Императора начались ссоры въ его семействѣ, а за тѣмъ послѣдовала междоусобная война, Ибнъ-Батута покинулъ этотъ замѣчательный край, въ которомъ охотно пожилъ бы дольше, и отправился, черезъ Суматру и Калькуту, въ Персію,

откуда, въ 3-й разъ, сдѣлалъ странствованіе въ Мекку. Изъ этого города онъ воротился на родину въ 1349 году.

Однако жь для него все еще было несносно долгое отдохновеніе на одномъ мѣстѣ: вскорѣ потомъ посѣтилъ онъ южную Испанію, и опять, недолго поживъ на родинѣ, на 53 году жизни рѣшился на путешествіе во внутреннюю Африку. Сдѣлавъ немедленно всѣ нужныя приготовленія, онъ отправился въ красивый, изобильный финиками, городъ Седжельмасу, чтобы присоединиться тамъ къ каравану. Послѣ труднаго двадцатипяти дневнаго пути по великой степи, онъ достигъ города Тегазы, гдѣ, по словамъ его, нѣтъ ничего хорошаго и замѣчательнаго, кромѣ того, что мечети и дома построены изъ большихъ глыбъ соли и крыты верблюжьими кожами. Деревьевъ не видать нигдѣ: куда ни взглянешь, вездѣ безпредѣльныя песчаныя пространства. Сдѣсь выкапываютъ каменную соль большими и толстыми плитами: двѣ такихъ плиты составляютъ грузъ одного верблюда. Жители этого города только и занимаются добываніемъ соли, по тому что земледѣліе и другія занятія не могутъ итти съ успѣхомъ въ этой сухой пустынѣ. Пища жителей состоитъ въ финикахъ, получаемыхъ изъ Седжельмассы, и въ верблюжьемъ мясѣ, которое привозится сюда изъ Негритянскихъ земель Вмѣсто денегъ, Негры употребляютъ куски соли, отрубленные болѣе или менѣе правильно. До Тегацы Негры ходятъ 10 дней степью, гдѣ встрѣчается много трюфелей, но ни капли воды. Великій бичъ для путешественниковъ — клещи, которые впиваются въ кожу и причиняютъ мучительное воспаленіе. Для сохраненія отъ этѣхъ насѣкомыхъ и умерщвленія ихъ, носятъ на шеѣ трубку, наполненную ртутью. Изъ Тегацы караванъ поѣхалъ въ Тассаль (Тисгестъ), гдѣ купцы отдыхали нѣсколько дней и послали передоваго гонца въ Эйвелатеръ (Валетъ), для найма квартиры. Степь между Тассалемъ и Эйвелатеромъ, шириною въ 12 дней пути, наполнена злыми духами, которые нерѣдко такъ заводятъ гонцевъ, что они теряютъ дорогу и гибнутъ. А если это случится, обыкновенно погибаетъ и большая часть каравана, по тому что когда гонецъ сдѣлаетъ свою дорогу благополучно, жители Эйвелатера выходятъ на встрѣчу къ каравану съ водою, на разстояніи 4 дней пути; если же онъ погибнетъ, никто не явится, и путники умруть отъ жажды.

Ибнъ-Батута со всѣмъ караваномъ доѣхалъ счастливо до Эйвелатера: это первый городъ, принадлежащій къ Негритянскимъ землямъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ купцы снесли свои товары въ большой амбаръ, гдѣ Негры и сторожили ихъ. Въ этой землѣ стоятъ несносные жары, и только подъ хранительною сѣнью не многихъ пальмъ, которыя здѣсь растутъ хорошо, можно разводить какія-то дыни; овецъ тамъ великое изобиліе. Всѣ женщины рѣдкой красоты, мужчины не ревнивы. Очень страненъ обычай, что мужчина носитъ имя не отца, а дяди съ материнской стороны, и главный наслѣдникъ не сынъ, а племянникъ. Изъ Эйвелатера Ибнъ-Батута, въ двадцать дней, прибылъ въ Мали (Мелли). Дорога также шла степью, въ которой, однако жъ, часто встрѣчаются очень высокія и толстыя деревья, предлагающія путнику тѣнь и освѣженіе, по тому что многія изъ нихъ дуплисты и наполнены дождевой водой, или медомъ. По близости одного мѣста стояло дуплистое дерево такого объема, что ткачъ удобно могъ заниматься въ немъ своимъ дѣломъ. По этой дорогѣ много населенныхъ мѣстъ, отъ того-то купцы и не возятъ съ собою ни воды, ни съѣстныхъ припасовъ, а только кусочки соли, служащіе вмѣсто денегъ, и благовонныя вещества, до которыхъ большіе охотники тамошніе жители. Когда путники станутъ подъѣзжать къ какому ни будь мѣсту, на встрѣчу къ нимъ выходятъ Негритянки съ молокомъ, курицами, мукою и рисомъ; но сѣянній рисъ очень вреденъ для бѣлыхъ. Въ 10-ти дняхъ пути отъ Эйвелатера достигаютъ большаго города Саггери, населеннаго Негритянскими купцами, а потомъ Карссеку на Нилѣ (Жолибѣ), который течетъ здѣсь мимо Томбукту въ восточномъ направленіи до Египта. По ту сторону Карссеку переправляются черезъ Сансарру (вѣроятно, боковую рѣку Кворры), и наконецъ пріѣзжаютъ въ Мали, главный городъ Негровъ. Ибнъ-Батута жилъ здѣсь въ гостинницѣ бѣлыхъ и тотчасъ засвидѣтельствовалъ почтеніе Государю Негровъ, но встрѣтилъ мало ласки. Онъ горько жалуется на скупость Государя, который прислалъ ему въ подарокъ три хлѣбныя корки, жареную рыбу да тыкву съ кислымъ молокомъ. Негры оказываютъ ему рабскую покорность, божатся его именемъ: когда подходитъ къ нему кто ни будь изъ нихъ, обнажаетъ себѣ спину и посыпаетъ голову пылью; когда Царь говоритъ въ собраніи, всѣ снимаютъ свои тюрбаны и хранятъ глубокое мол-

чаніе. Впрочемъ, очень похвальна его любовь къ справедливости: никто не дѣластъ преступленія безнаказанно, и чужеземецъ странствуетъ въ его области съ такою же безопасностью, какъ и въ какой ни будь другой странѣ на свѣтѣ. Онъ и всѣ подданные исповѣдаютъ Исламъ; мальчики должны рано заучивать Коранъ въ училищѣ; если же дѣлаютъ это не скоро и не охотно, ихъ понуждаютъ побоями.

Изъ Мали Ибнъ-Батута отправился въ городъ Томбукту, въ четырехъ миляхъ отъ Нила. На дорогѣ онъ видѣлъ много гиппопотамовъ, щипавшихъ на берегу траву. Изъ Томбукту онъ плылъ, изъ мѣста въ мѣсто, на суднѣ, состоявшемъ изъ одного выдолбленнаго древеснаго пня, въ большой и красивый городъ, Куку, а потомъ въ Текедду, построенный изъ краснаго камня, гдѣ вдоволь воды. Но она, пробѣгая сквозь металлическія жилы, имѣетъ темный цвѣтъ и особенный вкусъ. Сдѣсь много также скорпіоновъ, которыхъ укушеніе причиняетъ дѣтямъ смерть, а взрослымъ вредитъ рѣдко. Жители богатые купцы, которые ѣздятъ до Египта и привозятъ оттуда дорогія платья. Они также заставляютъ своихъ многочисленныхъ рабовъ разработывать желѣзные рудники, находящіеся вблизи города, и переливаютъ желѣзо въ длинныя полосы, которыя большею частію отправляются дальше во внутренность страны.

Этѣми, хотя и не многими, впрочемъ важными, замѣчаніями о Негритянскихъ земляхъ ограничивается извлеченіе изъ путешествія Ибнъ-Батуты: чтобы точнѣе опредѣлить границы географіи Арабовъ къ югу, мы дополнимъ это извлеченіе изъ нѣкоторыхъ лучшихъ Арабскихъ сочиненій по Географіи, особливо изъ славныхъ «Душевныхъ увеселеній» Эдризи, жившаго въ первой половинѣ XII-го столѣтія. Всѣ Негритянскія страны, извѣстныя Арабамъ и лежащія между 10 и 17 сѣвернымъ параллельнымъ кругомъ, отъ западныхъ границъ Сенегамбіи почти до самаго Нила, Арабы вообще разумѣютъ подъ именемъ Судана, а Нигеръ и всѣ воды, текущія къ востоку отъ озера Чадъ, подъ названіемъ Негритянскаго Нила. Западнѣе всѣхъ этѣхъ Негритянскихъ странъ—Мекцара, а самое юго-западное, извѣстное Арабамъ, мѣсто въ ней островъ Улиль (вѣроятно, островъ на Кворрѣ, не много повыше Томбукту). Сдѣсь главное складочное мѣсто соли,

развозимой отсюда по всѣмъ направленіямъ во внутреннюю Африку, гдѣ совсѣмъ нѣтъ этой, столь необходимой, потребности для жизни. Обитаемы только тѣ полосы, которыя тянутся по теченію Нила и впадающихъ въ него рѣкъ; всѣ прочія сухи и пусты; коегдѣ только, на разстояніи 2 хъ и даже 12-ти дней пути, встрѣчаются лужи дождевой воды, а потому караваны должны возить съ собой воду на верблюдахъ. Большія пространства въ Суданѣ состоятъ изъ мелкаго песку, разносимаго въ разныя стороны вѣтромъ, но земля вездѣ суха, и зной такъ великъ, что кожа у туземцевъ почернѣла, а волосы стали курчавые. Отъ Улила до Салы считаютъ 16-ть дней пути. Этотъ населенный городъ, лежащій на сѣверномъ берегу Нила, — сборное мѣсто Негровъ, и тамошніе жители слывутъ за храбрыхъ людей и ведутъ значительную торговлю. Онъ принадлежитъ къ владѣніямъ Токрури, такъ же сильнаго, какъ и правосуднаго, Государя, который начальствуетъ многочисленнымъ войскомъ и съ неумолимою строгостью соблюдаетъ порядокъ въ своей землѣ. Главный городъ Токрурь, больше и богаче Салы и складочное мѣсто, гдѣ обмѣниваются товары западныхъ береговъ Африки: шерсть, мѣдь и морскія раковины, на золото и рабовъ. Жители Салы и Токрура питаются дгоррою (просомъ), рыбою и молокомъ, которое доставляютъ имъ стада верблюдовъ и козъ. Простой народъ одѣвается въ овечьи шкуры и накрываетъ голову шерстяной шапкой, богатые носятъ шелковое платье и покрывала. Къ югу отъ государства Токрура слѣдуетъ земля Лем-лемъ, въ которую часто дѣлаютъ вторженія прочія Негритянскія племена, чтобы уводить въ рабство жителей, которыхъ и продаютъ потомъ Арабскимъ караванамъ. Туземные жители Лемлема людоѣды, грубы и дики выше всякаго понятія; мущины ходятъ нагіе, а женщины носятъ на тѣлѣ только домотканыя перевязи. Достигнувъ возмужалости, они выжигаютъ себѣ знаки на лицѣ и вискахъ, и по этимъ знакамъ узнаютъ ихъ вездѣ, гдѣ продаются они въ рабство. Даже и до сихъ поръ Исламъ не могъ найти доступа къ нимъ: они все еще поклоняются отвратительнымъ идоламъ, ходятъ на богомолье къ нимъ и приносятъ имъ человѣческія жертвы. Два не очень значительные ихъ города, Меллель и Дау, лежатъ на одной рѣкѣ, впадающей въ Нилъ; Меллель, построенный на холмѣ, на который взбираться трудно, служитъ для нихъ убѣжищемъ при

частыхъ вторженіяхъ сосѣднихъ народовъ. На вершинѣ холма, посреди, города, вытекаетъ ручей, но вода его имѣетъ не очень пріятный, соленый вкусъ.

Отъ Меллеля до Ганага, славной столицы страны, носящей то же названіе и лежащей восточнѣе, считаютъ около 12-ти дней пути степью изъ подвижнаго песка. Ганагъ раскинулся по обоимъ берегамъ Нила и самый значительный и населенный торговый городъ въ Суданѣ, гдѣ всегда можно встрѣтить множество богатыхъ купцовъ изо всѣхъ сосѣднихъ странъ и самыхъ далекихъ западныхъ краевъ. Всѣ жители Магометане, и ихъ Царь, хотя и независимый правитель, оказываетъ, однако жь, покорность Государю Правовѣрныхъ. Онъ живетъ въ замкѣ, который построенъ въ 1116 году на берегу Нила и хорошо укрѣпленъ, а внутри украшенъ изваяніями, живописью и стеклянными окнами. Но величайшею его рѣдкостью считаютъ кусокъ литаго золота въ 30 фунтовъ вѣсомъ, вдѣланный въ Царскій престолъ: это золото найдено въ сдѣшней странѣ. Сѣверную часть города населяли Магометане, отсюда же они распространяли ученіе Корана, а съ нимъ и начала образованности между черными народами Средней Африки. Широкая улица, обставленная съ обѣихъ сторонъ красивыми домами, то каменными, то изъ дерева акаціи, ведетъ изъ этой части города въ южную, гдѣ Царь содержитъ свой блестящій Дворъ. Великолѣпна картина, когда онъ, въ браслетахъ и ожерельяхъ, дозволяетъ подданнымъ доступъ къ себѣ и разбираетъ ихъ жалобы. За кресломъ его стоятъ 10-ть рабовъ, вооруженные щитами и саблями, украшенными золотомъ, направо отъ него сыновья дворянъ, одѣтые въ пышное платье, съ заплетеннымъ въ волосахъ золотомъ; на полу передъ нимъ сидитъ начальникъ города посреди важнаго кружка Визирей. Король Ганнага считается справедливѣйшимъ человѣкомъ и вмѣняетъ себѣ въ обязанность ежедневно убѣждаться въ благополучіи и горѣ своихъ подданныхъ. Каждое утро его чиновники отправляются въ замокъ, съ барабанами на головѣ, и по дорогѣ туда бьютъ въ нихъ безпрестанно. Когда всѣ они соберутся, барабанный бой утихаетъ, Царь садится на коня и ѣдетъ во главѣ ихъ по всѣмъ улицамъ города, даже по самымъ отдаленнымъ и тѣснымъ закоулкамъ. Если у кого ни будь есть жалоба на сдѣланную ему не-

справедливость, Царь останавливается на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не разберетъ и не рѣшитъ дѣла. Послѣ этого отъѣзда онъ возвращается въ замокъ и распускаетъ чиновниковъ. Около 3 часовъ по полудни, когда изнурительный жаръ свалитъ, онъ опять садится на коня и ѣдетъ въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей. Но въ это время уже никто не смѣетъ заговорить съ нимъ, или подходить къ нему. Обыкновенно носитъ онъ покрывало, плащъ, исподнее платье и башмаки, завязанные ремнями; кромѣ того у него много пышнаго платья и украшеній: все это, со множествомъ значковъ и знаменемъ, носится передъ нимъ въ торжественныхъ случаяхъ. Тогда шествіе открываютъ слоны, жирафы и другіе дикіе звѣри, какіе встрѣчаются въ Суданѣ. Одежда жителей состоитъ въ плащѣ, который прикрѣпляется поясомъ. Главное занятіе ихъ торговля: она ведется частію сухимъ путемъ, частію рѣкою Ниломъ, на хорошо устроенныхъ судахъ, въ которыхъ плаваютъ они и на рыбную ловлю.

Отъ Ганага до границъ государства Вангары, лежащаго восточнѣе, считается восемь дней пути. Эта земля, имѣющая видъ острова, вездѣ окруженнаго Ниломъ, въ 300 миль длины и 150 ширины, славится во всемъ свѣтѣ обиліемъ и добротой золота. Въ Августѣ, когда жары самые сильные и Нилъ выходитъ изъ береговъ, большая часть острова долго бываетъ затоплена и жители удаляются на высоты. Когда же вода станетъ сбывать, со всего Судана сбѣгаются Негры и безъ труда раскапываютъ землю, пока Нилъ убываетъ: никто не трудится понапрасну; каждый находитъ золота больше или меньше, смотря по тому, сколько милостивъ къ нему Богъ. Однако жъ, выкопанный металлъ не весь принадлежитъ тому, кто нашелъ его, а только одна золотая пыль; чистое же золото идетъ въ Царскую казну, по тому что безъ этой предосторожности, золота появилось бы столько, что оно упало бы въ цѣнѣ.

Образъ жизни всѣхъ Негритянскихъ народовъ очень простой: обыкновенная пища ихъ — верблюжье мясо, свѣжее и сушеное, и полевые плоды. Поля, правда, находятся только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лежащихъ между песчаными равнинами, однако жъ очень плодоносны и даютъ много тыквы, луку, а особливо дорры, замѣняющей для жителей совершенный недостатокъ въ пшеницѣ;

изъ нея же умѣютъ добывать и нѣкоторый родъ вина. Нилъ и другія рѣки побольше доставляютъ гиппопотамовъ и рыбу: когда изобильный ловъ ея не можетъ быть съѣденъ тотчасъ же, какъ ни жирна и вкусна она, въ ту же минуту ее солятъ и сберегаютъ для будущей надобности. Такъ какъ желѣзо у нихъ рѣдко и прежде всего идетъ на необходимыя орудія и утвари, то жилища строятся изъ земли, и такимъ образомъ всего лучше отвѣчаютъ своей цѣли въ этой сухой и жаркой странѣ. Свои оружія, луки, стрѣлы и палицы Негры очень искусно вырѣзываютъ изъ крѣпкаго чернаго дерева, а изъ тростника, растущаго на берегахъ ихъ рѣкъ и озеръ, выдѣлываютъ тетивы. Для лодокъ выдалбливаютъ деревья не многихъ, но густыхъ, лѣсовъ, въ тѣни которыхъ счастливые сосѣди ихъ ищутъ съ своими стадами убѣжища отъ жгучаго солнца; въ нихъ же водятся и хищные львы, гіены и слоны съ мирными жирафами, газелями, зайцами и ласочками. Самое вѣрное средство для удовлетворенія потребностей золото, данное имъ въ изобиліи щедрой природой: сѣверные народы гоняются за нимъ съ такою ненасытною алчностью, но въ глазахъ Негровъ оно имѣетъ только ту цѣну, что его можно обмѣнять на стеклярусъ, мѣдныя кольца для украшеній, на шелковыя платья, мечи, желѣзные сосуды, раковины, свѣжіе плоды, шерсть и соль.

Уже изъ этой мѣновой торговли можно узнать важность сношеній, которыя съ самаго древняго времени велись между сѣверною и восточною Африкою и Негритянскими землями, и кажется достигли высшаго цвѣтущаго состоянія съ владычествомъ Арабовъ въ извѣстныхъ полосахъ этой части свѣта. Самыми усердными посредниками этой торговли называются люди Варкеланъ, построившіе себѣ жилища между береговою землею Варваріи и Бел-ед-ель-джерида и исходившіе знойную степь во всѣхъ направленіяхъ, съ пшеницею и свѣжими плодами, на что вымѣнивали золото изъ Вангары и рабовъ изъ Лемлема. Ихъ посѣщаемый рынокъ на мѣстѣ Седшельмасы подалъ первый поводъ къ основанію этого города, и еще нынѣ ихъ же встрѣчаютъ на рынкахъ Судана съ товарами купцовъ изъ Тафильельта, который заступилъ мѣсто Седжельмасы, лежащей теперь въ развалинахъ. Дороги степью были разныя, смотря по различной цѣли путе-

шествія: онѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти имѣли и другое направленіе, нежели нынѣшнія, по тому что теперь главное складочное мѣсто уже не Ганагъ, какъ прежде, а западнѣе лежащій Томбукту; однако жъ, съ точностью можно полагать двѣ большія дороги: западную и восточную. Западная имѣла своею исходною точкою Седжельмасу и сначала вела черезъ область Сенигадше, сильнаго Варварійскаго народа, раздѣлявшагося на многія отрасли: его богатство состояло въ верблюдахъ и страусахъ, а пища въ мясѣ и молокѣ, рѣже въ хлѣбѣ и мукѣ, которую проѣзжіе купцы должны были поставлять ему въ видѣ пошлины. Собравшись, караванъ покидалъ городъ при желаніяхъ благополучнаго пути отъ родныхъ и друзей, и подвигался съ осторожностью отъ колодца къ колодцу, которые находились другъ отъ друга на разстояніи 2-хъ и даже 12-ти дней пути. Караванъ поднимался въ путь съ разсвѣтомъ и ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока солнце не будетъ высоко и жаръ не сдѣлается изнурительнымъ: тогда позволяли верблюдамъ стать на колѣни, развьючивали ихъ и раскидывали широкій пологъ для защиты отъ зноя. Какъ скоро солнце спускалось къ западу, ѣхали дальше до сумерекъ, и тогда въ другой разъ перекладывались и на ночь разбивали палатки. Послѣ 13-ти дней пути достигали Гвалаты (восточной Гаццы), перваго роздыха побольше другихъ, и запасшись здѣсь водою, ѣхали или къ юговостоку, въ большое складочное мѣсто Ганагъ, куда пріѣзжали въ 25-ть дней, или въ южномъ направленіи въ Абціаль, чтобы взять здѣсь соли, мѣноваго товара въ Негритянскія земли. Соляныя Абціальскія копи были очень изобильны и разрабатывались множествомъ работниковъ, которые для того только и проживали въ совершенно безплодномъ и пустомъ мѣстѣ. У нихъ не было ничего съѣстнаго, кромѣ того, что привозилось къ нимъ купцами, по тому что они удалены были почти на 20 дней пути отъ ближайшаго населеннаго мѣста: у нихъ находили много умершихъ, если долго не приходилъ къ нимъ ни одинъ караванъ.

Восточная дорога, ведшая въ Суданъ и выходившая изъ города Цавиляга въ Фецданъ, посѣщалась не меньше западной. Цавилягъ, сборное мѣсто всѣхъ товаровъ изъ гаваней Средиземнаго моря, и самый значительный рынокъ невольниковъ въ Африкѣ, не могъ предложить ни какихъ собственныхъ произведеній

для торговли, даже совершенный недостатокъ чеканной монеты надобно было замѣнять небольшими кусками ткани краснаго цвѣта: мѣновой торгъ былъ его богатство. Изъ Цавиляга въ 15-ть дней пріѣзжали въ оазъ Кавваръ, очень важный въ Арабской торговлѣ по своимъ горамъ, изобильнымъ квасцами. Жители были большею частію земледѣльцы, частію торговые люди, которые въ своихъ путешествіяхъ къ востоку доходили до Египта, а къ западу до Седжельмасы. Такъ же дѣятельны, даже еще богаче, являются жители ближайшаго оаза Андагоста (Агадеса), которые постояннымъ заботливымъ поливаніемъ обратили свою землю въ плодоносную, хотя она и состояла изъ песчаныхъ равнинъ. Пальмовые сады чередовались съ роскошными пахатными полями и грядами тыквъ: цвѣтущій видъ этѣхъ полей дѣлалъ еще возвышеннѣе далекія, лишенныя растеній, горы, при подошвѣ которыхъ хорошо расло только камедное дерево, доставлявшее выгодный товаръ. Главный городъ, Андагостъ, своими великолѣпными мечетями и домами, еще издали приводилъ въ восхищеніе путешественниковъ, которые собирались сюда въ такомъ множествѣ, что въ шумѣ голосовъ нельзя было разслушать словъ сосѣда. Жители Варкелана привозили пшеницу, плоды и изюмъ: караваны изъ сѣверныхъ прибрежныхъ областей—мѣдь въ дѣлѣ, также красныя и синія ткани; изъ Негритянскихъ земель приходилъ въ изобиліи медъ. Богатство раждаетъ роскошь: на столѣ знатныхъ людей въ Андагостѣ красовались пастеты, пироги и конфекты, со вкусомъ приготовленные Негритянками, свѣдущими въ поваренномъ искуствѣ: изумленные путешественники разносили по всему свѣту похвалы этѣмъ кушаньямъ. Золотая пыль ходила сдѣсь вмѣсто монеты: лощеная амбра и выдѣланная золотая канитель отдавались въ обмѣнъ за ввозимыя произведенія. Повелитель этого Государства распространилъ свою власть надъ землею въ 60 дней длины и такой же ширины. Двадцать Негритянскихъ Царей платили ему дань; военныя силы его состояли изъ 200 тысячъ отборнаго войска. Изъ Андагоста въ 15 дней приходили въ Ганагъ — соединительный пунктъ, гдѣ сходились восточная и западная дороги. Но изъ Андагоста, также и при Кавварѣ; шелъ путь прямо къ югу до города Куку, средоточія царства, которое обыкновенно называютъ Борну. Куку, какъ увѣряютъ Арабскіе географы, одинъ изъ славнѣйшихъ Негритян-

скихъ городовъ и состоитъ изъ двухъ частей: въ одной живетъ Царь и черные, а въ другой Мусульмане. Онъ лежитъ на рѣкѣ, текущей съ сѣвера, но объ ней ничего не извѣстно, Нилъ ли она, или рукавъ его: думаютъ, что она южнѣе теряется въ песчаныхъ степяхъ и пустыняхъ. Царь Куку очень силенъ, имѣетъ много чиновниковъ и солдатъ и окружаетъ себя великою пышностью. У его подданныхъ много лошадей и верблюдовъ; по храбрости они выше другихъ сосѣднихъ племенъ. Большинство народа одѣвается въ звѣриныя шкуры, а болѣе богатые носятъ плащи и красивыя платья, которыя, и также необходимую для нихъ пшеницу и соль, они вымѣниваютъ на рабовъ. Къ востоку отъ этой второй караванной дороги жили Цаггаваги (нынѣшніе Тиббо), отъ границъ Феццана до Лунныхъ горъ, многочисленное кочевое племя, которое больше всего занималось разведеніемъ верблюдовъ и ссужало этѣми необходимыми животными проѣзжихъ купцовъ. Цаггавага, извѣстные также, какъ лучшіе скороходы, мало отличаются своимъ образомъ жизни отъ другихъ кочевниковъ; вся одежда ихъ состояла изъ дубленыхъ воловьихъ и козлиныхъ шкуръ; ихъ обвивали они по срединѣ голаго тѣла; различный видъ такой одежды означалъ различіе чиновъ. Верблюдъ, котораго сушеное мясо служило имъ пищею, доставлялъ молоко и жиръ, также волосы для кровель на палатки: всѣмъ этѣмъ они вели значительный торгъ.

Ибнъ-Батута, ѣздившій въ Негритянскія земли западною дорогой, не возвращался назадъ ни по этой, ни по восточной, а выбралъ третью, меньше посѣщаемую, которая вела черезъ оазъ Теватъ (Туатъ) въ Седжельмасу и была очень затруднительна, отчасти по недостатку въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Изъ Седжельмасы пошелъ онъ въ Фецъ, и тамъ навсегда положилъ свой странническій посохъ въ 1353 году, проведя 28 лѣтъ въ путешествіяхъ.

НИКОЛАЙ АСЦЕЛИНЪ. *

Со временемъ Карла Великаго государственный бытъ Европы и взаимныя отношенія отдѣльныхъ Государствъ развивались вообще спокойнѣе и получали болѣе прочный видъ, не смотря на проносившіяся иногда тревоги въ набѣгахъ Арабовъ на Испанію и Италію и въ разбойническихъ походахъ и завоеваніяхъ Норманновъ. Но въ то же самое время Азію потрясали перевороты: она сдѣлалась добычею страшныхъ Монголовъ, послѣ того какъ Турецкія племена разбили въ жалкіе обломки обширное царство Калифовъ. Этотъ народъ, который у Европейскихъ писателей среднихъ вѣковъ всегда, хоть и несправедливо, называется Татарами, изъ окружающихъ Байкалъ степей, его настоящаго отече-

---

* У Аделунга: «Асцелинъ, Доминиканецъ, такъ же, какъ и Плано Карпини, посланный Папою Иннокентіемъ IV къ Монголамъ, ходилъ, съ своими помощниками, монахами Александромъ, Альбертомъ и Симономъ Сенъ-Кентенскимъ, на югъ Каспійскаго моря черезъ Сирію, Персію и Хоразанъ, къ Монгольскому вождю Баю-Ноіоку, котораго эти монахи называютъ Баіотони. Все его путешествіе продолжалось короткое время, и такъ какъ онъ преимущественно говоритъ въ своемъ разсказѣ о томъ, какъ его приняли у Монголовъ, то и сообщаетъ мало объясненій о тѣхъ странахъ, которыми проѣзжалъ. Разсказъ Асцелина дошелъ до насъ невполнѣ; знаемъ его только изъ извѣстій, какія узналъ изъ него отъ спутника Асцелинова, Симона Сенъ-Кентенскаго, и сохранилъ Винцентъ Бове.

Путешествіе Асцелина находится въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Speculum historiale Vincentii Bellovacensis. Venetiis 1499, fol. I, 31, c. 40 sq.

Opera dilettevole ad intendere, la qual si contiene dei Itinerarii in Tartaria. Venezia 1537, 4°.

Voyage du P. Ascelin, въ Bergeron Voyages, ed. de P. van der Aa. Vol. I. Вмѣстѣ съ путешествіемъ Плано Карпини.

Въ Murray' Discoveries and Travels in Asia, Vol. I, p. 75—85.

Voyage du frère Ascelin. Напечатано въ Voyage de Benjamin de Tudèle etc. Paris 1830, 4°.

На Русскомъ: въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ,» и пр. Т. I, стр. 232 — 263.»

НИКОЛАЙ АСЦЕЛИНЪ. *

Со временемъ Карла Великаго государственный бытъ Европы и взаимныя отношенія отдѣльныхъ Государствъ развивались вообще спокойнѣе и получали болѣе прочный видъ, не смотря на проносившіяся иногда тревоги въ набѣгахъ Арабовъ на Испанію и Италію и въ разбойническихъ походахъ и завоеваніяхъ Норманновъ. Но въ то же самое время Азію потрясали перевороты: она сдѣлалась добычею страшныхъ Монголовъ, послѣ того какъ Турецкія племена разбили въ жалкіе обломки обширное царство Калифовъ. Этотъ народъ, который у Европейскихъ писателей среднихъ вѣковъ всегда, хоть и несправедливо, называется Татарами, изъ окружающихъ Байкалъ степей, его настоящаго отече-

---

* У Аделунга: «Асцелинъ, Доминиканецъ, такъ же, какъ и Плано Карпини, посланный Папою Иннокентіемъ IV къ Монголамъ, ходилъ, съ своими помощниками, монахами Александромъ, Альбертомъ и Симономъ Сенъ-Кентенскимъ, на югъ Каспійскаго моря черезъ Сирію, Персію и Хоразанъ, къ Монгольскому вождю Баю-Ноіоку, котораго эти монахи называютъ Баіотони. Все его путешествіе продолжалось короткое время, и такъ какъ онъ преимущественно говоритъ въ своемъ разсказѣ о томъ, какъ его приняли у Монголовъ, то и сообщаетъ мало объясненій о тѣхъ странахъ, которыми проѣзжалъ. Разсказъ Асцелина дошелъ до насъ неполнѣе; знаемъ его только изъ извѣстій, какія узналъ изъ него отъ спутника Асцелинова, Симона Сенъ-Кентенскаго, и сохранилъ Винцентъ Бове.

Путешествіе Асцелина находится въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Speculum historiale Vincentii Bellovacensis. Venetiis 1499, fol. I, 31, c. 40 sq.

Opera dilettevole ad intendere, la qual si contiene dei Itinerarii in Tartaria. Venezia 1537, 4°.

Voyage du P. Ascelin, въ Bergeron Voyages, ed. de P. van der Aa. Vol. I. Вмѣстѣ съ путешествіемъ Плано Карпини.

Въ Murray' Discoveries and Travels in Asia, Vol. I, p. 75—85.

Voyage du frère Ascelin. Напечатано въ Voyage de Benjamin de Tudèle etc. Paris 1830, 4°.

На Русскомъ: въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ,» и пр. Т. I, стр. 232 — 265.»

ства, постепенно разошелся далѣе къ юго-востоку до сѣверной границы Китая и раздѣлился на многочисленныя орды. Многія изъ этѣхъ ордъ, въ исходѣ XII-го столѣтія, покорены Езукаемъ, Монгольскимъ вождемъ на берегахъ Амура; сынъ его, Темучинъ, знаменитый благоразуміемъ и храбростью, все больше и больше увеличивалъ власть, доставшуюся ему по наслѣдству, побѣждая сосѣднихъ вождей, которые старались отнять ее у него; на большомъ сеймѣ у истоковъ Амура въ 1206 году, въ награду блестящихъ военныхъ подвиговъ, его привѣтствовали именемъ Чингисъ-Хана (Великаго Хана), которое въ скоромъ времени должно было наполнить міръ ужасомъ. Менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, его завоеванія простирались уже отъ самаго крайняго Востока до передней Азіи и Днѣпра. Его дѣти и внуки проникли во внутреннюю Россію и наводнили безчисленными полками Угрію, Польшу и Силезію. Герцогъ Силезскій, Генрихъ, храбро противсталъ имъ у Вальштадта при Лигницѣ, но они сломили его превосходствомъ числа и удержали за собою поле сраженія. Общій ужасъ разнесся по всей Европѣ, какъ видно изъ историческихъ книгъ того времени. Этѣхъ завоевателей, столько же дикихъ, какъ и безобразныхъ, считали дьяволами, посланными изъ ада, въ наказаніе развращенному человѣчеству за его пороки, прибѣгали къ постамъ и общенароднымъ молебствіямъ, для отвращенія этой кары. Покоривъ Угрію, Монголы требовали отъ Нѣмецкаго Императора, чтобы онъ присягнулъ Великому Хану и, въ вознагражденіе за Имперію, предлагали ему мѣсто въ Ханскомъ войскѣ, какое онъ самъ выберетъ себѣ: предложеніе, по Монгольскимъ понятіямъ, очень почетное и вполнѣ отвѣчавшее значенію и сану перваго Государя Христіянскаго міра. Фридрихъ II, Гогенштауфенъ (ум. 1250), напротивъ, въ неоднократныхъ грамотахъ, убѣждалъ всѣ Христіянскія Державы къ соединенному отпору такой близкой и грозной опасности. Папа Иннокентій IV прибѣгнулъ къ духовному средству: онъ послалъ проповѣдниковъ къ Монголамъ, чтобы склонить ихъ къ Христіянству и такимъ образомъ удержать отъ новыхъ вторженій. Однако жь, этѣхъ вторженій и не было, по разнымъ причинамъ, о которыхъ намъ здѣсь нечего входить въ подробности. Ни какого, разумѣется, успѣха не имѣли эти усилія къ убѣжденію въ истинахъ Христіянской вѣры того народа, который сначала преданъ былъ грубому идолопоклонству, а потомъ Ламанству, отрасли уче-

нія Будды, распространившейся по большей части Восточнаго міра. За то эти усилія оказали существенную услугу Географіи и Этнографіи, по тому что пролили свѣтъ на жилища, образъ жизни и гражданское устройство Монгольскихъ племенъ.

Иннокентій IV счелъ за лучшее отправить разомъ два посольства въ оба главныя становища Татаръ, какъ мы и станемъ впередъ называть Монголовъ, во избѣжаніе сбивчивости. Это дѣло, столько же трудное, какъ и опасное, Папа возложилъ на многихъ монаховъ Францисканскаго ордена, который въ то время доставлялъ большую часть лучшихъ проповѣдниковъ вѣры и обращателей язычниковъ. Главою посольства, отправлявшагося въ восточный Татарскій станъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ начальствовалъ Баіот-Ной (Баю-Ноіонъ), былъ почтенный отецъ Николай Асцелинъ, чрезвычайно усердный, но ужь и очень неодаренный ловкостью, необходимой для такого предпріятія, что достаточно показываютъ намъ извѣстія Симона Сенъ-Кентенскаго, одного изъ товарищей Асцелина, существующія, къ сожалѣнію, только въ скудномъ извлеченіи. Послѣ труднаго путешествія черезъ Сирію, Месопотамію и Персію, въ 1247 году, послы дошли до границъ Ховарезма (Хивы), гдѣ расположилось станомъ Татарское войско. Когда Баіот-Ной узналъ объ ихъ пріѣздѣ, онъ послалъ къ нимъ своего Эгипа (перваго совѣтника) съ переводчиками, спросить, откуда они и за чѣмъ пришли? Асцелинъ отвѣчалъ, что онъ посолъ отъ Папы, верховнаго главы Христіянства. Татарамъ показалось, что наружный видъ пословъ ни сколько не отвѣчаетъ такому высокому посольству; они спросили потомъ, знаетъ ли же ихъ повелитель, Папа, что Великій Ханъ сынъ Неба и властелинъ всей земли, и что Баіот-Ной одинъ изъ его Принцевъ? Монахъ гордо отвѣчалъ, что Папа не слыхалъ ни о Великомъ Ханѣ, ни о его намѣстникахъ: онъ знаетъ только, что иноплеменный и дикій народъ, который называютъ Татарскимъ, ворвался съ разореніемъ въ Христіянскія земли и не даетъ никому пощады; почему и возложилъ на него отыскать Татарское войско и увѣщевать вождей его, чтобы они покаялись въ своихъ злодѣйствахъ и впередъ не дѣлали такихъ опустошеній. Уполномоченные, тотчасъ же передавшіе отвѣты Асцелина вождю, являлись каждый разъ въ другомъ платьѣ, и наконецъ

освѣдомились о подаркахъ, принесенныхъ посломъ для Великаго Хана: на это Асцелинъ далъ короткій отвѣтъ, что Папа привыкъ получать подарки, но никогда не даритъ самъ даже лучшихъ своихъ друзей въ Христіанствѣ, а тѣмъ менѣе иноплеменниковъ и невѣрныхъ. Терпѣніе уполномоченныхъ, смотрѣвшихъ съ изумленіемъ на этихъ иноземцевъ, которые ходили босикомъ, а говорили такъ неприлично и гордо, все еще не истощилось. Они даже обѣщали монахамъ выхлопотать пріемъ у Баіот-Ноя, если они три раза станутъ передъ нимъ на колѣни, по Татарскому обычаю. Обсудивъ это основательно, монахи объявили, однако жъ, единогласно, что такое униженіе передъ язычникомъ будетъ позоромъ для всего Христіянства: если же Великій Ханъ со всѣми своими подданными приметъ Христіянскую вѣру, тогда, во славу Церкви, они готовы подвергнуться обряду, какого отъ нихъ требуютъ. Такое приглашеніе озлобило Татаръ: и Папу, и его пословъ они обругали собаками, грозили начальнику посольства содрать съ него живаго кожу и, набивъ ее сѣномъ, отправить къ Папѣ съ другими монахами. Предложеніе одобрено, и было бы приведено въ исполненіе, если бы старшая изъ женъ Баіот-Ноя не отсовѣтовала такой жестокости изъ за послѣдствій, какія можетъ имѣть она для Татарскихъ пословъ. Благодаря тому, монахи избавились отъ смертельнаго страха, однако жь не были отпущены, какъ ни сильно желали того. Татары находили удовольствіе въ насмѣшкахъ надъ ними въ станѣ и въ затрудненіи ихъ разными лукавыми вопросами. Такъ распрашивали ихъ часто о войскахъ, побѣдахъ и завоеваніяхъ Папы, и громко смѣялись, услыхавъ, что власть его только духовная; также совсѣмъ не могли понять и того, что монахи не хотѣли оказать вождю должнаго уваженія, однако жь кланялись же деревяннымъ и каменнымъ образамъ и крестамъ. Они такъ же не поняли отвѣта на это, какъ и содержанія писемъ, принесенныхъ послами, велѣли перевести ихъ по Татарски и послали къ Великому Хану. Монаховъ удерживали подъ предлогомъ, что надобно подождать отвѣта на этѣ письма, но давали имъ такую скудную и плохую пищу, что они чуть не умерли съ голода. Часъ ихъ освобожденія наконецъ наступилъ: сдѣлавшись благоразумнѣе и расположивъ къ себѣ одного изъ совѣтниковъ вождя подарками, на что бы слѣдовало имъ рѣшиться пораньше, они были отпущены съ пись-

момъ къ Папѣ слѣдующаго содержанія: «Знай, Папа, что твои посланники приходили въ нашъ станъ, подали намъ твои письма и говорили самыя странныя рѣчи, какія мы слыхали когда либо. Не знаемъ, уполномочилъ ли ты ихъ говорить такъ, какъ они говорили; но посылаемъ тебѣ точное и ясное приказаніе, идущее отъ Бога: если хочешь сохранить свое царство и землю, приходи къ намъ самъ и преклонись передъ тѣмъ, кто распространяетъ свою законную власть на всю землю; а если не послушаешь яснаго повелѣнія Бога и того, который простираетъ свое законное владычество по всей землѣ, Богу одному извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть твоя непокорность.» Какъ ни мало было утѣшительнаго въ такомъ успѣхѣ ихъ посольства, монахи, однако жь, съ великой радостью покинули Татарскій станъ, поспѣшили какъ можно скорѣе въ ближайшую Сирійскую пристань, и отплыли во Францію: они прибыли туда благополучно, почти послѣ 15-ти мѣсячнаго отсутствія.

ДЖІОВАННИ ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ. *

Гораздо благоразумнѣе велъ себя начальникъ другаго посольства, назначеннаго въ сѣверный Монгольскій станъ, Джіованни де Плано Карпини, также Францисканскій монахъ. О прежней его жизни намъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ ро-

* У Аделунга: «Іоаннъ де Плано-Карпино, изъ фамиліи del Plan di Carpini въ Перуджіи, Францисканскій монахъ, былъ избранъ для путешествія въ землю Монголовъ, вмѣстѣ съ другими братьями по Ордену, Францисканцемъ Бенедиктомъ изъ Польши, и монахами-проповѣдниками Асцелиномъ, Симономъ Сенъ-Кентенскимъ, Александромъ и Альбертомъ. Такъ какъ разрушительныя орды этихъ завоевателей все больше и больше угрожали Европѣ, то Папа Иннокентій IV положилъ на Ліонскомъ Соборѣ 1245 г. отправить вышеупомянутыхъ монаховъ къ этому страшному врагу Христіанства въ качествѣ посланниковъ; при томъ имъ поручено было, сколько можно отвлекать Монголовъ отъ Европы и гораздо лучше склонять ихъ къ войнѣ съ Турками и Сарацинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были попытаться расположить Монголовъ къ Христіянской вѣрѣ, и во всякомъ случаѣ собрать свѣдѣнія объ этомъ, еще мало извѣстномъ, народѣ.

дился въ Италіи около 1220 года и по окончаніи ученія отличался въ качествѣ проповѣдника. Джіованни и его товарищъ, Бенедиктъ, отправились въ дальнее путешествіе въ 1246 году и, черезъ Чехію и Силезію, прибыли въ Польшу. Тамъ, какъ и во всѣхъ земляхъ Восточной Европы, желавшихъ, для собственной безопасности, возстановленія мирныхъ отношеній къ Татарамъ, они были приняты ласково и получили всякаго рода пособіе. Услыхавъ, что у Татаръ ничего нельзя сдѣлать безъ подарковъ, они накупили въ Краковѣ бобровыхъ и другихъ мѣховъ и получили знающаго дорогу служителя, который проводилъ ихъ въ

Плано Карпино съ Асцелиномъ пошелъ изъ Ліона, гдѣ проживалъ тогда Иннокентій IV, черезъ Германію Чехію, Силезію и Польшу въ Кіевъ, находившійся въ то время въ рукахъ Татаръ, а оттуда, черезъ Днѣпръ, Донъ и Волгу, въ Кипчакъ, гдѣ господствовалъ Бату-Ханъ. Отсюда онъ отправился, черезъ землю Комановъ, имѣвшихъ позади себя Россію, Булгарію и Мордвиновъ, землю Камгитовъ и Найманова, къ Хану Гаюку, верховному Государю всѣхъ Монгольскихъ ордъ, и исправивъ, сколько могъ лучше, свое порученіе, возвратился опять въ Европу, послѣ 16-тимѣсячнаго отсутствія. Мы имѣемъ подробный и краткій разсказъ этого путешествія, оба на Латинскомъ языкѣ; есть много и списковъ съ нихъ, частію современныхъ. Императорская Придворная Библіотека въ Вѣнѣ имѣетъ три рукописи большаго разсказа, изъ которыхъ три на пергаментѣ и XIII-го столѣтія. Одна, въ 4-ю долю листа и подъ рубрикою: Hist. prof. No DCLI, носитъ названіе: Relacio fratris Joannis de Plano Carpini, ordinis fratrum minorum, de Tartaris, и начинается словами: «Anno Domini M°. CC°. XL. V°. Frater Johannes de ordine minorum fratrum dictus de planocarpini a domino papa missus ad tartaros cum alio fratre ejusden ordinis.»

Рукопись in folio обозначена: Hist. prof. No XCIV и имѣетъ названіе: Carpini Plano libellus de moribus bellicis Tartarorum. 1245. Она начинается вступленіемъ: «Omnibus Christi fidelibus frater Johannes de Plano Carpini etc.»

Третій Вѣнскій списокъ, in folio и на бумагѣ, отмѣченъ No 651, и имѣетъ названіе: Carpini Plano legatio in Tartariam.

Другая рукопись находится въ Ватиканской Библіотекѣ подъ названіемъ: Libellus historicus Joannis de Plano Carpini, qui missus est legatus ad Tartaros anno Domini 1246 ab Innocentio IV, Pontifice Maximo.

Потомъ извѣстны еще слѣдующіе списки: два въ Кембриджѣ: одинъ въ Университетской Библіотекѣ подъ No 61. 3. См. Catalogi librorum msptor. Angliae et Hiberniae in unum collecti, Oxonii 1697, fol. P. III, p. 137. Другой въ Библіотекѣ Corporis Christi Collegium, подъ No 181. См. D'Avezac Plan Car-

Кіевъ, преждебывшую столицу Россіи. Знающіе люди, у которыхъ они собирали въ этомъ городѣ свѣдѣнія о дорогѣ, какою надобно ѣхать дальше, дали имъ добрый совѣтъ оставить Европейскихъ лошадей, по тому что онѣ не привыкли, подобно Татарскимъ, отыскивать траву подъ снѣгомъ и навѣрное скоро падутъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни другаго корма. И такъ они взяли тамошнихъ лошадей, и 4-го Февраля благополучно доѣхали до Кановы (Канева) на Днѣпрѣ, перваго города Татарской области. Сдѣсь остановила ихъ стража и спрашивала, за чѣмъ они ѣдутъ? Получивъ отвѣтъ, что они Папскіе послы, которые должны жаловаться на Татарскія разоренія въ Христі-

---

pini, p. 52. Въ Турне, въ Библіотекѣ Сенъ-Мартенской, подъ G. 6. См. Bibliotheca Belgica manuscripta etc. 1641, 4°, 1, p. 130. Въ Лейденѣ, въ Университетской Библіотекѣ. Эта рукопись прежде принадлежала знаменитому Павлу Петау. См. D'Avezac Plan Carpin. Въ Лондонѣ, въ Британ. Музеѣ, также и тотъ списокъ, который принадлежалъ прежде Лорду Лумлею и которымъ пользовался Гаклюйтъ для своего Principal Navigations. Въ Парижѣ, въ Императорской Библіотекѣ, подъ № 2477, писанная на пергаментѣ въ XIV вѣкѣ и принадлежавшая прежде Министру Кольберту.

Сочиненіе Плано Карпини раздѣлено на 8 главъ, изъ которыхъ 1-я содержитъ описаніе собственно путешествія, прочія семь говорятъ о нравахъ, обычаяхъ и т. д. Татаръ.

Печатное это путешествіе находится въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Due Viaggi in Tartaria per alcuni frati del Ordine de'Minori et di San Domenico mandati dal Papa Innocenzio IV nella detta provincia. Въ Raccolta di Ramusio. Vol. II, p. 234 sq.

Въ извлеченіи въ Speculum historiale auct. Vincentio Bellovacensi, Venetiis, 1494. fol. Lib. LXXII. cap. 2. Винцентъ Бове прибавилъ къ этому разсказу примѣчанія о прочихъ путешественникахъ по изустнымъ разсказамъ Симона Сенъ-Кентенскаго. Это извлеченіе находится въ Historia Orientalis Рейнера Рейнекція, Basel 1585 года. fol. Потомъ въ Divi Antonini Chronicis, Marcos da Lisboa Chronica, Oderici Rinaldi Annales и проч. Особенно напечатанное явилось оно въ Парижѣ 1495 г. 4°. Потомъ въ Венеціи 1537, 4°: Voyages très-curieux, faits et écrits par les RR. PP. Jean du Plan Carpin, Cordelier, et N. Ascelin, Jacobin. Envoyez en qualité du Légats Apostoliques et d'Ambassadeurs de la part du Pape Innocent IV vers les Tartares et autres peuples Orientaux: avec ordre exprès de décrire de bonne foi ce qui redarde les Tartares, comme la situation tant de leur pays que de leurs affaires; leur vête-

янскихъ земляхъ, ихъ проводили къ Коррензѣ, начальнику войска, охранявшаго западныя границы и состоявшаго изъ 60 тысячъ Татаръ. Когда они подъѣхали близко къ стану, явились уже и послы, освѣдомлявшіеся о подаркахъ, какіе везутъ они Хану. У дверей Коррензовой орды (палатки) имъ велѣно три раза стать на колѣни, не дотрагиваясь, однако жь, до порога; потомъ они повторили свое порученіе и получили отвѣтъ, чтобы обратились съ своею надобностью къ Батыю (Хану Бату), Принцу Царской крови. Они тотчасъ отправились съ 3 мя проводниками, и пробыли въ дорогѣ 44 дня, хотя и ѣхали хорошей рысью и часто мѣняли лошадей по четыре раза въ день. Путь ихъ лежалъ черезъ землю Кумановъ (юговосточную Россію) до Волги, на берегахъ

---

ment, Boire et Manger, leur Gouvernement politique et civil; culte de Religion; discipline militaire; enterremens et autres points, les plus remarquables; dont l'observation était le sujet de leur Ambassade. Le tout raporté fidèlement par ces Religieux. Avec des notes, tables, observations, vne carte très-exacte de ces Voyages et de très-belles figures pour explications des choses. Въ Бержероновъ сборникѣ: Voyages en Tartarie etc. édition de van der Aa. Leiden 1729, 4°. Vol. 1. — Это съ вышеупомянутой рукописи Петау.

Relation du voyage de Jean du Plan Carpin en Tartarie. Въ Recueil des Voyages au Nord. T. VII. Напечатано съ «Voyages de Renjamin de Tudèle и проч. Voyages en Tartarie, Paris 1830, 4°.

Путешествіе Плано Карпини въ Муррея Discoveries and Travels in Asia Vol. I, p. 84 — 109.

Критически обработанное и особенно богато снабженное, можно сказать, исчерпывающее, изданіе явилось подъ заглавіемъ: Relation Mongols ou Tartares par le Frère de Jean Du Plan de Carpin de l'ordre des Frères Mineurs, Légat du Saint Siège Apostolique, Nonce en Tartarie pendant les annèes 1245, 1246, 1247, et Archevèque d'Antivari. Premiére Edition complète publiée d' après les Manuscrits de Leyde, de Paris, et de Londres, et précédée d'une notice sur les ancien Voyages en Tartarie en général, et sur celui du Plan de Carpin en particulier, par M. d'Avezac. Paris. 1838, 4°.—Оно находится также въ 4-й книгѣ Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par le Société de Géographie de Paris. p. 399 — 779: Avis sur le voyage vers le Grand-Chan. Въ Relations Thévenot, Vol. III, p. 1.

О путешествіи Плано Карпини смот. также Шпренгеля Gesch. d. geogr. Entdeck. стр. 278 — 288, гдѣ объяснено оно со многими назидательными примѣчаніями.

которой имѣлъ пребываніе Ханъ Бату, повелитель этой части Татарскаго царства, простиравшейся отъ Г'анка (Урала) до Днѣпра. Когда посланники приблизились къ стану, они должны были разбить свою палатку за милю отъ него и только теперь услыхали, что не могутъ представиться Хану, если сначала не пройдутъ между двумя огнями. Сперва они упорно отказывались, пока имъ не замѣтили, что съ этѣмъ не соединено ни какой опасности: это дѣлается только для очищенія ихъ отъ всякой, приставшей къ нимъ, злой чары, которая могла бы повредить Хану. Счастливо наконецъ выдержавъ испытаніе огнемъ, они могли явиться къ Бату-Хану и подали ему съ обыкновенными колѣнопреклоненіями Папскую грамоту, переведенную по Татарски. Онъ прочиталъ ее съ большимъ вниманіемъ, однако жь не далъ на нее ни какого отвѣта и велѣлъ отвести пословъ въ ихъ палатку, гдѣ больше и не заботились о нихъ, и едва дали имъ нѣсколько проса для утоленія голода. Бату-Ханъ показывалъ большую пышность: какъ у Императора, у него были свои придверники и придворные сановники. Самъ онъ съ одною изъ женъ красовался на возвышеніи, похожемъ на тронъ; его братья и сыновья, какъ самыя знатныя лица въ странѣ, занимали мѣсто на лавкахъ, посреди палатки; прочіе люди сидѣли позади ихъ, на полу, мущины по правую,

---

Русскій переводъ: «Любопытнѣйшее путешествіе монаха Жана дю Планъ-Карпина, посланнаго въ 1246 году въ достоинствѣ Легата-Посла отъ Папы Иннокентія IV къ Татарамъ. Перев. съ Франц. А. М. Москва. 1795, 8°.

Потомъ въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Томъ I. Санктпетерб. 1825, 4°. (Больше изъ этого сочиненія не явилось). Стр. 1—217. Объ этомъ переводѣ смотри рецензію (I. B. Шнитцлера) въ Revue Encyclop. T. XXXI (Іюль 1826 г.), p. 131.

Голландскій переводъ: Seer aanmerkelyke Reysebeschryvingen van Johan du Plan Carpin en Br. Ascelin, beyde als Legaten van den Paus Innocentius de IV afgesonden na Tartaryen en andere oosterche volkeren.... Nu aldereerst getrouwelijk na het egte handschrift vertaald door Salomon Bor predikant tot Zeyst. Leyden (1706), 8°. Оно составляетъ также первую часть первой книги собранія замѣчательныхъ путешествій въ Голландскомъ переводѣ, изданнаго извѣстнымъ Лейденскимъ книгопродавцемъ van der Aa съ 1706 года подъ заглавіемъ: Naaukerige versameling der gedenkwaardigste zee en land Reysen na Ost en West-Indien.»

женщины по лѣвую руку. На столѣ, неподалеку отъ входа, стояли золотые и серебряные кубки; когда пилъ Ханъ, играла музыка. При выѣздахъ надъ головой его носили зонтикъ; этѣмъ же преимуществомъ пользовались и Принцы съ ихъ женами. Бату-Ханъ обращался милостиво съ своими людьми, однако жь всѣ боялись его.

Спустя нѣсколько времени монахи опять были позваны въ станъ, и получили тамъ приказаніе отправляться къ Великому Хану Куине (Гаюку) и представить ему свое дѣло. Не трудно отгадать намѣренія Татаръ—такимъ путешествіемъ увѣрить посланниковъ въ огромности и могуществѣ ихъ Царства. Но у пословъ едва доставало силъ и мужества на такую дальнюю дорогу, по тому что весь постъ они ничего не ѣли, кромѣ небольшаго количества проса, варенаго съ водою и солью, и не пили, кромѣ талаго снѣга. Нельзя было и думать объ отдыхѣ подольше, чтобы сначала совсѣмъ оправиться передъ дорогой, по тому что едва только отдано приказаніе къ отъѣзду, какъ они уже должны были садиться на лошадей съ своими Татарскими проводниками и крупною рысью поспѣшать къ цѣли. Они мѣняли лошадей пять разъ въ день, а часто и больше: только когда дорога шла пустыней, — садились на лошадей болѣе крѣпкихъ, которыя должны были выносить до ближняго населеннаго мѣста. Такъ ѣхали цѣлый мѣсяцъ, не останавливаясь подолѣе, нежели сколько нужно для ночнаго отдыха, и наконецъ добрались до границъ Куманіи. Эта большая земля, подвластная Бату-Хану, граничила къ сѣверу съ Россіею, Мордвинами и Билеоенъ въ Великой Булгаріи (на западномъ берегу Волги) и съ Баштарками (Башкирами) въ Великой Угріи (на Уралѣ); еще сѣвернѣе слѣдовали Пароситы (Пермяки), Самогеты (Самоѣды) и другой народъ съ собачьими лицами, жившій до самыхъ пустынныхъ береговъ Океана. Съ юга Куманія примыкала къ племенамъ, населявшимъ Арменію, Грузію и Черкесію, и къ Греческой имперіи, а къ западу къ Угріи и Россіи. Завоевавъ Куманію, Татары изрубили большую часть жителей, или сдѣлали ихъ рабами. Еще теперь видны были вездѣ груды человѣческихъ костей, и никто не думалъ хоронить ихъ.

Изъ Куманіи путешественники прибыли въ землю Кангитовъ (между Ураломъ и Сигономъ), широкую, бѣдную водой степь,

гдѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались жители: они такъ же мало, какъ и Куманы, занимались какою ни будь работой, или ремесломъ, но получали содержаніе отъ скотоводства и кочевали съ своими палатками. Сдѣлавъ какъ можно скорѣе дорогу черезъ пустыни Кангиттовъ, они достигли области Бисерминовъ (на восточномъ берегу Каспійскаго моря), которые говорили Куманскимъ языкомъ, но признавали себя Мусульманами. Сдѣсь посланники встрѣтили развалины безчисленныхъ замковъ и городовъ и услыхали, что повелитель этой, прежде цвѣтущей, страны, по имени Алти-Голданъ, убитъ былъ Татарами со всей семьей. Меньше пострадала земля черныхъ Китайцовъ (Карсъ-Китай), гдѣ угощалъ пословъ Татарскій вождь въ находящемся сдѣсь дворцѣ Великаго Хана. Отсюда нѣсколько дней проѣзжали они близко озера, которое осталось у нихъ влѣво и въ которомъ замѣтили множество острововъ, проѣхали землю языческихъ Найамановъ, гдѣ стояла такая стужа, что въ исходѣ Іюля шелъ снѣгъ, и потомъ вступили въ настоящее царство Монголовъ. Когда же перебрались за границу, путешествіе пошло такъ скоро, какъ только могли выдерживать лошади, которыхъ мѣняли теперь еще чаще: съ ранняго утра до ночи, безъ всякой пищи по цѣлымъ днямъ, оно продолжалось цѣлыя три недѣли, по тому что проводникамъ предписана была величайшая поспѣшность, чтобы во время явиться съ послами къ поставленію новаго Великаго Хана. Со всѣмъ измученные, они прибыли къ мѣсту своего назначенія 24-го Іюня, получили удобную палатку, богато снабженную всѣмъ, что нужно. Спустя нѣсколько времени ихъ позвали къ матери Гаюка; она правила Царствомъ до избранія и поставленія сына и окружена была блестящимъ Дворомъ. Они вошли въ великолѣпную палатку изъ бѣлой ткани, такую обширную, что легко могло помѣститься 2000 человѣкъ; посреди ея находилась досчатая перегородка, украшенная множествомъ картинъ. Татарскіе вожди и начальники, разъѣзжавшіе съ своими людьми по ближнимъ холмамъ и равнинамъ, въ первый день явились въ бѣлыхъ одеждахъ, на другой, когда Гаюкъ вошелъ въ шатеръ, въ красныхъ, на третій въ синихъ и на четвертый въ ярко красныхъ. Въ перегородкѣ было двѣ большія двери: одна исключительно назначалась для Великаго Хана, и хотя была отворена, но не имѣла караула, другая, служившая входомъ для всѣхъ, кто имѣлъ на то право и по-

зволеніе, окружена была многочисленной стражей, вооруженной мечами, луками и стрѣлами. Когда кто переходилъ за перила, обведенныя кругомъ шатра, того наказывали палками, если успѣли схватить; но если онъ былъ такъ неблагоразуменъ, что пытался убѣжать, то сейчасъ же падалъ, пронизанный стрѣлами стражи. Сбруя на лошадяхъ вождей была богато убрана золотомъ и у нѣкоторыхъ стоила не меньше 20-ти марокъ. На четвертый день вожди отправились въ палатку и совѣщались до полудня о выборѣ Великаго Хана; потомъ стали пить въ изумительномъ количествѣ кумысъ, позвали и монаховъ на пиръ; но какъ для этѣхъ кобылье молоко показалось невкусно, подали имъ пива и такъ жестоко подчивали, что они едва не пришли въ отчаяніе и просили пощады. Кромѣ монаховъ, сказывали имъ, тамъ было четыре тысячи другихъ пословъ, но этѣхъ угощали за перилами. Эти торжества продолжались 4-е недѣли, и выборъ Великаго Хана, по видимому, былъ уже конченъ, хотя еще не обнародованъ, по тому что когда Гаюкъ вышелъ изъ палатки, впереди его шла толпа музыкантовъ, а другіе Татары опускали передъ нимъ очень красивые бичи, украшенные на концахъ пурпуроваго цвѣта шерстью: такая почесть не отдавалась ни одному изъ прочихъ, бывшихъ тутъ, Принцевъ. Послѣ этѣхъ четырехъ недѣль все собраніе отправилось въ путь и ѣхало три, или четыре, мили до одной красивой равнины, окруженной горами; на ней поставлена была другая палатка, еще великолѣпнѣе, называвшаяся Золотою Ордой: тамъ и должно было происходить восшествіе Гаюка на престолъ. Палатка была изъ яркаго краснаго сукна и другихъ дорогихъ тканей и поддерживалась множествомъ столбовъ, обитыхъ листовымъ золотомъ. 24-го Августа собралась необозримая толпа народа: всѣ повернулись лицомъ къ югу и, раздѣлившись на два отряда, почти на разстояніи брошеннаго камня одинъ отъ другаго, шли все далѣе къ югу съ безпрестанными молитвами и колѣнопреклоненіями. Послѣ порядочно долгаго повторенія этѣхъ обрядовъ, они вернулись въ шатеръ, и Гаюкъ взошелъ на престолъ. Сначала вожди, а потомъ весь народъ, стали передъ нимъ на колѣни и присягнули ему. Великій Ханъ, мущина 40, или 45, лѣтъ, былъ средняго роста, держалъ себя очень важно и, какъ увѣряли, очень рѣдко смѣялся. Никогда лично не разговаривалъ онъ съ иностранцемъ, не смотря ни на какую его знатность, а все-

гда съ помощію третьяго лица; докладывая ему о дѣлѣ, подданный долженъ былъ стоять на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ рѣшенія. Въ своихъ грамотахъ онъ называлъ себя: «Сила Божія и повелитель всего человѣческаго рода», а на печати его были слова: «Богъ на небѣ, а Ханъ Гаюкъ на землѣ, сила Божія. Печать властелина всѣхъ людей».

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Великаго Хана, Папскіе послы были позваны къ нему, и когда явились передъ его палаткою, одинъ придворный чиновникъ прокричалъ громко ихъ имена. Ихъ тщательно обыскали, не спрятали ли они у себя какого оружія; три раза становились послы на колѣни у порога, не прикасаясь къ нему, потомъ вошли и изложили свое дѣло, однако жь на этотъ разъ еще не получили отвѣта. Спросили только ихъ о подаркахъ, какіе они подадутъ Великому Хану, по порученію своего Государя. Послы смиренно отвѣчали, что все взятое съ ними, роздано на пути, и теперь ничего не осталось въ ихъ распоряженіи. Тѣмъ великолѣпнѣе были подарки другихъ посланниковъ. Передъ палаткою уже лежали высокія груды дорогихъ матерій, шелковыхъ товаровъ и мѣховъ, а на ближнемъ пригоркѣ разставлено было до пяти сотъ телѣгъ съ золотомъ, серебромъ и шелковою одеждой. Великій Ханъ раздѣлилъ всѣ драгоцѣнности съ своими вождями, а этѣ обдарили своихъ людей. Спустя нѣсколько времени, монахи, которыхъ, по окончаніи праздниствъ, содержали такъ скупо, что они едва могли кое-какъ влачить жизнь, приглашены были изложить свою просьбу на бумагѣ, а потомъ получили отвѣтную грамоту съ Царскою печатью, и были отпущены. Мать Великаго Хана подарила на прощаньи каждому изъ нихъ по красивому платью и по лисьему мѣху. На возвратномъ путешествіи, которое пришлось зимою, они должны были переносить много нужды: на всей дорогѣ, по безконечнымъ степямъ, они не видали ни одного дерева; ночью спали на снѣгу, а проснувшись нерѣдко находили себя совсѣмъ занесенными снѣгомъ. Наконецъ 8 Іюня, 1247 года, они опять добрались до Кіева, гдѣ ихъ привѣтствовали и угощали съ большою радостью, точно воскресшихъ мертвецовъ. Отсюда они пріѣхали благополучно къ Папѣ и донесли ему объ успѣхѣ своего посольства. Джіованни де Плано Карпини, благоразумному поведенію котораго въ самыхъ

затруднительныхъ обстоетельствахъ нельзя не удивляться, наблюдалъ съ неизмѣннымъ вниманіемъ жизнь и занятія Татаръ, какъ въ дорогѣ, такъ и въ пребываніи Хана. Онъ изложилъ свои наблюденія въ простомъ разсказѣ, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ вставленныхъ туда нелѣпыхъ басенъ, ему переданныхъ, они вездѣ носятъ на себѣ отпечатокъ истины; сообщаемъ сдѣсь главные выводы его наблюденій, сколько можно, его собственными словами.

Обширная страна, называемая Монголіею или Татаріею, отчасти очень гориста, отчасти ровная; почва, вездѣ состоящая изъ крупнаго песка, плодоносна только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ орошаютъ ее рѣки. Тамъ нѣтъ ни деревень, ни городовъ, кромѣ одного, который называется Кракуримъ (Каракорумъ) и должно быть хорошій городъ; онъ лежитъ въ полуднѣ пути отъ Золотой Орды. Но хотя и безлюдна эта страна, однако особенно очень удобна для скотоводства по своимъ превосходнымъ пастбищамъ; кое-гдѣ видно и нѣсколько лѣса, но вообще она очень бѣдна имъ: Великій Ханъ, его полководцы и подданные грѣются и варятъ свои кушанья на огнѣ, разводимомъ на лошадиномъ, или воловьемъ, пометѣ. Погода тамъ удивительно перемѣнчивая: среди лѣта подпимаются страшныя бури; множество людей погибаетъ отъ грозъ, и въ то же время выпадаетъ глубокій снѣгъ. Зимою никогда нѣтъ дождя, лѣтомъ онъ чаще, но такой скудный, что едва смачиваетъ пыль и траву. Вихри часто такъ сильны, что всадникъ не можетъ удержаться на лошади; такая буря поднялась при восшествіи на престолъ Великаго Хана: тучи пыли затмили воздухъ, люди ложились на землю, чтобы ихъ не повалило; къ тому же еще выпалъ такой частый градъ, что много палатокъ и домашняго скарба уплыло и 200 человѣкъ потонуло. Такъ изнурительный жаръ смѣняется чувствительнымъ холодомъ.

Наружный видъ Монголовъ очень отступаетъ отъ всѣхъ прочихъ людей: ихъ лица тотчасъ же поражаютъ большимъ удаленіемъ глазъ отъ щекъ, выдавшимися скулами, маленькимъ плоскимъ носомъ, маленькими глазами и до бровей достающими рѣсницами; легко также узнать ихъ по крошечнымъ ногамъ. Они брѣютъ волосы по обѣимъ сторонамъ головы, но на макушкѣ отпускаютъ ихъ и, заплетши въ двѣ косички, подвязываютъ за

уши. Одежда мужчинъ и женщинъ почти одинакова, и состоитъ изъ льнянаго, или шелковаго, платья и мѣховой накидки съ висящимъ назади угломъ. Всѣ части одежды моются рѣдко, а въ жаркое время года, пока бываетъ громъ и молнія, никогда. Ихъ жилища — палатки, искусно устроенныя изъ прутьевъ и палокъ, съ круглымъ отверстіемъ на верху, черезъ которое падаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, по тому что по срединѣ палатки находится очагъ. Стѣны и кровля обиты войлокомъ, двери также войлочныя. Эти палатки большею частію устраиваются такъ, чтобы можно было поскорѣе разобрать и уложить ихъ на вьючныхъ животныхъ; другія же не разбираются и надобно возить ихъ на телѣгахъ, по тому что Татары возятъ ихъ съ собой вездѣ, куда бы ни поѣхали сами въ мирное, или военное, время, и для того-то у нихъ однихъ столько вьючнаго скота и лошадей, сколько у всѣхъ другихъ народовъ вмѣстѣ. У нихъ также безчисленныя стада верблюдовъ, воловъ, козъ и овецъ, но свиней они не терпятъ. Въ кушаньяхъ не дѣлаютъ ни какого различія и ѣдятъ все, что можно ѣсть, даже вшей; питье у нихъ — молоко, особливо кобылье, которое считаютъ за лучше лакомство. Бѣдные люди, у которыхъ на зиму недостаетъ кобыльяго молока, варятъ жидкій бульонъ изъ проса съ водою, пьютъ его по утрамъ по одному, или по два стакана, и часто ничего не ѣдятъ больше во весь день; по вечерамъ ѣдятъ немного мяса съ отваромъ, въ которомъ оно готовилось; лѣтомъ, и пока есть кобылье молоко, они рѣдко ѣдятъ мясо и обыкновенно тогда только, когда поймаютъ дикаго звѣря, или птицу.

Ихъ нравы отчасти заслуживаютъ большой похвалы, отчасти же отвратительны. Своимъ господамъ они покорнѣе всѣхъ другихъ людей въ мірѣ и искренно уважаютъ ихъ: для нихъ не легко обмануть и обокрасть господъ. Между собою они ссорятся рѣдко, даже въ пьяномъ видѣ: важныхъ ссоръ, увѣчьевъ, убійствъ у нихъ не бываетъ. Между ними нѣтъ ни воровъ, ни разбойниковъ, отъ того-то ихъ палатки и телѣги, хотя бы тамъ хранились величайшія сокровища, не запираются никогда. Если кто ни будь повстрѣчаетъ заблудившееся животное изъ домашняго скота, онъ оставляетъ его бѣжать, или отводитъ къ такимъ людямъ, которые обязаны отыскивать забѣжавшій скотъ; когда же законный

владѣлецъ павѣдается у нихъ о пропажѣ, онъ въ ту же минуту получаетъ назадъ свою собственность. Вообще всѣ они оказываютъ другъ другу приличную почесть и дружбу, и охотно дѣлятся съѣстными припасами съ бѣдняками, какъ ни рѣдки они у Татаръ. Лишенія переносятъ съ чудною терпѣливостью и проголодавши день, или два, не кажутся недовольными, но поютъ и играютъ, точно пришли съ сытнаго обѣда. Женщины очень цѣломудренны: никогда не слыхать объ нихъ ни какого безнравственнаго поступка, хотя въ разговорахъ онѣ не рѣдко употребляютъ неприличныя слова. Съ иноземцами, знатные ли они, или простые люди, Татары ведутъ себя надменно и гордо, надуваютъ и обманываютъ ихъ; можно обвинять ихъ въ самыхъ дикихъ поступкахъ и обхожденіи съ этѣми людьми; убійство чужеземца — бездѣлица, на которую никто не обращаетъ вниманія. Когда хотятъ что ни будь получить отъ другихъ, они безотвязны до безстыдства, а если приходится давать самимъ, скупы выше всякаго понятія. Въ кушаньяхъ и напиткахъ, также и въ другихъ вещахъ, они очень неопрятны; обжорство у нихъ всеобщее, однако жь никому не ставится въ порокъ.

Многіе изъ Татарскихъ законовъ чрезвычайно строги: такъ прелюбодѣяніе у мужчинъ и женщинъ наказывается смертію; надшая дѣвушка тотчасъ же подвергается такой же казни вмѣстѣ съ ея обольстителемъ; та же казнь положена за грабежъ и воровство. Измѣнникъ, разболтавшій опредѣленія Совѣта, особливо относительно военныхъ походовъ, получаетъ сотню жестокихъ ударовъ палками; такъ же колотятъ и молодыхъ людей, если они обидятъ стариковъ. Бракъ позволителенъ во всякихъ степеняхъ родства, кромѣ матери, дочери и тетки; въ обычаѣ также женитьба на отцовской вдовѣ, если она не мать жениха, и на сестрѣ, если она только отъ одного отца съ нимъ; младшій братъ обыкновенно женится на вдовѣ умершаго старшаго брата. Кромѣ такихъ случаевъ, Татарская женщина рѣдко выходитъ замужъ въ другой разъ. Татаринъ беретъ столько женъ, сколько ему угодно; впрочемъ у каждой своя палатка, гдѣ помѣщается она съ своими дѣтьми; мужъ живетъ то съ той, то съ другой, однако жь всѣ онѣ согласны между собою; только одна изъ нихъ имѣетъ преимущество, и мужъ живетъ съ нею чаще. Дѣти, отъ какой бы

они ни были жены, пользуются равными правами, и отецъ надѣляетъ каждаго, чѣмъ и сколько хочетъ.

Что касается религіозныхъ понятій Татаръ, то, благодаря ихъ стариннымъ суевѣрнымъ преданіямъ, у нихъ слыветъ за грѣхъ много пустяковъ, а настоящіе и большіе проступки не считаются грѣхами. Такъ не позволяется класть въ огонь ножикъ, или прикасаться имъ къ огню, вынимать ножемъ мясо изъ котла, или рубить возлѣ огня что ни будь топоромъ, по тому что, по ихъ мнѣнію, это отнимаетъ у огня силу; потомъ считается грѣхомъ опираться на кнутъ, которымъ погоняютъ они лошадей, по тому что не носятъ шпоръ, или прикасаться кнутомъ къ стрѣламъ; наказывать поводьями лошадей, ловить, или убивать, молодыхъ птицъ, разбивать кость другою костью, проливать на землю кушанье, молоко, или другое питье, а особливо исправлять въ палаткѣ естественную потребность. Если кто сдѣлаетъ этотъ послѣдній проступокъ умышленно, его убиваютъ; если же это невольная его вина, для очищенія отъ нея ему надобно заплатить заклинателю много денегъ: это дѣлается такъ, что палатка со всѣмъ, находящимся въ ней, переносится между двумя огнями; до этого очищенія никто не смѣетъ входить въ нее, или брать что ни будь оттуда. Когда кто ни будь выплюнетъ поданный ему кусокъ, котораго не можетъ проглотить, его вытаскиваютъ изъ палатки черезъ отверстіе, продѣланное внизу ея, и убиваютъ: то же бываетъ и съ тѣмъ, кто ступитъ на порогъ палатки вождя. Этѣ и многія подобныя вещи считаются у нихъ проступками, а убивать людей, нападать на чужія земли и грабить ихъ, поступать противъ заповѣдей Божіихъ, они не считаютъ за грѣхъ. Они ничего не знаютъ о вѣчномъ блаженствѣ и осужденіи, однако жь вѣруютъ, что по смерти будутъ жить въ другомъ свѣтѣ, пасти тамъ безчисленныя стада, ѣсть, пить и вообще дѣлать все то, что приноситъ имъ удовольствіе. Всякія предпріятія они начинаютъ въ поволуніе, или полнолуніе; мѣсяцъ зовутъ Великимъ Ханомъ и чтутъ его колѣнопреклоненіями. Одно изъ первыхъ предписаній ихъ Вѣры — есть очищеніе огнемъ, какъ самихъ себя, такъ и своего имущества; это дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ; разводятъ два огня и вбиваютъ возлѣ нихъ въ землю два копья, острія ихъ связываютъ веревкою, на которой висятъ лоскутки сукна,

Все, что должно быть очищено: люди, животные, палатки, проходитъ подъ этою веревкою. По сторонамъ стоятъ двѣ женщины: онѣ кропятъ водою и говорятъ заклинанія. Когда кого ни будь убьетъ громъ, такимъ же образомъ должны очищаться всѣ обитатели его палатки, а до самой палатки, утварей, телѣгъ, войлоковъ и платьевъ никто уже не дотрогивается: все это бросается, какъ нечистое.

Въ этомъ изображеніи Татарскихъ правовъ и обычаевъ Джіованни де Плано Карпини передаетъ также нѣкоторыя извѣстія о разныхъ племенахъ и военныхъ подвигахъ этого народа: эти извѣстія, впрочемъ, ни очень ясны, ни достовѣрны, да и не принадлежатъ сюда. Отъ того и выбираемъ только нѣкоторыя, отчасти похожія на басню, замѣчанія о другихъ Азіятскихъ племенахъ, съ которыми повстрѣчались Монголы въ своихъ завоевательныхъ походахъ. Октай, сынъ Чингисъ-Хана, построилъ городъ Ханиль (Галга въ Малой Бухаріи), въ покоренной имъ землѣ Кара-Китайцевъ, и ворвался въ южнѣе лежащую отъ нихъ степь (Шамо), гдѣ повстрѣчалъ дикихъ людей, у которыхъ совсѣмъ не замѣтили человѣческаго языка; у нихъ не было на ногахъ и копѣекъ, такъ что упавши, они не могли опять встать на ноги. Когда Татары пускали въ нихъ стрѣлы, они клали себѣ въ раны траву и постепенно убѣгали отъ нихъ; однако жъ имѣли на столько разсудка, что выдѣлывали войлоки изъ верблюжьей шерсти, служившіе имъ для одежды и крова въ дурную погоду. Другой сынъ Чингисъ-Хана пошелъ съ большимъ войскомъ на Индію и покорилъ часть этой страны, называемой Малою Индіей и населенной черными Сарацинами. Когда же онъ вторгнулся въ Великую Индію, гдѣ населеніе состояло изъ Христіанъ, Царь этой страны, посвященный имъ Попа Ивана, пошелъ къ нему на встрѣчу и отразилъ его силой и хитростью. Здѣсь впервые встрѣчаемъ извѣстіе о населенной Христіанами странѣ въ Индіи и о Попѣ Иванѣ, и нарочно обращаемъ вниманіе на этого Государя, вѣроятно, по какому ни будь недоразумѣнію вошедшаго въ Исторію, потому что послѣ это сказаніе о немъ имѣло такое рѣшительное вліяніе на умноженіе свѣдѣній по Географіи и Этнографіи. На возвратномъ пути изъ Великой Индіи Татары зашли въ страну, обитаемую чуднымъ народомъ: женщины были какъ обыкновенные люди, а мущины по-

ходили на собакъ. Сперва они разбѣжались, но когда чужеземные воины остались у нихъ слишкомъ надолго, они собрались на берегу рѣки, повросались въ воду, а потомъ вывалялись въ пыли. Въ то время было очень холодно, и въ одну минуту вода съ пылью смерзались въ одну твердую кору: подъ защитою такой натуральной брони, эти люди кинулись на Татаръ съ великимъ бѣшенствомъ: Татаренія стрѣлы отскакивали безъ всякаго вреда отъ покрытаго льдомъ непріятеля, который жестоко кусался, и Татары отступили съ большимъ урономъ; отъ того-то и долго слышалось между Татарами шутливое словцо: «Моего отца, или брата, загрызли собаки». На возвратномъ пути они проходили страною Буритгабенъ (можетъ быть, Тибетомъ), которой уродливые обитатели были побѣждены ими: у этихъ людей былъ гнусный обычай съѣдать съ великимъ торжествомъ своихъ умершимъ родителей; они не отращивали бородъ, но всегда носили въ рукахъ желѣзо, которымъ вырывали каждый волосокъ, выходившій наружу. Такія же басни разсказывали посланникамъ и о походахъ Татаръ на западъ, гдѣ они повстрѣчали цѣлые народы, жившіе подъ землею, и у Каспійскихъ горъ должны были вернуться назадъ, по тому что эти горы состояли изъ алмаза и съ неодолимою силой притягивали къ себѣ желѣзныя оружія и стрѣлы Татаръ. Но мы не станемъ дольше останавливаться на этомъ, передадимъ только замѣчаніе Джіованни о власти и значеніи Великаго Хана и о военномъ искуствѣ Татаръ.

Великій Ханъ имѣетъ удивительную власть надъ всѣми своими подданными: каждый Татаринъ долженъ всегда оставаться на томъ мѣстѣ, которое отведено ему, а это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Великій Ханъ раздаетъ отдѣльные участки земли главнымъ вождямъ, которые отводятъ мѣсто для жизни начальникамъ надъ тысячью человѣкъ, этѣ — сотникамъ, а они десятникамъ. Что бы такое ни приказалъ Великій Ханъ, на какомъ бы то ни было мѣстѣ и въ какое угодно время, Татаринъ тотчасъ же повинуется, безъ всякихъ отговорокъ: отдаетъ ему дочь, сестру, по его требованію, съ полною готовностью снабжаетъ съѣстными припасами, платьемъ и лошадьми гонцовъ, развозящихъ Ханскіе приказы изъ одного мѣста въ другое, и вообще все свое имущество считаетъ не своею, а Ханскою, собственностію. На

раздѣленіи народа на тысячи, сотни и десятки основывается и все военное устройство Татаръ: вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ выходятъ они и въ поле. У каждыхъ десяти тысячъ особенный вождь, а цѣлое войско находится подъ начальствомъ двухъ, или трехъ, полководцевъ, получающихъ приказанія отъ Великаго Хана, или отъ одного, назначеннаго имъ, вождя. Если въ сраженіи отступятъ не всѣ вмѣстѣ, то трусы, показавшіе тылъ непріятелю, наказываются смертію; если одинъ, двое или многіе изъ одного отряда смѣло пойдутъ впередъ для нападенія, а прочіе не послѣдуютъ за ними, этѣхъ убиваютъ также. Ихъ оружія: два, или, по крайней мѣрѣ, одинъ лукъ, три колчана со стрѣлами, топоръ и веревка для таскапья военныхъ машинъ; кто побогаче, у тѣхъ сабли объ одномъ лезвеѣ, очень острыя и немного кривыя На людяхъ и лошадяхъ надѣты кожаныя, или чешуйчатыя, желѣзныя брони; Татары носятъ также и крѣпкіе шлемы, кожаные, или желѣзные. Щитами пользуются только ночью на стражѣ, но никогда въ сраженіи. Рѣки переплываютъ Татары на мѣхахъ, въ которыхъ завязаны ихъ платья и другіе пожитки; этѣ мѣха привязываются къ лошадинымъ хвостамъ. Благодаря своимъ частымъ походамъ, Татары очень свѣдущи въ военномъ искуствѣ, и Христіянскіе Государи могутъ сопротивляться имъ только тогда, когда положатъ конецъ своимъ взаимнымъ раздорамъ, соединятся на общую войну съ ними и будутъ соблюдать воинскую покорность лучше, нежели это было до сихъ поръ между ихъ войсками.

Этѣмъ добрымъ совѣтомъ Джіованни де Плано Карпини заключаетъ свое донесеніе: оно принято было Папою съ такимъ удовольствіемъ, что онъ наградилъ своего посла многими знаками своей благосклонности и вскорѣ сдѣлалъ начальникомъ Францисканскаго Ордена въ Германіи. Но для Джіованни, кажется, была привлекательнѣе спокойной жизни опасная, но похвальная, дѣятельность проповѣдника Христіянской вѣры: мы встрѣчаемъ его потомъ въ Чехіи, Угріи, Даніи и Норвегіи, гдѣ онъ проповѣдывалъ Евангеліе и до глубокой старости остался вѣрнымъ этому призванію.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ РУИСБРЕКЪ (РУБРУКВИСЪ).*

Очень бы ошиблись, если бы внезапное прекращеніе Монгольскихъ вторженій въ Христіянскія земли стали считать послѣдствіемъ Папскаго посольства къ Великому Хану. Бѣдствіе страшнаго разоренія навѣрное посѣтило бы Европу, или отвращено бы было ожесточенною, кровопролитною войною, если бы великое Монгольское царство, по случаю междоусобій, не раздѣлилось на многія Ханства: этѣмъ Ханствамъ надобно было сохранять себя другъ отъ друга, а потому и не могло быть мысли о завоеваніяхъ. Уже восшествіе на престолъ Гаюка, при которомъ присутствовалъ Плано Карпини, благодаря разнымъ происканъ, было причиною раздоровъ между вождями; послѣ преждевременной кончины (1248 года) этого Хана, раздоры все больше и боль-

---

*Вильгемъ Руисбрекъ, или Русброкъ, Руброкъ, обыкновенно называемый Рубруквисъ, былъ Францисканецъ изъ Брабанта. По распесшимся слухамъ въ Европѣ, будто Монгольскій Государь, Мангу-Ханъ, принялъ Христіянскую Вѣру, Французскій Король, Людовикъ IX, находившійся въ 1253 году въ Крестовомъ походѣ противъ Сарацинъ въ Сиріи, послалъ Рубруквиса къ Монголамъ, въ томъ же году Рубруквисъ и отправился въ путешествіе съ товарищемъ, Варѳоломеемъ Кремонскимъ, изъ Константинополя черезъ Черное море и Крымъ, и наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, прибылъ въ область города Каракорума, въ степи Гоби, гдѣ находился тогда Мангу-Ханъ. Его извѣстія о пройденныхъ имъ странахъ полнѣе извѣстій его предшественниковъ, которыхъ онъ и не зналъ; впрочемъ, онъ приводитъ также множество городовъ подъ такими названіями, которыхъ онятъ еще не встрѣчали. Между прочимъ мы обязаны ему первыми, по его собственнымъ распросамъ, собранными извѣстіями о Китаѣ, которыя получилъ онъ отъ Китайскаго посольства въ Монгольскомъ станѣ. Рубруквисъ оставался болѣе 5-ти мѣсяцевъ при Мангу-Ханѣ, а потомъ, черезъ Сарай, Астрахань, Дербентъ, Грузію, Арменію, Туркманію и Средиземное море ѣздилъ въ Кипръ, Антіохію и Триполи; изъ этого послѣдняго города онъ послалъ донесеніе о своемъ путешествіи къ Королю Французскому. По этому послѣднему обстоятельству онъ называется иногда Вильгельмомъ Трипольскимъ.

Шпренгель говоритъ объ этомъ путешествіи: «Благодаря своему дневнику, Рубруквисъ, безъ сомнѣнія, многочасличнно распространилъ тогдашнія свѣдѣнія о Сѣверной Азіи и земляхъ на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, но онъ тѣмъ еще драгоцѣннѣе, что при случаѣ включаетъ въ свой дневникъ

ше усиливались и были причиною паденія Царства. Когда послѣ Гаюка, не безъ великихъ противорѣчій, вступилъ на престолъ Мангу, въ Европѣ вдругъ распространился слухъ, что этотъ Великій Ханъ принялъ Христіянскую вѣру, и что примѣру его послѣдовали многіе Принцы, между которыми особливо называли Сартака, сына Хана Батыя, повелителя Татарской орды. Благочестивый Французскій Король, Лудовикъ IX, услыхалъ эту ложную

разныя замѣчанія, которыя тогдашніе путешественники рѣдко считали достойными своего вниманія» — и въ доказательство этого сужденія приводитъ много примѣровъ съ 295 по 299 стр. Sprengel Gesch. d. Entdeck., стр. 288—299.

Рубруквисъ написалъ это путешествіе по Латини, и есть еще много списковъ съ его подлинника. Рукописный въ Парижской Импер. Библіотекѣ, въ сборникѣ за № 686, который носитъ заглавіе: Itineraria in Tartariam. См. д'Авезака Plan Carpin, p. 50.

На языкѣ подлинника это путешествіе напечатано было только одинъ разъ, въ собраніи Гаклюйта Т. I, стр. 71—99, но съ неполной рукописи Лорда Лумлея, въ которой не было конца.

Перчасъ нашелъ полный списокъ путешествія въ Библіотекѣ въ Кембриджѣ подъ № 61 съ надписью: Historia Monogallorum sive Tartarorum. См. д' Авезака, стр. 52. Онъ перевелъ его по Англійски, и взялъ этотъ переводъ въ свое соч. «Pilgrimes» Vol. III, p. I. Туда же включилъ и извлеченіе изъ путешествія Рубруквиса, находящееся въ Opus Majus Рожера Бакона.

Съ этого Англійскаго перевода Бержеронъ перевелъ его по Французски подъ заглавіемъ: Voyage remarquable de Guillaume de Rubruquis, envoyé en Ambassade par le Roi Louis IX en differentes parties de l'Orient, principalement en Tartarie et à la Chine, l'an de notre Seigneur 1253. Contenant des récits très-singuliers et surprenans. Écrit par l'Ambassadeur même. Le tout orné d'une carte de voyage, de tailles douces et accompagné de Tables. Traduit de l'Anglais par le Sr. de Bergeron. Въ Voyages Bergeron etc. Vol. I, сличенное, по словамъ Бержерона, съ двумя Латинскими рукописями.

Въ Discoveries and Travels in Asia Murrays, Vol. I, p. 105—150.

Вновь напечатано подъ заглавіемъ: Relation du Voyage en Orient de Guillaume de Rubruk, въ 4-й книгѣ изданнаго Географическимъ Обществомъ въ Парижѣ «Recueil de Voyages et de Mémoires, p. 205—296.

Сюда же и къ обѣимъ предшествующимъ путешествіямъ принадлежитъ также слѣдующее сочиненіе:

вѣсть съ такою же великой радостію, какъ и изумленіемъ: считая обращеніе Татаръ неоцѣненнымъ благомъ для всего Христіянства, онъ тотчасъ же отправилъ посольство въ станъ Сартака, чтобы увѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

Во главѣ этого посольства находился Вильгельмъ Рубруквисъ, Францисканскій монахъ изъ Брабанта; однако жь, онъ получилъ скромное порученіе дѣйствовать отъ имени своего духовнаго главы, а не въ качествѣ посланника Короля Французскаго, чтобы не повредить значенію этого Государя, если бы посольство не имѣло успѣха. Послѣ необходимыхъ приготовленій къ такому дальнему путешествію въ Константинополѣ, гдѣ въ это время еще царствовали Императоры, поставленные Крестоносцами, посланники, 12-го Мая, 1252 года, сѣли на суда и поплыли Чернымъ моремъ въ Сольдаю (теперь Судакъ) въ Крыму. На берегу отъ Сольдаи до Керсовы (Херсона) лежали тогда 40 укрѣпленныхъ городовъ и почти въ каждомъ говорили другимъ языкомъ; тутъ, къ немалому удивленію, посланники нашли многихъ Готовъ, говорившихъ по Нѣмецки; если это извѣстіе, повторяемое позднѣйшими путешественниками, не основывается на ошибкѣ,* этихъ Готовъ можно считать за потомковъ Германскихъ племенъ, которыя въ IV-мъ столѣтіи переселились на Черное море. Послы видѣли также на берегу большія соляныя озера, приносившія богатыя выгоды, по тому что соль отсюда развозилась по всей Россіи, а моремъ по всему Черноморью. Извѣстно, что эта прибыльная торговля продолжалась непрерывно до настоящаго времени,

---

Quelques observatians du Moine Bacon, touchant les parties Septentrionales du monde, avec les relations touchant les Tartares; tirées de l'histoire de R. Wendover et de Matthieu de Paris, avec quelques lettres sur le même sujet: où l'on fait voir l'inhumanité, les moeures sauvages, la rage et la cruauté des Tartares, leurs invasions, par lesquelles ils menacent de détruire la Chrétienté; avec une Lettre de l'Empereur pour demander du secours au Roi d'Angleterre contre les Tartares, dont on fait voir les rapines, les cruautez et les meurtres; mais ils y sont courageusement repoussez. Въ «Voyages Bergeron etc. Vol. II.

* Отнюдь нѣтъ. О Готахъ въ Крыму упоминается и въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Се бо Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю, звоня Русскимъ златомъ», и проч. *О. Б.*

хотя и не въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ Средніе вѣка. На пути черезъ полуостровъ Крымъ, сначала очень красивымъ лѣсомъ, изобильнымъ источниками и ручьями, а потомъ длинною, въ пять дней пути, равниною, они добрались до перешейка, пересѣкаемаго широкимъ рвомъ (у Перекопа). На этой равнинѣ прежде жили Куманы и владѣли всею окрестною страною до тѣхъ поръ, пока не напали на нихъ Татары и такъ стѣснили ихъ, что большая часть этого народа умерла съ голода и пожрана оставшимися въ живыхъ.

На третій день ихъ путешествія по равнинѣ, посланники повстрѣчались съ Татарами: эти тотчасъ же обступили ихъ и приставали съ распросами, за чѣмъ они ѣдутъ и что у нихъ въ фурахъ, которыя везли съ собою? Послы отвѣчали уклончиво и дали Татарамъ, которые все настойчивѣе требовали подарковъ, нѣсколько сухарей и бутылку вина. Татары тотчасъ же выпили ее и просили другой, по тому что человѣкъ, говорили они, ходитъ не на одной ногѣ. Вмѣсто того, чтобы исполнить это желаніе, монахи просили убѣдительно проводить ихъ къ Джагатаю, родственнику Батыя, къ которому у нихъ есть препоручительныя письма, а не то — они вернутся назадъ; тогда ихъ оставили въ покоѣ и обѣщали сдѣлать, чего они хотѣли. Теперь въ первый разъ послы отвѣдали кумыса (кобыльяго молока), со страхомъ и отвращеніемъ, однако жь, сверхъ ожиданія, нашли это питье очень вкуснымъ. На слѣдующій день они отправились съ провожавшими ихъ Татарами, и тотчасъ же повстрѣчались съ Джагатаемъ: онъ ѣхалъ со множествомъ лошадей, воловъ и овецъ, и столько везъ съ собой телѣгъ, нагруженыхъ домами и палатками, что казалось, будьто на встрѣчу къ нимъ идетъ цѣлый городъ. Онъ тотчасъ же позволилъ имъ явиться къ себѣ, и они вошли въ его палатку съ какими подарками: Ханъ сидѣлъ на постелѣ съ цитрою въ рукѣ и разговаривалъ съ одною изъ своихъ женъ, безобразной и до того курносой, точно носъ у ней былъ отрѣзанъ. Давъ знать ему о цѣли своего путешествія, и получивъ отъ него обѣщаніе проводить ихъ въ станъ Сартака, они стали проповѣдывать ему о Христіянской вѣрѣ; онъ не отвѣчалъ ни слова, а только сомнительно покачалъ головою и отпустилъ ихъ. Но о содержаніи словъ заботились такъ мало, что они умерли бы съ голода, если

бы не взяли съ собою съѣстнаго. На слѣдующій день они отправились дальше съ данными имъ отъ Джагатая провожатыми и, прошедши перешеекъ, соединяющій Крымъ съ твердою землею, повернули къ востоку по великой пустынѣ (Ногайской степи), которая, какъ имъ сказывали, во многихъ мѣстахъ въ 20 дней пути ширины: въ ней нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, ни камней, а очень богатыя пастбища. Вода, удобная для питья, встрѣчается рѣдко и при томъ дурная; черпаютъ ее изъ ямъ, выкопанныхъ во многихъ мѣстахъ. Тамъ пасли свой скотъ Куманы, которые сами называютъ себя Капшатъ и прежде занимали всю страну отъ Дуная до Волги. Какъ ни должны были бороться монахи съ лишеніями, однако жь чувствовали себя здѣсь гораздо лучше, нежели въ округахъ, населенныхъ Татарами, по тому что лишь только добрались до Татарскаго стана, какъ окружены были людьми, столько же навязчивыми, какъ и любопытными, которые забирались даже въ телѣги къ нимъ и буйно требовали посмотрѣть находившіяся тамъ вещи. Но всего прискорбнѣе для благочестивыхъ людей было, легко извиняемое поведеніе ихъ Татарскаго толмача, который постоянно отказывался проповѣдывать своимъ землякамъ о Христіянской вѣрѣ и съ важностью просилъ не заставлять его болтать такія непонятныя слова. Въ концѣ Іюля они добрались до Танаиса (Дона), который показался для нихъ такой же ширины, какъ и Сена въ Парижѣ, Лѣвый берегъ покрытъ былъ краснымъ лѣсомъ, а на правомъ стоялъ шалашъ, гдѣ жили Русскіе, которые, по приказанію Батыя и за плату отъ него, должны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и путешественниковъ. Лѣтомъ Татары доходили берегомъ рѣки до этого мѣста, а въ Августѣ возвращались опять на югъ. Полоса на 10 дней пути между Танаисомъ и Этиліею (Волгою) очень понравилась посланникамъ: вездѣ по дорогѣ они видѣли много прекрасныхъ рѣкъ и густыхъ лѣсовъ, которые населялись только остатками Меркласовъ (Мордвиновъ) и Моксель (Моншау, отрасль Мордвиновъ),* по тому что вождей ихъ, съ большею частію ихъ самихъ, Татары принудили итти съ собою въ Германію, гдѣ они и нашли свою смерть. Тутъ не попадалось ни деревень, ни городовъ, по тому что этѣ племена, большею частію язычники, жили

* Не Моншау, а вѣроятно Мокша. Прим. Перев.

разсѣянно въ отдѣльныхъ хижинахъ, но имѣли великое богатство въ свиньяхъ, соколахъ, медѣ, воскѣ и драгоцѣнныхъ мѣхахъ, и по тому часто посѣщались торговыми людьми. Къ югу на высокихъ горахъ жили Цергисы (Черкесы) и Аланы или Акасы (Абхазы): они исповѣдывали Христіянскую Вѣру и вели войну съ Татарами.

Наконецъ, послѣ труднаго путешествія, въ продолженіи котораго они не заходили ни въ одинъ домъ, ни въ палатку, но должны были спать на землѣ подъ своими повозками, они прибыли въ станъ Сартака, разбитый на три дня пути по су сторону Волги, и тотчасъ доложили о себѣ придворному чиновнику, который долженъ былъ принимать иноземцевъ и назывался Янна. Сартакъ имѣлъ блестящій Дворъ: у него было шесть, а у его старшаго сына двѣ, или три, жены, и каждая имѣла большой домъ и почти 200 повозокъ. Когда посланники были представлены Принцу, и придворные спросили ихъ съ насмѣшкою, гдѣ подарки отъ нихъ Хану? они извинялись обѣтомъ убожества, котораго требуетъ ихъ Орденъ. Сартакъ очень хвалилъ ихъ совѣстливость, но тотчасъ же прибавилъ, что не имѣетъ надобности ни въ какихъ подаркахъ; напротивъ, онъ очень будетъ радъ снабжать своихъ гостей всѣмъ нужнымъ. Не смотря на этотъ благородный отзывъ, послы во всю свою бытность не получили ни разу съѣстныхъ припасовъ, хоть и съ покорностію исполняли всѣ прихоти Принца, и даже, по его желанію, явились къ нему въ полномъ священническомъ облаченіи, съ крестомъ, служебникомъ и кадиломъ и запѣли Церковную пѣснь; это, по видимому, принесло большое удовольствіе Хану и женѣ его, сидѣвшей возлѣ. Но послѣ, когда любопытство его было удовлетворено, онъ вѣжливымъ образомъ старался спровадить посланниковъ и замѣтилъ имъ, что дѣло, по которому они пришли, такъ важно, что онъ не можетъ принять на себя его рѣшеніе: пусть они обратятся къ отцу его, Хану Батыю. Но какъ мало думалъ Сартакъ принимать Христіянскую Вѣру, они могли уже заключить изъ того, что изъ убѣдительно предостерегали не называть Сартака Христіяниномъ, по тому что онъ не Христіянинъ, а Монголъ.

Такимъ образомъ монахи, прождавъ этого уклончиваго отвѣта четыре дня, опять отправились въ дорогу, и, послѣ 3-хъ-днев-

наго путешествія, добрались до Волги, которую нашли вчетверо шире Сены. Такъ какъ съ приближеніемъ зимы Батый пошелъ уже далѣе къ югу, то они сѣли на суда и вскорѣ прибыли въ Ханскій станъ, имѣвшій видъ обширнаго города и занимавшій 4 мили пространства. Такой городъ возникалъ очень быстро, потому что каждый снималъ съ своей телѣги палатку и ставилъ ее на приличномъ мѣстѣ. По срединѣ стоялъ главный шатеръ, прочія палатки помѣщались рядами кругомъ его, кромѣ только съ южной стороны, гдѣ были входы. На другой день послы позваны къ Батыю: они явились въ своей монашеской одеждѣ, босикомъ, съ непокрытыми головами; все собраніе долго осматривало ихъ съ головы до ногъ. Ханъ, здоровый мужчина, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, сидѣлъ возлѣ своей жены на возвышеніи, богато вызолоченномъ и похожемъ на постель. Тихо и важно посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, онъ велѣлъ имъ говорить. Потомъ они сѣли, по приказанію проводника, но прежде нежели высказали свою просьбу, помолились о душевномъ спасеніи Хана. Услыхавъ, что дѣло идетъ объ его обращеніи, онъ равнодушно улыбнулся, а бывшіе тутъ придворные подняли громкій, насмѣшливый хохотъ. Однако жь Рубруквисъ не смутился, подалъ письмо Короля Французскаго и отвѣтилъ на нѣсколько вопросовъ объ этомъ Государѣ, потомъ его съ товарищами угощали кумысомъ и отпустили не съ очень утѣшительнымъ отвѣтомъ, что только самъ Великій Ханъ, Мангу, можетъ рѣшить это дѣло, и что дорогу въ его пребываніе легко можно сдѣлать въ 4 мѣсяца.

Бѣдные монахи, которымъ давали такую скудную пищу, что они едва могли жить, первыя пять недѣль шли съ Батыемъ пѣшкомъ по теченію Волги; наконецъ снабдили ихъ кафтанами, панталонами и сапогами изъ овечьихъ кожъ, на которыхъ была еще шерсть, и 16-го Октября отправили съ проводниками дальше къ востоку. На этой трудной дорогѣ они перебрались черезъ большую рѣку (Ягакъ, Уралъ) и черезъ область Паскатировъ (Башкировъ), отъ которыхъ происходятъ Угры. Каждый день они должны были дѣлать порядочныя разстоянія и обыкновенно мѣняли лошадей два, или три, раза; только въ пустынныхъ странахъ, гдѣ не встрѣчалось многіе дни ни людей, ни жилья, ѣхали медленнѣе, чтобы поберечь лошадей.

Но всего хуже для монаховъ, не привыкшихъ къ безпрестанной верховой ѣздѣ, была злость Татарскихъ проводниковъ, которые садились на лучшихъ лошадей, а имъ оставляли такихъ, которыя едва тащились и надо было безпрестанно погонять ихъ ударами: нерѣдко случалось, что такая кляча падала, и тогда два посла, измученные, должны были тащиться на другой, такой же плохой, лошади, до ближайшаго населеннаго мѣста. При томъ имъ надо было переносить голодъ, холодъ и жажду, по утрамъ получали они только немного овсяной похлебки, а потомъ уже вечеромъ кусокъ баранины да нѣсколько мяснаго отвара, который подкрѣплялъ ихъ лучше всего. Однако жь мясо часто было полусырое, потому что не всегда находили довольно конскаго навоза для поддержанія огня столько времени, сколько было нужно. Въ послѣднее число Октября они перестали ѣхать къ востоку, а начали путь къ югу: на этой дорогѣ они 8 дней странствовали по горѣ, гдѣ видѣли много дикихъ ословъ, которыхъ Татары называли «коланъ», и такихъ проворныхъ, что, не смотря на всѣ усилія, нельзя было поймать ни одного. Къ горѣ прилегала хорошо обработанная равнина, и по ней добрались они до города Кенката (Ташкентъ, въ Туркестанѣ); начальникъ города тотчасъ вышелъ на встрѣчу ихъ проводнику съ пивомъ и кубками, чтобы такимъ предписаннымъ образомъ оказать должное уваженіе ему, какъ послу Батыя. Большая рѣка, вытекающая изъ горъ и раздѣленная на многіе каналы (Сыръ-Дарья), орошала всю страну и впадала въ озеро (Аральское). Тутъ они видѣли много винограда, пили также и вино; на другой день достигли хижины и освѣдомлялись тутъ о какихъ-то Нѣмцахъ, которые, какъ имъ сказывали на родинѣ, должны были поселиться на Таласѣ (вѣроятно, на соименной рѣкѣ, текущей въ Сыръ-Дарью), и услыхали, что Ханъ Мангу переселилъ ихъ въ Болакъ, восточнѣе лежащее мѣсто, чтобы добывать тамошнюю золотую руду и выдѣлывать оружіе. Послѣ они проѣзжали въ трехъ дняхъ пути отъ этого мѣста; но какъ оно отходило отъ дороги, которой должны были держаться проводники, то послы и не могли посѣтить своихъ земляковъ, какъ ни пріятно было бы для нихъ собрать отъ этихъ поселенцевъ поточнѣе свѣдѣніе о Татарахъ и обращеніи Великаго Хана въ Христіянскую Вѣру.

Изъ хижины они опять поѣхали прямо къ востоку, и вскорѣ достигли горной страны Кара-Катай (Малой Бухаріи), гдѣ переправлялись на судахъ черезъ большую рѣку. Въ равнинахъ этой страны жили прежде люди, называвшіеся Яманъ: они были приверженцы Несторіянской секты и имѣли верховнаго главу, который назывался Царемъ Іоанномъ: Несторіяне разсказывали про него много исторій, но изъ нихъ едва ли десятая часть согласна съ истиною, въ чемъ убѣдились монахи на мѣстѣ, хоть и они вездѣ находили слѣды Христіянства, и искаженіе, въ какомъ воображали видѣть Христіянскую Вѣру, обыкновенно приписывали Несторіянской сектѣ. Сходство многихъ обрядовъ Ламанства или Шаманскаго идолопоклонства съ богослуженіемъ нѣкоторыхъ Христіянскихъ сектъ, въ самомъ дѣлѣ такъ странно, что даже Ламанство, выродокъ Буддистской вѣры, послы сочли искаженною Христіянскою Вѣрою. Многозначащее сказаніе о Попѣ Иванѣ могло проистекать изъ этого же источника: а какъ страна, гдѣ онъ царствовалъ, потомъ была покорена Монголами и слѣды его исчезли, то и стали искать его во всей Средней Азіи, отъ Аральскаго озера до Китая.

Перебравшись совсѣмъ черезъ горный хребетъ (Белуттага), они прибыли на прекрасную равнину, прежде покрытую деревнями, но теперь обращенную Татарами въ пастбище, и помимо большаго озера (Палкати-Норъ), остававшагося влѣво отъ нихъ, они добрались потомъ до большаго торговаго города, Кайлака (вѣроятно, Гульдша-Хайнекъ на Или), гдѣ они 15 дней должны были поджидать Батыева писца, отправлявшагося ко Двору Мангу, по дѣламъ своего Хана. Монахи воспользовались временемъ своего пребыванія, чтобы осмотрѣть идольскіе храмы, которыхъ было въ городѣ три, и наблюдать вѣроисповѣдные обряды язычниковъ. Всѣ храмы лежали съ востока къ западу и по срединѣ сѣверной стороны имѣли похожую на хоры комнату, въ которой помѣщался длинный ящикъ или столъ, похожій на алтарь, а изъ за него выдавался главный идолъ, съ обращеннымъ къ югу лицомъ. Этотъ идолъ обыкновенно былъ большой и напоминалъ Св. Христофора: имъ сказывали, что и въ Катаѣ (Китаѣ) есть похожій на него, но такой высокій, что его можно видѣть на разстояніи двухъ дней пути. Кругомъ каждаго главнаго идола стоя-

ли другіе поменьше и позолоченные, а на самомъ ящикѣ свѣчи и жертвенные дары. Храмы имѣли особенные входы съ южной стороны, а колокола ихъ были такіе же большіе, какъ и въ Христіянскихъ церквахъ. Молящіеся стояли на колѣняхъ, повернувшись лицомъ на сѣверъ, сложивъ руки и опершись на нихъ лбами. Языческіе жрецы, бривше совсѣмъ бороды и одѣтые въ желтое платье, соблюдали обѣтъ цѣломудрія и жили по сту, или по двѣсти, въ одномъ монастырѣ. Когда посѣщали храмы, что бывало по нѣкоторымъ днямъ, они садились, съ непокрытыми головами на лавкахъ противъ идола и читали въ книгахъ, которыя клали иногда впереди себя, съ большимъ усердіемъ, но никогда громко. Вездѣ, гдѣ ни видали ихъ, они носили похожій на четки шнурокъ, съ одною или двумя сотнями шариковъ, и безпрестанно шептали слова: «У мам гактави»; по словамъ одного изъ нихъ, это значило то же, что: «Боже, ты это знаешь». Каждый храмъ стоялъ посреди краснваго, обнесеннаго заборомъ, двора съ большими воротами съ южной стороны, у воротъ обыкновенно сидѣли и разговаривали между собою жрецы; сверху воротъ возвышался надъ всѣми прочими домами высокій шестъ и составлялъ отличіе храма. Идолослуженіе у каждой секты и каждаго племени, которое совершаетъ его, различно; жрецы въ Кайлакѣ принадлежали къ сектѣ и народу Югуровъ, обитавшему въ ближайшихъ гористыхъ странахъ, отъ которыхъ происходятъ Турки. Почти всѣ Несторіяне знали языкъ этого народа; Монголы заимствовали отъ него свои буквы: этѣми буквами написано было и то письмо, которое отправилъ Манги съ посланниками къ Людовику IX-му; строки начинались сверху на лѣвой сторонѣ листа, шли внизъ и слѣдовали одна за другою слѣва вправо. Югурскіе жрецы носили на головѣ бумажныя шапки, похожія на тіару, плотно сидѣвшее на тѣлѣ платье и сверху его плащъ, укрѣпленный на лѣвомъ плечѣ и упадавшій на грудь и спину. Въ храмахъ у нихъ вездѣ были видны, висѣвшіе на стѣнахъ, листы бумаги, исписанные волшебными формулами (изреченіями). Сколько можно было заключить изъ ихъ словъ, они вѣруютъ, что Богъ единъ, что Онъ духъ, а не плоть, и никогда не принималъ человѣческаго образа; идолы, которыхъ они ставили въ храмахъ, были, по увѣренію ихъ, изображенія не божества, а значительныхъ людей, извѣстные, по приказанію ихъ родныхъ, въ память объ

нихъ. Къ сектѣ Югуровъ принадлежали всѣ Монголы, въ какой мѣрѣ они вѣровали въ единаго Бога; также чтили и своихъ покойниковъ въ изображеніяхъ, которыя выдѣлывали изъ войлока, украшали драгоцѣнными одеждами, ставили на телѣжкахъ, отдавали подъ сохраненіе жрецамъ, или предсказателямъ, и никто не могъ прикоснуться къ нимъ. Когда снимался станъ, этѣ жрецы открывали шествіе и назначали мѣсто, гдѣ разбить его опять, снимая прежде всѣхъ шатры свои съ телѣгъ. Въ первый день каждаго мѣсяца, почитавшійся праздничнымъ, этѣ изображенія ставились въ отведенномъ для того домѣ: Монголы ходили туда и чествовали ихъ поклоненіями.

На востокъ отъ Югуровъ слѣдовали Тангуты, очень храбрый народъ, который только послѣ долгаго сопротивленія и многихъ кровопролитныхъ сраженій склонился подъ Монгольское иго. Въ ихъ области видѣли чрезвычайно сильныхъ воловъ, съ хвостами, какъ у лошадей, и длинными волосами на спинѣ и животѣ; ноги у нихъ были толще, чѣмъ у другаго рогатаго скота, а рога тонкіе, кривые и такіе длинные и острые, что обыкновенно острея ихъ отрѣзывались. Этого вола Монголы употребляли для возки своихъ телѣгъ: у нихъ назывался онъ сарликъ, а въ Тибетѣ—якъ: это хрюкающій волъ (bos grumiens) новѣйшихъ естествоиспытателей, за Тангутомъ жили Тебеты (Тибетцы), имѣвшіе гнусный обычай пожирать своихъ умершихъ родителей: они вѣрили, что дѣлали честь имъ такою могилою въ своихъ желудкахъ Изъ череповъ ихъ выдѣлывали чаши и заботливо сохраняли ихъ въ знакъ нѣжнаго воспоминанія. Въ этой землѣ было много золота: стоило только взять на себя трудъ добывать его. Тебеты по большей части были безобразны, Тангуты большіе, чернобурые люди, а Югуры средняго роста, какъ Европейцы. Къ Тебетамъ примыкали Ланга, Золанга и Мукъ (въ восточной половинѣ Тибета). Пословъ этѣхъ неизвѣстныхъ въ подробности племенъ Рубруквисъ видѣлъ при дворѣ Мангу: это были небольшіе черносмуглые люди и везли съ собою больше десяти телѣгъ, изъ которыхъ каждая запряжена была шестью волами; ихъ одежда состояла изъ армяка съ рукавами, на головѣ носили четвероугольную, сверху остроконечную, соломенную шапку, блестѣвшую точно стекло въ большіе жары. Глава этого посоль-

ства все посматривалъ на дощечку изъ слоновой кости, которую держалъ въ рукѣ, во время разговора съ Великимъ Ханомъ, или съ другими людьми, точно бралъ оттуда каждое сказанное имъ слово. Самая крайняя на востокѣ земля, о которой слышалъ Рубруквисъ, называлась великій Катаи (Китай), и многія ея области еще не были покорены Монголами: тамъ долженъ находиться большой городъ съ серебряными стѣнами и золотыми укрѣпленіями. Послы этого народа, бывшіе въ станѣ Мангу, были крошечные люди съ маленькими глазами и говорили въ носъ; но Китайцы описывались народомъ, очень способнымъ и опытнымъ во всякихъ искуствахъ и рукодѣльяхъ. И у нихъ пріютились Несторіянцы и населяли 15 городовъ. Самый отдаленный изъ нихъ, по имени Сегинъ (Сиң-ган-фу, въ области Шензи), былъ пребываніемъ Епископа, который едва только однажды въ 50 лѣтъ объѣзжалъ округъ, и тогда посвящалъ въ Священники всѣхъ мужескаго пола дѣтей, хотя бы они были еще въ колыбели. Богослуженіе совершалось на Сирійскомъ языкѣ, но этѣ Священники разумѣли его также хорошо, какъ многіе западные монахи — Латинскій. Вообще они мало заботились о Вѣрѣ и богослужебныхъ обрядахъ, если они не приносили денегъ, но предавались ростовщичеству, самому любимому изъ занятію, или вину, до котораго были страстные охотники, и своею жизнію, во всѣхъ отношеніяхъ соблазнительною, не мало содѣйствовали къ тому, что Монголы мало по малу получили такое великое отвращеніе къ Христіянству.

30-го Ноября посланники оставили Кайлакъ, и послѣ трехдневнаго пути добрались до южнаго конца озера (Алактугалъ), которое показалось имъ бурнымъ, какъ море; по срединѣ его они замѣтили довольно большой островъ; вода озера была солоновата, однако жь годилась для питья. Между высокими, къ юговостоку идущими, горами они видѣли широкую долину, а посреди ихъ другое большое озеро (Кіургу), соединявшееся съ первымъ рѣкою, текущею въ долинѣ. Дулъ такой сильный вѣтеръ, что имъ надо было опасаться, чтобы не унесло ихъ въ озеро, отъ того и придпочли обойти его съ сѣвера, и прибыли въ страну гористую и покрытую снѣгомъ, гдѣ дороги становились все затруднительнѣе и не встрѣчалось ни одной живой души, кромѣ

Янисовъ (проводниковъ для путешественниковъ), разставленныхъ отъ одного дневнаго переѣзда до другаго. Самимъ Татарамъ было тамъ страшно, и они просили монаховъ употребить свои заклинанія для разогнанія злыхъ духовъ, которые сдѣсь часто уводили съ собою людей и животныхъ, у всадниковъ вырывали внутренности и потомъ сажали ихъ трупы на лошадей. Послѣ весьма усиленной 21 дневной ѣзды, прерванной только однажды короткимъ отдыхомъ во время ночи, по гористой странѣ (Алтю), они доѣхали, наконецъ, 27-го Декабря, до широкой равнины, походившей на море (въ Калкасъ-Монголіи), гдѣ находился Дворъ Великаго Хана. Проводнику ихъ тотчасъ же отвели прекрасное жилище, а имъ самимъ такую тѣсную хижину, что они едва могли умѣститься въ ней съ своей, не очень значительной, поклажей. Рисовое вино, которымъ угощали ихъ, показалось для нихъ такъ же вкуснымъ, какъ и Французское виноградное вино. Стояла чрезвычайно суровая стужа, однако жь у благочестивыхъ Францисканцевъ (босоногихъ) стало довольно благоразумія не прежде надѣть сапоги, пока не отморозили пальцевъ. Морозы, какъ они замѣтили въ долгую бытность ихъ въ этой странѣ, прекращались сдѣсь только въ Маѣ, а когда дулъ еще сѣверный вѣтеръ, были такіе пронзительные, что мерзло много скота. Зимою падало довольно снѣга, и погода стояла тихая до Апрѣля, а около этого времени поднимался вѣтеръ и приносилъ самую опасную стужу.

Чиновники помучили сначала посланниковъ безконечными распросами о цѣли ихъ путешествія, а потомъ, въ первый день 1254 года, позвали ихъ ко Двору. Напередъ ихъ тщательно обыскали и предостерегли, чтобы они не дотрогивались до порога; потомъ, распѣвая церковную пѣснь, монахи вошли въ палатку, обитую золотомъ, гдѣ отвели имъ мѣсто на скамьѣ противъ придворныхъ госпожъ. По срединѣ палатки горѣлъ огонь, поддерживаемый терновникомъ, большими корнями полыни и воловьимъ пометомъ. Ханъ въ шубѣ сидѣлъ, рядомъ съ женою, на подножіи, похожемъ на кровать, и по видимому былъ средняго роста и 45-ти лѣтъ отъ роду. Онъ спросилъ пословъ, какой они лучше любятъ напитокъ? Когда же они предоставили это на выборъ самого Хана, онъ велѣлъ имъ подать «серафины,» сладкаго и

очень вкуснаго сока (рисоваго вина). Во все время, пока они пили, Ханъ игралъ съ своимъ соколомъ, сидѣвшимъ у него на рукахъ; потомъ, посмотрѣвъ на нихъ долго и внимательно, велѣлъ имъ стать передъ собой на колѣни и сказать свою просьбу. Теперь Рубруквисъ замѣтилъ ему, что они собственно посланы къ Сартаку, будто бы принявшему, по слухамъ, Христіянскую Вѣру, и по тому явились къ нему безъ подарковъ; онъ прибавилъ еще просьбу, чтобы имъ дозволено было пожить въ его землѣ, покамѣсть лучшая погода не дозволитъ имъ возвратиться домой. «Какъ солнце, гордо отвѣчалъ на это Мангу, посылаетъ свои лучи во всѣ стороны, такъ и власть наша съ Батыемъ простирается по всѣмъ странамъ міра, и намъ не надобно ни вашего золота, ни серебра.» Послы не могли понять, что говорилъ онъ дальше, по тому что толмачъ, дѣлавшій слишкомъ много чести кумысу, который подавали ему, не въ состояніи былъ говорить, да и самъ Ханъ выражался такъ несвязно, что показался имъ тоже нетрезвымъ. Окончивъ свою рѣчь, онъ далъ имъ знакъ удалиться, и велѣлъ потомъ извѣстить ихъ, что изъ состраданія позволяетъ имъ остаться на два мѣсяца при его Дворѣ и велитъ ихъ снабжать всѣмъ нужнымъ.

Во все это время монахи съ большимъ соблазномъ наблюдали безстыдные обманы Несторіянскихъ Священниковъ; благодаря росказнямъ этѣхъ послѣднихъ, и дошло до Европы сказаніе объ обращеніи въ Христіянство Монгольскихъ вождей; вскорѣ убѣдились, что Великій Ханъ ни о чемъ не думалъ меньше, какъ о принятіи Христіянской Вѣры, подобно прочимъ Татарамъ, пристрастился къ самому грубому суевѣрію и посѣщалъ храмъ, въ которомъ садился на золотомъ ложѣ, а жрецы съ пѣніемъ окуривали его. Въ продолженіе молитвы, жрецовъ и богомольцевъ такъ усердно угощали кумысомъ, что они выходили изъ храма пьяные. Когда Ханъ принимался за какое ни будь дѣло, важное или неважное, онъ старался напередъ увѣриться въ счастливомъ, или несчастномъ, исходѣ его слѣдующимъ образомъ. Размышляя объ этомъ дѣлѣ, онъ держалъ въ рукахъ три кости изъ передняго воловьяго колѣна, и потомъ отдавалъ ихъ служителю, который относилъ этѣ кости въ смежную съ Дворцомъ комнату и клалъ въ огонь. Когда онѣ обгарали дочерна, Ханъ приказывалъ

приносить ихъ къ себѣ и разсматривалъ очень внимательно: если онѣ трескались вдоль, онъ считалъ это знакомъ, что долженъ исполнить свое намѣреніе; если же на нихъ были поперечныя трещины, или отскочили отъ нихъ куски, это считалось для него плохимъ предвѣстіемъ, и онъ отмѣнялъ предпріятіе. Когда около этого времени жена Хана впала въ опасную болѣзнь и обращеніе къ воловьимъ костямъ не принесло ни какого дѣйствительнаго средства, прибѣгнули къ одному Несторіянскому монаху, который излѣчилъ Ханшу заговорами и ревенемъ. Извѣстіе объ излѣченіи Монгольской Княжны само по себѣ не важно: оно имѣетъ вѣсъ въ такой только мѣрѣ, что при этомъ случаѣ называется лѣкарствомъ ревенный корень, въ послѣдствіи занявшій столь важное мѣсто во врачебной наукѣ.

Въ бытность свою при Дворѣ Рубруквисъ пользовался всѣми случаями для собиранія свѣдѣній объ окрестныхъ странахъ, и сообщаетъ намъ ихъ итоги. Замѣчаніе, предпосланное имъ, вполнѣ правильно, что Азія съ восточной стороны становится выше, и что рѣки вообще текли съ востока на западъ, хотя теченіе ихъ направляется больше, или меньше, къ сѣверу, либо югу. Отъ того мѣста, гдѣ находился Дворъ, до Катая (Китая) считалось 20 дней пути и десять до Онанъ-Керуле (между рѣками Онономъ и Керлономъ), родины Монголовъ и родовой земли Чингисъ-Хана, гдѣ еще нѣкоторыя плоскія возвышенности такъ священны для Монголовъ, что ни одинъ охотникъ не смѣетъ тамъ охотиться, хотя онѣ и кишатъ оленями, дикими козами и кабанами.

Сдѣсь не находилось ни одного города, а только шатры племени, которое называлось Сумонголы или Водяные Монголы, и кормилось охотою и рыболовствомъ, но не занималось скотоводствомъ, какъ прочіе Монголы.

Дальше и сѣвернѣе слѣдовали очень бѣдные народы, къ которымъ принадлежали Киркисы (Киргизы), бродившіе съ своими стадами, и Оранген (Манджуры), бѣгавшіе на гладкихъ костяхъ, которыя они привязывали къ ногамъ себѣ, такъ быстро по снѣгу и льду, что догоняли дикихъ звѣрей и птицъ. Жители Катая, вмѣсто обыкновенной монеты, употребляли листы бумаги, вели-

чиною съ руку, сдѣланные изъ хлопчатой бумаги и исписанные. Жители писали кистью и связывали многія буквы въ одну фигуру, сама собою составлявшую цѣлое слово; въ Тибетѣ писали такъ же, какъ и въ Европѣ: буквы походили на Римскія; въ Тангутѣ строки начинали снизу, такъ что послѣдняя строка стояла вверху, и писали отъ лѣвой руки къ правой, какъ пишутъ Арабы.

Около половины поста, Мангу съ своимъ Дворомъ дѣлалъ путешествіе въ Каракорумъ, столицу Великихъ Хановъ; туда сопровождали его и послы, но едва не погибли отъ жестокой стужи въ дорогѣ, въ которой провели 18 дней. Каракорумъ, показавшійся имъ почти такой же величины, какъ Сенъ-Дени близъ Парижа, имѣлъ двѣ улицы: одну для Магометанъ, гдѣ торговали, и одну для Китайцевъ, которые всѣ были художники и ремесленники. Послы видѣли на этѣхъ улицахъ большія зданія, въ которыхъ жили тайные Секретари Хана, также храмы для наибольшей части Вѣроисповѣданій, по тому что всѣ они сдѣсь терпимы. Городъ обнесенъ былъ глинаною стѣною, улицы оканчивались четырьмя воротами, которые служили вмѣстѣ и рынками. У восточныхъ продавали просо и другой хлѣбъ, который привозится сюда, разумѣется, очень рѣдко и скупо, у западныхъ—овецъ и козъ, у сѣверныхъ—лошадей, у южныхъ—воловъ и телѣги. Каракорумъ былъ сборнымъ мѣстомъ многочисленныхъ торговыхъ людей, по тому что Дворъ всегда имѣлъ пребываніе близко отсюда, отъ чего же находилось сдѣсь и много посланниковъ. Тутъ встрѣчали Китайцевъ, Тибетцевъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Арабовъ, Французовъ и Нѣмцевъ, которыхъ страсть къ прибытку, или случай, привели въ столицу Великаго Хана. Особливо пріятны были Монголамъ Еврейскіе художники и ремесленники: они тщательно выбирали такихъ между военноплѣнными и разселяли по своей землѣ, чтобы употреблять ихъ для приготовленія оружія и утварей. Такимъ образомъ уже рано распространились Европейскія мастерства во внутренней Азіи; такъ же легко объяснить и то оригинальное явленіе, что во многихъ могильныхъ курганахъ Сѣверной Азіи еще нынѣ находятъ такое множество металлическихъ идоловъ и сосудовъ, которые неоспоримо носятъ на себѣ отпечатокъ Европейской работы.

Близъ города Каракорума, среди широкаго пространства, обнесеннаго кирпичною стѣною, возвышался красивый дворецъ, гдѣ Ханъ обыкновенно каждый годъ праздновалъ два большіе праздника: одинъ зимою, когда пріѣзжалъ въ свое пребываніе, другой—лѣтомъ, когда опять возвращался на югъ. На второмъ праздникѣ, который отправлялся самымъ торжественнымъ образомъ, должны были находиться всѣ власти и благородные, жившіе не дальше двухъ мѣсяцевъ отъ Двора: при этомъ случаѣ, служившемъ Великому Хану поводомъ выставлять на показъ всю свою пышность и доказывать свою щедрость, онъ дарилъ ихъ дорогимъ платьемъ и другими вещами. Дворецъ, тянувшійся съ сѣвера къ югу и весьма походившій на церковь, состялъ изъ широкаго пространства въ срединѣ и изъ двухъ боковыхъ сторонъ, отдѣленныхъ отъ средины колоннадою: на южномъ концѣ находились трои ворота. Противъ нихъ, въ сѣверномъ углубленіи, сидѣлъ Великій Ханъ на помостѣ, такомъ высокомъ, что Хану можно было съ него обозрѣвать всѣ пространство. Къ нему вели двѣ лѣстницы: по одной ходили кравчіе съ полными кубками, а по другой возвращались съ пустыми. Направо сидѣли мужчины, налѣво женщины, а по обѣимъ сторонамъ, близко колоннъ, возвышалось одна надъ другою, много ступеней, на которыхъ справа занимали мѣста сынъ и братъ Хана, а слѣва ихъ жены и дочери; только одна изъ женъ Хана сидѣла съ нимъ рядомъ, немного пониже его. Пространство между обѣими колоннадами, между воротами и помостомъ, оставлено пустымъ для придворныхъ чиновниковъ, подававшихъ кушанья, и для пословъ, приносившихъ подарки. Цѣлое составляло величественную картину, и Ханъ походилъ на бога, посреди его поклонниковъ.

У среднихъ воротъ стояло большое серебряное дерево, которое выдумалъ и сдѣлалъ Вильгельмъ Бушеръ, искусный мастеръ серебряныхъ дѣлъ: родомъ онъ былъ изъ Лотарингіи, и въ Угріи попопался въ руки Монголамъ. У подножія этого дерева, назначеннаго для провода во дворецъ напитковъ, лежали 4 льва; у каждаго изъ нихъ изъ пасти выставлялось по трубкѣ: одна была для вина, другая для кумыса, третья для баля (родъ меда) и четвертая для тарасины (рисоваго вина, арака). На каждомъ львѣ лежала золотая змѣя, обвивавшаяся хвостомъ около

дерева. На верхушкѣ его стоялъ ангелъ съ трубою въ рукѣ. Когда хотѣли во дворцѣ пить, начальникъ виннаго погреба кричалъ ангелу, и этотъ, посредствомъ устроеннаго подъ землею механизма, подносилъ трубу ко рту, а спрятанный внутри человѣкъ трубилъ въ нее. По ея пронзительному звуку, служители, бывшіе въ комнатѣ, до которой доставали древесныя вѣтви, наливали разные напитки въ трубки, проведенныя между вѣтвями: черезъ львиныя пасти напитки стекали въ тазы, а оттуда и черпали ихъ кравчіе. За это произведеніе Бушеръ получилъ значительную награду и былъ въ большой силѣ у Хана, да и въ Каракорумѣ, гдѣ проживалъ.

Въ бытность свою при Ханскомъ Дворѣ и въ Каракорумѣ Рубруквисъ имѣлъ всего лучше случай наблюдать образъ жизни и нравы Монголовъ; мы помѣщаемъ сдѣсь его замѣчанія, на сколько дополняютъ и объясняютъ они тѣ извѣстія Плано Карпини, которыя мы уже сообщили. У Татаръ или Монголовъ, говоритъ Рубруквисъ, нѣтъ постоянныхъ жилищъ: они ведутъ бродячую жизнь въ своей землѣ, которая простирается отъ Дуная до восхожденія солнца, однако жь всякому вождю, смотря по большему, или меньшему, числу его людей, отведены пространства, на которыхъ онъ долженъ пасти свой скотъ въ разное время года и которыхъ границы не смѣетъ переходить. Зимою ходятъ они на югъ, въ края потеплѣе, а лѣтомъ на сѣверъ и на сухія пастбища, по тому что тамошній снѣгъ замѣняетъ для нихъ воду. Вездѣ, куда ни ходятъ, они возятъ съ собою на телѣгахъ палатки, въ которыхъ спятъ. Этѣ палатки состоятъ изъ круглаго ивоваго кузова, на верху остроконечнаго и открытаго для пропусканія дыма: этотъ кузовъ покрывается бѣлымъ, часто и чернымъ, войлокомъ, расписаннымъ и украшеннымъ разными фигурами; въ кузовѣ есть и двери, также красиво раскрашенныя. Часто этѣ хижины такъ велики и широки, что ихъ очень трудно возить: Рубруквисъ видалъ такія большія, что ихъ съ трудомъ тащатъ двадцать два вола. Всѣми, сколько бы ихъ ни было запряжено, правитъ одинъ возница, сидящій въ дверяхъ палатки. Изъ ивовыхъ прутьевъ плетутъ также большіе, сверху круглые, ящики, обитые чернымъ войлокомъ и съ одного конца снабженные дверцей: въ нихъ хранятъ они все свое имущество. Этѣ

ящики не рѣдко также раскрашены пестрыми красками, или убраны птичьими перьями, и всѣ вымазаны саломъ, или овечьимъ молокомъ, чтобы не проходила сырость. Они крѣпко привязываются къ особеннымъ телѣжкамъ и никогда не снимаются съ нихъ. Когда выберутъ мѣсто для стана, палатки для жилья снимаются съ телѣги, а телѣжки съ ящиками заѣзжаютъ по обѣ стороны ея, такъ что она точно между двумя стѣнами, по тому что такихъ телѣжекъ очень много: у богатаго Монгола ихъ до двухъ сотъ; его жены правятъ этѣми телѣжками и сохраняютъ ихъ.

Когда палатка для жилья поставлена на землю такъ, что двери приходятся къ югу, на сѣверной сторонѣ ея ставятъ кровать хозяина, оттуда ему видны всѣ домашніе, изъ которыхъ женщины живутъ на восточной, мущины на западной сторонѣ. Въ головахъ у владѣльца палатки ставятъ войлочную куклу, которую зовутъ братомъ хозяина, а въ головахъ его первой жены— другую, называемую братомъ хозяйки: между обѣими, не много повыше ихъ, маленькая, тощая кукла, представляющая духа-покровителя дома. Внизу у постели хозяйки стоитъ на возвышеніи чучела козла, набитая шерстью, или другимъ веществомъ, а возлѣ нея куколка, надзирающая за женщинами и служанками. У дверей на женскую половину видна кукла съ коровьимъ вымемъ: она назначена для женщинъ, доящихъ коровъ, а у дверей на мужскую половину — другая, съ кобыльимъ вымемъ, для мущинъ, доящихъ кобылъ.

Когда Татары сойдутся попить, они сперва выливаютъ нѣсколько напитка передъ куклой въ головахъ хозяина, а потомъ поочередно передъ прочими куклами; потомъ выходитъ передъ палатку служитель съ полнымъ кубкомъ, и три раза ставъ на колѣни, выплескиваетъ изъ него три раза къ югу, въ честь огня, три раза къ западу, въ честь воды, и три раза къ сѣверу, въ честь умершихъ. Только послѣ добросовѣстнаго совершенія этой жертвы подаютъ на тарелкѣ кубки хозяину и хозяйкѣ, сидящей возлѣ него на постелѣ: еще не поднесши кубка ко рту, хозяинъ отливаетъ немного напитка на землю, а если пьетъ на конѣ, на гриву ему.

Зимою они приготовляютъ хорошій и чистый, какъ вино, напитокъ изъ риса, проса и меда: виноградное вино пьютъ рѣдко,

по тому что оно привозится къ нимъ только изрѣдка изъ очень далекихъ краевъ. Лѣтомъ не надо имъ ни какого другаго напитка, кромѣ кумыса, который приготовляется слѣдующимъ образомъ. Къ веревкѣ, протянутой между двумя деревянными гвоздями, привязываютъ двухъ жеребятъ; кобылы, бродящія кругомъ, подходятъ къ нимъ и даются доить; молоко, которое пока еще свѣжо, ни мало не уступаетъ въ сладковатости коровьему, сливаютъ въ мѣхъ, или сосудъ, и сбиваютъ полѣномъ, съ вырѣзанною внизу шишкою, величиною съ человѣческую голову, до тѣхъ поръ, пока оно запѣнится и забродитъ, какъ молодое вино, и станетъ появляться масло. Тогда напитокъ получаетъ пріятную, раздражающую остроту и щиплетъ языкъ, точно полевая рѣпа, а послѣ питья оставляетъ на немъ вкусъ миндальнаго молока. Онъ въ одну минуту располагаетъ къ веселости, но и быстро опьяняетъ съ непривычки. Еще вкуснѣе кара кумысъ (черный кумысъ), но его пьютъ одни богатые и знатные люди. Для приготовленія этого кумыса бьютъ молоко до тѣхъ поръ только, пока части его, погрубѣе, осядутъ на дно, и болѣе нѣжныя всплывутъ наверхъ. Напитокъ, состоящій изъ нѣжныхъ частей, похожій на бѣлое вино, чрезвычайно пріятенъ и оказываетъ очень благотворное дѣйствіе на тѣло. Осадку получаютъ служители и потомъ спятъ очень крѣпко. У Батыя кругомъ его стана, на разстояніи дневнаго пути, было до 30-ти доенъ: каждая ежедневно должна была давать молоко отъ сотни кобылъ, приготовленное такимъ же образомъ. Въ кумысѣ не можетъ быть недостатка ни у одного Монгола: готовый во всякое время, этотъ напитокъ стоитъ у него въ жилищѣ на столѣ, возлѣ двери. На праздничныхъ попойкахъ у этого стола сидитъ музыкантъ съ особеннымъ Татарскимъ инструментомъ, неизвѣстнымъ въ Европѣ. Когда хозяинъ поднесетъ кубокъ ко рту, служитель громко кричитъ: «Га!» и между тѣмъ, какъ музыкантъ играетъ, всѣ хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ, мущины передъ хозяиномъ, а женщины передъ хозяйкой. Когда хозяинъ выпьетъ кубокъ, служитель повторяетъ тотъ же крикъ, музыка умолкаетъ, всѣ, мущины и женщины, примутся пить, и кубки ходятъ кругомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не опьянѣютъ. Когда хотятъ выпить за чье ни будь здоровье, подбѣгаютъ къ тому по трое съ пѣніемъ и пляской; середній держитъ въ рукѣ полный кубокъ и подаетъ ему, но только что этотъ про-

тянетъ руку къ кубку, смѣясь надъ нимъ, они отпрыгиваютъ назадъ. Подразнивъ его такъ три, или четыре, раза и пробудивъ въ немъ желаніе выпить, они подаютъ ему кубокъ, поютъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ ногами, до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ до дна. Если же тотъ, кому подносятъ, не хочетъ пить, они берутъ его за уши и дерутъ до тѣхъ поръ, пока онъ не разинетъ рта и не проглотитъ поданнаго питья.

Монголы ѣдятъ, не разбирая, всякое мясо, кромѣ мышинаго, даже и такихъ животныхъ, которые пали отъ болѣзни, что бываетъ нерѣдко при такомъ значительномъ количествѣ скота. Впрочемъ, пока лѣтомъ можно имѣть кумысъ, они не заботятся ни о какой другой пищѣ. Если падетъ волъ, или лошадь, они рѣжутъ ихъ мясо на тонкіе ремни, сушатъ ихъ на вѣтрѣ и солнцѣ, не посоливъ сначала, и сберегаютъ на зиму. Изъ лошадиныхъ внутренностей дѣлаютъ колбасы, которыя лучше свиныхъ, и ѣдятъ ихъ сырыя. Изъ воловьихъ шкуръ, которыя сушатъ въ дыму, они дѣлаютъ большіе мѣха, а изъ задней части лошадиныхъ — превосходные сапоги. Мясомъ одного барана кормятся отъ 50 и до 100 человѣкъ: рѣжутъ его на малые куски, мѣшаютъ ихъ въ большомъ сосудѣ съ соленою водой, и потомъ, остреемъ ножа, или вилкою, подаютъ каждому изъ окружающихъ, смотря по числу ихъ, одинъ или два куска. Но сначала мясо подается хозяину, и онъ беретъ, сколько и что ему угодно; когда же онъ самъ подастъ кому ни будь кусокъ изъ особеннаго расположенія, этотъ долженъ съѣсть его одинъ и не можетъ удѣлять изъ него другому. Если онъ не можетъ съѣсть всего, то отдаетъ служителю, чтобы онъ сохранилъ и отнесъ этотъ кусокъ домой, а если при немъ нѣтъ слуги, прячетъ кусокъ въ свой саптаргатъ или сумку, которую носитъ всегда съ собою каждый Монголъ и кладетъ въ нее кости, чтобы послѣ оглодать ихъ до чиста на досугѣ. Коровье молоко Монголы варятъ до тѣхъ поръ, пока оно не обратится въ масло, и сохраняютъ въ воловьихъ мѣхахъ: въ нихъ оно держится долго, хоть и не посолено, и это надо приписать тому, что долго варилось. Оставшейся сывороткѣ они даютъ киснуть, сколько можно, потомъ варятъ его еще разъ и сушатъ эту массу на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока она не получитъ вида желѣзныхъ выгарковъ. Зимою, когда бываетъ недостатокъ въ свѣжемъ

молокѣ, они разводятъ въ горячей водѣ это молоко, сберегаемое въ мѣшкахъ и называемое у нихъ гріутъ, и мѣшаютъ его до тѣхъ поръ, пока оно не разойдется совсѣмъ. Такой отваръ очень кисель, однако жь служитъ для нихъ вмѣсто обыкновеннаго питья, по тому что они никогда не утоляютъ жажды чистой водой.

У вождей есть запасные магазины въ южныхъ частяхъ страны: зимой они получаютъ оттуда просо и муку; не такъ богатые люди вымѣниваютъ этѣ припасы на барановъ и кожи; рабы должны довольствоваться тою водою съ сывороткой, о которой мы говорили. Изъ животныхъ, служащихъ пищею, кромѣ рогатаго скота, лошадей и овецъ, главное мѣсто занимаютъ особливо кролики съ длинными хвостами, на концѣ которыхъ клочки черныхъ, или бѣлыхъ, волосъ, зайцы, газели, дикіе ослы и сурки, называемые у нихъ согуръ; этѣ послѣдніе живутъ вмѣстѣ по 20, или 30, въ одной норѣ и 6-ть мѣсяцевъ спятъ. Рубруквисъ видѣлъ также одно животное, которое звали артака, совсѣмъ похожее видомъ на барана, съ загнутыми рогами, но такими толстыми и тяжелыми, что пару такихъ роговъ едва можно поднять одной рукой: Монголы дѣлаютъ изъ нихъ кубки. Это животное, безъ сомнѣнія, Азіятская овца, называется также аргали (ovis ammo).

Мѣха этѣхъ звѣрей служатъ зимнею одеждою для людей побѣднѣе, богатые кутаются въ дорогіе мѣха, получаемые изъ Россіи и другихъ сѣверныхъ странъ. У зимнихъ кафтановъ погрубѣе, которые должны защищать отъ вѣтра и снѣга, мѣховая сторона обращена наружу, а у другихъ потонѣе, крытыхъ бархатомъ, или другою нѣжною матеріею, внутрь. Лѣтомъ богатые носятъ платье изъ золотыхъ и шелковыхъ тканей, приходящихъ изъ Китая, а бѣднѣйшіе изъ тонкой хлопчатой бумаги. Изъ грубой шерсти они дѣлаютъ войлоки, обиваютъ ими свои дома и ящики. Изъ двухъ третей шерсти и одной трети конскаго волоса они вьютъ всѣ свои канаты и веревки, которые очень крѣпки. Мужчины выбриваютъ себѣ на верхушкѣ головы четвероугольникъ и съ переднихъ угловъ его — полосу до самыхъ висковъ, такъ что только на лбу остается клокъ волосъ, достающій до рѣсницъ; назади отращиваютъ волосы и заплетаютъ ихъ въ косы, которыя закладываютъ за уши. На лицѣ не терпятъ

волосъ и тщательно брѣютъ щеки, подбородокъ и шею. Платье дѣвушекъ отличается отъ мужскаго только тѣмъ, что оно немного длиннѣе: на другой день свадьбы женщина брѣетъ себѣ волосы на головѣ съ макушки до лба и надѣваетъ широкое платье, похожее на одежду монахинь: спереди оно открыто и завязывается на лѣвой сторонѣ. Женщины носятъ также головной уборъ, называемый «ботта» и сдѣланный изъ нѣжной березовой коры и другихъ гибкихъ веществъ. Онъ походитъ на карнизъ у колонны, внизу круглый и почти такой толщины, что можно схватить его обѣими руками, вышиною въ аршинъ и больше, сверху четвероугольный. Этотъ батта весь обвивается дорогою шелковою тканью, а наверху украшается гибкою тростью, длиною въ аршинъ, или перьями, а по бокамъ драгоцѣнными каменьями. Волосы, заплетенные узлами, совсѣмъ спрятаны подъ шляпой, которая придерживается лентою, подвязанною подъ подбородкомъ. Монгольскія женщины чрезвычайно тучны, съ маленькими тупыми носами, которые еще больше безобразятъ ихъ лица, намазанныя масломъ, а у Монголовъ считаются за большую красоту. Обязанности Монгольскихъ женщинъ не маловажны: они возятъ телѣгѣ, ставятъ на нихъ и снимаютъ палатки, доятъ коровъ, дѣлаютъ масло и гріутъ, приготовляютъ шерсть, шьютъ, дѣлаютъ сапоги, чулки и платья. Шьютъ онѣ звѣриными жилами: ращипываютъ ихъ на тонкія нити, а этѣ опять свиваютъ въ одну крѣпкую нитку. Мущины работаютъ луки и стрѣлы, сѣдла, стремена и узды, дѣлаютъ палатки и телѣги, пасутъ лошадей и доятъ кобылъ, толкутъ кумысъ, дѣлаютъ мѣха, въ которыхъ онъ сберегается, пасутъ и навьючиваютъ верблюдовъ. Овецъ и козъ пасутъ попеременно мущины и женщины. Кожи дубятъ кислымъ козьимъ молокомъ съ солью.

Монголы мало заботятся о чистотѣ: они никогда не ополаскиваютъ ни блюдъ, ни кубковъ; деревянныя блюда, на которыхъ подается мясо, они хоть и моютъ мяснымъ отваромъ, однако жь опять сливаютъ его въ котелъ съ похлебкой. Когда хотятъ умывать лицо и руки, набираютъ полный ротъ воды, плюютъ ее на руки и моютъ такъ ихъ и все тѣло. Платьевъ они не моютъ, по тому повѣрью, что Богъ гнѣвается на это и посылаетъ бурю, когда вывѣшиваютъ одежду для сушки. Увидавъ, что кто ни будь

моетъ платье, они бросаются и отнимаютъ его, по тому что выше всякаго понятія боятся грома и молніи. Когда начнетъ собираться гроза, они выгоняютъ изъ своихъ жилищъ всѣхъ чужеземцевъ и забиваются въ войлоки, гдѣ и лежатъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ гроза.

Каждый Монголъ беретъ столько женъ, сколько ему угодно, однако жь всѣхъ долженъ покупать у ихъ родителей, или родныхъ, отъ того-то и встрѣчается у нихъ много старыхъ дѣвъ, по тому что не всегда же можетъ найтись покупатель. Когда сватъ покончитъ съ отцомъ торговую сдѣлку, этотъ готовитъ пиръ, а дѣвушка уходитъ къ роднымъ и скрывается у нихъ. Когда явится женихъ, отецъ говоритъ ему: «Моя дочка — твоя: бери ее, гдѣ ни найдешь!» Счастливецъ тотчасъ же отправляется въ дорогу съ своими друзьями, отыскиваетъ невѣсту и будьто силою уводитъ ее домой.

При заключеніи браковъ, или другихъ сдѣлокъ, рѣдко происходятъ ссоры. Когда же это случится, соблюдается строгая, однако жь, безпристрастная справедливость. Если двое поссорятся между собою, никто третій не можетъ вмѣшиваться въ ссору, даже отецъ не смѣетъ помогать сыну. Уступившій можетъ подать свою жалобу на рѣшеніе Государя, или вождя, другой уже не смѣетъ сдѣлать ему за то никакаго зла, но въ ту же минуту долженъ ити за нимъ къ приглашеннымъ судьямъ. Убійство, важное воровство и колдовство наказываются смертію, но преступникъ долженъ быть пойманъ на дѣлѣ, или сознаться въ немъ. Впрочемъ, когда подозрѣніе подтверждено обстоятельствами, или свидѣтелями, стараются вынудить сознаніе пыткою. Менѣе важныя вины наказываются палочными ударами: число ихъ не рѣдко увеличиваютъ до ста, и послѣ каждаго удара берутъ другую палку. Однако, большія преступленія случаются очень рѣдко и по тому смертная казнь совершается не часто: всѣ Монголы, не убитые на полѣ сраженія, умираютъ своею смертію, съ очень немногими исключеніями.

Когда Монголъ сдѣлается такъ болѣнъ, что долженъ лежать въ постелѣ, онъ велитъ ставить на своемъ жилищѣ знакъ, чтобы никто не входилъ туда; по тому что больнаго ни видитъ, ни навѣщаетъ никто, кромѣ его прислуги; если же больной изъ знат-

ныхъ, то на дальнемъ разстояніи отъ дома, гдѣ онъ лежитъ, ставится караулъ, который отсылаетъ назадъ всякаго, подходящаго очень близко, по тому что боятся, чтобы съ посѣтителями не прокрались къ больному злые духи, или вѣтры. Когда умретъ кто ни будь, Татары поднимаютъ страшный вой; ближніе родные горюютъ цѣлый мѣсяцъ, и на все это время освобождаются отъ всякихъ податей. Кто былъ при кончинѣ взрослаго, тотъ цѣлый годъ не можетъ показываться при Дворѣ Великаго Хана; если же умершій былъ еще ребенокъ, доступъ ко Двору разрѣшается черезъ мѣсяцъ. Возлѣ каждаго гроба ставятъ палатку, а на мѣстахъ погребенія своихъ вождей большіе домы, гдѣ живутъ люди, стерегущіе гробы. Если умершій изъ Чингисъ-Ханова рода, мѣсто его погребенія должно оставаться въ неизвѣстности. Куманы сметываютъ надъ умершимъ курганъ, и на вершинѣ его ставятъ статую, которая обращена къ востоку и въ одной рукѣ держитъ у живота кубокъ. Для знатныхъ они строятъ пирамиды, или лучше, домикъ съ остроконечною верхушкою, часто также высокія кирпичныя башни. Въ восточныхъ странахъ Монгольской земли Рубруквисъ замѣтилъ особенныя могилы большія, отчасти четвероугольныя, отчасти круглыя мѣста, выложенныя камнемъ, съ четырьмя высокими камнями по четыремъ странамъ свѣта. У могилы одного недавняго покойника онъ видѣлъ 16-ть лошадиныхъ шкуръ, развѣшанныхъ между высокими шестами, по четыре на каждой сторонѣ, а въ пространствѣ, которое онѣ составляли, кумысъ и мясо для умершаго, не смотря на то, что онъ, говорятъ, былъ крещеный.

Съ явнымъ отвращеніемъ Рубриквисъ говоритъ о Монгольскихъ жрецахъ, осмѣявшихъ этого монаха во время его опытовъ обращенія и проповѣданія Христіянской Вѣры: онъ называетъ ихъ лжецами, колдунами и злыми, мстительными обманщиками, но сознается, что они пользовались такимъ же вліяніемъ, какъ и Христіянское духовенство. Этѣ жрецы, говоритъ онъ, очень многочисленны и имѣютъ начальника, который всегда разбиваетъ свою палатку на разстояніи брошеннаго камня отъ Дворца Великаго Хана и смотритъ за телѣгами, на которыхъ находятся идолы. Всѣ жрецы живутъ въ отведенныхъ для нихъ мѣстахъ стана, тутъ же и даютъ совѣты людямъ, которые вѣрятъ ихъ обманамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, а особливо главный жрецъ, очень свѣдущи въ звѣздочетствѣ и предсказываютъ солнечныя и лунныя затмѣнія. Когда начинаются этѣ явленія, они бьютъ въ барабаны и литавры и сопровождаютъ этотъ шумъ страшнымъ крикомъ. Эта усильная работа всегда завершается большимъ пиромъ, на которомъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ, по тому что народъ съ готовностью доставляетъ въ изобилiи кушанья и напитки. Они назначаютъ также, какiе дни счастливые, или несчастные, для всякаго дѣла; не спросивъ ихъ напередъ, не собираютъ войска, не ходятъ на войну. Жилище и утвари покойниковъ, также всѣ вещи, приносимыя ко Дворцу, они очищаютъ описаннымъ выше образомъ между двумя огнями: все, упавшее между этѣми огнями на землю во время очищенiя, принадлежитъ имъ, чтобы такое ни было. 9-го Мая они освящаютъ всѣхъ бѣлыхъ кобылъ, которыя сгоняются въ одно мѣсто: церемонiя главное состоитъ въ томъ, что выливаютъ на землю, въ видѣ жертвы, нѣсколько свѣжаго кумыса, котораго приготовленiе начинается вновь около этого времени. При рожденiи ребенка призываютъ жрецовъ и спрашиваютъ объ его судьбѣ; ихъ также зовутъ и къ больнымъ, чтобы испытать на этѣхъ ихъ заговоры и узнать отъ нихъ, спроста ли эта болѣзнь, или напущена колдовствомъ. Рубруквисъ не сомнѣвается, что этѣ жрецы, какъ сказывали ему, могутъ своими чарами помрачать воздухъ и заговаривать дьявола, чтобы заставить его дать отвѣты на трудные вопросы, которые имъ дѣлаютъ.

Благочестивый монахъ, сожалѣя о погибели такого множества душъ отъ этого идолопоклонства, внушавшаго ему ужасъ, нѣсколько разъ покушался говорить при Дворѣ въ пользу Христiянской Вѣры и расположить къ ней Великаго Хана, однако жъ напрасно: «Монголы, отвѣчалъ этотъ спокойно, вѣруютъ въ единаго Бога и чтутъ его чистосердечно. Точно такъ же, какъ Богъ снабдилъ руку многими пальцами, онъ вложилъ и разныя мнѣнiя въ человѣческiй духъ; Христiянамъ далъ онъ писанiе, но этѣ не слѣдуютъ его ученiю, по тому что тамъ не написано, что должно клеветать другъ на друга и за деньги уклоняться отъ пути справедливости. Намъ Богъ далъ предсказателей, мы слѣдуемъ ихъ предписанiямъ и живемъ въ мирѣ». Разговаривая такъ, Ханъ перешелъ вдругъ къ другому предмету и, выпивъ четыре раза, строго

сказалъ: «Я позволилъ вамъ остаться подольше при моемъ Дворѣ; теперь моя воля такова, чтобы вы воротились въ свою землю. У меня въ головѣ два глаза, но у обоихъ одна точка зрѣнія, и куда оборачивается одинъ, туда же слѣдуетъ за нимъ и другой: вы пришли сюда черезъ Батыево пребываніе; черезъ него же должны и возвращаться назадъ». Потомъ велѣлъ имъ выдать деньги и платье на дорогу, и отдалъ имъ письмо къ Королю Людовику, въ которомъ замѣчалъ ему, что «готовъ отправить къ нему пословъ для переговоровъ о мирѣ, если онъ поспѣшитъ присягнуть ему и принести покорность; но если, въ надеждѣ на великую отдаленность своей земли и высоту своихъ горъ, онъ захочетъ враждовать съ Монголами, пусть винитъ самаго себя въ послѣдствіяхъ». Письмо начиналось словами: «Повелѣніе вѣчнаго Бога. Какъ на небѣ единый Богъ, такъ и на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ: это Великій Ханъ Монголовъ».

Съ этимъ письмомъ Рубруквисъ тотчасъ же покинулъ Дворъ и, послѣ труднаго двухмѣсячнаго путешествія, 16 Октября, 1254 года, добрался до Батыева стана. По всей этой дорогѣ ему не встрѣчалось ни городовъ, ни мѣстечекъ, а только одна жалкая деревня, гдѣ онъ не могъ достать себѣ даже куска хлѣба. Часто по два и по три дня онъ не имѣлъ другой пищи, кромѣ кумыса; однажды даже подвергнулся было опасности погибнуть съ голода, по тому что ошибкою проѣхалъ станцію, а лошади были очень измучены. Ближайшій путь во Францію съ Волги, гдѣ имѣлъ пребываніе Батый, лежалъ бы черезъ Угрію и Германію; но еще не зная, что Король Людовикъ возвратился изъ Крестоваго похода, Рубруквисъ свернулъ къ югу и, черезъ Грузію и Арменію, прибылъ въ Сирію, и 15-го Августа, 1255 года, благополучно добрался до Триполи. Сдѣсь хотѣлъ онъ отплыть въ Европу, однако жь получилъ отъ своихъ властей приказаніе остаться въ монастырѣ своего Ордена, въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, откуда и послалъ свое донесеніе къ Королю Людовику Дальше не знаемъ ни какихъ подробностей объ его послѣдующей жизни, кромѣ того, что въ 1293 году онъ былъ еще живъ.

Путевые разсказы Жіованни де Плано Карпини и Рубруквиса принадлежатъ неоспоримо къ самымъ драгоцѣннымъ этнографическимъ произведеніямъ Среднихъ вѣковъ: разсматривая ихъ

строго, они первыя проливаютъ нѣсколько свѣта на состояніе Азіи, совершенно измѣненное Монголами. Въ одно время съ Рубруквисомъ при Дворѣ Батыя находился Король Арменскій, Гаитo I: по возвращеніи оттуда, онъ разсказалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ все, что привелось ему видѣть и испытать тамъ. Внукъ его, Гаито, отказавшійся отъ престола и бывшій монахомъ, въ своей Восточной исторіи сообщилъ на память эти извѣстія, но они не довольно важны и слишкомъ мало помогаютъ распространенію знаній о земляхъ и народахъ, а по тому и не могутъ имѣть здѣсь мѣсто. Замѣтимъ только, что и они больше всего выставляютъ на видъ величину, богатство и многолюдность Катайской земли (Китая), которую не совсѣмъ еще успѣли завоевать Монголы; гордость и высокое понятіе Катайцевъ о своемъ умственномъ превосходствѣ они описываютъ собственнымъ иносказательнымъ образомъ выраженія этого народа, что только «Катайцы смотрятъ обоими глазами, что Франки по необходимости одарены однимъ, а остальные народы поражены слѣпотою». Надобно очень жалѣть, что ни одинъ Европейскій путешественникъ не описываетъ состоянія Азіи непосредственно передъ Монгольскими завоевательными походами и не показываетъ царствъ и народныхъ племенъ, которыя были поглощены ими въ такое короткое время. Хотя имѣемъ еще описаніе путешествія одного Испанскаго Жида, Веніямина изъ Туделы, который за 100 лѣтъ до Рубруквиса объѣзжалъ Европу и посѣщалъ синагоги, и много также разсказываетъ объ Африканскихъ и Азіятскихъ странахъ, но ихъ навѣрно онъ не видалъ, что достаточно доказываютъ нелѣпыя лжи, навранныя ему о Государствахъ Востока и выдаваемыя имъ за истину, и разныя грубыя географическія ошибки, въ которыхъ вездѣ можно уличать его. Слѣдовательно, его плохое произведеніе, кромѣ того еще сдѣлавшееся неразрѣшимымъ хаосомъ безчисленныхъ ошибокъ и перевранныхъ названій, ни коимъ образомъ не можетъ доставить тѣ объясненія, какихъ бы желали.

ДЖІОВАННИ ДИ МОНТЕ КОРВИНО И ОДЕРИКО ДИ ПОРДЕНОНЕ.*

Ласковость, какую оказывалъ Великій Ханъ являвшимся при Дворѣ его Европейцамъ, не только заставляла многихъ купцовъ пренебрегать опасностями дальняго пути, которыя награждались богатою прибылью, но и всегда снова оживляла въ усердныхъ проповѣдникахъ Вѣры надежду доставить наконецъ Христіанству доступъ въ Монгольское царство: это и въ самомъ дѣлѣ удалось имъ, хотя и на короткое время. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, Папа Николай IV въ 1288 году отправилъ посломъ въ Китай Францисканскаго монаха, Джіованни ди Монте Кор-

---

* «Джіованни ди Монте Корвино, Францисканскій монахъ изъ Калабріи, въ 1288 г. былъ посланъ Папою Николаемъ IV въ качествѣ посла къ Аргуну, Монгольскому Хану въ Персіи, и къ Хакану Кубилаю, и умеръ около 1330 года въ Канъ-Баликѣ или Камбалу, столицѣ Татаръ, теперешнемъ Пекинѣ, въ санѣ Архіепископа миссіи въ этомъ городѣ. О путешествіи въ Татарію есть два его письма, 1305 и 1306 годовъ, напечатанныя въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Wadding, Annales Minorum. Romae 1832, fol. Vol. VI, p. 69 sq.— Mosheimii Historia Tartarorum Ecclesiastica, App. XLIV и XLV, p. 114—120.— Marsden, The Travels of Marco Polo, a Venetian, in the thirteenth century. London, 1818, 4°, p. 243—245.

Объ этомъ Джіованни смот. также: Nouveaux mélanges asiatiques, par Mr. Abel Remusat, Vol. II, p. 193—198.

Одерико Mattheussi, Францисканскій монахъ, родился около 1285 года, въ Порденоне, въ Фріулѣ, по чему обыкновенно называется Одерико Фріульскій, Одерикъ de Foro Julii, а также Одерикъ Портенау. Въ 1317 году онъ предпринялъ путешествіе, черезъ Татарію на Трапезундъ, въ Индію и возвратился черезъ Тибетъ въ Европу. Въ 1330 году онъ продиктовалъ свои путешествія одному монаху въ Падуѣ, Guilielmo di Sologna, на Итальянскомъ языкѣ, и потомъ отправился въ Удино, гдѣ и умеръ въ 1331 году.

* Списки съ разсказа Одерико, подъ названіемъ: «De Mirabilibus mundi», съ Латинскаго перевода монаха Гейнриха Глатца (изъ Кладска, въ Силезіи) находятся въ Удино, въ Королевской Парижской Библіотекѣ подъ NN 2584 и 3195; въ Кембриджѣ въ Коллегіи Тѣла Христова, подъ N 407 и въ Соборной Библіотекѣ въ Майнцѣ, подъ N 52. Французскій переводъ Іоанна де Лонга изъ Иперна находится въ рукописи въ Королевской Париж. Библіотекѣ подъ N 7500 C. и N 8392, на пергаментѣ и со многими миніатюрами въ Городской Библіотекѣ Берна и въ Коттоніянской Библіотекѣ въ Кембриджѣ.

вино. Папа послалъ съ нимъ собственноручное письмо къ Великому Хану, въ которомъ настоятельно приглашалъ его принять Христіянскую Вѣру. Хотя Ханъ въ то время ни сколько и не думалъ слушаться этого приглашенія, однако жь не мѣшалъ стараніямъ монаха и даже позволилъ ему построить церковь въ Ханскомъ пребываніи, Канъ-Баликѣ (Пекинѣ), и составить общину изъ новообращенныхъ. Жіованни ди Монте Корвино перевелъ на Монгольскій языкъ Псалмы и Новый Завѣтъ, обратилъ въ Христіянство многихъ Князей и заявилъ въ своихъ стараніяхъ такое постоянное усердіе къ чести Церкви, что Папа Климентъ V учредилъ для него, въ 1314 году, Камбалицкую Епархію и, возложилъ на него завѣдываніе всѣми дѣлами Церкви въ Восточной Азіи. Этѣ дѣла, однако жь, никогда не были очень значительны, и, по смерти перваго Архіепископа (въ 1330 г.) церковь въ Камбаликѣ, по недостатку пособій, пришла въ совершенное забвеніе. Сверхъ того междоусобія и возмущенія, вспыхнувшія около этого времени въ восточной Монгольской землѣ, сдѣлали пребываніе тамъ небезопаснымъ для иноземца, и усердіе къ обращенію Монголовъ вскорѣ охладѣло, по причинѣ малоуспѣшности неоднократныхъ стараній. Послѣдній проповѣдникъ Вѣры, котораго находимъ въ Азіи въ XIV вѣкѣ, былъ Одерико ди Порденоне или Портенау: онъ видѣлъ еще Архіепископа Джіованни ди Монте Корвино при

Путешествіе Одерико напечатано: Въ Actis Bollandi и Annalibus Виддинга; по Латини и по Англійски у Гаклюйта T. II, p. 39—67; на Итальянскомъ языкѣ у Рамузіо въ прибавленіяхъ Томмасо Джюнти Vol. II, fol. 237—248, и въ Elogio storico alle gesta del Beato Oderico dell' Ordine de' Minori conventuali, con la storia da lui dettata de' suoi viaggi asiatici, illustrata da un religioso dell'ordine stesso, e presentata agli amatori della antichità (Dal Fr. Giuseppe Venni). Venezia 1761, 4°. На Французскомъ въ L'hystore merveilleuse plaisante et recteative du grand Empereur de Tartarie, etc. Paris 1520, fol. На Англійскомъ въ Discoveries and Travels in Asia, Муррея. Vol. I, p. 183—192.

Шпренгель, въ своей Geschichte der geographischen Entdeckunden, стр. 348—349, сличаетъ названія различныхъ мѣстъ, встрѣчающіяся въ путешествіи Одерико.

Слич. также статью: Oderic, написанную Ренодьеромъ въ Biographie Universelle, Micheau. T. XXXI, p. 799—500».

Папскимъ декретомъ 2-го Іюля, 1755 г., Одерико причтенъ къ лику Святыхъ.

отправленіи его должности, и покинулъ Камбаликъ не задолго до его кончины.

Одерико, родившійся около 1286 года въ Порденоне (Портенау), во Фріулѣ, по окончаніи ученія, поступилъ въ Францискан-скій монастырь въ Удино и, подобно многимъ собратіямъ своего Ордена, увлекся господствовавшимъ тогда усердіемъ къ дѣлу обращенія въ Христіянскую Вѣру язычниковъ. Въ 1318 году онъ сѣлъ въ одной Итальянской пристани на корабль и черезъ Константинополь отправился въ Требизондъ, гдѣ собиралось въ большемъ числѣ общество путешественниковъ, чтобы, черезъ Арменію и Персію, доѣхать безопаснѣе до Ормуса, откуда обыкновенно отъѣзжали корабли, плывшіе въ Индію. Близъ Требизонда удивило его очень чудное явленіе. На дорогѣ онъ увидалъ странника съ стадомъ больше чѣмъ изъ 4-хъ тысячъ рябчиковъ, которые летали у него надъ головою и были такіе ручные, что во время его отдыха садились кругомъ его, а когда онъ вставалъ, провожали его дальше. Такъ довелъ онъ ихъ до Царскаго Дворца въ Требизондѣ, и когда тамъ выбрали изъ этѣхъ птицъ, сколько было надобно для Двора, онъ опять воротился домой. Городъ Азаронъ (Эрзерумъ), когда-то славный и богатый, Одерико нашелъ большею частію разореннымъ Татарами, однако жь съѣстныхъ припасовъ было тамъ вдоволь; охотно бы взошелъ онъ на гору Араратъ, чтобы посмотрѣть на Ноевъ ковчегъ, который, какъ всѣ увѣряютъ, лежитъ на ней, но товарищи его, поблагоразумнѣе другихъ, удержали его отъ этого намѣренія, увѣрившіи, что еще никому изъ людей не удалось увидать этого святаго мѣста. Въ Таврисѣ (Тебрисѣ) дивился онъ богатствамъ, стекавшимся туда со всего свѣта, и слышалъ отъ тамошнихъ Христіянъ, что Персидскій Царь съ одного этого города получаетъ больше податей, нежели Французскій Король со всей своей земли: еще не обложена пошлиной соль, которой очень много доставляла ближняя гора, и всякой могъ брать оттуда столько соли, сколько ему было надобно. Одерико думаетъ, что проходилъ мимо Вавилонскаго столба, но, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ подробнѣйшаго описанія его, а передаетъ только нѣсколько извѣстій о Халдеяхъ, какъ называетъ онъ жителей этой страны. Этѣ люди, по его словамъ, говорятъ особеннымъ языкомъ; мущины кра-

сивы, но женщины безобразны: мущины прилагаютъ много стараній о своей одеждѣ и объ убранствѣ своихъ, гладко причесанныхъ, волосъ, которые перевиваютъ златотканымъ сукномъ, съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, а женщины ходятъ съ распущенными волосами, босикомъ и въ плохихъ рубашкахъ, достающихъ только до колѣнъ, съ висящими до земли рукавами.

Въ Ормусѣ, къ крайнему своему удивленію, Одерико видѣлъ родъ кораблей, называемыхъ ясе, которыхъ доски сшиты не гвоздями, а толстыми нитками; онъ сѣлъ на такое судно и, послѣ 28 дневнаго плаванія, счастливо добрался до Таны (Тинны) въ Индіи, города богатаго съ хорошимъ мѣстоположеніемъ, изобильно снабженнаго разными съѣстными припасами; но его жители преданы постыдному идолопоклонству и обожали змѣй, деревья и огонь. Незадолго до того были сдѣсь казнены четверо Францисканскихъ монаховъ, неблагоразумно обругавшіе Магомета; Одерико досталъ кости этѣхъ мучениковъ: въ жестокую бурю, грозившую опрокинуть судно на пути въ Минибаръ (Малабаръ), онъ спасъ жизнь всему обществу путешественниковъ, укротивъ море кусочкомъ этѣхъ костей, брошенныхъ въ волны. Черезъ Минибаръ, замѣчаетъ онъ, тянется лѣсъ въ 18-ть дней пути, и въ немъ растетъ очень много перца. Кустъ, доставляющій эту пряность, садятъ по близости толстыхъ деревьевъ, по которымъ всползаетъ онъ вверхъ и приноситъ плодъ, похожій на грозды винограда; созрѣвшій, онъ бываетъ зеленаго цвѣта; сѣмена его сушатъ на солнцѣ и сохраняютъ въ глиняныхъ горшкахъ. Лѣсъ пересѣкается многими рѣками, въ которыхъ водится множество крокодиловъ и змѣй, и чтобы безопасно для жизни начать собираніе перца, надобно сперва прогонять и истреблять ихъ большими огнями зажженой соломы. Природные жители этой земли обожаютъ вола, на которомъ шесть лѣтъ работаютъ, а на седьмой даютъ ему отдыхать и ставятъ на святое, общественное мѣсто. Калъ и мочу этого вола они подхватываютъ серебряными и золотыми блюдами: мочею моютъ себѣ лицо, глаза и уши, а каломъ мажутъ щеки и грудь и думаютъ, что такъ освятили себя на весь день. Они также чтутъ идола, который сверху человѣкъ, а снизу волъ, и даетъ отвѣты на ихъ вопросы. По временамъ онъ требуетъ крови 40 дѣвушекъ и юношей, и тогда эти глупцы охотно приносятъ ему въ жертву сыновей и дочерей.

Въ 10-ти дняхъ разстоянія оттуда лежитъ земля Мобаръ (Бейяпуръ), гдѣ находятъ чудное изваяніе бога, такой же величины, какъ и Св. Христофоръ, чтимое всѣми Жидами. Все оно состоитъ изъ самаго чистаго и блестящаго золота и имѣетъ на шеѣ снурокъ съ драгоцѣнными каменьями, изъ которыхъ одинъ стоитъ больше всего Королества. Храмъ этого идола чрезвычайно великолѣпенъ, и съ крыши до полу сплошь обитъ золотыми листами Индусы ходятъ сюда на поклоненіе, какъ Христіяне въ Римъ: одни съ веревкою на шеѣ, другіе съ связанными назади руками, нѣкоторые даже съ ножомъ, воткнутымъ въ руку, или ногу. Когда, послѣ странствованія, рука, или нога, загніется отъ раны, они думаютъ, что принесли Богу очень угодную жертву. Возлѣ храма прудъ, въ который богомольцы бросаютъ золото, серебро и драгоцѣнные камни въ честь идола и на содержаніе его дома; а когда надобно бываетъ починить что ни будь, или прикупить новое украшеніе, жрецы идутъ къ пруду и выуживаютъ, сколько нужно, изъ находящихся тамъ сокровищъ. Одинъ разъ въ годъ, въ большой праздникъ идола, Царь и Царица являются сюда со всѣмъ народомъ и всѣми богомольцами, берутъ идола изъ храма и везутъ его на драгоцѣнной колесницѣ, передъ которою идетъ попарно множество дѣвушекъ (баядерки), съ пѣснями и музыкой. По дорогѣ ежеминутно бросаются богомольцы подъ колеса этой колесницы и даютъ раздавить себя, думая, что получатъ за то милость отъ Бога. Такъ ежегодно умираетъ до 500 человѣкъ. Трупы ихъ сожигаютъ, а пепелъ хранятъ, точно святыя мощи. Благодаря не менѣе гнусному обычаю, кто ни будь вызывается иногда принести себя въ жертву богу: тогда собираются друзья его и родные и дѣлаютъ веселый пиръ; послѣ того вѣшаютъ добровольно покидающему жизнь пять острыхъ ножей и ведутъ его въ храмъ. Пришедши туда, онъ беретъ одинъ за другимъ всѣ ножи, отрѣзываетъ себѣ каждымъ ножомъ кусокъ мяса отъ тѣла и бросаетъ этотъ кусокъ въ лицо идолу, прокричавъ: «Для Бога я рѣжу себѣ тѣло»; послѣднимъ ножемъ онъ наноситъ себѣ смертельный ударъ, съ словами: «Умираю для моего бога». Трупъ потомъ сожигается, и всѣ считаютъ умершаго за святаго.

Изъ Мобара, послѣ 50-ти дневнаго плаванія, Одерико прибылъ на островъ Ламори (Суматру), гдѣ стояли несносные жары

и туземцы ходили нагіе; они смѣялись надъ монахомъ, потѣвшимъ въ своей рясѣ, и на его замѣчанія о приличіи возражали, что Богъ создалъ нагими Адама и Евву. Они также ѣли человѣческое мясо: купцы, посѣщавшіе эту страну, богатую пшеницей, скотомъ, золотомъ, серебромъ, алойнымъ и камфарнымъ деревомъ, за самый любимый мѣновой товаръ привозили откормленныхъ людей, которые тотчасъ же убивались, какъ свиньи, и пожирались. Изъ Ламори путешественникъ прибылъ на островъ Яву, который онъ считаетъ однимъ изъ величайшихъ острововъ въ свѣтѣ: по его описанію, онъ очень богатъ гвоздикою, кубебой, мускатнымъ орѣхомъ и другими пряностями, также и всякими съѣстными припасами. У Царя этой земли пышный дворецъ, на очень высокой мѣстности, къ которой ведутъ широкія лѣстницы съ золотыми и серебряными ступенями; полъ походитъ на шахматную доску и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ тесницъ; крыша золотая, внутреннія стѣны также обиты золотыми листами, на которыхъ изображены рыцари съ золотыми кольцами кругомъ головъ и блестящіе драгоцѣнными каменьями. Великій Ханъ Катая часто воевалъ съ этѣмъ Царемъ, но каждый разъ былъ разбитъ. Монахъ, вѣроятно, слышалъ о Кублаевомъ походѣ въ Японію, о которомъ говоритъ и Марко Поло, и смѣшалъ оба острова. Вообще его замѣчанія о Восточномъ архипелагѣ такъ неопредѣленны и неточны, что не всегда можно угадать, съ какою мѣстностью соединяетъ онъ свои извѣстія; впрочемъ, онъ знаетъ саговую пальму и приготовленіе саговой муки и упоминаетъ еще о другой замѣчательности растительнаго царства, которая, не смотря на невѣроятность ея описанія, по крайней мѣрѣ отчасти подходитъ къ дѣйствительности. Въ той странѣ, говоритъ онъ, можно видѣть исполинскій тростникъ длиною въ 60 шаговъ и похожій огромностью на дерево; другіе тростники, называемые кассанъ, стелются по землѣ, точно трава; изъ каждаго колѣнца у нихъ вырастаютъ тонкія вѣтки, которыя часто вытягиваются на милю длины. Въ такихъ тростяхъ находятъ чудные камни, имѣющіе силу закалять человѣка, носящаго ихъ при себѣ, отъ всякаго желѣзнаго оружія. Для того тамошніе жители дѣлаютъ своимъ дѣтямъ на рукѣ разрѣзъ, вкладываютъ въ него камень и заживляютъ рану пепломъ какой-то неизвѣстной рыбы. Благодаря тому, они долго выигрывали всѣ сраженія съ непріятелями,

до тѣхъ поръ, пока этѣ не открыли причину ихъ неуязвимости, напали на нихъ съ деревянными дубинами и одержали побѣду. Натуралистамъ не безъизвѣстно, что въ колѣнцахъ тростника часто попадается кремень; а какъ невѣжество съ священнымъ ужасомъ смотрѣло на всякое необыкновенное явленіе и соединяло его съ сверхъестественными силами, то легко объяснить суевѣріе жителей Восточнаго архипелага, о которомъ упоминалъ Марко Поло и другіе путешественники.

Въ этѣхъ странахъ, продолжаетъ Одерико, особливо на берегу Кампа (Теямпа), такое удивительное множество рыбы, что часто на дальнемъ разстояніи въ морѣ не видно больше ничего, кромѣ рыбьихъ хребтовъ. Одинъ разъ въ годъ этѣ рыбы кидаются на берегъ и остаются на немъ по три дня, пока прибрежные жители не запасутся рыбою, сколько нужно для нихъ. На вопросъ: какъ же это можетъ случиться? туземцы отвѣчали, что рыбы являлись по природному побужденію принести свое почтеніе Императору. Всѣ считаютъ за вѣрное, что Восточный архипелагъ самый изобильный рыбою въ цѣломъ свѣтѣ; но новѣйшіе путешественники утверждаютъ также, что жители Явы знаютъ искуство выманивать рыбу на берегъ какими-то извѣстными имъ звуками.

Изъ Кампы отплылъ Одерико въ Манци (Южный Китай), большую землю, въ которой, по единогласному увѣренію туземцевъ и живущихъ тамъ иностранцевъ, находилось больше 2000 великихъ городовъ, изобильно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Всѣ люди, говоритъ путешественникъ, сдѣсь художники и купцы, и никто, не смотря ни на какую бѣдность, не проситъ милостыни, пока можетъ владѣть руками для какой ни будь работы. Мужчины, которые брѣютъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ, красивы, но блѣдны, а женщины — красавицы, какихъ только можно видѣть на свѣтѣ; главная красота ихъ состоитъ въ маленькихъ и худыхъ ногахъ, для чего матери зашнуровываютъ ноги у дѣвушекъ тотчасъ послѣ ихъ рожденія, чтобы помѣшать ихъ развитію; мущины отращиваютъ такіе длинные ногти, что могутъ отгибать ихъ за руку и не мало хвастаютъ этою мнимою красотою. Въ Кайтонѣ (Цайтунѣ) Одерико нашелъ два монастыря своего Ордена и передалъ туда кости мучениковъ, которыя

носилъ до сихъ поръ съ собою. Въ этомъ большомъ городѣ также много было языческихъ монастырей: Одерико посѣтилъ одинъ изъ нихъ, гдѣ жило до 3 тысячъ жрецовъ и стояло до 11-ти тысячъ идоловъ, изъ которыхъ самый меньшій показался ему больше Св. Христофора. Онъ присутствовалъ и при обѣдѣ этѣхъ идоловъ и видѣлъ, какъ ставили передъ ними блюда съ поднимавшимся отъ нихъ паромъ для насыщенія боговъ ихъ запахомъ, какъ жрецы потомъ опорожнили блюда и такимъ образомъ раздѣлили обѣдъ съ богами. Въ другомъ городѣ на большой рѣкѣ онъ наблюдалъ новый способъ ловить рыбу, употребительный въ Манци и мало извѣстный въ другихъ странахъ. Хозяинъ Одерика, желавшій сколько ни будь помочь его развлеченію, взялъ его съ собою на мостъ и спустилъ тутъ въ воду множество нырковыхъ утокъ, привязанныхъ къ шесту, но сначала завязалъ имъ тесемкою шеи, чтобы онѣ не глотали добычи. Птицы были такъ превосходно обучены, что въ одинъ часъ наполнили рыбой три плетюшки.

Одерико жилъ въ Камбаликѣ (Пекинѣ) три года и имѣлъ часто случай удивляться могуществу и богатству Великаго Хана, однако жь его замѣчанія о городѣ и пышномъ Царскомъ Дворцѣ такъ совершенно согласны съ гораздо болѣе подробнымъ и славнымъ описаніемъ Марка Поло, что почти можно считать ихъ сухимъ извлеченіемъ изъ него. Онъ часто бывалъ и на пирахъ во Дворцѣ, по тому что въ такихъ случаяхъ Христіянскіе Священники, какъ и языческіе жрецы, одинаково были обязаны молиться за Великаго Хана по обрядамъ своей вѣры и благословлять его. Благочестивый монахъ нерѣдко также выгонялъ дѣйствіемъ св. воды демоновъ изъ тѣхъ идоловъ, въ которыхъ они выбрали себѣ жилище; посѣщалъ очарованную, наполненную покойниками, долину, гдѣ многочисленныя лютни играли трогательные напѣвы, безъ прикосновенія руки человѣка; бывалъ свидѣтелемъ и множества другихъ чудесъ, о которыхъ мы умалчиваемъ, по тому что, по собственному его замѣчанію, имъ никто не повѣритъ, не видавъ ихъ собственными глазами, хотя Одерико и не разъ божится, что разсказываетъ сущую правду. Для возвращенія на родину Одерико выбралъ путь сушею, и сперва прибылъ въ землю Попа Ивана, котораго столицу онъ называлъ Козанъ; но ее нелегко

можно опредѣлить, по тому что онъ не сообщаетъ о ней ни какихъ подробнѣйшихъ извѣстій; потомъ проходилъ онъ черезъ большое и плодоносное Царство Казанъ (Кашгаръ), гдѣ ревень былъ въ такомъ изобиліи и такъ дешевъ, что за шесть грошей можно было купить цѣлый грузъ его. Изъ Казана онъ прибылъ въ Тибекъ (Тибетъ), страну, изобильно снабженную всѣмъ необходимымъ для жизни; обитатели ея обыкновенно живутъ въ палаткахъ изъ чернаго войлока. Въ красивой, обнесенной стѣнами, столицѣ живетъ Абасси (Далай-Лама), который царствуетъ надо всѣми идолопоклонниками, какъ Папа надъ Христіянами. Сдѣшнія женщины носятъ болѣе сотни косичекъ, а во рту у нихъ по два клыка, какъ у кабановъ. Когда умираетъ отецъ семейства, сынъ созываетъ всѣхъ жрецовъ и кудесниковъ и заставляетъ ихъ нести покойника, въ сопровожденіи всей родни и друзей, въ назначенное для того мѣсто: тамъ, съ великомъ торжествомъ, отрѣзываютъ покойнику голову и отдаютъ ее сыну, а прочее тѣло рѣжутъ на куски, которые тотчасъ же утаскиваютъ и пожираютъ ястребы, водящіеся сдѣсь во множествѣ. Голову сынъ уноситъ домой, варитъ и съѣдаетъ, а изъ черепа дѣлаетъ чашу, изъ которой, въ торжественныхъ случаяхъ, пьетъ все семейство, въ честь умершаго отца.

Тибетомъ оканчиваетъ Одерико описаніе своего путешествія; не знаемъ, какою дорогою онъ возвращался въ Испанію, гдѣ уже въ 1330 году встрѣчаемъ его въ новыхъ сборахъ во вторичное путешествіе въ Азію. Однако жь ссоры у Папы Іоанна XXII съ Антипапою Николаемъ V, также и трудная болѣзнь помѣшали ему исполнить свое намѣреніе и остановили его въ Падуѣ; тутъ, по приказанію своихъ властей, онъ и продиктовалъ свое путешествіе собрату по Ордену, Вильгельму Солопьскому. Вскорѣ потомъ онъ возвратился въ свой монастырь, въ Удино, и умеръ тамъ 14 Генваря, 1331 года, съ извѣстностію Святаго.

ДЖОНЪ МАНДЕВИЛЛЬ. *

Въ одно время съ монахомъ Одерикомъ странствовалъ въ Азіи Англійскій рыцарь, Джонъ Мандевилль: онъ, кажется, посѣщалъ тѣ же самыя земли, путешествовалъ по тѣмъ же дорогамъ

---

* «Іоаннъ де Мандевилль принадлежалъ къ одной старинной знатной семьѣ въ Англіи. Онъ родился въ Сентъ-Альбансѣ и изучалъ Математику, Медицину, Богословіе и написалъ сочиненія по всѣмъ этѣмъ наукамъ. Впрочемъ предпріимчивый духъ побуждалъ его искать знаній и занятій вдали, и такимъ образомъ въ 1322 году онъ отправился въ путешествіе, черезъ Францію, въ Обѣтованную Землю, служилъ много лѣтъ у Египетскаго Султана и Великаго Китайскаго Хана, и, исходивши въ 33 года всю Азію, воротился въ Европу и умеръ, въ 1371 г., въ Литтихѣ, гдѣ видѣнъ еще его памятникъ. Въ 1356 году, какъ онъ самъ говоритъ, на 34 году послѣ своего отъѣзда, онъ написалъ разсказъ о своемъ путешествіи, вѣроятно, на Французскомъ языкѣ, но вскорѣ потомъ самъ же перевелъ его по Латини и, по собственному признанію, заимствовалъ для него многое изъ любимыхъ тогдашнихъ хроникъ, путевыхъ приключеній и рыцарскихъ романовъ. Въ Англіи есть много списковъ Англійскаго разсказа объ этомъ путешествіи, подлинникъ котораго посвященъ Королю Эдуарду III-му; сочинитель его долженъ быть также Мандевилль.

Его произведеніе принадлежитъ сюда особливо по подробнымъ его извѣстіямъ о Татарахъ и земляхъ, которыми они владѣли (Кюльбъ выпустилъ этѣ извѣстія, по тому что все, относящееся къ Татарамъ, помѣщено у него въ жизнеописаніяхъ Карпини и Рубруквиса).

Кромѣ упомянутыхъ Англійскихъ рукописей, есть еще очень древняя на Французскомъ языкѣ, въ городской Библіотекѣ въ Бернѣ, и другая, очень красивая, въ Королевской Парижской Библіотекѣ, на пергаментѣ и со многими миніатюрами. Различныя изданія этого путешествія слѣдующія. Англійскія: A lytele Treatise or Booke, named Johan Mandeuyll, Knyht, born in Englande, in the towne of Saint Abone, and speaketh of the ways of the Huoly Lande toward Jherusalem, and of Marnyles of Inde, and of other dyverse countries. London 1499, 8°, 1503, 8°, 1568, 4°, 167 , 4°, 1696, 4°, 1722, 4°, и наконецъ самое полное изданіе подъ заглавіемъ: The vojage and travaile of Jde Mandeville, which treateth of the way of Hierusalem and of marvayles of Inde, with other islands and countryes. London. 1727, 8°.

Съ этого послѣдняго изданія также въ Discoveries and Travels in Asia Vol. I, p. 193 — 197.

и входилъ въ сношенія съ тѣми же самыми людьми, по тому что его извѣстія во многихъ мѣстахъ почти слово въ слово согласны съ извѣстіями Одерика. Но его особенность составляютъ разсказы о повсемѣстныхъ чудесныхъ приключеніяхъ, которые онъ вставилъ въ свои путевыя замѣтки, чтобы, по его собственному

Латинскія: Dom. Joh. de Monte villa equitis itinerarius a terra Angliae in partes Iherosolimitanas et in ulteris res transmarinas... translatus in hanc formam latinam. s. l. et a. Напечатано при первомъ изданіи Марка Поло, въ Римѣ, или Венеціи, 1484 до 1430. Въ Pilgrimes Перчаса, въ Латинскомъ извлеченіи.

Французскія. «Ce livre est appelé Mandeville, chevalier natif d'Angléterre de la ville de St. Albain, et parle de la terre de promission, c'est à dire de Jerusalem etc. Lyon, 1480. fol. m. Тамъ же 1487. 4°. — Maître Jehan de Mandeville, lequel parle des grandes aventures des pays étranges où il s'est trouvé ensemble la terre de promission et du saint voyage de Hierusalem. Paris. S. 1, 4°. Тамъ же 1517-го и 1542 г.

Столь любимой книгѣ слѣдовало быть очень рано переведенной на другіе языки. Изъ этѣхъ древнѣйшихъ переводовъ мы знаемъ слѣдующее:

Итальянскіе: Tractato delle più maravigliose cosse et più notabili, che si trovano in le parte del mondo vedute.... del cavalier J. da Mandavilla. Milano, 4°, Firenze, 1424, Venetia 1515, 4°. Тамъ же 1534, 8°, 1587, 8°, 1564, 8°, 1567, 8°.

Нѣмецкіе: Das buch des Ritters von Montevilla, Augspurg. 1481, in fol. съ картинками. Тамъ же 1482, in fol. съ картинками: этотъ переводъ Михельфельзера. Johannes von Montevilla, Ritter. Strassburg, 1484, съ картинками. Перев. Оттонъ фонъ Демерингенъ. Вновь напечатано тамъ же 1488, 4°; 1499, in fol. съ картинками; 1501, in fol., съ картинк.; 1507, in fol Des Ritters Johannes von Montevilla Reyss und Wanderschaft durch das gelobte Landt, Indien und Persien. Francf 1580, 8°, 1600, 1608. Оно же въ Reisbuch des heiligen Landes et cet. Frankf. 1629, in fol. Th. I. Des Ritters Johannes von Montevilla curieuse Reissbeschreibung. 1690, 8.; 1692, 1696.

Испанскіе: Valencia, 1540, in fol.

Французскіе: Бержерона, съ Латинскаго извлеченія, находящагося у Перчаса, во 2-й части его сборника, подъ слѣдующимъ названіемъ: Recueil ou Abrégé des Voiages, et Observations du Sr. Jean de Mandeville, chevalier et Professeur en Médecine, faites dans l'Asie, l'Afrique etc. Commencées en l'an MCCCXXXII (это какъ мы выше видѣли, ложно, и должно означать 1322 годъ). Dans lesquelles sont compris grand nombre de choses inconnues. Par Monsieur John Bale».

выраженію, сдѣлать совершеннѣе свое произведеніе. Вмѣстѣ съ баснями старшаго Плинія по Естественной Исторіи, находятъ тамъ отрывки изъ исторіи о прекрасной Мелюзинѣ и другихъ рыцарскихъ книгъ Среднихъ Вѣковъ, сказанія изъ житій Святыхъ и фантастическія Арабскія сказки о великанахъ и дьяволахъ. Мандевилль вполнѣ достигъ своей цѣли приковать такимъ образомъ читателя: его путешествіе, съ большими, или меньшими, искаженіями и прибавками, почти во всѣхъ Европейскихъ земляхъ сдѣлалось одною изъ самыхъ любимыхъ народныхъ книгъ; даже старинныя Нѣмецкія передѣлки его, Михельфельсера и Отто Демерингена, прожили длинный рядъ изданій до новѣйшаго времени.

Джонъ Мандевилль родился около 1300 года въ Сентъ-Альбансѣ, въ Гертфордскомъ Графствѣ, и происходилъ отъ одного благороднаго Англійскаго семейства. Надобно полагать, что его воспитаніе было очень заботливое, по тому что онъ имѣлъ свѣдѣнія въ Медицинѣ, Математикѣ и Богословіи. Но его живой духъ, вѣроятно, не давалъ ему долго останавливаться на однихъ и тѣхъ же предметахъ, и страсть къ дальнимъ путешествіямъ и приключеніямъ скоро взяла верхъ надъ всѣми другими планами и разсчетами. Собравъ нужную сумму денегъ, въ 1337 году онъ покинулъ Англію, прошелъ Францію, и при первомъ случаѣ отплылъ въ Константинополь, а оттуда въ Святую Землю; но тамъ, вмѣсто того, чтобы воевать съ Невѣрными, онъ поступилъ на жалованье къ Египетскому Султану. Прослуживъ нѣсколько времени въ его войскахъ и прошедши Египетъ и Сирію, онъ взялъ отставку, странствовалъ по Персіи и въ Ормусѣ отплылъ въ Индію. Сдѣсь наблюдалъ онъ всѣ замѣчательности, которыя мы уже знаемъ изъ разсказовъ Одерика: перцовый лѣсъ, чудовищныхъ идоловъ и богомольцевъ, приносящихъ себя на жертву въ честь ихъ, но, кромѣ того, благодаря своимъ изслѣдованіямъ, нашелъ, что вся эта земля, во времена Карла Великаго, была завоевана Датскимъ рыцаремъ, Огеромъ, также и островъ Ява, гдѣ, на стѣнахъ Царскаго Дворца, Мандевилль думалъ видѣть изображенія подвиговъ этого рыцаря. Тутъ же пробовалъ онъ поднять одну изъ тѣхъ большихъ тростей, о которыхъ говоритъ Одерико, но съ 20-ью товарищами не въ состояніи былъ даже и подвинуть ее. Этѣ и многія другія вещи, попадавшіяся ему каждый день на остро-

вахъ Восточнаго архипелага, сдѣлали ему наконецъ до того непріятнымъ пребываніе на островѣ, что онъ отплылъ на твердую землю и, послѣ многодневнаго плаванія, достигъ Манхуса (Манци). Вознамѣрившись итти ко Дворцу Великаго Хана и предложить ему свои услуги, онъ безостановочно продолжалъ путь въ Китай черезъ землю Пигмеевъ, красивыхъ и пріятныхъ людей, только не выше трехъ пяденей ростомъ. Рѣдко кто ни будь изъ нихъ достигалъ 8-ми лѣтняго возраста, за то они мужали спустя полгода послѣ рожденія, обнаруживали не мало разсудка и большое искуство въ выдѣлкѣ шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей. Ни что не показалось Мандевилю такъ страннымъ, какъ то, что дѣти поселившихся здѣсь иноземцевъ являлись на свѣтъ Пигмеями, хотя отцы ихъ и были большаго роста.

Великолѣпіе и пребываніе Двора въ Камбалу Мандевилль описываетъ по Вильгельму Рубруквису и Одерику ди Порденоне, но гдѣ только приведется ему, вмѣшиваетъ въ свои извѣстія врядъ ли понятныя нелѣпости. Такъ въ спальнѣ Великаго Хана онъ видѣлъ будьто бы на золотомъ столбѣ камень карбункулъ, величиною въ пять футовъ, который ночью служилъ вмѣсто свѣчи и освѣщалъ все пространство. Не менѣе важно онъ разсказываетъ, что въ лежащей къ востоку отъ Катая землѣ, Кадилья, есть плодъ съ большую тыкву въ объемѣ, а въ немъ растетъ похожее на ягненка животное, съ плотью и кровью, только безъ шерсти, и ѣдятъ его вмѣстѣ съ плодомъ. Мы оставляемъ въ покоѣ тамошнія виноградныя ягоды такой величины, что одну изъ нихъ едва можетъ стащить силачъ; морскія раковины, въ которыхъ удобно живетъ много людей и другія подобныя диковинки, и лучше послѣдуемъ за нашимъ рыцаремъ въ обратный путь, въ которомъ также нѣтъ недостатка въ странныхъ приключеніяхъ. Послѣ 15-тидневнаго пребыванія при Дворѣ, онъ покинулъ Камбалу, чтобы воротиться въ Европу сухимъ путемъ черезъ Среднюю Азію. Онъ пришелъ сперва въ богатую и обширную землю Пентоксирію, въ которой царствовалъ Царь, носившій имя Попа Ивана. Прежніе путешественники, какъ мы видѣли, по слухамъ разсказывали много путаницы объ этомъ Государѣ, а Мандевилль видѣлъ его лицомъ къ лицу, на великолѣпномъ престолѣ, окруженнаго 12-ю Архіепископами и 220-ю Епископами. Пышность, какую

нашелъ онъ при Дворѣ Великаго Хана, едва заслуживаетъ, чтобы говорить о ней, въ сравненіи съ блескомъ и безчисленными богатствами Попа Ивана. Престолъ и почти всѣ утвари въ его Дворцѣ были изъ драгоцѣнныхъ камней и слоновой кости; на главной башнѣ, украшавшей огромное зданіе, лежали два шара изъ самаго чистаго золота, а въ нихъ два толстые карбункула, освѣщавшіе всю страну въ ночное время. Въ этомъ государствѣ Мандевилль входилъ въ песчаное море, котораго волны поднимались и упадали, точно волны океана; въ море впадала песчаная рѣка, и хоть нигдѣ нельзя было замѣтить ни капли воды, однако жь ни въ морѣ, ни въ рѣкѣ не было недостатка въ очень вкусной рыбѣ. Сдѣсь слышалъ онъ объ островахъ, населенныхъ мужчинами въ 20 футовъ вышины и злыми женщинами, убивавшими однимъ своимъ взглядомъ; однако жь не чувствовалъ ни малѣйшей охоты посѣтить такія опасныя мѣста и отправился, черезъ Персію и Сирію, къ Средиземному морю, сѣлъ на корабль и, послѣ благополучнаго плаванія, въ 1355 году, прибылъ къ берегамъ Франціи. Опасная болѣзнь подолѣе удержала его въ Литтихѣ; выздоровѣвъ, онъ воротился въ отечество и написалъ свое путешествіе, посвященное имъ Эдуарду III. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшился жить въ покоѣ и утѣшать себя воспоминаніемъ о своихъ приключеніяхъ; но врожденное безпокойство вскорѣ опять выгнало его изъ отечества во Францію и Нидерланды, гдѣ онъ и умеръ въ Литтихѣ, 17-го Ноября, 1372 года. Мандевилль — настоящая личность XIV-го вѣка, когда съ ненасытною жадностью бросались на чудесное и даже вѣрили въ невозможное; онъ отвѣчалъ этой склонности читающаго міра въ своей книгѣ, и за то нашелъ въ народѣ такія общія похвалы и получилъ такую извѣстность, что по тому самому и нельзя уполчать о немъ. Впрочемъ, кто осмѣлится сомнѣваться въ истинѣ содержанія его книги, пусть замѣтитъ себѣ поговорку Мандевилля: «Кто ни чему не вѣритъ, тотъ ни чего и не знаетъ, и не можетъ ни чему научиться».

V

СМѢСЬ

СЛО́ВО

на̀ ѻ҆брѣ́тенїе чⷭ҇тныхъ и҆ многоцѣ́лебныхъ мощей преподо́бнаго и҆ бг҃оно́снаго ѻ҆ц҃а̀ на́шего кѵрі́лла и҆гу́мена, новоезе́рскаго чудотво́рца.

Мно́зи ѿ человѣ́къ ѻ҆́вїи ѹ҆́бо бога́тства и҆ и҆мѣ́нїѧ хва́лѧтъ, и҆ ѹ҆дивлѧ́ютсѧ ѻ҆ ни́хъ: и҆ні́и же блажа́тъ сла́ву и҆ силу: дрꙋзі́и же пи́щу, и҆ні́и же сла́дость. отъ си́х же нїеди́но е҆́сть бл҃же́нно ни досто́йно похвале́нїю, и҆лѝ сла́вѣ и҆ ѹ҆дивле́нїю: поне́же ѹ҆́бо нѐ и҆́мать при́сное привы́тїе, но̀ с̾ си́мъ вѣ́комъ и҆ прив́ременнымъ житїе́мъ ку́пно разрꙋша́етсѧ и҆ погиба́етъ. мно́гимъ же человѣ́комъ ни здѣ̀ послꙋжѝ, нижѐ пребы́сть с ни́ми бога́тство и҆ сла́ва, ни сла́дость ни пи́ща: но̀ ꙗ҆́кѡ ꙗ҆ви́сѧ, подо́бно ꙗ҆́ко со́нїе ми́мо и҆́де, и҆ ѻ҆ста́ви содержа́щихъ е҆̀. и҆ а҆́бїе бы́сть кра́сный и҆ сла́вный ѹ҆ны́лъ, и҆ бога́тый ни́щъ, и҆ бл҃гі́ѧ днѝ и҆мѣ́ѧй прїи́де в напа́сти. е҆дина же добродѣ́тель безсме́ртна е҆́сть и вѣ́чна ве́щь и҆ бл҃же́нна, и҆ та̀ ѹ҆́бо е҆́сть е҆ди́на досто́йна ѹ҆бл҃же́нїю и҆ ѹ҆дивле́нїю: поне́же бо содержа́щихъ ю҆̀, бл҃же́нныхъ и҆ досто́йныхъ похвале́нїю показꙋ́етъ. воспомѧ́немъ, бра́тїе, коли́цы си́лнїи и҆ бога́тїи пи́щницы ѻ҆тъ вѣ́ка бы́ша, и҆ нї е҆ди́наго и҆́хъ па́мѧть с похвале́нїе̂ бы́сть. добродѣ́телныхъ же и҆ ст҃ы́хъ неѹгаси́ма е҆́сть похвала̀, и҆ бе̂сме́ртна, и҆ вѣ́чно ѹ҆бл҃же́нїе: и҆ похвалѧ́ющїи си́хъ веселѧ́тсѧ и҆ и҆гра́ютъ дх҃о́вно и҆ ра́дꙋютсѧ. похвалѧ́емꙋ бо речѐ пра́ведномꙋ, возве-

селя́тсѧ лю́діе: безсме́ртїе бо е҆́сть е҆мꙋ̀ и҆ бл҃гопохвале́нїе ѡ҆ прилѣ́жнѣй спасе́нїи сло́ва ѻ҆нѣ́хъ. и҆ сѐ ѩ҆вѣ̀ е҆́сть ѿ ни́хъ же дѣ́лаемъ, дне́сь пра́зднꙋюще кра́снагѡ и҆ пресвѣ́тлагѡ пра́здника, прпⷣбнагѡ и҆ бг҃оно́снагѡ ѻ҆ц҃а̀ на́шегѡ кѵрі́лла, и҆гꙋ́мена бѣ́лагѡ новоезе́рскагѡ чꙋдотво́рца, чⷭ҇тны́хъ и҆ многоцѣлє́бныхъ моще́й є҆гѡ̀ ѡ҆брѣ́тенїе и҆лѝ пренесе́нїе.

Веселѝмсѧ ᲂу҆́бо вои́стинꙋ, и҆ ра́дꙋемсѧ, и҆ просвѣща́емсѧ, ᲂу҆блажа́юще сегѡ̀ и҆ прославлѧ́юще пѣ́сньми и҆ похвала́ми, и҆ пѣ́нїи дꙋхо́вными, и҆ непреста́нно моля́ще всеще́драгѡ въ тр҇оцѣ ст҃ѣ́й сла́вимагѡ вели́кагѡ гд҇а бг҃а и҆ сп҃са на́шегѡ і҆и҃са хр҇та̀, и҆ пречⷭ҇тꙋю є҆гѡ̀ бг҃оми́трь, и҆ прпⷣбнагѡ чꙋдотво́рца кѵрі́лла. тогѡ̀ новоезе́рскагѡ мⷪ҇нтрѧ и҆гꙋ́менъ и҆ бра́тїѧ въ постѣ̀ и҆ мл҇твѣ и҆ къ колѣнопреклоне́нїи со̀ слеза́ми, с велі́ею лю́бовїю и҆ раде́нїемъ, и҆ совѣ́томъ мно́гихъ хр҇толюби́выхъ люде́й вкла́дчиковъ тогѡ̀ мⷪ҇нтрѧ̀, цр҇твꙋ́ющагѡ вели́кагѡ гра́да москвы̀ и҆ и҆ны́хъ градо́въ, и҆ съ жела́нїемъ помышлѧ́хꙋ, ка́кѡ бы мо́щно созда́ти црк҇овь ка́меннꙋю, на̀ но́комъ е҆́зерѣ на̀ кра́сномъ ѻ҆́стровѣ, въ че́сть и҆ сла́вꙋ ст҃а́гѡ живоно́снагѡ и҆ тридне́внагѡ воскрⷭ҇нїѧ гд҇а бг҃а и҆ сп҃са на́шегѡ і҆и҃са хр҇та̀, и҆ въ похвалꙋ̀ прпⷣбномꙋ ѻ҆ц҃ꙋ̀ кѵрі́ллꙋ: дабы̀ и҆ и҆зво́лилъ гдⷭ҇ь бг҃ъ, мл҇твъ ра́ди пречⷭ҇тыѧ бцⷣы и҆ прпⷣбнагѡ чꙋдотво́рца, ѡ҆брѣ́сти чє́стныѧ и҆ многочꙋдє́сныѧ цѣлеботочѧ́щїѧ ст҃ы́ѧ є҆гѡ̀ мо́щи ѿ бокꙋ̀ зеленꙋ́ю, на̀ ѡ҆сщ҃е́нїе и҆ бл҃гослове́нїе и҆ и҆сцѣле́нїе ѿ разли́чныхъ болѣ́зней, с вѣ́рою приходѧ́щихъ мно́жества наро́да хр҇тїа́нскагѡ. и҆ не возмого́ша ничто́ же сотвори́ти, но̀ то́кмѡ ма́лѡ ка́менїѧ и҆ пани́фовъ и҆ и҆ны́хъ припа́совъ приготовища къ зда́нїю цр҇ко́вномꙋ. ѩ҆́кѡ же речѐ дв҃дъ: а҆́ще не гдⷭ҇ь сози́ждетъ до́мъ, всꙋ́е трꙋди́шасѧ зи́ждꙋщїи: поне́же нѐ ᲂу҆ прїспѣ̀ вре́мѧ семꙋ̀ бы́ти, ѩ҆́кѡ речѐ соломѡ́нъ: всѧ́кой ве́щи вре́мѧ. и҆ ѩ҆́кѡ же лѣ́ствичникъ гл҇етъ: да не ѡ҆печа́лимсѧ, прося́ще ᲂу҆ гд҇а проше́нїѧ на̀ лѣ́та и҆ лѣ́та не ᲂу҆слы́шаваеми. хотѣ́ѧ бы ᲂу҆́бо и҆ гдⷭ҇ь всѧ̀ ча́ки во̀ є҆диновре́меннѣмъ часѣ̀ безстра́стны бы́ти. всѝ прося́щїи и҆ не прїе́млющїи ѿ бг҃а проше́нїѧ ра́ди є҆ди́ныѧ ѿ си́хъ ви́нъ всѧ́кѡ не прїе́млютъ: и҆лѝ ѩ҆́кѡ пре́жде вре́мени про́сѧтъ, и҆лѝ ѩ҆́кѡ недосто́йнѣ и҆ тщесла́внѣ, и҆лѝ ѩ҆́кѡ прїе́мше взѧ́тисѧ хотѧ́хꙋ, и҆лѝ не радѣ́ти про́чее по прїѧ́тїи проше́нїѧ. кромѣ̀ бо бж҃їагѡ и҆зволе́нїѧ и҆ по́мощи, и҆ прпⷣбнагѡ ѻ҆ц҃а̀ кѵрі́лла мл҇твъ, ничто́ же мо́щно сотвори́ти.

ѿ человѣкъ бо не возможно, ѿ бга же вся возможна суть: вѣсть гдь, ими же судбами ѿ начала міра вся строити. о великое бжіе посѣщеніе и наказаніе, елико бгъ наказуе міръ сей, многими казньми приводя насъ к покаяніе, любовь, цѣломудріе, милость же и кротость: овогда нахожденіемъ рати иноплеменныхъ варварскихъ языкъ: овогда же гладо и моромъ: иногда же междоусобною браніею, и иными многими и различными скорбьми, человѣческаго ради невоздержанія. Во дни скипетродержавства блгочестивѣйшаго гдря и великаго кнзя алексія михайловича, всея россіи самодержца: въ лѣто ,зрнз бысть убо грѣх ради нашихъ въ цртвующемъ великомъ градѣ москвѣ веліе междоусобное смятеніе и убійственное неукротимое в людахъ колебаніе. и многихъ ѿ болѧръ побиша до смерти: петра траханиотова, и дїака елеазара чистого и иныхъ многихъ, и домы ихъ и имѣнія разграбиша, и разярившеся неукротимою буестію, колнящеся, аки волны морскія пѣнящеся, пріидоша с веліемъ свирѣпствомъ ко црскому двору на красное крыльцо, и начаша вадити црскаго его синклита, на ближнаго болярина именемъ бориса, по реклу морозова, многія крамольныя и неистовыя рѣчи, не хотяще его жива видѣти, но похитити и растерзати, рыкающе аки звѣріе дикіи, или волцы сыроядцы: а уже домъ его разбиша, и имѣніе расхитиша. болѧринъ же той борисъ во страсѣ и ужасѣ велицѣ тогда бывъ, и весь трепеташе ѿ страха и боязни, ненадѣяся живъ быти. видяше бо пред очима смерть себѣ, и моляшеся гдү бгү и прчтѣй его бгомтри, и всѣмъ стымъ с теплыми слезами, дабы гдь бгъ помиловалъ его, и избавилъ ѿ напрасныя и горкія смерти и ѿ всенароднаго растерзанія. и поне гоизнулъ ѿ рукъ ихъ избѣжати, и укрыся на бѣло езеро в кvрілловъ мнтрь. новоезерскаго же мнтря игуменъ амфилохій и братія увѣдѣвше о немъ, послаша к нему ѿ братіи единаго монаха іону, и с нимъ послаша стый обра прпбнаго чудотворца кvрілла новоезерскаго, и написаніе житія его. болѧринъ же блгоговѣйно и со страхомъ веліимъ поклонися стому образу прпбнаго, паче же и с радостію и великою честію пріемъ, и любезно цѣлова его: и прочетъ житіе и чудеса прпбнаго, еже в животѣ своемъ со-

творилъ и преставленїи и еже по преставленїи, и зѣло удивися о преславномъ жительствѣ и о чудесѣхъ бываемыхъ ѿ него. и гдь бгъ млтїю своею вразуми его, и дхъ стый осїя срце его, яко же нѣкоею зарею пресвѣтлою, наполнися радости и веселїя вся внутренняя его и ѿ великїя тоя скорби и печали во утѣшїе и радость преложися, и молитвами прпбнаго чудотворца кѷрїлла новоезерскаго, гдь бгъ напр вложи ему, болярину, мысль блгу, еже ити в домъ стаго и живоноснаго воскрнїя хртва помолитися и у гроба чудотворца кѷрїлла честнымъ и многочудеснымъ мощемъ его приложитися: и по блгой той мысли вскорѣ пути касается. и пришедъ к новоезерскїй мнтрь и въ цркви стаго и живоноснаго воскрнїя хртова пѣвъ молебное пѣнїе, и прїиде ко гробу чудотворца кѷрїлла, и падъ на земли, моляся со слезами, гла: О прпбне ѻ҃че и преблженне авво кѷрїлле великїй, ты скорый помощниче и въ бѣдахъ теплый заступниче, избавляеши ѿ напрасныя смерти, и исцѣляеши ѿ различныхъ болѣзней и скорбей, и имѣеши велїе дерзновенїе, помолися ко гдү бгү и пречтѣй его бгомтри, дабы твоими стыми млтвами, всемлтивый гдь бгъ помиловалъ мене грѣшнаго, еже возвратитися въ цртвующїй градъ и в радости видѣти пресвѣтлое црское величество, и получити первый свой чинъ. и тако ему молящуся со воздыханїемъ срдчнымъ и слезами у гроба чудотворца на долгъ часъ, и воставъ ѿ молитвы, рече ко игумену и братїи, ту стоящимъ: ѻ҃цы стїи, помолитеся о мнѣ ко гдү бгү и прчтѣй его бгомтри и прпбному чудотворцу кѷрїллу, и аще гдь бгъ умилосердится о мнѣ грѣшнемъ, млтвъ ради угодника своего, блаженнаго кѷрїлла, возвращуся въ цртвующїй градъ, и великїй гдрь пожалуетъ во свой црскїй сѷнклїтъ въ первый чинъ, то созижду на семъ мѣсте црковь каменную, в честь и славу стаго и живоноснаго воскресенїя хртова и в похвалу угодника бжїя, прпбнаго ѻ҃ца кѷрїлла бѣлаго. игуменъ же и братїя слышавше таковое обѣщанїе болярина бориса и возрадовашеся, рекоша ему вси едиными усты: млть бжїя да будеть с тобою, и млтвы прпбнаго чудотворца кѷрїлла да поспѣшествуютъ ти во блгое, да возвратишися в первый свой чинъ. ѻн

же прирече аминь: буди тако по глаголу вашему, оц҃ы ст҃іи. и давъ братіи милостыню доволну, и возвратися в кѵрілловъ мн҃трь бѣлоезерскаго. не по мнозѣхъ же днехъ въ цр҃твующемъ градѣ москвѣ гнѣвъ бж҃їй преста, и умолче молва людска, и крамолницы разыдошася, и бысть тишина. и во дни тыя бл҃гочестивѣйшїй цр҃ь, воспомянувъ о преждереченномъ, ближнѣмъ своемъ болярнѣ борисѣ, и посла по него вскорѣ. болярнъ же той, по цр҃скому повелѣнїю спѣшнѣ возвращается въ цр҃твующїй градъ, и приходитъ к пресвѣтлому цр҃скому величеству, и покланяется ему бл҃гочинно, проса прощенїя и мл҃ти. великїй же гдрь, зря его в таковѣй бѣдѣ невинно страждуща, пожаловалъ его паки въ цр҃скїй свой сѵгклітъ, в первый его чинъ, яко же и бысть. онъ же, болярнъ, воспомянувъ свое обѣщанїе, еже обѣщася на новомъ езерѣ, у гроба чудотворца кѵрілла бѣлаго: и како вскорѣ бж҃їею милостїю и мл҃твами прп҃бнаго кѵрілла бѣлаго получилъ, по желанїю ср҃ца своего, цр҃скую премногую милость и призрѣнїе и возвращенїе в первый свой чинъ, и повелѣ немедленно созидати на новомъ езерѣ, на красномъ островѣ, цр҃ковь каменную. и в прїидущее лѣто ҂зр҃из обложена бысть цр҃ковь, и начаша дѣлатели рвы копати ко основанїю цр҃кве: яко же рече гдь во ст҃омъ евл҃їи: не можетъ гра҃ укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтилника и поставляютъ его под спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящїи видятъ свѣтъ. тако и сей свѣтилникъ хр҃товъ, бл҃женный оц҃ъ нашъ кѵріллъ, ѿ земленых боковъ сїяетъ и хощетъ поставитися на свѣтилѣ нб҃оподобной ап҃тльстѣй церкви, во явленїе всѣмъ человѣкомъ, на просвѣщенїе и исцѣленїе немощствующимъ ѿ различныхъ недуговъ и скорбей с вѣрою приходящи. обрѣтохомъ не яко сокровище злата или сребра чиста, ни бисеръ свѣтлосїяющихъ, ни камыкъ драгоцѣнныхъ свѣтящихся: но обрѣтохомъ сокровище чистѣе злата и сребра и свѣтлѣе бисеръ и дражайши камыкъ, не мимотекущее, но во вѣки пребывающее, не яко на селѣ скотопажитномъ ѿ человѣкъ издавна положенное, но яко в горнѣмъ иерл҃имѣ ѿ бг҃а хранимое рі҃в лѣтъ, среди нова езера на красно островѣ чтныя и многоцѣлебныя мощи прп҃бнаго оц҃а нашего кѵрілла, гро҃ его весь цѣлъ и нерушим бли

верхꙋ̀ земли̇̀, ꙗ҆́ко є҆ди́нъ ла́коть. и҆гꙋ́мен же и҆ бра́тїѧ возвѣсти́ша ѡ҆ се́мъ болѧ́ринꙋ. ѻ҆нъ же повѣ́да бл҃гочести́вѣйшемꙋ црю̀ всѐ бы́вшее по̀ рѧ́дꙋ, ка́ко є҆го̀ бг҃ъ сохрани́лъ ѿ растерза́нїѧ лю́дска, и҆ ка́ко бы́лъ в новоезе́рскомъ мⷭ҇трѣ̀ и҆ ѡ҆бѣща́лсѧ ᲂу҆ гро́ба чꙋдотво́рца кѵрі́лла бѣ́лаго, и҆ ка́ко стꙑ́хъ ра́ди є҆го̀ мл҃твъ вско́рѣ є҆мꙋ̀ возвраще́нїе бы́сть, и҆ прожи́тїе чꙋдотво́рца кѵрі́лла и҆ пресла́вныѧ и҆ многоразли́чныѧ чꙋдеса є҆гѡ̀, и҆ ка́ко ꙗ҆ви́лсѧ бл҃гочести́вѣйшемꙋ гд҃рю црю̀ и҆ вели́комꙋ кн҃зю і҆ѡа́ннꙋ васи́лїевичꙋ моско́вскомꙋ и҆ всеѧ̀ рѡссі́и самодє́ржцꙋ, и҆ и҆зба́ви́лъ є҆го̀ свои́мъ ꙗ҆вле́нїемъ ѿ напра́сныѧ сме́рти,* и҆ ка́ко

* Въ поясненіе этого указанія проповѣдника предлагаемъ вниманію читателя слѣдующую выписку изъ той же рукописи:

«О явленіи Преподобнаго Отца нашего Кѵрилла Бѣлаго Благочестивѣйшему Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу Московскому и всея Россіи Самодержцу.

«Въ лѣто 7050, царствующу Благочестивѣйшему и Богохранимому Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, Московскому и всея Россіи Самодержцу, и во едину от нощей почивающу ему во своихъ чертогѣхъ, явися ему во снѣ монахъ благообразенъ зѣло, и рече ему тихимъ гласомъ: Царю, заутра, воставъ, не ходи до третіаго часа дне в полату, и имянемъ нарекъ ю. Царь же рече ему: чесо ради не ити; онъ же рече: да не умреши напрасною смертію. Царь же вопроси, глаголя: ты кто еси, и что имя твое, и какъ имѣлъ еси без повелѣнія нашего в полаты моя внити. Явившійся же рече Царю: имя мое есть Кѵріллъ Бѣлый, а пустыня моя отстоитъ от града Бѣлаозера тридесять поприщъ, и прирече: послушай мене, Царю, еже рекохъ ти первѣе: и потомъ невидимъ бысть. Царь же, возбужся от сна своего, и пристрашенъ бывъ о необычномъ томъ и чудномъ видѣніи, и помышляше во умѣ своемъ, яко аще не бы отъ Бога посланъ былъ сей монахъ, не бы имени своего повѣдалъ, и о пустыни своей возвѣстилъ намъ, и воставъ скоро с ложа своего, и пребысть без сна и до утра, моляся Господу Богу, и Пречистѣй его Богоматери, и ихъ угоднику и чудотворцу Кѵріллу Бѣлому. Имѣяше бо Царь обычай по вся дни въ ту полату ходити, о ней же Святый заповѣдалъ: и не иде въ ню до третіаго часа дне. Видѣнія же своего никому не повѣда, но во умѣ своемъ храняше, и помышляя, что будетъ явльшагося возвѣщеніе. Во утрій же день собрашася въ ту полату

нынѣ обрѣтесѧ с честными мощми гробъ его близ верху земли, ѧко лакоть единъ. И се славный благочестивый гдрь црь и великїй кнзь Алексїй Михайловичъ, самодержецъ всеѧ Россїи, ѿ болѧрина

Князи и Боляре и весь Сигклітъ Царевъ по обычаю своему, видѣти Царское его и пресвѣтлое Величество, и поклоненіе ему сотворити, яко же достоитъ Царю, и ожидающе по обычаю Царскаго пришествія, не вѣдятъ что есть медленіе сіе. Въ третій же часъ дне бысть звукъ великъ, яко громъ возгремѣ, и потрясеся мѣсто, и паде та полата, и многихъ людей поби и подави до смерти, о ней же блаженный Кvрілъ возвѣстилъ. Царь же видѣвъ то, и удивися о преславномъ явленіи Преподобнаго Чудотворца Кvрілла Бѣлаго, како избавилъ его Святый явленіемъ своимъ от напрасныя смерти: въ купѣ же и радости многи исполнися, и повѣда явленіе Святаго всѣмъ ту предстоящимъ, како ему явися, и заповѣда не ити въ полату до третіяго часа дне, и нача вопрошати ихъ: кто бывалъ на Бѣлѣозерѣ, и кто знаетъ пустыню Кvрілла Бѣлаго. И многи рекоша ему ту предстоящіи: мы, благочестивѣйшій Царю, на Бѣлѣезерѣ бывали, и о пустынѣ Преподобнаго Кvрілла слышали, что отстоитъ от града Бѣлаезера тридесять поприщъ, по Новгородской дорогѣ, среди Новаезера (на Красномъ рекомѣмъ островѣ), и быша словеса ихъ по глаголу Святаго. Царь же в той часъ повелѣ послати съ грамотою на Бѣлоезеро в Кvріллову пустыню Бѣлаго, да вскорѣ пріѣдетъ тоя пустыни игуменъ и монахъ от братіи. Посланный же вскорѣ пріѣхавъ въ Новоезерскій монастырь, и подаде Царскую грамоту Игумену Васіану. Онъ же пріятъ ю с великою честію, и покланяется благоговѣйно, яко же есть лѣпо не посланнику, но пославшему и. И прочетъ ю пред всею братіею; и идоша вси въ церковь Святаго и живоноснаго воскресенія Христова, и пѣвше молебное пѣніе Всемилостивому Спасу, и Пречистѣй его Богоматери, и Преподобному Чудотворцу Кvріллу, и освятивше воду, и игуменъ Васіанъ, поимъ с собою от братій монаха, именемъ Сильвестра, благоговѣйна и монашескому жительству наказана, пути касается. И въ мирѣ достигаютъ царьствующаго града Москвы, молитвами Преподобнаго Кvрілла. И возвѣстиша Царю о пришествіи Новоезерскаго игумена. Царь же повелѣ ему къ себѣ пріити, и пріидоша къ Царю игуменъ Васіанъ и монахъ Сильвестръ, и принесоша ему святую икону, имущую написанъ образъ Преподобнаго Чудотворца Кvрілла, и святую воду, и хлѣбъ. Благочестивый же Царь покланяется образу благоговѣйно и со страхомъ

скоего, и совѣтока о семъ со отцемъ своимъ и богомольцемъ кир
иосифомъ, святѣйшимъ патріархомъ московскимъ и всеа россіи, и со
всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ своимъ царскимъ синклитомъ, и

великимъ, паче и радостію, пріемлетъ святую икону, и любезно цѣловавъ ю, и зря прилежно на ню, и позна Святаго, яко той есть явившійся ему во снѣ, и рече: о преподобне отче и преблаженне Кирілле, великій скорый помощниче и теплый предстателю, и избавителю напрасныя смерти, споспѣшествовавый мнѣ во святыхъ твоихъ молитвахъ ко Христу Богу. И сія ему глаголющу со слезами, и повѣда игумену явленіе Преподобнаго Чудотворца Кирілла, и како его избавилъ от напрасныя смерти. И повелѣ угостити игумена и монаха, иже съ нимъ, и даде имъ Царь ризы, и иныя церковныя утвари, и царскія своея казны на церковное зданіе и украшеніе, и монастырское строеніе и на потребу братіи тысящу рублевъ денегъ, и что отецъ его Государевъ, блаженные памяти, Великій Князь Василій Іоанновичъ всея Россіи, пожаловалъ Преподобному отцу Кирілу Бѣлому, еще ему живу сущу, на пропитаніе ему съ братіею, деревни Кобылина да Шидневъ. И благочестивѣйшій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ Московскій и всея Россіи Самодержецъ, по таковомъ къ тому отческому даянію, повелѣлъ придати на всѣ четыре страны по три версты отчины деревни съ крестьяны и со всякими угодіи, въ домъ святаго и живоноснаго воскресенія Христова и Пречистыя Богородицы, и Преподобнаго Чудотворца Кирілла Бѣлаго, в Новоезерскій монастырь игумену Васіану с братіею, и кто по нихъ инін игумени и братія въ той обители жительствовати будутъ. И давъ имъ грамоту за своею Царскою рукою и за великою печатью, в вѣчное утвержденіе, еже есть и до нынѣ всѣми видимое и хранимое въ монастырской крѣпостной хартопратіи... и на двѣнадцать братій столовыя мѣдныя и оловянныя сосуды, и в келліи рукомои и лоханы, и водоносы мѣдныя. И напутствовавъ игумена и монаха довольно, и отпусти ихъ во обитель с міромъ. Игуменъ же, пріѣхавъ в монастырь, и собра всю братію, повѣдаетъ имъ Великаго Государя Царское его жалованье и милость. Братія же слышавше, рекоша вси: буди Государь здравъ на Царскомъ своемъ престолѣ на многая лѣта. И идоша в церковь воскресенія Христова, и пѣвше молебное пѣніе Всемилостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, и ихъ угоднику Преподобному Чудотворцу Кирілу, и воздавше благодарственныя молитвы с радостными слезами, и въ Троицѣ слави-

послаша на бѣло езеро въ новоезерскій митрь преосщеннаго маркелла архіепкпа вологодскаго и великопермскаго, и повелѣша ему честныя многочудесныя мощи преподобнаго кѵрілла чудотворца ѿ земныхъ нѣдръ взяти. по благословенію же стѣйшаго патріарха, и по црскому повелѣнію, преосщенный маркеллъ архіепкпъ пріѣхавъ в новоезерскій митрь со архимадритомъ аѳанасіемъ кѵріллова митра бѣлоезерскаго, да того новоезерскаго монастыря со амѳилохіемъ игуменомъ, со іереи же и діаконы и сщеннымъ соборомъ, и монахи и множествомъ народа, пѣвше всенощное бдѣніе, и по молебномъ прошеніи окопавше гробъ, и ѿкрывше, обрѣтоша мощи прпбнаго оца кѵрілла чудотворца, яко благоуханный ѳиміамъ, или яко благовонный кипарисъ, испущая ароматныя вони: изыде бо из гроба ѿ чтныхъ его мощей благоуханіе веліе, и исполни мѣсто то, яко всѣмъ ту бывшимъ, архіерею же и множеству народа, удивлятися. архіерей же со архимандритомъ и игуменомъ и со всѣмъ осщеннымъ соборомъ,

---

мому Богу, и Чудотворцу Кѵріллу, сице глаголюще: О великославный преподобне отче нашъ Кѵрілле, о совершенный въ добродѣтеляхъ человѣче, о дивный подражателю совершенства Отца нашего небеснаго, о преблагій наставниче монахомъ, образе пустынножителей и устроителю общаго житія, всѣхъ православныхъ и правовѣрныхъ скорый помощниче и заступниче, Царя небеснаго умилостивителю, пролій нынѣ теплую твою молитву о насъ грѣшныхъ ко Господу Богу, яко, да презрѣвъ вся наша прегрѣшенія, отеческое свое намъ отверзетъ благоутробіе, въ первыхъ же да подастъ благовѣрному и благочестивому Государю нашему Царю и Великому Князю, имркъ, всея Россіи Самодержцу, здравіе Моисеево, лѣта его вѣку равная, силу Самсонову, міръ Соломоновъ, обладаніе Августово, Славу Александрову, побѣды на враги, яко Царю Константину и яко Давиду на Голіаѳа, и вся благая желанія сердца его да исполнитъ, благочестивую державу его да разширитъ и укрѣпитъ, Церковь свою Святую незыблемо сохранитъ, обиліе всяческихъ плодовъ земныхъ да даруетъ, рогъ православныхъ, благочестивое воинство да укрѣпитъ, и вся правовѣрные Христіаны да спасетъ и помилуетъ, яко единъ благій Богъ и человѣколюбецъ, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

взѣмше чтныѧ мощы стаго ѿ ветхаго гроба, и преложиша ихъ в новый гробъ, и принесоша ѧ в ветхую церковь вскрнїѧ хртова честно, со свѣщами и кандилы, со псалмы и пѣсньми и пѣнїими дховными, и всенароднымъ хваленїемъ, и положиша ихъ ту, дондеже совершится црковь каменнаѧ, въ лѣто ҂зрнз, мца ноемврїа въ з днь. в то же времѧ бывшїе ту людїе ѿ различныхъ болѣзней исцѣлевахуса, и ѿхождаху в домы своѧ, славѧще и блгодарѧще всесилнаго бга и пречтую его бгомтрь, и угодника ихъ прпбнаго кѵрілла. ветхаго же гроба, в нем же были мощи стаго, прїимаху людїе малыѧ частицы с вѣрою, и ѿ того многимъ недугомъ прогнанїе бываетъ, и исцѣленїѧ подаваютса млтвами прпбнаго оца нашего кѵрілла. егда же совершена бысть соборнаѧ каменнаѧ црковь стаго и живоноснаго воскрнїѧ хртова со предѣлы, велми украшена стыми и пречудными иконами и прочимъ црковнымъ украшенїемъ, и осщена бысть кѵріллова монастыра митрофаномъ архимандритомъ, да того новоезерскаго мнтра амѳилохїемъ игуменомъ, и раку съ чтными мощми прпбнаго чудотворца кѵрілла взѣмше ѿ ветхїѧ црквє, пренесоша честно со свѣщами и кандилы и с пѣнїемъ дховнымъ и народнымъ хваленїемъ в новую каменную црковь вскрнїѧ гда бга и спса нашего инса хрта, и положиша ѧ на десной странѣ у южныхъ вратъ, на мѣстѣ, идѣже прежде в земли сокровени быша, въ лѣто ҂зрѯ, мца августа въ кв день. ѿтолѣ же и донынѣ источаютъ различныѧ чудеса и подаютъ неоскуднаѧ исцѣленїѧ, с вѣрою приходѧщимъ къ чтнѣй рацѣ многочудесныхъ мощей его. тѣм же, о блгочестивїи празднолюбцы, днесь блаженную блаженнаго оца кѵрілла памѧть празднующе, онаго ѧко мужа праведнаго съ дховнымъ похвалѧюще веселїем: ибо похвалѧему праведнику, возвеселѧтса людїе, писанїе глетъ. О бгоизбранный вышнаго града иерлима гражданине, очищенный дхомъ стымъ уме, златовиднаѧ дше, земный аггле, небесный члче, чтнѣйшїй чистаго дѣвства храме, бгописанный досточуднаго терпѣнїѧ образе, бгохрахранимое дха стаго жилище, доблественный хртовъ воине, прпбне оче нашъ кѵрілле, скорый помощниче, проси у всеблгаго творца нашего гда бга даровати здравїе и долгоденствїе, блгочестивѣйшему

цр҃ю на́шемѹ, и҆мр҃къ: и҆ спосо́бствѹй е҆мѹ̀ хра́брьствовати на̀ вса̀ ва́рварскїа а҆зы́ки, е҆́же побѣди́ти и҆ покори́ти под но́зѣ е҆го̀ вса́каго врага̀ и҆ сопоста́та, и҆ пода́ти мі́р церква́мъ ст҃ы́мъ, тишинѹ́ же и҆ бл҃годе́йствїе и҆ и҆зооби́лїе плодо́въ земныхъ, всемѹ̀ православнороссїйскомѹ наро́дѹ. дне́сь же с вѣ́рою приходя́щихъ, со̀ стра́хомъ и҆ любо́вїю припа́дающихъ ко̀ ст҃о́мѹ гро́бѹ чтны́хъ и҆ многоцѣле́бныхъ моще́й твои́хъ, и҆ о҆́бра̀ подо́бїа твоего̀ любе́зно цѣлѹ́ющихъ, и҆ вса̀ правосла́вныа хр҃тїа́ны, ми́лостивнымъ твои́мъ предста́тельствомъ сохраня́й, ѿ всѣ̑ напа́стей, бѣ́дъ и҆ скорбе́й, и҆ ѿ нападе́нїа вра́жїа, и҆ смертоно́сныа а҆́звы и҆ ѿ вса́каго зла̀. мы́ же твою̀ па́мать ст҃ѹ́ю ѿ ро́да в ро́дъ и҆мамы чт҃но пра́здновати, сла́вяще просла́вльшаго тѧ̀ хр҃та̀ бг҃а, е҆мѹ же подоба́етъ вса́каа сла́ва, че́сть и҆ держа́ва, со̀ о҆ц҃е́мъ и҆ со̀ ст҃ы́мъ дх҃о́м нн҃ѣ и҆ пр҃но и҆ во̀ вѣ́ки вѣко́въ.

(Изъ рукописи XVII в., принадлежащей И. В. Бѣляеву).

Сообщ. Д. Ч. Илья Бѣляевъ.

ВЗЯТІЕ АЗОВА

ДОНЦАМИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАЙЛА ѲЕДОРОВИЧА.

Въ лѣта Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца.

Собравшеся военное вольное казачество изъ городовъ 500 человѣкъ на тихой Донъ, Атаманъ у нихъ былъ родомъ Нижняго Новаграда, что на Волгѣ рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ некое время Азовскій Паша, по нашему Воевода, отъ Турскихъ бояръ отдаде въ замужество дочь свою за Крымскаго Хана, а по нашему ихъ Царя Старчева, и тотъ Азовскій Паша, нагрузя четыре буса живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ Крымскому Хану Старчеву, а провожатыхъ съ нею послалъ 700 человѣкъ.

И въ то время, услышавъ на Дону казаки, Атаманъ съ товарищи, начали мыслить, какъ бы Царя Старьчия невѣсту въ полонъ взять и живота нажить, чего для сдѣлали они легкіе струги, и собравшеся во единъ кругъ, совѣтовали ити въ путь свой; и молились угодникамъ святымъ, Іоанну Предтечи и Николаю Чудотворцу, прося отъ нихъ помощи сіе дѣло совершить.

И по молитвѣ, собравшеся казаковъ четыреста человѣкъ, пошли въ путь свой, на Дону оставили для обереженія 100 человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ Архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся. Отправясь же Атаманъ съ казаками въ путь, влекли на себѣ струги свои къ морю, и шли до онаго недѣлю и два дни

Пришедши они къ морю, стали въ камышникъ, дабы устремить бусы, и оттуда Атаманъ отпустилъ десять человѣкъ казаковъ въ степь, да изловятъ какихъ ни будь звѣрей на съѣденіе; и тогда казаки въ степи нашли двухъ Татаръ спящихъ, а кони ихъ привязаны были; они же, емши ихъ, приведоша къ Атаману, которой началъ ихъ спрашивать: откуда вы ѣдете, и гдѣ пловутъ вашего Паши бусы, и сколько на оныхъ живота съ дочерью Пашевою? Татара же сказали, что мы изъ города Азова, ѣздили для звѣринаго промысла, и бусы заутра будутъ здѣсь, живота на оныхъ весьма много, а провожатыхъ 700 человѣкъ; и повелѣлъ Атаманъ Татарамъ головы срубить.

Въ половинѣ третьяго дня казаки, усмотрѣвъ пловущія бусы, сѣли въ легкія свои струги и прямо устремились на оныя, Татаръ же тутъ всѣхъ 700 человѣкъ порубили и пометали въ море, а бусы приставивъ къ берегу, всѣ товары выгрузили.

Потомъ Атаманъ всѣмъ казакамъ заказалъ накрѣпко, чтобъ никто къ Пашевой дочери и служащимъ при ней не ходили и насилія имъ не учинили, понеже надѣялся Атаманъ, что отъ Паши Азовскаго за дочерь и служащихъ при ней выкупу скоро быть должно.

Вскорѣ послѣ того Атаманъ послалъ на Донъ двухъ казаковъ на двухъ Татарскихъ лошадяхъ, да пригонятъ 300 коней; и пришедше они скоро на Донъ, сказали оставшимъ казакамъ, что помощію Крестителя Господня Предтечи и Чудотворца Николая поручилъ Богъ взять 74 буса съ дочерью и дѣвицами и со всѣми животами, а Татаръ всѣхъ 700 человѣкъ убили и пометали въ море; они же, услышавъ о томъ, прославиша Бога и угодниковъ его, и скоро пригнавше коней, всѣ животы свезли на Донъ, и дочъ Пашеву со всѣми служащими взяли съ собою, и на Дону весь животъ раздѣлили.

Услышавъ же Азовскій Паша, что Донскіе казаки бусы разбили, дочь его и служащихъ при ней двадцать пять дѣвокъ въ полонъ взяли, прислалъ на Донъ злата, сребра, жемчугу и всякаго живота на 10,000 тысячь рублей, чтобъ дочерь его съ дѣвками на выкупъ отдали. И казаки на выкупъ всѣ отдали, а Турецкій животъ весь отправили въ Астрахань смѣнять на Русскіе

товары, и привезли оттуда оныхъ на тринадцать тысячь рублей. Казаки отъ той Татарской свадьбы обогатились, и написали два образа во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца, и поставили въ часовню. Собравшеся казаки во единой кругъ, начали совѣтовать, какъ бы намъ Азовъ взять.

И Атаманъ Наумъ Васильевичъ и Есаулъ Иванъ Федоровичъ сказали: Разумно говорите, казаки вольные, молодцы добрые: какъ градъ Азовъ возмемъ, сдѣлаемъ 130 телѣгъ, и покроемъ ихъ кожами красными и черными, и во 100 телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ 30 телѣгъ по 4 человѣка казаковъ съ ружьями и Русскими товарами. Услышавъ у Атамана и Есаула совѣтъ, весьма похвалили и сказали всѣ: Да будетъ тако! И начаша готовити телѣги, и положили въ 30 телѣгъ по малу Русскихъ товаровъ и по 4 человѣка, и собравшеся казаки во единъ кругъ, тако сказали: Аще помощію Божіею и молитвами Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца возмемъ Азовъ, назадъ будемъ, или тамъ останемся. По совершеніи молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли къ Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день стали въ камышникѣ и начали думать, какъ бы взять Азовъ, и нѣсколько казаки задумались; Атаманъ же, видя казаковъ печальныхъ, сказалъ имъ: Что вы молчите, и тужите и печалитесь? Заутра намъ Богъ поможетъ взять Азовъ градъ.

Къ каждой телѣгѣ приставилъ Атаманъ по человѣку, а 300 человѣкъ снарядилъ въ хорошее Нѣмецкое платье, и заготовилъ листъ къ Азовскому Пашѣ или Коменданту, въ коемъ написано: Изъ Астраханскаго Царства отпущены товары съ торговыми людьми въ Турецкую землю, въ городъ Азовъ; и казаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячь выпись объявили, таможенной откупъ за печатью Атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову. И шесть человѣкъ, ѣдущихъ отъ Азова на коняхъ, увидѣвъ ихъ, стали спрашивать: Что за люди и откуда ѣдутъ? Казаки сказали: Ѣдемъ изъ Астрахани, торговые люди, съ Русскими товарами въ Азовъ градъ.

Атаманъ велѣлъ всему обозу остановиться, и тѣмъ людямъ по 3 бѣлки далъ. Татары же, взявъ бѣлки, поѣхали назадъ въ

Азовъ, и сказали о томъ Пашѣ или Коменданту: Ѣдущимъ намъ на звѣриную ловлю, встрѣтили мы великой обозъ Русскихъ людей со сто возовъ и больше, называются изъ Астраханскаго Царства торговые люди, ѣдутъ въ Азовъ, а товары у нихъ всякіе Русскіе есть и на нашу руку.

Паша же, услышавъ отъ своихъ Татаръ о торговыхъ людяхъ, послалъ восемь человѣкъ осмотрѣть тотъ товаръ, которые, пріѣхавъ къ казакамъ, стоящимъ со всѣмъ обозомъ близъ городовой стѣны, начали вопрошать, и казаки сказали, что они торговые люди изъ Астрахани. Татары и Турки, видя на казакахъ платье долгое торговое, говорили имъ: Послалъ насъ Паша нашъ и Комендантъ, покажите письмо изъ Астраханскаго Царства отъ Воеводы вашего, и какой у васъ есть товаръ продать. Атаманъ велѣлъ казакамъ 10 телѣгъ открыть, и казаки, 10 возовъ развязавъ, скоро открыли всякой товаръ, какъ то: котлы, порохъ, свинецъ, укладь, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки. Увидѣвъ то, Турки и Татары говорили: Во всѣхъ ли у васъ возахъ такой товаръ? Они имъ отвѣчали: Только въ двухъ возахъ есть у насъ Паши вашему и Коменданту подарки и развязать ихъ нельзя, а заутра тѣ подарки сами принесемъ, при чемъ осмотрителямъ подарили по лисицѣ, Туркамъ же паръ 6. По возвращеніи Турокъ Паша вопросилъ: Что они за люди, откуда пріѣхали и съ какими товарами? Они же отвѣтствовали, что торговые люди изъ Астраханскаго Царства, товары у нихъ всякіе Русскіе, открыли намъ 10 телѣгъ, въ которыхъ покладены были котлы, порохъ, свинецъ, укладь, холсты, сукна добрые, соболи, лисицы и бѣлки, да и во всѣхъ возахъ такой товаръ. Паша же вопросилъ: Есть ли у нихъ изъ Астраханскаго Царства отъ тамошняго Воеводы листъ о товарахъ, какіе званіемъ и на сколько по цѣнѣ оныхъ? Турки и Татары отвѣчали, что хотя и есть, но сами тебѣ покажутъ еще; они сказываютъ: Есть другіе подарки твоему Величеству; для того всѣхъ возовъ намъ не развязывали. Паша слышавъ, что есть у нихъ драгіе подарки, скоро торговыхъ людей въ городъ пустить повелѣлъ. Турки и Татары показали Пашѣ, что торговые люди подарили имъ по лисицѣ.

Паша, видѣвъ лисицы цѣною около 5 рублей, сказалъ: Меня, де, завтра одарятъ драгими подарками. Казаки же, по захожденіи

солнца, въѣхали въ Азовъ градъ, и Турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку, а казаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а иной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ, и начаша готовити пищу. Тогда пріидоша отъ Паши съ повелѣніемъ, чтобъ хозяева шли къ нему съ письменнымъ видомъ.

Атаманъ отобралъ получше 4 человѣка, пошелъ съ ними къ Пашѣ, взявъ съ собою отпускной листъ и на товары таможенные выписи, и пришедъ, по чину ему поклонились, и отдаде листъ. Паша же взялъ листъ и распечаталъ, и прочитавъ, спросилъ: Есть ли у васъ таможенные выписи? Атаманъ и выписи показалъ, сколько товаровъ и на сколько тысячъ; и, просмотря выписи, отдалъ торговымъ людямъ, а листъ взялъ себѣ.

Между тѣмъ Атаманъ вынулъ изъ мѣшка три сорока соболей и подарилъ ими Пашу, онъ же, принявъ, почтилъ ихъ и отпустилъ до утра. А какъ вышелъ Атаманъ съ товарищи своими отъ Паши, говорилъ слугѣ его: Заутра принесу ему драгіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было; понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся; слуга же о томъ возвѣстилъ Пашѣ, которой у возовъ торговыхъ людей караулу стоять не велѣлъ. Казаки же, сваря пищу, начали ѣсть, и по отъяденіи затворены ворота на запоръ, и они мало пріумолкли.

Потомъ Атаманъ велѣлъ телѣги развязать, и вылѣзло изъ оныхъ 400 человѣкъ, которые также начали ѣсть. По отъяденіи сказалъ Атаманъ: Всѣхъ казаковъ во единой кругъ, и сказалъ имъ: Какъ изъ гостиннаго двора выдете, на розно раздѣлитесь, никому назадъ не отступать и не выдавать. Самъ онъ пошелъ къ Пашеву двору, а прочіе въ другія мѣста; у возовъ же оставили чернаго попа Серапіона, съ нимъ десять человѣкъ, чтобы молились Богу и угодникамъ его, Іоанну Предтечи и Николаю Чудотворцу. Какъ пошли съ гостиннаго двора, закричали громкимъ голосомъ, и начали на караулахъ Турокъ и Татаръ рубить, къ воротамъ же поставили свой караулъ. Къ Пашѣ въ палату зашелъ самъ Атаманъ, и голову у него срубилъ, потомъ услышали въ городѣ Турки и Татары голосъ Русскихъ людей, иные вышли безъ ружья, а другіе съ ружьемъ, но казаки рубятъ и копіями колютъ, какъ свиней, или овецъ, и разыдошася казаки по всему Азову, гдѣ сто,

гдѣ пятдесятъ, а индѣ и по десяти человѣкъ, и рубили съ полуночи до самаго свѣту; и видѣвъ Турки и Татары, что ихъ много убили, прятались гдѣ кто могъ, казаки жъ въ домахъ ходя, ихъ убивали, и всѣхъ Турокъ и Татаръ и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли.

По окончаніи сего дѣйствія, Атаманъ приказалъ мертвыя тѣла собирать и возить въ море, и возили ихъ ровно два дня, молодыхъ же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и по дѣлу на каждаго казака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня, и взявъ съ собой иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ.

Атаманъ, раздавъ казакамъ домы, въ коихъ они начали жить и Бога хвалить, и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтеча и Николая Чудотворца; потомъ казаки отъ воинства своего послали трехъ человѣкъ въ Астрахань къ Архіепископу Макарію съ писаніемъ, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви Архимандрита, попа и діякона, а пожаловалъ бы въ ту церковь антиминсъ.

Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго и діякона на освященіе церки и далъ имъ антиминсъ и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. Пришедъ же попъ и діяконъ, церковь освятили, и многіе казаки на Турчанкахъ женились и въ Христіянскую Вѣру приведены.

Пронесошеся о семъ вѣсть въ Русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до 5,000 человѣкъ.

РОСПИСЬ

ВЕЩАМЪ, ПОСЛАННЫМЪ ИЗЪ РИЗНИЦЫ ТРОИЦКАГО СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ

ВЪ МОСКВУ, ВЪ ГРАНОВИТУЮ ПАЛАТУ,

въ 1654 году.

— —

162 года, Февраля въ день. Роспись, что по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи Указу, отпущено къ Москвѣ изъ Троицкаго Сергіева монастыря разные казны, и та разная казна принята въ Грановитую палату:

Евангеліе печатное на Александрійской бумагѣ, по обрѣзу золочено, верхняя цка золота, на ней посреди распятіе Христово, а по угламъ Евангелисты, около распятія Господня, и около Евангелистовъ каймы, а на каймахъ яхонты червчаты и изумруды, въ подписи искорки алмазные да искорки червчаты яхонтовые, прокладка ткана золотомъ съ червчатымъ шолкомъ, у прокладокъ ворворочки низаны жемчюгомъ, застѣшки золоты, на верхней за-

---

* Предлагаемая Роспись писана столбцемъ, на 15 листкахъ, и находится въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры подъ N 71. Слова, включенныя между знаками « », писаны другою, современною, рукою, но въ концѣ первыхъ трехъ статей Росписи—рукою Московскаго Митрополита Платона, который, на оборотѣ, сверху, замѣтилъ еще: «Ризъ 21, епитрахелей 7, стихарей 2, орарей 2, поручей 3, подризникъ 1, поясовъ 15, всѣ жемчужные, данные въ обитель Преподобному Сергію отъ разныхъ вкладчиковъ, по ихъ вѣрѣ къ Чудотворцу. Неизвѣстно, по чему изъ сей обители взяты и розданы по разнымъ мѣстамъ, по Указу Царя Алексѣя Михайловича. 1806 года».

стѣшкѣ два яхонта червчаты, да четыре искры яхонтовые червчаты, да шесть искоръ изумрудные, на исподней застѣшкѣ два яхонта жъ червчаты, да четыре искры яхонтовые жъ червчаты, да шесть искоръ изумрудные съ финифты. Вкладъ боярина Ивана Никитича Романова. «Евангеліе сіе въ Лаврѣ имѣется».

Шапка, на ней вѣнецъ золотъ, а на вѣнцѣ каменья, четыре лалы, два изумруда, два яхонта лазоревы, на шапкѣ жъ восемь дробницъ золотыхъ, а на нихъ начертаны Деисусъ да святые страстотѣрпцы Борисъ и Глѣбъ, и святый мученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ, да святая Марія Магдалина, да преподобный Сергій, вверху на шапкѣ посреди дробница большая круглая золота же, а на ней начертано и наведено чернью Святая Троица, восемь дробницъ золотыхъ, а на нихъ начертаны и наведены чернью Херувимы, промежъ дробницъ каменье, восемь яхонтовъ лазоревы, восемь лаловъ, восемь изумрудовъ, а поверхъ вѣнца и поверхъ дробницъ и около каменья обнизано жемчюгомъ большимъ Каѳимскимъ въ одну прядь, а на вѣнцѣ начертана подпись, наведена чернью: Повелѣніемъ Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Россіи дѣлана сія шапка во 111 году. «Шапка сія признается быть въ Лаврѣ, ибо по большой части съ описью сею сходна и кажется, передѣлана и называется Годуновскою».

Шапка, на ней семь дробницъ золоты, на нихъ начеканенъ Деисусъ, да семь дробницъ круглыхъ, а на нихъ чеканены Святые, около Святыхъ наведено финифты разными, поверхъ шапки дробница большая, на ней начеканенъ образъ Святые Троицы, около дробницъ по край резанъ трепарь: Благословенъ еси, Христе Боже нашъ,—финифтомъ черным, на Спасовѣ дробницѣ восемь каменей, алмазы и яхонты черьчаты въ гнѣздахъ, да у Спаса жъ надъ главою и на престолѣ искорки яхонтовы, да по обѣ стороны Спасова образа двѣ запонки золоты, наведены финифтомъ, да на тѣхъ же двухъ запонкахъ кресты золоты жъ, а въ нихъ вставливаны изумруды и яхонты червчаты, да межъ большихъ дробницъ три запонки золоты съ финифты, а въ нихъ по яхонту лазореву, да двѣ запонки золоты жъ съ финифты, а въ нихъ по изумруду, да по два алмаза, да по два яхонта въ гнѣздѣхъ, да межъ круглыхъ дробницъ четыре яхонта лазоревы въ гнѣздахъ, одинъ великъ, да межъ тѣхъ же дробницъ лалъ, да два лала въ

гнѣздахъ съ финифты гранены; около всѣхъ дробницъ и около запонковъ обнизано жемчюгомъ, а около жемчюга обшито канителью, вѣнецъ около шапки золотъ. Дана по боярынѣ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Мстисловскомъ. «Сей шапки нѣтъ; а какъ не подписано, чтобъ она была въ отдачѣ, то не передѣлана ли она»?

Ризы аксамитъ золотной, оплечье бархатъ червчатъ, низано жемчюгомъ оплечье большимъ, промежъ жемчюгу шестнатцать дробницъ серебряные золочены, на нихъ начертаны Святые, да тритцать одна дробница, золоты не велики круглые, въ оплечье же четыре яхонта лазоревы, и въ томъ числѣ одинъ граненъ, да четыре лалика, да изумрудецъ не велики, да осьмнатцать камней разныхъ цвѣтовъ, винисъ и достаканъ и смазни всѣ въ гнѣздѣхъ, а крестъ на ризахъ низанъ жемчюгомъ, въ крестѣ яхонтъ червчатъ, да два яхонта лазоревы, да бирюза да изумрудъ, да на подолѣ звѣзда низана жемчюгомъ по черному бархату съ дробницами мелкими, а снето то круживо съ Судцкихъ ризъ. И съ тѣхъ ризъ оплечье по Государеву Указу взято къ Москвѣ въ прошломъ въ 159 году Августа въ 12 день. «162-го Маія въ 15 день съ сихъ ризъ крестъ и звѣзда и круживо снято и нашиты Савинсково Сторожевскаго монастыря Архимариту къ ризамъ».

Ризы отласъ золотной съ серебромъ, травы межъ золота и серебра, шолкъ червчатъ да зеленъ, крестъ низанъ жемчюгомъ большимъ, а въ крестѣ два яхонта лазоревы, да два лала да изумрудъ, оплечье низано жемчюгомъ большимъ и среднимъ по червчатому бархату съ дробницами, дробницы серебрены золочены со Святыми, а иные простые, да на оплечьѣ жъ семь яхонтовъ лазоревыхъ, да пять лаловъ, звѣзда чеканная, а въ ней бирюза, около низано жемчюгомъ въ одну прядь, по подолу круживо, отласъ золотной по черной землѣ. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ серебренъ, въ травахъ золото да шелкъ алъ, да зеленъ да лазоревъ, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ, а на оплечьѣ шесть дробницъ серебреныхъ кіотцами, на нихъ начертаны Святые, да десять дробницъ круглыхъ, на нихъ резаны репейки, около репейковъ шито розными шолки, да дватцать четыре камени въ гнѣздахъ розными цвѣты, а межъ большихъ дробницъ и каменья дѣлано дробницы мелкіе серебреные, кру-

живо около ризъ отласъ цвѣтной. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ золотной по зеленой землѣ, оплечье бархатъ золой Венедицкой по червчатой землѣ аксамитинъ, низанъ жемчюгомъ мелкимъ около травъ въ одну прядь. Дачи Василья Ивановича Нагово. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Ризы отласъ лазоревъ, оплечье низано жемчюгомъ по черному бархату съ дробницами серебреными золочеными, подложены киндякомъ лазоревымъ. Дачи боярина Князя Ѳедора Ивановича Мстисловского. «Приняты и отданы Савинскому Казначею Микитѣ».

Ризы отласъ серебренъ, въ травахъ шелкъ алъ да рудожелтъ, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ, а на нихъ шесть дробницъ кіотцами, деєять дробницъ круглыхъ серебрены золочены, а на нихъ начертаны Святые Херувимы, да въ травахъ мелкіе золотые дробницы, три камени смазни въ гнѣздахъ, около дробницъ и жемчюгу обвожены веревочки золотные, крестъ и звѣзда низано жемчюгомъ, а въ крестѣ камень лазоревъ, яхонтъ да четыре дробницы, круживо бархатъ золотной червчатъ, подпушка отласъ червчатъ, подложено бязью. Дачи Сутскихъ Князей. «Приняты и отданы Савинскому Казначею Микитѣ».

Ризы алтабазъ Немѣцкой на багровомъ шелку, оплечье и складное низано жемчюгомъ, травы порознымъ бархатомъ, а въ немъ одинатцать каменей да девятнатцать мѣстъ порожжихъ, около дватцать три дробницы, на нихъ резаны Святые стоячіе, да по другому краю пятнатцать дробницъ малыхъ круглыхъ, а на нихъ резаны Святые поясные, крестъ жемчюгомъ низанъ, а въ немъ икона Спасовъ образъ на камени, около три камени розныхъ цвѣтовъ, круживо плетенецъ серебромъ золотомъ по бархату по червчатому. «Приняты и отданы Козминскому Игумну».

Ризы отласъ серебренъ по лазоревой землѣ чешуйчаты, оплечье бархатъ таусинной, низано жемчюгомъ, дробницы серебрены, наведены чернью, опушены бархатомъ таусиннымъ золотнымъ. «Приняты и отданы ему жъ».

Ризы отласъ золотной клинчаты по таусинной землѣ, оплечье низано жемчюгомъ, земля вся шита золотомъ, на оплечьѣ девять дробницъ большихъ кіотцами, на нихъ резаны Святые, да восемь дробницъ круглыхъ, на нихъ резаны Херувими и Серафими, всѣ дробницы золочены, да въ оплечьѣ жъ два яхонта лазоревы, да три бирюзы, да дватцать два камени смазни розными цвѣтами, около жемчюгу обложено багровымъ шелкомъ, крестъ и звѣзда бархатъ багровъ, а въ крестѣ пять каменей плохихъ, да въ крестѣ жъ и звѣздѣ по четыре дробницы басмейные, круживо золотое дѣлано въ кружки; подложены киндякомъ дымчатымъ. «Приняты и отданы Стрѣтенскому Протопопу Петру».

Ризы отласъ золотной, круги уголчаты по червчатой землѣ, въ травахъ шелкъ червчатъ бѣлъ, зеленъ, дѣланы изъ Сутскихъ гробныхъ покрововъ: оплечье, на нихъ бархатъ багровъ, низано жемчюгомъ, а межъ жемчюгу девять дробницъ кіотцами, да двѣ дробницы круглые, на нихъ начертаны Святые золочены, да межъ дробницъ большихъ дробницы мелкіе, около жемчюгу и дробницъ обложены веревочки золотные, крестъ низанъ жемчюгомъ по черному бархату, а въ крестѣ камышекъ въ гнѣздѣ, круживо шито золотомъ и серебромъ, елки по лазоревой землѣ; подложены крашениною. «Приняты и отданы Борисоглѣбскому Игумену Антонію».

Ризы отласъ золотной по лазоревой землѣ, травы золоты уголчаты, оплечье низано жемчюгомъ съ каменьи и съ дробницами по червчатому бархату, подольникъ отласъ зеленъ, шито серебромъ; подложены киндякомъ червчатымъ. Подпись 24 глава (по Описи). «Принято (и) отдано Борисоглѣбскому Игумну».

Ризы отласъ серебрянъ, травы шелкъ рудожелтъ да червчатъ, оплечье бархатъ червчатъ, жемчюгомъ низано большимъ, дробницы большіе серебряные золочены, а на нихъ на задней дробницѣ вырезанъ образъ Живоначальные Троицы, а на передней дробницѣ образъ Пречистые Богородицы на престолѣ; а на сторонихъ дробницахъ начертаны Святые, а межъ большихъ дробницъ дробницы середніе съ каменьи, а каменье плохіе, круживо около ризъ дѣлано канителью и куртулиномъ по червчатому отласу. Словутъ Никонскіе. «Приняты и отданы Благовѣщенскому Протопопу Степану».

Ризы отласъ золотной по лазоревой землѣ, въ травахъ шелкъ разныхъ цвѣтовъ, оплечье бархатъ багровъ, низано жемчюгомъ, на оплечьѣ шиты образъ Живоначальные Троицы да Пречистые Богородицы и иные Святые, шиты золотомъ и серебромъ, въ вѣнцахъ жемчюги и камушки, крестъ и звѣзда серебреные тканые, круживо серебряное тканое, подпушка тафта лазорева, подкладка киндякъ зеленъ. «Приняты (и) отданы Рожественскому Протопопу Андреяну».

Ризы отласъ золотной по таусинной землѣ, оплечье низано жемчюгомъ по червчатому бархату, около жемчюгу веревочки золотые, а на оплечьѣ четырнатцать дробницъ серебряные золочены, да двѣ дробницы золотые, да двѣ дробницы чеканные, на оплечьѣ жъ каменья тумпазъ, да два яхонта лазоревы въ гнѣздахъ, да яхонтъ безъ гнѣзда, да лалик не великъ, да двѣ бирюзы въ гнѣздахъ, да четырнатцать каменей простыхъ, крестъ и звѣзда низано жемчугомъ, круживо около ризъ отласъ золотной по лазоревой землѣ, подложены дорогами лазоревыми, подпушка подложена отласомъ зеленымъ. «Приняты (и) отданы Мокѣю Протопопу».

Ризы отласъ бѣлъ серебрянъ, травы разводъ круги большіе золотомъ да шелки розными, оплечье и круживо низано жемчюгомъ среднимъ и мелкимъ съ дробницами золоченными по червчатой камкѣ, да на оплечьѣ жъ девять дробницъ большихъ кругыхъ серебряны позолочены, а на нихъ начертаны Святые, въ крестѣ четыре дробницы да камень яхонтъ, да въ звѣздѣ четыре дробницы, круживо низано жемчюгомъ по червчатой землѣ. Дачи Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи. «Принято (и) отдано Казанскому Архимариту Прохору. Написано было 10 дробницъ, по досмотру 9 дробницъ большихъ».

Ризы отласъ серебрянъ, травы золотые, оплечье низано жемчюгомъ по таусинному бархату съ дробницами золотыми, на дробницахъ наведены чернью праздники и Святые. Даны по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ, во иноцѣхъ Іоилѣ. «Приняты и отданы Казанскому Архимариту Прохору».

Ризы бархатъ золотной Персидской по рудожелтой землѣ, оплечье низано жемчюгомъ съ камышки и съ канителью, крестъ

низанъ жемчюгомъ. Дачи Околничево Князь Василья Петровича Львова. «Приняты и отданы Петровскому Игумену».

Ризы бархательные, оплечье шито золотомъ и серебромъ и розными шелки, земля шита шолкомъ вишневымъ, около оплечья кайма на камнѣ багровѣ, низано жемчюгомъ мелкимъ въ одну прядь, лѣтописецъ круживо отласъ бѣлъ процвѣчиванъ, шелкъ вишневъ зеленъ репейками, подпушены тафтою червчатою, подложены зенденью лазоревою.

Ризы отласъ серебрянъ бѣлъ, травы золоты съ шолки розными, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ середнимъ съ дробницами, поверхъ травъ и по краемъ жемчюгъ большой, крестъ и звѣзда низано жемчюгомъ съ каменьемъ, круживо бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ съ дробницами золочеными. Дачи Королевы старицы Марѳы Володимеровны. «Приняты и отданы Савинскому Ризничему Филарету».

Ризы отласъ золотной по червчатой землѣ, оплечье бархатъ чернъ, низано жемчюгомъ лапками съ травами, да на оплечьѣ жъ восемь дробницъ большихъ полатками серебряными, а на дробницахъ резаны Святые, а около дробницъ низано жемчюгомъ въ одну прядь, а около вóрота и около оплечья кайма, слова низаны жемчюгомъ мелкимъ тропарь Святѣй Троицѣ, крестъ низанъ жемчюгомъ въ одну прядь, а въ крестѣ пять дробницъ круглыхъ золочены, а въ нихъ начертаны Херувими и Серафими; посередь начертанъ крестъ, звѣзда жемчюгомъ низана въ одну прядь, репей на бархатѣ на черномъ, круживо алтабасъ. Немѣцкой мѣдяной на черной землѣ; подложены зенденью свѣтло зеленою, подпушка тафта червчата. «Приняты и отданы Протопопу Мокѣю».

Ризы отласъ золотной по бѣлой землѣ, оплечье низано жемчюгомъ по червчатому бархату, на немъ десять дробницъ большихъ серебряные золочены, на нихъ начертанъ Деисусъ, а въ травахъ дробницы серебряны золочены троеуголчаты, около оплечья слова, низано жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, въ крестѣ и въ звѣздѣ по камышку бирюзѣ, круживо бархатъ червчатъ золотной аксамитной петлеватъ; подложены дорогами желтыми, подпушены тафтою червчатою. Дачи боярина Князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкаго. «Приняты и отданы Петровскому Игумену».

Патрахели жемчюжные:

Патрахель бархатъ червчатъ, низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми, ердань шита золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, на ердани низанъ крестъ жемчюгомъ, пугвицы золотые, кисти розныхъ шелковъ, накищиваны золотомъ и серебромъ, ворворки низаны жемчюгомъ; подложена камкою червчатою. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи.

Патрахель шита золотомъ со Святители, низано жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены, ердань отласъ цвѣтной по лазоревой землѣ, на ердани образъ Спасовъ низанъ жемчюгомъ, семнадцеть кистей шелковыхъ, ворворки низаны жемчюгомъ; подложена камкою червчатою. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель бархатъ таусинной, низана жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, пугвицы серебряные золоченые, ердань у патрахели отласъ червчатъ золотной съ кистьми, ворворки низаны жемчюгомъ, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель бархатъ чернъ, низана жемчюгомъ съ дробницами серебряными, пугвицы серебряны золочены, кисти жетковы (д. б. шелковы), ворворки низаны жемчюгомъ, ердань отласъ золотной червчатъ, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Архимариту Никонору».

Патрахель отласъ золотной по червчатой землѣ съ дробницами, низана жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены, кисти жетковы, ворворки низаны жемчюгомъ, ердань отласъ золотной, подложена камкою червчатою. «Принята и отдана Савинскому Казначею Микитѣ».

Патрахель бархатъ чернъ, низанъ жемчюгомъ съ дробницами серебряными золочеными, на ней шесть дробницъ большихъ серебряные чеканеные, на дробницахъ Святые, у патрахели тринатцеть пуговицъ серебряные сканные золочены, ердань бархатъ червчатъ золотной, да одинатцеть кистей накищиваны золотомъ, ворворки низаны жемчюгомъ, подложена дорогами свѣтлолазоревыми. Дачи Княгини Анны Васильевны Трубецкой.

Патрахель отласъ золотной по лазоревой землѣ, на ней десять дробницъ большихъ золоченыхъ, начертаны праздники, около дробницъ обвязано жемчюгомъ въ одну прядь, кисти шелковые, десять пугвицъ хрустальныхъ. «Принято и отдано Мокѣю Протопопу».

Поручи жемчюжные:

Поручи бархатъ червчатъ, низанъ жемчюгомъ съ дробницами золотыми, пугвицы золотые. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи Поручи бархатъ чернъ съ дробницами серебряными, низаны жемчюгомъ, пугвицы серебряные золочены. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту».

Поручи бархатъ таусинной, низано жемчюгомъ, пугвицы серебряны золочены.

Порухи бархатъ червчатъ, низаны жемчюгомъ, а на нихъ восемь дробницъ круглыхъ серебряны золочены, на нихъ начертанъ Деисусъ, дватцать четыре пугвицы серебряные золочены не велики, подложены дорогами зелеными. Дачи Княгини Анны Васильевны Трубецкой.

Поручи отласъ червчатъ, а на нихъ шитъ праздникъ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, низаны жемчюгомъ мелкимъ. Дачи Евдокѣи Скуратовы. «Приняты и отданы Савинскому Архимариту».

Стихари дьяконскіе жемчюжные:

Стихарь отласъ серебрянъ, травы золоты съ шелки, оплечье низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми по зеленому отласу, зарукавье низано жемчюгомъ съ дробницами золотыми по зеленому отласу, круживо бархатъ золотной червчатъ. Дачи Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи. «Принято, отдано Казанскому Протодьякону».

Стихарь отласъ бѣлъ серебрянъ, травы золоты, оплечье и зарукавье низано жемчюгомъ по таусинному бархату. Данъ по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ, во иноцѣхъ Іоилѣ. «Принятъ и отданъ Савинскому Дьякону Кипріяну».

Улари жемчужные:

Уларь низанъ жемчюгомъ по зеленому отласу съ дробницами золотыми, полежемъ камкою червчатою, кисти шелковые, ворворки низаны жемчюгомъ. Дачи Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи. «Принятъ и отданъ Казанскому Протодьякону».

Уларь низанъ жемчюгомъ по таусинному бархату. Данъ по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ. «Принятъ и отданъ Савинскому Дьякону Кипреяну».

Стихари подризные:

Стихарей кушачей полосы розныя, оплечье и зарукавье камка червчата, кружево Камка Кизылбашская. «Приняты и отданы Андреяну Протопопу».

Поясы жемчюжные:

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ, по немъ тканы кресты лазоревы да червчаты, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ.

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчугомъ. «(п)».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, кисти шелкъ розной. «Принятъ и отданъ Ризничему Савинскому».

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ крещатъ, у пояса кисти золотомъ перевиваны, ворворки у кистей низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да желтъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ съ дробницами, у перевяски ворворки просты. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, кисти шелкъ чернъ да бѣлъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ, кисти шелкъ багровъ да чернъ да бѣлъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, а промежъ кистей подъ жемчюгомъ перевиванъ оволоченымъ золотомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да зеленъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ, у перевяски ворворки перевиваны золотомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ крещатъ, у кистей ворворки низаны жемчюгомъ мелкимъ, шито золотомъ. «Принято».

Поясъ тканъ золотомъ да серебромъ крещатъ, кисти золото да серебро, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принятъ и отданъ Савинскому Казначею».

Поясъ большой дѣланъ въ крушки золотомъ и серебромъ, кисти золото съ серебромъ, ворворки обнизаны жемчюгомъ по червчатому отласу, пряжа и наконечки серебряные.

Поясъ шелкъ зеленъ, кресты тканы золотомъ и серебромъ, кисти шелкъ зеленъ, четыре ворворки жемчюжные, пряжа серебряная.

Поясъ шелкъ червчатъ да лазоревъ, привяски шелкъ тканъ столбцомъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Поясъ шелкъ червчатъ, тканъ въ крушки, у него кисти шелкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюгомъ. «Принято».

Сообщ. Іеромонахъ Арсеній.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ

ИКОНОПИСАНІИ ВЪ СИБИРИ.

Ермакъ разбилъ Кучума и овладѣлъ его столицей осенью 1581 года. Съ этѣхъ поръ отъ покоренной Татарской столицы, какъ бы отъ центра, владычество Русскихъ стало распространяться на сѣверъ, югъ и въ особенности на востокъ Сибири и распространилось чрезвычайно быстро; къ 1620 году наша власть и наши заселенія простирались отъ Урала до Енисея и отъ Томска до Пелыми, Обдорска и Мангазеи; къ 1660 году Русскіе были уже на низовьяхъ Лены и Колымы и въ верховьяхъ Амура, и тамъ имѣли, кромѣ другихъ городовъ, Иркутскъ, Якутскъ и Албазинъ; а въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII столѣтія они уже утвердились въ Камчаткѣ.

Съ Русскими явилось въ Сибири и Христіянство, сначала въ лицѣ ихъ однихъ, а потомъ и въ лицѣ, обращенныхъ ими, туземныхъ племенъ: Остяковъ, Вогуловъ, Якутовъ, Тунгусовъ и пр.

Русскіе, какъ Христіяне, селясь въ Сибири, съ особеннымъ усердіемъ устрояли мѣста общественнаго богослуженія. Это въ началѣ обыкновенно дѣлалось такъ: гдѣ Русскіе промышленники и Казаки избирали мѣста удобныя для мѣновой торговли съ инородцами и для сбора съ нихъ ясаку, тамъ они тотчасъ ставили крестъ, а послѣ строили и часовню; гдѣ Русскіе ставили острогъ (укрѣпленіе), тамъ они строили уже и церковь, а гдѣ основывали городъ, тамъ заводили уже не только церковь, или церкви, но

и монастырь.[1] Съ неменьшимъ усердіемъ Русскими въ послѣдствіи устроились молитвенныя зданія и среди обратившихся инородцевъ, на пр., на р. Оби, гдѣ нынѣ Кондинскій монастырь, еще въ 1602 году была устроена церковь для принявшаго передъ тѣмъ крещеніе Остяцкаго Князьца Алачева, а въ 1712—27 годахъ Митрополитомъ Тобольскимъ Филоѳеемъ, среди 40 тысячъ крещенныхъ имъ Остяковъ, Вогуловъ, Самоѣдовъ, Татаръ (живущихъ по Турѣ) и другихъ инородцевъ, выстроено было до 37 церквей, и кромѣ того поставлено много часовенъ и крестовъ подъ деревянными навѣсами.

Нужныя для монастырей, храмовъ, часовенъ, а также и для жилищъ, какъ Русскихъ, такъ и новокрещенцыхъ Сибирскихъ инородцевъ иконы (равно какъ и всякая другая церковная утварь, на пр., священные сосуды, колокола, богослужебныя книги и пр.) первоначально всѣ были получаемы изъ Россіи. Ихъ въ нѣкоторомъ количествѣ прежде другихъ принесъ въ Сибирь Ермакъ съ своими сподвижниками;[2] ихъ (между прочимъ списки съ чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи) везли[3] и несли,[4] вмѣстѣ съ домашней утварью, частныя лица, переселявшіяся въ Сибирь, или только на время пріѣзжавшія туда; ихъ привозили изъ Россіи для сбыта Сибирякамъ торговцы; ихъ выписывали, и цѣлыми иконостасами, строители монастырей, собо-

---

[1] Ист. Обозр. Сиб. Словцова, Кн. I, стр. 58.

[2] Ермаковыхъ иконъ въ Тоб. Соборѣ, какъ это видно изъ описей соборныхъ, сохранилось до настоящаго времени до семи, между прочимъ икона Христа Спасителя съ предстоящими въ серебряныхъ вѣнцахъ; изъ прочихъ, какъ замѣчательныхъ исторически, Преосв. Тобольскими одна была отправлена для поднесенія Государямъ Императорамъ, по случаю ихъ восшествія на престолъ, или коронованія, а другія розданы въ благословеніе важнымъ лицамъ, на пр., Сибирскимъ Губернаторамъ и Воеводамъ.

[3] Къ иконамъ, привезеннымъ изъ Россіи, слѣдуетъ отнести особенно чтимую икону Смоленской Божіей Матери, что въ Осиповой слободѣ, Ялуторов. уѣзда, и икону Тихвинской Божіей Матери, находящуюся въ Тарской кладбищенской церкви, а также много чтимую.

[4] Изъ Россіи въ Сибирь принесена, принимая это слово въ буквальномъ смыслѣ, икона Святителя Николая, называемая Можайскою, что въ деревнѣ Самсоновой, близъ Тары. (Моск. Вѣд. 1852 г., N 138, стр. 1449).

ровъ и (лучшихъ) приходскихъ храмовъ; ихъ присылали иногда въ благословеніе или цѣлой паствѣ, или частнымъ лицамъ, и вновь назначаемые туда Архипастыри;[5] ихъ наконецъ присылали, особенно въ первыя церкви Сибирскихъ городовъ и остроговъ наши благочестивые Цари, на пр., отъ Царя Ѳедора Ивановича были присланы въ первую Тобольскую (Троицкую) церковь иконы: 1) Господа Іисуса Христа, сѣдящаго на престолѣ; 2) Одигитріи Божіей Матери, и 3) Нерукотвореннаго образа Спасителя (изъ которыхъ двѣ первыя, со времени уничтоженія Троицкаго собора, въ 1791 году, находятся въ алтарѣ теплаго Тобольскаго каѳедральнаго собора, а третья въ Тобольской же Спасской церкви), и въ церковь городка Табаръ, нынѣ села Табаринскаго уѣзда; отъ Царя Бориса Ѳедоровича Годунова были присланы въ 1601 году въ Туринскъ, въ строившуюся тогда тамъ церковь во имя Святыхъ благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, сверхъ разной церковной утвари, храмовой образъ Бориса и Глѣба, Деисусъ (состоящій) изъ 9 иконъ, Царскія двери со стольцами, запрестольный образъ Богоматери и крестъ, обложенный мѣдью, да въ началѣ 1605 г. въ Верхотурскій Николаевскій монастырь нѣсколько иконъ; въ 1607 году Царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ тотъ же Верхотурскій монастырь выслалъ почти цѣлые иконостасы для настоящей его Николаевской церкви и придѣльной Борисоглѣбской; Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, около 1623 года, прислалъ разныя иконы въ Кузнецкій Преображенскій соборъ и

---

[5] Такихъ иконъ доселѣ извѣстно три: одна Казанской Божіей Матери въ Нижне-Тагильской Николаевской церкви, другая Знаменія Божіей Матери въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, и третья на пищебумажной Панаевской, что близъ Туринска, фабрикѣ, въ домѣ управляющаго. Первая дана была въ 1701 году въ Москвѣ Святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ (по рукоположеніи въ Митрополита Тобольскаго) въ напутствіе Никитѣ Демидову, при отправленіи его въ пожалованныя ему Петромъ Велик. Невьянскія и Нижне-Тагильскія дачи (Жур. М. Нар. Просв. на 1857 г., М. Февр., Отд. 2, стр. 269); вторая была послана въ благословеніе всѣмъ жителямъ Иркутска Митр. Іоанномъ Максимовичемъ; третьею (на стеклѣ, въ аршинъ длины и 3 четв. ширины) въ 1769, или 1770 г. благословилъ Преосв. Варлаамъ Туринскаго Воеводу Панаева, которому и котораго потомству прежде принадлежала фабрика. О сей послѣдней иконѣ скажемъ еще, что она писана была самимъ Преосв. Варлаамомъ.

въ два Тарскіе монастыря, мужской Спасскій и женскій Пятницкій (около 1764 года упраздненные, съ обращеніемъ церквей ихъ въ приходскія), а Царевна Софія Алексѣевна пожертвовала въ Тобольскій Богородице-Рождественскій монастырь обложенныя серебромъ, Царскія двери, доселѣ невредимо сохраняющіяся въ придѣлѣ Святаго Николая Тобольской Богородице-Рождественской, иначе Ильинской, церкви, обращенной, по закрытіи монастыря, въ приходскую.[6]

Но такой способъ пріобрѣтенія Св. иконъ для жителей Сибири, очевидно, былъ слишкомъ неудобенъ: иконы въ продолжительномъ пути портились и были гораздо дороже, чѣмъ въ Россіи; при постройкѣ и освященіи храмовъ происходили замедленія и остановки: нужно было дѣлать продолжительныя сношенія съ отдаленными Москвой, Устюгомъ, Суздалемъ и другими Россійскими городами, гдѣ производилось иконописаніе.

Само высшее Правительство заботилось освободить Сибирь отъ этѣхъ неудобствъ. Такъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича изъ Устюга Великаго и Соли Вычегодской были присланы въ Тобольскъ, въ распоряженіе тамошнихъ Преосвященныхъ, нѣсколько иконописцевъ, конечно, съ тою цѣлію, чтобы они завели тамъ свои мастерскія, писали въ нихъ для монастырей, храмовъ, часовенъ и для лицъ частныхъ Сибирской Епархіи иконы, и съ тѣмъ вмѣстѣ обучали бы своему искуству дѣтей, какъ своихъ, такъ и людей постороннихъ, разумѣется, по ихъ желанію. «А мѣстный образъ Живоначальныя Троицы,» говорится въ Наказѣ Царя Михаила Ѳедоровича, отъ 10 Февраля, 1644 года, Якутскимъ Воеводамъ, Пушкину и Супоневу, и Царскія двери, да межъ тѣхъ Царскихъ и сѣверныхъ дверей образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи, да Деисусъ не великій, въ тое (первую предполагавшуюся къ постройкѣ въ Якутскѣ Троицкую) церковь велѣно было (еще въ 1638 году чрезъ предмѣстниковъ помянутыхъ

---

[6] Ист. Акт. Арх. Ком. т. 2, стр. 110, и сл. Вѣст. Геогр. Общ. 1854 г., N 1. Отд. 2, стр. 27 и 28. Опис. Сиб. царства Миллера, т. 1, стр. 186 и др. Еще: 1) мое Описаніе Тоб. собора стр. 11, 15, 75; 2) Абрамова Матеріялы для Ист. Христ. просв. Сиб. въ Жур. Мин. Нар. Просв. на 1854 г., N 2, стр. 4 и 5, и 3) Варлакова: Нѣчто о г. Тарѣ въ Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 18; Томскія Губ. Вѣд. 1860 г., N 45, стр. 343.

воеводъ, воеводъ же Петра Головина и Матвѣя Глѣбова, отправлявшихся тогда, т. е., еще въ 1838 году изъ Москвы въ Якутскъ черезъ Тобольскъ) написать въ Сибири жъ въ Тобольску,[7] иконникомъ, которые посланы въ Тобольскъ къ Архіепископу съ Устюга Великаго да отъ Соли Вычегодскіе.[8]

Цѣли Правительства, избавить Сибирь отъ добыванія иконъ издалека и образовать въ ней самой иконописаніе, содѣйствовали и частныя лица тѣмъ, что иные изъ Устюжскихъ и другихъ Великороссійскихъ иконописцевъ, и не по распоряженію Правительства, а добровольно, переселялись въ Сибирь, и здѣсь занимались своимъ мастерствомъ. Таковъ былъ родоначальникъ до нынѣ существующаго въ Тюмени, купеческаго дома Иконниковыхъ, иконникъ Спиридонъ, переселившійся въ началѣ XVII столѣтія изъ Устюга Великаго въ Тюмень, и тамъ написавшій во вновь строившуюся тогда Знаменскую церковь, между прочими, икону Знаменія Божія Матери, нынѣ, да и съ давнихъ поръ, особенно чтимую въ Тюмени; къ такимъ же, т. е., къ добровольно переселившимся въ Сибирь, иконописцамъ, по всей вѣроятности, долженъ быть отнесенъ и Протодьяконъ Тобольскаго каѳедральнаго

---

[7] Всѣ означенныя иконы для первой Якутской церкви, согласно Царскому Указу въ Тобольскѣ, и были написаны и Преосв. Нектаріемъ переданы въ 1639 году проѣзжавшимъ тогда чрезъ Тобольскъ въ Якутскъ упомянутымъ Воеводамъ и находившимся при нихъ Священникамъ, посланнымъ изъ Казани (Записки Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1856 г., кн. 1, стр. 16—19.

[8] Дополн. къ Ист. Акт. Арх. Комм. т. II, стр. 265 и сл.

[9] Сего Протодьякона отношу къ пріѣзжимъ изъ Россіи на томъ, во 1-хъ, основаніи, что, до учрежденія въ Тобольскѣ Архіер. каѳедры, духовенства въ Сибири, въ особенности порядочнаго, было чрезвычайно мало, и во 2-хъ, на томъ, что если бъ онъ родился въ Сибири, ему не у кого и негдѣ было бы такъ хорошо научиться иконописанію.

Судя по обычаю многихъ Тобольскихъ Преосвященныхъ—привозить съ собой изъ Россіи Дьяконовъ съ хорошими голосами, также кого ни будь изъ пѣвчихъ и другія духовныя лица, можно съ вѣроятностію полагать, что Протодьяконъ Матвѣй былъ привезенъ или изъ Новгорода первымъ Тобольскимъ Архіереемъ, Кипріяномъ, въ 1621 году, или изъ Костромы, вторымъ Тобольскимъ Преосвященнымъ, Макаріемъ, въ 1625 году, по крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что въ 1628 г. Матвѣй былъ уже Протодьякономъ (Москвит. на 1855, N. 8, стр. 120; Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 18, стр. 380,.

собора Матвѣй,[9] написавшій, между прочимъ, чудотворную Абалацкую икону Божія Матери и списокъ съ нея, находящійся нынѣ въ Семипалатинскѣ.

Всѣ первые Сибирскіе иконописцы, какъ прибывшіе въ Сибирь по волѣ Правительства, такъ и добровольно переселившіеся туда, согласно порядку, существовавшему въ старину и во всѣхъ Россійскихъ Епархіяхъ, состояли въ вѣдѣніи Тобольскаго Архіерейскаго дома,[10] который, для наблюденія надъ ними, всегда имѣлъ своихъ надсмотрщиковъ. Впрочемъ, Тобольскіе Преосвященные прежнихъ временъ и непосредственно могли наблюдать надъ иконописцами, по крайней мѣрѣ, надъ жившими въ ихъ Епархіяльномъ городѣ и мѣстахъ, ближайшихъ къ нему, по тому что они сами, бывъ съ юности монахами, и ежедневно и до Архіерейства посѣщая монастырскіе храмы, украшенные не только множествомъ иконъ, но еще и стѣнною живописью, имѣли вкусъ въ иконописи, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, четвертый Архіепископъ Герасимъ Кремлевъ (1640—50), сами, въ минуты, свободныя отъ дѣлъ по управленію Епархіей, съ усердіемъ занимались иконописаніемъ.[11]

---

[10] Это видно изъ выше приведенныхъ словъ Царскаго Наказа Якутскимъ Воеводамъ: «а иконы (для первой Якутской церкви) велѣно написати въ Сибири жъ, въ Тобольску, иконникомъ,» которыя посланы въ Тобольскъ къ Архіепископу. Кромѣ того см. еще: Старинные акты къ опис. гор. Шуи, собранные Борисовымъ, N 26 и 27.

[11] Отъ Архіепископа Герасима до сихъ поръ сохраняется въ Ивановскомъ Межугорскомъ монастырѣ образъ Святителя Николая съ своеручною его Преосвященства подписью: «Архіепископомъ Герасимомъ 7153 (1645) году см. статью Н. А. Абрамова въ Журн. М. Нар. Пр.» 1834 г., подъ названіемъ: «Матеріалы для Ист. Хр. просвѣщенія Сибири». Изъ Тобольскихъ Преосвященныхъ послѣдующаго времени живописью занимался Архіепископъ Варлаамъ (1768—1802): его кисти иконъ и картинъ, преимущественно библейскаго содержанія (на примѣръ, притча въ лицахъ о впадшемъ въ разбойники и милосердомъ Самарянинѣ и пр.) по нѣскольку находится въ Тобольскомъ Архіерейскомъ домѣ, Софійскомъ соборѣ, Абалацкомъ монастырѣ, въ Тобольской Захарьевской церкви, и одна на Туринской бумажной фабрикѣ. О Варлаамѣ, какъ живописцѣ, см Странникъ на 1862 г. Февраль, Отд. 1, стр. 49—51.

Объ иконописцахъ старыхъ временъ замѣчаютъ еще, что отъ нихъ требовались неукоризненная жизнь; что они, когда располагались писать икону, приготовлялись къ этому священному труду постомъ и молитвою, и что, во время писанія иконы, хранили чистоту духовную и тѣлесную и старались быть въ настроеніи чувствъ благоговѣйномъ и благочестивомъ.[12]

Труды иконописцевъ, прибывшихъ въ Сибирь, какъ по распоряженію Правительства, такъ и добровольно, имѣли добрыя для здѣшняго края послѣдствія: въ Сибири, въ первой же половинѣ XVII столѣтія, образовалась цѣлая, особенная отъ Московской, Строгановской, Фряжской и другихъ, школа (иначе пошибь, письмо, стиль) иконописанія, извѣстная подъ названіемъ Сибирской. «Иконы Сибирскаго письма, говоритъ Г. Ровинскій, авторъ «Исторіи Русскаго иконописанья,»[13] по большей части не очень высокой работы; лица въ нихъ и даже цѣлыя фигуры отъ толстыхъ слоевъ красокъ, наложенныхъ одна на другую, а также и отъ особеннаго способа выглаживать левкасъ[14] на свѣтъ, выступаютъ впередъ въ видѣ полурельефовъ.» Въ существѣ дѣла это, быть можетъ, и такъ; но для большинства молящихся, которое всегда и вездѣ состоитъ изъ людей простыхъ, не получившихъ утонченнаго образованія и со вкусомъ къ живописи не развитымъ, иконы съ лицами и цѣлыми фигурами, какъ бы выступающими впередъ въ видѣ полурельефовъ, весьма полезны: сильно поражая взоры простыхъ людей, они этѣмъ самымъ могутъ благодѣтельно дѣйствовать на ихъ души и сердца, могутъ возвышать и усиливать ихъ благочестивыя чувствованія. При томъ, не безъ причины же знатоки и любители живописи и иконнаго письма, въ своихъ знаменитыхъ и многостоящихъ собраніяхъ, на ряду съ иконами высокаго достоинства школъ Московской, Строгановской и другихъ, имѣютъ иконы и школы Сибирской.[15]

---

[12] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 6, стр. 52 и сл.

[13] Въ запискахъ Археол. Общ. т. VIII, 1836 г., стр. 27 и сл.

[14] Левкасъ составлялся изъ алебастра, разведеннаго въ жидкомъ клею; послѣ засушки на холстинѣ (которая накленвалась на доску, приготовленную для иконы), онъ подскабливался ножемъ и выглаживался хвощомъ (особая трава). Примѣч. Н. А. Абрамова (См. Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 49, стр. 704).

[15] Въ Москвѣ, въ собраніи иконъ и картинъ Графа С. Г. Строганова, есть трой-

Но какъ бы то ни было, только искуство иконописанія въ Сибири утвердилось. Иконописцы Сибирскаго и обыкновеннаго письма были въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но преимущественно они сосредоточились въ Тобольскѣ, при Архіерейскомъ домѣ. И дѣйствительно, Тобольскій Архіерейскій домъ славился въ Сибири живописцами и рѣзчиками почти во все XVII и до шестидесятыхъ, или семидесятыхъ, годовъ XVIII-го столѣтія.[16] Молодые и болѣе способные люди изъ Архіерейскихъ вотчинъ вытребовались въ Тобольскъ, жили по нѣскольку лѣтъ при Архіерейскомъ домѣ и практически съ образцовъ и по указанію лучшихъ изъ прежнихъ крѣпостныхъ же Архіерейскихъ мастеровъ[17] учились иконному письму и рѣзьбѣ изъ дерева, чрезъ что сами дѣлались мастерами, обзаводились семействами, строили, или пріобрѣтали, въ городѣ домики и цѣлый вѣкъ писали иконы: и принимая заказы отъ частныхъ лицъ, и исполняя порученія Архіерейскаго дома, и подряжаясь писать иконостасы для городскихъ, монастырскихъ и сельскихъ церквей Тобольской Епархіи, простиравшейся, съ учрежденія ея, т. е., съ 1620 и по 1727 годъ, чрезъ цѣлую Сибирь, отъ Урала и до Камчатки, а съ 1727 г. и по 1799 отъ Урала и до нынѣшней Иркутской Губерніи, а съ сего времени (съ 1799 г.) и по 1834 г., когда была открыта особая Епархія въ Томскѣ, обнимавшей три нынѣшнія Губерніи, Тобольскую, Томскую и Енисейскую. Но въ 1764 году, съ отобраніемъ въ казну вотчинъ отъ всѣхъ Архіерейскихъ домовъ и монастырей, и Тобольскій Архіерейскій домъ ли-

---

ные Сибирскаго письма складни съ праздниками Богоявленія Господня, Благовѣщенія, Успенія и Знаменія Божія Матери и съ избранными святцами; въ Москвѣ же, и также складни, но съ шестью и другими праздниками, находятся еще въ собраніи Г. Кузьмина. Изъ надписи на задней сторонѣ складней видно, что они писаны 7108 (1600) года въ Туруханскѣ (Зап. Археол. Общ. т. VIII, ст. 27 и слѣд.). Но въ этой надписи есть, какъ кажется, ошибка, или въ годѣ написанія иконы, по тому что Туруханскъ былъ построенъ гораздо позднѣе 1600 г., или въ названіи мѣста, гдѣ она была написана, по тому что въ 1600 г. на дальнемъ сѣверѣ Сибири, на рѣкѣ Тазѣ, вмѣсто Туруханска, былъ городъ Мангазея.

[16] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 22, стр. 290.

[17] Лучшіе мастера, въ числѣ двухъ, служившіе при Архіер. домѣ въ качествѣ учителей иконописанія, получали отъ Тоб. Архіерея и жалованье (Изъ дѣлъ стараго Консист. Архива).

шился, вмѣстѣ съ прочими мастеровыми всякаго рода (которыхъ у него было всегда въ избыткѣ), и даровыхъ иконописцевъ. Изъ бывшихъ его иконописцевъ, а равно и рѣзчиковъ, одни возвратились въ мѣста прежняго своего жительства, и тамъ забыли свое мастерство, занявшись сельскими работами; а другіе, оставшись въ Тобольскѣ, приписались въ мѣщанство и по прежнему занимались иконописью и рѣзьбою, передавая, для снисканія пропитанія, свое мастерство или своему потомству, или желающимъ изъ постороннихъ. Вотъ объясненіе того явленія, что въ Тобольскѣ, въ нѣкоторыхъ изъ мѣщанскихъ семействъ, на пр., Чеботныхъ, Грязева и пр., и до сихъ поръ сохранялось и сохраняется по преданію искуство иконописанія, или рѣзьбы.[18]

По примѣру Архіерейскаго дома, и монастыри Тобольской Епархіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые въ прежнее время имѣли своихъ иконописцевъ, или изъ своихъ вотчинныхъ крестьянъ и монастырскихъ служекъ, или изъ своихъ послушниковъ и монашествующихъ. И вотъ на это доказательства: въ 1675 году у болѣвшей долго жены Тобольскаго Воеводы, Петра Михайловича Салтыкова, послѣ молебствія предъ Абалацкою иконою Божіей Матери, возродилось сильное желаніе написать для дома копію съ нея, во всемъ и совершенно сходную съ нею; Воевода, уступая желанію больной и съ благословенія тогдашняго Митрополита Корнилія, и заказалъ написать таковую (лучшему въ то время въ Тобольскѣ) живописцу Знаменскаго монастыря, Мирону Кириллову. Чрезъ три съ половиною недѣли икона была готова, и когда, по освященіи, была принесена съ процессіей изъ монастыря въ Воеводскій домъ, и тамъ начали предъ нею совершать Владычицѣ молебное пѣніе, больная получила совершенное исцѣленіе.[19] Въ церкви села Исетскаго (Ялуторовскаго Округа), надъ Царскими вратами, есть икона Живоначальныя Троицы. Надпись

---

[18] Изъ найболѣе извѣстныхъ иконъ въ Сибири писаны въ Тобольскѣ слѣдующія: 1) Абалацкая Знаменская икона Божіей Матери и копіи съ нея; 2) Семипалатинская; 3) Боровская, что близъ Ишима, 4 и 5) двѣ Иркутскія; 6) Куринская; 7) Успенія Божіей Матери, что въ Далматовскомъ монастырѣ, и 8) Одигитріи, что въ селѣ Богородскомъ, близъ Томска.

[19] Сл. въ (рукоп.) Книгѣ чудесъ отъ Абалацкой иконы Б. Матери, чудо 120, л. 148—153.

на ней показываетъ, что она была приложена въ церковь еще въ 1668 году служилымъ Бѣлоисетскаго острога, Козмой Ивановичемъ Зеленинымъ, но что въ послѣдствіи, за ветхостію, была поновлена въ Рафаиловской обители[20] (находившейся не вдалекѣ отъ Исетскаго села и также, какъ и оно, на р. Исети, но въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, по неимѣнію монашествующихъ, закрытой).

При Архіерейскомъ домѣ всегда бывало много ставленниковъ, для посвященія на священныя должности и другихъ, преимущественно молодыхъ, людей духовнаго званія, для обученія чтенію, нотному пѣнію и вообще отправленію Богослуженія; при немъ же, со временъ Митрополита Филовея (съ 1703 года), была школа для обученія священно-и церковнослужительскихъ и новокрещенскихъ дѣтей въ послѣдствіи (въ 1744 г.), преобразованная въ Семинарію; а въ монастыряхъ всегда бывало не мало, кромѣ монашествующихъ, молодыхъ послушниковъ, выходившихъ въ послѣдствіи времени на приходы, и учениковъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (на пр., въ Тобольскомъ Знаменскомъ, Рафаиловскомъ и Томскомъ Алексѣевскомъ) Духовныхъ Училищъ. Эти ученики Училищъ и Семинаріи, разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые сами въ себѣ чувствовали наклонность къ живописи, а равно и упомянутые молодые ставленики, готовившіеся къ посвященію, заходя въ мастерскія Архіерейскихъ и монастырскихъ иконописцевъ, или даже, быть можетъ, иные квартируя въ домахъ этѣхъ небогатыхъ людей, присматривались къ ихъ мастерству, сами въ свободное отъ ученія, или отъ службы церковной, время, принимались за краски и кисти и, при собственномъ усердіи, подъ руководствомъ учителей-мастеровъ, мало по малу выучивались мастерству, да продолжали заниматься имъ и тогда, когда находились уже на мѣстахъ въ городахъ и селахъ, надъ нимъ коротали свободное отъ службы и, слѣдственно, скучное время, а между тѣмъ чрезъ него же пріобрѣтали подспорье своему нероскошному содержанію, получаемому ими отъ приходовъ и монастырей. Изъ лицъ духовныхъ, занимавшихся въ старину иконописаніемъ, исто-

---

[20] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N II, стр. 115.—И въ недавнее время причетникъ Рафаиловскій отлично рѣзалъ на деревѣ кресты и иконы.

рія сохранила для насъ, кромѣ Протодьякона Матѳѣя, имена пятерыхъ: Священника одной изъ церквей г. Тобольска, Василья, послушника Тобольскаго Архіерейскаго дома, Лукьяна Филиппова, Іеромонаха Архіерейской же домовой церкви Іоанна, Священника села Шкотскаго (Курганскаго Уѣзда) Чемесова и Протоіерея Градо-Омской Ильинской церкви, Андрея Васильевича Комарова: Первый изъ нихъ, между прочимъ, написалъ, по просьбѣ жителей села Богородскаго, что на р. Оби, въ 60 верстахъ отъ Томска, икону Божіей Матери Одигитріи, которая въ послѣдствіи прославилась тамъ чудотвореніями и которая въ Томскѣ и вообще въ Томскомъ краѣ особенно чтится. Второй, бывъ въ 1687 г. застигнутъ на пути изъ Тобольска въ Туруханскій монастырь, на поклоненіе мощамъ почивающаго и мѣстно чтимаго тамъ невиннаго страдальца, Василія Мангазейскаго,[21] страшною бурею съ дождемъ и сильнымъ послѣ того холодомъ, при томъ въ совершенно пустомъ мѣстѣ, молился мысленно тому страдальцу объ избавленіи его отъ смерти, и при этомъ далъ обѣщаніе, въ случаѣ избавленія, написать его изображеніе, что, по полученіи избавленія, дѣйствительно и исполнилъ. Распросивъ въ бытность въ Туруханскѣ о наружномъ видѣ чтимаго тамъ страдальца, написалъ первый и въ первый разъ его изображеніе.[22] Третій, т. е., Іеромонахъ Іоаннъ, въ концѣ XVII столѣтія (около 1695 г.), написалъ иконы, и хорошаго достоинства, для Верхотурскаго, только что въ то время построеннаго, каменнаго собора.[23] Четвертый (Свящ. Чемесовъ, — несчастный), послѣ написанія многихъ иконъ для церквей и домовъ, въ 1774 г. написалъ знамя съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Божіей Матери, для толпы сподвижниковъ Пугачева, дѣйствовавшей подъ начальствомъ Атамана Новгородова, на востокѣ отъ Урала, въ Уѣздахъ Челябинскомъ, Шадринскомъ, Курганскомъ и другихъ, написалъ, впрочемъ, только тогда уже, когда Пугачевцы (чтобы запугать его, чтобы показать, какія страшныя послѣдствія для него и его семейства повлечетъ за собой его отказъ) поставили передъ нимъ

---

[21] Житія Святыхъ Русскихъ, мѣсяцъ Авг., и въ Ист. Іер. Р. Ц. Троиц. Монастырь.

[22] Записки объ Енисейской Губерніи, Цестова.

[23] Вѣстн. Геогр. Общ. 1854 г., N 1, Отд. 2.

висѣлицу и повѣсили Казака, лишь передъ тѣмъ захваченнаго ими изъ воинской команды, вѣрной Правительству.[24] Что жь касается до Протоіерея Андрея Комарова, умершаго около 1840 года, то отъ этого достопочтеннаго старца много остается иконъ, есть даже цѣлые, или почти цѣлые, иконостасы въ Градо-Петро-Павловскомъ соборѣ и въ церквахъ Омской Ильинской, бывшекрѣпостной Пещанской, и разныхъ сельскихъ.

Иконописанію, утвердившемуся въ Сибири въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, явилась помощь, откуда, по видимому, нельзя было и ожидать: Демидовы, получивши отъ Петра I на Уралѣ богатыя желѣзной рудой дачи, и построивши нѣсколько желѣзнодѣлательныхъ заводовъ, на одномъ изъ нихъ, и именно на Нижне-Тагильскомъ, для возвышенія достоинства и цѣнности своихъ издѣлій, завели школу живописи, выписали для нея изъ за границы искусныхъ живописцевъ, изъ приписанныхъ къ заводамъ вотчинъ набрали мальчиковъ, пріобрѣли для нея довольно богатое собраніе эстамповъ, картинъ и иконъ, и снабдили ее въ изобиліи и другими нужными пособіями; выучившіеся мастера расписывали у нихъ желѣзные столы, подносы, шкатулки и пр., и за то получали хорошее жалованье; или дѣлалось и такъ: мастера покупали съ завода, по сходнымъ цѣнамъ, желѣзныя издѣлія, расписывали ихъ на свой счетъ и продавали въ свою пользу. Сосѣдніе съ Нижне-Тагильскимъ заводомъ, при томъ издавна склонные къ разнымъ мастерствамъ, жители Туринска, понимая, какія выгоды можно извлечь изъ вновь явившагося мастерства, сами стали отправляться, и дѣтей своихъ отправлять, въ заводскую школу, и когда выучивались и послѣ устарѣвали одни, на ихъ мѣсто въ Нижне-Тагильскъ, какъ бы въ какую ни будь своего рода Академію художествъ, или въ Италію, отправлялись другіе, и это продолжалось до начала настоящаго столѣтія, доколѣ Демидовы, увидѣвши, что живопись въ Тагилѣ и сосѣднихъ мѣстахъ привилась, не закрыли школы. Туринцы, обучавшіеся живописи, по возвращеніи домой, почти обыкновенно заводили у себя мастерскія, въ нихъ писали иконы, покупали въ Нижне-Тагильскѣ

---

[24] См. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г.,» мою статью: Матер. для Исторіи Пугач. бунта.

листовое желѣзо, поручали другимъ дѣлать изъ него желѣзные столы, подносы, шкатулки и пр., все это расписывали, разрисовывали, и съ хорошею выгодою для себя сбывали на торгахъ и ярмаркахъ Тобольской и Пермской Губерній, а особенно въ Ирбити.[25] Но этого мало: Туринскіе живописцы, вмѣстѣ съ появившимися въ ихъ городѣ рѣзчиками, стали подряжаться устроять и писать цѣлые иконостасы для церквей Западной Сибири и ближайшихъ къ Туринску Уѣздовъ Губерніи Пермской, и въ теченіи прошедшаго и въ настоящее столѣтіе устроили и написали ихъ много и много, и надобно отдать имъ честь, написали гораздо лучше Суздальцевъ и другихъ, волей и неволей пріѣзжающихъ и приходящихъ въ Сибирь, мастеровъ этого рода. Впрочемъ, въ настоящее время число мастерскихъ въ Туринскѣ почти съ каждымъ годомъ уменьшается; по тому что иконы пишутся, равно какъ шкатулки и другія желѣзныя вещи, расписываются Туринскими мастерами тщательно, а не какъ ни будь; отъ того онѣ довольно цѣнны, и на Ирбитской ярмаркѣ, при соперничествѣ во множествѣ привозимыхъ туда подобныхъ же вещей низкаго до-

---

[25] Покойный Петръ Андр. Словцовъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Ист. Обозр. Сиб. кн. 2, стр. 73) о происхожденіи иконописанія и рѣзьбы изъ липы въ Туринскѣ говорилъ иначе: по его догадкѣ начало искуствамъ иконописанія и рѣзьбы въ Туринскѣ положили или Угличане, изъ Пелыма отчасти туда переселенные, или Кіевляне, писавшіе въ началѣ XVIII столѣтія, по порученію Митрополита Тобольскаго, Филовея, иконы для церквей Тюменскаго монастыря и, быть можетъ, бравшіе себѣ въ помощь Туринцевъ. Но, по самымъ точнымъ справкамъ, это оказалось невѣрнымъ; да и характеръ живописи Туринцевъ совсѣмъ иной, чѣмъ Кіевлянъ, или Угличанъ: письмо этѣхъ послѣднихъ старинное, Греческое, а тѣхъ первыхъ новѣйшее, болѣе Италіянское. Справки о происхожденіи въ Туринскѣ иконнаго письма находилъ учитель рисованія Омскаго Училища, Г. Панаевъ, который самъ искусный иконописецъ, при томъ родился и долго жилъ въ Туринскѣ, а главное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ живущимъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Туринскѣ, образованнымъ Ив. Ив. Пущинымъ, нарочито занимался собираніемъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ на мѣстѣ, и въ недавнее время былъ въ Нижне-Тагильскѣ, и тамъ видѣлъ остатки вышеупомянутой школы рисованія. Еще менѣе правды у Г. Завалишина (въ его 1 томѣ Описанія Сибири), который говоритъ, что живопись Туринцевъ есть отрасль школъ или Строгановской, или Аразамасской.

стоинства, но дешевыхъ, такъ называемаго, Московскаго издѣлія, не имѣютъ хорошаго сбыта.[26]

Итакъ забота Правительства и попеченіе Архипастырей Тобольскихъ о водвореніи въ Сибири иконописанія, равно какъ и усилія частныхъ лицъ, къ тому же направленныя, имѣли успѣхъ, но, къ сожалѣнію, успѣхъ неполный и не навсегда. И во 1-хъ, искусныхъ иконописцевъ въ Сибири всегда было не много; во 2-хъ, искуство иконописанія утвердилось только въ весьма не многихъ мѣстностяхъ Сибири; въ 3-хъ, и въ этѣхъ не многихъ мѣстностяхъ, исключая доколѣ Туринска, оно не осталось навсегда. При Тобольскомъ Архіерейскомъ домѣ и въ монастыряхъ Сибирскихъ, какъ видѣли мы, ни иконописцевъ, ни рѣзчиковъ давно уже (около 100 лѣтъ) нѣтъ, и не многіе Тобольскіе мѣщане, въ концѣ прошедшаго и въ настоящемъ столѣтіи занимавшіеся, и доселѣ занимающіеся, иконописаніемъ и рѣзьбою, служили и служатъ только памятникомъ того, что было прежде въ Тобольскѣ; въ самомъ Туринскѣ, какъ было замѣчено, число мастерскихъ у иконописцевъ годъ отъ году уменьшается. Между тѣмъ потребность въ иконахъ по Сибири, съ постояннымъ увеличеніемъ въ ней народонаселенія и сильнымъ умноженіемъ числа церквей, особенно въ послѣдніе 15, 20, 30 лѣтъ,[27] всегда была и есть особенно велика. По чему лавочники Сибирскихъ городовъ и пріѣзжіе коробочники, извѣстные въ Сибири подъ именемъ Вязниковцевъ, и прежде привозили и нынѣ привозятъ въ Сибирь иконы, такъ называемыхъ, Московскаго и Суздальскаго издѣлій, не только возами, но почти обозами, не только десятками, но сотнями

---

[26] Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 22, стр. 290, и 1858 г., N 18, стр. 352.

[27] Въ 1702 г. церквей во всей Сибири было только 160, а чрезъ 40 лѣтъ послѣ того, въ 1742 г., ихъ было уже 448 (Полн. Собр. Зак. т. 3, N 1541; Ист. Іер. Р. Ц. ч 1, стр. 72, ч. 2, стр. 79, и сл.); въ 1840 г. ихъ было (замѣтимъ, что это кромѣ Сибирскихъ Уѣздовъ, отошедшихъ* еще въ 1799 г. къ Епархіямъ Пермской и Оренбургской) 707; а въ настоящее время гораздо болѣе и этого: въ послѣдніе годы многіе приходы по Епархіямъ Тобольской и Томской раздѣлились не только на два, или на три, прихода, но и болѣе.

* «А въ нихъ церквей есть сотъ до пяти, или шести». См. Отчетъ Оберъ-Прокур. Св. Синода за 1840 годъ и за всѣ послѣдующіе годы.

и болѣе, и онѣ всѣ расходились и расходятся безъ остатка. По той же причинѣ почти всегда и прежде бывало, и нынѣ бываетъ такъ, что если въ какомъ нибудь городѣ вновь строился, или строится, храмъ, или перестраивается прежній, болѣе другихъ великолѣпный, и если требовалось, или требуется, украсить его особенно благолѣпнымъ иконостасомъ, иконостасъ тотъ, не смотря на трату времени, на разныя проволочки, лишніе расходы и другія непріятности,[28] заказывался и заказывается въ Россіи, или же, для написанія и устройства его, вызывались и вызываются оттуда мастера. Изъ множества примѣровъ укажу на слѣдующіе: дворянинъ Иванъ Качаловъ, построившій въ 1701—03 годахъ въ Томскѣ церковь Знаменія Божіей Матери, иконы для двухъ ея иконостасовъ выписалъ изъ Москвы;[29] Митрополитъ Тобольскій Филоѳей, въ 1708 году перестраивая Тюменскій монастырь изъ деревяннаго въ каменный, и въ 1710 году передѣлывая иконостасъ холоднаго Тобольскаго собора, для написанія пяти иконостасовъ къ церквахъ монастырскихъ и одного иконостаса въ соборѣ, вызывалъ иконописцевъ изъ Кіева;[30] около 1840—42 го-

[28] Вотъ, какъ образчикъ, одинъ изъ непріятныхъ случаевъ, какіе бываютъ иногда при заказахъ иконостасовъ вдали. Въ 1839 году Омская Войсковая Николаевская (пока одна теплая) церковь была совсѣмъ готова къ освященію; получаются наконецъ изъ Москвы заказанныя тамъ чрезъ купца Корнилова дорогія иконы; нѣкоторыя изъ иконъ оказываются, однако же, велики противъ приготовленныхъ для нихъ мѣстъ; ихъ обрѣзали, которыя сверху или снизу, а которыя со сторонъ, и поставили. Но что же? Чрезъ нѣсколько дней оказывается, что этѣ иконы тѣмъ же купцомъ Корниловымъ были писаны для Кяхтинскаго собора, а въ Омскую Войсковую церковь попали единственно по ошибкѣ Корниловскаго прикащика, писавшаго на ящикахъ адресъ. Само собою разумѣется, что этѣ обрѣзанныя иконы были послѣ того отправлены по принадлежности (въ Омскѣ дождались своихъ), но увы!—Для Кяхтинскаго собора онѣ, какъ обрѣзанныя, оказались уже малыми, и по тому негодными. Тутъ подрядчикъ Корниловъ потерпѣлъ значительный убытокъ, по тому что долженъ былъ даромъ написать другія иконы для Кяхтинскаго собора, да и Кяхтинскій соборъ не былъ въ выгодѣ, по тому что освященіе его было отложено еще надолго.

[29] Томскія Губ. Вѣд. 1858 г., N 32, стр. 255—58.

[30] Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., N 50, стр. 718 и сл. Мон: 1) Опис. Тоб. собора, стр. 43, и 2) Митр. Филоѳей Лещ., стр. 10. Иконы Тюменскаго монастыря, писанныя Кіевлянами, и доселѣ такъ хороши, съ такими свѣжими красками,

довъ великолѣпные иконостасы для Омской Козачье-войсковой Николаевской церкви и для Кяхтинскаго собора, по заказамъ распоряжавшихся ихъ постройкою, писаны были въ Москвѣ чрезъ купца Корнилова, а около 1844 года, по заказу купца Ал. С. Цѣлепкова, также въ Москвѣ устроенъ иконостасъ для Казанской церкви Тобольскаго Знаменскаго монастыря. Подобнымъ образомъ поступалъ и поступаетъ живущій въ Омскѣ купецъ, Вл. П. Кузнецовъ, когда ему нужны были иконостасы для построенныхъ имъ церквей Омской кладбищенской, степной, Каркаралинской и Консульской въ Китайскомъ городѣ Кульджѣ.

Вотъ еще немаловажное обстоятельство: надзоръ Сибирскихъ Епархіальныхъ начальствъ за мѣстными иконописцами и продавцами привозныхъ иконъ, соблюдавшійся въ древности, почему-то давно уже (впрочемъ, какъ и во всѣхъ Россійскихъ Епархіяхъ) ослабѣлъ, или лучше почти совсѣмъ не существовалъ, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ. Пользуясь отчасти, иконописаніемъ занимались, да и доселѣ занимаются, иногда люди, совершенно неспособные къ тому, въ собственномъ смыслѣ слова не болѣе какъ красильщики, маляры, и пишутъ иногда, равно какъ и торговцы привозятъ изъ Россіи, иконы въ высшей степени неблагообразныя и неправильныя. Покойный Преосвященный Тобольскій Георгій, въ 1846, или 1847 году, при обозрѣніи Епархіи, въ одной изъ церквей, то ли Тюменскаго, то ли Туринскаго Округа нашелъ, на первомъ мѣстѣ, по правую сторону Царскихъ вратъ, икону съ изображеніемъ (только и замѣтной) бѣлой лошади (вмѣсто осла), а Спасителя, ѣхавшаго на ней (въ Іерусалимъ), изображеннымъ въ такомъ маломъ размѣрѣ и такими темными красками, что его молящимся совсѣмъ было не видать.[31] Къ покойному Омскому Про-

---

что какъ будто бы только недавно изъ мастерской иконописца. Да и иконы холоднаго Тобольскаго каѳедральнаго собора, въ особенности мѣстныя: Спасителя, Божіей Матери и Святителя Николая, доселѣ отличныя, но, къ сожалѣнію, онѣ послѣ новой передѣлки соборнаго иконостаса, на счетъ покойнаго золотопромышленника Н. Ѳ. Мясникова, въ 1860—62 годахъ, помѣщены уже не въ иконостасѣ, а по сѣверной и южной стѣнамъ собора, и замѣнены иконами, какъ кажется, низшаго достоинства.

[31] Преосв. Георгій, тотчасъ по возвращеніи изъ Епархіи, съ ужасомъ и негодованіемъ разсказывалъ объ этомъ при мнѣ и при всѣхъ служившихъ тогда въ Тобольской Семинаріи, а также при соборномъ духовенствѣ и пр.

тогдашнему Димитрію Пономареву разъ принесли было, для освященія, икону Распятаго Господа Іисуса, изображеннаго въ видѣ дряхлаго старика, лѣтъ шестидесяти, при томъ съ рѣдкой, полусѣдой и подстриженной бородой. Въ другой разъ къ самому пишущему, также для освященія, приносили икону Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, на которой почти только и видно было, что дочь Іродіады, въ костюмѣ нынѣшней не высокаго тона барышни (въ ноотѣ, воротничкахъ, съ прической или мужикъ), и отчасти палача съ огромнѣйшей саблей, да у ногъ его окровавленный трупъ Крестителя (какъ будто усѣкновеніе послѣдовало не въ темницѣ, а въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи Соломоніи), и на которой (иконѣ) усѣкнутой главы праведника, по причинѣ изображенія ея и блюда подъ ней въ крайне миніатюрномъ размѣрѣ, почти совершенно и не видно было. Разъ Преосвященный Аѳанасій (1832—42), наслышавшись о неблагообразіи продаваемыхъ въ Епархіи иконъ, приказалъ освѣдѣтельствовать привезенныя Вашкировцами въ большомъ количествѣ иконы, и оказалось, что только самое небольшое изъ нихъ число можно было дозволить пустить въ продажу.

Кромѣ иконъ, писанныхъ на доскахъ и полотнѣ,[32] въ Сибири, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, съ теченіемъ времени по-

[32] Въ 1836 году, въ г. Омскѣ, при постройкѣ Войсковой Николаевской церкви, возникло недоумѣніе, можно ли писать для Православныхъ храмовъ иконы на полотнѣ? Нѣсколько членовъ Казачье-Войсковой Канцеляріи доказывали, и Омское духовное Правленіе доносило (послѣднее, на основаніи одного Указа Тобольской Консисторіи 1828 года, что писаніе и почитаніе иконъ на полотнѣ въ нашей Церкви не дозволяется. Но командовавшій въ то время Сибирскимъ Казачьимъ Линѣйнымъ войскомъ, Полковникъ Фалецкій, утверждалъ, что во всѣхъ Русскихъ полковыхъ походныхъ церквахъ иконостасы писаны, и обыкновенно пишутся, не на деревѣ, а на полотнѣ. Въ подкрѣпленіе словъ Фалецкаго одинъ изъ членовъ свѣдѣтельствовалъ, что въ Барнаульской, не задолго предъ тѣмъ освященной, богатой Дмитріевской церкви всѣ иконы (кисти Академика Мягкова) также на полотнѣ. (Знакомый съ Сибирскими древностями могъ бы кстати тутъ присовокупить, что въ самой Сибири есть нѣсколько святыхъ иконъ, которыя писаны давно и давно и которыя уже пользуются отъ народа особеннымъ почитаніемъ, напримѣръ, икона Нерукотвореннаго Образа въ Кодскомъ селѣ Ялуторовскаго Уѣзда, икона Вседержителя Спаса въ часовнѣ деревни Галактіоновой Туринскаго вѣдомства, и икона Божіей Матери, именуемая Тобольскою, что въ

явились по мѣстамъ и иконы рѣзныя,—изображенія (на примѣръ, Христа Спасителя, сидящаго въ узахъ и въ темницѣ, а особенно Святителя и Чудотворца Николая,[33] рѣзныя, въ видѣ изваяній, преимущественно изъ дерева, а иногда и изъ другихъ матеріаловъ,[34] и были не только въ храмахъ съ усердіемъ отъ народа почитаемы, но иногда отправляемы отъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей со сборщиками по городамъ и селеніямъ для сборовъ.[35] Но такія изображенія дѣлались вопреки постановленію Седьмаго Вселенскаго Собора, и по тому съ давнихъ поръ, и именно со времени Петра Великаго и съ учрежденія Святѣйшаго Синода, они были воспрещены. Однако жь, изъ снисхожденія къ особенному усердію, какое народъ изъявлялъ къ разнымъ священнымъ изображеніямъ, они были терпимы почти до послѣдняго времени:

Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, и что онѣ писаны именно на полотнѣ). Но главное было то, что писать иконы для Омской Войсковой церкви на доскахъ, при томъ нѣкоторыя изъ нихъ огромныхъ размѣровъ, и еще съ обязанностію доставить ихъ въ Омскъ изъ за трехъ, или двухъ, тысячъ верстъ въ совершенной цѣлости, не брался ни за какую цѣну ни одинъ Академикъ (а Войсковому Начальству непремѣнно хотѣлось свою великолѣпную, по крайней мѣрѣ, одну холодную, церковь украсить иконами кисти Академической) ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ Барнаулѣ, гдѣ въ то время служилъ по Горному Вѣдомству (Академикъ) Мягковъ. Вошли чрезъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири съ представленіемъ къ тогдашнему Архіепископу Тобольскому, Аѳанасію, и этотъ просвѣщенный Архипастырь, отъ 10 Генваря, 1837 г., отвѣчалъ, что «къ писанію святыхъ иконъ на холстѣ онъ, съ своей стороны, не находитъ ни какого препятствія.»

[33] Въ Тобольскѣ рѣзныя изображенія Святаго Николая были, между прочимъ, въ Знаменскомъ монастырѣ (въ его нижней Николаевской церкви) и въ церквахъ Архангельской и Николаевской; въ послѣдней при томъ такихъ изображеній Святителя Николая было два, одно большое, а другое маленькое, и они-то особенно и пользовались отъ народа уваженіемъ.

[34] Въ Томскѣ, въ Знаменской церкви, доселѣ сохраняется (въ серебряной золоченой ризѣ) икона Господа Іисуса Христа, изсѣченная на аспидномъ камнѣ. См. Том. Губ. Вѣд. 1858 г., N. 32, стр. 258.

[35] Изъ Туринскаго Николаевскаго (прежде мужескаго, а нынѣ женскаго), весьма бѣднаго, монастыря рѣзной Святитель Николай Чудотворецъ небольшаго размѣра былъ каждогодно отправляемъ для сборовъ на Ирбитскую ярмарку. Однако жь, въ 1770 году это монастырю Преосвященнымъ Варлаамомъ было воспрещено. См. Тоб. Губ. Вѣд. г., 1859, N 21, стр. 293.

по Тобольской Епархіи изъ церквей, хотя, какъ слышно, и не изъ всѣхъ, ихъ вынесли и поставили въ укромныя мѣста,[36] замѣнивъ ихъ напередъ обыкновенными иконами (разумѣется,[37] тѣхъ же Святыхъ).[38]

Тобольскіе Архипастыри снова стали озабочиваться, какъ бы завести въ Сибири собственное, при томъ сообразное съ требова-

---

[36] Въ городахъ—въ соборныя и монастырскія ризницы, а въ селахъ—въ придѣлы, а послѣ и въ кладовыя церковныя.

[37] Указъ Консисторскій былъ разосланъ, отъ 30 Сентября, 1835 года.

[38] По отношенію къ иконописанію въ Сибири замѣчательно еще слѣдующее, хотя и частное только, говорятъ, распоряженіе Преосвященнаго Аѳанасія: онъ приказалъ закрасить бывшее на задней стѣнѣ Тобольской Богородице-Рождественской церкви изображеніе Страшнаго Суда, по той причинѣ, что ни немъ, въ аду между грѣшниками, при томъ на первомъ планѣ, былъ написанъ, лѣтъ за 70 до Аѳанасія, а до настоящаго времени лѣтъ за 100, по распоряженію одного изъ предмѣстниковъ Аѳанасіевыхъ, громкій, Екатерининскихъ временъ Тобольскій Губернаторъ N, и былъ написанъ въ мундирѣ и въ орденахъ, словомъ, совершенно сходно съ подлиннымъ.* Сконфуженный такимъ бразомъ Губернаторъ, однако жь, не остался въ долгу: и онъ заказалъ образъ Страшнаго Суда (только на дскѣ), съ приказаніемъ живописцу написать въ аду между грѣшниками, и также на первомъ планѣ, бывшую съ нимъ въ непріятныхъ отношеніяхъ духовную особу, и когда образъ этотъ былъ написанъ, передалъ его въ находящуюся въ окрестностяхъ Тобольска, Аремзянскую церковь, по всей вѣроятности, чрезъ ктитора ея и его хорошаго знакомаго, купца Кор—ва, имѣвшаго на Аремзянкѣ стеклянную фабрику. Зналъ ли Преосвященный Аѳанасій о существованіи этого послѣдняго образа, хорошо не извѣстно; только М—вы, родственники выбывшихъ изъ Сибири Кор—выхъ и управлявшіе ихъ стеклянной фабрикой въ 30-хъ и 40-выхъ годахъ настоящаго столѣтія, бывало каждый разъ, какъ засбирается Преосвященный Аѳанасій побывать на Аремзянкѣ, осмотрѣть ея церковь, полюбопытствовать на ея фабрикѣ и полюбоваться прекраснымъ ея мѣстоположеніемъ, помянутый образъ Страшнаго Суда приказывали изъ церкви убирать на колокольню, или на чердакъ. Аѳанасій, однако жь, не бывалъ на Аремзянкѣ ни разу, и слѣдовательно образа того не уничтожилъ. Только онъ едва ли уже существуетъ въ настоящее время, едва ли онъ не уничтоженъ самимъ Промысломъ Божіимъ: въ 1848 году, спустя 6 лѣтъ по смерти высокообразованнаго Архипастыря, Аремзянская церковь сгорѣла, и сгорѣла со всею утварью.

* Такъ поступлено было съ Губернаторомъ по тому, что онъ по чему-то находился съ современнымъ ему Тобольскимъ Владыкой въ весьма непріятныхъ отношеніяхъ.

ніями Церкви, иконописаніе. Для этого они не видѣли инаго лучшаго средства, какъ ввести и распространить искуство иконописанія въ духовенствѣ Сибирскомъ, и потомъ изъ лицъ духовнаго званія, опытныхъ въ иконописаніи, назначать особыхъ надзирателей за иконописцами, ревизоровъ для осмотра иконъ, привозимыхъ изъ Россіи на продажу и для освидѣтельствованія иконостасовъ во вновь строимыя, или вновь украшаемыя, церкви. По чему, по распоряженію Преосвященнаго Варлаама, въ 1800 году, и былъ открытъ въ Тобольской Семинаріи классъ рисованія, съ назначеніемъ учителемъ этого класса Мисюрева. Въ послѣдствіи времени Мисюрева смѣнилъ на классѣ рисованія, всѣми уважаемый въ свое время за характеръ, умъ и строгую жизнь, Ключарь Тобольскаго Собора, Священникъ, а послѣ и Протоіерей, Петръ Михайловичъ Карпинскій. Но съ преобразованіемъ Тобольской Семинаріи (въ 1818 году), классъ рисованія въ ней, какъ и во всѣхъ Семинаріяхъ, былъ закрытъ, и только чрезъ 36 лѣтъ, и именно въ Маѣ 1854 года, возобновленъ, по ходатайству покойнаго Архіепископа Тобольскаго, Георгія,[39] въ Семинаріи подъ названіемъ класса живописи и иконописанія, а въ высшемъ отдѣленіи Тобольскаго Духовнаго Училища, подъ названіемъ рисованія, черченія и началъ иконописанія. Учителями въ эти классы назначены были, нарочно посылавные для обученія рисованію и иконному письму на два года въ Петербургскую Семинарію,[40] студенты Тобольской Семинаріи: въ первый Михаилъ Знаменскій,

---

[39] Преосвященный Георгій, донося Святѣйшему Синоду, что, «по недостатку хорошихъ живописцевъ во вѣренной ему Епархіи церковныя иконы пишутся по большей части весьма неблагообразно, ходатайствовалъ о дозволеніи выслать въ С.-Петербургъ для обученія живописи двухъ, или трехъ, оказывающихъ особую охоту къ сему искуству воспитанниковъ Тобольской Семинаріи, дабы потомъ имѣть изъ среды духовенства людей, которые не только сами могли бы писать иконы правильнымъ образомъ, но слѣдили бы за правильностію работы и другихъ иконописцевъ.» Это было писано въ концѣ 1850 г., или въ самомъ началѣ 1851 года, по тому что согласіе Святѣйшаго Синода на приведеніе въ исполненіе сей мѣры изъявлено было, въ отношеніи Духовно-Учебнаго Управленія, отъ 29 Марта, 1851 года.

[40] Тамъ они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ учениковъ Петербургской Семинаріи, учились живописи и иконописанію подъ надзоромъ извѣстнаго Профессора Академіи Художествъ Солнцева.

съ жалованьемъ 106 руб. 80 коп., а въ послѣдній Яковъ Бисеровъ, съ жалованьемъ 42 руб 96 коп. Для безбѣднаго содержанія, первому изъ нихъ предоставлено мѣсто Учителя въ Тобольскомъ Училищѣ, а послѣдній рукоположенъ во Священника Тобольскаго собора, съ назначеніемъ его ревизоромъ всѣхъ вновь устрояемыхъ по Тобольской Епархіи иконостасовъ. Изъ учениковъ Семинаріи и Тобольскаго Училища учатся иконописанію только желающіе и чувствующіе наклонность къ тому; въ классѣ занимаются они иконнымъ письмомъ по два раза въ недѣлю. Какъ желательно, чтобы это благородное и святое искуство привилось навсегда къ Сибирскому духовенству, и чтобы чрезъ это былъ положенъ конецъ письму священныхъ изображеній неблагообразныхъ и съ ошибками противъ Церковной Исторіи и Археологіи

Изъ безчисленнаго множества иконъ, въ теченіе слишкомъ 280 лѣтъ привезенныхъ, или принесенныхъ, изъ Россіи и написанныхъ въ Сибири, нѣкоторыя уже пользуются особеннымъ предъ прочими (иконами) почитаніемъ отъ вѣрующихъ. Одинъ изъ этѣхъ многочтимыхъ иконъ Господь прославилъ явленіями благодати своей очень рано, почти въ самомъ началѣ владычества Русскихъ надъ Сибирью, на пр., икона Смоленской Божіей Матери или Одигитріи, стоявшая на городской Березовской башнѣ, просіяла чудотвореніями еще въ 1623 году, по чему вскорѣ послѣ того была снесена съ башни и постановлена, въ собственно ради ея построенной жителями города Березова Одигитріевской церкви; [41] а икона Божіей Матери, именуемая Абалацкою, прославилась исцѣленіемъ разслабленнаго крестьянина, возвращеніемъ зрѣнія слѣпой дѣвицѣ и другими знаменіями, какъ во время самаго ея написанія, такъ и тотчасъ послѣ того, и именно въ концѣ 1636, или въ началѣ 1637 года [42] Енисейскъ былъ основанъ только въ 1619 году, а икона Нерукотвореннаго Образа Спасителя, стоявшая на его острожной башнѣ, къ 1645 году уже столько прославилась

---

[41] Изв. Археол. Общ. т. 3, 1861 г. Вып. 4, стр. 3 9, и сл. Тоб. Губ. Вѣд. 1859 г., N 9, стр. 85.

[42] См. Сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою, или лучше Древн. Вивл. час. 3, стр. 156 и 157.

чудотвореніями, что граждане въ томъ году просили у Начальства дозволенія построить ради ея особую церковь, и чрезъ два года, а именно въ 1647 году, построили ее, замѣтимъ, на одни только приклады къ ней. [43] «14 Ноября, говорится въ (рукоп.) Сибирской Лѣтописи, принадлежащей Тобольской Семинаріи, подъ 1654 годомъ, образъ Вседержителя и Спаса Нашего, Іисуса Христа, который потомъ поставленъ въ соборной (города Тобольска) церкви, у сѣвернаго столба, просіялъ въ предивныхъ и славныхъ чудесахъ и во исцѣленіи тяжкихъ и различныхъ недуговъ». [44] Другія изъ найболѣе чтимыхъ въ Сибири иконъ, на пр., Нерукотворенный образъ Спасителя, называемый Тарханскимъ, который теперь находится въ Покровской слободѣ Тюменскаго Уѣзда, икона Одигитріи Богородицы, находящаяся близъ Томска, въ селѣ Богородскомъ, икона Смоленской Божіей Матери, что въ Осиповой слободѣ Ялуторовскаго Уѣзда, икона Св. Николая, именуемая Можайскою, что въ деревнѣ Самсоновой, близъ Тары, Семипалатинская копія съ Абалацкой иконы Божіей Матери [45] и пр., стали быть особенно чтимы нѣсколько позднѣе тѣхъ первыхъ, и именно, только со временъ Царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго; а иныя, какъ-то: иконы Мученицы Параскевы въ селахъ Введенскомъ Курганскаго Уѣзда, Черноглуцкомъ Омскаго и Вознесенскомъ Каинскаго, копія съ Абалацкой иконы Божіей Матери, имѣющаяся въ церкви села Бороваго, [46] что близъ Ишима и пр., сдѣлались извѣстны въ народѣ еще позднѣе и этѣхъ, не ранѣе какъ въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, или Елисаветы Петровны, или даже Екатерины Второй. Наконецъ, есть и такія иконы, которыя стали быть особенно чтимы только недавно, на пр., икона Почаевской Божіей Матери, что близъ Тобольска, въ Ивановскомъ Межугорскомъ монастырѣ, и икона Знаменія Божіей Матери, что въ Тюменской Знаменской церкви, ста-

[43] Допол. къ Ист. Акт. т. 3, стр. 42.

[44] См. мое Описаніе Тоб. соб. 1852 г., стр. 44, и въ самой Лѣтописи, подъ 1634 годомъ.

[45] Обо всѣхъ этѣхъ иконахъ есть особыя статьи въ Тобольскихъ и Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1857—59 годовъ.

[46] Также и объ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ иконъ есть особыя статьи въ Вѣдомостяхъ, названныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

ли быть почитаемы въ особенности такъ, какъ чтутъ ихъ теперь, только со времени холеры, постигшей нѣкоторую часть Сибири въ 1848 году. Вообще въ Сибири, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, особенными знаменіями и чрезвычайными благодатными явленіями прославлялъ Господь лики, какъ свой и своей Пренепорочной Матери, такъ и угодниковъ своихъ, для поддержанія и возбужденія въ людяхъ вѣры и для избавленія ихъ отъ бѣдъ и скорбей; при томъ Онъ, милосердый, это дѣлалъ по мѣрѣ потребности въ тѣхъ знаменіяхъ отъ Святыхъ иконъ, на пр., по случаю повальныхъ болѣзней на людей, или на скотъ, либо засухи, либо ненастья, голода и другихъ общенародныхъ бѣдствій, постигавшихъ какую ни будь мѣстность, либо же еще, когда вѣрующіе поселялись на мѣстахъ новыхъ, среди невѣрующихъ Язычниковъ и Магометанъ.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

2-го Октября, 1863 года.
Омскъ.

ВСТРѢЧА

ВЪ

ТОБОЛЬСКѢ ВЪ СТАРИНУ

ВНОВЬ ПРИБЫВШИХЪ ПРЕОСВЯЩЕННЫХЪ.

Въ Тобольскѣ, какъ и во всѣхъ Епархіяльныхъ городахъ, прибытіе вновь назначенныхъ Преосвященныхъ составляетъ весьма немаловажное событіе Лишь только каѳедра Архіерейская, за кончиною ли Преосвященнаго, за перемѣщеніемъ ли его на другую Епархію, или за отбытіемъ на покой, сдѣлается праздною, какъ начинаются въ городѣ, да и по всей Епархіи, думы, толки и мечты, кто-то будетъ новый Владыка. Вскорѣ за тѣмъ распространяются, неизвѣстно откуда и съ чего, слухи о назначеніи въ Тобольскъ того, или другаго, Владыки. Когда же слухи эти подтвердятся, или, что всего чаще случается, опровергнутся Указомъ Св. Сенода о дѣйствительномъ назначеніи новаго Преосвященнаго, то сейчасъ начинаются распросы (отъ лицъ, гдѣ ни будь встрѣчавшихся съ нимъ, или хотя какое ни будь понятіе о немъ имѣющихъ) и толки въ народѣ о прежней его службѣ, объ его лѣтахъ, качествахъ и пр. и пр. Но вотъ, наконецъ, получается въ Тобольскѣ извѣстіе о скоромъ прибытіи, или уже о приближеніи къ предѣламъ паствы новаго Архипастыря: вниманіе Тобольска къ его пріѣзду и его встрѣчѣ усиливается, болѣе бываетъ въ народѣ говора, а въ церквахъ у духовенства идутъ приготовленія, чистка и повѣрка утвари, упорядоченіе и очистка книгъ и дѣлъ по церкви; и когда раздастся благовѣстъ въ боль-

шій соборный колоколъ и въ необычное время, когда зазвонятъ на многочисленныхъ колокольняхъ церквей Тобольскихъ, одни изъ гражданъ спѣшатъ на перевозъ въ Подчуваши, если только случится то лѣтомъ и въ благопріятную погоду, другіе идутъ, или лучше бѣгутъ и ѣдутъ, на Никольскій взвозъ, на гору, въ соборъ, къ Архіерейскому дому. Въ томъ случаѣ, если Преосвященный входитъ въ соборъ, послѣдній мгновенно наполняется народомъ, и съ какимъ усердіемъ за начинающимся благодарственнымъ молебствіемъ о благополучномъ прибытіи Архипастыря, или за другимъ какимъ либо священнослуженіемъ, всѣ молятся о новомъ своемъ Архипастырѣ, и вмѣстѣ съ нимъ съ какою стремительностію, и при входѣ его въ соборъ, и при выходѣ оттуда, спѣшатъ принять отъ него въ первый разъ благословеніе, облобызать его благословляющую десницу, и какъ тщательно стараются разсмотрѣть, замѣтить черты его лица, его наружный видъ! Но едва ли не болѣе еще стекается народа къ первой литургіи вновь прибывшаго Владыки, особенно если пріѣздъ его послѣдовалъ въ ночное время, или и днемъ, но прямо въ Архіерейскій домъ: тутъ уже не только стараются видѣть Владыку, принять отъ него благословеніе, не только молятся вмѣстѣ съ нимъ и за него, но въ особенности стараются слышать его голосъ, на пр., при сказываніи первыхъ возгласовъ, при чтеніи Евангелія на молебнѣ и пр., и получить первое отъ него наставленіе во вступительномъ на новую паству словѣ. Живо помню, какая мертвая тишина водворилась въ тепломъ соборѣ 25 Сентября, 1845 года, часу въ 3-мъ по полудни, когда лишь прибывшій въ тотъ часъ Преосвященный Георгій на благодарственномъ молебнѣ началъ читать по Кіевски Евангеліе! Нельзя забыть и того, съ какимъ вниманіемъ жители Тобольска, 18 Генваря, 1843 года, въ тепломъ же соборѣ, слушали за литургіей первые возгласы и первое вступительное слово громогласнѣйшаго Преосвященнаго Владиміра! Почти всегда бываетъ такъ, что, по окончаніи первой литургіи, совершаемой вновь прибывшимъ Преосвященнымъ, къ нему являются значительнѣйшіе гражданскіе и военные чины, а представители Тобольскаго купечества, сверхъ того, подносятъ ему и хлѣбъ-соль. Духовенство градское, а также начальники и учащіе Семинаріи и Духовнаго Училища, какъ непосредственные подчиненные и ближайшіе по-

мощники, одни въ управленіи паствою, а другіе въ дѣлѣ духовнаго образованія, новому Владыкѣ обыкновенно представляются прежде всѣхъ другихъ, тотчасъ по его пріѣздѣ, иногда въ соборѣ, а иногда въ Архіерейскомъ домѣ, при чемъ кѣмъ либо изъ значительнѣйшихъ и вмѣстѣ способнѣйшихъ соборянъ, или изъ служащихъ при Семинаріи, сказываются (нынѣ только иногда, а прежде за всегда сказывались) Рѣчи.

Впрочемъ, это все почти общія черты встрѣчи всѣмъ Тобольскимъ Преосвященнымъ, начиная съ Кипріяна и до благополучно нынѣ правящаго Тобольскою паствою, Преосвященнѣйшаго Варлаама, черты, развѣ малымъ чѣмъ измѣнившіяся въ теченіе 243 лѣтъ существованія въ Тобольскѣ Архіерейской каѳедры и, быть можетъ, только весьма не во многомъ по временамъ разнообразящіяся. Но въ старину, при встрѣчѣ вновь пріѣзжавшихъ Преосвященныхъ, въ Тобольскѣ еще соблюдалась особенная церемонія, такая, которой въ настоящее время уже не бываетъ, а именно: вновь пріѣзжавшій въ Тобольскъ Владыка напередъ останавливается подъ горой въ Знаменскомъ монастырѣ; къ нему тотчасъ являлись должностныя лица изъ градскаго духовенства (напр., Настоятель Знаменскаго монастыря, каѳедральный Протоіерей, Ключарь, Экономъ Архіерейскаго дома, Поповскій Староста или Благочинный градскихъ церквей, Дьякъ Архіерейскаго Приказа, въ послѣдствіи Секретарь Консисторіи), а также Полицмейстеръ города, или другой какой ни будь чиновникъ отъ Воеводъ Тобольскихъ, а въ послѣдствіи отъ Сибирскаго Губернатора, кто съ рапортами о состояніи управляемыхъ ими частей, кто за приказаніями о предстоявшихъ распоряженіяхъ. Тутъ вновь прибывшій Владыка, послѣ краткихъ распросовъ и освѣдомленій и по соображеніи обстоятельствъ времени, погоды и собственнаго здоровья, назначалъ день для своего торжественнаго входа на гору,[1] въ каѳедральный соборъ и свой Архіерейскій домъ, тотъ же ли самый, въ который прибылъ, или слѣдующій, или другой какой ни будь, только всего чаще ближайшій праздничный. Въ назна-

[1] Тобольскъ расположенъ на двухъ мѣстностяхъ: подъ горой, почти на болотѣ, и на горѣ, саженъ на 25 выше подгорной мѣстности. Архіерейскій домъ въ нагорной части, а Знаменскій монастырь въ подгорной.

ченный день и часъ начинается въ соборѣ благовѣстъ въ большой колоколъ; туда собиралось все градское духовенство и, по облаченіи, со крестами и хоругвями, шло въ Знаменскій монастырь. По приходѣ его, Владыка входилъ въ монастырскую церковь, облачался иногда въ полное, а чаще въ малое, облаченіе (т. е., въ мантію, епитрахиль, поручи, митру и омофоръ), принималъ пастырскій жезлъ, выходилъ изъ церкви и, осѣнивъ собравшійся на монастырской оградѣ народъ, начиналъ шествіе на гору, совершенно походившее на самый торжественный крестный ходъ: на колокольняхъ соборной, монастырской и всѣхъ градскихъ церквей звонили во всѣ колокола, пѣвчіе пѣли приличныя случаю священныя пѣсни, Священники шли попарно, младшіе впередъ, Діяконы съ кадилами, впереди ихъ несли кресты и хоругви; предъ процессіей и позади процессіи шелъ и по сторонамъ толпился, смотрѣлъ изъ оконъ домовъ народъ всѣхъ званій и возрастовъ и обоихъ половъ; многіе изъ народа старались принять отъ Архипастыря благословеніе и облобызать его десницу. Доколѣ не былъ устроенъ въ Тобольскѣ болѣе удобный Никольскій взвозъ, Владыки поднимались на гору по Казачьему, а случалось и по Прямскому, взвозу, гдѣ иногда по обѣимъ сторонамъ, ради почета, стояли фронтомъ воинскіе чины. Поднявшись на гору, нѣкоторые изъ Преосвященныхъ, на площади предъ соборомъ, служили благодарственный Господу Богу молебенъ, и за тѣмъ уже вступали въ соборъ и тамъ служили литургію; но большая часть Преосвященныхъ, по входѣ на гору, прямо вступали въ соборъ, тамъ служили благодарственный молебенъ и литургію;[1] если то было утро, говорили вступительное въ управленіе Епархіею Слово, а по окончаніи служенія со славою провожаемы были въ Архіерейскій домъ. Здѣсь новаго хозяина встрѣчали: Экономъ и Казначей Архіерейскаго дома, Архіерейскія Боярскія дѣти, доколѣ они были, и другіе домовые слуги; первые двое встрѣчали Владыку непремѣнно съ иконою и хлѣбомъ-солью. Такъ вступали на новую свою паству, и такъ были встрѣчаемы Тобольскіе Архипастыри близъ 200 лѣтъ: первый взошелъ на нагорную часть Тобольска въ процессіи, подобной крестному ходу, если не Ки-

[1] Иногда дѣлалось и наоборотъ: напередъ служили литургію, а благодарственный молебенъ послѣ.

пріялъ, первый Тобольскій Архіепископъ въ 1621 году (объ его встрѣчѣ въ лѣтописяхъ ничего не сказано), то несомнѣнно Макарій, [3] второй Тобольскій Архіепископъ; а послѣдній Архіепископъ Антоній III Знаменскій, 25 Марта, 1803 года.

Процессія входа Тобольскихъ Преосвященныхъ изъ подгорной части города на нагорную и встрѣча иногда разнообразилась въ мелкихъ подробностяхъ и по обстоятельствамъ времени года и въ слѣдствіе или личныхъ приказаній самихъ ихъ, Преосвященныхъ, или по распоряжерію свѣтскихъ властей (Воеводъ, а послѣ Губернаторовъ), принимавшихъ въ ихъ встрѣчѣ дѣятельное участіе. На пр., Митрополитъ Сильвестръ, прибывши въ Тобольскъ въ жестокую стужу, въ ночь на 12 Декабря, и желая избавить отъ мороза и себя, и духовенство, и народъ, шелъ въ процессіи только отъ Богородской (иначе Богоявленской) церкви, а до нея отъ Знаменскаго монастыря ѣхалъ въ берлинѣ, [4] запряженномъ 6 лошадями; Архіепископъ Антоній III (Знаменскій), прибывши въ Тобольскъ въ началѣ весны, во время самаго таянья снѣга (23, или 24 Марта, 1803 г.), чтобы миновать грязь и воду, въ которыхъ каждогодно веснами бываетъ великое изобиліе на сѣверной сторонѣ Знаменскаго монастыря, также какъ и

---

[3] Въ Записной Книгѣ о Сибири, хранящейся при Тобольскомъ соборѣ, объ Архіепископѣ Макаріѣ сказано: «Арх. Макарій прибылъ въ Тобольскъ 1 Апрѣля 7133 1635) г., и на гору и въ городъ (т. е., въ крѣпость) и въ Соборную церковь и въ свой Святительскій домъ, пришелъ Апр. во 5 день, въ субботу 5-ю поста, на праздникъ Похвалы Богородицы.» Арх. Нектарій, тамъ же сказано, «прибылъ 1 же Апрѣля 1636 года, а на гору (далѣе то же, что и о Макаріѣ) пришелъ Апр. во 5 день.» Герасимъ прибылъ 31 Декабря.... (тоже что и о Макаріѣ).... пришелъ Генваря въ 1 день. О Симеонѣ и Корниліѣ также.... Въ Сиб. лѣтописи, принадлежащей Тоб. Семинаріи, о Митрополитѣ Сильвестрѣ замѣчено: «Митрополитъ Сильвестръ прибылъ въ Тобольскъ на 12 Декабря 1749 г., ночью, присталъ въ Знаменскомъ монастырѣ, по утру показаннаго числа сѣлъ въ берлинъ, запряженный въ 6 лошадей и ѣхалъ до Богоявленской церкви,» (которая также подъ горой) и пр.

[4] Берлины и другія стародавнія Митрополичьихъ временъ кареты, отличавшіяся, между прочимъ, своею громадностію, развалившіяся и изоржавѣвшія, изъ Архіер. каретника распроданы кузнецамъ и мелочникамъ торговцамъ, руб. по 5, по 6 сер. и менѣе, только въ недавнее время при Преосвященномъ Аѳанасіи (1842 — 42 г.).

Митрополитъ Сильвестръ, отъ Знаменскаго монастыря ѣхалъ (25 Марта) въ каретѣ, и въ процессіи шелъ на гору только отъ Захарьевской церкви, по Казачьему взвозу.[5] Но едвали не всѣхъ разнообразнѣе по подробностямъ, не оригинальнѣе, не замѣчательнѣе для насъ, живущихъ въ иныя времена и при иныхъ нравахъ, были встрѣчи двухъ Архипастырей, приснопатятныхъ для Сибири, и въ особенности для Тобольска, Митрополита Іоанна Максимовича и Епископа (въ послѣдствіи Архіепископа) Варлаама. По тому я и опишу ихъ со всѣми подробностями.

Митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ приплылъ[6] въ Тобольскъ 11 Августа, 1712 (а не 1711, какъ индѣ говорится) года, на двухъ дощаникахъ[7] и пристalъ къ берегу Иртыша, противъ Знамен-

---

[5] Это взято изъ домашнихъ записокъ Полутова, хранящихся у Омскаго Протоіерея Ст. Знаменскаго

[6] Въ старину главный трактъ изъ Россіи въ Сибирь шелъ чрезъ Верхотурье. Преосвященные Тобольскіе, пріѣзжавшіе въ Сибирь въ лѣтнюю пору, отъ Верхотурья до Тобольска обыкновенно плыли водой по Турѣ, Тоболу и наконецъ входили въ Иртышъ. Первоначально плавали они на казенныхъ судахъ, а потомъ, когда при Архіерейскомъ домѣ образовались двѣ значительныя вотчины, на своихъ собственныхъ; когда нужно было, Архіерейскій домъ высылалъ дощаники въ Верхотурье заблаговременно.

[7] Первый Тобольскій Архіерей, Архіепископъ Кипріянъ, плылъ отъ Верхотурья до Тобольска на нѣсколькихъ судахъ (Ист. Акт. т. 1, стр. 118 и сл.); Іоаннъ Максимовичъ приплылъ въ Тобольскъ на двухъ дощаникахъ; Митрополитъ Антоній, въ Декабрѣ 1721 года отъ Петербурга до Москвы ѣхалъ на 25 лошадяхъ, а отъ Москвы до Тобольска на 35 (Изъ дѣла Конс. арх. по старинной описи подъ N 34). Для чего это Тобольскимъ Преосвященнымъ старыхъ времянъ для проѣзда изъ Россіи требовалось такъ много лошадей и судовъ? Отвѣтъ простой: 1, Преосвященные, слыша о крайней неразвитости торговли въ Тобольскѣ и вообще въ Сибири, при отправленіи изъ Россіи, накупали и брали съ собой много всякаго рода припасовъ и вещей, нужныхъ какъ для нихъ самихъ и ихъ Архіер. дома, такъ и монастырей и церквей Сибирской Епархіи (напр., Архіепископъ Кипріанъ отъ Верхотурья везъ съ собой на судахъ 1236½ четвертей разнаго рода хлѣба, собраннаго Правительствомъ съ крестьянъ Сѣверной полосы Россіи и купленнаго на счетъ казны, и до 80 пудовъ разныхъ припасовъ (масла, меду и проч.) для стола (Ист. Акт. т. 5, стр, 118 и слѣд.). 2, Преосвященные, слыша о безлюдствѣ въ Сибири, и вообще, и между прочимъ въ монастыряхъ и при церквахъ, привозили съ собой изъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ Епар-

скаго монастыря. По предварительному приказанію Тобольскаго Воеводы, Бибикова, Полковникъ коннаго Казачьяго полка, Нефедьевъ, и Головы двухъ пѣшихъ Казачьихъ полковъ, Аршинскій и Марушенскій, стояли съ своими командами въ строю отъ монастырскихъ воротъ до самаго Митрополичьяго дощеника. Самъ Воевода, съ своими товарищами, и при нихъ Сибирскіе Дворяне, Дѣти Боярскіе и старшины отъ гражданъ, вошли къ Его Преосвященству на дощаникъ. Преосвященный, преподавъ благословеніе, въ сопровожденіи посѣтителей, сошелъ на берегъ, вошелъ въ монастырь, выслушалъ тамъ краткое молебствіе и, благословивъ народъ, возвратился на судно, гдѣ и ночевалъ. Утромъ слѣдующаго дня (15 Августа), Преосвященный Іоаннъ, снова прибывъ въ Знаменскій монастырь, облачился (въ церкви) въ полное Архіерейское облаченіе. Тутъ къ нему пришли каѳедральный Протоіерей и все градское духовенство въ полныхъ облаченіяхъ, съ иконами и съ молебнымъ пѣніемъ. Благословивъ новыхъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія, Архипастырь пѣшкомъ отправился въ Соборъ, находящійся слишкомъ въ верстѣ отъ Знаменскаго монастыря, при томъ въ нагорной части города, въ сопровожденіи Воеводы и его товарищей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, городскихъ старшинъ и множества народа и при звонѣ на колокольняхъ всѣхъ градскихъ церквей. На взвозѣ,[8] по обѣ стороны, и на горѣ, по площади, до самаго Собора стояли въ строю три помянутые полка Казаковъ. На горѣ, въ кремлѣ, на площади противъ Собора, Преосвященный служилъ молебенъ съ водосвятіемъ, а по входѣ въ церковь литургію. Послѣ литургіи отправился въ Архіерейскій домъ.[9]

хій значительное количество духовенства, какъ чернаго, такъ и бѣлаго. 3, Преосвященные Тобольскіе на пути въ Сибирь везли съ собой Архіерейскую ризницу и пѣвчихъ Тобольскихъ: ту и этѣхъ Тобольскій Архіер. Приказъ (нынѣ Консисторія), каждый разъ высылалъ въ Москву ко времени хиротоніи новаго для Сибири Архипастыря (изъ отрывка дѣла за 1729 годъ, видѣннаго мною при пересмотрѣ стараго Консисторскаго Архива). Вообще о прежнихъ временахъ нельзя судить по времени настоящему.

[8] Такъ называется въ Тобольскѣ путь, проложенный на гору, на которой находится Архіерейскій домъ. Этотъ взвозъ называется Прямскимъ. По причинѣ его крутизны, позднѣе проложенъ новый взвозъ, мимо Николаевской церкви, называемый Никольскимъ.

[9] Лѣт. Сборникъ, принадлежащій Тоб. Семинаріи, рукописный, годъ 1711.

Преосвященный Варлаамъ 1-й прибылъ въ Тобольскъ 5 Марта, 1769 года, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ четвертокъ утромъ, присталъ, по примѣру всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, въ Знаменскомъ монастырѣ, и не медливши въ кельѣ и получаса, пошелъ къ часамъ. Въ субботу служилъ въ монастырѣ (въ теплой Казанской церкви) литургію; на завтра, т. е., 8 числа, въ воскресенье, именуемое недѣлей Православія, въ 7 часовъ по полуночи, начался въ Соборѣ благовѣстъ на Соборъ (т. е., такой, какой бываетъ въ храмовые праздники предъ литургіею). По трехъ переводахъ,[10] все градское духовенство въ облаченіяхъ пошло процессіей изъ Собора въ Знаменскій монастырь; по приходѣ его, Преосвященный Варлаамъ отправился въ церковь, облачился, и по облаченіи пошелъ въ процессіи, подобной крестному ходу, въ Соборъ, и дошедши до Богородской церкви, служилъ молебенъ. Прямской взвозъ, отъ самой уличной мостовой, усыпанъ былъ пескомъ и рубленнымъ ельникомъ, а по сторонамъ воткнуты и утверждены были цѣлыя, рубленныя при корени, ели, которыя и образовали собой какъ бы настоящую аллею; надъ аркою, надъ проходомъ, что подъ зданіемъ Губернскаго Архива, стояла картина, на которой былъ представленъ самъ Преосвященный входящимъ съ освященнымъ чиномъ (съ духовенствомъ) въ городъ, позади его изображенъ народъ, а вверху надъ нимъ написаны были отъ лица Пастыреначальника, Господа Іисуса Христа, слова: «Варлааме, Варлааме! гряди во имя мое! Въ сей ты странѣ овцы моя храни и заблудшіе звѣри искорени!» Путь отъ башни и до самаго холоднаго Собора былъ устланъ по песку и ельнику краснымъ сукномъ. При вступленіи въ каменный городъ, Преосвященный былъ встрѣченъ Сибирскимъ Губернаторомъ и Кавалеромъ, Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ; его пѣвчіе одѣты были[11] въ бѣлое платье съ нашивными, въ пристойныхъ мѣстахъ (какими-то), отличительными знаками; на головахъ

---

[10] Въ благовѣстѣ на соборъ такъ называется переборъ, ударенiемъ нѣсколько разъ въ каждый изъ колоколовъ, находящихся на колокольнѣ, не во всѣ вдругъ, а постепенно въ одинъ за другимъ, начиная съ самаго большаго и до самыхъ малыхъ, до заздонныхъ.

[11] Что пѣли при этомъ Чичеринскіе пѣвчіе, у лѣтописца не сказано.

у нихъ были вѣнки изъ цвѣтовъ;[12] въ рукахъ они держали (какъ бы миртовыя) вѣтви. По встрѣчѣ отъ Чигерина. Преосвященный Варлаамъ 1-й вошелъ въ холодный Софійскій Соборъ; тамъ въ началѣ отправлялъ церемонію Православія, потомъ служилъ литургію; предъ окончаніемъ ея говорилъ проповѣдь, а по окончаніи служилъ молебенъ Божіей Матери, съ пѣніемъ тропаря и чтеніемъ канона на день Ея Успенія. При возглашеніи многолѣтія и во все время шествія Преосвященнаго въ Архіерейскій домъ производились звонъ на Соборной колоколнѣ и пальба[13] изъ пущекъ.[14] Такъ-то великолѣпно встрѣтилъ Преосвященнаго Варлаама Сибирскій Губернаторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, то ли изъ уваженія къ личнымъ качествамъ и добродѣтелямъ новаго Тобольскаго Архипастыря, то ли для того, чтобы оправдать себя, и въ понятіи публики и въ глазахъ новаго Архипастыря, въ своихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ его предмѣстнику, послѣднему Тобольскому Митрополиту, Павлу II (Конюшкевичу). Впрочемъ, искренняя пріязнь и отмѣнное уваженіе Чигерина къ Преосвященному Варлааму оставались неизмѣнны въ продолженіе 12 лѣтъ, до самаго его отъѣзда изъ Тобольска (въ 1780 году).[15]

Выше было замѣчено, что послѣдній изъ Архипастырей Тобольскихъ, по пріѣздѣ, шелъ на гору въ процессіи, подобной крестному ходу; это былъ Архіепископъ Антоній III, въ праздникъ Благовѣщенія 1803 года. Теперь скажемъ, что обычай этотъ первый оставилъ преемникъ Преосвященнаго Антонія, Амвросій I (Келембетъ). Онъ, 1806 года, 28 Іюня, слѣдовательно, на канунѣ праздника верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, подъѣзжая къ Тобольску, остановился за Иртышемъ, противъ Подчувашъ,

---

[12] Изъ искуственныхъ, или натуральныхъ, также не объяснено.

[13] Съ пальбою изъ пушекъ встрѣченъ и Преосвященный Михаилъ Миткевичъ, въ Иркутскѣ 17 Марта, 1773 г., Губернаторомъ Брилемъ. Облачился онъ во Владимірской церкви и шелъ въ Соборъ въ процессіи, подобной крестному ходу. См. Ирк. Губ. Вѣд. 1852 г., N 40, стр. 7.

[14] Описаніе это заимствовано изъ краткаго лѣтописца, писаннаго (надобно признаться, довольно безграмотно) современникомъ Преосвященнаго Варлаама, помнится, Тобольскимъ Діякономъ Щетинниковымъ, и нынѣ принадлежащаго Тарскому Стряпчему Ал. Дм. Иноземцеву, его по женской линіи потомку.

[15] Тоб. Губ. Вѣд. 1857 г., стр. 122.

въ раскинутой палаткѣ, и немедленно вытребовалъ къ себѣ Ректора Семинаріи, Архимандрита Михаила Бурдукова, Экономa Архіерейскаго дома, каѳедральнаго Протоіерея Льва Земляницина, Ключаря и бывшаго питомца Преосвященнаго Антонія, тогда молодаго соборнаго Священника, а нынѣ каѳедральнаго Протоіерея, П. А. Фелицына. [16] Распросивъ каждого изъ явившихся, о чемъ ему было нужно, Преосвященный приказалъ вечеромъ того дня отслужить въ палаткѣ всеночную, а на другой день, 29 Іюня, въ благовѣстъ къ литургіи, переправился чрезъ Иртышъ и пріѣхалъ прямо, ни куда не заѣжжая, въ каѳедральный Соборъ, здѣсь служилъ литургію, а по окончаніи ея сопровожденъ былъ со славою въ Архіерейскій домъ.

Такъ точно, т. е., безъ особенной славы, безъ крестоподобной церемоніи, а прямо или въ соборъ, или въ Архіерейскій домъ, пріѣжжали, и пріѣжжаютъ, и всѣ преемники Преосвященнаго Амвросія Келембета. За исключеніе или за возвращеніе къ прежнему нельзя принять того, что Преосвященный Евгеній (Казанцевъ), 30 Декабря, 1825 года, прибывши въ Тобольскъ, въ 3 часу по полудни, напередъ заѣхалъ въ Архангельскую церковь, потому что онъ, по встрѣчѣ тамъ соборнымъ Ключаремъ (П. М. Карпинскимъ) и двумя мѣстными Священниками, послѣ ектеніи и многолѣтія, снова сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ прямо на гору, въ Соборъ. [17]

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

Марта 5-го 1864 года.
Омскъ.

---

[16] Отъ него-то мнѣ и сообщенъ этотъ разсказъ.

[17] Изъ домашнихъ записокъ Долгова, нынѣ принадлежащихъ О. Прот. Ст. Знаменскому.

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

I.

Высокопревосходительнѣйшему и почтенному господину, господину генералъ-маіору и кавалеру Киндерману, отъ обрѣтающагося въ анадырской партіи сибирскаго гарнизона, якутскаго полку, отъ капитана Шатилова

покорнѣйшее доношеніе.

Въ полученномъ мною, Мая 24, сего 1751 года, писанномъ отъ Октября отъ 23 числа, минувшаго 1750 года, Ея Императорскаго Величества Указѣ изъ Якутской Воеводской Канцеляріи написано: Понеже, де, въ присланномъ отъ Вашего Высокопревосходительства секретномъ письмѣ, Февраля отъ 28 дня, того жь 1750 г., на имя Полковника и Воеводы Жеребятникова, объявлено: по присланному, де, къ Вашему Высокопревосходительству Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи секретному Указу, между прочимъ предложено, чтобъ, яко въ тамошнихъ мѣстахъ надъ войскомъ и къ защищенію Ея Императорскаго Величества границъ учрежденному Командиру прислать въ самоскорѣйшемъ времени нѣкоторое извѣстіе, по приложеннымъ при томъ, сочиненнымъ двадцати пяти пунктамъ, чего для съ тѣмъ письмомъ присланъ нарочной, и требовали, де, Ваше Высокопре

восходительство, чтобъ того нарочно посланнаго съ тѣми пунктами съ потребнымъ извѣстіемъ возвратить, и оное дѣло весьма содержать въ найвящей тайности и секретѣ, чтобъ о томъ никто увѣдать не могъ. А буде же о здѣшнихъ мѣстахъ еще извѣстіе въ полученіи имѣется, и что здѣсь нынѣ чинится и происходитъ, то бъ о томъ по тому жъ увѣдомить. И по справкѣ, де, въ Якутской Воеводской Канцеляріи на вышеозначенные приложенные пункты, тако жь и о нынѣшнихъ состояніяхъ, о чемъ тамо извѣстно, о томъ на тѣ пункты отвѣтствовано, а на прочіе отвѣтствовать не съ чего, а для того при томъ Указы съ тѣхъ пріобщено шесть пунктовъ и велѣно по онымъ о всемъ со всякою вѣрностію и обстоятельствомъ учинить исполненіе, какъ скоро возможно, и прислать въ ту Канцелярію съ нарочнымъ немедленно. А имянно: 1) Коряки какъ давно въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли, и сколь силы и множества ихъ, хотя, на примѣръ, и гдѣ жительство имѣютъ, и у какихъ рѣкъ и урочищей, и напредь сего въ подданствѣ у Чукочъ бывали ль, и за чѣмъ отъ нихъ отложились, и какъ давно, и нынѣ въ подданствѣ ль и въ вѣрности ль находятся? 2) Чукочъ въ какой силѣ и множествѣ состоитъ, и кто у нихъ старшина, и гдѣ жительство имѣютъ, и у какихъ рѣкъ и урочищей, и нынѣ какія отъ нихъ происхожденія имѣются? 3) Артиллеріи съ принадлежащимъ припасомъ имѣется ль, и сколько при надобномъ случаѣ оной съ собой взять можно, и какимъ способомъ, тако жь около онаго Анадырскаго острогу лѣсъ какой имѣется? 4) И небезъизвѣстно, яко отъ Охотска найдена рѣка, по которой до самаго Анадырскаго острога провіянтъ ставить можно, токмо подлинно ли таковая рѣка имѣется, и какъ ея званіе, и какіе способы, и на чемъ оной провіянтъ возить, и въ какомъ разстояніи оная имѣется, не извѣстно? 5) Въ Якутскѣ, въ Охотскѣ, въ Колымскомъ острогѣ, въ Анадырскомъ и въ прочихъ по званіямъ острогахъ и защитахъ, гдѣ имянно и сколько регулярной и нерегулярной команды имѣется, сколько въ коемъ мѣстѣ артиллеріи, пороху, зарядовъ, запаснаго ружья и прочаго; тако жь по послѣднимъ, полученнымъ оттуда, репортамъ и съ котораго числа провіянта, муки, ржи, крупъ, сухарей прочихъ, харчевыхъ припасовъ имѣется, и въ которомъ мѣстѣ сколько по званіямъ, по тому жь въ тѣхъ мѣстахъ по чему пудъ муки покупается? 6) Небезъизвѣстно, что

въ Якутскѣ, въ тамошнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, за недостаткомъ и недородомъ хлѣба, въ пищу тамошніе люди употребляютъ болѣе рыбы и разныхъ звѣрей мясо, къ тому жъ съ березъ дѣлаютъ толчу и варятъ вмѣсто каши съ масломъ, къ тому жъ и молоко употребляютъ. И тако уповательно, что находящіеся тамо Дворяне и Казаки къ тому уже привыкли, и для того, убѣгая великаго казнѣ Ея Императорскаго Величества ущербу, можно ли онымъ Дѣтямъ Боярскимъ и Казакомъ пробавляться, и такимъ случаемъ, вмѣсто провіянта, можно ль онымъ выдавать деньги, или половину провіянтомъ, другую деньгами, чтобъ провіянту только для удовольствія регулярныхъ употреблять можно, и тако не малое число меньше провіянта въ годовую дачу потребно будетъ?

На оное Вашему Высокопревосходительству покорнѣйше доношу и предлагаю по толику, о чемъ по здѣшней знаемости извѣстно.

На 1 е: По справкѣ въ Анадырской партіи и съ Анадырскою приказною ясашною избою, по окладнымъ ясашнымъ книгамъ состоитъ ясашныхъ плательщиковъ оленныхъ и сидячихъ Корякъ 558 человѣкъ, да съ 730 по нынѣшній 1751 г. прежней и нынѣшней партіей сыскано и объясачено 196 человѣкъ, и того 754 человѣка. Изъ онаго числа съ 745 году отложилися человѣкъ ста съ три. И оные ясашные и збунтовавшіеся Коряки жительство имѣютъ въ Сѣверной сторонѣ, около Олюторскаго и Пензинскаго моря, на рѣкахъ Олюторѣ, на Пахачѣ, на Апукѣ, на Хатыркѣ, на Паренѣ и на Акланѣ. А сколь давно тѣ Коряки въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли, того по дѣламъ не явно; точно по сказкѣ отставнаго Казака, Ивана Петрова сына Пурги, коему отъ роду имѣетъ быть 80 годъ, означенные, де, Коряки, какъ память его скажетъ, въ подданствѣ у Чукочъ никогда не бывали, а въ подданство Ея Императорскаго Величества пришли они, Коряки, котораго году, того подлинно не упомянутетъ, однако жь, де, на примѣръ, будетъ тому назадъ времени лѣтъ 70. 10 сего 1751 году, будучи я съ партіей въ походѣ въ Тайгуновскомъ носу, для призыву измѣнниковъ Корякъ въ подданство подъ высокодержавную Ея Императорскаго Величества руку и въ ясашной платежъ, и прошедшаго Апрѣля 9 дня,

за противность ихъ, какъ они вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ разоряли, такими жъ мѣрами они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однѣхъ лушниковъ со 120 человѣкъ, кромѣ подростковъ и малыхъ робятъ, а всѣхъ поголовно большихъ и малыхъ, какъ видно по репорту Прапорщика Ковалева, ста съ два человѣкъ и больше, и при томъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человѣкъ и нѣсколько оленнаго табуна и прочаго. И по возвращеніи изъ того похода въ Анадырской острогъ, чрезъ неусыпное жь и ревностное мое стараніе, приведено паки ихъ, измѣнниковъ, Корякъ, въ подданство подъ Высокосамодержавную Ея Императорскаго Величества руку и въ ясашной платежъ, Охотскихъ и Янадырскихъ Корякъ, 84 человѣка, и по ихъ иновѣрческому обыкновенію (приведены) къ шерти; и впредь къ содержанію ихъ во всякомъ постоянствѣ, не имѣя ни какихъ злыхъ противныхъ поступокъ, взято съ нихъ аманатовъ 8 человѣкъ, и привезены были въ Анадырскъ и содержались подъ присмотромъ Комисарскимъ съ прочими аманаты въ ясашной аманацкой казенкѣ подъ карауломъ. И на сей 1751 г. и на прошлые годы изъ домика взято было съ нихъ въ казну Ея Императорскаго Величества ясаку 51 лисица красныхъ, съ лапы и хвосты, а съ прочихъ за безпромыслицею лисицъ не взято, и объ ономъ въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію, Іюня отъ 10 числа, сего 1751 г., писано доношеніе, и того же Іюня съ 3 числа, за непривозомъ изъ Якутска въ Анадырскъ провіянта и за весьма скудостію рыбныхъ кормовъ, убѣгая отъ несноснаго и нестерпимаго голоду, обрѣтался я съ командою на низу р. Анадыри, при урочищѣ Родіоновѣ и у бани, для обыкновенныхъ оленныхъ и рыбныхъ лововъ того жъ Іюня по 26 число. А оленныхъ и рыбныхъ лововъ не было, отъ чего солдаты и Казаки и прочіе чины претерпѣвали, и нынѣ претерпѣваютъ, несносную нужду и голодъ, и многіе отъ того голоду почти всѣ съ головы на голову въ изнуреніе и въ безсиліе пришли (отъ чего, Боже, сохрани!), чтобъ не померли. И за отбытіемъ моимъ, въ предосторожность отъ непріятелей же, измѣнниковъ Корякъ, оставленъ мною былъ Поручикъ Кекеровъ съ командою въ пятидесяти человѣкахъ, которой и ордированъ, чтобъ онъ имѣлъ надъ Комисаромъ Корякинымъ крѣпкое смотрѣніе, дабы онъ, Комисаръ Корякинъ, предъ-

явленныхъ аманатовъ содержалъ всегда безотлучно въ ясашной аманацкой казенкѣ подъ карауломъ, чтобъ отъ неосторожности караула означенные аманаты не могли обрѣсти къ утечкѣ какого способу, о чемъ и къ нему, Корякину, минувшаго 1750 г., Декабря 24 числа, отъ меня ордиръ посланъ. И за тою моею небытностію, Іюля 8 на 9 число, въ полночь, слабостію и несмотрѣніемъ Комисара Корякина, въ крѣпости, въ ясашной избѣ содержащіеся аманаты Анадырскаго вѣдомства, Князецъ Анвуланъ Амьятовъ и съ привезенными изъ Тайгоноскаго носу, въ пятнадцати человѣкахъ, сидя въ аманатѣхъ, получали стрѣлы, луки и копья, измѣнили, одного Ясаула Казачья и одного караульнаго Казака и своихъ трехъ аманатовъ закололи, и потомъ стоящихъ въ крѣпости у казны и у воротъ подъ башнею двухъ человѣкъ закололи жь, и выскоча изъ воротъ калиткою, пришедши къ гоубвахтѣ, одного часоваго паки непріятельски смертно побили и ранили трехъ караульныхъ, и бросились въ лѣсъ, и унесли тѣхъ побитыхъ часовыхъ двѣ фузеи съ лядунки и патронами, и съ собою увели аманатовъ же, женокъ и робятъ девять человѣкъ. И того моменту командировано было отъ Поручика Кекерова для поимки тѣхъ злодѣевъ, а паче въ сикуроъ къ имѣвшемуся въ казенномъ оленномъ табунѣ въ караулѣ за Капрала, Енисейскаго полку солдату Никитѣ Рушкову съ командою, солдатъ и Казаковъ 30 человѣкъ съ ружьемъ и аммуниціею. И отъ тѣхъ посланныхъ, они, измѣнники, утечкою лѣсными весьма чащеватыми мѣстами очень ускорили, и за тѣмъ ихъ поймать и постичь не могли; однако жь, оные посланные пришедши, гдѣ оленной табунъ стоялъ, и тогда еще до прибытія ихъ Іюля 9 имѣющіеся въ томъ табунѣ Коряки жь пастухи паки измѣнили и побили гранадера одного, солдатовъ двухъ, Казаковъ троихъ, и оленной табунъ отогнали весь безъ остатку; токмо изъ тѣхъ табунныхъ Корякъ поймано мужиковъ двое, женокъ трое, да въ крѣпости женокъ трое жь, и того восемь человѣкъ. И того въ крѣпости и въ табунѣ побито гранадеръ двое, мушкатеровъ двое, Казаковъ семь, всего одинадцать человѣкъ. Въ чемъ надъ предписаннымъ Комисаромъ Корякинымъ и предъявленными пойманными измѣнниками и другими, кѣмъ надлежитъ, имѣетъ быть въ силѣ Указовъ слѣдовано, и по окончаніи оного въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію представлено будетъ безъ упущенія.

На 2-е. Немирныхъ Чукочъ коликое число подлинно состоитъ, того при партіи по дѣламъ не видно, а старшинство оные имѣютъ по своему иноземческому древнему обыкновенію, также какъ и Коряки, по родамъ, кто изъ нихъ постоянѣе и прожиточнѣе, вмѣсто рогатова, коннова и другова скота, оленными табунами, тотъ у нихъ и старшина. Жительство имѣютъ въ Сѣверной же сторонѣ, къ носу, около моря, по разнымъ мѣстамъ, разстояніемъ отъ Анадырска сухимъ путемъ за тысячу верстъ, и отъ оныхъ происхожденіи бываютъ вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества народамъ ясашнымъ оленнымъ Корякамъ, понеже оные Чукчи бываютъ изъ своей землицы зимнимъ путемъ на оленяхъ въ ихъ Корякскую землицу и непріятельски оныхъ побиваютъ смертію, оленные табуны отгоняютъ и берутъ женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ; также и водяною коммуникаціею лѣтнимъ временемъ оные Чукчи приходятъ подъ Анадырской острогъ байдарами, т. е., судами, которые дѣлаются изъ дерева, рѣшетки на подобіе мелкихъ лодокъ и обтягиваютъ оныхъ съ сторонъ моржевыми кожами, и по тому жъ Русскихъ людей изождавъ въ какой либо малой неосторожности по рыбнымъ промысламъ, и паки побиваютъ же смертно, берутъ себѣ въ плѣнъ женъ и дѣтей, мѣдные и желѣзные котлы, топоры, ножи и прочее, понеже онаго въ ихъ землицѣ не имѣется. И въ томъ отъ нихъ, Чукочъ, лѣтнимъ временемъ въ промыслу рыбы крайнее утѣсненіе и опасность обстоитъ. А что же за неотправленіемъ Якутскою Канцеляріею въ Анадырскъ на партію довольнаго числа провіянта обрѣтающимся въ партіи разнаго чина людемъ безъ рыбнаго промыслу ни по которой мѣрѣ обойтись не можно, и ежели бъ оною Канцеляріею здѣшняя Анадырская партія всегда удовольствована была провіянтомъ, и тако бы надъ непріятелями Чукчами и надъ измѣнниками Коряками было въ удобное время чинить достойные поиски весьма способно.

На 3-е. При Анадырскомъ острогѣ артиллеріи имѣется поставленныхъ флота Капитаномъ Лантевымъ въ 742 году пушекъ чугунныхъ 3, колыберомъ двуфунтовыя, токмо при надобномъ случаѣ, во время приступовъ къ измѣнникамъ Корякамъ, къ отрядышамъ, яко то есть высокіе и крутые около моря въ губахъ каменные острова, на которые они по своему Азіятскому непо-

стоянству забунтовавшись и не хотя быть въ подданствѣ подъ Высокосамодержавною Ея Императорскаго Величества рукою, отъ военнаго страху убѣгаютъ и отсиживаются, понеже ихъ оттуда достать и къ нимъ взойтить, за неспособностію мѣста, также и выжить стрѣляніемъ изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, ни по которой мѣрѣ нельзя; и для того весьма потребно въ здѣшней Анадырской партіи имѣть отъ артиллеріи нѣкоторую часть, и объ ономъ въ Иркутскую Провинціальную Канцелярію представлено доношеніемъ Іюля отъ 10 числа, сего 1751 года, и покорнѣйше прошено, чтобъ, для искорененія тѣхъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ Корякъ и безопаснаго отъ оныхъ нахожденія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества народомъ житія, и для обученія артиллерійской наукѣ, прислать сюда, въ Анадырскъ, изъ артиллерійскихъ служителей штыкъ-юнкера, или изъ ундеръ-офицеровъ одного человѣка достойнаго, и при нихъ двухъ канонеровъ и двѣ мортиры десятифунтовыхъ висячихъ, со станками безъ подножьевъ и по калыберу ихъ бомбъ до ста, и на нихъ принадлежащихъ составовъ карказовъ до пятидесяти; ибо хотя и штыкъ-юнкеръ въ Анадырскъ присланъ будетъ, токмо къ составленію карказовъ надлежащихъ составовъ въ Анадырскѣ не имѣется, понеже оная не только на измѣнниковъ Корякъ, но и въ поискахъ немирныхъ Чукочъ, весьма очень крайняя нужда зависитъ и оную отъ артиллеріи часть можно возить съ собою въ походъ на оленяхъ безъ затрудненія. И около Анадырскаго острогу, вверхъ по р. Анадырю, лѣсъ имѣется тополь и ветельникъ, и хотя въ вершинѣ оной рѣки есть лиственъ и березникъ, но не весьма около острогу близко и не очень довольно, также и на низу не въ дальномъ же разстояніи отъ острогу лѣсъ мелкой тальникъ, ольховникъ и кедровой сланецъ, и оттуда далѣе къ устью ни какова лѣсу не имѣется.

На 4-е Отъ Охотска до самаго Анадырскаго острогу ни какой рѣки не имѣется, токмо имѣется рѣки Акланъ, Таловка и Пенжина, которыя впали въ Пенжинское море, въ Сѣверную губу, и оною до самаго Охотскаго порта имѣется водяная коммуникація, точію къ поставкѣ натурою на партію провіанта до означенныхъ рѣкъ судовой моремъ имѣется ль способной путь и удобныя гавани, о томъ при партіи не извѣстно; однако жь объ

оной, по Указу Иркутской Провинціяльной, Апрѣля 3 дня, 745 года, велѣно Охотской Канцеляріи о взысканіи сего пути возыметь крайнѣйшее стараніе, и что тою Канцеляріею учинено, о томъ не извѣстно жъ; а предписанныя рѣки Аклань, Таловка и Пенжина отъ Анадырска разстояніемъ, на примѣръ, отстоятъ не болѣе 300 верстъ, и ежели де оныхъ рѣкъ Охотскою Канцеляріею способной моремъ путь и удобныя къ пристани гавани къ поставкѣ на партію провіянта изысканы быди, то оттуда до Анадырска ясашными иноземцами на оленяхъ провіянтъ симымъ путемъ перевозить было можно безъ малѣйшей имъ тягости и разоренія, ибо оные отъ показанныхъ рѣкъ не весьма въ дальнемъ разстояніи жительство имѣютъ; да къ тому жъ, въ силу Указа Правительствующаго Сената, къ возобновленію Акланскаго острога для учрежденія и постройки оттуда по пристойнымъ мѣстамъ, даже до самыя Камчатки, удобныхъ крѣпостей, къ приращенію Ея Императорскаго Величества высочайшаго интереса и ко убѣжанію и безопасному житію вѣрнопадданныхъ Ея Императорскаго Величества народамъ отъ нахожденій непріятельскихъ найлучшая польза имѣла быть.

На 5-е. Въ Анадырскомъ острогѣ нынѣ съ нижеписаннаго числа состоитъ команды, не выключая въ дальнихъ и въ ближнихъ отлучкахъ, больныхъ и подъ арестомъ, регулярныхъ разныхъ чиновъ 173, нерегулярныхъ разныхъ же чиновъ 367, всего 540 человѣкъ; запаснаго ружья 52 фузеи, да и тѣ уже негодны, кромѣ того, что развѣ употреблять оныя на разныя казенныя подѣлки; пороху вѣсомъ 13 пудъ 25 фунтовъ, патроновъ запасныхъ въ ящикахъ 11,982, картечь 3,612; провіянта, муки, ржи, крупъ и сухарей и прочихъ харчевыхъ запасовъ не имѣется; а провіянтъ, мука ржаная въ Анадырскѣ покупается по 8 рублевъ пудъ, а иногда купили бъ на потребу и свыше оной цѣны, хотя по 10 рублевъ, да случается то, что и купить не у кого. А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, Февраля 21, прошлаго 749, а въ Анадырской партіи полученнаго Апрѣля 28, 750 года, подъ нумеромъ 842, написано: Минувшаго, де, Генваря 24 числа, того жъ 1749 года, присланнымъ во оную Иркутскую Провинціяльную Канцелярію Якутская Воеводская Канцелярія доношеніемъ представляла, чтобъ

за показанными въ томъ доношеніи въ постанѣ изъ Якутска до Анадырска провіянта непособностями, и дабы отъ того казнѣ Ея Императорскаго Величества не происходило излишнихъ расходовъ, и ясашнымъ иноземцамъ отъ упадку лошадей и оленей разоренія, повелѣно было въ Анадырской острогъ, на дачу служащимъ въ состоящей здѣсь партіи, солдатамъ, и Казакамъ и прочимъ чинамъ, въ жалованье посылать за провіянтъ деньгами, по чему въ каждомъ году тотъ провіянтъ въ продажѣ имѣть быть, а денежное бъ жалованье давать противъ окладовъ ихъ двойное, такъ какъ и бывшимъ въ Камчатской экспедиціи солдатамъ и прочимъ служителямъ въ дачу было; ибо, де, показанные служащіе въ Анадырску въ партіи, получа такое двойное денежное жалованье и за провіянтъ деньгами, могутъ тамо пропитаться оленнымъ мясомъ и рыбою противъ того, какъ и прочіе, живущіе въ здѣшнихъ мѣстахъ Русскіе люди питаются. А по справкѣ, де, въ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи на присланные изъ Анадырскаго острогу отъ покойнаго Маіора Павлуцкаго и изъ Якутской Воеводской Канцеляріи репорты, писано изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ доношеніями, первымъ Октября 12, 743, вторымъ Іюля 19, 744, третьимъ Апрѣля 4 чиселъ, 745 годовъ, въ которыхъ представлено, чтобъ, за показанными въ тѣхъ доношеніяхъ резоны, повелѣно было служащимъ въ партіи ундеръ-офицерамъ, солдатамъ и служилымъ, дабы имъ въ такомъ весьма отдаленномъ мѣстѣ и нужнѣйшей партіи не понесть голоду, наготы и босоты, давать, до возврату изъ оной партіи, денежное и хлѣбное жалованье двойное; ибо отъ того казнѣ Ея Императорскаго Величества излишняго расходу и народной тягости не будетъ; а вмѣсто бъ провіянта, для такого дальняго пути, въ предосторожность, ко убѣжанію Ея Императорскому Величеству Высочайшему интересу ущерба и народной пользы, посылать деньгами, почему въ каждой годъ тотъ провіянтъ въ Якутскѣ въ продажѣ будетъ; которые солдаты и служилые, получа такое двойное денежное и за хлѣбъ деньгами жалованье, могутъ покупать въ тамошнихъ мѣстахъ у иноземцовъ оленье мясо и рыбу и оною безъ провіянта пропитаться. Но ежели къ одинакому ихъ жалованью посылать за всѣ ихъ хлѣбные оклады по Якутской цѣнѣ деньгами, то имъ такимъ малымъ жалованьемъ въ здѣшнихъ краяхъ безъ провіянта

пропитаться будетъ не чѣмъ. А провіянтъ отправляется въ Анадырскъ весьма съ великимъ казеннымъ Ея Императорскаго Величества расходомъ, что каждой пудъ меньше 1 рубля 50 коп. въ поставкѣ обойтись не можетъ, да къ тому жъ, отъ упадку подъ тѣмъ провіянтомъ въ подводахъ лошадей и оленей, Якуты и прочіе ясашные иновѣрцы придутъ во всеконечную скудость; и что объ ономъ повелѣно будетъ чинить, требовано Указу, точію о дачѣ упоминаемымъ служащимъ въ партіи денежнаго жалованья противъ окладовъ ихъ двойного, и по нынѣ съ резолюціею Указа не получено, а о посылкѣ тѣмъ служащимъ за провіянтъ деньгами въ Указѣхъ написано, въ первомъ, изъ Сибирскаго Приказу Октября отъ 24, 745 года, чтобъ въ Анадырскъ на состоящую въ партіи команду, ежели оной партіи служилымъ людемъ отъ неполученія въ натурѣ провіянта вреда и нужды Иркутская Провинціяльная Канцелярія быть не уповаетъ, и на свой отвѣтъ приметъ, тако жъ и къ перевозкѣ онаго провіянта въ натурѣ, способу изыскать не можно, а хотя и есть, да съ крайнимъ казеннымъ убыткомъ и тамошнихъ жителей съ великимъ разореніемъ и опасностію къ разбѣжанію иновѣрцовъ, и тотъ провіянтъ оная команда въ надлежащее время исправно получить не можетъ, въ такомъ случаѣ отправлять за провіянтъ безъ всякаго удержанія деньгами. Буде же оной провіянтъ хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и небольшимъ казеннымъ убыткомъ, но безъ разоренія и розгону иноземцовъ, препровождать можно, и оная, де, партія довольнѣе быть можетъ провіянтомъ, а нежели деньгами, въ такомъ разсужденіи, всѣми удобь возможными способы стараться пересылать провіянтъ въ натурѣ. А во второмъ (Указѣ), изъ Правительствующаго Сената, Іюля отъ 13 числа, 748 года, чтобъ какъ возможно изъ Якутска въ Охотскъ и въ прочіе тамошніе остроги на дачу солдатамъ и служилымъ людемъ провіянтъ натурою отправленъ былъ въ самой скорости, дабы, за нескорымъ отправленіемъ провіянта, въ тѣхъ мѣстахъ солдаты и служилые люди не претерпѣли крайней нужды, и впредь Иркутской Провинціяльной Канцеляріи крайнѣйшее стараніе прилагать, чтобъ на довольство обрѣтающихся тамо служилыхъ людей (провіянтъ) заблаговременно приготовленъ былъ, подъ опасеніемъ, ежели тамошніе служители, за неимѣніемъ провіянта, претерпятъ нужду и гладъ, взысканія на Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, не

пріемля ни какихъ отговорокъ. Буде же, по крайней невозможности тѣхъ служителей провіянтомъ удовольствовать будетъ не возможно, то перевесть хотя деньгами въ самой же крайней скорости, дабы обрѣтающіеся тамо служители, не только голоду, но ни какой нужды претерпѣть не могли. По справкѣ жъ въ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, въ Иркутскихъ подгородныхъ острогахъ и слободахъ Иркутской провинціи едва не ежегодно бываетъ хлѣбу недородъ, отъ чего, де, и сами бѣлые крестьяне и обыватели претерпѣваютъ въ пропитаніи крайней недостатокъ. Того, де, ради, по Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, въ Якутскую Воеводскую Канцелярію посланъ Ея Императорскаго Величества Указъ, и велѣно той Канцеляріи въ Анадырской острогъ на служащихъ въ партіи денежное жалованье отправлять по Указу, по окладамъ одинакое, а не двойное, тако жь и провіанта отправлять повсягодно способнымъ путемъ, отъ коего бъ излишняго казеннаго расходу и народной тягости быть не могло; ежели больше, за какими законными причины не возможно, то хотя по одной тысячѣ пудъ, а за достальной провіянтъ при томъ же присылать деньгами, по настоящей цѣнѣ, по чему въ коемъ году будетъ въ Якутскѣ въ продажѣ, заблаговременно, дабы въ такомъ отдаленномъ, нужномъ и безхлѣбномъ мѣстѣ тѣ служители не только голоду, но ни какой нужды претерпѣть не могли, въ чемъ Якутской Воеводской Канцеляріи, яко о самонужнѣйшемъ Ея Императорскаго Величества интересѣ, крайнее стараніе прилагать, подъ опасеніемъ, ежели здѣшніе служители претерпятъ нужду и голодъ, взысканій на Якутской Воеводской Канцеляріи, не пріемля ни какихъ отговорокъ. А въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ писано доношеніями, и при оныхъ съ присланнаго изъ Якутской Воеводской Канцеляріи доношенія, для лутчаго разсмотрѣнія, сообщены точныя копіи и покорнѣйше прошено, чтобъ, за вышепоказанными въ прежде посланныхъ изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи доношеніяхъ, тако жь и въ вышеявленномъ Якутской Воеводской Канцеляріи доношеніи, въ поставкѣ изъ Якутска въ Анадырскъ провіянта законными невозможностьми и многотрудной службой, повелѣно было въ состоящей здѣсь партіи денежное жалованье двойное, и за провіянтъ ундеръ офицеромъ, капраломъ, солдатамъ и Казакамъ, за

всѣ оклады ихъ, посылать по Якутской цѣнѣ деньгами; ибо изъ того, о чемъ Правительствующій Сенатъ и Сибирской Приказъ изъ доношенія Якутской Канцеляріи усмотрѣть изволятъ, казнѣ Ея Императорскаго Величества излишняго расходу и народной тягости не будетъ, понеже, де, тѣ служители, получа двойное денежное и за одинарной хлѣбъ деньгами жалованье, могутъ покупать въ здѣшнихъ мѣстахъ у иноземцовъ оленье мясо и рыбу, и оною пропитаться, нежели, де, нынѣ къ одинакому ихъ денежному жалованью посылать за весь по окладамъ провіянтъ по Якутской цѣнѣ деньгами, то имъ такимъ малымъ жалованьемъ въ здѣшнихъ отдаленныхъ и безхлѣбныхъ мѣстахъ пропитаться ни какъ не возможно. И на оное въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію прошедшаго Февраля отъ 13 числа, сего 1751 г., доношеніемъ представлено: 1) что обрѣтающимся въ Анадырской партіи ундеръ-офицеромъ, капраломъ, солдатамъ, Казакамъ и прочимъ чинамъ, съ 747 по предбудущей 752 годъ, за недосланной провіянтъ, за муку ржаную вѣсомъ за 45,766 пудовъ, за 8 фунтовъ, да за крупу яшную за 460 п. 1 Ф., деньгами отъ Якутской Воеводской Канцеляріи и по нынѣ не прислано, отъ чего унтеръ-офицеры, капралы, солдаты, Казаки и прочіе чины претерпѣваютъ несносную нужду и голодъ, впали въ неоплатные великіе долги, за весьма дорогою въ Анадырскѣ покупкою на рыбные заводы холста и крашенины, также и прядива, которой холстъ и крашенина продается за рубль по 4 аршина, а прядина пудъ по 40 рублевъ. Да по здѣшнему обращенію, какъ солдаты, такъ и Казаки, покупаютъ у Анадырскихъ обывателей и у ясашныхъ иноземцевъ зимнее платье, безъ чего ни по которой мѣрѣ пробыть не возможно, а имянно: изъ оленьихъ кожъ парка вмѣсто шубы въ 2 рубли, куклянка съ верхней кашлеею вмѣсто епанчи въ 3 рубли, штаны въ 1 р., санки съ убором, съ лямки, съ потяги и съ уздами въ 1 р. въ 50 коп., лыжи въ р., обуви двѣ пары, въ томъ числѣ однѣ щетошныя, въ которыхъ ходятъ на лыжахъ, цѣною въ 1 р., чибика съ рукавицами въ 1 р. 50 к.; да къ тому жъ лѣтняго платья: двои штаны ровдужные въ 1 р. 60 к., рубаха ровдужная да кашлея въ 3 р., обуви шесть паръ, цѣною каждая по 25 коп пара. И оное платье зимнее болѣе обойтись не можетъ, какъ на одну зиму, а лѣтнее на одно лѣто; да сверхъ же того каждому служителю, по необходимой нуждѣ, надобно

для рыбнаго промыслу въ лѣто на двѣ сѣти, да на одну шережу прядины 13 фунтовъ, цѣною по 1 р. фунтъ, которыя сѣти и шережи болѣе одного лѣта въ промыслу обойтись не могутъ же. И того каждому служителю покупкою вышеписаннаго платья и прочаго имѣетъ обойтись въ годъ на 30 р на 10 коп. 2) А у Анадырскихъ ясашныхъ оленныхъ Корякъ, за взятьемъ немирными Чукчами въ 747 и 748 годѣхъ, оленныхъ табуновъ нынѣ имѣется самое малое число, и не токмо, чтобъ служителямъ у нихъ, Корякъ, покупать на пропитаніе оленей, но и въ походъ съ партіей маршировалъ я изъ Анадырска въ 408 человѣкахъ, для поиску бунтовщиковъ и измѣнниковъ Корякъ, въ прошломъ 1751 г., и то уже съ превеликою нуждою, для того что, за весьма крайнимъ недостаткомъ у Корякъ и Юкагирей оленей, солдатъ и Казаковъ оставалось въ Анадырскѣ 90, да въ казенномъ оленномъ карауле 25, и того 115 человѣкъ, да и тѣмъ, которые въ походѣ имѣлись, только давано было по одному оленю, а прежде, сначала партіи, въ походахъ давалось всѣмъ служителямъ изжалыхъ по два оленя. 3) Въ прошломъ 1749 г., въ бытность надъ партіею командиромъ Якутскаго полку Порутчика Семена Кекерова, по прибытіи его изъ походу, за неприсылкою отъ Якутской Воеводской Канцеляріи, за недосланной провіянтъ на предписанные годы деньгами, какъ солдаты, такъ и Казаки, на рыбные заводы, безъ чего пробыть было нельзя, забрали холста и крашенины, тако жь и прядива разныхъ сортовъ у посланнаго изъ Якутска питейныхъ и мелочныхъ сборовъ отъ Компанейскаго Алексѣя Глазунова съ товарищи въ Анадырскъ за винною продажею, у работника ихъ Іева Григорьева сына Безстужева, всего по цѣнѣ на 2002 рубля на 40 коп., да у Якутскаго посацкаго Василья Матвѣева сына Жгилева на 938 р. на 97 коп., въ чемъ имъ, Іеву Безстужеву, по силѣ присланнаго Ея Императорскаго Величества Указу изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, Сентября отъ 19, 1749 г., по вексельному праву Генваря 30, а Якутскому посадскому Василью Матвѣеву сыну Жгилеву, Февраля 19 чиселъ, сего 1751 г., отъ здѣшней Анадырской партіи даны векселя. 4) Въ Якутскую Воеводскую Канцелярію писано промеморіею, съ пріобщеніемъ именной вѣдомости, кому именно и за которые годы не дослано провіянта, и на комъ сколько ихъ купеческаго долгу состоитъ, требовано, чтобъ та Канцелярія благово-

лила предъявленнымъ Безстужеву съ товарищемъ, по силѣ вексельнаго права, вышеписанное число денегъ выдать изъ казны Ея Императорскаго Величества по исчисленію за недосланной за прошлые казенные годы хлѣбный окладъ, и будетъ еще останется за вычисленіемъ въ казнѣ провіянта, то за оной прислать въ Анадырскъ деньгами по Якутской продажной цѣнѣ, въ самой крайней скорости, съ росписками же, кому имяны, на которые годы, и за сколько пудовъ и по какой цѣнѣ, также и впредь повсягодно денежное жалованье сначала года, а провіянта въ натурѣ посылать въ Анадырскъ на каждаго служителя по необходимой нуждѣ по 10 пудъ, и къ тому за достальной, въ силу вышепрописанныхъ изъ Правительствующаго Сената и Сибирскаго Приказу Указовъ, деньгами въ указные сроки, коего еще и по нынѣ отъ Якутской Воеводской Канцеляріи въ Анадырскъ не отправлено, не точію, чтобъ Якутская Канцелярія во отправленіи провіянта имѣла стараніе, но и за провіянтъ денегъ въ указные сроки не присылаетъ, моритъ голодомъ; а что же военнослужащимъ въ партіи всякаго званія людемъ, за показанными выше сего невозможностями, безъ провіянта ни какъ пробыть не возможно, и тѣмъ доношеніемъ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію покорно прошено, дабы соблаговолила о немедленномъ отправленіи Якутскою Воеводскою Канцеляріею подтвердить Ея Императорскаго Величества Указомъ, дабы, за нескорымъ отправленіемъ означеннаго жалованья, въ порученной мнѣ партіи не воспослѣдовало въ поискѣ надъ непріятелемъ остановки и въ военномъ дѣйствіи помѣшательства, понеже и такъ обрѣтающіеся въ партіи служители отъ неполученія того жалованья претерпѣваютъ великую нужду и голодъ, и многіе отъ того голоду въ изнуреніе пришли (отъ чего, Боже, сохрани!) ежели помруть, и отъ того учинится высокому Ея Императорскаго Величества интересу безвременная трата и упущеніе, или на вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ отъ непріятеля незапное нападеніе и смертное убійство, и оного въ впредь на мнѣ взыскано не было.

На 6-е. Хотя за неприсылкою отъ Якутской Канцеляріи провіянта, состоящіе въ Анадырской партіи ундеръ-офицеры, капралы, солдаты, Казаки и прочіе чины въ пищу и употребляютъ

себѣ одну рыбу, только съ превеликою крайнею нуждою, для того, не по природѣ, и такъ отъ оной рыбной яди почти всѣ съ головы на голову солдаты и Казаки впали въ изнуреніе, да къ тому жь повсягодно жь, за скудостію рыбы, претерпѣваютъ голодъ и вредъ; ежели отъ Якутской Канцеляріи провіянта въ натурѣ пересылаться не будетъ, то уже и вящѣе, ко убѣжанію казнѣ Ея Императорскаго Величества ущербу, болѣе инаго добраго порядку послѣдовать не можетъ, кромѣ того, что служащіе въ партіи солдаты и Казаки смертно отъ гладу помрутъ. А въ Анадырскѣ рагатаго и онаго скота не имѣется, и для того солдатомъ и Казакомъ на употребленіе въ пищу (кромѣ одной рыбы), на варенье березовой толчи, вмѣсто каши, масла и молока, получить не откуда. И хотя Якутская Канцелярія доношеніемъ въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію, Генваря отъ 24, прошлаго 749 года, представляла, чтобъ обрѣтающимся въ партіи солдатомъ и Казакомъ и прочимъ чинамъ, до возврату изъ здѣшней партіи, денежное жалованье давать двойное, и къ тому за весь ихъ одинарной годовой провіянтъ посылать деньгами, по чему въ каждомъ году тотъ провіянтъ въ продажѣ будетъ, и на оное, по мнѣнію моему, всеконечно за показанными въ посланныхъ отсель, Февраля отъ 13 числа, сего 1751 г., въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію доношеніи, а въ Якутскую Воеводскую Канцелярію промеморіи, невозможностьми, безъ провіянта военнослужащимъ въ партіи людемъ ни по которой мѣрѣ обойтись не можно, и для того, за посылкою сюда въ партію на каждаго служителя натурою по 10 пудъ провіянта въ годъ, къ тому за достальной посылать деньгами надлежитъ, счисляя за муку по 1 руб. за пудъ, а денежное жалованье до возврату изъ здѣшней партіи оберъ и ундеръ-офицеромъ, капраломъ и рядовымъ солдатомъ, Казакомъ и прочимъ чинамъ давать двойное, и тако немалое число меньше провіянта въ годовую дачу потребно будетъ. Въ Анадырскѣ мука ржаная покупается весьма дорогою цѣною, по 6 и по 8 руб. пудъ, да и то случается кому изъ служителей по необходимой нуждѣ продать развѣ 1 пудъ между собою; а иногда купили бъ и свыше оной цѣны, хотя и по 10 руб. пудъ, да и того купить не у кого, понеже, кромѣ казеннаго, въ Анадырскѣ посторонняго провіянта въ привозѣ никогда не имѣется; ибо въ Охотскѣ и въ Камчадальскихъ острогахъ какъ солдатомъ, такъ и Казакомъ вы-

дается изъ казны Ея Императорскаго Величества за провіянтъ деньгами, счисляя за муку по 1 р. 50 коп. за пудъ, а столько нужды ни вполы не претерпѣваютъ, какъ здѣсь, въ Анадырску, служители нужду претерпѣваютъ: 1) отъ неполученія, за неприсылкою отъ Якутской Канцеляріи, за означенной заслуженной провіянтъ, денегъ, впали въ неоплатные великіе долги, къ тому же наги и босы и въ лѣтнее время случится когда водяною коммуникаціею чинить достойные поиски надъ непріятелемъ, и тогда ходятъ безъ обуви и безъ платья, почти нагіе, а зимою, стоя на караулахъ, и яко въ здѣшнемъ отдаленномъ мѣстѣ во опасное время отъ непріятеля, ходятъ во объѣздъ пѣшкомъ на лыжахъ повсядневно вкругъ Анадырской крѣпости, для подсмотру непріятельскихъ шлягъ и воровскихъ перелазовъ, отъ нестерпимаго морозу, за скудостію жъ платья, знобятся, а купить, какъ уже о томъ выше сего показано, платья, за весьма дорогою продажею, не чѣмъ. 2) За неудовольствіемъ натурою провіянта отъ рыбной всегдашней яди пришли въ изнуреніе и едва только видится остовъ человѣка, а больше оное отъ поносу приключается, что нѣкоторые уже имѣютъ кровавые поносы, ибо оное не по природѣ; да къ тому жь почти ежегодно и рыбнаго корму бываетъ мало, и отъ того найвящѣе претерпѣваютъ несносной, великой смертной голодъ, и тако многіе изъ служителей не въ состояніи и въ службѣ Ея Императорскаго Величества находиться.

Да особливо Вашему Высопревосходительству покорнѣйше доношу: 1) надлежитъ быть въ состоящей здѣсь въ Анадырску въ немалой командѣ одному Штапу, ибо и напредь сего имѣлся Командиромъ Маіоръ Павлуцкой, который, по вступленіи его въ оную нужнѣйшую и весьма многотрудную партію, былъ пожалованъ изъ Капитановъ въ Премьеръ-Маіоры А нынѣ я, въ силу присланнаго Ея Императорскаго Величества Указа изъ Сибирскаго Приказа, вмѣсто его, Павлуцкаго, за неимѣніемъ въ Тобольскѣ, въ Сибирскомъ гарнизонѣ, въ Иркутскѣ и въ Якутскомъ полку, штапныхъ офицеровъ, опредѣленъ надъ партіею главнымъ Командиромъ; ибо хотя въ предъупоминаемыхъ мѣстахъ Штапы имѣются, токмо уповаемо и пространно видно изъ присланныхъ Указовъ, что оные обрѣтаются въ разныхъ раскомандированіяхъ, а другіе у разныхъ дѣлъ находятся всегда безотлучно. 2) Здѣсь, въ Анадырской партіи,

регулярной и нерегулярной команды состоитъ 500, оберъ-офицеровъ имѣется, Порутчиковъ двое, Прапорщиковъ двое жь, изъ которыхъ Якутскаго полку Порутчикъ Семенъ Кекеровъ весьма старъ, къ тому же имѣетъ отъ непріятеля раны, того жь полку Прапорщикъ Петръ Ковалевъ старъ же и ногами весьма болѣнъ и имѣетъ раны, также и я обдержимъ цынготною болѣзнею, и ежели бы былъ не болѣнъ, то бы и въ прошломъ 747 г. изъ Селенгинска отъ полку въ Анадырскъ командировали меня, а не Порутчика Кекерова послали сюда, о чемъ и по репортамъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, можетъ быть, а въ Правительствующемъ Сенатѣ не безызвѣстно. Да и нынѣ я паки отъ всегдашней рыбной яди, вящше того жь болѣзнею весьма одержимъ, отъ которой и зубы вывалились, къ тому жь головою болѣнъ и въ глазахъ имѣю поврежденіе, и рыбнаго корму и сухой юколы, за неимѣніемъ провіянта, ѣсть мнѣ ни какъ невозможно, и отъ того яко въ здѣшней многотрудной партіи, весьма нужномъ, отдаленномъ и безхлѣбномъ краю, болѣе въ службѣ, какъ я, такъ и Порутчикъ Кекеровъ и Прапорщикъ Ковалевъ, имѣемъ быть не въ состояніи. Да къ тому жь и по Указу Правительствующаго Сената, 746 г., Февраля отъ 20 дня, велѣно мнѣ быть въ Иркутской провинціи, для содержанія школы; точію Господинъ Бригадиръ Якобій командировалъ меня въ партію больнаго, по алобѣ, ибо я къ атестату Аудитора Суворова не подписался, для того что онъ былъ не пограничной, но съ приписью Селенгинской Воеводской Канцеляріи, которой атестатъ имѣется въ Государственной Военной Коллегіи. И того ради покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство прошу, ежели заблагосне принято будетъ, то бъ повелѣно было, для вышеписанныхъ резоновъ: 1) о произвожденіи обрѣтающимся въ партіи, какъ оберъ, такъ и ундеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ гранодерамъ, солдатамъ, Казакамъ и прочимъ чинамъ денежнаго жалованья двойнаго; 2) о поставкѣ въ Анадырскъ на каждаго служителя натурою провіянта по 10 пудъ на годъ и о посылкѣ къ тому за достальной деньгами, счисля за муку по 2 руб. за пудъ; 3) о подтвержденіи Иркутскую Провинціяльную Канцелярію во отправленіи вышеупомянутой артиллеріи съ принадлежностьми и артиллерійскихъ служителей; 4) о опредѣленіи на мѣсто мое въ партію одного Штапа и вмѣсто помянутыхъ Порутчика Кекерова и Прапорщика Ковалева другихъ здо-

ровыхъ, молодыхъ и вздѣшней партіи годныхъ, Поручика одного, Прапорщиковъ двухъ, чтобъ для лутчаго порядку и учрежденія къ военному дѣйствію нерегулярнаго войска было оберъ офицеровъ 5 человѣкъ. 5) Хотя Якутская Воеводская Канцелярія, Иркутской Провинціяльной Канцелярій доношеніемъ представляетъ, яко бы провіянтъ, за дальностію изъ Якутска въ Анадырскъ, на дачу служащимъ въ партіи весьма становится съ великимъ казеннымъ убыткомъ, и отъ упадку подъ тѣмъ провіянтомъ лошадей и оленей иновѣрцамъ съ крайнимъ разореніемъ, но оная Якутская Канцелярія не имѣвъ, въ силу вышеприписанныхъ Ея Императорскаго Величества Указовъ, объ изысканіи лутчаго способу къ поставкѣ на партію въ Анадырскъ провіянта, ни какого старанія, и безразсудное имѣетъ мнѣніе, коимъ и обнадеживаетъ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію напрасно, будто въ здѣшнемъ, весьма отдаленномъ, нужномъ и безхлѣбномъ краю служители и безъ провіянта оленнымъ мясомъ и рыбою пропитаться могутъ, какъ и другіе Русскіе люди въ здѣшнихъ мѣстахъ питаются, не разсудя того, что на пропитаніе оленей купить негдѣ, а отъ всегдашней рыбной яди и сухой юколы и за неимѣніемъ соли, понеже въ Анадырскѣ въ продажѣ никогда не бываетъ, отъ чего служители уже пришли въ изнуреніе и едва только остово человѣка видится, а больше отъ поносу приключается, что нѣкоторые имѣютъ уже и кровавые поносы, къ тому и ноги пухнутъ 6) А понеже усмотрѣно мною, какъ я слѣдовалъ изъ Якутска въ Анадырскъ, что имѣется способъ къ поставкѣ натурою на дачу служащимъ въ партіи провіянта безъ великаго казнѣ расходу и народной тягости, такимъ порядкомъ: отъ Якутска до Алданской заставы водяною коммуникаціею на судахъ, на оной учредить первой станецъ, второй станецъ на полѣ Чапынѣ, гдѣ живалъ Кангалаской волости Князецъ Куржага Алтахановъ; третей станецъ на Табалахъ рѣчкѣ и на Серылахѣ, гдѣ жительство имѣетъ Балдунской волости Якутъ Мухорка Архагировъ; четвертой станецъ на Кисломъ озерѣ. Токмо отъ поля Чапыны надлежитъ слѣдовать съ провіянтомъ прямою дорогою, не хвативъ Верхоянскаго зимовья, чрезъ Хрепты, даже до Табалахи рѣчки, и отъ оной до Кислова озера прямою жь дорогою, не заѣзжавъ въ Зашиверской острогъ, ибо оной трактъ способнѣе и разстояніемъ мѣста меньше, а съ Чапыны поля черезъ Верхоянскъ и Зашиверской острогъ

до озера Кислова, растояніемъ мѣста больше. И оттуда на р. Ожогину сухимъ же путемъ на лошадяхъ, и по оной внизъ до рѣки Ковымы, и оною внизъ же до усть-Анюю, и по оному вверхъ даже до урочища рѣчки Ангарки, водяною коммуникаціею на судахъ провіянтъ препровождать можно, хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, однако жь безъ великаго казнѣ ущербу и народной тягости. И въ предписанныхъ станціяхъ должно быть по 500 лошадей со всѣмъ конечно убором, и того 2000, и при томъ, для содержанія тѣхъ лошадей и кошенія на оныхъ сѣнъ, опредѣлить изъ ясашныхъ иновѣрцовъ Якутовъ лутчихъ семьянистыхъ и прожиточныхъ скотомъ пристойное число посельщиковъ, а вышеписанное число лошадей собрать въ Якутскомъ вѣдомствѣ съ волостей, и чтобъ посланные за сборомъ оныхъ худыхъ лошадей и за лошадиное число деньгами отнюдь не принимали, и вмѣсто тѣхъ своими негодными въ набранное число не употребляли, и для такого случая по всѣмъ станціямъ быть надлежитъ хотя изъ отставныхъ ундеръ-офицеровъ по одному человѣку достойныхъ, коимъ имѣть крѣпкое стараніе, чтобъ и посельщики Якуты тѣмъ лошадямъ какъ воровски своими негодными перемѣны не чинили и на кормъ себѣ тѣльныхъ лошадей не били, не замѣняли бъ тѣмъ, что оныя сами безъ всякой нужды подохли, и сѣна на лошадей заблаговремянно заготовляли со удовольствіемъ, ибо въ предписанныхъ станціяхъ и подоколо ихъ по близости мѣстъ сѣнныхъ покосовъ довольно имѣется И такъ чрезъ вышеписанной способъ отъ Алданской заставы станецъ отъ станецъ даже до рѣки Ожогиной, подъ провіянтомъ лошади могутъ обращаться по два раз на годъ, безъ наималѣйшей трудности, ибо отъ Якутска до Алданской заставы сухимъ путемъ и водою имѣется растояніемъ пятисотныхъ 204, отъ Алданской заставы до Верхоянскаго зимовья 350, итого 554 версты; отъ Верхоянскаго зимовья до Зашиверского острогу 360, а отъ Зашиверскаго до Ковымскаго зимовья 834, всего 1748 верстъ. И такъ изъ Якутска подъ провіянтомъ лошади чрезъ дальные переѣзды, за неимѣніемъ станцовъ по пустымъ мѣстамъ, съ голоду дохнутъ, понеже заготовленныхъ сѣнъ нигдѣ не имѣется, къ тому жь и Якуты изъ тѣхъ же подводныхъ лошадей, выбравъ воровски полутче, убивъ, и употребляютъ себѣ на пищу; и ежели предъупоминаемые станцы учредятся и во оныхъ на лошадей сѣнъ заготовлено будетъ со

удовольствіемъ, то въ такомъ разсужденіи подъ провіянтомъ лошади съ голоду дохнуть не будутъ, для того что между назначенными станціями растоянія обойдется развѣ ста по три верстъ, и между иными и меньше 300 верстъ, и по станціямъ всегда будутъ сѣна готовые, да къ тому жь и противъ прежняго тракта возкою на лошадяхъ провіянта отъ Якутска чрезъ писанные станцы до р. Ожогиной умалится ста съ три верстъ и больше; однако жь, для выдачи иновѣрцамъ за перевозку провіянта между станцами надлежитъ размѣрить версты, а на р. Ожогинѣ должно содержать для постройки судовъ и для ставки до р. Ковымы и по оной внизъ до усть Анюю и по оной вверхъ до усть Ангарки рѣчки пристойное число рабочихъ людей. И сверхъ того много жь усмотрѣно, что хотя въ Ковымскихъ зимовьяхъ нѣсколько судовъ шитиковъ и построено, но точію оные къ перевозкѣ провіянта вверхъ по р. Анюю неспособны, за тѣмъ что оная рѣка небольшая и во многихъ мѣстахъ по ней имѣются розсыпныя мели, а суда востроденные, и для того асто съ судовъ провіянтъ долой выгружаютъ, и только однѣ доски чрезъ мели перетаскиваютъ, и между тѣмъ удобное время продолжается, и отъ того ежегодно провіянтъ до предписаннаго урочища рѣчки Ангарки не доходитъ, и для того надлежитъ къ перевозкѣ провіянта построить такимъ же подобіемъ длиною и широтою, токмо плоскоденные суда шитики жь, и когда оные построятся, и тогда уже на оныхъ безопасно до усть рѣчки Ангарки провіянтъ становиться будетъ ежегодно всегда заблаговременно. 7) И для понужденія Якутской Воеводской Канцеляріи во отправленіи, что по Указомъ надлежитъ, въ партію, безъ чего и пробыть нельзя, должно жь быть въ Якутскѣ оберъ-офицеру одному достойному, а безъ оного обойтись ни какъ не возможно, которому бъ о подлежащихъ по предложенію командира, что будетъ въ партію требно, помимо Иркутской Провинціяльной Канцеляріи, писать въ Правительствующій Сенатъ и въ Сибирской Приказъ, дабы въ отправленіи въ партію провіянта, денежной казны и протчаго, ни какого медленія и остановки не было; а ежели жь въ состоящую здѣсь партію натурою сполна служителямъ по 10 пудъ провіянта присылаться не будетъ, то уже не иного какого болѣе къ пользѣ и приращенію Ея И. В. высочайшаго интереса ожидать будетъ можно, кромѣ того, что служители всѣ безъ остатку

съ голоду помрутъ.—Представить Правительствующему Сенату и въ Сибирской Приказъ. Декабря 20 дня, 1751 года.

Капитанъ Шатиловъ.

Подканцеляристъ Алексѣй Мельниковъ.

II.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАЯ, ДЕРЖАВНѢЙШАЯ, ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ, ИМПЕРАТРИЦА, ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНА, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ!

Доноситъ Ковымскаго вѣдомства Якутской Князецъ Мятюнской волости, новокрещенъ Петръ Лаптевъ, Якутское имя Женокъ Илягинъ, той же волости новокрещенъ же Иванъ Оконешниковъ, а о чемъ наше доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Съ предшедшаго 1743 по 1754 годъ становился нами, рабами Вашими, живущими при Ковымскихъ зимовьяхъ, ясашными Якутами и Юкагирами, отправленной изъ Якутска въ Анадырской острогъ на партію провіянтъ, лѣтнимъ воднымъ путемъ на судахъ внизъ по Ковымѣ и вверхъ по Анюю рѣкамъ до урочища Лабазнаго и выше, а по рѣкѣ Омолону до усть Олоя рѣчки. Посылалися мы, Якуты, безъ остатку за прогоны и безъ прогоновъ Іюня съ первыхъ чиселъ, а обратно отъ поставки приходимъ въ Среднековымское въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, предъ заморозомъ. И въ ту поставку провіянта имѣющихся при караулѣхъ, какъ посылающихся изъ Ковымска, такъ и прибывшихъ изъ Якутска Казаковъ наймываемъ вмѣсто себя, каждаго Казака по 10 и по 12 рублевъ, не хотя лишиться рыбныхъ кормовыхъ промысловъ и поморить женъ и дѣтей и собакъ своихъ голодомъ, такожде отлучиться отъ сѣнной косьбы, чтобъ за безсѣнницею малоимѣющееся скотишко не утратить.

2.

А отъ поставки провіянта прибывшихъ насъ, Якутовъ, посылаютъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ съ первыхъ числъ до Анадырска съ прибывшими изъ Якутска денежною и съ протчею посылающеюся на партію казною и за всякими за разными дѣлами по вся зимы, на 50-ти и на 60 партенныхъ подводахъ, которыя нынѣ стали быть обходиться намъ наймы отъ Среднековымска до Анадырскаго острогу по 35 рублевъ каждая нарта, которая числится за одну треть подводы.

3.

А отъ Анадырска мы же, Якуты, обратно въ Среднековымъ въ подводахъ же посылаемся со отправленными въ Якутскъ сказками и дѣлами, безъ прогоновъ и безъ всякаго платежа, не разсуждая, какъ можетъ человѣкъ и собаки безъ отдыху выслужить толикое дальное разстояніе, понеже въ Анадырску никогда больше одной недѣли намъ, подводчикомъ, житья не бываетъ за кормовою скудостію, а протчимъ случается и безъ обратной подводной гоньбы идучи, добровольно собою въ той Анадырской дорогѣ, не токмо собаки, но и отъ проводниковъ, многіе отъ голоду безвремянно помираютъ, отъ чего нынѣ и собакъ лишились, не точію своихъ, но отъ живущихъ въ Ковымскихъ зимовьяхъ всякихъ Русскихъ людей выведены собаки ихъ нами жь, подводчиками, а каждую собаку купимъ по 3 руб. и выше для подводныя гоньбы.

4.

А какъ изъ Анадырскаго острогу посылающіяся ясашныя казны и подъ всякія разныя дѣла, такъ и изъ Ковымскихъ и изъ Алазейскаго зимовей до Якутска отправляющіеся служилые съ насъ же берутъ въ одинъ годъ по сту и больше лошадей до Зашиверскаго острогу, которыя стали быть обходиться намъ наймы отъ Ковымска до Зашиверскаго острогу на сходъ одной лошади наемъ по 5 и по 6 рублевъ, а ежели та наемная лошадь дорогою идучи впередъ, или обратно, падетъ, то за каждую лошадь берутъ съ насъ по 10 рублевъ; отъ которыхъ посылающихся подводныхъ лошадей, отъ дальнаго разстоянія, за глубокими снѣ-

гами и отъ неимѣнія въ Алазейскомъ дорогою живущихъ Якутовъ, малое число возвращаются, и то въ другое лѣто, а на каждой годъ по 40 и по 50 лошадей урону бываетъ, отъ чего малоимѣющаго скота мы лишилися и въ нищету пришли.

5.

А когда имѣли жительства въ Алазейскомъ присутствіи Верхоянскаго вѣдомства Якуты человѣкъ 50 и больше, то намъ, Среднековымскимъ Якутамъ, въ подводной гоньбѣ чинили вспоможеніе немалое, и посылающіяся до Зашиверска подводныя лошади наши не умирали; которые Якуты нынѣ съ предшедшаго 1746 году, оставя свои жилища, всѣ откочевали въ Зашиверское и Верхоянское вѣдомство, бояся гонимыхъ нами такихъ тяжкихъ подводъ.

6.

А отъ Среднековымска до Нижнековымскаго зимовья ѣдущіе за дѣлами и посылающіеся изъ Якутска имѣющимся въ тѣхъ зимовьяхъ господамъ Прапорщикамъ на команду провіянтъ и содержащимся арестантамъ припасы, въ одинъ годъ по 70 и по 80 лошадей берутъ съ насъ, и обходится намъ каждая подводная лошадь по зимѣ по 6 и по 5 рублевъ, а водянымъ путемъ по 4 рубля.

7.

А отъ Нижнековымскаго до Среднековымскаго зимовья мы же, Якуты, обратно въ подводахъ же посылаемся со отправленными въ Якутскъ и въ Ковымское сказками и дѣлами безъ прогоновъ и безъ всякаго платежа, а за неимѣніемъ въ Нижнековымскомъ ставленнаго сѣна, подводнымъ нашимъ лошадямъ за кормовою скудостію и собакамъ чинится ущербъ немалой.

8.

А между вышеписанными въ Анадырскъ и въ Нижнековымское отпусками, прибывшіе изъ Якутска слѣдующіе въ Анадырскъ за дѣлами всякаго чина люди требуютъ противъ данныхъ имъ подороженъ съ насъ подводы нартенныя и лошадей, ко-

торыхъ подводъ взять намъ негдѣ и отправить не на чемъ и не кѣмъ; и объявляемъ мы имъ, что подводы наши и люди всѣ усланы въ подводахъ и поднять нынѣ насъ ни коими образы невозможно, понеже наши собаки и лошади всѣ безъ остатку отъ насъ усланы, а у Русскихъ людей, тамо живущихъ, собакъ и лошадей не имѣется и нынѣ нѣтъ, понеже ихъ собаки и лошади всѣ забраны нами жь въ наймы и усланы туды жь въ подводы во очередь нашу, и чтобъ оные слѣдующіе дали намъ до возврату подводъ нашихъ сроку; которые вѣдая и сами, что подняться имъ не на чемъ, и говорятъ: «За ваше нескорое отправленіе велѣно, де, отвѣчать головою.» Въ чемъ просимъ ихъ и обязуемся подписками, что по прибытіи изъ подводъ собакъ нашихъ и родниковъ, коликое число возвратится, поставимъ на срокъ; и они, не взирая на тѣ наши подписки, вяжутъ насъ ко столбу и бьютъ безъ милости; отъ которыхъ ѣдущихъ страха ихъ и отъ побой откупаемся, даемъ имъ въ презентъ деньгами по 50, по 40, по 30, по 20, по 10 и по 5 рублевъ, и того отдано по разницѣ 195 рублевъ, которыя деньги и по нынѣ на насъ имѣются, взятыя изъ казны Среднековымской Покровской церкви и у другихъ жителей имѣющихъ, да и сверхъ вышеписанныхъ денегъ, прогонными деньгами устунаемъ, которыя по поставкѣ ихъ подлежано намъ взять.

9.

Да на насъ же при Среднековымскомъ имѣющихся Якутовъ наложено Ковымскихъ и Алазейскаго зимовей Комисарами ставить дрова къ топленію арестантскихъ покоевъ, и къ караульному офицерскому покою, и солдатской караульнѣ и кухнѣ. А за неимѣніемъ у насъ собакъ и кормовыхъ припасовъ, въ одну зиму ставить наймуемъ Русскихъ жителей, подряжая по 70 и по 80 руб. А намъ, Якутамъ, за тѣ дрова ниже отнюдь ни какія малыя платы не бываетъ, не разсуждая, что и безъ того отъ подводныя гоньбы мы разорились, не точію мы, живущіе малолюдствомъ при Среднековымску, но и подгородные многолюдные Якуты отъ нартовской подводной гоньбы отягощаются, а мы малолюдствомъ своимъ пришли въ послѣднюю нищету, что въ одинъ годъ съ одного человѣка сходитъ съ насъ на всякія подводныя

наймы по 25 рублевъ и больше, отъ чего женъ и дѣтей своихъ имѣемъ въ закладныхъ подпискахъ.

10.

А изъ Ковымска отъ вышеписаннаго подводныя гоньбы Ковымскаго вѣдомства платежа Якуты, оставя жены и дѣтей своихъ, бѣжали, а другіе совсѣмъ съ домами откочевали и понынѣ живутъ втуне, имѣются въ здѣшнихъ подгородныхъ волостяхъ, за которыхъ бѣглыхъ ясаки и подводы повсягодно бездоимочно берутъ на насъ. А протчіе Якуты и Юкагоры платежа ясаку Ковымскаго, отбывая тоя подводныя гоньбы, многіе имѣются въ Среднемъ и Нижнемъ Ковымскихъ зимовьяхъ у арестантовъ въ работѣ, и не даются ни въ какія подводныя гоньбы господами Прапорщиками, защищаяся ими; за которыхъ арестантскихъ скотниковъ и работныхъ подводы мы же, Ковымскіе Якуты, гоняемъ безденежно.

11.

А мы, рабы ваши, люди весьма скудные и зѣло убогіе, ни какихъ пожитковъ у себя не имѣемъ и пришли отъ такихъ сбѣглыхъ съ платежа ясаковъ и отъ подводныя гоньбы въ конечное разореніе, что и своихъ окладныхъ ясаковъ платить чѣмъ не имѣемъ, и пришли въ великіе, неокупные долги, а имѣющееся у насъ не по большему числу скотишко, за безсѣнницею, выпале, а остальныхъ Русскихъ людемъ раздавали за поставку за насъ провіянта и за всякія подводные наймы и за дровяные вózки и на ясашной платежъ. А отъ сѣнной косьбы, и отъ рыбнаго и отъ ясашнаго и отъ всякихъ промысловъ съ вышеписанныхъ лѣтъ, за вышеписанными резоны, отлучилися, и завсегда претерпѣваемъ гладъ смертной, а на ясашной платежъ лисицъ и соболей покупаемъ дорогою цѣною, каждую лисицу по 3 рубли и выше, а за соболя по 9 рублевъ берутъ Комисары, отъ чего въ нищету пришли.

12.

А слѣдующему въ Анадырскъ въ партію Господину Поручику Кекерову съ командою Олойскимъ трактомъ, отъ насъ, Яку-

товъ, отправлено было подводныхъ и проводническихъ 137 лошадей, отъ которыхъ ни едина лошадь спастися не могла, всѣ безъ остатку выпали, и едва чрезъ великіе труды родники наши, которые были въ проводникахъ, спаслися и вышли пѣши, отъ чего нынѣ чинится отправляющимся въ Якутскъ остановка.

13.

А имѣющіеся въ Ковымскихъ и въ Алазейскомъ зимовьяхъ ясашные народы,—Лашутки, Тунгусы, Алазейскіе Юкагиры, съ нами въ подводахъ никогда не бываютъ, и сбираемые отъ нихъ, Дашутокъ, поборы на одного человѣка по рублю на подводную потребу, намъ отъ нихъ не бываетъ, и Ковымскихъ зимовей Комисары такія сбираемыя поборныя деньги куды употребляютъ, о томъ мы не извѣстны. А Юкагиры токмо ставятъ на суда провіянтъ въ равенство съ нами, а кромѣ той поставки, ни въ какихъ же подводахъ не бываютъ и помощи ни какой не чинятъ. А при Ковымскихъ зимовьяхъ насъ, платежныхъ Якутовъ живущихъ, имѣется 130 человѣкъ не съ большимъ, въ томъ числѣ не точію что убогихъ, но дряхлыхъ и весьма старыхъ довольно, въ которыхъ въ подводахъ и въ промыслахъ ни какія надежды не имѣется, но едва живы и скитаются между рѣкъ. А отъ живущихъ при Верхнековымску Якутовъ отъ 50 человѣкъ ни вполы съ нами во всякихъ зимнихъ въ подводахъ и вышеписанныхъ резонахъ отягощенія не бываютъ, яко бы отъ проѣзжаго Анадырскаго пути за дальностію, по волѣ Ковымскихъ зимовей Комисаровъ бываютъ хранимы. А отъ вышеписаннаго числа имѣющіеся у арестантовъ скотники и работники имѣются свободны; отъ котораго малолюдства за нихъ подводы на насъ, въ Среднековымскомъ живущихъ Якутовъ, и въ очередь по два человѣка насъ въ Анадырскую нарту (партію?) отправляютъ, а другіе подводы по одному человѣку, и достается въ годъ по двакраты на одного человѣка ходить, отъ которыя (ходьбы) ни на малыя времена упокою себѣ не имѣемъ.

14.

А для вышеупоминаемаго, посылающагося на партію провіанта, ради вспоможенія, присланы къ намъ присыльные, отъ ко-

торыхъ мы, раби ваши, въ великой опасности находимся отъ ихъ бездѣльныхъ поступокъ и коварныхъ происковъ. А ежели намъ гдѣ случится съ таковыми въ пути въ подводной гоньбѣ, то по ихъ состоянію надѣемся, что лишены мы будемъ дневныя своея пищи и одежды и обуви, отъ чего намъ приключится будетъ безвремянная смерть. А въ зимнее время намъ отъ оныхъ ссыльныхъ ни какія помощи и надежды никогда не будетъ, но токмо развѣ разореніе отъ нихъ пропитанія и опасеніе опасностей.

И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было сіе наше доношеніе принять, а сошлыхъ за малолюдствомъ нашимъ Ковымскаго платежа изъ подгородныхъ волостей и гдѣ жительство имѣютъ, возвратить на прежнее ихъ жилище, въ Ковымскъ, такожде и Верхоянскаго вѣдомства прежде живущихъ Якутовъ изъ Верхоянска и изъ Зашиверска перевесть на прежнія свои жилища и поселить всѣхъ необходимо въ Алазейскъ, которые объявлены именнымъ реестромъ при доношеніи въ Якутской Воеводской Канцеляріи, да по онымъ же въ прибавокъ отселѣ, изъ подгородныхъ волостей, отъ трехъ улусовъ, отъ Таты, отъ Мегинцовъ, отъ Намцовъ 50 семей, или сколько возможно скотныхъ людей, понеже хотя и вышеписанные прежде живущіе при Алазейску Якуты поселены и переведены будутъ, токмо на таковые большія надежды не имѣемъ, понеже отъ подводъ же весьма скудные и убогіе люди; а ежели отселѣ съ показанныхъ улусовъ поселщики поселены и переведены въ Ковымское 100 человѣкъ, или больше, что безъ толикаго числа людей быть намъ и отправлять всякія подводы ни коими образы невозможно; а ежели такое позволеніе не будетъ, вышепоказанные Якуты къ намъ на вспоможеніе, для всякія подводныя гоньбы, въ Ковымску и въ Алазейское переведены не будутъ, отъ чего безвремянная смерть будетъ намъ приключатися, женъ и дѣтей своихъ лишимся, а окладные наши ясаки запустятся въ доимку, отъ такихъ гонимыхъ нами тяжкихъ подводъ, что нигдѣ въ Якутскомъ вѣдомствѣ наша братья, Якуты, и другаго рода ясашные люди въ таковыхъ въ тяжкихъ въ подводахъ не находятся. А къ нашей, рабамъ вашимъ, пользѣ къ прошенію отъ Якутска за дальностію конечная скудость и нищета наша не допущаетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Просимъ Ваше Императорское Величество о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Іюля 21 дня, 1754 года.—Къ поданію надлежитъ слѣдующему въ партію Командиру, Высокоблагородному Господину, Майору Ивану Степановичу Шмалеву.

Доношеніе писалъ Якутскаго вѣдомства новокрещенъ Иванъ Окопешниковъ и руку приложилъ.

Къ сему доношенію, прошеніемъ Якутскаго Князца новокрещена Петра Лаптева, Якутской Казакъ Петръ Дьячковъ руку приложилъ.

III

ВЪ ИРКУТСКУЮ ПРОВИНЦІЯЛЬНУЮ КАНЦЕЛЯРІЮ ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ ОХОТСКАГО ПОРТА

Доношеніе.

Сего 1753 года, Сентября 16 дня, въ присланныхъ изъ Гижигинской крѣпости отъ Сержанта Николая Сторожева да Капитенармуса Якова Байбародина (доношеніяхъ), Іюля отъ 7 числа, сего 753 г., въ Канцелярію Охотскаго порта, написано, въ первомъ: Сего, де, 753 году, Іюля 1 дня, полученъ партіи у походныхъ дѣлъ изъ Товатомской крѣпости репортъ, въ коемъ объявлено: минувшаго Мая 31 дня прибыли къ помянутой Товатомской крѣпости непріятельскихъ людей на трехъ байдарахъ человѣкъ съ 40 Тайгуносскихъ, въ томъ числѣ трое Чачебъ, да пѣшихъ Тайноческихъ четыре человѣка, и командуетъ ими Егачинской Аннимъ, о которомъ, въ нынѣшнемъ сего 753 году, Августа отъ 2 дня, въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію доношеніемъ объявлено. И не дошедъ байдарами оные измѣнники до устья р. Товатомы, оставя байдары свои на мысу той губы въ прикрытномъ мѣстѣ, Іюня 1 числа, означенные злодѣи, пришедъ на устье, истрафили вѣрноподданнаго ясашнаго Коряцкаго Князца, которой имѣется у предосторожности той крѣпости, Говырлю, съ родниками своими, понеже оной Говырля отпущенъ былъ изъ крѣпости къ

морю съ женою и дѣтьми для промыслу себѣ на пропитаніе; и увидя означенной Говырля измѣнниковъ довольство то, того жъ часу послалъ съ вѣстью мать, а самъ съ женою и малыми дѣтьми за чежелбстію ити не возможно было, и сѣлъ онъ въ байдару, отвалилъ въ море, а тѣмъ, де, измѣнникамъ постичь было не въ чемъ, и звали ласкою къ себѣ, на что онъ, Говырля, отвѣтствовалъ, что, де, на землѣ умереть неохотно, подите, де, ко мнѣ на море, — угребъ онъ отъ тѣхъ бунтовщиковъ на рѣку Силегу, или въ Туманскую крѣпость, про то, де, знать не можно. И того жъ числа показаннаго Іюня, предъявленные измѣники посланныхъ изъ крѣпости на китовой жиръ, означеннаго Говырли родственниковъ его, двухъ человѣкъ перехвативъ, одного Коряку, по крещеніи Логина, смертно побили, а другому, де, связавъ руки, держали, а къ вечеру того жъ числа напавъ на крѣпость, отаковали и отшибли означеннаго Князца Говырли со всѣми рыбными заводами и съ платьемъ анбаръ; и тотъ день непрестанно оные измѣнники покушались, чтобъ оную Товатомскую крѣпость взять, и ночевавъ подъ тою крѣпостью, назавтра и отступили. И въ тѣ числа командированы были изъ той крѣпости Казаки за промысломъ 5 человѣкъ; и какъ, де, онымъ Казакомъ подана была вѣсть, то тѣ Казаки возвратились въ крѣпость благополучно, токмо ихъ оставленные заводы на промыслахъ унесли тѣ измѣнники: котелъ, топоръ, сковороду, и 18 сѣтей и казенныхъ 3 лодки да байдару коженую изрубили. И показаннаго Іюня 3 числа паки оные измѣнники вознамѣрились, по всеязлобному своему и замерзѣлому злодѣйству, разорить оную Товатомскую крѣпость и Казаковъ прибить, то съ нашей стороны изъ крѣпости употребленъ огонь и подшибли съ ихъ измѣннической стороны, что не самаго изъ нихъ удалаго и легкаго мужика Холчегымпа, отъ котораго въ прошломъ 752 году немалые злодѣйства происходили. И видя тѣ измѣники, что съ ихъ стороны уронъ, тотчасъ отъ крѣпости отступили. Да при томъ же бою и другого измѣнника смертно ранили. А случаются, де, отъ тѣхъ измѣнниковъ отаки и набѣги въ самое дождливое погодье, чтобъ дѣйствія огненнаго ружья не было. А того жъ вышеписаннаго Іюня 6 числа, вышеписанной пойманной бунтовщиками и измѣнниками вѣрноподданной Говырлинъ, родникъ Коряка, связанной прибѣжалъ и объявилъ онъ, что, де, шесть дней у измѣнниковъ былъ связанъ и хотѣли заколоть смерт-

но, токмо, де, отъ оплошности тѣхъ измѣнниковъ скрывся, и убѣжалъ. А слышалъ, де, онъ между тѣми измѣнниками въ разговорахъ, что яко бы Чачебской Княжецъ Анвуланъ, которой побитъ въ минувшемъ 752 году подъ крѣпостью Гижиги, приказывалъ при жизни своей, чтобъ Юкагирямъ и присовокупя Чачебъ, и пѣшихъ, и Тканскихъ, и Ягачинскихъ и другихъ рѣкъ измѣнниковъ, и отомщать свою и прочихъ родниковъ кровь, и разорить Гижигинскую крѣпость; на что, де, часто упоминаемые ворыв есьма неотмѣнно намѣрены по лѣту прійти походомъ на Гижигинскую крѣпость, и оную сжечь, и вѣрноподданныхъ Русскихъ людей всѣхъ прибить. А вышеписанные измѣнники, Іюня 9 числа, отступили, и состоитъ оная крѣпость и въ ней служители благополучно. Токмо пропитаніемъ въ оной крѣпости весьма скудно, что въ нынѣшнее лѣтнее время находится голодъ.

А во второмъ (донесеніи написано): Минувшаго, де, Іюня 9 числа, сего 753 году, прибыла въ Гижигѣ рѣкѣ большая вода противъ крѣпости на берегъ, а паче съ лѣсную сторону, и вкругъ обняла, и какъ въ крѣпость, такъ и въ казармы входила, а яру подъ крѣпость той большой водой обрало на двѣ сажени, и стояла оная вода трои сутки, и стала сбывать означеннаго Іюня 13 дня. И паки едва съ голоду не примерли, и ежели бы, де, прибыло еще хотя на полъаршинъ, или застоялась долговременно, то бъ, де, и каждой душѣ не остатись, понеже на сухое мѣсто перебратися во близости было не куда и не въ чемъ, а найпаче опасность, къ тому жъ и люди были все хворые, а лодки, де, и байдары были утхлые. И на тѣхъ трехъ лодкахъ, четырехъ байдарахъ, прошедшаго Мая 27 числа, посланъ былъ на устье рѣки Гижиги къ морю, для промыслу рыбнаго корму, на пропитаніе камандѣ, Каптенармусъ Байбородинъ, которые люди на ногахъ едва шатались, солдатъ, и Казаковъ, и Корякъ, всего въ 50 человѣкахъ. И былъ онъ, Байбородинъ, съ командою на устьѣ рѣки Гижиги у моря до 20 числа, а рыбы добыть и кормовъ обыскать къ пропитанію ни какъ не могли, кромѣ малого числа акипъ, т. е, морскихъ непръ. И въ бытность свою у моря паки голодовали, у сѣтей тетивы и поводки и всѣ обуви ветхія Коряцкія и свои пріѣли, и у которыхъ служителей камзолы были, обрѣзывая, ѣли, и едва назадъ въ крѣпость пришли, изъ которыхъ два

человѣка солдатъ, отъ того замору, Ѳедоръ Гостевъ Іюня 23, Алексѣй Первухинъ Іюля 4 чиселъ, Казакъ Захаръ Кулаковъ 6 числа, померли. А на Гижигѣ къ пропитанію человѣческому во близости крѣпости угодныхъ травъ и коренья, какъ и на прочихъ малыхъ рѣкахъ, ничего не имѣется. А рыба изъ моря пошла Іюня 28 числа, и то не такъ, какъ по другимъ рѣкамъ, день есть, а два нѣту; а команда партіи служители весьма отъ прошедшаго гладу истощали. А сего 753 году, при Гижигинской крѣпости, несказаемо служители претерпѣвали, и какъ спались съ гладу на морскую рыбу, и паки отяжелѣли и ни какъ не могутъ справиться. А строеніе поправить, или же вновь что построить, а найпущѣе что о поисканіи измѣнниковъ ко искорененію военною оружейною рукою, ни какъ до исправы выйти не возможно, что едва стѣнь свою носятъ. А сего жъ Іюля по 5 число Гижигинская крѣпость состоитъ благополучно, въ ней дѣйствительно служащихъ партіи служителей: Сержантъ 1, Капитенармусъ 1, артиллерійскихъ служителей 2, Якутцкаго полку солдатъ 12, Казаковъ 65, и того въ наличности 85 человѣкъ, въ томъ числѣ дряхлыхъ и престарѣлыхъ 6, Казаковъ увѣшныхъ ранами 7, и того 13 человѣкъ, которые въ здѣшнемъ многотрудномъ мѣстѣ въ службѣ быть негодны, кромѣ тѣхъ, больныхъ чахоточною болѣзнію 7 человѣкъ. И предлагали они тѣми рапортами, чтобъ, де, соблаговолено было заступленія къ предосторожности въ крѣпости и при партіи сикурсу, и требуемое число противъ посланнаго, сего 753 года, Іюня 6 дня, репорту, по крайней мѣрѣ военного люду сто человѣкъ съ настоящими урядниками и съ принадлежащею къ тому аммуницыею, съ пристойнымъ числомъ пороху; къ тому жъ найпаче къ предбудущей зимѣ на команду провіянту и для объѣздовъ и подзоровъ оленныхъ Тунгусовъ. И по онымъ предложеніямъ къ пропитанію, де, ихъ отъ того смертнаго гладу, до полученія сихъ репортовъ, по прежде присланному предложенію, имѣя въ томъ къ отправленію Канцелярія Охотскаго порта все тщательное и неусыпное стараніе, отправила, минувшаго Августа 24 дня, судномъ бригантинъ «Михаиломъ» на пропитаніе во оной Гижигинской крѣпости солдатъ и Казаковъ провіянта и денежной казны, также порохъ и свинецъ и принадлежащее число артиллеріи съ Подпорутчикомъ Иваномъ Рыбниковымъ солдатъ и Казаковъ и съ малою оной Рыбниковъ ар-

тиллеріею; о чемъ, сего Сентября отъ 2 числа, подъ N 542, въ Иркутскую Провинціяльную Канцелярію обстоятельно представлено. А что же за малолюдствомъ во означенной партіи, какъ и изъ репорту ихъ видно, по предложенію Сторожева съ товарищемъ, ради всекрайнѣйшей предосторожности сикурсовать, пристойное число людей командировать подлежитъ, токмо за неимѣніемъ при Охотскѣ служителей и за раскомандированіемъ на морскіе суда въ матрозы, никого надежныхъ въ таковую дальную командировку, кромѣ престарѣлыхъ и больныхъ, не имѣется, но и тѣ съ великою нуждою караулы заступаютъ. А Якутская Воеводская Канцелярія по многократно посылаемымъ изъ Иркутской Провинціяльной Канцеляріи строгимъ Ея Императорскимъ Величество Указомъ, учиня только одну славу, командировала въ Охотскъ здѣшнихъ служительскихъ дѣтей человѣкъ до 30, но и тѣ дорогою разбѣжались, а прочіе человѣкъ 20 и прибыли; точію изъ оныхъ девять человѣкъ, оставя настоящихъ здѣшней команды людей здоровыхъ и легкихъ и молодыхъ, которые безъ крайней нужды могли въ здѣшнихъ трудныхъ мѣстахъ быть, прислала на мѣсто ихъ престарѣлыхъ и слѣпыхъ, а иныхъ и весьма въ тяжко пребываемыхъ болѣзняхъ, коихъ не принявъ, Канцелярія Охотскаго порта отослала обратно. Токмо принося въ томъ оная Канцелярія неправильныя отговорки, яко бы оные находятся у дѣлъ, а болѣе того не состоитъ, какъ видно, изъ своихъ лакомствъ оное чинится, пріумножая себѣ немалые прибытки, отпущены за сборами ясаковъ; а къ пріумноженію высокаго интереса, какъ издавна уже та Якутская Канцелярія заобыкла, ни какого старанія не имѣетъ. О чемъ со обстоятельствомъ и съ приложеніемъ вѣдомости впредь Иркутской Провинціяльной Канцеляріи представлено будетъ. И о вышеписанномъ Иркутская Провинціяльная Канцелярія соизволитъ быть извѣстна.

Премьеръ Майоръ Аѳанасій Зыбинъ.
Канцеляристъ Иванъ Баженовъ.
Подканцеляристъ Андрей Мигалкинъ.

Сообщ. Сер. Шашковъ.

Сентября 16 дня,
1732 году.

О

ВЫПЛАВКѢ

НА НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ СЕРЕБРА

Съ 1704 по 1768 годъ.

Нерчинскіе заводы заведены въ 1702 году, а выплавка серебра началась съ 1704 году, и по 1763 годъ, чрезъ 59 лѣтъ, выплавлено серебра 2006 пудъ, 35 фунтовъ, 38¼ золотника, полагая каждой золотникъ по 19½ копейки, какъ считать велѣно на 1,502,755 рублевъ 45¼ копейки, а съ 1763 года, Февраля съ 19 числа, съ прибытія на оные Бригадира Суворова, по 1775 годъ, чрезъ 12 лѣтъ, выплавлено серебра 4972 пуда, 11 фунтовъ, 42 золотника; на 3,723,247 рублевъ, 50 копеекъ; въ ономъ невыдѣленнаго золота до 40 пудъ, полагая каждой золотникъ по 2 рубля, по 50 копеекъ, на 384,000 рублевъ; а съ начала 1775 года Маія по 2-е число, выплавлено и раздѣлено при немъ же, Суворовѣ, серебра 70 пудъ, свинца руднаго 21,664 пуда, изъ котораго по пробамъ должно получить отъ перваго раздѣленія серебра 120 пудъ, которое отдано прибывшему на Нерчинскіе заводы Командиромъ, Статскому Совѣтнику Нарышкину. Всего жъ съ 1763 года по 1775 годъ, Маія по 2-е число, въ бытность при Нерчинскихъ заводахъ Суворова, выплавлено серебра 5152 пуда, 11 фунтовъ, 42 золотника, золота 40 пудъ на 4,249,519 рублевъ, 50 копеекъ; вновь сыскано серебро содержащихъ рудниковъ 21 и

немалое число пріисковъ, построено заводовъ казенныхъ 3, изъ которыхъ на Дучерскомъ плавильныхъ печей 11, въ томъ числѣ одна большая, серебро-раздѣлительныхъ горновъ 4, на Кутомарскомъ печей 8, горновъ 2, на Шилкинскомъ печей 4, горнъ 1; при плавительныхъ печахъ и раздѣлительныхъ горнахъ сдѣланы машины новымъ манеромъ, въ вожденіи лошадей весьма легкія; а въ пріѣздъ Суворова, въ 1763 году, былъ одинъ Нерчинскій заводъ съ 12-ю плавильными печами, съ 5-ю раздѣлительными горнами, изъ коихъ, за ветхостію, изломаю 6 печей, и въ мѣсто тѣхъ сдѣлано вновь 4; еще вновь строено на Кутомарскомъ заводѣ 2 плавильныя печи и 2 серебро-раздѣлительные горна; да находящимся при Нерчинскихъ заводахъ рудопромышленникомъ, Гитенъ Фервартеромъ Сибиряковымъ, вновь построенъ партикулярной заводъ съ 6-ю плавленными печами и съ 2 горнами, на которомъ, въ бытность Суворова, плавки рудъ еще не было. Въ вѣдѣніи заводскомъ хлѣбопашество размножено, и по тому нѣсколько лѣтъ уже изъ Иркутска, для содержанія служителей заводскихъ и протчихъ, хлѣбъ не привозится, который дорогою цѣною становился, пудъ по рублю и больше, и были великіе недостатки, для чего принуждено бывало крестьянъ для пропитанія отпускать въ Иркутское и другія вѣдомства, а нынѣ въ казенныхъ магазинахъ запаснаго хлѣба, года на три заготовленнаго, всегда лежитъ, а крестьяне, умножа свое хлѣбопашество и для продажи довольно въ заводы привозятъ, и продается отъ 10 до 15 копеекъ пудъ, а въ деревняхъ и дешевле, а на казенныхъ поляхъ, на которыхъ опредѣленные крестьяне пашутъ, становится пудъ отъ 5 до 8 копеекъ; а по притчинѣ той, что крестьяне собственное свое хлѣбопашество умножаютъ, и въ хлѣбѣ недостатка не предвидится, казенное хлѣбопашество уменьшено, и тѣ крестьяне опредѣлены въ заводскія работы, по тому паче, что урожаемой у крестьянъ на содержаніе работниковъ въ казну покупать способнѣе, а крестьянамъ сдѣлалось побужденіе тѣмъ къ умноженію своего хлѣбопашества, для полученія прибытка продажею. На производство заводское въ жалованье всѣмъ, при оныхъ находящимся, и на покупки разныхъ надобностей, въ бытность Суворова, издержано по 1774 годъ 1,030,759 рублевъ, 67½ копейки, а за 1774 годъ вѣдомостей до отъѣзду Суворова еще не было сдѣлано, но полагая по тому, какъ въ прошлыхъ годахъ употреблено

бывало и въ послѣднемъ 1773 году 140,000 рублевъ, 1,230,759 рублевъ, 67½ копейки, прибыли получено, въ бытность Суворова, отъ Нерчинскихъ заводовъ 3,018,760 рублевъ, 82½ копейки, да сдѣлано и отпущено въ Колывано-Воскресенскіе заводы свинца 214,656 пудъ, за которой денегъ ни сколько не получено; разныхъ сортовъ свинцовъ наплавлено, гертовъ, глетовъ и другихъ матерій, тоже къ раздѣленію подлежащихъ заготовлено весьма много, припасовъ для дѣйства заводскаго, рудъ, угля, дровъ и другихъ года на два, рудъ добывалося, до 1763 года, въ годъ до 400,000 пуда, а съ 1763 года отъ 800,000 пудъ до 2 милліоновъ пудъ. Для одежды работныхъ людей и ссыльныхъ суконъ, холста и обуви посыланы бывали всегда закупать въ Казань и на Вятку нарочные офицеры, и какъ отъ дальнаго провоза, такъ и отъ нерачительнаго попеченія и пристрастія, приваживаны бывали на немалыя суммы тѣ вещи весьма плохія, и по щотамъ являлись хищенія, и отъ того происходили немалые убытки; а что они худыя доброты были, то получающіе оныя не могли настоящихъ сроковъ вынашивать, и отъ того претерпѣвали тягости, и дѣлали побѣги, а тѣмъ казнѣ дѣлался убытокъ; а при бытности Суворова пріохочены были вольные люди, которые сами привозили все оное, и ставили въ казну, и добровольно продавали, дешевле и добротою лутчее, чѣмъ излишніе убытки прекратились и тѣ вредныя причины истреблены, а получающіе довольны стали; и оныхъ всѣхъ припасовъ оставлено въ магазинахъ заготовленныхъ весьма довольно, да и тамошніе жители пріучены потребное для одежды и протчаго дѣлать и заготовлять въ самомъ томъ мѣстѣ, которое за необыкновеніемъ, лѣностію и нерачѣніемъ начальниковъ, не дѣлали, имѣя многіе для того потребные матеріялы въ томъ мѣстѣ, и уже отъ жителей въ казну покупаемо бывало довольно холста, суконъ и протчаго, а для обуви уже все тутошнее бывало со удовольствіемъ, чѣмъ немалые убытки истреблены, да и другихъ полезностей для тамошняго, весьма для Государства нужнаго, мѣста сдѣлано много, гдѣ не бывало съ начала заведенія оныхъ заводовъ ни какого усерднаго и прилежнаго разсмотрѣнія и распоряженія. О чемъ примѣчательно изъ пріобщенной при семъ росписи, какъ сначала заведенія оныхъ о умноженіи выплавки серебра, по временамъ бывшихъ начальниковъ происходило.

А при тѣхъ Нерчинскихъ заводахъ находится разнаго званія людей:

Горныхъ и заводскихъ всѣхъ чиновъ	1162
Военныхъ	504
Ссыльныхъ	1064
Крестьянъ	9531
Приписныхъ изъ ссыльныхъ въ крестьяне. . . .	407
Въ томъ числѣ годныхъ въ работу	7674
Негодныхъ за старостію и умершихъ	2264
Всѣхъ	12,671

Вѣдомость, сколько съ начала на Нерчинскихъ заводахъсъ 1704 по 1775 годъ, въ каждомъ году и при чьей бытности начальниковъ, въ выплавкѣ было серебра.

		Пуд.	Фун.	Зол.
Подъ вѣдѣніемъ бывшаго въ городѣ Нерчинскомъ Воеводы Петра Мусина-Пушкина.	въ 1704.	—	1	24
	въ 1705.	1	22	36
	въ 1706.	3	19	17 1/2
	въ 1707.	5	7	37
	въ 1708.	5	26	—
	въ 1709.	2	3	—
	въ 1710.	8	3	62
	въ 1711.	8	14	71
	въ 1712.	11	4	6
	въ 1713.	11	26	14
Кабинетъ-Курьера Ильи Голенищева-Кутузова.	въ 1714.	11	30	54
	въ 1715.	2	16	39
	въ 1716.	12	3	45
	въ 1717.	15	13	72
	въ 1718.	10	9	3
	въ 1719.	7	17	82
	въ 1720.	10	4	72
Комисара Тимофѣя Бурцова.	въ 1721.	5	32	84
	въ 1722.	10	4	72
	въ 1723.	7	17	82
	въ 1724.	6	10	31
	въ 1725.	3	9	61
	въ 1726.	1	15	48
	въ 1727.	—	4	38 1/2
	въ 1728.	—	23	15
	въ 1729.	1	21	81
	въ 1730.	—	35	—

Въ полученіи ни сколько не было.	въ 1731	—	—	—
	въ 1732	—	—	—
	въ 1733	—	—	—
Гитенъ-Ферваллтера Петра Дамеса.	въ 1734	—	28	48
	въ 1735	1	14	70
	въ 1736	2	24	—
	въ 1737	4	4	38
	въ 1738	3	19	59
Комисара Ивана Утитникова.	въ 1739	7	24	78
	въ 1740	13	17	79
	въ 1741	12	20	11
Порутчика Елизара Назарова.	въ 1742	9	32	90
	въ 1743	16	12	7
Бергъ-Мейстера Дмитрія Одинцова.	въ 1744	15	39	48
	въ 1745	18	37	48
	въ 1746	20	19	8
	въ 1647	37	24	20
	въ 1748	81	26	7
Ассесора Игнатья Юдина.	въ 1749	88	22	14
	въ 1750	89	23	17
	въ 1751	41	31	8
Ассесора Баннера.	въ 1752	51	7	69
	въ 1753	100	25	29
	въ 1754	51	7	69
	въ 1755	139	16	86
	въ 1756	126	16	86
	въ 1757	100	2	9½
Коллежскаго Совѣтника Клеопина.	въ 1758	143	34	21
	въ 1759	173	18	21
Въ 1761 до половины мѣсяца Маія Ассесора Баннера, а послѣ въ 762 Оберъ-Бергъ-Мейстера Лодыгина.	въ 1760	161	9	57
	въ 1761	151	27	17
	въ 1762	184	36	46
Генералъ-Маіора Суворова; въ отлучку Генералъ-Маіора Суворова.	въ 1763	322	26	3
	въ 1764	408	25	21
Обергъ-Бергъ-Мейстера Лодыгина, Генваря 11; его жъ, Лодыгина.	въ 1765	302	19	28
	въ 1766	150	33	12
	— —	164	—	21
Сентября 11 по 1767 годъ Генералъ-Маіора и Кавалера Суворова.	въ 1767	435	—	—
	въ 1768	343	31	43
	въ 1769	312	21	13½

Бытности Генералъ-Маіора и Кавалера Суворова.	въ 1770.	414	26	81
	въ 1771.	470	6	87
	въ 1772.	503	34	60
	въ 1773.	525	29	24
	въ 1774.	619	2	1/2

ВЪ НИЖЕ ПИСАННЫХЪ ГОДАХЪ ВЫПЛАВЛЕНО ПРИ НЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ СЕРЕБРА.

Въ 1775 году:

	пуд.	фун.	обошелся золотникъ. золотн.		коп.
Казеннаго.	373	4	$15^{95}/_{96}$	доли	$5^{3}/_{8}$
Рудопромышленничьяго.	125	—	$13^{5}/_{96}$	—	$11^{5}/_{8}$
И того . . .	498	4	$29^{4}/_{32}$	—	—

Въ 1776 году:

Казеннаго	283	35	$67^{64}/_{96}$	доли	$8^{1}/_{8}$
Рудопромышленничьяго.	87	36	$83^{96}/_{95}$	—	$11^{1}/_{8}$
Его же, выплавленнаго при Воздвиженскомъ заводѣ	5	1	$51^{53}/_{96}$	—	14
И того . . .	376	34	$11^{20}/_{96}$	—	—

Въ 1777 году:

Казеннаго.	223	—	$55^{67}/_{96}$	—	$9^{3}/_{4}$
Рудопромышленничьяго.	79	26	$12^{91}/_{96}$	—	$11^{1}/_{8}$
При собственномъ же заводчика Сибирякова заводѣ	—	35	$80^{86}/_{96}$	—	14
И того . . .	303	22	$53^{52}/_{96}$	—	

Въ 1778 году:

Казеннаго.	231	37	$10^{11}/_{96}$	—	$12^{5}/_{8}$
Рудопромышленничьяго	115	20	$55^{72}/_{96}$	—	$10^{7}/_{8}$
При Воздвиженскомъ заводѣ.	—	2	$89^{40}/_{96}$	—	14
И того . .	347	20	60	—	29

Въ 1779 году:

Казеннаго	220	33	$21^{11}/_{96}$	—	$11^{1}/_{6}$
Рудопромышленничьяго	98	6	$42^{62}/_{96}$	—	$11^{3}/_{6}$
И того . . .	318	39	67	—	73

Въ 1780 году:

Казеннаго	431	34	$38^{1}/_{2}$	—	$11^{3}/_{4}$
Партикулярнаго	20	34	21	—	$11^{1}/_{4}$
Изъ крецовъ	1	27	—	—	—
И того . . .	454	15	$59^{1}/_{2}$	—	—

Въ 1781 году:

Казеннаго	358	21	51	24	$13^{3}/_{6}$
Рудопромышленничьяго	38	6	70	48	$17^{1}/_{6}$
И того . . .	396	28	25	72	—

КРАТКАЯ ВѢДОМОСТЬ

О

ВСѢХЪ, ДѢЛАННЫХЪ НА МОНЕТНЫХЪ ДВОРАХЪ,

РОССІЙСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ МОНЕТАХЪ.

ЗОЛОТЫХЪ.

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Съ 1701 по 1725 годъ.

ЧЕРВОНЦОВЪ.

	Счетъ.	Рубли.	Коп.
93-й пробы по 118 изъ фунта по 2 руб. 25 коп. каждой	35,410	79,672	50
75-й пробы по 100 изъ фунта 2 рубля.	341,148	682,296	—
И того на	—	761,968	50

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВТОРОМЪ.

Съ 1727 по 1730 годъ.

75-й пробы по 100 изъ фунта двурублевыхъ.	44,913	89,826	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

Съ 1730 по 1742 годъ.

93-й пробы по 118 изъ фунта по 2 руб. 25 коп.	78,707	177,090	75

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Съ 1743 по 1762 годъ.

93-й пробы по 118 изъ фунта червонцовъ по 2 руб. 25 коп.	203,577	458,048	25
94-й пробы двойныхъ.	3,960	17,820	—
88-й пробы имперіаловъ, каждой вѣсомъ по 3 зол. $^{85}/_{96}$	52,370	513,700	—
Полъимперіаловъ по 1 зол. $^{90}/_{96}$.	43,525	217,625	—
Двурублевыхъ по $^{75}/_{96}$	70,622	141,244	—
Рублевыхъ по $^{89}/_{96}$.	44,337	44,337	—
Полтинныхъ по $^{18}/_{96}$ доли	21,000	10,500	—
И того на	—	1,413,274	25

ПРИ ГОСУДАРѢ ПЕТРѢ ТРЕТЬЕМЪ.

Въ 1762 году:

93-й пробы червонцовъ по 118, изъ ф.	10,042	22,594	50
Имперіаловъ.	25,876	258,760	—
Полъимперіаловъ	9,482	47,410	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ВТОРОЙ.

Съ 1762 по 1764 годъ:

88 й пробы имперіаловъ, вѣс. по $3^{85}/_{96}$ золот. каждой	53,455	534,550	—
Полъимперіаловъ, вѣсомъ по $1^{90}/_{96}$ золот.	28,428	142,140	—

Съ 1764 по 1768 годъ:

Имперіаловъ, вѣсомъ каждой по $3^{3}/_{44}$ зол.	313,737	3,137,370	—
Полъимперіаловъ; вѣсомъ по $1^{47}/_{48}$ зол. .	219,960	1,099,800	—
93-й пробы червонцовъ, по 118 изъ фун.	78,369	178,330	25
А всего на	—	7,863,114	25

СЕРЕБРЕНЫХЪ ДЕНЕГЪ И МОНЕТЪ ДО 1664 ГОДА СКОЛЬКО СДѢЛАНО БЫЛО, ТОГО ПО ДѢЛАМЪ НЕ ОТЫСКАНО.

	Рубли.	Коп.
А съ того 1664 по 1725 годъ, при Государѣхъ Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и Императорѣ Петрѣ Великомъ, по 1711 годъ, сдѣлано дробныхъ безъ установленной пробы денегъ по 9 коп., по 10 и по 15 к., изъ золотника. . .	25,663,432	47
Съ 1711 по 1725 годъ сдѣлано 70-й пробы, а какихъ, не расписано.	728.570	2
Пятикопѣешниковъ, алтынниковъ и круглыхъ копѣекъ, 38-й пробы по $7^{51}/_{96}$ к. изъ золотн.	32,199	11
Рублевиковъ 70 й пробы по 14 р. 40 к. изъ Ф.	1,158,787	—
И того на	34,139,788	60

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Съ 1725 по 1727 годъ, 70-й пробы монетъ, а какихъ, не расписано.	2,004,296	—
Рублевыхъ	945,360	—
Гривенниковъ новой инвенціи 36 пробы по $16^{1}/_{2}$ коп. золотн.	57,549	—
И того	3,007,205	—

ПРИ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВТОРОМЪ.

Съ 1727 по 1730 годъ, 70-й пробы, монетъ, а какихъ, не расписано	1,902,728	—
Рублевыхъ	305,264	—
Гривенниковъ новой инвенціи 36 коп. изъ золот	57,549	—
И того	2,265,541	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ.

Съ 1730 по 1743 годъ, рублевыхъ 70-й пробы. .	382,220	—
77-й пробы по $16^{1}/_{2}$ коп. изъ золотника монетъ, а какихъ, не написано	16,101,766	1

Рублевыхъ	4,396,517	—
Полтинныхъ	2,185,557	50
Полуполтинныхъ.	12,000	—
Гривенныхъ	79,071	30
И того	23,153,131	81

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Съ 1743 по 1762 годъ, 77-й пробы, по 16 изъ золотника монетъ, а какихъ, не показано. .	2,272,326	—
Рублевыхъ	21,994,909	—
Полтинныхъ	774,570	50
Полуполтинныхъ	1,654,669	50
Гривенныхъ 72 и 77 пробъ.	1,243,956	60
Пятикопѣечныхъ 77-й пробы	511,324	70
И того	28,421,756	30

ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ТРЕТЬЕМЪ.

Съ 1762 году, 72-й пробы, по $17^{7}/_{9}$ коп. изъ золотника, рублевыхъ	787,000	—
Полтинныхъ	84,000	—
И того.	871,000	—

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ВТОРОЙ.

Съ 1762 по 1768 годъ, 72-й пробы, по $17^{7}/_{9}$ изъ золотника, рублевыхъ въ Москвѣ	12,065,245	—
Полтинныхъ	687,400	—
Полуполтинныхъ по $1^{32}/_{96}$	464,100	—
Двугривенныхъ по $1^{11}/_{96}$	392,200	—
Пятіалтынныхъ $^{80}/_{96}$	233,411	70
Гривенныхъ	161,100	—
Всего серебреныхъ	103,886,639	40

ОПРЕДѢЛЕНІЕ КАЗАНСКАГО ДВОРЯНСТВА

О

СОБРАНІИ КОННАГО КОРПУСА ВОЙСКЪ

ИЗЪ СВОИХЪ ЛЮДЕЙ ПРОТИВЪ ПУГАЧЕВА.

1774 года, Генваря 1 дня, собравшееся Казанское Дворянство, по бѣдственнымъ въ Оренбургской Губерніи, происшедшимъ отъ злодѣя Пугачева, обстоятельствамъ, которыя уже и здѣшней Губерніи нѣкоторыя прилежащія къ границѣ Оренбургской селенія бунтомъ и измѣною заразили, и къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и соотвѣтственной своей безопасности, а всего найпаче, сострадая огорченію матерняго человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердой нашей Императрицы, усердно, согласно и единодушно всѣ и каждый положили и утвердили посвятить свой покой, имѣнія и жизнь во услугу Ея Величества и Отечеству.

Въ слѣдствіе чего на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конной корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія, съ числа дву сотъ душъ по одному человѣку, вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, и просить Его Высокопревосходительства, Господина Генералъ-Аншефа, Лейбъ-гвардіи Маіора и Кавалера, Александра Ильича Бибикова, о присоединеніи онаго къ войскамъ Ея Величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а за тѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякой потребной случай къ защищенію Отечества, не щадя жизни своей.

Сочиненіе опредѣляемаго корпуса не токмо съ числа наличныхъ Дворянъ, нынѣ собравшихся, но и со всѣхъ Дворянскихъ деревень, здѣсь находящихся, учинить, дабы не лишить и отсутственныхъ Дворянъ таковаго жъ, какъ и нашего, усердія и ревности къ поспѣшествованію общаго блага.

А кто изъ насъ, хотя и въ другихъ Уѣздахъ здѣшней Губерніи имѣетъ свои деревни, за тѣхъ по тому жъ положенію, къ умноженію сего корпуса, представить вооруженныхъ людей обще съ тѣми, что и за здѣшнія деревни представлены будутъ.

Равнымъ образомъ, чтобы поспѣшествовать ревности и усердію къ Отечеству, при семъ нужномъ случаѣ и всѣмъ Дворянамъ Казанской Губерніи, то просить Его Высокопревосходительства, Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера, чтобы соизволилъ отъ себя сообщить въ провинціи и города и Дворянскимъ Предводителямъ, почему и они не оставятъ учинить подобное нашему вооруженію.

Къ сему нашему корпусу избрали мы, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемой усердности при нынѣшнемъ случаѣ, Шефомъ Господина Генералъ-Маіора Ларіонова. и къ командованію эскадронами и ротами, по самопроизвольному ихъ ревностному желанію, Господина Полковника Николая Толстова, Подполковника Дмитрія Молостова, Лейбъ-гвардіи Капитана-Поручика Александра Толстова, артиллеріи Капитана Дмитрія Родіонова, Секундъ-Маіора Сергѣя Тютчева, Капитана Сергѣя Левашова, Титулярнаго Совѣтника Алексѣя Мельгунова, Подпоручика Михайлу Гокоснитскаго; въ адъютанскія должности Лейбъ-гвардіи Фурьера Якова Кудрявцева, Капрала Никанора Нарматскаго, а въ добавокъ къ тому сколько и когда потребно будетъ офицеровъ, выбрать Дворянству и отослать къ избранному Господину Шефу; что же принадлежитъ до ундеръ-офицеровъ и капраловъ, о томъ просить Его Высокопревосходительства, чтобы соизволилъ приказать опредѣлить оныхъ изъ прибывшихъ сюда гусарскихъ эскадроновъ.

Дѣйствительное окончаніе сего дѣла поручаемъ мы: пріемъ людей и лошадей, вооруженіе, обмундированіе и прочее, къ тому избранному Господину Шефу съ опредѣленными штабъ и

оберъ-офицерами, а росписаніе о сборѣ людей и лошадей и во всемъ прочемъ по сему опредѣленію, что до того принадлежитъ, Господону Статскому Совѣтнику и Казанскаго Дворянства Предводителю Кудрявцеву съ Дворянами.

О всемъ, что ни учинено симъ опредѣленіемъ, Господину Предводителю донести Его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу, Кавалеру и Казанскому Губернатору, Якову Ларіоновичу Фонъ Бранту, а къ его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру, Александру Ильичу Бибикову, представить при письмѣ отъ насъ самое сіе наше опредѣленіе, которое, также и письмо, подписать, отъ лица всѣхъ насъ, Дворянскому Господину Предводителю, а подписанныя нами опредѣленіе и письмо оставить ему у себя.

ПРИВѢТСТВІЕ СИМБИРСКАГО ДВОРЯНСТВА

Графу П. И. Панину.

Изъ дневнаго журнала, между прочимъ, выписано: Какъ Его Сіятельству, Графу Петру Ивановичу Панину, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Дворянство Симбирское подносило привѣтствіе о принятіи надъ ними предводительства, отъ котораго Его Сіятельство, поблагодаривъ, отрекся, но вторично собравшись отъ сего Дворянства корпусъ въ 62 человѣка сдѣлалъ, устами предводителя своего, слѣдующее привѣтствіе:

«Живоподатель твоихъ собратій, посреди коихъ первенство кому иному, кромѣ тебя, приличествуетъ? Чистота души твоей, чуждое всякаго пристрастія сердце; ни какими превратностями слѣпаго стеченія случаевъ не потрясаемая твоя твердость; примѣрная любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу твоего Отечества, всегдашнее отъ самаго твоего отрочества предпочтеніе его пользъ всему, собственно до тебя надлежащему: твои побѣды иноплеменниковъ; разрушеніе неприступныхъ градовъ ихъ, твои укрѣпленія, силъ и дѣйствительности законовъ Царей нашихъ, а напослѣдокъ совершившееся нынѣ спасительное Отечеству твоему служеніе, которому не токмо мы, живущіе во времена твои, но ниже самые отдаленнѣйшіе наши потомки, никогда обязанными быть не престанутъ: вотъ права твои, священныя твои права къ первенству надъ твоими собратіями; вотъ убѣжденія, коими порываемое Дворянство Симбирское предстояло уже предъ тобою съ подношеніемъ надъ собою предводительства, но великія дѣла, неисходно изъ мыслей твоихъ тебя занимающія, не прерывающіеся никогда твои труды, здѣшнихъ предѣловъ благоденствіе промышляющіе, не попустили тебя исполнить наше прошеніе; ты почтилъ приношеніе наше вмѣненіемъ себѣ въ честь, и онымъ показалъ, что въ душѣ твоей толико же и снисхожденіе, сколько и героическія свойства водворяются. Пріими же, великій мужъ, за оное благодареніе отъ Симбирскаго Дворянства: имя и память твоя пребудетъ сладостна и неоцѣненна въ роды онаго и роды.»

НАСТАВЛЕНІЕ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ ГОСПОДИНУ КАПИТАНУ

АЛЕКСАНДРУ ЛУНИНУ.

Съ полученіемъ сего, извольте принять изъ учрежденной въ Казани, по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества имянному Указу, Секретной Коммиссіи, по включенному здѣсь списку преступниковъ, всего двадцать шесть человѣкъ, и слѣдовать съ ними въ Симбирскъ, а по пріѣздѣ туда явитесь къ Главнокомандующему въ здѣшнемъ краю надъ войсками, Его Сіятельству, Господину Генералъ-Аншефу и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Ивановичу Панину, для испрошенія безопаснаго по учрежденнымъ станціямъ конвоя, такъ какъ и дачи потребнаго количества подводъ; когда жь все сіе получите, то извольте слѣдовать со всѣми, вамъ врученными, преступниками прямо въ Москву и по пріѣздѣ туда явитесь къ Его Сіятельству, Господину Генералъ-Аншефу, Сенатору и Кавалеру, Князю Михайлѣ Никитичу Волхонскому, и потомъ, представя ему сихъ преступниковъ, имѣете остаться въ его повелѣніи. Впрочемъ, я излишнимъ почитаю дѣлать вамъ предписанія, какимъ образомъ поступать вамъ съ помянутыми колодниками, или охранять безопасность и цѣлость оныхъ, но предаю все сіе на ваше благоразуміе, поелику мнѣ извѣстно о усердіи вашемъ и ревности къ службѣ и интересамъ Ея Императорскаго Величества; но рекомендую о томъ только, чтобъ, по отправленіи изъ Симбирска, да другой разъ изъ Арзамаса, предварили вы увѣдомленіемъ о путешествіи вашемъ Князя Михайла Никитича, а равно и меня. На платежъ прогонныхъ денегъ и на всякія случающіяся дорожныя издержки, къ оставшимъ у васъ отъ расхода Оренбургской Секретной Коммисіи двумъ стамъ сорока четыремъ рублямъ шестидесяти копѣйкамъ съ половиною, пріобщаю я отъ себя еще сто пятдесятъ пять рублей тридцать девять копѣекъ съ половиною. Дано въ Казани, Октября 26 дня, 1774 года.

Подписалъ: Генералъ-Маіоръ Потемкинъ.

РАЗНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ПО СЛУЖБѢ АРМЕЙСКОЙ,

ОТЪ ЧЕГО ОНА ВЪ УПАДОКЪ ПРИВЕДЕНА, И НЕ ЛЕСТНО ХОРОШИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ПРОДОЛЖАТЬ ОНУЮ, И О ПОЛКОВНИКАХЪ.

1.

Неограниченность во власти, которую себѣ Полковники присвоили, къ существенному вреду, состоитъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) Записка людей къ себѣ въ полкъ всякаго званія, рода и націи. 2) Употребленіе людей полковыхъ себѣ въ лакеи, камердинеры, дворецкіе и пр., а сему примѣру и всѣ полковые офицеры пріятно слѣдуютъ, увѣрены будучи, что Полковникъ не можетъ строго за то взыскать. 3) Отдаленіе во всѣхъ вещахъ отъ штатнаго положенія. 4) Наглое похищеніе полковыхъ денегъ и беззаконная натяжка въ поддѣлкѣ расходныхъ статей въ книгахъ, которыя документами принуждены подписывать всѣ офицеры, подъ лишеніемъ милости Господина Полковника, или совсѣмъ подъ потеряніемъ мѣста въ полку. 5) Грабежъ наглый людей и переманка ихъ изъ другаго полку къ себѣ. 6) Разрушеніе чинопочитанія въ полку, а установленіе одной только тиранской власти Полковничей, который за первѣйшую уже считаетъ должность не повиноваться своимъ Генераламъ больше иначе, какъ ему самому угодно, и то для какихъ ни будь своихъ собственныхъ выгодъ, или нѣкоторой заступы противъ горькихъ жалобъ, на полкъ приносимыхъ. Сіи суть главные только случаи, о которыхъ можно сказать вѣрно, что ими всѣ полки заражены. Прочія же развратности меньшей важности такъ многочисленны,

что написать ихъ не можно, и онѣ всякій день произрастаютъ отъ которой ни будь изъ капитальныхъ причинъ, о которыхъ выше упомянуто.

2.

Нечувствительное истребленіе непремѣнныхъ квартиръ, не взирая на то, что божественное сіе узаконеніе начало уже служить непоколебимымъ основаніемъ къ пользѣ службы внутренней, притяженіемъ рекрута къ полку и службѣ и къ неописанной выгодѣ бѣдныхъ офицеровъ, которыхъ жены и дѣти симъ узаконеніемъ подъ кровлей находились, вмѣсто того, что нынѣ по міру скитаются не токмо солдатскія, но и офицерскія, и съ дѣтьми ихъ малолѣтными.

3.

Неслыханная дороговизна въ подрядахъ, въ Провіантской Канцеляріи чинимыхъ, и отвращеніе отъ торговъ всѣхъ тѣхъ честныхъ подрядчиковъ, которые бы хотѣли несравненно дешевле армію прокормить: тутъ явное воровство чинится казнѣ.

4.

Дѣло Борзова, другое Стратиновича, такъ важны по нерѣшимости ихъ, что они всю службу и субординацію съ основаніемъ искореняютъ, утверждая на мѣсто того наглость, неподчиненность и безстрашіе.

5.

Обиды, въ произвожденіяхъ честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ весь патріотизмъ.

6.

Такой же вредъ дѣлается и отъ произвожденія въ сверхъ комплектъ, во всѣхъ чинахъ чиниmаго, а особливо въ штабъ-

офицерскихъ, которые тѣмъ самымъ осуждены отправлять должности ниже своихъ чиновъ, чѣмъ гнушаясь ни какой уже въ самомъ дѣлѣ службы и не несутъ.

7.

Легкая весьма отставка отводитъ молодаго офицера отъ службы; ибо онъ, слѣдуя натуральному движенію сердца человѣческаго и наклонности онаго къ независимости, ни какой себѣ препоны въ томъ не видитъ; въ дополненіе же сего урона, который въ потерѣ достойнаго офицера служба уже понесла, возвращаются изъ отставки въ службу обыкновенно недостойные и лѣнивые офицеры своимъ пронырствомъ и случаями, и тѣмъ самымъ двойной службѣ вредъ дѣлаютъ: 1) тѣмъ, что шалунъ одинъ больше сдѣлался въ полку; да и онъ же, 2) возвратился съ чиномъ, при отставкѣ полученнымъ, слѣдовательно, къ обидѣ, досадѣ и несносности тѣхъ офицеровъ, кои до того обществомъ его брезговали, а тутъ вдругъ ему подчинены стали, не умѣя при томъ и командовать.

8.

Установленіе гошпиталей въ арміяхъ и корпусахъ, ихъ содержаніе, образъ контрактовъ, ужасаютъ всякаго человѣка, кто только каплю чести и тѣнь человѣколюбія имѣетъ. Къ сей части, которая обнищаваетъ казну и истребляетъ родъ человѣческій, присоединить дурной выборъ лѣкарей, которые убивали всегда наукою своею больше солдатъ, нежели погибло отъ ружья непріятельскаго.

9.

Перемѣщеніе офицеровъ съ повышеніемъ чиновъ въ пикинерные полки уничижаетъ честныхъ офицеровъ, при своихъ полкахъ за должность служить считающихъ. Сіи бѣдные въ уныніе приведены, а пользуются перебѣгами такими пронырливые, лѣнивые и, слѣдовательно, недостойные офицеры.

10.

Отдѣленіе Генераловъ отъ ихъ полковъ вредъ наноситъ службѣ тѣмъ самымъ: 1, что Генералы, оставшіеся безъ управленія, вы-

ходятъ изъ охоты и вкуса къ службѣ, а отъ того слѣдуетъ 2, что Полковники изъ предѣловъ своей власти выступаютъ и, находя въ томъ лестную для себя пріятность, впадаютъ нечувствительно во всякія злоупотребленія. Отъ сего самаго вошло въ обычай теперь нѣкоторое наблюденіе токмо формы службы, а не о истинной службѣ раченіе. На семъ правилѣ бываютъ и смотры полкамъ, гдѣ Генералу Полковникъ отдаетъ должную честь за то именно, что онъ пріѣхалъ полкъ его смотрѣть, а не свидѣтельствовать. Сія истина доказывается тѣмъ, что ни одинъ почти Генералъ не пересмотрѣлъ полка ни въ какое время командованія своего, и ничего не смѣлъ приказать въ немъ отмѣнить, то, что противно штатамъ и противно службѣ. А то самое малое число Генераловъ, которые требовали отъ полковъ всего того, что прямая служба и законъ Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ, тѣ прослыли нападчиками, неспокойными, и за сіе самое претерпѣваютъ къ себѣ родъ нѣкоторой дикости, лишены случаевъ къ полученію по службѣ оказывать свои услуги отечеству, и наконецъ отъ обращенія съ ними Государскаго великіе имѣютъ доводы увѣриться, что они обнесены Государю своему, съ которымъ въ невинности своей и объясниться нельзя, за тѣмъ что ни какихъ къ тому слѣдовъ, ни случаевъ нѣтъ. Равнаго покрытаго и безпорочнаго, долговременною службою утвержденнаго, туда не впускаютъ, гдѣ съ Государемъ свободно всѣ говорятъ его подданные, однако наглый за кавалергардовъ входъ имѣетъ. Сколь сіе уничижительно, можетъ чувствовать одна только душа благородная и патріотическая.

11.

Въ двухъ мѣстахъ служить равно, и съ пользою равно, Полковнику ни какъ нельзя; слѣдовательно, Флигель-Адъютантъ и вмѣстѣ Полковникъ дѣлаетъ службѣ вредъ и отнимаетъ мѣсто у другаго Полковника, который бы, сходно съ присягою своею, не долженъ отъ полка отлучаться. А Флигель-Адъютантъ можетъ въ случаѣ семъ безъ отвѣта нарушить свою присягу всякій разъ, когда ему при полку быть наскучитъ, или съ Генераломъ не поладитъ, или дворскія интриги, въ коихъ непремѣнно ему много, или мало, должно быть замѣшану, въ Петербургъ его позовутъ. Тогда полкъ обыкновенно остается безъ сдачи, для того что

г. Флигель-Адъютантъ скоро обратно ожидается безъ денегъ, для того что онъ же на дорогу съ собою взять изволилъ самъ въ Коммиссаріатѣ, или въ Провіантской Канцеляріи принимать годовыя суммы, то онѣ для выводки тамъ нужны. Послѣ сего кто меня можетъ увѣрить, чтобы полкъ такой могъ въ какой ни будь части быть исправенъ, умалчивая о его наружности, то есть, люди отмѣнно хороши, но солдаты слабы, чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправить не могутъ, ни стоять, ни сидѣть, ни ходить покойно имъ нельзя. Тесакъ, какъ огонь горитъ, но полоса заржавѣла, вмѣстѣ и съ ножнами; ружье, какъ зеркало чисто, но не можетъ цѣльно выстрѣлить отъ уродливой ложи, которая нарочно такъ сооружена, чтобъ изъ ружья не стрѣлять цѣльно, а имѣть только на плечѣ его прямо. Я бы не окончилъ, если бы всѣ неисправности описывать вздумалъ. Сердце содрогается на все, когда, судя по упадку и таковому развратy службы, вглядишься въ пространное поле несчетныхъ возможностей, отъ коихъ да сохранитъ насъ Боже!

12.

Для личныхъ выгодъ дозволяется Полковнику съ полкомъ брать такую дорогу, какую онъ заблагоразсудитъ и какъ долго ити хочетъ. Какія же изъ того слѣдствія происходятъ, или для какихъ резоновъ Полковникъ въ сихъ выгодахъ старается, легко всякій понять можетъ, а бѣдные обыватели всѣхъ вѣрнѣе могутъ сказать, что имъ стоитъ посѣщеніе того полка.

13.

Недавно случилось, что одинъ преславный полкъ, выступя съ караула въ походъ, укралъ 26 лошадей у другаго полка, на смѣну прибывшаго. Лошади узнаны; вездѣ бѣднякъ просилъ; нигдѣ управы не нашелъ, а рѣшено наконецъ тѣмъ, что совѣтовали командиры ему самому украсть. Счастливая идея и скоро сысканное рѣшеніе!

14.

Безпрепятственное офицеровъ изъ полка въ полкъ перехожденіе новый дѣлаетъ развратъ службѣ, а свободный отпускъ по-

далъ поводъ самовластнымъ Полковникамъ отпускать офицеровъ своихъ, подъ видомъ разныхъ будто комиссій, отъ чего и дѣлается, что большая часть офицеровъ больше пріятности находятъ въ отлучкахъ отъ полка, нежели служить при полку, гдѣ ежедневная служба отправляется уже оставшими бѣдняками весьма исподоволь.

15.

Подъ тиранскимъ Полковничьимъ правленіемъ офицеръ находится въ работѣ, Полковникъ въ гордости, самолюбіи, а все вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и незнаніи существа службы. Можно ли ожидать храбрости въ такомъ развратномъ войскѣ, гдѣ первѣйшею поставлено должностію отдаляться отъ должности, гдѣ офицеръ доведенъ до унынія, гдѣ онъ отъ безмѣрнаго и принужденнаго щегольства разоряется, гдѣ солдатъ въ горькихъ слезахъ снѣдаетъ сухарь свой, проклиная и службу, и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ скорѣе къ побѣгу найти дорогу и случай? Капральствами бѣгали! да кто жъ? Русскіе солдаты; и къ кому? къ Туркамъ. Не содрогается ли отъ сего душа у всякаго Россіянина прямомыслящаго? Однако же Полковника какъ сіе не трогаетъ, такъ и все надъ нимъ не дѣлаетъ ни малаго дѣйствія. Когда онъ мало что по полку дѣлаетъ безчестное, беззаконное и вредное, такъ ужъ прудъ общей тони.

16.

Непонятно мнѣ, что нѣтъ ни какого и посредственно нужнаго ремесла и рукодѣлія, въ коемъ бы не долженъ выдержать строгій экзаменъ всякій тотъ ученикъ, который идетъ въ подмастерья и въ мастера. Неужели военная наука такъ легка кажется, что безъ всякаго разбора произвожденіе ити можетъ, какъ будто мундиръ вселяетъ въ офицера знаніе, а именный указъ сочиняетъ Генерала? Я увѣренъ, что ни офицеры, ни Генералы такимъ образомъ не дѣлаются нигдѣ, кромѣ насъ. За то мы въ случаѣ семъ и отличны! Не можно, однако же, сказать, чтобъ и у насъ ити произведенія безъ нѣкотораго формалитета. Собираются офицеры всякую треть къ аттестатамъ и подписываютъ слѣпо, что Г. Полковникъ прикажетъ; но Боже! все сіе

неистовство чинится подъ присягою. Итакъ, недовольно того, что Полковникъ преступаетъ долгъ правосудія, но и объявляетъ себя торжественно клятвопреступникомъ, къ чему и всѣхъ своихъ подланныхъ офицеровъ влечетъ безмолвно. Представить же противное, или сдѣлать возраженіе на Полковничье опредѣленіе, поставляется тотчасъ ослушаніемъ команды, и наконецъ такой случай обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ ненависти Полковника, его гнѣва и изгнанія изъ полка. Что потомъ съ симъ бѣднымъ офицеромъ послѣдуетъ? За то, что онъ совѣсть свою и присягу нарушить не хотѣлъ, выброшенъ Г. Полковникомъ изъ полка и присылается въ другой съ дурнымъ аттестатомъ; и въ новомъ полку найдетъ точно то же, что въ старомъ оставилъ. Въ случаѣ семъ должно Господамъ Полковникамъ отдать справедливость, что они во всемъ томъ, что службѣ вредитъ, что чиноначитаніе разрушаетъ и отъ чего всеобщее вкореняется невѣжество, весьма строго наблюдаютъ одинаковость, а разнятся только всѣ въ понятіи статовъ, инструкцій, въ образѣ отправленія службы, въ содержаніи оружія и аммуничныхъ вещей и пр. Если бы, паче чаянія, сіи замѣтки мои попались въ чужія руки, то долженъ всякій подумать, что я Полковниковъ ненавижу до крайности. Но, истинно, нѣтъ! Между ими имѣю пріятелей и родственниковъ, то какъ для сихъ резоновъ, такъ особливо не имѣя совершенно ни одного между ими себѣ злодѣя, ни какъ ненавидѣть ни кого не могу. Напротивъ того, судя генерально о всѣхъ теперешнихъ Полковникахъ, исключая совершенныхъ невѣждъ, странное дѣлаю, однако и вѣрное, заключеніе, имянно: что Русская армія никогда не была снабжена такимъ хорошимъ матеріяломъ Полковниковъ и офицеровъ, какъ теперь; они всѣ только изъ сферы своей вышли; сколь же скоро бы военное Правительство глаза на нихъ открыло военные, то я увѣренъ, что такіе будутъ бойкіе, такіе честные и такіе всѣ порядочные офицеры, какихъ нигдѣ нѣтъ. Я практически сію правду доказать берусь. Для достиженія же сего необходимо нужно: 1. чтобъ главное Военное Правительство возчувствовало упадокъ службы въ томъ самомъ сильномъ градусѣ, въ какомъ мы его видимъ, обращаясь съ войскомъ вѣчно. Потомъ 2) приняться послѣ того тотчасъ за Генераловъ, и приняться строго, чтобы они во всякое время были при полкахъ и при должностяхъ своихъ, строжайшимъ взыска-

ніемъ о наблюденіи воли Ея Императорскаго Величества, въ военныхъ Ея законахъ изображенной. Все оживотворится послѣ сего и всякій опрокинутый членъ исправитъ свое положеніе, войдетъ въ свое мѣсто, и цѣпь службы въ непобѣдимую связь войдетъ. Но доживемъ ли мы до сихъ блаженныхъ временъ, извѣстно только тому, кто больше меня смыслитъ.

17.

Какая намъ нужда въ иностранныхъ и такомъ множествѣ офицеровъ? Не горько ли то, что, изключая самаго малѣйшаго числа посредственныхъ изъ нихъ, видимъ мы камердинеровъ, купцовъ, учителей, переодѣтыхъ Россійскими штабъ-офицерами, къ поношенію службы и къ угнетенію природныхъ достойныхъ офицеровъ? Сіи случаи, обще съ другими, гдѣ достойный офицеръ наряду всегда былъ съ недостойнымъ, или же и назади у него оставался, выгнали изъ арміи множество добрыхъ и служивыхъ офицеровъ. Ихъ столь много въ отставкѣ, что жалко смотрѣть на ихъ потерю. Намѣстничествы сбираютъ теперь плоды съ нихъ, но не съ такою пользою, каковую бы могла имѣть военная служба.

Написаны сіи замѣчанія въ 1782 году Генералъ-Поручикомъ и Кавалеромъ Степаномъ Матвѣевичемъ Рясевскимъ, по смерти котораго они найдены и собраны.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ ПО ВОИНСКОЙ СЛУЖБѢ,

ПИСАННЫЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ И ШЕФОМЪ

СИБИРСКАГО ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА,

ИВАНОМЪ ИЕТРОВИЧЕМЪ ЛЯПУНОВЫМЪ.

Отъ чего происходитъ, что солдата съ самаго рекрутскаго состоянія и по то время, какъ отпустятъ его въ отставку, ежегодно по зимамъ начинаютъ учить по одиначкѣ стоять, маршировать и дѣлать ружьемъ, какъ будто только вступившаго въ службу?

Вотъ причина: что съ самаго своего вступленія въ полкъ не былъ онъ въ рукахъ хорошаго мастера и, слѣдовательно, никогда не былъ совершенно и какъ должно ремесленнику военнаго ремесла выученъ. Хотя же и препоручаютъ его старому солдату, хорошо дѣлающему ружьемъ, но какъ самъ учитель выученъ машинально, то и не можетъ ученика инако научить, какъ машинально.

Такимъ образомъ обученный, не имѣя ничего въ своемъ умѣ и понятіи, лишь только учитель отъ него прочь, то онъ все и забылъ. А еще хуже: между зимнимъ временемъ отвыкши, какъ было показывано, получаетъ свои привычки и дѣлаетъ совсѣмъ напротивъ. Очень часто случается, что перестаютъ учить не тогда, какъ выученъ, а тогда, какъ зима кончилась.

По вкравшимся злоупотребленіямъ въ порядочную службу, ротный командиръ, такъ какъ и той роты офицеры, считаютъ выполнившими свой долгъ, если прикажутъ тому-то учить такого-то; а какъ его учатъ, и выученъ ли какъ должно, не

смотрятъ. Сносно бы было, если бы ротный командиръ дѣлалъ это по одной лѣни, ибо таковаго можно бы было заставить; но та бѣда, что иногда ротный командиръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о надлежащемъ способѣ ученія и какія при всякомъ дѣйствіи каждаго пріема находятся уловки.

Симъ оканчивается и ограничивается обученіе толико важнаго, нужнаго и полезнаго ремесленника. А отъ сего и происходитъ, что въ полку мастеровъ солдатъ, хотя машинально дѣлающихъ, содержится какъ 1 къ 30, если не менѣе; а такихъ, которые о своемъ ремеслѣ имѣли бы чистое понятіе и могли толковать другимъ, или совсѣмъ нѣтъ, или такъ мало, что не стоитъ труда и показать.

Чтобы вышеписанное неустройство привести въ надлежащій порядокъ, должно поступать такимъ образомъ:

Рекрута, или немастера солдата, прежде всего надлежитъ учить стоять. При семъ обученіи ясно вразумить о всѣхъ уловкахъ, толковать ему, для чего должно стоять перпендикулярно, грудь впередъ, руки съ плечами нѣсколько назадъ, ноги въ икрахъ и коблукахъ сжавши, носки по опредѣленной пропорціи раздвигнуты.

Потомъ надлежитъ учить маршировать. Какъ же? Не тотъ часъ за ефрейторомъ, или за тѣмъ, кто учитъ, а на первой случай начинать первой урокъ только тѣмъ, какъ ему поднимать ногу при словѣ маршъ, и какъ корпусъ свой обнадеживать на другой ногѣ. Второй урокъ, по выученіи перваго практически и теоретически, какъ поднятою ногою ступить со всею надлежащею фигурою ноги и мѣрою опредѣленнаго шага, и сдѣлавъ шагъ, ступя ногою, въ какомъ положеніи должна остаться другая нога и какую ловкость надлежитъ употребить, чтобы ступить шагъ другою ногою. Третій урокъ останется уже маршировать, который весьма будетъ легокъ, если первые два хорошо будутъ изъяснены и въ то же самое время практически пріучены.

Теперь надлежитъ приниматься за ружье. Но прежде нежели рекрута обучать пріемамъ, надлежитъ выучить его знать всѣ части ружья, и не токмо названія оныхъ, но чтобъ умѣлъ ружье разобрать и знать каждой части дѣйствіе, а о многихъ частяхъ,

въ чемъ состоитъ и доброта. О обученіи пріемами весьма ясно показано въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества воинскомъ Уставѣ; остается только сказать, какъ и о шагѣ, что ни одной хватки не оставлять безъ изъясненія: для чего берется тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ, для чего та или другая рука, или которой палецъ остается въ такомъ-то положеніи; ибо каждый пріемъ имѣетъ свои ловкости. Раздѣлять также на уроки по Высочайшему Уставу. Не быть довольну знаніемъ обучающагося солдата до тѣхъ поръ, пока онъ порядочно и въ состояніи будетъ разсказать, и не смотря, что хотя хорошо пріемъ дѣлаетъ, не оставлять, пока не пойметъ умственно, для чего что.

Если бы кто спросилъ меня: для чего нужно солдату такъ много толковать и чтобы онъ умѣлъ расказать все то, чему его учатъ, а довольно и того, что хорошо дѣлаетъ, отвѣтствую: 1, Чтобъ ежегодно по одиначкѣ такъ рекрута не учить. 2, Отъ сего ежегоднаго рекрутскаго ученія солдаты не стыдятся незнанія своего ремесла, почитая должнымъ въ зимнее время учиться по рекрутски. 3, Каждому солдату, въ продолженіе его службы, дойдетъ очередь обучать нѣсколько учениковъ, и если кто примѣчалъ, тотъ конечно видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицѣ, молодой солдатъ начинаетъ учить своего перваго ученика, и 4, Получатъ нечувствительно амбицію называться мастерами и будутъ стыдиться, если бъ котораго стараго солдата заставили учиться по рекрутски.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые лѣнивцы доведутъ себя до того, что нужно будетъ ихъ иногда поучить одиначкою; но должно, чтобъ это случалось, не опредѣляя зимняго времени, а тогда, какъ скоро только усмотрѣно будетъ, что началъ слабо дѣлать.

Между тѣмъ непрестанно пріучать людей къ чистотѣ и опрятности, что не только просто приказывать, но и вразумлять, что это приказывается не для того только, чтобы имѣть хорошій видъ, но для того, что чистота тѣла и опрятность одежды совершенно сохраняютъ человѣческое здоровье. Солдатъ же, будучи о семъ вразумленъ, не по одному приказу будетъ слѣдовать сему правилу, а по собственной своей пользѣ и, слѣдовательно, безъ палокъ.

Неминуемо нужно обучать солдатъ походкѣ партикулярной, гдѣ бъ то ни случилось, и приличной солдату; при чемъ равномѣрно объяснять и толковать, для чего по мужичьи во всемъ корпусѣ согбенные и не у мѣста лежащіе члены не годятся для ремесла солдата; что хорошею походкою солдатъ привлекаетъ къ себѣ почтеніе, а ходящій по мужичьи—презрѣніе. Если солдатъ хорошо будетъ вразумленъ и пойметъ, то полученною отъ сего одного амбиціею удержится отъ посѣщенія кабаковъ и пьяной въ грязи по улицѣ валяться не будетъ.

Солдатъ, обученный такъ, какъ въ семъ замѣчаніи показано, будетъ совершенно мастеръ военнаго ремесла.

Теперь нужно сего мастера военнаго ремесла оживить и вложить въ него военную душу, которая состоитъ въ знаніи и исполненіи нижеслѣдующаго:

«Что значитъ солдатъ?»—Воинъ, оруженосецъ, ремесленникъ военнаго ремесла; и по сему-то оно обще принадлежитъ Генералу, офицеру и рядовому, даже и Государь симъ именовать себя соизволяетъ.

«Когда получаетъ солдатъ сіе знатное именованіе?»—Съ того времени, когда подъ освященнымъ знаменемъ, отъ освященной десницы Государя Императора полученнымъ, пріемлетъ присягу и клянется предъ всемогущимъ Богомъ, невидимо присутствующимъ, и святымъ его Евангеліемъ, что хочетъ, не по неволѣ, а по волѣ, и долженъ, какъ сынъ отечества, въ семъ званіи служить Государю Императору и Его любезнѣйшему Наслѣднику вѣрою и правдою, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и во всемъ повиноваться предпоставленнымъ командирамъ съ крайнимъ и охотнымъ желаніемъ.

«Въ чемъ состоитъ должность солдата, и на что онъ полезенъ?»—Защищать Вѣру Христіянскую и ни какого зла не допускать до Государя и отечества, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ; сохранять государственный интересъ, не допуская его до вреда и убытка; охранять и утверждать спокойствіе Государя и отечества.

«Въ чемъ состоитъ защищать Вѣру Христіянскую?» — Если какой врагъ осмѣлился приближиться къ любезному отечеству, съ намѣреніемъ испровергнуть Вѣру Христіянскую и безпокоить обожаемаго нами Государя, въ такомъ случаѣ, по велѣнію Государя, яти со всякимъ рвеніемъ и усердіемъ, съ охотою и желаніемъ, противу такого врага имяни Христа Спасителя нашего, не смотря ни на какія трудности, не бояся и самой смерти, и не вопрошая, сколько непріятеля, а гдѣ онъ. 2, Не соблазняться ни на какія прельщенія и подкупы, не токмо перемѣнить Вѣру, отъ чего, Боже, сохрани! ниже оставлять драгое отечество, переходя въ другія страны; ибо клявшись предъ всемогущимъ Богомъ быть вѣрну и неизмѣнну, Господомъ данному, Государю и отечеству, и оставить, есть клятвопреступленіе; а клятвопреступникъ не есть уже Христіянинъ и, слѣдовательно, не защитникъ Вѣры, но измѣнникъ, и, слѣдовательно, не солдатъ, а шельма.

«Въ чемъ состоитъ защита отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ?»—Если бы кто изъ внѣшнихъ непріятелей отечества нашего осмѣлился вздумать отнять у Государя каковую часть его владѣнія съ живущими нашими собратіями, въ такомъ случаѣ за Государя и за други наша сражаться храбро, и до тѣхъ поръ непріятеля отражать и поражать, пока послѣдній палецъ перестанетъ дѣйствовать. 2, Если бы, паче чаянія, и въ самомъ отечествѣ нашемъ появились каковые злодѣи, не вѣрующіе въ Іисуса Христа, и имѣли навлечь каковое либо безпокойство любезному нашему Государю, тогда, по Его Императорскому повелѣнію, усмирять ихъ всѣмъ тѣмъ, что отъ Государя повелѣно будетъ, и яко Христіянину-воину не соблазниться ни на какія, противныя Богу и Государю, дѣянія, и гдѣ солдатъ поставилъ ногу, тутъ должны тотъ часъ явиться тишина и спокойствіе.

«Въ чемъ состоитъ сбереженіе Государственныхъ интересовъ?»—Если бъ солдатъ поставленъ былъ для охраненія Государевой казны, или чего ни будь казеннаго, то долженствуетъ смотрѣть за онымъ со всякою осторожностію, и стоя на часахъ, не только не спать и оружія своего изъ рукъ не выпускать, но безпрестанно осматриваться, не хочетъ ли кто чего похитить, и на случай какого произшествія отъ хищниковъ защищаетъ до послѣдней капли крови, не смотря на силу пришедшихъ, и мѣста

своего не уступаетъ, пока или помочь получитъ, или умеръ; ибо гдѣ солдатъ, тутъ должно быть все цѣло и невредимо. До сохраненія Государственныхъ интересовъ непремѣнно принадлежитъ и то, чтобъ 1-е, солдатъ имѣлъ неусыпное попеченіе о исправности своего оружія и аммуниціи; ибо неисправность и небреженіе оружія и аммуниціи лишаетъ солдата способности дѣйствовать съ успѣхомъ въ пораженіи враговъ, заставляетъ казну дѣлать напрасныя издержки, умышленно и непамятованіемъ долга присяги причиненныя, и лишаетъ попечительнаго Отца Государя принадлежащей ему славы.. 2-е, Получаемое отъ премилосердаго Государя денежное жалованье не употреблять на пьянство и другія постыдныя и честному солдату не приличныя издержки, а стараться на оное содержать и покупать такія вещи, которыя бы служили на пользу службы и честнаго солдата.

«Въ чемъ состоитъ утвержденіе и спокойствіе отечества?»— Находясь въ какомъ городѣ въ гарнизонѣ, караулы отправляя съ знаніемъ и точностію того, что повелѣно, отвращаютъ и не допускаютъ всякіе грабежи, кражи, шумъ, драки и другіе непорядки, и не только въ караулъ отряженные суть страхъ и преграда сдѣлаться безпорядку, но солдатъ однимъ даже своимъ присутствіемъ устрашаетъ бездѣльника и не допускаетъ его сдѣлать что либо дурное, по увѣрительности, что солдатъ не потерпитъ того дѣйствія, но тотъ часъ бездѣльника схватитъ и отдастъ подъ стражу. Жители того мѣста почиваютъ спокойно, благодаря Государя за пожалованіе имъ хранителей, и увѣрены, что бдительная стража почтеннѣйшаго солдата не допуститъ, чтобы случилось имъ какое безпокойство, вредъ и убытокъ; ибо гдѣ солдатъ, тутъ должны истребиться и искорениться всѣ грабители и воры. Ежели бы случилось гарнизону то мѣсто оставить, жители съ рыданіемъ и плачемъ проводятъ ихъ, и свидѣтельствуя имъ должную благодарность за ихъ попеченіе и утвержденіе спокойствія, будутъ желать скорѣйшаго ихъ возвращенія, дабы наслаждаться тѣмъ покоемъ, который единые воины доставлять могутъ.

«Какихъ качествъ долженъ быть солдатъ?»—Въ отношеніи къ Богу: истинный Христіянинъ, твердый въ своей Вѣрѣ такъ, что не только ни какія прельщенія оставить оную не возмогутъ,

но даже смерть принять въ защиту оной всегда готовъ. Долженъ быть прибѣженъ къ Богу: возставъ отъ сна, первое, воспоминаетъ Господа и благодаритъ Его отъ чистаго сердца за пріятный сонъ, которымъ онъ возстановилъ свои геройскія силы, прося при томъ, что какъ благоволилъ освѣтить дневнымъ свѣтомъ, такъ освятилъ бы Духомъ своимъ Святымъ душу и сердце его, дабы съ таковымъ сердцемъ возмогъ благодарить его за всѣ благодѣянія, которыя непремѣнно отъ блатворительной десницы Его происходятъ; и умывъ лице и руки, ставъ и возведъ очи свои къ Живущему на небесахъ, прочиталъ, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, молитву Отче нашъ и еще что знаетъ изъ святыхъ молитвъ. Въ отношеніи къ Государю: истинный и послушный сынъ, не только любитъ своего Государя, но и обожаетъ его, ибо знаетъ, что онъ возведенъ и помазанъ на царство десницею Вышняго, и сіе знаетъ по тому, что когда принималъ присягу, тогда лежало святое Евангеліе, въ которомъ устами Божіими сказано: «Нѣсть власть, аще не отъ Бога,» то есть, что ни какая власть сдѣлаться не можетъ, если на то нѣтъ воли Божіей; и еще: «Противляяйся власти, противляется самому Богу,» и какъ же не такъ? Ибо если Господь Богъ повелѣлъ власти, и если кто осмѣлился не слушать, то нѣтъ сомнѣнія, что тотъ противится самому Богу. И еще: «Раби, повинуйтеся господѣмъ своимъ, не только кроткимъ, но и строптивымъ.» Для чего? Для того, что такъ угодно Богу; а по сему солдатъ и не сомнѣвается, что его Государь, будучи возведенъ на царство самимъ Господомъ, управляетъ своими подданными согласно съ управленіемъ Божіимъ, то есть, Богъ насъ любитъ и ежечастно о насъ печется, и Государь насъ любитъ, яко чадъ своихъ, и ежечасно печется о благѣ своихъ поданныхъ, не требуетъ ничего, кромѣ богоугоднаго, и повелѣнія свои даетъ согласно съ закономъ Божіимъ, почерпая всѣ правила изъ источника Высочайшей премудрости.

Стóитъ только взглянуть на солдата, тотъ часъ увидишь отцовское попеченіе и Богу подобное милосердіе Государя. Бывалъ ли солдатъ и есть ли гдѣ въ такомъ состояніи, какъ подъ скипетромъ Царя Русскаго? Денежное жалованье не только достаточно на всѣ надобности, но и остается еще столько, чтобы

солдату послѣ трудовъ, для бодрости и подкрѣпленія силъ, выпить чарку вина. Кушанье вкушаетъ свѣжее и съ толикимъ вкусомъ сдѣланное, что мужикъ и въ праздникъ рѣдко ѣстъ; квартира не похожа на выпачканную и худымъ воздухомъ наполненную избу; одежда преполная для всѣхъ времянъ года, и солдатъ въ походѣ въ худую погоду, или стоя на часахъ, не думаетъ, что отъ стужи и трясенія кости всѣ изломаетъ, или опасался бы потерять и самые члены и сдѣлаться калекою; обуви такъ много, что какъ бы ни таскалъ, никогда пальцы изъ сапога не обнаружатся. Этого еще мало, что солдатъ обезпеченъ въ своихъ нуждахъ для того, чтобы единственно занимался выполненіемъ своей должности; но чрезъ 20 лѣтъ безпорочной службы облагораживается именованіемъ кавалера и получаетъ орденъ, а по выслуженіи 25 лѣтъ честно, получаетъ отставку съ позволеніемъ жить, гдѣ заблагоразсудитъ, и съ полученіемъ по смерть полнаго жалованья, а по сему не опасается сей герой, защитникъ Вѣры, Государя и отечества, бывъ покрытъ ранами, умереть съ голода, или просить милостыни. Господинъ солдатъ! Пройди мысленно всѣ сіи милости, и пади на землю предъ всемогущимъ Богомъ, пролей радостныя слезы благодарности, что Онъ благоволилъ тебѣ такимъ премилосердымъ Государемъ, такимъ чадолюбивымъ отцомъ, который о тебѣ думаетъ, печется и устрояетъ, не только для теперешняго твоего времяни, но и впредь успокоивая и утѣшая тебя въ старости и дряхлости; гори любовію къ своему отцу всѣмъ сердцемъ твоимъ, и ни о чемъ не думай, кромѣ того, какъ бы, въ знакъ всеподданнѣйшей благодарности, оказывать опыты ревности и усердія; молись непрестанно, да продлитъ Господь ему жизнь, для прославленія имяни Іисуса Христа и для счастія его вѣрноподданныхъ.

Въ отношеніи къ отечеству: благодарность его къ той матерѣ землѣ, которая руками его родителей воздѣлована и потомъ трудовъ ихъ орошаема, не можетъ во всю жизнь его истребиться; вспомня, что хлѣбомъ, на ней произрастшимъ, онъ вскормленъ и возврастенъ, на ней живутъ его родители, братья и друзья, въ мысль его никогда не взойдетъ, чтобы, по какимъ либо гнуснымъ и безчестнымъ прельщеніямъ, оставить оную, но, напротивъ того, готовъ всегда, не щадя живота своего, отра-

жать непріятеля, жаждущаго оную похитить. Захочетъ ли оставить свое отечество, отца и мать и лишить себя святаго родительскаго благословенія, безъ котораго человѣкъ не что иное, какъ погибшій; ибо самимъ Господомъ сказано: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ;» кто же не чтитъ, тотъ лишается всякой милости Божіей. Никогда не вздумаетъ мерзости убѣжать въ иную страну къ поганымъ и перемѣнить Вѣру Святую Христіянскую на поганую и самимъ дьяволомъ изобрѣтенную Магометанскую, но единственно занимается мыслію, чтобы жить для защищенія своего отечества, въ благодарность за рожденіе и воскормленіе, и съ честію умереть за него.

Въ отношеніи своего воинскаго ремесла: страстный охотникъ; ружье лучшая для него игрушка и забава, а строй веселая и пріятная прогулка и упражненіе. Для чего? Для того, что тутъ воинъ научается быть ловкимъ, расторопнымъ и способнымъ разить непріятеля и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ способъ доставить славу своему знатному имени. Мастеръ своего ремесла, не какъ выученный только медвѣдь, или обезьяна, но понимаетъ совершенно всѣ ловкости въ пріемахъ и въ движеніяхъ, такъ что можетъ и другаго сдѣлать мастеромъ. Одѣвается чисто и опрятно, тѣло свое содержитъ въ чистотѣ, ибо отъ сего зависитъ здравіе; походку имѣетъ осанистую, приличную солдату и такую, чтобы не по одному платью солдатъ узнавался, но и по походкѣ и осанкѣ; живъ, быстръ и развязанъ, умѣетъ говорить и при томъ вѣжливо и хорошимъ языкомъ, всякое приказаніе командира можетъ пересказать явственно и вразумительно, безъ всякаго вранья; въ пищѣ не обжора, походя не ѣстъ, а еще менѣе идучи по улицѣ, но въ обыкновенное время; не только не упивается, но даже ненавидитъ сей гнусный и Богу противный порокъ, который не токмо ведетъ ко всякому злу и безпорядку, но и лишаетъ вѣчно Царствія Небеснаго; ибо Священное Писаніе сказуетъ: «Пьяницы и блудники не наслѣдятъ Царствія Небеснаго.» Лѣность и праздность ненавидитъ, ибо знаетъ, что лѣнивый и изнѣженный солдатъ не можетъ переносить ни какихъ военныхъ трудовъ, а находящійся во всегдашнихъ трудахъ не только можетъ перейти отъ 50 до 60 верстъ, но и не останавливаясь атаковать непріятеля и разбить; ловкой и умѣющій дѣй-

ствовать своимъ оружіемъ и въ трудахъ обращающійся солдатъ, по десятку непріятелей готовъ еще бить, а въ лѣности обращающійся и неловкой и надъ двумя устанетъ, такъ что третій его убьетъ. Командировъ своихъ не только почитаетъ, но и усердно любитъ, по тому что они отъ Государя предуставлены и ежечасно пекутся о своихъ подчиненныхъ, дабы содержать ихъ въ добромъ порядкѣ, довольствіи и покоѣ.

Относительно непріятеля: до тѣхъ поръ храбростію и неустрашимостію на него наступаетъ, пока онъ обороняется и оружіе у него въ рукахъ; какъ же скоро побѣжденъ, то пріемлетъ о немъ попеченіе и помогаетъ ему, чѣмъ можетъ. Если случится штурмовать городъ, то поражаетъ противящихся оружеиосцевъ, но стыдится проливать кровь слабаго пола и младенцевъ, и не только не убиваетъ, но всемѣрно защищаетъ ихъ отъ всякаго насилія, помня, что онъ воинъ-Христіянинъ и герой, слѣдовательно, для него низко проливать кровь неповинную и бить то, что ни обороться не можетъ, ни оружія не имѣетъ. Если бъ случилось стоять въ квартирахъ и въ непріятельской землѣ, не только не помышляетъ о какомъ либо грабительствѣ, но всячески старается ласкать хозяина и сберегать его имущество и не допускать ни кого ни до какихъ неистовствъ. Такимъ образомъ и непріятели, увидя, что они не только живы, но и имущество цѣло, мужъ не лишился своей супруги, дочь осталась при отцѣ и ни какого безчинства ей не сдѣлано, младенцы не лишились своей матери и съ голоду не померли, проводятъ съ благодарными слезами и скажутъ, что это прилично только героямъ Россіянамъ.

МНѢНІЕ

СЕНАТОРА ГРАФА СЕВЕРИНА ОСИПОВИЧА ПОТОЦКАГО

О

ДОКЛАДѢ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГІИ,

Высочайше конфирмованномъ 5 Декабря, 1802 года.

Высочайшимъ Указомъ, 8-го Сентября, истекшаго 1802 года, о правахъ и обязанностяхъ Сената, Августѣйшій Монархъ Всемилостивѣйше дозволилъ ему: «На случай, если бы, по общимъ Государственнымъ дѣламъ, существовалъ Указъ, которой былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, представлять о томъ Императорскому Величеству.»

Такимъ образомъ Александръ I-й, соединяя съ чистосердечіемъ своего возраста прозорливость, свойственную лѣтамъ преклоннымъ, всею душею любя истину, къ коей многіе другіе властители по наружности токмо являются привязанными, не удовольствовался постановить, что проектъ всякаго узаконенія до изданія своего будетъ предметомъ разсужденій Министровъ предъ его лицемъ, но какъ бы предупреждая, чтобъ при всемъ томъ еще не былъ иногда стѣсненнымъ путь, которымъ истина и правда должны достигать къ нему, позволилъ Сенату, яко верховному мѣсту въ Имперіи, предстать во всякомъ важномъ случаѣ къ престолу, поборая о нихъ. Кто изъ насъ, кто изъ прямыхъ сыновъ отечества, не удостовѣренъ глубоко, что такое позволеніе, данное такимъ Государемъ, есть самое предписаніе священнѣйшей должности? Сіе принуждаетъ меня нынѣ обратить вниманіе Правительствующаго Сената на докладъ Государственной Военной Коллегіи, Высочайше конфирмованный минувшаго Декабря въ 5 день, и представить мои сомнѣнія.

Можно бы остановиться на многихъ мѣстахъ сего доклада, какъ то: на положеніи увольнять съ оберъ-офицерскимъ чиномъ дворянъ не прежде двѣнадцати, а названныхъ вольно-опредѣляющимися не прежде пятнадцати лѣтъ службы. Каковое ограниченіе едва ли сообразно со 2-ю статьею Указа 1762 г., Февраля 18,

съ Указами 1763, Августа 8, 1775, Августа 29 и другими, послѣдовавшими имъ. Можно бы остановиться на уравненіи разночинцевъ, опредѣляющихся въ службу по желанію, съ даточными рекрутами, что, думаю, не можетъ быть ободреніемъ ко вступленію въ военное званіе, и пр. и пр. Все сіе не принадлежитъ до меня, и я не дерзну разсуждать о таковыхъ предметахъ, не имѣя воинскихъ свѣдѣній; но обязанностію почитаю представить здѣсь, сколько, по разумѣнію моему, упомянутый докладъ самымъ первымъ своимъ пунктомъ о служащихъ изъ дворянъ противорѣчитъ предшествовавшимъ рѣшительнымъ узаконеніямъ 1762 и 1785 г., хотя они во вступленіи его и поставлены за основаніе.

1-я статья во вѣки достопамятнаго Указа 18-го Февраля, 1762 года, опредѣляетъ ясно, что «всѣ, находящіеся въ разныхъ службахъ, дворяне, могутъ оныя продолжать, сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ дозволитъ.» Изъ сего изключено токмо время военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, т. е., обстоятельство, которое, если бы и не упомянуто было, объяснится само собою извѣстными благородствомъ души и храбростію Россійскаго дворянства. И хотя въ 8-й статьѣ того Указа сказано: «находящихся же нынѣ въ военной службѣ дворянъ въ солдатскихъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера не отставлять, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ»; но выраженіе «находящихся же нынѣ, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ службу продолжалъ», очевидно объясняетъ, что сія статья, поставленная не безъ причины послѣднею, имѣла въ виду только настоявшее тогда время, и дворяне въ оной разумѣлись не иные, какъ имянно служившіе при самомъ изданіи Указа. Безъ сомнѣнія, необходимо было симъ временнымъ изключеніемъ удержать въ службѣ молодыхъ людей, которые не умедлили бы слѣдовать первому порыву, произведенному ощущеніемъ новаго для нихъ права свободы, и такимъ образомъ скоропостижно лишили бы армію пріобыкшихъ къ строю нижнихъ чиновъ. Что таковый точно, а не иной смыслъ и цѣль сей 8-й статьи, доказывается тѣмъ, что въ теченіе послѣдовавшихъ 40 лѣтъ, 18 статья славной на вѣчные роды Россійскому дворянству дарованной грамоты гласитъ: «Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продол-

жать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ.» Правительство ни какъ не принимало ее во уваженіе, между тѣмъ какъ существенное содержаніе самаго Указа ежедневно болѣе утверждалось. Хотя положеніе Военной Коллегіи естественно и неоспоримо, что въ таковыхъ случаяхъ подаютъ прошенія по правиламъ, и по правиламъ не оставляютъ службы иначе, какъ въ положенное время года, или по окончаніи смотровъ, что ожидаютъ рѣшенія и пр.; но не думаю, чтобы сталъ кто утверждать, будто подъ именемъ правилъ долженъ разумѣться и 12 ти лѣтній срокъ, вводимый докладомъ. На семъ основаніи Военная Коллегія весьма удобно можетъ 24-хъ или 36-ти лѣтнее время служенія поставить въ число правилъ, и тѣмъ въ самые тѣсные предѣлы привести силу грамоты дворянской.

Не простирая столь далеко робкихъ ожиданій, должно согласиться, что и 12-ти лѣтнее принужденное служеніе произведетъ на опытѣ великія неудобства. Молодой дворянинъ, вошедшій въ службу изъ одного благороднаго подвига, не можетъ ли отъ сего строгаго закона потерпѣть разстройки въ своей жизни, разстройки, отъ которой иногда будетъ зависѣть все его состояніе? Выгодное, на пр., супружество съ особою, не могущею рѣшиться сопутствовать мужу въ мѣста службы воинской, его жилище, равно и другія обстоятельства, невольно могутъ заставить благонамѣреннѣйшаго дворянина желать отставки. Одно опасеніе таковыхъ препонъ и врожденное отвращеніе отъ принужденія, не произведутъ ли дѣйствій, совсѣмъ противныхъ тѣмъ, какія кажется имѣла въ виду Коллегія? Вмѣсто ограниченнаго числа людей, которые удержаны будутъ на нѣсколько лѣтъ въ службѣ насильно (печальное прибѣжище полководцу), сколько тысячъ другихъ и вступить въ оную побоятся! Не прискорбно ли будетъ, столь извѣстную Россійскаго юношества ревность къ воинской службѣ видѣть погасающую, ревность, которая разительнѣе нежели когда либо окажется въ нынѣшнее благословенное царствованіе многочисленностію дворянъ, ежедневно ищущихъ опредѣлиться. Не жестоко ли столь чувствительнымъ образомъ опечалить дворянство цѣлой Имперіи поврежденіемъ силы драгоцѣннѣйшаго для него постановленія, которое Петръ III называетъ «непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго

престола,» которое безсмертная Екатерина столько уважила, распространила, постановленія, напослѣдокъ, которое обожаемый Александръ торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «коренным ъ и непрелагаемым ъ законом ъ?»

Я увѣренъ, что нечего намъ опасаться кого бы то ни было въ сіи златые дни душевнаго спокойствія и свободы, когда и справедливость, сѣдящая на престолѣ, не оставила отеческою улыбкою одобрить нашего усердія, даже и въ такомъ случаѣ, если бы наше представленіе не было благоугодно Но положивъ, что въ семъ дѣлѣ, или во всякомъ другомъ, ему подобномъ, и слѣдуетъ намъ ожидать явной, или сокровенной, злобы сильныхъ, то не уже ли сіе насъ заставитъ колебаться, когда священный гласъ должности взываетъ? Можно ли тогда преклонять ухо къ шопоту раболѣпной осторожности и боязни? Оставаться ли намъ въ молчаніи, когда докладъ, низпровергая самое то, что полагаетъ основаніемъ своимъ, и предубѣдивъ, смѣю сказать, строгую внимательность Государя, коснулся почти единственнаго кореннаго закона, коимъ Россія справедливо гордиться можетъ? Не обязаны ли мы говорить, когда общее мнѣніе, кажется, насъ уже предварило? Не должны ли мы слѣдовать духу царствованія сего, вѣроятно, единственнаго въ вѣкахъ, чтобы намъ, движимымъ благоволеніемъ Монарха-благотворителя, возвратить верховному сословію Имперіи, хранилищу законовъ, первобытную его силу, достоинство и славу? Ежели нерадѣніемъ нашимъ упустить такое время, то не понесемъ ли праведной укоризны позднѣйшаго потомства?

Въ слѣдствіе сего, мнѣніе мое, чтобы Правительствующій Сенатъ, на основаніи 9 статьи Высочайшаго именнаго Указа, Сентября 8 дня, 1802 г., вошелъ къ Его Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ: не благоугодно ли будетъ повелѣть Министрамъ разсмотрѣть вновь упомянутое столь важное узаконеніе?

Если настоящее представленіе мое не будетъ большинствомъ голосовъ одобрено, то прошу принять его, по крайней мѣрѣ, слабымъ доводомъ искренности и ревности, съ каковыми приверженъ я къ новому моему отечеству.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

МИНИСТРА ЮСТИЦІИ, ДЕРЖАВИНА,

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ, 6 ФЕВРАЛЯ, 1803.

Минувшаго Генваря 16 числа, въ Общемъ Собраніи сего знаменитаго сословія, произошли разные Господъ Сенаторовъ отзывы на мнѣніе Г. Тайнаго Совѣтника Графа Потоцкаго, поданное имъ противъ Высочайше конфирмованнаго доклада Военной Коллегіи относительно службы дворянъ въ нижнихъ чинахъ. Изъ нихъ большая часть согласна съ Г. Потоцкимъ войти къ Его Императорскому Величеству съ представленіемъ, дабы тотъ докладъ вновь Министрами былъ разсмотрѣнъ.

Я, по долгу званія моего, будучи обязанъ соглашать и ходатайствовать о единообразномъ положеніи, нужнымъ почитаю обратить вниманіе Правительствующаго Сената на нижеслѣдующее:

1. Въ Высочайшемъ Указѣ Сентября 8 дня, 1802 г., въ 9 пунктѣ напечатано: «Дозволяется Сенату, если бы, по общимъ Государственнымъ дѣламъ, существовалъ Указъ, который былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, представлять о томъ Императорскому Величеству»; а въ Манифестѣ о учрежденіи Министерствъ, изданномъ въ послѣдствіе уже сего Указа, между прочимъ, въ X статьѣ напечатано: «По изслѣдованіи жъ доклада (поднесеннаго которымъ либо Министромъ), ежели Мы признаемъ предлагаемыя имъ средства за полезныя, и увидимъ, что они не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ, ни введенія, или учрежденія, новыхъ, то Мы, утвердивъ соб-

ственноручно сей докладъ Министра Нашего, возвращаемъ къ нему для учиненія по оному исполненія и объявленія Правительствующему Сенату для вѣдѣнія». Но какъ, съ одной стороны, въ правилахъ, собранныхъ въ докладѣ Военной Коллегіи, новаго ничего нѣтъ и ни какихъ неудобствъ въ исполненіи быть не можетъ, по тому что, въ теченіи сорока лѣтъ, поступая по онымъ, полководцы въ нижнихъ чинахъ изъ дворянъ недостатка не имѣли, да и сами тѣ нижніе чины ни какого сѣтованія, или ропота, при строжайшей дисциплинѣ, никогда, нигдѣ не изъявляли и отъ службы не удалялись; напротивъ того, воинство Россійское, въ безпрерывныхъ и трудныхъ походахъ съ ревностію послѣдуя великимъ вождямъ своимъ, многочисленными и знаменитыми побѣдами распространило предѣлы Имперіи и пріобрѣло себѣ безсмертную славу, чѣмъ самымъ и доказало великое удобство законовъ, имъ управляющихъ; а съ другой, поелику сказанный докладъ Военной Коллегіи, по основанію упомянутой X статьи Манифеста, Высочайшею особою Государя Императора изслѣдованъ, и по извѣстнымъ Его Величеству причинамъ удостоенъ конфирмаціи, Сенатомъ принятъ безпрекословно и отосланъ въ 4 Сената Департаментъ, для наблюденія за исполненіемъ, о чемъ и журналъ, 17 Декабря, прошлаго 1802 г., многими изъ Господъ Сенаторовъ и самимъ Графомъ Потоцкимъ подписанъ, то, за силою всего выше изъясненнаго, и нѣтъ уже теперь ни малѣйшаго права, ниже повода, Правительствующему Сенату вопреки оному докладу разполагаться.

2. Въ Манифестѣ 1762 г., Февраля 18 дня, въ пунктахъ изображено. Въ 1-мъ: «Всѣ находящіеся въ разныхъ службахъ дворяне могутъ оныя продолжать, сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ позволитъ; первыхъ осми классовъ увольняются отъ службы по Высочайшей конфирмаціи, а прочіе чины (о нижнихъ не сказано) по опредѣленіямъ отъ ихъ Департаментовъ». Въ 7: «Изключаются изъ сего однодворцы, которые вольностію не пользуются». Въ 8: «Находящихся нынѣ въ военной службѣ дворянъ въ солдатахъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера, кои не дослужились оберъ-офицерства, не отставливать, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ, то таковые получатъ увольненіе». Въ 9: «Нигдѣ и ни какой службы не несшіе и ни-

чему полезному не научившіеся, но въ лѣности и праздности время препровождающіе, яко суще нерадивые о добрѣ общемъ, презрѣны и уничтожены будутъ, у Двора же, въ публичныхъ собраніяхъ и при торжествахъ нетерпимы». — Въ жалованной дворянству Грамотѣ, въ предисловіи: «Преимущество дворянъ состоитъ въ вѣрности къ престолу и любви къ отечеству; они не иначе, какъ прехожденіемъ отъ самой юности своей въ нижнихъ степеняхъ въ чиноначаліи, въ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ исполненіи должностей своихъ твердо и терпѣливо опытами пріобрѣтаютъ знанія и способности, достигая до совершенствъ, званію ихъ принадлежащихъ» Въ 17 и 18 статьѣ: «Хотя и подтверждены на вѣчныя времена и въ потомственные роды благородному дворянству вольность и свобода, но не инаково, какъ по сдѣланнымъ на то правиламъ службу оставлять дозволяется». Въ 20 й: «Какъ благородное дворянство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтаетъ свое достоинство службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существованіе его зависитъ отъ безопасности отечества и престола, то во всякое время, когда нужда потребуетъ, по первому позыву Самодержавной власти, всякой благородной обязанъ не щадить ни труда, ни самаго живота своего». Въ 64: «Дворянинъ, который вовсе не служилъ или, бывъ въ службѣ, не дошелъ до оберъ-офицерскаго чина, или же хотя и получилъ чинъ, но только при отставкѣ, не долженъ сидѣть съ заслуженными, ни голоса имѣть въ дворянскомъ собраніи, ниже выбираться въ должности собратіями своими».

По симъ законамъ ясно, что дворянство, по Манифесту 1762 г. и Грамотѣ 1785 г., право свое на вольность разпространять можетъ только на дворянъ, въ классахъ состоящихъ и на обучавшихся полезнымъ знаніямъ, которые, по 1, 7 и 9 пунктамъ того Манифеста, въ опредѣленное время могутъ быть изъ службы увольняемы. Но тѣ дворяне, кои въ нижнихъ чинахъ состоятъ и ничему полезному не научены, не дослужась до оберъ-офицерскаго чина, прежде 12 лѣтъ (кромѣ что за болѣзнію) уволенными изъ службы быть не должны; коль же скоро кто дослужится до офицерства, хотя бы чрезъ годъ, тотъ можетъ пользоваться правомъ свободы; словомъ, порода есть только путь къ преимуществамъ, воспитаніе же и заслуги единственно запе-

чатлѣваютъ благородство. Взявъ за основаніе сіе разсужденіе, мѣра 12 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ службы не есть мѣра стѣсненія и принужденія дворянъ къ оной, но только политическое средство, которымъ благодѣтельное Правительство доводитъ нижнечиновныхъ дворянъ до той степени чести, которая доставляетъ имъ право на вольность и прочія преимущества, предостерегаетъ при томъ отъ презрѣнія и стыда, въ 9 пунктѣ Манифеста и въ 64 статьѣ Грамоты изображенныхъ, изъемлетъ изъ ничтожества или, по крайней мѣрѣ, отъ сближенія съ однодворческимъ состояніемъ, которое, сколько извѣстно, происходитъ отъ дворянъ, уклонившихся отъ службы и по 7 пункту Манифеста вольностію не пользуется. Кратко сказать, дворянинъ, по одному только рожденію, безъ заслугъ, безъ просвѣщенія, можетъ ли роптать, что онъ чрезъ нѣкоторое урочное время опытами и искуствомъ въ ремеслѣ военномъ доводится до офицерскаго званія? Самыхъ знатнѣйшихъ фамилій благородные дворяне не уже ли не знаютъ, что долгъ отечеству надлежитъ имъ отдать службой, на которой и основаны всѣ дарованныя имъ преимущества?

Но что касается до слова «нынѣ», Манифеста въ 8 пунктѣ сказаннаго, на коемъ Г. Потоцкій основалъ всю силу своего мнѣнія, то оно ошибочно имъ понято. Оно бы дѣйствительно значило, какъ онъ изъясняетъ, что на тогдашнее только время дворяне изъ нижнихъ чиновъ прежде 12 лѣтъ въ отставку уволенными быть долженствовали, если бы сіе самое нарѣчіе «нынѣ» точно опредѣляло время, доколѣ тому пункту существовать въ своей силѣ, и если бы глаголъ, смысломъ управляющій, не распространялъ дѣйствія и на будущее время; ибо, вмѣсто «не отставлять», сказано «не отставливать», что и даетъ совсѣмъ другое понятіе. По чему, Военная Коллегія, держась онаго и не имѣя въ виду отмѣны тому особымъ узаконеніемъ, опредѣленіями своими 763, 764, 765, 767 и прочихъ годовъ, никогда нижнихъ чиновъ изъ дворянъ прежде выслуги 12, въ теченіе 40 лѣтъ, не отставливала; а ежели и бывали какія въ арміи злоупотребленія, изъ гвардіи же и изъ корпусовъ по особымъ Высочайшимъ конфирмаціямъ, или Указамъ, прежде помянутаго 12 лѣтняго срока, отставки дворянъ отъ службы, то сіе не можетъ относиться къ общему положенію.

Объясня такимъ образомъ существенное содержаніе правъ дворянства и правилъ Военной Коллегіи, смѣю вопросить: гдѣ же докладъ поколебалъ коренные законы, когда они въ немъ всѣ собраны и ознаменованы числами? Оставалось ихъ только прочесть и лучше проникнуть, а не увлекаться неосновательными толками и подавать мнѣнія. Почему и чѣмъ дворянство опечалено? Подтвержденіемъ того, что оно нѣсколько лѣтъ столь ревностно исполняло. По чему удаляться оно будетъ отъ службы, при напоминовеніи столь давно извѣстныхъ ему обязанностей, когда, принимаясь нынѣ прямо унтеръ-офицерами, по 3-й статьѣ доклада, весьма противъ прежняго облегчено? Словомъ, таковымъ неправильнымъ о дворянствѣ заключеніемъ не можетъ оно не оскорбиться. Сколько примѣровъ въ прошедшихъ царствованіяхъ было, что дворяне съ лона роскоши, изъ среды великолѣпія Двора, изъ страстнѣйшихъ объятій любви, при единомъ звукѣ оружія, летѣли на поприще славы! Никогда имъ въ мысль не приходило ни выгодное супружество, ни разстройки ихъ состоянія; но они, изъ единой ревности своей, всѣмъ жертвовали общему благу, пользамъ любезнаго своего отечества, презирая самую жизнь свою, стяжали вѣнцы преславныхъ побѣдъ. Сколько предъ Россійскими силами народовъ покорилось! Сколько царствъ упало! Развѣ нынѣшними иноплеменными развратами и не соотвѣтственными нашимъ законамъ внушеніями бывъ развлечены, дворяне охладѣютъ въ своей привязанности къ отечеству и престолу? Но нѣтъ, я сему повѣрить не могу! Кому былъ учителемъ Петръ Великій, преходившій самъ всѣ нижнія степени службы и всѣ трудности оной переносившій и показавшій примѣры терпѣнія, мужества и повиновенія, то тѣ ли воины, тѣ ли Россійскіе дворяне, которымъ воля Монарха есть собственная ихъ воля, обольстятся гласомъ мечтательной, буйной вольности, бывшей единственною причиною погибели многихъ царствъ? Нѣтъ, я сего не думаю, и смѣю поручиться въ томъ за благородное дворянство.

А если бы, по перемѣнившимся нравамъ и умягченному воспитанію, паче же по просвѣщенію нынѣшняго дворянства, нужно было сдѣлать какое облегченіе ему въ службѣ и сократить срокъ въ оной, то бы оно мало оказало своей преданности благотворительному своему Монарху, ежели бы не предало себя въ

полной мѣрѣ отеческому его о себѣ попеченію и съ терпѣніемъ не ожидало новыхъ постановленій, ему еще болѣе благотворительныхъ.

Доказавъ такимъ образомъ неправильное заключеніе Графа Потоцкаго о утѣсненіи яко бы Россійскихъ дворянъ, не могу здѣсь не припомнить, что законы наши не позволяютъ въ актахъ, въ Правительство взносимыхъ, никого возбуждать, не употреблять ничего посторонняго, ничего не нужнаго, особливо колкостей и оскорбительныхъ выраженій на лице, кромѣ настоящаго дѣла; то по всему тому прошу Правительствующій Сенатъ войти во всѣ обстоятельства сего дѣла и во всѣ отдаленные виды онаго, по соображеніи коихъ и самый посредственный разумъ не можетъ предвидѣть выгодныхъ слѣдствій, и учинить единодушное положеніе.

Наконецъ, по долгу званія моего, заключаю тѣмъ: при гласѣ законовъ, при Самодержавномъ правленіи, до толикой степени славы и благоденствія возвысившимъ Россію, всяное противомысліе должно умолкнуть; ибо власть Сената ограничивается властію Императорскаго Величества.*

6 Февраля, 1803 г.

Сообщ. Д. Чл. А. Аѳанасьевъ.

---

* Другое опроверженіе мнѣнія Графа Потоцкаго см. въ «Чтеніяхъ» 1858 г., кн. 3, отд. V, стр. 128—132.

РАПОРТЪ И ПИСЬМА

КЪ

ДѢЙСТВИТЕЛ. ТАЙНОМУ СОВѢТН., СЕНАТОРУ И ГЛАВНОМУ ДИРЕКТОРУ ПАВЛОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ,

А. М. ЛУНИНУ,

ТОЙ ЖЕ БОЛЬНИЦЫ СМОТРИТЕЛЯ, К. С. ПАВЛА НОСКОВА,

во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ.

Его Высокопревосходительству,

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору, Павловской больницы Главному Директору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Александру Михайловичу Лунину,

Той же больницы Коллежскаго Совѣтника Носкова

Рапортъ.

Къ первому Сентября больныхъ состояло 55, но сего числа и втораго по утру въ домы, ихъ господами взятыхъ, было 32 человѣка, а за тѣмъ 13 мужчинъ и 10 женщинъ, въ числѣ 23, остались при занятіи непріятелемъ Москвы въ больницѣ, при коей всѣ принадлежащіе чины находились, кромѣ Священника, выпросившагося у меня послѣдними днями проводить въ деревню свою жену и, по скорому вступленію непріятеля, чаятельно, по опасности, возвратиться въ городъ не успѣвшаго, да двухъ Фельдшеровъ, старшаго Бабкова и младшаго Быкова, самовольно отлучившихся и понынѣ еще не прибывшихъ.

Втораго Сентября, въ пять часовъ по полудни, непріятель изъ Польскихъ войскъ, въ авангардѣ находившихся, расположился въ предмѣстіи города, не далѣе двухъ сотъ шаговъ отъ больницы, и окончаніе того дня было спокойно; но въ ночи, во второмъ часу, пришли въ больницу три Польскіе офицера и 15 рядовыхъ съ большими восковыми церковными свѣчами и, проходя оную съ дежурнымъ фельдшеромъ, Морозовымъ, спрашивали: «гдѣ живетъ Аптекарь?» къ которому тотъ ихъ проводилъ. Они, разбудя его, требовали, чтобъ ихъ накормилъ и далъ имъ винъ и пива. Когда все сіе для нихъ приготовлялось, солдаты начали повсюду бѣгать и что находили укладывать въ мѣшки, ими принесеные; но какъ Аптекарь сказалъ отомъ офицерамъ, то сіи, приглася съ собою ихъ вмѣстѣ пить, отъ наглости поудержали и, пробывши до полутора часа, пошли обратно въ лагерь.

Третьяго числа по утру, въ 11-ть часовъ, отрядъ Польскихъ войскъ, изъ двухъ сотъ человѣкъ и потомъ болѣе умножившійся, стремительно вбѣжалъ на дворъ больницы и, ворвавшись въ домы служащихъ, началъ уносить вещи, ломать мебель, а другіе у кладовыхъ, сараевъ и магазиновъ сбивать замки; всѣ съѣстные казенные и у служащихъ бывшіе въ домахъ припасы, вещи, лошади, экипажи, упряжь, дворовый скотъ и птица были забраны, при чемъ и я остался въ одномъ только платьѣ, которое на мнѣ было. Ни увѣщанія, ни угрозы, что будетъ принесена ихъ начальству жалоба, не могли удержать неистовства сихъ грабителей: они при малѣйшемъ упорствѣ обнажали сабли и грозили изрубить всякаго. Неизвѣстность, у кого сіи войска состояли въ командѣ, а болѣе повсюду скитавшіеся по улицамъ солдаты, обиравшіе съ каждаго платье и обувь, угрожали опасностію искать ихъ начальника. Предвидимое отъ буйства сего народа всему расхищеніе заставило презрѣть угрожавшее бѣдствіе, а узнавъ наконецъ отъ ихъ офицера, что Генералъ Фитеръ, ими командующій, не въ дальнемъ живетъ отъ больницы разстояніи, пошелъ я съ Докторомъ просить его о защищеніи, который, по неотступной просьбѣ нашей, и далъ охранительное письмо, а потомъ одного рядоваго въ обезпеченіе; но сіе дѣлало весьма слабое пособіе, ибо часовой, имѣя притонъ свой при больницѣ, въ прочихъ мѣстахъ не могъ воспрепятствовать многолюдству, грабительст-

комъ тогда занимавшемуся, да и войска, ежедневно перемѣнявшіяся, состояли подъ начальствомъ другихъ Генераловъ, а пользуясь позволеніемъ расхищать все, ими найденное, не имѣли къ таковымъ запрещеніямъ и уваженія. По счастію, пріѣхавшій 4-го числа Герцога Данцигскаго, Маршала Лефевра, Адъютантъ Бойе, съ обозомъ, при которомъ былъ изъ гвардейскихъ гренадеръ караулъ, занялъ для ночлега Маршала въ больницѣ комнаты, но Маршалъ, не остановясь, проѣхалъ прямо въ Петровскій дворецъ, а восемь Адъютантовъ ночевали въ томъ покоѣ. Ночь сія, при защитѣ квартировавшихъ и караула, могла бы дать нѣсколько отдыха, но при сильномъ вѣтрѣ, пламенемъ объятая Москва и приближавшійся по вѣтру огонь напоминалъ всѣхъ ужасомъ, чтобъ и сіе заведеніе не было жертвою пожара. Всѣ служащіе провели ночь, какъ и прошедшія, въ большой осторожности и страхѣ. Спасавшіеся отъ пожара люди бродили по улицамъ и прятались по садамъ, гдѣ послѣднее отъ оныхъ платье и кусокъ хлѣба, служившій для одного дня пропитаніемъ, извергами были отбираемы. Многія семейства прибѣгали ко мнѣ съ малыми дѣтьми просить въ несчастномъ жребіи ихъ убѣжища, въ чемъ я и не могъ отказать; да и возможно ли въ бѣдственномъ таковомъ положеніи не дать помощи погибающимъ? Они никогда не забудутъ сего священнаго пристанища, и проливъ слезы, возблагодарятъ Богу и премилосердной Матери, ихъ сохранившей.

5-го числа, когда Адъютанты Маршала Лефевра намѣрены были переѣхать въ Петровскій дворецъ, просилъ я о защитѣ сего заведенія, на что они отозвались, что мнѣ непремѣнно должно явиться къ самому Маршалу, и если намѣренъ сіе сдѣлать, вмѣстѣ съ ними туда могу отправиться; но въ самое время выѣзду обоза со двора вбѣжало изъ Поляковъ шесть человѣкъ въ хлѣбенную, изъ коихъ одинъ съ ножемъ кинулся на ключника, а другой, имѣвшій въ рукавахъ десять патроновъ, съ порохомъ, началъ было зажигать строеніе; на шумъ, отъ того во всемъ домѣ происшедшій, взялъ я одного изъ гренадеровъ, который, догнавъ сего зажигателя, однимъ ударомъ опрокинулъ его на землю, отобралъ бывшіе при немъ патроны и, связавъ руки назадъ, повелъ съ обозомъ въ лагерь, куда я съ Докторомъ пошли вмѣстѣ. По прибытіи въ Петровское, въ квартиру Маршала Лефевра,

сказано намъ было чрезъ его Адъютанта, чтобъ мы именемъ его явились къ Оберъ-Гофмаршалу, Дюроку, имѣвшему жительство въ Петровскомъ дворцѣ, до котораго гвардейскимъ гренадеромъ и были провожаемы и дожидались его до 11-ти часовъ вечера. Наконецъ онъ, выщедши, спросилъ, кто мы и чего хотимъ, а на просьбу, чтобъ дать намъ для больницы защиту, презрительно отвѣчалъ, что до него сіе не принадлежитъ, приказавъ намъ немедленно выйти, а часовымъ подтвердилъ болѣе насъ къ нему не допускать, послѣ чего и должны были одни черезъ весь лагерь, безъ провожатаго, дойти до квартиры Маршала Лефевра. Онъ принялъ насъ благосклоннѣе и, по выслушаніи представленія о предохраненіи больницы, приказалъ Адъютанту, чтобъ при немъ же написалъ отъ него письмо къ Маршалу Мортье, Дюку Тревизскому, и когда тотъ занялся писать, онъ, оборотясь ко мнѣ, говорилъ, что онъ удивляется, что при всѣхъ стараніяхъ его и накадываніи зажигателей города разстрѣливаніемъ, не можетъ онъ пресѣчь продолжать далѣе сіи пагубныя дѣйствія, упомянувъ при томъ, что приведенный при обозѣ его Полякъ, въ зажиганіи больницы пойманный, по приказанію его завтра же разстрѣлянъ будетъ; потомъ, подписавъ письмо, отдалъ и пошелъ отъ насъ. Мы, опасаясь ночью возвратиться въ городъ, ночевали при обозѣ его на полѣ, и по утру на другой день пошли къ Маршалу Мортье, котораго въ городѣ еще не было, а возвратясь въ больницу, нашли его Адъютанта Пиньятелли: онъ, принявъ письмо, взялся доставить самъ къ Маршалу, и оставилъ изъ бывшаго гвардейскаго караула капрала и семь рядовыхъ, безсмѣнно цѣлый мѣсяцъ находившихся.

Съ 8-го Сентября больница начала замѣщаться раненными Французскими офицерами, числомъ 23, сперва положенными, а потомъ и 71 человѣкомъ рядовыхъ; сіи послѣдніе находились не болѣе недѣли; ибо, по осмотрѣ пріѣхавшаго главнаго по Медицинской части Барона Ларре, а послѣ Генералъ-Интенданта, Графа Дюмаса, всѣ солдаты были перевезены въ Университетъ для пользованія, какъ и Россійскіе больные приготовлены были къ переводу въ Екатерининскую гошпиталь, но по представленію моему и просьбѣ къ военному Коммиссару, остались на мѣстѣ. Назначеніе пріема впредь послѣдовало однихъ только офицеровъ, коихъ

въ продолженіи недѣли и помѣщено до 120 человѣкъ, въ числѣ которыхъ положенъ былъ и раненый въ правую ногу контузіей, попавшійся къ нимъ въ плѣнъ, первой артиллерійской бригады, роты Полковника Глухова, Порутчикъ Гречъ, въ сей больницѣ по вывезеніи Французскихъ больныхъ 22 го прошедшаго мѣсяца отъ послѣдовавшей гнилой горячки умершій. Изъ всѣхъ въ пользованіи бывшихъ Французовъ, съ 8-го Сентября по 10 Октября, умершихъ было одинъ офицеръ и двое рядовыхъ; отправленіе же прочимъ изъ гошпиталя по Смоленской дорогѣ въ Польшу начато первой половины 2-го Октября, а послѣдней при выступленіи Французскаго гарнизона, 10 числа по утру; изъ нихъ остался въ гошпиталѣ одинъ больной, Бранденбургской уроженецъ, Лѣкарь Бартманнъ. Пища на больныхъ выдавалась по назначенію военныхъ коммиссаровъ изъ передовыхъ частей самой худой говядины по фунту и хлѣба, изъ ржаной муки просѣяннаго, столько жь вѣсомъ. Огородной овощъ для варенія супа, какъ то: картофель, рѣпа и морковь, собирался служащими въ больницѣ рабочими людьми по сосѣднимъ огородамъ; питье оныхъ состояло изъ одного декокта, а съ 23 Сентября до выходу ихъ отпускалось на каждаго по полубутылкѣ виноградnаго вина. Неудовольствія больныхъ полученіемъ худаго содержанія, къ начальству ихъ доходившія, всегда принимаемы были безъ вниманія и съ одинаковымъ отвѣтомъ, что лучшаго имѣть не возможно и имъ должно быть симъ довольными. Россійскіе больные имѣли супъ изъ картофеля съ снятками и по два фунта ржанаго хлѣба, нами имъ удѣляемаго. Съ 12 жь Октября мѣсяца порція начала производиться по прежнему изъ покупной вольными цѣнами провизіи, которая, по выступленіи непріятеля, для жителей съ того числа изъ ближайшихъ деревень, а потомъ изъ городовъ, въ продажу привозится; медикаментовъ въ остаткѣ, за большимъ оныхъ употребленіемъ, можетъ служить на 50 человѣкъ до Генваря мѣсяца съ малымъ прибавленіемъ. Недостатокъ дровъ, излишнею топкою покоевъ употребленныхъ и въ разныя мѣста по бивакамъ растасканныхъ, можетъ дополненъ быть, по наступившему зимнему времени, нужнымъ оныхъ заготовленіемъ, а съѣстные припасы поставщиками до Генваря условленными цѣнами доставляться имѣютъ.

За бывшими при больницѣ Французскими Медицинскими чинами и Аптекарями, Докторъ, Аптекарь и Надзирательница были упо-

треблены по ихъ должностямъ безотлучно, и еще сверхъ того находился Directeur surveillant, записывавшій входящихъ и выздоравливающихъ больныхъ. Внутренность же управленія домомъ, довольствованіемъ нищею и употребленіемъ при больницѣ служителей, предоставлено было мнѣ. Нечистота, безпорядокъ и своевольство, больнымъ офицерамъ позволенныя, заставили переносить много безпокойства; при чемъ нужно было скрыть терпимое нами состояніе, дабы предохранить благодѣтельное сіе заведеніе отъ угрожавшей ему опасности; ибо до выхода гарнизона 10 Октября сами Французы насъ предваряли, что все, оставшее въ городѣ, предастся истребленію, но по поспѣшному ихъ выступленію, а болѣе милосердіемъ Всевышняго, отъ онаго спасено.

Больничной каменной корпусъ, церковь съ утварью, въ которой ни одного Француза за порогомъ нога не была, и денежная сумма, находятся въ сохранности; но больничное деревянное строеніе, дома, сараи и прочее, гдѣ множество людей располагались постоемъ, во многомъ повреждены и заборы стоявшими солдатами на раскладываніе огней разломаны. Также посудѣ, бѣлью и другимъ вещамъ, увезеннымъ съ больными непріятелемъ, представляю у сего Вѣдомость.

Третьягонадесять Октября приглашеннымъ изъ Даниллова монастыря Священникомъ совершена литургія и принесено было съ колѣнопреклоненіемъ благодареніе Богу, спасшему сей домъ и избавившему насъ отъ врага, погибелью всему угрожавшаго.

Прилежное исправленіе должностей Доктора, Аптекаря и Надзирательницы, имѣвшихъ крайнее по дому наблюденіе и порядокъ и сохранившихъ оной отъ многихъ опасностей, я истинною обязанностью поставляю и беру смѣлость покорнѣйше просить Вашего Высокопревосходительства принять ихъ въ высокое покровительство и милостивое вниманіе.

По начавшемуся нынѣ ходу почты, по Павловской больницѣ о приходѣ и расходѣ за Августъ, Сентябрь и Октябрь три Вѣдомости, для полученія изъ Московскаго Воспитательнаго Дома на содержаніе больницы слѣдующихъ съ вѣчнаго капитала 833 рублей 33¼ коп. процентовъ, отношеніе въ Опекунской Совѣтъ, и съ послѣдовавшихъ въ отсутствіе Вашего Высокопревосходитель-

ства ко мнѣ двухъ Высочайшихъ повелѣній копіи, при семъ подношу. Испрашивая повелѣнія, когда штатное Казначейство въ Москву не возвратится и денегъ въ отпускъ на Сентябрскую треть отъ онаго принадлежащихъ до шести тысячъ больница имѣть не будетъ, то въ заготовленіи дровъ и въ уплатѣ третной поставщикамъ послѣдуетъ остановка, въ каковомъ случаѣ не соизволите ли приказать заимствоваться отъ Его Превосходительства, Ивана Акинфіевича Тутолмина, на счетъ имѣющейся въ Сохранной казнѣ экономической больничной суммы, въ разрѣшеніе чего и прошу покорнѣйше Вашего Высокопревосходительства предписанія.

Смотритель Павелъ Носковъ.

№ 32-й.
Ноября 13 дня, 1812 г.
Москва.

ВѢДОМОСТЬ

ПРОПАВШИМЪ И ЗАБРАННЫМЪ ИЗЪ ПАВЛОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ, ВО ВРЕМЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ И СОЛДАТЪ, ТЮФЯКАМЪ, БѢЛЬЮ И ПРОЧЕМУ, КАКЪ И УТРАЧЕННОЙ ПРИ ГРАБЕЖѢ ПЕРВЫМИ ДНЯМИ ОЛОВЯННОЙ И МѢДНОЙ ПОСУДѢ.

Ноября 13 дня, 1812 года.

При перевозкѣ изъ больницы солдатъ въ учрежденную при Университетѣ госпиталь оными взятыхъ, по повелѣнію начальства.

Рубахъ	65	—
Косынокъ	21	—
Платковъ носовыхъ	14	—
Халатовъ затрапезныхъ	12	—
Плотенецъ	45	—
Туфель	40	паръ

При вывозѣ офицеровъ больныхъ, къ отправленію въ Польшу назначенныхъ, подъ оныхъ на повозки взятыхъ:

Тюфяковъ верхнихъ тиковыхъ		53	—
Простынь		53	—
Подушекъ	большихъ	30	—
	малыхъ	20	—
На оныя наволокъ		50	—
Бумажныхъ одѣялъ		31	—
Одѣялъ	стеганыхъ набойчатыхъ зимнихъ	15	—
	лѣтнихъ	5	—
Полотенецъ отъ рукомойниковъ		8	—

Для перевязыванія ранъ на ветошки и корпію, требованнаго Французскими медицинскими чинами бѣлья и выданнаго изъ ветхаго:

Женскихъ рубахъ	58 —
Простынь	10 —

УНЕСЕННОЙ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ПОСУДЫ.

Оловянной:

Декоктныхъ кувшиновъ		2 —
Кружекъ		3 —
Стакановъ		19 —
Тарелокъ		21 —
Ложекъ		29 —
Блюдъ		3 —
Урыльниковъ		3 —
Суповыхъ чашекъ	съ крышками	12 —
	безъ крышекъ	8 —

Мѣдной посуды:

Кострюль	2 —
Ведро	1 —
Четверть ведра	1 —
Шандаловъ	7 —

ПИСЬМА.

1.

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Съ открывшимся чрезъ почту въ Петербургъ сообщеніемъ, по содержанію всепокорнѣйшаго моего къ Вашему Высокопревосходительству отношенія, представилъ я 31-го Октября, къ Его Превосходительству Григорію Ивановичу Вилламову, мое донесеніе, къ чему могу присовокупить только, что больница единымъ Провидѣніемъ Божіимъ спасена, какъ и находившіеся въ оной насильственной и голодной смерти избавлены. Нужно было быть здѣсь, чтобъ чувствовать всю силу жестокости, вообще надъ всѣми производимую, и вообразить себѣ признаваемый другими просвѣщеннымъ народомъ, одному неистовому грабительству, насильству и корыстолюбію предавшійся, безъ закона и совѣсти, могли ли имѣть какое либо къ угнѣтеннымъ ими жителямъ сожалѣніе? Они, въ продолженіи шестинедѣльнаго здѣсь пребыванія, выискивали и усугубляли мученія; ни возрастъ, ни полъ ими пощажены не были; присоедините къ тому еще, со дня вступленія ихъ въ городъ, начавшіеся пожары, которые день ото дня, при сильныхъ вѣтрахъ, увеличивались, и на третій уже день Москва представлялась вся огнемъ объятою. Въ продолженіи двухъ недѣль невозможно было различить дня съ ночью, выключая, что послѣдняя заревомъ и видимымъ болѣе пламенемъ ужаснѣе казалась. Изъ пятнадцати тысячъ домовъ осталось три тысячи, но и послѣдніе до одного разграблены; рѣдкій Божій

храмъ остался въ цѣлости отъ пожара, но утварь похищена, образа и иконостасы расколоты, а другіе находились и подъ конюшнями. Не можно чувствовать почти никому собственной потери, взглянувъ на общее несчастіе; хотя я и лишился въ маломъ моемъ имуществѣ всего, но съ признательностію въ сердцѣ благодарю Всевышняго, что для семьи моей живъ еще остался; ибо въ продолженіи всего времени, кромѣ чтобъ оная сохранена была, и въ мысль ничего не приходило. Благодаренъ Г. Доктору Даму, который во всѣхъ опасныхъ случаяхъ былъ со мною всегда вмѣстѣ и способствовалъ своимъ радѣніемъ спасти сіе благотворительное заведеніе.

Домъ Князь Алексѣя Борисовича (Куракина) не сгорѣлъ, но отъ взрыву въ Кремлѣ подкоповъ всѣ рамы въ окнахъ повреждены и стекла повыбиты; остававшіяся въ домѣ вина и нѣкоторыя вещи разграблены, а другія переломаны; изъ перевезенныхъ же мною въ Воспитательный Домъ, въ кладовую, нѣсколько изъ мѣдной посуды Французами увезено, а прочее находится въ сбереженіи. Всѣ бывшіе въ домѣ вашемъ люди, иные до вступленія въ Москву Французовъ, а другіе въ бытность ихъ здѣсь еще, по претерпѣніи крайнихъ нуждъ и недостатку въ пропитаніи, просились у меня по деревнямъ и отпущены въ Коломенскую и Рязанскую; но Дмитрій Сергѣевъ находился все время сіе здѣсь, которому я и приказалъ разбросанное и поломанное прибрать; онъ особенною своею приверженностію къ дому вашему почесться можетъ добрымъ и честнымъ человѣкомъ; ибо при всемъ, своемъ болѣзненномъ состояніи, крайне заботливъ и рачителенъ.

Въ стѣсненномъ моемъ положеніи и недостаткѣ въ кормѣ птицъ, порученныхъ мнѣ, не могъ я сберечь, и изъ сожалѣнія къ нимъ, дабы общіе изверги не сдѣлали и имъ какого вреда, выпустилъ на волю.

При больницѣ служащіе вели себя благопристойно, кромѣ двухъ Канцеляристовъ, Фефилова и Невѣжина, ежедневно въ пьянствѣ находившихся, и Фельдшеровъ, старшаго Бабкова, и младшаго Быкова, ни малѣйшаго повиновенія по своей части не имѣвшихъ и послѣ совсѣмъ отъ больницы отлучившихся. Гнусная невоздержность первыхъ и нетерпимые другихъ по службѣ поступки,

побуждаютъ меня безпокоить Вашего Высокопревосходительства къ поправленію ихъ употребить строгія мѣры и позволить, какъ людей не малаго по своимъ должностямъ не имѣющихъ вниманія и худымъ поведеніемъ разстроивающихъ порядокъ, по увольненіи ихъ, замѣстить людьми, могущими заниматься опредѣленнымъ имъ дѣломъ.

Въ полномъ усердіи желая, чтобъ Богъ сохранилъ здоровье и спокойствіе Вашего Высокопревосходительства, я, съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія и совершеннѣйшей преданности, симъ называться,

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій и преверженнѣйшій слуга,

Павелъ Носковъ.

Москва,
Отъ 13-го Ноября,
1812 года.

2.

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Отъ 13-го сего мѣсяца имѣлъ я честь Вашему Высокопревосходительству доносить чрезъ почту о всемъ, по Павловской больницѣ происшедшемъ, и по содержанію сего отношенія, 17-го нынѣшняго мѣсяца, удостоился я получить отъ Его Превосходительства, Григорія Ивановича Вилламова, изъ Петербурга, Высочайшимъ повелѣніемъ изъявленное благоволеніе, въ подносимой здѣсь копіи значущееся. Въ разсужденіи же починокъ въ домахъ служащихъ, сараяхъ, анбарахъ и заборахъ находящихся, препоручено Архитектору Жирарди во всѣхъ заведеніяхъ сдѣлать опись и представить Государынѣ Императрицѣ, который, чаятельно, на сихъ дняхъ въ Петербургъ съ требуемыми объясненіями и отправится.

Иванъ Акинфіевичъ отъ прошедшаго безпокойства и трудовъ занемогъ и пятой день не встаетъ съ постели. Докторъ Дамъ съ недѣлю также захворалъ и находится въ сомнительномъ положеніи; исправляющій нынѣ должность по больницѣ одинъ Штабъ-лѣкарь Васьяновъ, ибо другой два мѣсяца по болѣзни своей не выходитъ изъ дому. Зима еще здѣсь не установилась, и сырая погода продолжается: по нечистотѣ въ городѣ опасно весьма, чтобъ жестокія сіи болѣзни не умножились.

О деньгахъ, оставленныхъ для содержанія Вашего Высокопревосходительства людей, включаю здѣсь расходъ, чтобъ не пересылать имѣющихся у меня 143 рублей 50 копѣекъ, какъ и слѣдующаго Штабъ-лѣкарю Охерналю за Сентябрскую треть жалованья; не благоугодно ли будетъ удержать изъ отпускаемыхъ Опекунскимъ Совѣтомъ съ вѣчнаго капитала процентныхъ 833 рублей 33 ¼ копѣекъ?

Всѣ, бывшія въ домѣ князя Куракина, Вашему Высокопревосходительству принадлежащія, вещи перевезены въ Воспитательный Домъ, а двѣ кареты, внутри коихъ сукно ободрано, и телѣга получены мною подъ сохраненіе.

Жизнь веду я въ одиночествѣ, ибо семья моя, отправленная въ Ярославскую деревню, не возвратилась, и скоро по болѣзни жены моей и худому пути видѣть ихъ не надѣюсь, да и извѣстія, по неустановленію еще почтъ, рѣдкія имѣю.

Беру смѣлость поручить себя въ милостивое Вашего Высокопревосходительства покровительство; при усердіи полнаго здоровья и спокойствія, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію по конецъ дней моихъ буду называться,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшимъ и приверженнѣйшимъ слугою,

Павелъ Носковъ.

Ноября 22 дня,
1812 года.
Москва.

3.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Не могу изъяснить Вашему Высокопревосходительству тѣхъ чувствъ благодарности, коими я, за милостивѣйшее соболѣзнованіе и вниманіе къ прошедшей моей участи, въ почтеннѣйшемъ письмѣ отъ 24 Ноября Вами, Милостивый Государь, изображенныя, остаюсь обязаннымъ. Я благодарю Бога, что крѣпость силъ моихъ меня еще не оставила, но нѣсколько времени начинаю и я чувствовать отъ перенесеннаго безпокойства въ моемъ здоровьѣ перемѣну; можетъ быть, продолжавшаяся здѣсь сырая погода, нечистота въ городѣ, суть послѣдствія болѣзней, которыя начинаютъ показываться гнилыми горячками и коими, большею частію, люди въ больницу поступаютъ. Докторъ помаленьку оправляется, но по слабости скоро выходить еще не можетъ. Штабъ-лѣкарь же Язвинъ находится въ одномъ положеніи. Я всячески стараюсь очищать больницу и сдѣлать легкія поправки въ домахъ служащихъ, дабы сколько ни будь въ зимнее время къ житью приспособить, ибо рамы въ окнахъ выломаны, зимнія окончины сожжены, и стеколъ въ лѣтнихъ много перебито. Рабочихъ здѣсь недостаточно, и тѣ, по нуждѣ въ нихъ всякому, отвлекаются, такъ что въ двѣ недѣли едва ли котораго пригласить можно; притомъ же, отъ погорѣнія заготовленнаго здѣсь лѣсу и другихъ матеріяловъ, цѣны, кромѣ рабочими требуемой, на все вздорожали. Сколько ни имѣю заботы о заготовленіи дровъ, не могу сыскать охотниковъ ставить оныя; ибо вощиковъ, которые были всегда изъ Можайской округи, по разоренію въ томъ краю поселянъ, нынѣ не отыскивается, да и въ окружности Москвы рѣдкіе крестьяне сберегли у себя лошадей.

На сихъ дняхъ прибылъ изъ Петербурга Почетный Опекунъ Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ, и по Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы требовалъ меня къ себѣ для разныхъ о состояніи больницы вопросовъ, 30-го же Ноября

посѣщалъ оную самъ, приказывая, чтобъ стараться воздухъ очищать кислотворными средствами. Александръ Петровичъ Нечаевъ тѣ жь имѣлъ препорученія; онъ собирается ѣхать въ Петербургъ, и Архитекторъ Жираради, 1-го сего мѣсяца у меня бывшій, дѣлалъ опись всему поврежденному строенію и заборамъ, съ каковою, какъ и о другихъ заведеніяхъ, въ концѣ недѣли сей отправится туда же.

О домѣ Князя Алексѣя Борисовича Куракина, который нанимали уже подъ Англійскій Клубъ въ годъ за пять тысячъ рублей, слышалъ я отъ управителя, что Князь, имѣя намѣреніе быть самъ въ Москвѣ, кромѣ желающихъ жить помѣсячно, въ годы отдавать въ наемъ не приказывалъ, почему съ сей стороны Ваше Высокопревосходительство и извольте быть спокойны. Подробнѣйшее донесеніе объ оставленныхъ здѣсь вещахъ, отправившіеся 22-го Ноября въ Казань люди Вашего Высокопревосходительства. Дмитрій Сергѣевъ, Яковъ Еремѣевъ и Александръ Розберковъ, могутъ представить имѣющимися у нихъ вѣдомостьми, куда что подъ сохраненіе отдано.

Вдова Штабъ-лѣкаря Охерналь, получающая изъ собственной казны, Всемилостивѣйше Ея Величествомъ ей пожалуемой по 200 рублей пансіонъ, находясь нынѣ, по лишенію ея непріятелемъ послѣдняго имущества, въ крайнемъ положеніи, просила меня, чтобъ ходатайствовать объ ономъ, какъ единомъ средствѣ, остающемся къ ея пропитанію, и я, узнавъ нынѣ отъ тещи Ильи Богдановича Охерналя, въ Москву 29 Ноября пріѣхавшей, что оной къ Вашему Высокопревосходительству доставленъ, осмѣливаюсь о присылкѣ ей онаго безпокоить покорнѣйшею просьбою.

Изъ служащихъ здѣсь чиновниковъ женъ и дѣтей ни у кого не оставалось, кромѣ Аптекаря Крона жены, двухъ сестеръ ея и Штабъ-лѣкаря Жамбеля племянницы, дѣвицы Сюзаніусъ, которымъ ни какого оскорбленія въ бытность непріятеля не послѣдовало.

Семейство мое 24-го Ноября изъ Углицкой моей деревни возвратилось, коимъ я теперь весьма и обрадованъ.

Отъ 31 Августа, изъ Рязани, почтеннѣйшаго письма Вашего Высокопревосходительства я прежде не получалъ, но нынѣ ору-

чено мнѣ оное пріѣхавшимъ изъ Казани Г-мъ Оливье, чрезъ котораго и всѣ сіи бумаги получить изволите.

Благорасположеніе и покровительство во всѣхъ случаяхъ и послѣдне сдѣланное милостивое отношеніе побуждаютъ чувствовать въ полной мѣрѣ благодѣяніе ко мнѣ Вашего Высокопревосходительства, и я, въ признательности души моей, сохраню по конецъ дней моихъ совершеннѣйшую благодарность и глубочайшее высокопочитаніе, съ коими и беру смѣлость называться,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга,

Павелъ Носковъ.

Москва.
Декабря 4 дня,
1812 года.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА

О

КОЛЛЕГІЯЛЬНОМЪ И МИНИСТЕРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ ВЪ РОССІИ,

ОТПРАВЛЕННОЕ ПРИ ПИСЬМѢ

КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

1827 года, Іюня 1-го дня.

Россія, со времени образованія ея Петромъ Великимъ, около столѣтія, управляема была Коллегіями.

Но когда предѣлы сего Царства получили обширнѣйшее пространство, и когда народъ Россійскій вошелъ въ новыя нужды и достигъ той степени просвѣщенія, при которыхъ Коллегіяльное управленіе признано было останавливающимъ дальнѣйшіе успѣхи его усовершенствованій, необходимо нужныя, какъ для общаго благосостоянія, такъ и для частныхъ соотношеній и пользъ, то блаженной памяти Императоръ Александръ I-й, изъ отеческаго желанія поставить Царство свое на высшую степень благоденствія, уничтожилъ Коллегіи и учредилъ Министерства, дозволивъ имъ отступать отъ законовъ, но только отвѣчать за послѣдствія. Съ тѣхъ поръ въ правленіи Россіи не всегда слѣдовали законамъ, а большею частію оно стало производиться по Министерскимъ мнѣніямъ, кои Государь Императоръ утверждаетъ, и мнѣнія часто замѣняли законы.

Сколько ни уважительна была для таковой перемѣны причина, и сколь, по видимому, ни полезнымъ казалось учрежденіе

Министерствъ, но уничтоженіе власти, исполняющей свято законы, и замѣщеніе оной другою, ни чѣмъ не ограниченною и свободною, по умозаключеніямъ своимъ дѣйствующею, могло содѣлать управленіе Россіи нетвердымъ, часто измѣняемымъ, часто произвольнымъ, всегда зависящимъ отъ умственныхъ способностей и душевныхъ качествъ правителей. Но Сюллін, Кольберты и Питты рѣдко являются, а по тому не всегда можно одному лицу, безъ нѣкоего опасенія, предоставлять право отклоняться отъ законовъ и измѣнять оные.

Отъ ослабленія же силы законовъ и постояннаго ихъ дѣйствія послѣдовали въ Государственномъ благоустройствѣ многія неудобства.

Сіи неудобства еще болѣе начали возникать, когда Министры успѣли отклонить отъ себя возложенную на нихъ учрежденіемъ, по личнымъ ихъ въ управленіи дѣяніямъ, отвѣтственность. Она единая могла воздержать самовластіе, остеречь въ предпріятіяхъ, остановить самонадѣянность, оградить права личныя и до собственности относящіяся подвластныхъ имъ людей, и увеличить ихъ заботливость и доставленіе каждому и всѣмъ вообще высшей степени благосостоянія.

Но Министры, дабы выйти изъ таковой отвѣтственности, которая могла быть для нихъ тягостною, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи Комитета Министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а наконецъ всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ прочихъ Министровъ и утверждено Высочайшею властію, до нихъ лично коснуться не можетъ.

Сему самому начали слѣдовать и всѣ подчиненныя имъ лица и мѣста, такимъ образомъ, что ни одинъ чиновникъ и ни какое Присутственное Мѣсто, не могутъ быть законно преслѣдуемы.

Директоры же, правители главныхъ частей Государственнаго состава, содѣлались безмолвными исполнителями воли Министровъ

и равно безотвѣтными по ихъ управленію. Они хотя должествовали бы быть присными совѣтниками начальниковъ своихъ, но осмѣлиться на сіе не могутъ, будучи во всегдашнемъ опасеніи встрѣтить противное ихъ мнѣнію и чтобы откровенностію своею не огорчить того, коему совершенно предана судьба ихъ, а съ оною и личное ихъ благосостояніе.

Въ такомъ положеніи Правительства, не токмо не могъ ускориться ходъ дѣлъ, но каждое дѣйствіе встрѣтило новое препинаніе, и предполагаемая поспѣшность въ исполненіяхъ замѣнилась сочиненіемъ бумагъ. Они размножились повсемѣстно до безконечности, и дѣло, которое могло бы, при твердомъ соблюденіи положительныхъ законовъ, разрѣшиться Капитанъ-Исправникомъ, или Городничимъ, проходитъ по разнымъ высшимъ инстанціямъ, и оставляется безъ исполненія продолжительное время; а когда получается разрѣшеніе, то нерѣдко бываетъ, что оно не согласно съ случаемъ и неудобоисполнительно по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Сколь ни велики, съ учрежденія Министерскаго управленія, оказывались разстройства по разнымъ Государственнымъ частямъ, правосудіе найболѣе потерпѣло, и сему причиною бывало то, что измѣнился коренной судебный порядокъ, и въ Комитетъ Министровъ начали входить дѣла тяжебныя, кои, по свойству своему, должны необходимо подлежать разсмотрѣнію и разрѣшенію однихъ судебныхъ мѣстъ. Комитетъ Министровъ, составляя власть исполнительную, не можетъ ни какихъ тяжбъ разсматривать съ подробностію, заниматься судебнымъ долголѣтнимъ производствомъ, отдѣлять побочныя обстоятельства отъ самаго существа дѣла и безошибочно, въ сложной и часто хитро затѣянной тяжбѣ, увидѣть правду и, сообразно съ оною и приличными законами, основать мнѣніе свое.

Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство Правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ Государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство Правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣй-

шимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ ни какого между собою смѣшенія.

Между Европейскими Державами почитается худшимъ правленіе Турецкое, по тому что тамъ не судья судитъ, но Паша. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжебныя о собственности и казнитъ виновныхъ, не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу.

Таковое нераздѣленіе властей въ Турецкомъ Правительствѣ содѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворились дикость, уныніе и нищета. Нынѣ въ Аѳинахъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ Дервиши и бѣснуются юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ Царствъ земныхъ.

Но дабы согласить пользы, могущія проистекать отъ умозрѣнія правителей, одаренныхъ превосходными способностями и движимыхъ рвеніемъ къ благу отечественному (что было въ виду при учрежденіи Министерства), съ единообразнымъ и твердымъ исполненіемъ законовъ, доколѣ они верховною властію не измѣнятся, или не уничтожатся, то не безполезно было бы оставить Министерское Управленіе съ возстановленіемъ Коллегій на слѣдующемъ основаніи:

Коллегіи управляютъ по существующимъ законамъ.

Министръ представляетъ Государю Императору доклады отъ Коллегіи, излагая при оныхъ свое мнѣніе, когда находитъ что ни будь, или полезнымъ къ отмѣнѣ, или потребнымъ къ усовершенствованію.

Всѣ дѣла приводятся въ исполненіе Указами отъ Коллегіи.

Рѣшенія Коллегіи сообщаются Министру прежде исполненія оныхъ.

Министръ присутствуетъ въ Коллегіи, когда усматриваетъ въ томъ надобность.

Журналовъ онъ не подписываетъ, но предоставляетъ оныя исполнять, когда соглашается съ рѣшеніемъ Коллегіи.

Противъ статей, по коимъ Министръ могъ бы быть не согласенъ съ рѣшеніемъ Коллегіи, отмѣчаетъ, дабы дѣла по онымъ передоложены были, когда онъ будетъ въ засѣданіи Коллегіи.

Въ Китаѣ, по каждой части Государственнаго управленія, находится два Министра: одинъ дѣйствующій, а другой умствующій. Изъ нихъ первый занимается текущими дѣлами, а другой— обозрѣніями, для удержанія въ благосостояніи ввѣренной ему части, и заботится объ усовершенствованіи оной.

Императрица Екатерина II, кажется, имѣла подобную мысль, при учрежденіи Попечителя или Директора при каждой Коллегіи.

На Графа Васильева возложена была таковая обязанность при Медицинской Коллегіи.

Для легчайшаго разрѣшенія вопроса о превосходствѣ между Коллегіяльнымъ и Министерскимъ управленіями можетъ послужить руководствомъ мнѣніе Петра Великаго, означенное въ Духовномъ Государя сего Регламентѣ.

Въ ономъ мудрый Монархъ провозглашаетъ за лучшее и превосходнѣйшее соборное правленіе, доказывая слѣдующими разсужденіями:

«Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе неугодно есть и лучше бы единому лицу правити. Предлагаются здѣ важныя вины, которыя показуютъ, что сіе правленіе соборное совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же въ Государствѣ Монархическомъ, яковое есть наше Россійское.

1. Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ. Древнее пословіе есть Греческое: Другіе помыслы мудрѣйшіе суть паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ паче единаго. Случается, что въ нѣкоей трудности

усмотритъ тое человѣкъ простый, чего не усмотритъ книжный и остроумный. Въ соборномъ правительствѣ, гдѣ предложенную нужду разбираютъ умы многіе, что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ Се тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и каковаго требуетъ опредѣленія, не трудно покажется.

2. А яко извѣстнѣе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть; понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный Указъ.

3. Еще же и се важное есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію. А когда въ живыхъ не станетъ его, то паче пресѣцаются дѣла. Инако въ правленіи соборномъ: не присутствующу единому, еще бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другія, и дѣло идетъ непресѣкомымъ теченіемъ.

4. Но се наипаче полезно, что въ Коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду. Како бо могутъ сложитися въ заступленіи винной, или во осужденіи невинной, стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ, или яростенъ, обаче другій и третій и прочіе отъ гнѣва и пристрастія того свободны. Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится и единъ другаго (аще благословной мнѣнія своего вины не покажетъ) зазорится, да не познанъ будетъ въ мздопріимствѣ своемъ. Се же наипаче, егда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ согласитися, сіе есть, аще будутъ лица разнаго чина и званія.

5. И се тому жъ подобно, что Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, яко же единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины пріискивать на многихъ, а еще разностатейныхъ, особъ, не тако удобно есть, яко на единого человѣка.

6. Наконецъ въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія; ибо отъ сообщенія многихъ различныхъ сужденій, и совѣтовъ и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частныя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ научиться и повседневнымъ искуствомъ навыкнути, какъ бы лучше управить возмогъ.»

Такъ мыслилъ и убѣждалъ Петръ Первый. Онъ изложилъ въ Уставѣ семъ не единую самодержавную волю свою, но укрѣпилъ оную пользою Государства, проистекающею отъ превосходства совѣщательнаго сужденія. За таковыми изреченіями мудростію прославившагося Царя и устроителя Россіи, ничего уже сильнѣе къ разрѣшенію предлагаемаго предмета сказать не возможно.

Но какъ прошло уже болѣе столѣтія отъ образованія чиноначалій въ Россіи, и многія дѣйствительно послѣдовали перемѣны въ степени просвѣщенія и нуждахъ Россійскаго народа, то, при таковомъ уже состояніи, ближайшимъ было бы средствомъ, для благоденствія его, соединить вмѣстѣ оба рода правленія: одно, которое бы исполняло въ точности законы, а другое, которое бы, при усмотрѣніи въ оныхъ недостатка, заботилось о потребномъ ихъ дополненіи и усовершенствованіи.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОЛОСЪ РУССКАГО.

(Въ 1848 году).

Со временъ историческихъ возмущенія и перевороты разнаго рода возникали безпрерывно тутъ и тамъ, въ различныхъ точкахъ населеннаго людьми материка, но, какъ явленія частныя, основанныя на мѣстныхъ причинахъ, они представляли болѣе или менѣе ограниченный кругъ дѣйствія и мѣстное, а при томъ и преходящее, вліяніе.

Событія, до которыхъ внезапно и неожиданно дожило наше поколѣніе, и коихъ за нѣсколько дней до совершенія ихъ не могъ предугадать ни одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и опытныхъ умовъ человѣческихъ, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣчто вовсе исключительное: общность переворотовъ сихъ должна поразить и поставить въ недоумѣніе всякаго. Въ глазахъ нашихъ совершился переломъ, какому не было подобнаго въ историческія времена: въ двѣ, или три, недѣли вся Европа перевернута была вверхъ дномъ; и чѣмъ бы все это ни разрѣшилось, повторяемъ, никогда еще историческій міръ не былъ свидѣтелемъ подобныхъ событій.

Въ переворотахъ этѣхъ поражаетъ насъ: 1) общность и повсемѣстность ихъ; 2) неизъяснимое и небывалое единодушіе народовъ, а въ слѣдствіе того 3) внезапность и сокрушительная сила движеній; 4) отсутствіе всякой личности, которая повсюду теряется въ общности стремленій.

Смиряясь предъ непостижимостію Промысла на счетъ будущности, пытливый умъ человѣка стремится, однако же, невольно къ разгадкѣ настоящаго, обращаясь къ прошедшему. Архимедовъ

рычагъ, покачнувшій нынѣ міръ на оси его, явнымъ образомъ покоится на двойственной точкѣ опоры: одна, это требованія духа человѣческаго, другая—нужды плотскія; народъ въ обширномъ смыслѣ, т. е., всѣ сословія, хотятъ простора и свободы духа; а собственно народъ, чернь, хочетъ хлѣба.

Обратимся же теперь сами на себя, или къ себѣ. Что именно произвели перевороты этѣ въ Россіи? Чѣмъ они сказались въ ней, или какъ отразились? Чего ей ожидать и что остается дѣлать теперь по чувству самохраненія?

Рычагъ, который встряхнулъ остальной міръ, не могъ и не можетъ теперь покачнуть Россіи, по тому что у насъ нѣтъ для него той опорной точки, которой требовалъ Архимедъ и которая въ наше время нашлась для всѣхъ почти земель, кромѣ нашего отечества. Общество, которое чувствуетъ истинную потребность въ свободѣ духовной, у насъ очень не велико, а бездомныхъ бобылей, которые живутъ, какъ говорится, изъ кулака въ ротъ, у насъ нѣтъ, или сравнительно съ прочимъ населеніемъ число ихъ ничтожно. Изъ этого слѣдуетъ неоспоримо, что намъ вовсе не угрожаетъ то, что уже свершилось надъ другими, по крайней мѣрѣ, не угрожаетъ на основаніи тѣхъ причинъ, которыя произвели перевороты этѣ въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, однако же, отрицать нельзя, чтобы событія, о коихъ мы говоримъ, не произвели у насъ какого-то тревожнаго волненія умовъ, которое невольно сказывается тутъ и тамъ неопредѣлительнымъ безпокойствомъ и какими-то темными опасеніями. Какая жъ тому причина, и что это доказываетъ?

Скажемъ напередъ всего, что умственное волненіе и безпокойство это у насъ вышли не изъ среды народа, ни даже изъ большинства населенія: они только на немъ отразились, или, вѣрнѣе сказать, возбуждены въ немъ случайными и весьма неумѣстными обстоятельствами, чуждыми нашего быта. Высшее сословіе наше, которое, и въ добромъ и худомъ смыслѣ, почти уравняло себя, скороспѣлкой, съ высшими сословіями остальной Европы; это сословіе мало и худо знаетъ Россію, ея положеніе, силы, болѣзни, нужды, причуды и потребности: это сословіе, какой бы ни былъ, впрочемъ, политическій образъ мыслей его, невольно

смотритъ на все съ своей, т. е., чуждой намъ, не родной, точки зрѣнія; а какъ это же сословіе занимаетъ и всѣ правительственныя мѣста и должности, то образъ мыслей его неминуемо долженъ былъ отразиться на дѣйствія сего послѣдняго, а отъ него уже перейти на самый народъ.

Итакъ тревожное состояніе это у насъ, наоборотъ, чѣмъ у прочихъ народовъ, появляется напередъ въ высшемъ сословіи: тамъ раждаются толки, предположенія, опасенія и мнимыя мѣры, къ сожалѣнію, весьма рѣдко согласныя съ истиннымъ положеніемъ дѣла; оттуда распространяется волненіе на низшія сословія и отражается опять обратно вверхъ, и при томъ обыкновенно уже въ искаженномъ видѣ.

Такое искуственное возбужденіе неудовольствія и безпокойства, однако же, не менѣе того не можетъ остаться безъ послѣдствій. Если броженіе однажды привито, то оставить и подавить его очень трудно: оно пріурочивается къ той стихіи, въ которой оказывается какая либо воспріимчивость; а гдѣ, при какомъ управленіи, при какомъ состояніи гражданскаго быта, нѣтъ подобныхъ стихій, когда удѣлъ всего человѣчества есть суетность и несовершенство, безпрерывное стремленіе къ недосягаемой, мечтательной цѣли?

Такъ, намъ не угрожаютъ тѣ сѣмена раздора, которыя принесли уже частію плоды свои въ остальной Европѣ, по тому что у насъ и зародышей къ сѣменамъ этѣмъ нѣтъ, и нѣтъ воспріимчивой для нихъ почвы; но у насъ есть свои занозы, явныя, несомнѣнныя язвы; о которыхъ, по непостижимому попущенію Промысла, молчатъ, будто ихъ нѣтъ, или на которыя смотрятъ съ непонятнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. И это опять можно только объяснить однимъ невѣдѣніемъ, отчужденіемъ всего высшаго сословія отъ роднаго быта, ложнымъ взглядомъ на вещи, по такой мѣркѣ, которая на насъ не приходится.

Но ужасный примѣръ у всякаго передъ глазами: не изъ тучи громъ ударилъ, а при ясномъ небѣ, и внезапно, неожиданно для самыхъ дальновидныхъ и опытныхъ людей, совершился переворотъ, передъ коимъ цѣпенѣетъ мысль, коего послѣдствія для насъ нынѣ еще такие непостижимы и неизвѣстны, какъ

было и самое событіе, до совершенія его. Мы напоминаемъ объ этомъ не въ видѣ какой ни будь наглой и безсмысленной угрозы, но какъ о спасительномъ примѣрѣ, коимъ могутъ воспользоваться тѣ счастливые народы, которымъ Провидѣніе дозволило быть не дѣйствующими лицами, а только зрителями настоящихъ событій.

На дняхъ пріѣзжій крестьянинъ Тверской Губерніи, мужикъ вовсе неглупый и спокойный, благовидной наружности, спросилъ: «А что, баринъ, правда ли, слышно Французъ опять бунтуетъ?»—«Правда».—«Такъ что же, идетъ онъ, что ли, на насъ, или бунтуетъ промежъ себя?»—«Покуда еще только промежъ себя; чай на насъ ити онъ не посмѣетъ.»—«Такъ что же, баринъ, по нашему разуму, и пусть бы себѣ дома обрыкался; не наше дѣло; намъ что до него?» Помолчавъ немного, крестьянинъ вздохнулъ и продолжалъ: «Однако, видно и у нихъ тоже не лучше нашего». —«Какъ такъ?»—«Да какъ же, не отъ добра же это самое дѣло дѣлается».. «Да на что же ты жалуешься, любезный? Что же у насъ худаго?»—«Обиды много, батюшка, жить нельзя; нигдѣ правды нѣтъ; до Бога высоко, до Царя далеко».

Да будетъ же намъ дозволено выговорить безоколичественно и прямо, чего Россіи должно страшиться, что ее угнетаетъ, и въ чемъ состоитъ обида эта, о которой крестьянинъ изъ глубины души вздыхаетъ:

1) Произволъ и неуваженіе къ закону людей сильныхъ, которые совѣсть свою замѣняютъ угодливостію, а попеченіе о благѣ общемъ наружнымъ блескомъ и лоскомъ своихъ дѣйствій. Каждый частный и, по видимому, незначительный случай вопіющаго произвола и несправедливости, разореніе какого ни будь подрядчика изъ крестьянъ, на котораго налагаютъ вовсе болѣе работъ противу условія, каждый подобный случай доводитъ до отчаянія и раздражаетъ сотни и тысячи народа.

2) Такъ называемое бюрократическое направленіе, то есть, правительственное бездѣйствіе, прикрытое буквальнымъ многодѣліемъ, мнимымъ порядкомъ и исправностію на бумагѣ. Мы въ этомъ отношеніи до того поражены бѣдственною слѣпотою, что считаемъ всякое дѣло конченнымъ, если оно написано, записано

и подписано; все, что носитъ гражданскій мундиръ, считаетъ призваніемъ и священнымъ долгомъ своимъ писать бумаги; о томъ, какъ идетъ дѣло, никто не заботится.

3) Общее разстройство полицейскихъ и судебныхъ управленій, по безполезному многописанію, по приверженности къ ничтожной формальности, при свободномъ нарушеніи существующихъ узаконеній, по продажности должностныхъ лицъ и совершенному недостатку довѣренности къ нимъ. Замѣтимъ здѣсь одно: благородные и благомыслящіе люди есть, хотя ихъ и не слишкомъ много, но имъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ служить нельзя. Либо съ волками выть, либо съѣдену быть.

4) Возрастающія съ году на годъ земскія повинности, на примѣръ, удвоились въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, и изможженіе народнаго благосостоянія и нравственности винными откупами. Нынѣ и послѣднія 16-ть Губерній Западной и Южной Руси подпадаютъ этому же бичу и вскорѣ будутъ окончательно высосаны Жидами.

Если благое Правительство наше, не смущаясь пустыми возгласами людей или не знающихъ Россіи, или просто недобросовѣстныхъ, сохранитъ достойное спокойствіе и обратитъ все усиліе свое на искорененіе внутреннихъ злоупотребленій, на устройство Гражданскаго управленія, которое одно только въ нынѣшнее время можетъ обезпечить общественное спокойствіе; если обратитъ все вниманіе на дѣйствительныя нужды народа и облегчитъ участь его тамъ, гдѣ на дѣлѣ оказывается непосильное бремя, падающее на народъ, вовсе не по крайности и необходимости, а отъ одного только неустройства, то не можетъ быть въ томъ никакого сомнѣнія, что Россіи еще долго суждено стоять и процвѣтать, среди мірскихъ превратностей, и что судьба великаго Государства не будетъ въ зависимости отъ переворотовъ такого роду, которые вовсе ея не касаются, по тому что они чужды ея стихіямъ. Но язвы внутреннія настоятельно требуютъ пособія: это святая истина, которую подтвердитъ всякой вѣрный сынъ своего отечества.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

I.

Въ Майской книжкѣ (№ 5-й) «Русскаго Вѣстника» текущаго года, въ обзорѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» за послѣдніе 3 года, составленномъ Г-мъ К. П., сказано, по поводу записки Очевидца: «О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ,» напечатанной въ 1-й книгѣ на этотъ годъ, что «она писана, если не ошибаемся, по Французски и была первоначально напечатана за границей отдѣльною брошюрой» (стр. 406). Бывши недавно за границей (въ Іюнѣ — Сентябрѣ), я нарочно освѣдомлялся, гдѣ только могъ, у книгопродавцевъ Берлина, Лейпцига, Дрездена, Праги, Вѣны и др., не могутъ ли они доставить мнѣ этой брошюры, или же, по крайности, не знаютъ ли, гдѣ, кѣмъ и когда она выпущена и на какомъ языкѣ? Но отъ всѣхъ ихъ получалъ я въ отвѣтъ увѣреніе, что имъ это рѣшительно не извѣстно. Напрасно также обращался я за свѣдѣніями о ней и ко многимъ людямъ міра журнальнаго по ту сторону Русскаго рубежа. Да и изъ Русскихъ, кого ни спрашивалъ я о Французскомъ текстѣ этой записки, никто не въ состояніи былъ удовлетворить моему любопытству, возбужденному упомянутой замѣткой. И то сказать, быть не можетъ, чтобы брошюра эта не попала въ тотъ списокъ разнымъ сочиненіямъ о Россіи, большею частью запретнаго достоинства, напечатанныхъ за границей на Русскомъ и другихъ языкахъ, который изданъ и даромъ предлагается каждому извѣстнымъ Берлинскимъ книгопродавцемъ Беромъ (B. Behr), равно какъ и въ списокъ другаго Берлинскаго книгопродавца, Ашера, не уступающаго въ этомъ случаѣ въ радушіи послѣднему. Впрочемъ, симъ дѣлается вы-

зовъ: пусть скажетъ намъ, кто знаетъ, какъ это дѣло происходило. Безъ сомнѣнія, лучше всякаго могъ бы это разъяснить самъ сочинитель этой, чрезвычайно замѣчательной и въ высшей степени правдивой, записки о событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1861 году: на какомъ языкѣ собственно писалъ онъ ее, по Французски ли, или по Русски, а также и то, была ли она, до появленія своего на страницахъ «Чтеній», гдѣ напечатана отдѣльно?

II.

Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» и въ той же самой статьѣ, въ отвѣтъ на мой подстрочный вопросъ, кѣмъ писана «Записка о Керчи», помѣщенная въ 1-й книгѣ «Чтеній» за этотъ годъ, сказано еще: «Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою сказывается всякому, кто читалъ хотя начало Записокъ Ф. Ф. Вигеля, печатаемыхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» настоящаго года. Нѣтъ сомнѣнія, что интересная Записка о Керчи писана тѣмъ же самимъ Вигелемъ, который именно въ 1827 году занималъ должность Керченскаго Градоначальника и проч.» (стр. 407). Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою сказывается всякому, кто читалъ хотя начало Записокъ Вигеля; но кто не читалъ, не легко было отгадать сочинителя Записки о Керчи. Дѣло въ томъ, что эта послѣдняя отпечатана была еще до появленія Записокъ Филиппа Филипповича, начало коихъ, какъ извѣстно, показалось только въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за этотъ годъ, вышедшей лишь въ концѣ Генваря. Я не считалъ нужнымъ перепечатывать моего подстрочнаго вопроса и послѣ того, какъ уяснилось мнѣ, чьему перу принадлежитъ эта Записка о Керчи; полагая, что онъ вызоветъ кого ни будь на обстоятельное разъясненіе его и, статься можетъ, познакомитъ насъ и съ другими статьями Вигеля, не извѣстными намъ по сю пору, по тому что подъ однѣми изъ нихъ не подписано его имени, подъ другими же стоятъ вымышленныя имена, которыя не всякому понятны. Въ этомъ я и не ошибся. На мой вопросъ откликнулся Н. В. Сушковъ, доставивши мнѣ 1-го Мая свой отвѣтъ, въ которомъ перечислены всѣ, извѣстныя ему, сочиненія Вигеля, что и помѣщено мною во 2-й книгѣ «Чтеній» сего года (Отд. V, стр. 231 — 232). Но и ему не все было извѣстно изъ написаннаго

Вигелемъ: въ томъ же самомъ Мѣ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось объявленіе о «Trois mémoires à propos de la question polonaise in 1831, par le conseillier privé Philippe Viguel. Moscou 1864,» а въ Іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» Г. Щебальскій тиснулъ статью по поводу ихъ, озаглавивъ: «Вигель о Польскомъ вопросѣ» (стр 819 — 832). Вѣроятно, въ послѣдствіи откроется еще кое-что въ этомъ родѣ, такъ какъ Вигель принадлежалъ къ тому разряду людей, которыхъ за живое затрогивалъ всякій современный вопросъ, особливо если онъ касался, прямо, или косвенно, дорогой для него Россіи. Подъ вліяніемъ его онъ не имѣлъ покоя, и до тѣхъ поръ носился съ нимъ, пока не отдѣлывалъ его. И какъ еще отдѣлывалъ! По своему, по Вигелевски! Мнѣ самому не разъ приходилось выслушивать его сужденія о такихъ предметахъ и словесныя, и письменныя. Гдѣ-то теперь послѣднія? Быть не можетъ, чтобы они пропали безслѣдно; уже по тому одному это невѣроятно, что онъ охотно дѣлился ими, позволяя обязательно снимать съ нихъ копіи, а нѣкоторыхъ и самъ даже дарилъ оными.

III.

Въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ», въ книжкѣ за Іюнь мѣсяцъ (№ 6-й), помѣщена статья Г. Ѳеоктистова: «Магницкій. Матеріялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи,» которая продолжена и въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ (Іюльской и Августовской). Приступая къ своему дѣлу, сочинитель говоритъ, что Магницкій теперь забытъ; «въ печати нельзя указать ни на одно произведеніе, гдѣ находилось бы сколько-ни будь обстоятельное упоминаніе объ его дѣятельности.» Только въ сочиненіи Барона Корфа о Сперанскомъ сообщены нѣкоторыя подробности о томъ времени его службы, когда состоялъ онъ при этомъ государственномъ человѣкѣ.» Далѣе Н. А. Поповъ представилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ статьѣ; «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани» (1859 г., томъ XXIII) «краткій очеркъ его управленія Казанскимъ Университетомъ.» «Если присоединить къ этому нѣсколько документовъ,» говоритъ г. Ѳеоктистовъ, обнародованныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 г.), то вотъ, кажется, и все, что было писано о Магницкомъ» (стр. 464 — 465).

На «кажется» позволю себѣ напомнить Г. Ѳеоктистову слѣдующее: 1. Самъ же Г. Ѳеоктистовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи ссылается на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» указывая «на Историческую Записку о дѣлѣ С.-Петербургскаго Университета» (1862 г., кн. 3, Отд. V, стр. 179 — 205), въ которой изображены дѣйствія Рунича, столь тѣсно связаннаго съ Магницкимъ. 2. Невѣрно, что только въ упомянутомъ имъ находятся кое-какія свѣдѣнія о личности Магницкаго, «заслуживающей, какъ онъ выражается, внимательнаго изученія и сама по себѣ, и по направленію, котораго онъ держался?» Уже а) «Московскій Телеграфъ» помѣстилъ «Рѣчь къ Императорскому Казанскому Университету, произнесенную Попечителемъ онаго, Магницкимъ, 15-го Сентября, 1825 года» (1826 г., № 6). б) Рѣчь эта была вновь напечатана въ «Чтеніяхъ,» по ея связи съ двумя другими актами, относящимися къ дѣятельности Магницкаго, именно: «Мнѣніемъ его о Наукѣ Естественнаго Права,» и «Отношеніемъ къ Митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, отъ 24-го Мая, 1824 года,» по поводу перевода Новаго Завѣта на Персидскій языкъ (см. «Чтенія» 1861 г., кн. 4, Отд. V, стр. 157 — 163). в) А «Доношеніе Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, М. Л. Магницкаго, на издателя «Библіографическихъ Листовъ» Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, и Объясненія противъ Доношенія, представленныя П. И. Кеппеномъ,» которыя тоже напечатаны во 2-й книгѣ тѣхъ же «Чтеній» нынѣшняго года (Отд. V, 142 — 170)? Не уже ли и это ничего не значитъ для опредѣленія такой замѣчательной личности? А если значитъ, почему же Г. Ѳеоктистовъ не воспользовался имъ въ своей статьѣ, даже не упомянулъ о томъ, какъ о матеріялѣ, между тѣмъ какъ тѣ нѣсколько документовъ, которые обнародованы въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 года), не пропущены? Вѣдь, и «Доношеніе съ Объясненіями» обнародованы въ одномъ и томъ же годѣ съ этѣми документами, даже въ той же самой Москвѣ. Сбираясь изучать какую либо личность, думаю, надобно изучать ее внимательно, особливо если она заслуживаетъ того «и сама по себѣ, и по направленію, котораго она держалась, направленію, явившемуся далеко не случайнымъ въ исторіи общества.» Не слѣдуетъ довольствоваться одними лишь документами, доставшимися намъ такъ,

или иначе, въ обладаніе, по перечесть и изучить также все то, что представлено до насъ и другими, особливо если это столь подручно, свѣжо, само напоминаетъ о себѣ своей недавностью. И это тѣмъ болѣе обязательно было, что, называя сообщаемыя свѣдѣнія только матеріяломъ для подробной біографіи, нельзя же пропускать и матеріялы, для того самаго сообщенные и другими. Иначе, можно ли надѣяться когда либо на полученіе подробной біографіи чьей бы то ни было? Али и тутъ уже приходъ?...

О. Бодянскій.

Октября 23-го дня,
1864 года.
Москва.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1864 года, Марта 28-го дня.

1864 года, Марта 28 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, Г. Вице-Президента, Димитрія Сергѣевича Левшина, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ѳ. Вельтмана, С. М. Соловьева, В. М. Ундольскаго, П. В. Хавскаго, Графа М. В. Толстаго, П. А. Безсонова, Г. Д. Филимонова, Соревнователя Г. Н. Геннади, и Секретаря Общества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія 14 Декабря, 1863 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 16-го Генваря, 1864 года, № 145, объ утвержденіи его, 7-го Генваря, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ званіи Вице-Президента Общества, на мѣсто выбывшаго Д. Члена, Н. В. Исакова въ С.-Петербургъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Почетнаго Члена, Н. В. Исакова, отъ 28-го Декабря, 1863 г., пол. 3-го Генваря, 1864, письмо на имя Секретаря Общества, въ коемъ проситъ, въ ближайшемъ засѣданіи Общества, выра-

вить его искреннюю признательность за оказанную ему честь избраніемъ въ Почетные Члены. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Правленія Московскаго Университета, отъ 17-го Марта, 1864 г., № 921, увѣдомленіе объ отпускѣ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе Общества въ Генварской трети 476 руб. 16 к. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Прокурора Московской Конторы Святѣйшаго Синода, отъ 24 Декабря, 1863 г., № 1453, пол. 31-го, увѣдомленіе о полученіи рукописи подъ № 856, возвращенной въ Синодальную Библіотеку изъ Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Карамзинской Общественной Библіотеки въ Симбирскѣ, отъ 2-го Генваря, № 6, пол. 20-го, 1864 г., благодарность Обществу за «Чтенія 1863» и, съ тѣмъ вмѣстѣ, просьба о продолженіи пожертвованія и въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

6. П. Чл. Филарета, Митрополита Московскаго, отъ 24-го Марта, пол. 26-го, съ препровожденіемъ трехъ рукописей изъ Библіотеки Чудова Монастыря, Четь-Миней за Февраль, Апрѣль и Октябрь, одна на 706, другая на 613 и третья на 624 листахъ, на трехмѣсячный срокъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

7. Редакціи Христіянскаго Чтенія, отъ 31-го Генваря, 1864 г. № 797, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

8. Редакціи Журнала Юстиціи, отъ 2 Марта, 1864 г., № 159, пол. 6 го, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ текущемъ году. Опредѣлено: увѣдомить о согласіи.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

9. Іеромонаха Троицко-Сергіевой Лавры Арсенія, пол. 4-го Генваря, 1864 г.: «Роспись вещамъ, посланнымъ изъ ризницы Троицкаго Сергіева монастыря въ Москву, въ Грановитую Палату, въ 1654 году.»

10. Д. Чл. П. И. Иванова, 17-го Февраля: «Слѣдственное дѣло о Князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ во время бытности его Воеводою во Псковѣ». Опредѣлено: означенныя въ §§ 9 и 10 статьи передать для разсмотрѣнія Гг. Членамъ, первую О. М. Бодянскому, вторую С. М. Соловьеву.

б. Статьями:

11. Кандидата Московскаго Университета, Геннадія Карпова, пол. Декабря 15, статья: «Очерки изъ исторіи Россійской Церковной Іерархіи: Св. Петръ, Св. Алексій Митрополиты, Церковная смута и Св. Іона Митрополитъ». Опредѣлено: передать Д. Чл. О. М. Бодянскому для разсмотрѣнія.

в. Книгами:

12. Казанскаго Университета, пол. 29-го Декабря: «Ученыя записки 1861 г., № IV, и 1862 № II.

13. Профессора Рязанской Семинаріи, Н. Ѳ. Глѣбова, 1-го Генваря, 1864 г., его сочиненіе: «Психологія. Рязань, 1863».

14. П. Чл. Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, пол. 7-го Генваря: «Монастырскія письма. М. 1863 г.»

15. Соревнователя Саввы, Епископа Можайскаго, Викарія Московскаго, 9-го Февраля: «Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей Ризницы, изд. 4, съ приложеніемъ XV таблицъ фотолитографированныхъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ. М. 1863».

16. Старшаго Учителя Нѣжинской Гимназіи, Ам. Добротворскаго, отъ 8-го Февраля, пол. 20-го, особый оттискъ изъ Вѣстника Югозападной Россіи 1863 года: «Загоровскій монастырь, его библіотека и сохранившійся въ ней Западно-Русскій литературный памятникъ XVII столѣтія».

17. Помощника Директора Императорской Публичной Библіотеки, Князя Юсупова, отъ 12 Февраля, пол. 22-го, 1864 г., экземпляръ изданнаго на его иждивеніи «Систематическаго Каталога книгъ на Русскомъ языкѣ Императорской Публичной Библіотеки, по части Правовѣдѣнія, Политическихъ и Статистическихъ наукъ. С.-Петербургъ, 1863 г.»

18. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 8-го Февраля, № 29, пол. 22-го: «Отчетъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, съ 14 Ноября 1862 по 14 Ноября 1863 года. Одесса 1863.»

19. Совѣта Лицея Князя Безбородка, отъ 10-го Февраля, № 42, пол. 26-го: «Годичный, торжественный актъ въ Лицеѣ Князя Безбородка и Нѣжинской Гимназіи 4-го Сентября, 1863 г. Кіевъ, 1863 г.»

20. Н. В. Сушкова, 7-го Марта: 1. «Воспоминанія о П. А. Тучковѣ, Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ. Соч. Н. В. Сушкова. М. 1864; 2. Слово при погребеніи П. А. Тучкова, произнесенное Свящ. А. Ключаревымъ. М. 1864». Оба особые оттиски изъ ежемѣсячнаго изданія «Душеполезнаго Чтенія» за Генварь.

21. Эстонскаго Ученаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 28 Февраля, пол. 10 Марта, 1864 г.: 1. Schriften, № 1, 1863 г., и 2. Sitzungsberichte, 1863. Dorpat».

22. Профессора Московскаго Университета, Н. С. Тихонравова, 24 Марта, 1864 г.: «Лѣтописи Русской Литературы и Древности. Томъ V. М. 1863 г.»

23. Профессора Московскаго Университета, К. П. Побѣдоносцева, 28 Марта: «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника по Россіи отъ Петербурга до Крыма. М. 1864 г.»

24. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 28 Марта, 1864 г.: «Генеалогическія изслѣдованія о родѣ Романовыхъ. М. 1863 г.»

25. Д. Ч. Н. Г. Устрялова, отъ 19-го Марта, пол. 27-го: IV томъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», въ 2-хъ частяхъ, съ планами, картами и снимками. Спб. 1863».

Опредѣлено: всѣ означенныя въ §§ 12—25 включительно книги и брошюры сдать въ Библіотеку Общества, а жертвователей благодарить. При семъ Г. Д. Чл. Н. Г. Устрялову повторить еще, что первыхъ трехъ томовъ его сочиненія Общество отъ него никогда не получало, хотя онъ и извѣщаетъ о томъ, что они были имъ посланы въ оное.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную первую книгу «Чтеній» 1864 года, состоящую изъ $43^3/_8$ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее.

I. Изслѣдованія: Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ. Д. Чл. А. Ѳ. Вельтмана.

II. Матеріялы Отечественные: О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Очевидца.

III. Матеріялы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Обрядныя пѣсни: Колядки, Ладканя, Крестины и Щедровки.

IV. Матеріялы Иностранные: Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи, соч. Ф. Аделунга, пер. съ Нѣмецкаго Д. Чл. А. С. Клеванова. Дополненія.

V. Смѣсь 1. Показаніе Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, и мнѣніе о томъ Тайной Канцеляріи. 2. Дѣло объ Егорѣ Столѣтовѣ, Гофмейстерѣ Андріянѣ Елагинѣ, Поручикѣ Князѣ Михайлѣ Бѣлосельскомъ, Мундшенкѣ Сергѣѣ Несторовѣ и женѣ его, Маріѣ, 1736 г. Сообщ. С. Н. Шубинскій. 3. Записка о Керчи. 4. Мнѣніе о правахъ и преимуществахъ Сената. Графа П. В. Завадовскаго. 5. Примѣчаніе о правахъ и преимуществахъ Сената. Графа А. Р. Воронцова. Сообщ. Д. Чл. А. Н. Аѳанасьевъ. 6. Паденіе Польши. М. А. Волкова. 7. Рѣчь къ Императору Наполеону отъ Депутатовъ Могилевской Губерніи, произнесенная въ 1812 году въ Смоленскѣ, на Французскомъ языкѣ, Обознымъ Литовскимъ Прозоромъ, обывателемъ Виленской Губерніи. 8. Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ и всеподданнѣйшій Отчетъ его по управленію ввѣренными ему Виленской и Гродненской Губерніями и Областію Бѣлостоцкою. Н. В. Сушкова. 9. Рѣчь Кн. Н. А. Долгорукова къ Дворянству Жмудскому. 10. Объявленіе отъ Кн. Н. А. Долгорукова по ввѣреннымъ ему Губерніямъ и Области. 11. Проектъ плана образованія однодворческихъ и гражданскихъ Обществъ. 12. Проектъ положенія рекрутской повинности Западныхъ Губерній однодворцевъ и гражданъ. Сообщ. Н. В. Сушковъ. 13. Рѣчь Государя Императора Николая I къ Варшавскимъ Депутатамъ 4-го Октября, 1835 г. 14. Письмо Московскаго Митрополита Платона къ Викарію своему, Преосвященному Августину, о Лобномъ мѣстѣ. Сообщ. Д. Чл. И. М. Снегиревъ. 15. Замѣчательный надгробный камень. Д. Чл. Графа М. В. Толстаго. 16. Каталогъ

рукописямъ и старинным книгамъ церковной и гражданской печати Ржевскаго Почетнаго Гражданина Е. В. Берсенева. 17. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Октября 26, 1863 г.

Опредѣлено: 1 книжку «Чтеній» 1864 года раздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Очерки изъ исторіи Россійской Церковной Іерархіи. Св. Петръ Митрополитъ. — Нѣсколько словъ о Галицкой Митрополіи въ XIV столѣтіи. — О Переяславскомъ Соборѣ въ 1313 г. Ген. Карпова . . 1 — 102

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки Алексѣя Петровича Ермолова. Съ приложеніями. Изданіе Н. П. Ермолова. Часть I. 1801—1812 г. . . . . 1 — 113

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университѣ, Я. Ѳ.

Стран.

Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Гаилки или весеннія хороводныя пѣсни, Шумки и Чабарашки, Царинныя, Коломійки . . . . . 177 — 320

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Козма Индикоплов, Абу-Сеидъ, Саламъ Толмачъ, Ахмедъ бенъ-Фоцланъ, Мухаммедъ ибнъ-Батута, Николай Асцелинъ, Джіованни де Плано Карпини, Вильгельмъ Руисбрекъ, Джіованни ди Монте Корвино, Одерико ди Порденоне и Джонъ Мандевилль. Изъ «Länder und Völkerkunde in Biographien von Dr. Ph. Hedw. Külb», перев. Соревнователь Общ. А. Н. Шемякинъ . 79 — 210

V

СМѢСЬ.

Слово на обрѣтеніе мощей Кирилла, Игумена Новоезерскаго. Сообщ. Д. Чл. Ил. Вас. Бѣляевъ. . 1 — 11

Взятіе Азова Донцами въ царствованіе Михайла Ѳедоровича . . . . . 12 — 17

Роспись вещамъ, посланнымъ изъ ризницы Троицкаго Сергіева монастыря въ Москву, въ Грановитую палату, въ 1654 году. Сообщ. Іеромонахъ Арсеній. 18 — 28

Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Сибири. Протоіерея А. Сулоцкаго . . . . . 29 — 51

Его же. Встрѣча въ Тобольскѣ въ старину вновь прибывшихъ Преосвященныхъ. . . . . 52 — 61

Матеріялы для исторіи сѣверовосточной Сибири въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. С. Шашковъ. . . . . 62 — 93

Стран.

О выплавкѣ на Нерчинскихъ заводахъ серебра съ 1704 по 1768 годъ . . . . . 94 — 100

Краткая вѣдомость о всѣхъ, дѣланныхъ на монетныхъ дворахъ, Россійскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ . . . . . 101 — 104

Опредѣленіе Казанскаго Дворянства о собраніи коннаго корпуса войскъ изъ своихъ людей противъ Пугачова . . . . . 105 — 107

Привѣтствіе Симбирскаго Дворянства Графу П. И. Панину 108

Наставленіе лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Господину Капитану Александру Лунину Генералъ-Маіора Потемкина. Сообщ. Соревн. М. П. Полуденскій. 109

Разныя замѣчанія по службѣ армейской, отъ чего она въ упадокъ приведена и нелестно хорошимъ офицерамъ продолжать оную, и о Полковникахъ. Генералъ-Поручика С. М. Рясевскаго. . . . . 110 — 117

Нѣкоторыя замѣчанія по воинской службѣ, писанныя Генералъ-Лейтенантомъ и Шефомъ Сибирскаго гренадерскаго полка, И. П. Ляпуновымъ . . . 118 — 127

Мнѣніе Сенатора, Графа С. О. Потоцкаго, о докладѣ Военной Коллегіи, Высочайше конфирмованномъ 5-го Декабря, 1802 г. . . . . 128 — 131

Предложеніе Министра Юстиціи, Державина, Правительствующему Сенату, 6-го Февраля, 1803 года. Сообщ. Д. Чл. А. Н. Аѳанасьевъ . . . . . 132 — 137

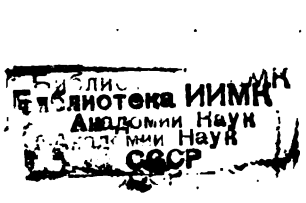
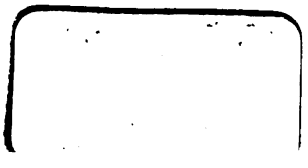
Рапортъ и письма къ Д. Т. С., Сенатору и Главному Директору Павловской больницы, А. М. Лунину, той же больницы Смотрителя, К. С. Павла Носкова, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ. Сообщ. Соревнователь М. П. Полуденскій. 138 — 153

Мнѣніе Адмирала Мордвинова о Коллегіяльномъ и Министерскомъ управленіи въ Россіи, отправлен-

Стран.

ное, при письмѣ къ Государю Императору, 1827 года, Іюня 1-го дня . . . . . 154 — 160

Современный голосъ Русскаго . . . . . 161 — 165

Объясненіе. О. М. Бодянскаго. . . . . 166 — 170

Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 Марта, 1864 года. . . . . 171 — 176